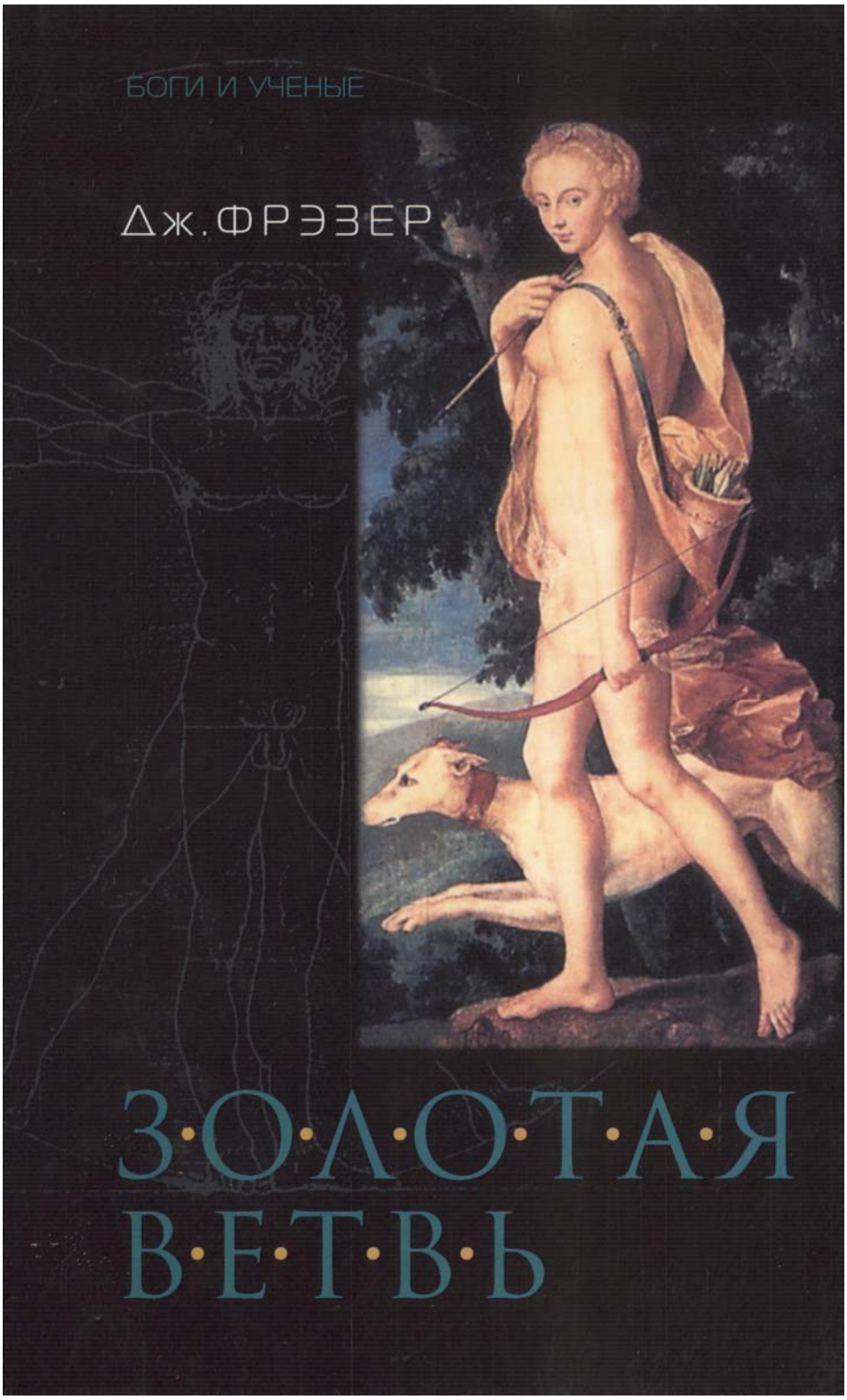
Сканирование и форматирование: Янко Слава (Библиотека Fort/Da) || slavaaa@yandex.ru || yanko_slava@yahoo.com || http://yanko.lib.ru || Icq# 75088656 || Библиотека: http://yanko.lib.ru/gum.html ||
update 18.10.05

Джеймс Джордж Фрэзер
ЗОЛОТАЯ ВЕТВЬ. 1 том



Электронное оглавление

Электронное оглавление 2
ЗОЛОТАЯ ВЕТВЬ I. Главы I-XXXIX. БОГИ И УЧЕНЫЕ 4
СОДЕРЖАНИЕ 5
ОТ РЕДАКЦИИ 6
ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРА К СОКРАЩЕННОМУ ИЗДАНИЮ «ЗОЛОТОЙ ВЕТВИ» 7
Глава I. ДИАНА И ВИРБИЙ 8
Артемида и Ипполит. 11
Резюме. 12
Глава II. ЦАРИ-ЖРЕЦЫ 14
Глава III. СИМПАТИЧЕСКАЯ МАГИЯ 16
Принципы магии. 16
Гомеопатическая, или имитативная, магия. 17
Контагиозная магия. 33
Этапы становления мага. 38
Глава IV. МАГИЯ И РЕЛИГИЯ 41
Глава V. МАГИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ НАД ПОГОДОЙ 49
Колдун на службе общества. 49
Управление дождем с помощью магии. 50
Магическое управление солнцем. 60
Управление ветром с помощью магии 61
Глава VI. КОЛДУНЫ-ПРАВИТЕЛИ 64
Глава VII. ВОПЛОЩЕННЫЕ БОГИ В ОБРАЗЕ ЛЮДЕЙ 70
Глава VIII. ЦАРИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИРОДНЫХ СТИХИЙ 81
Глава IX. ПОКЛОНЕНИЕ ДЕРЕВЬЯМ 83
Духи деревьев. 83
Благодетельные способности духов деревьев. 88
Глава X. ПЕРЕЖИТКИ КУЛЬТА ДЕРЕВЬЕВ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ 91
Глава XI. ОТНОШЕНИЕ ПОЛОВ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАСТИТЕЛЬНОСТЬ 101
Глава XII. СВЯЩЕННЫЙ БРАК 105
Диана — богиня плодородия. 105
Глава XIII. ЦАРИ РИМА И АЛЬБЫ 110
Нума и Эгерия. 110
Царь как олицетворение Юпитера. 111
Глава XIV. ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЕ В ДРЕВНЕМ ЛАЦИУМЕ 114
Глава XV. ПОКЛОНЕНИЕ ДУБУ 119
Глава XVI. ДИАНУС И ДИАНА 122
Глава XVII. БРЕМЯ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ 127
Табу, относящиеся к царям и жрецам 127
Разделение духовной и светской власти. 132
Глава XVIII. ОПАСНОСТИ, УГРОЖАЮЩИЕ ДУШЕ 135
Душа как маленький человек. 135
Глава XIX. ЗАПРЕТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ 145
Табу на общение с иноплеменниками. 145
Табу на пищу и питье. 147
Табу на обнажение лица. 148
Табу на выход из жилища. 148
Табу на остатки пищи. 149
Глава XX. ТАБУ НА ЛЮДЕЙ 151
Табу, распространяющееся на вождей и правителей. 151
Табу, налагаемые на воинов. 156
Табу на убийц. 157
Табу, налагаемые на охотников и рыболовов. 160
Глава XXI. ТАБУ НА ПРЕДМЕТЫ 165
Смысл табу. 165
Табу на железо. 165
Табу на острое оружие. 167
Табу на кровь 167
Табу на голову. 169
Табу на волосы. 170
Ритуалы, соблюдаемые при стрижке волос. 171
Удаление остриженных волос и ногтей. 171
Табу на плевки. 174
Табу на пищу. 174
Табу на узлы и кольца. 175
Глава XXII. ЗАПРЕТНЫЕ СЛОВА 179
Табу на имена собственные. 179
Табу на имена родственников. 182

Табу на имена покойников. 183
Табу на имена правителей и других священных особ. 186
Табу на имена богов. 188
Глава XXIII. НАШ ДОЛГ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПЕРВОБЫТНОМУ ЧЕЛОВЕКУ 191
Глава XXIV. ПРЕДАНИЕ СМЕРТИ БОЖЕСТВЕННОГО ВЛАСТИТЕЛЯ 193
Смертные боги. 193
Умерщвление правителей по причине их одряхления. 193
Правители, предаваемые смерти по истечении установленного срока. 199
Глава XXV. ВРЕМЕННЫЕ ЦАРИ 205
Глава XXVI. ПРИНЕСЕНИЕ В ЖЕРТВУ СЫНА ПРАВИТЕЛЯ 209
Глава XXVII. НАСЛЕДОВАНИЕ ДУШИ 212
Глава XXVIII. УМЕРЩВЛЕНИЕ ДУХА ДЕРЕВА 214
Маски Троицы. 214
Погребение Масленицы. 217
Изгнание Смерти. 221
Внесение Лета. 223
Борьба между Летом и Зимой. 226
Смерть и воскресение Кострубонько. 227
Смерть и возрождение растительности. 228
Аналогичные индийские ритуалы. 229
Магическая весна. 229
Глава XXIX. МИФ ОБ АДОНИСЕ 232
Глава XXX. АДОНИС В СИРИИ 235
Глава XXXI. АДОНИС НА ОСТРОВЕ КИПР 237
Глава XXXII. РИТУАЛ АДОНИСА 241
Глава XXXIII. «САДЫ АДОНИСА» 245
Глава XXXIV. МИФ ОБ АТТИСЕ И ЕГО РИТУАЛ 249
Глава XXXV. АТТИС - БОГ РАСТИТЕЛЬНОСТИ 253
Глава XXXVI. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ВОПЛОЩЕНИЯ АТТИСА 254
Глава XXXVII. ВОСТОЧНЫЕ РЕЛИГИИ НА ЗАПАДЕ 256
Глава XXXVIII. МИФ ОБ ОСИРИСЕ 260
Глава XXXIX. ОБРЯДОВЫЙ ЦИКЛ, СВЯЗАННЫЙ С ОСИРИСОМ 264
Народные обряды. 264
Государственные обряды. 267
КРАТКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА 270
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 281
СОДЕРЖАНИЕ 285

ЗОЛОТАЯ ВЕТВЬ I. Главы I-XXXIX. БОГИ И УЧЕНЫЕ

Исследование магии и религии

УДК 2 ББК 86. 31 Ф93
FRAZER G. G.
The golden Bough London - 1923
Разработка оформления серии художника *И. Марева*
Перевод с английского *М. Рыклина*
Фрэзер Дж. Дж.
Ф93 Золотая ветвь: Исследование магии и религии: В 2 т. Т. 1: Гл. I-XXX1X / Пер. с англ. М. Рыклина. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2001. — 528 с. — (Боги и ученые).
ISBN 5-275-00248-3 (т. 1) ISBN 5-275-00247-5

Джеймс Джордж Фрэзер (1854-1941) навсегда останется в истории культуры как автор ряда трудов по этнографии и антропологии и прежде всего как создатель «Золотой ветви». Человек широчайшей эрудиции, в этом труде он собрал и систематизировал огромный материал по первобытным верованиям, древним и современным религиям, народным обычаям, существующим в различных уголках земного шара.

В первый том вошли главы I—XXXIX.

УДК 2 ББК 86. 31
ISBN 5-275-00248-3 (т. 1) ISBN 5-275-00247-5
© М. Рыклин, перевод, 2001 © ТЕРРА-Книжный клуб, 2001

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции..... 3
Из предисловия автора к сокращенному изданию «Золотой ветви».. 7
Глава I. Диана и Вирбий..... 7
Глава II. Цари и жрецы..... 18
Глава III. Симпатическая магия..... 20
Глава IV. Магия и религия 69
Глава V. Магический контроль над погодой..... 85
Глава VI. Колдуны-правители..... 115
Глава VII. Воплощенные боги в образе людей 126
Глава VIII. Цари отдельных природных стихий..... 147
Глава IX. Поклонение деревьям 151
Глава X. Пережитки культа деревьев в современной Европе..... 166
Глава XI. Отношение полов и его влияние на растительность..... 186
Глава XII. Священный брак..... 192
Глава XIII. Цари Рима и Альбы..... 201
Глава XIV. Престолонаследние в древнем Лациуме..... 208
Глава XV. Поклонение дубу..... 217
Глава XVI. Дианус и Диана..... 221
Глава XVII. Бремя верховной власти.....229
Глава XVIII. Опасности, угрожающие душе..... 243
Глава XIX. Запретные действия 263
Глава XX. Табу на людей..... 274
Глава XXI. Табу на предметы..... 302
Глава XXII. Запретные слова..... 329
Глава XXIII. Наш долг по отношению к первобытному человеку... 352
Глава XXIV. Предание смерти божественного властителя.....355
Глава XXV. Временные цари..... 379
Глава XXVI. Принесение в жертву сына правителя..... 386
Глава XXVII. Наследование души..... 391
Глава XXVIII. Умерщвление духа дерева..... 394
Глава XXIX. Миф об Адонисе..... 431
Глава XXX. Адонис в Сирии..... 436
Глава XXXI. Адонис на острове Кипр 439
Глава XXXII. Ритуал Адониса..... 446
Глава XXXIII. «Сады Адониса»..... 453
Глава XXXIV. Миф об Аттисе и его ритуал 461
Глава XXXV. Аттис — бог растительности..... 467
Глава XXXVI. Человеческие воплощения Аттиса..... 469
Глава XXXVII. Восточные религии на Западе.....472
Глава XXXVIII. Миф об Осирисе..... 480
Глава XXXIX. Обрядовый цикл, связанный с Осирисом 488
Краткая географическая справка.....501
Предметный указатель 520

ОТ РЕДАКЦИИ

Удивительны все же бывают случайности в истории мировой культуры. Порой благодаря случайностям возникают или круто меняются большие направления, определяющие понимание потомками сущности и значения древних цивилизаций. Так, останься анголийский филолог-античник Джеймс Фрезер верен своей первой любви — древнеримской литературе, а он был большим знатоком и переводчиком Павсания, Саллюстия и Овидия, возможно, мы бы до сих пор не знали и не понимали смысла древнейших и общеизвестных мифов. Когда в начале 1870-х годов Фрезер прочитал случайно попавшуюся ему книгу английского этнографа Эдварда Тейлора «Первобытная культура», он заинтересовался изложенными в ней соображениями относительно истории формирования древнейших мифологических верований. Результатом самостоятельных штудий Фрезера в этой новой для него области стала книга «Тотемизм» (1887), где он чуть ли не впервые описал эту своеобычную форму первобытной религии. А в 1890 г. в свет вышла двухтомная «Золотая ветвь», которой было суждено стать едва ли не главным культуроведческим трудом рубежа XIX—XX вв. Книга сразу вызвала интерес в научных кругах, а когда Фрезер в 1923 г. выпустил популярное издание своего труда, им немедленно заинтересовалась мировая интеллектуальная аудитория. Вскоре появилось французское издание «Золотой ветви», с которого был сделан и первый русский перевод (1928).

В конспективном виде основная идея Фрезера сводится к следующему. Первобытный человек верил (или ощущал) свою способность магическим образом воздействовать на окружающий мир и подчинять стихии своей воле. Остатки этих верова-

3

ний, между прочим, дошли до наших времен в практике, например, сибирских шаманов, задабривающих бога дождя, или... городских гадалок, обещающих по фотографии вернуть безутешным женам неверных мужей. На гораздо более поздней стадии социального и культурного развития человек, разуверившись в собственных магических способностях, решил, что явления природы и вообще весь окружающий мир подчиняется прихотливой воле богов и духов. И к ним следует обращаться с молитвами. Так фазу магии сменила фаза религии. Наконец, на третьем этапе развития цивилизации, полагает Фрезер, наступает фаза науки: человек понимает, что окружающим миром управляют не духи и божества, а законы природы, познав которые можно стать властелином Земли и Космоса. В сухом остатке теория Фрезера, пожалуй, слишком скучна своей строгой рациональностью. Самое ценное и интересное в труде английского ученого — это увлекательный рассказ о ярких мифах и ритуалах, созданных богатым художественным воображением первобытных людей и передававшихся затем из поколения в поколение на протяжении тысяч лет. И именно эти увлекательные «сказки таинственных стран» (выражение поэта Гумилева) неизменно вызывали острый интерес нескольких поколений благодарных читателей «Золотой ветви» Фрезера. Откроем и мы эту удивительную кладовую древней мудрости человечества.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРА К СОКРАЩЕННОМУ ИЗДАНИЮ «ЗОЛОТОЙ ВЕТВИ»

Основной целью настоящей книги является объяснение любопытного правила, которое определяло порядок наследования должности жреца Дианы в Ариции, Впервые приступив к изучению этой проблемы более тридцати лет тому назад, я полагал, что решение может быть найдено очень быстро. Однако вскоре обнаружилось, что для того, чтобы найти правдоподобное (и даже просто понятное) решение, необходимо обсудить ряд более общих вопросов, часть которых ранее практически не поднималась. В последующих изданиях обсуждение этих и близких к ним вопросов занимало все больше места, исследование разрасталось во многих направлениях до тех пор, пока два первоначальных тома не превратились в двенадцать. За это время читатели часто высказывали пожелание переиздать «Золотую ветвь» в более сжатой форме. Выход в свет данного, сокращенного издания продиктован стремлением удовлетворить это пожелание и сделать книгу доступной более широкому кругу читателей. Хотя объем книги был значительно сокращен, я постарался сохранить в неприкосновенности основные ее идеи и привести для их иллюстрации достаточное количество примеров. Несмотря на сжатость изложения, большей частью был сохранен и язык полного издания. Чтобы вместить возможно больший объем текста, я пожертвовал примечаниями и точными ссылками на источники. Поэтому для проверки источника того или иного высказывания читатели должны обращаться к полному изданию, снабженному подробной библиографией.

В сокращенном издании я не вводил новый материал и не изменял взглядов, высказанных в последнем, полном изда-

5

нии. В целом данные, с которыми мне удалось познакомиться за это время, либо подтверждали мои выводы, либо по-новому иллюстрировали старые положения...

Является ли моя теория верной или от нее следует отказаться, покажет будущее. Я всегда готов отказаться от нее в пользу лучшей теории. Предоставляя новый вариант книги на суд публики, мне хотелось бы предостеречь против неверного понимания ее задачи, которое продолжает иметь место, несмотря на то что в прошлом я уже выступал против него. Если я в данной работе подробно останавливаюсь на культе деревьев, то это происходит не потому, что я преувеличиваю его значение в истории религии, и еще менее потому, что я вывожу из него всю мифологию. Просто, стремясь объяснить смысл должности жреца, носившего титул Царя Леса, я не мог обойти молчанием этот культ. Ведь в обязанности этого жреца входило срывать Золотую ветвь — ветвь с *дерева в священной роще. Но я далек от того, чтобы приписывать поклонению деревьям первостепенное значение в развитии религиозного сознания, и, в частности, считаю его подчиненным страху перед покойниками, который представляется мне самым мощным фактором в формировании первобытной религии. Надеюсь, что теперь меня не будут обвинять в том, что я являюсь сторонником мифологии, которую я считаю не просто ложной, но нелепой и абсурдной. Однако я слишком близко знаком с гидрой заблуждения, чтобы, отрубая одну из ее голов, рассчитывать на то, что смогу предотвратить рост другой (или даже той же самой) головы. Тем не менее, я верю в искренность и ум своих читателей: пусть же они исправят это серьезное заблуждение.*

Джеймс Джордж Фрэзер

Лондон, июнь 1922

Глава I. ДИАНА И ВИРБИЙ

Кто не видел картину Тернера «Золотая ветвь»? Пейзаж, залитый золотистым свечением грёзы, в которую погрузился божественный дух Тернера, преобразивший прекраснейший из природных ландшафтов, увиденное в порыве вдохновения небольшое лесное озеро Неми, «зеркало Дианы», как называли его древние. Незабываема спокойная водная гладь, окаймленная зеленой цепью Альбанских гор. Уединенность местности не нарушается двумя типично итальянскими деревеньками, погруженными в дрему на берегу озера, и дворцом — также в итальянском стиле — с садами, которые резкими уступами спускаются к озеру. Кажется, будто Диана не захотела оставить этот одинокий берег и продолжает обитать в лесной чаще!

В древности на фоне этого лесного пейзажа неоднократно разыгрывалось одно и то же странное и трагическое событие. На северном берегу озера, прямо под отвесными утесами, к которым притулилась деревушка Неми, находились священная роща и святилище Немийской, или Лесной, Дианы. Озеро и роща были известны тогда под названием Арицийских. Но город Ариция (теперь он называется Ла-Ричча) был расположен почти в пяти километрах отсюда, у подножия Альбанской горы, и отделен крутым спуском от озера, находящегося в небольшой воронкообразной впадине на склоне горы. В священной роще росло дерево, и вокруг него весь день до глубокой ночи крадущейся походкой ходила мрачная фигура человека. Он держал в руке обнаженный меч и внимательно оглядывался вокруг, как будто в любой момент ожидал нападения врага. Это был убийца-жрец, а тот, кого он дожидался, должен был рано или поздно тоже убить его и занять его место. Таков был закон святилища. Претендент на место жреца мог

7

добиться его только одним способом — убив своего предшественника, и удерживал он эту должность до тех пор, пока его не убивал более сильный и ловкий конкурент.

Должность эта, обладание которой было столь зыбким, приносила с собой царский титул. Но ни одна коронованная особа не была мучима более мрачными мыслями, чем Немийский жрец. Из года в год зимой и летом, в хорошую и плохую погоду, нес он свою одинокую вахту и только с риском для жизни урывками погружался в беспокойную дрему. Малейшее ослабление бдительности, проявление телесной немощи и утрата искусства владеть мечом ставили его жизнь под угрозу; седина означала для него смертный приговор. От одного его вида прелестный пейзаж мерк в глазах кротких и набожных паломников. С суровой и зловещей фигурой Немийского жреца плохо сочетались мечтательная голубизна итальянского неба, игра светотени в летних лесах и блеск волн на солнце.

Давайте лучше вообразим себе немийский пейзаж, каким он мог предстать перед запоздалым путником в одну из тех бурных осенних ночей, когда густым дождем падают увядшие листья и ветер поет погребальную песнь уходящему году. Какая мрачная картина, положенная на меланхолическую музыку! На заднем плане темнеет растерзанный лес на фоне низкого, затянутого тучами неба, вздохи ветра в ветвях, шелест увядших листьев под ногами да плеск холодной воды о берег. А на переднем плане в сумерках темная фигура человека, ходящего взад и вперед; и когда, выплыв из бегущего облака, бледная луна всматривается в него сквозь сплетенные ветви, на плече его ярко вспыхивает сталь.

Закон наследования титула жреца в Неми не имеет параллелей в классической древности. Для того чтобы найти ему объяснение, следует заглянуть дальше в глубь веков. Никто, видимо, не станет отрицать, что подобный обычай отдает варварской эпохой и, подобно первобытному утесу на гладко подстриженной лужайке, в совершенном одиночестве возвышается посреди изысканного италийского общества времен Империи. Но именно грубый, варварский характер этого обычая вселяет в нас надежду на его объяснение. Исследования в области древнейшей истории человечества обнаружили, что при множестве поверхностных различий первые грубые философские системы, выработанные человеческим разумом, сход-

8

ны в своих существенных чертах. Следовательно, если мы сможем доказать, что такой варварский обычай, как наследование титула жреца в Неми, существовал в других обществах, если нам удастся раскрыть причины существования подобного института и доказать, что одни и те же причины действовали в большинстве (если не во всех) человеческих обществ, при различных обстоятельствах пробуждая к жизни множество различающихся в деталях, но в целом сходных институтов, наконец, если нам удастся продемонстрировать, что те же самые причины, вместе с производными от них институтами, на самом деле действовали и в классической древности, —

тогда мы сможем по праву заключить, что в более отдаленную эпоху те же причины породили правила преемственности жречества в Неми. За недостатком прямых сведений о том, как этот институт возник, наши заключения никогда не достигнут статуса доказательства, но они будут более или менее вероятными в зависимости от полноты, с какой удастся выполнить указанные условия. Предложить достаточно вероятное объяснение института жрецов в Неми, удовлетворяющее этим условиям, — вот цель данной книги.

Начнем с изложения тех немногих фактов и преданий по этому поводу, которые до нас дошли. Согласно одному из таких преданий, культ Дианы Немийской был учрежден Орестом, который, убив Фаоса, царя Херсонеса Таврического, бежал с сестрой в Италию; в связке веток он привез с собой изображение Дианы Таврической[1]. После смерти его останки были перевезены из Арции в Рим и захоронены на склоне Капитолийского холма перед храмом Сатурна (рядом с храмом Согласия). Знатокам древности знаком кровавый ритуал, который предание связывает с Дианой Таврической. Оно гласит: каждый чужестранец, который высаживается на берег, приносится в жертву на ее алтаре. Впрочем, будучи перенесен на италийскую почву, этот ритуал вылился в более мягкую форму. В немийском святилище произрастало некое дерево, и с него не могла быть сорвана ни единая ветвь. Лишь беглому рабу, если ему это удастся, позволялось сломать одну из ветвей. В случае удачи ему предоставлялось право сразиться в

[1] В Тавриде был греческий храм Артемиды. Но римляне отождествляли греческую Артемиду с италийской Дианой, и эта замена имен нередко встречается в новой европейской литературе.

9

единоборстве со жрецом и при условии победы занять его место и унаследовать титул Царя Леса *(Rex Nemorensis).*

По общему мнению древних, этой роковой веткой была та самая Золотая ветвь, которую Эней но наущению Сибиллы сорвал перед тем, как предпринять опасное путешествие в страну мертвых. Бегство раба символизировало, по преданию, бегство Ореста, а его поединок со жрецом был отголоском человеческих жертвоприношений, когда-то приносившихся Диане Таврической. Закон наследования по праву меча соблюдался вплоть до имперских времен. Среди прочих выходок Калигулы[1] была такая: решив, что жрец Неми оставался на своем посту слишком долго, он нанял для его убийства дюжего головореза. Кроме того, греческий путешественник, посетивший Италию в эпоху Антонинов (I —II вв.), писал, что наследование титула жреца по-прежнему добывается победой в поединке.

Основные черты культа Дианы в Неми еще подлежат выявлению. Из обнаруженных там остатков жертвоприношений явствует, что древние считали ее, во-первых, охотницей, во-вторых, благословляющей людей потомством, в-третьих, дарующей женщинам легкие роды. Огонь, по-видимому, играл в ее культе особо важную роль. Во время ежегодного праздника, посвященного Диане и приходившегося на самое жаркое время года (13 августа), ее роща озарялась светом многочисленных факелов, ярко-красный отблеск которых ложился на поверхности озера. В этот день по всей Италии у каждого домашнего очага свершались священные обряды. Сама богиня изображена на найденных в пределах святилища бронзовых статуэтках держащей факел в поднятой правой руке. Выполняя данные обеты, женщины, молитвы которых были услышаны Дианой, приходили в святилище украшенные венками, с зажженными факелами. Неизвестный римлянин зажег неугасимую лампаду в небольшой гробнице в Неми во здравие императора Клавдия и его семьи. Найденные в роще светильники из обожженной глины, возможно, служили той же цели в отношении простых смертных. Если это так, то аналогия между этим обычаем и обычаем католиков ставить освященные свечи в церквах очевидна. Кроме того, титул Весты, носимый Дианой Немийской, явно свидетельствует о том, что в ее свя-

[1] Калигула Гай Юлий Цезарь (12-41) — римский император (с 37).

10

тилище постоянно поддерживался священный огонь. Большой, круглой формы фундамент в северо-восточном приделе храма, приподнятый на три ступени и сохранивший следы мозаики, служил, вероятно, основанием круглого храма Дианы-Весты, аналогичного храму Весты на Форуме. По всей вероятности, священный огонь поддерживался здесь девственными весталками; на месте Немийского храма была найдена статуя весталки из обожженной глины. Кроме того, обычай поклонения неугасимому огню, поддерживаемому девами-весталками, был распространен в Лации с древнейших времен. Во время ежегодного празднества в честь богини увенчивали венками охотничьих собак и не трогали диких зверей. Молодые люди совершали в ее честь очистительные обряды. Приносилось вино и устраивалось пиршество из мяса козлят, горячих

лепешек, подаваемых на листьях, и яблок, сорванных вместе с ветками.

Но в роще близ Неми Диана царила не одна. Ее святилище разделяли с ней два божества более низкого ранга. Одним из них была Эгерия, нимфа светлой речки, которая, разбиваясь в брызги о базальтовые скалы, ниспадала изящным каскадом в озеро неподалеку от местечка Ле-Моле (названного так потому, что там теперь находятся мельницы деревни Неми). Журчание бегущего по гальке потока упоминается Овидием, который, по его собственному признанию, часто пил из него воду. Беременные женщины приносили жертвы Эгерии, потому что, подобно Диане, она считалась способной даровать легкие роды. Бытовало предание, что эта нимфа была женой или возлюбленной мудрого царя Нумы и что плодом его общения с этой богиней были данные им римлянам законы. Плутарх сравнивает это предание с другими рассказами о любви богинь к смертным, такими, как любовь Кибелы и Луны к прекрасным юношам Аттису и Эндимиону.

По другим источникам, местом свиданий влюбленных были не Немийские леса, а роща неподалеку от грота у Капенских ворот близ Рима, где из темной пещеры бил еще один святой источник, посвященный Эгерии. Ежедневно римские весталки брали из этого источника воду для мытья храма Весты, перенося ее на голове в глиняном кувшине. Во времена Ювенала грот был выложен мрамором, и это освященное место осквернялось группами бедных иудеев, которые, как цыгане, вынуждены были располагаться на ночлег в роще. Можно пред-

11

положить, что поток, впадающий в озеро Неми, — это и была первоначально сама Эгерия и что, когда первые поселенцы пришли с Альбанских холмов на берега Тибра, они принесли с собой культ этой нимфы и нашли для нее новое жилище в роще за воротами Рима. Остатки купален, обнаруженные на земле святилища, и множество слепков различных частей человеческого тела, сделанных из обожженной глины, наводят на мысль о том, что вода источника Эгерии использовалась для лечения больных. В соответствии с обычаем, который до сих пор соблюдался во многих частях Европы, больные в знак надежды на исцеление или благодарности посвящали богине слепки больных частей тела. Уверяют, что источник поныне сохранил свои лечебные свойства.

Другим немийским божеством более низкого ранга был Вирбий. Предание гласит, что Вирбием был не кто иной, как юный греческий герой Ипполит, целомудренный и прекрасный. Он научился охотничьему искусству от кентавра Хирона и проводил целые дни, охотясь на диких зверей в чаще леса. Его единственной спутницей была девственная охотница — богиня Артемида (греческий двойник Дианы). Возгордясь своей божественной спутницей, он с презрением отвергал любовь смертных женщин, и это его погубило. Уязвленная его презрением к любви, Афродита возбудила любовь к Ипполиту в его мачехе Федре. Когда Ипполит отверг безнравственные ухаживания мачехи, она оклеветала его перед его отцом Тезеем. Поверив в клевету, Тезей обратился к своему отцу Посейдону с мольбой об отмщении. И когда Ипполит мчался на колеснице по берегу Саронического залива, морской бог выгнал на поверхность воды свирепого быка. Испуганные лошади понесли, и выброшенный из колесницы Ипполит нашел смерть под их копытами. Но из любви к Ипполиту Диана упросила лекаря Эскулапа возвратить прекрасного юношу-охотника к жизни при помощи целебных трав. Разгневанный тем, что смертный муж вышел из врат смерти, Юпитер низверг врача в Аид[1]. Все же Диана сумела скрыть своего любимца от глаз разъяренного бога густым облаком, изменила его черты, заставила выглядеть старше, а затем перенесла к лесистым

[1] Здесь автор опять смешивает имена греческих и римских богов: Диана — надо Артемида, Эскулап — надо Асклепий, Юпитер — надо Зевс.

12

немийским ложбинам, вверив его заботам нимфы Эгерии. Безвестный и одинокий, жил он в глубине италийского леса под именем Вирбия. Он правил там как царь и посвятил рощу Диане. У него был прекрасный сын, тоже Вирбий, который, не устрашившись участи отца, погнал упряжку горячих скакунов, чтобы примкнуть к латинянам в войне против Энея и троянцев.

Вирбию поклонялись не только в Неми, но и в других местах: имеются сведения о том, что в Кампаньи у Вирбия был даже свой жрец. В Арицийскую рощу и святилище не допускались лошади, так как они погубили Ипполита. К его статуе запрещалось прикасаться. Некоторые полагали, что Ипполит — олицетворение солнца. «Но верно то, — утверждает Сервий, — что он был божеством, связанным с Дианой столь же тесными узами, как Аттис — с Матерью Богов, Эриктоний — с Минервой, а Адонис — с Венерой». Какого же рода были эти узы? Для начала заметим, что на всем протяжении своего длинного и извилистого пути этот мифический персонаж

проявил поразительную живучесть. Едва ли можно усомниться в том, что Ипполит, святой римского календаря, которого несут лошади и который находит смерть 13 августа, в день празднества Дианы, есть не кто иной, как тот же греческий герой. Дважды найдя смерть в качестве язычника, он счастливо воскрес в ипостаси христианского святого.

Для того чтобы убедиться в том, что предания, объясняющие происхождение культа Дианы Немийской не историчны, нет нужды в скрупулезном доказательстве. Они явно принадлежат к разряду распространенных мифов, которые измышляются с целью объяснить происхождение того или иного религиозного культа. Причем это делается с помощью реального или воображаемого сходства, которое позволяет возвести его к какому-то иностранному культу. Действительно, немийские мифы явно не вяжутся друг с другом, потому что учреждение культа возводится то к Оресту, то к Ипполиту (в зависимости от того, какая черта его объясняется). Подлинная ценность этих преданий заключается в том, что они наглядно иллюстрируют сущность данного культа. Кроме того, они косвенно свидетельствуют в пользу почтенного возраста культа, показывая, что он уходит своими корнями в туман мифической древности. В этом отношении немийские легенды более достойны доверия, чем псевдоисторическое предание, подкрепленное авторитетом Ка-

13

тона Старшего, согласно которому священная роща была посвящена Диане неким латинским диктатором Бебием (или Левием) из Тускулума от лица народов Тускулума, Арции, Ланувиума, Лаурентума, Коры, Тибура, Помеции и Ардеи.

Это предание говорит в пользу большой древности святилища, так как его основание датируется временем до 495 года до нашей эры, то есть года, когда Помеция была разграблена римлянами и исчезла с лица земли. Но мы не можем допустить, чтобы столь варварский институт, как наследование жречества в Арции, был намеренно учрежден союзом цивилизованных городов, каковыми, без сомнения, являлись города Лациума. Оно, должно быть, передавалось по наследству с незапамятных времен, когда доисторическая Италия еще находилась в состоянии дикости. Правдивость этого предания ставит под сомнение другое предание, которое приписывает заслугу основания святилища Манию Эгерию, которому обязана своим существованием поговорка «В Арции много Маниев». Некоторые авторы объясняют эту поговорку ссылкой на то, что Маний Эгерий был предком древнего и славного рода, тогда как другие полагают, что ее смысл сводится к тому, что в Арции много уродливых, некрасивых людей. Они производят имя Маний от слова *mania,* что значит «бука», или пугало для детей. Один римский сатирик использовал имя Маний как синоним нищих, которые валяются на склонах Арицийских холмов в ожидании паломников. Подозрение возбуждает и это расхождение мнений, и противоречие между Манием Эгерием и Эгерием Левием из Тускулума, и сходство обоих имен с именем мифической Эгерий. Однако переданное Катоном предание является слишком обстоятельным, а его поручитель — слишком почтенным, чтобы отвергнуть его как пустой вымысел. Лучше предположить, что оно относится к древней перестройке или реставрации святилища, которая была произведена союзными государствами. В любом случае оно свидетельствует в пользу того, что роща Дианы издавна была местом общего поклонения многих древнейших городов Лациума, если не всей Латинской конфедерации.

Артемида и Ипполит.

Как мы видим, предания об Оресте и Ипполите, не обладая исторической ценностью, тем не менее не лишены смысла вообще, поскольку они помогают лучше уяснить себе происхождение немийского культа путем его сравнения с культом и мифами других святилищ. Возникает воп-

14

рос: почему для объяснения Вирбия и Царя Леса авторы этих легенд обращаются к Оресту и Ипполиту? В отношении Ореста все ясно. Вместе с Дианой Таврической, которую можно умилостивить только человеческой кровью, он понадобился для того, чтобы объяснить кровавое правило наследования жречества в Арции. В случае с Ипполитом не все так ясно. В истории его гибели можно без труда усмотреть причину запрета вводить лошадей в священную рощу Дианы. Но самого по себе этого едва ли достаточно для объяснения идентификации Ипполита с Вирбием. Поэтому надо глубже рассмотреть культ и миф об Ипполите.

В Трезене Ипполиту было посвящено знаменитое святилище, расположенное на берегу прекрасной, почти закрытой бухты, где ныне плодородная прибрежная полоса у подножия морщинистых гор покрыта апельсиновыми и лимонными рощами, а также и высокими кипарисами, поднимающимися, подобно темным шпилям, над садами Гесперид. На противопо-

ложной стороне прозрачной голубой бухты возвышается священный остров Посейдона, и вершины его холмов покрывают темно-зеленые сосны. Таково месторасположение святилища Ипполита. Внутри находился храм со статуей героя. Служба в нем лежала на жреце, удерживавшем за собой эту должность пожизненно. Каждый год в честь героя справлялся праздник с жертвоприношениями, и его безвременная кончина оплакивалась траурным, скорбным пением девушек. Перед вступлением в брак юноши и девушки оставляли в храме пряди своих волос. В Трезене находилась также гробница Ипполита, но жители не показали бы вам ее. Можно с большой долей вероятности предположить, что в лице прекрасного Ипполита, возлюбленного Артемиды, погибшего во цвете лет и ежегодно оплакиваемого молодыми девушками, мы имеем одного из смертных любовников богини, играющих столь заметную роль в религиях древности (самый типичный их представитель — Адонис). Соперничество Артемиды и Федры из-за привязанности Ипполита, как было сказано, воспроизводит соперничество Афродиты и Прозерпины из-за любви Адониса; ведь Федра — это двойник Афродиты. Эта теория отдает справедливость как Ипполиту, так и Артемиде. Первоначально Артемида была великой богиней плодородия, а по закону ранних религий оплодотворяющая природу и сама должна быть плодородной, а для этого она должна обязательно иметь при себе супруга.

15

Согласно нашей гипотезе, Ипполит считался в Трезене супругом Артемиды. Назначением же срезанных прядей волос, преподносимых Ипполиту трезенскими юношами и девушками перед вступлением в брак, было содействовать укреплению союза с богиней для увеличения плодородия земли, скота и людей. Этот взгляд находит подтверждение: в трезенском святилище Ипполита совершалось поклонение двум божествам женского пола — Дамии и Ауксезии, связь которых с плодородием неоспорима. Когда Эпидавр страдал от голода, его жители, подчиняясь указанию оракула, вырезали из священного оливкового дерева и водружали изображения Дамии и Ауксезии, после чего земля снова приносила плоды. Более того: в самом Трезене — а возможно, в святилище Ипполита—в честь этих девушек, как называли их трезенцы, устраивался любопытный праздник с бросанием камней. Легко показать, что подобного рода обычаи практиковались во многих странах с целью получить хороший урожай. Что же касается истории трагической гибели юного Ипполита, то мы можем проследить многочисленные ее аналогии с подобными же историями о красивых смертных юношах, которые заплатили жизнью за краткое наслаждение любовью бессмертных богинь. Эти несчастные, вероятно, не всегда были мифическими персонажами, и предания, которые видели в пурпурном цветке фиалки, в алом пятнышке на анемоне и в малиновом румянце розы пролитую ими кровь, были не просто поэтическими аллегориями юности и красоты, скоротечной, как летние цветы. В них содержалась более глубокая философия соотношения жизни человека и жизни природы, мрачная философия, которая породила не менее мрачную практику. В дальнейшем мы узнаем, какова была эта философия и эта практика.

Резюме.

Теперь нам ясно, почему древние отождествили Ипполита, супруга Артемиды, с Вирбием, который, по мнению Сервия, относился к Диане так же, как Адонис — к Венере и Аттис — к Матери Богов. Ведь подобно Артемиде, Диана была богиней плодородия вообще и деторождения в частности и в этом качестве, как и ее греческий двойник, нуждалась в партнере мужского пола. Таким партнером, если верить Сервию, и был Вирбий — основатель священной рощи и первый немийский царь. Вирбий явился мифическим предшественником или прототипом жрецов, которые служили Диане под названием Царей Леса и, как и он, умирали насильственной

16

смертью. Поэтому естественно предположить, что они находились с богиней рощи в тех же отношениях, что и Вирбий, — короче говоря, смертный Царь Леса имел своей царицей саму Лесную Диану. Если охраняемое им ценой жизни дерево служило воплощением Дианы (что представляется вероятным), жрец мог поклоняться ей не просто как богине, но и обнимать ее как супругу. В таком допущении по крайней мере нет ничего абсурдного. Даже в эпоху Плиния один благородный римлянин именно так обращался с прекрасной березой в другой священной роще Дианы на Альбанских холмах. Он обнимал и целовал ее, лежал в ее тени и поливал вином ее ствол. Этот римлянин явно принимал дерево за богиню. Обычай вступления в брак с деревьями до сих пор практикуется мужчинами и женщинами в Индии и других восточных странах. Почему же он не мог иметь места в Древнем Лациуме?

Из приведенных примеров можно заключить, что культ Дианы в священной Немийской роще

имел большое значение и уходил своими корнями в незапамятную древность; что Диана почиталась как богиня лесов и диких зверей, а возможно, также домашнего скота и плодов; что древние верили в то, что она дарует мужчинам и женщинам потомство и помогает матерям рожать; что священный огонь Дианы, поддерживаемый целомудренными весталками, постоянно горел в круглом храме святилища; что с ней ассоциировалась водная нимфа Эгерия, которая выполняла одну из функций Дианы (помощь женщинам при родовых схватках) и которая, по народной легенде, сочеталась в священной роще браком с древним римским царем; что Диана Лесная имела спутника мужского пола по имени Вирбий, который относился к ней, как Адонис — к Венере и Аттис — к Кибеле; и, наконец, что в историческое время мифический Вирбий был представлен жрецами, Царями Леса. Они погибали от меча своих преемников, и жизнь их была связана со священным деревом в роще. Жрец был гарантирован от нападения лишь до тех пор, пока дерево оставалось нетронутым.

Эти выводы сами по себе, конечно, недостаточны для объяснения правила преемства звания Арицийского жреца. Но, быть может, привлечение более широкого круга данных убедит нас, что они содержат в зародыше решение проблемы. Пустимся же в путешествие по морю фактов. Оно будет долгим и утомительным, но вместе с тем в нем будет очарование

17

познавательного путешествия, во время которого мы посетим множество странных чужеземных народов с еще более странными обычаями. Снимемся же с якоря, наполним паруса ветром и покинем на время побережье Италии.

Глава II. ЦАРИ-ЖРЕЦЫ

Следует ответить на два вопроса: во-первых, почему жрец Дианы Немийской, Царь Леса, должен был убивать своего предшественника? Во-вторых, почему перед этим он должен был сорвать с дерева ветвь, которая, по общему мнению древних, была не чем иным, как Золотой ветвью Виргилия?

Прежде всего остановимся на титуле жреца. Почему он назывался Царем Леса? Почему отправляемая им должность именовалась царством?

Соединение царского титула с отправлением жреческих обязанностей было в Древней Италии и Греции обычным делом. В Риме и других городах Лациума был жрец, называвшийся Царем Жертвоприношений или Царем Священных Обрядов, а жена его носила титул Царицы Священных Обрядов. В Афинской республике второе (по значению) из ежегодно избираемых должностных лиц именовалось Царем, а его супруга — Царицей. Оба они исполняли религиозные функции. И другие греческие демократии имели титулованных царей, которые, насколько нам известно, отправляли жреческие обязанности у Центрального Государственного Очага. В некоторых греческих государствах таких царей было несколько, и они занимали должность царя одновременно. В Риме, по преданию, титул Царя Жертвоприношений был учрежден после упразднения царской власти для принесения жертв, которые до того времени приносились царями. Аналогичное предание относительно происхождения института царей-жрецов, было, видимо, и в Греции. Это подтверждается примером Спарты, едва ли не единственного чисто греческого государства, сохранившего в историческое время монархическую форму власти. В Спарте все государственные жертвы приносились царями, потомками бога. Один из двух спартанских царей был жрецом Зевса Лакедонского, а другой — Зевса Уранийского.

18

Это сочетание жреческих функций с царской властью известно повсеместно. Например, местом многих великих религиозных столиц, населенных тысячами священных рабов и управляемых первосвященниками, которые, подобно папам в средневековом Риме, держали в своих руках и светскую и духовную власть, была Малая Азия. Такими городами, находившимися под властью священников, были Цела и Пессинунт. Тевтонские вожди в языческую эпоху также, по всей видимости, выполняли функции великих жрецов. В Китае публичные жертвоприношения совершались императорами по правилам, предусмотренным ритуальными книгами. На острове Мадагаскар правитель был одновременно и верховным жрецом. На великом празднике Нового года, когда на благо царства приносился в жертву вол, правитель присутствовал при жертвоприношении, вознося благодарственную молитву в то время, как служители убивали животное. В монархиях Галла в Восточной Африке, которые еще сохраняют свою независимость, царь приносит жертвы на горных вершинах и регулирует принесение человеческих жертв. Такое же соединение светской и духовной власти, царских и жреческих функций засвидетельствовано туманными преданиями о царях той очаровательной страны Центральной Америки, чья древняя столица Паленке, ныне погребенная под буйным цветением тропического леса, лежит в величественных, таинственных руинах.

Заметив, что древние цари обычно были и жрецами, мы далеко не исчерпали религиозную сторону их функций. В те времена божественность, окутывающая царя, была не пустой фразой, а выражением твердой веры. Во многих случаях царей почитали не просто как священнослужителей, посредников между человеком и богом, но и как богов, способных оделить своих подданных и поклонников благами, которые, как правило, считаются находящимися вне компетенции смертных и испрашиваются путем молитвы и жертвоприношения у сверхъестественных, невидимых существ. Так, от царя часто ожидали воздействия в нужном направлении на погоду, чтобы зрели посевы и т. д. Сколь противоестественными ни представлялись бы нам эти ожидания, они вполне согласуются с образом мышления дикарей. Дикарь, в отличие от цивилизованного человека, почти не отличает естественного от сверхъестественного. Мир для него является творением сверхъесте-

19

ственных, антропоморфных существ, которые действуют из побуждений, подобных его собственным, и которые могут быть тронуты призывами к состраданию. При таком воззрении на мир дикарь не видит предела своей способности воздействовать на ход природных процессов и обращать его в свою пользу. Боги посылают дикарю хорошую погоду и обильный урожай в обмен на молитвы, обещания и угрозы. А если (что иногда мерещится дикарю) бог воплощается в нем

самом, то надобность в обращении к высшему существу вообще отпадает. В таком случае дикарь сам «обладает» всеми способностями, необходимыми для того, чтобы содействовать собственному благоденствию и благополучию своих товарищей.

Таков первый путь к формированию идеи человека-бога. Но есть и второй. Наряду с представлением о мире как о месте пребывания различных духов, дикарь обладает другим — возможно, еще более архаическим — представлением, в котором мы можем обнаружить зародыш современного понятия естественного закона или взгляда на природу как на совокупность событий, совершающихся в неизменном порядке без вмешательства антропоморфных существ. Понятие, которое мы упомянули, находит воплощение в симпатической магии — так ее можно назвать, — играющей важную роль в большинстве ранних религиозных систем. В первобытном обществе царь часто являлся одновременно магом и жрецом. Нередко ему удавалось достичь власти благодаря предполагаемой в нем искушенности в черной и белой магии. Таким образом, чтобы понять эволюцию института царской власти и священный характер, которым она была наделена в глазах диких и варварских народов, необходимо ближе познакомиться с принципами магии и составить себе некоторое представление о том необычайном влиянии, которое эта древняя система предрассудков во все времена и у всех народов оказывала на человеческий ум. Остановимся на этом предмете подробнее.

Глава III. СИМПАТИЧЕСКАЯ МАГИЯ

Принципы магии.

Магическое мышление основывается на двух принципах. Первый из них гласит: подобное производит подобное или следствие похоже на свою причину. Согласно
20
второму принципу, вещи, которые раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта. Первый принцип может быть назван законом подобия, а второй — законом соприкосновения или заражения. Из первого принципа, а именно — из закона подобия, маг делает вывод, что он может произвести любое желаемое действие путем простого подражания ему. На основании второго принципа он делает вывод, что все то, что он проделывает с предметом, окажет воздействие и на личность, которая однажды была с этим предметом в соприкосновении (как часть его тела или иначе). *Гомеопатической,* или имитативной, магией можно назвать колдовские приемы, основанные на законе подобия. *Контагиозной* магией могут быть названы колдовские приемы, основанные на законе соприкосновения или заражения.

Первый вид магии лучше всего обозначить термином гомеопатическая, потому что альтернативный термин — магия имитативная — не исключает или даже подразумевает сознательно подражающего агента, что чрезмерно сужает сферу действия магии. Ведь колдун уверен, что принципы, находящие практическое применение в его искусстве, управляют также неживой природой. Другими словами, он допускает, что законы подобия и соприкосновения распространяются не только на человеческие действия, но имеют всеобщее применение. Короче говоря, магия является искаженной системой природных законов и ложным руководящим принципом поведения; это одновременно и ложная наука, и бесплодное искусство. Как система природных законов, то есть совокупность правил, которые «определяют» последовательность событий в мире, она может быть названа магией теоретической. В качестве же предписаний, которым люди должны следовать, чтобы достигать своих целей, она может называться магией практической. Вместе с тем следует иметь в виду, что первобытный колдун знает магию только с ее практической стороны. Он никогда не подвергает анализу мыслительные процессы, на которых основываются его действия, никогда не размышляет над заключенными в них абстрактными принципами. Как и большинство людей, он рассуждает так же, как переваривает пищу — в полном неведении относительно интеллектуальных и физиологических процессов, необходимых для мышления и для пищеварения. Короче, магия является для него искусством, а не
21
наукой; сама идея науки отсутствует в его неразвитом уме. Проследить ход мысли, лежащей в основе колдовских действий, выявить несколько простых нитей, которые переплетаются в запутанный клубок, отделить абстрактные принципы от их конкретных приложений, другими словами — обнаружить следы искаженной науки за видимостью неподдельного искусства является делом философа.

Если верен наш анализ магической логики, то два ее основных принципа оказываются просто двумя способами злоупотребления связью идей. Гомеопатическая магия основывается на связи идей по сходству; контагиозная магия основывается на связи идей по смежности. Ошибка гомеопатической магии заключается в том, что подобие вещей воспринимается как их идентичность. Контагиозная магия совершает другую ошибку: она исходит из того, что вещи, которые однажды находились в соприкосновении, пребывают в контакте постоянно. На практике оба вида магии часто сочетаются. Точнее говоря, если гомеопатическая, или имитативная, магия может практиковаться сама по себе, то контагиозная магия, как правило, связана с применением гомеопатического принципа. Понять эти разновидности магии в столь общей форме несколько затруднительно, но они станут удобопонятными, будучи проиллюстрированы на конкретных примерах. В их основе лежат довольно простые ходы мышления. Иначе и быть не может — ведь с ними конкретно (конечно же не абстрактно!) освоился не только грубый ум дикаря, но и не менее невежественный ум современных суеверных людей. Обе разновидности магии — гомеопатическая и контагиозная — могут быть обозначены единым термином — симпатическая магия, поскольку в обоих случаях допускается, что благодаря тайной симпатии вещи воздействуют друг на друга на расстоянии и импульс передается от одной к другой посредством чего-то похожего на невидимый эфир. Эфир этот не столь уж отличается от эфира, существование которого современная наука

постулирует с подобной же целью, а именно — для объяснения того, как вещи могут взаимодействовать друг с другом в кажущемся пустым пространстве.
В зависимости от мыслительных законов, лежащих в их основе, можно наглядно изобразить обе разновидности магии в виде следующей таблицы:
22

Симпатическая магия
(Закон симпатии)

гомеопатическая магия (закон подобия)	*контагиозная магия (закон контакта)*

Приступим к иллюстрации двух основных видов симпатической магии на примерах. Начнем с магии гомеопатической[1].

Гомеопатическая, или имитативная, магия.

Вероятно, наиболее привычным применением принципа «подобное производит подобное» являются предпринимавшиеся многими народами в разные эпохи попытки нанести вред врагу или погубить его путем нанесения увечий его изображению или уничтожению последнего в полной уверенности, что человек, против которого направлены эти магические действия, испытает при этом те же страдания или умрет. В доказательство широкой распространенности этого обычая во всем мире и его удивительной живучести мы приведем лишь некоторые из очень многих примеров.
Тысячелетия тому назад он был известен колдунам Древней Индии, Вавилона и Египта, равно как Греции и Рима, и еще в наши дни в Австралии, Африке и Шотландии к нему прибегают коварные и злонамеренные люди. Индейцы Северной Америки верят, что, нарисовав чью-то фигуру на песке, золе или глине или приняв за человеческое тело какой-то предмет, а затем проткнув его острой палкой или нанеся ему какое-то другое повреждение, они причиняют соответствующий вред изображенному лицу. Например, когда индеец племени оджибвеев хочет навлечь на кого-то напасть, он изготовляет деревянное изображение своего врага и вгоняет в его голову (или сердце) иглу или выпускает в него стрелу в уверенности, что стоит игле или стреле пронзить куклу, как враг почувствует в этой части тела острую боль. Если же он намеревается убить врага на месте, он сжигает и хоронит куклу, произнося при этом магические заклинания. Перуанские индейцы изготовляли из жира, перемешанного с мукой, изображения людей, которые им не нравились или наводили на них

[1] О проблеме классификации типов и видов магии см. подробнее: *Токарев С. А.* Сущность и происхождение магии. — Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. Труды Института этнографии. М., 1959, т. 51, с. 17-29 и др.

23

страх, а затем сжигали эти изображения на дороге, по которой должна была пройти жертва. Это называлось «сжечь душу». Малайское колдовство заключается в следующем. Берутся обрезки ногтей, волосы, ресницы или слюна намеченной жертвы, так чтобы была представлена каждая часть тела. Затем из воска, добытого в заброшенных пчелиных сотах, изготовляется кукла. В течение семи ночей она медленно сжигается над лампой со словами:

О, я не воск, не воск растапливаю тут,
А сжигаю печень, сердце и селезенку такого-то.

После седьмого раза куклу окончательно растапливают, и жертва «умирает». Это колдовство сочетает в себе принципы гомеопатической и контагиозной магии, поскольку в изображении, изготовляемом по образу и подобию врага, содержатся части тела, некогда бывшие с ним в соприкосновении: ногти, волосы и слюна. Другая малайская форма колдовства — еще более напоминающая колдовство оджибвеев — состоит в изготовлении марионетки длиною в ступню из взятого в пустом улье воска. Выколите ей глаза — и ваш враг ослепнет; пронзите ей живот — и он заболеет, голову — и начнутся головные боли, грудь — и она заболит. Если же вы хотите избавиться от врага одним махом — проткните изображение насквозь, от головы вниз; заверните его в саван, как труп; помолитесь над ним, как над мертвым; захороните его посреди дороги, где ваша жертва наверняка наступит на него. Чтобы ее кровь не пала на вашу голову, надо сказать:

И не сам я его хороню, А хоронит святой Гавриил.

Таким образом, вина за убийство ляжет на плечи архангела Гавриила, которому куда легче нести

бремя ответственности.

Гомеопатическая магия, прибегающая к посредству изображений, обычно практиковалась со злонамеренной целью отправить на тот свет нежелательных людей. Но она использовалась (хотя куда более редко) и с благожелательными намерениями, например, чтобы оказать помощь ближним. Она использовалась с целью облегчения родов или для дарования потомства бесплодным женщинам. У батаков (остров Суматра) бесплодная женщина, желающая стать матерью, изготовляет деревянную куклу, которую держит на коленях, полагая,

24

что это приведет к исполнению ее желания. На островах Ба-барского архипелага женщина, которая хочет иметь ребенка, приглашает мужчину (отца большого семейства) помолиться от ее имени духу солнца Упулеро. Из красной хлопчатобумажной ткани делают куклу, которую женщина заключает в свои объятия, как бы намереваясь кормить ее грудью. Потом приглашенный многодетный отец ловит курицу и, держа ее за лапы, прикладывает к голове женщины, приговаривающей: «О, Упулеро, возьми птицу, и умоляю тебя: пусть ребенок сойдет вниз в мои руки и в мое лоно». Затем он спрашивает женщину: «Пришел ли ребенок?» — на что та отвечает: «Да, он уже сосет». После этого приглашенный для молитвы мужчина кладет птицу на голову мужа бесплодной женщины и бормочет какие-то слова. В конце концов курицу убивают и вместе с некоторым количеством бетеля кладут на место для домашних жертвоприношений. По окончании обряда по деревне разносится слух, что женщина родила, и друзья приходят ее поздравить. Мнимое рождение ребенка является здесь чисто магическим обрядом, направленным на то, чтобы путем подражания и мимикрии вызвать действительное деторождение. Кроме того, здесь налицо стремление сделать обряд более эффективным благодаря молитвам и принесению жертвы. Иными словами, магия перемешалась в данном случае с религией и от этого получила большую силу.

Некоторые из даяков с острова Борнео приглашают к роженице шамана, который пытается облегчить роды, массируя ее тело, то есть рациональным способом. Тем временем за пределами комнаты другой шаман прилагает усилия к достижению той же цели средствами, которые показались бы нам совершенно иррациональными. Он притворяется роженицей: большой камень, привязанный к его животу тряпкой, обмотанной вокруг тела, изображает ребенка в утробе матери. Следуя указаниям, которые выкрикивает его коллега на действительном поле действий (в комнате), он передвигает воображаемого ребенка по всему телу, точно воспроизводя движения действительного младенца, пока тот не появится на свет.

Та же детская игра в воображаемых персонажей побудила другие народности использовать симуляцию родов как форму усыновления и даже возвращения к жизни человека, считавшегося мертвым. Если вы инсценируете рождение на

25

свет мальчика или даже бородатого мужчины, который не имеет в своих жилах ни капли вашей крови, то, согласно примитивному праву и примитивной философии, этот мальчик или мужчина является вашим сыном в полном смысле слова. Диодор рассказывает, что, когда Зевс убедил свою ревнивую жену Геру усыновить Геракла, богиня слегла в постель и, прижав к своей груди дородного героя, протолкнула его через свое одеяние и уронила наземь в подражание действительным родам. Историк добавляет, что тот же способ усыновления детей практикуется современными ему варварами. Этот обычай распространен также в Болгарии и среди боснийских турков. Женщина берет мальчика, которого намеревается усыновить, и протаскивает его под своими юбками. После этого он считается ее сыном и наследует все состояние своих приемных родителей. Женщина племени бе-раван из Саравака (о. Борнео, современный Калимантан), вознамерившись усыновить взрослого мужчину или женщину, собирает множество людей и устраивает пиршество. Восседая на виду у всех на возвышающемся, покрытом тканью сиденье, приемная мать позволяет усыновляемому сзади проползти между ее ногами. Как только он выползает спереди, его обвязывают ароматными цветами пальмы арека и привязывают к женщине. Затем, связанные вместе, приемный сын и мать на виду у зрителей ковыляют в другой конец дома и обратно. Связь, возникшая между ними путем наглядной имитации акта деторождения, является очень сильной; нанесенное приемному сыну оскорбление считается более тяжким, нежели нанесенное настоящему.

В Древней Греции человек, которого ошибочно сочли мертвым и по которому в его отсутствие были совершены погребальные обряды, считался мертвым до тех пор, пока не проходил через обряд нового рождения. Его проводили между ног женщины, омывали, завертывали в пеленки и

передавали на попечение кормилицы. Лишь после скрупулезного исполнения этого обряда вернувшийся мог свободно вступать в общение с живыми людьми. При таких же обстоятельствах в Древней Индии считавшийся мертвым человек должен был провести первую ночь после возвращения в лохани, наполненной смесью из жира и воды, не произнося ни слова. Он сидел там со сжатыми кулаками, как ребенок в утробе матери, в то время как над ним совершались все те обряды, которые обыч-

26

но совершаются над беременными женщинами. На следующее утро он вылезал из. лохани и еще раз проходил через все обряды, в которых принимал участие с юных лет, в частности вступал в новый брак или еще раз с должной торжественностью женился на своей старой жене.

Другой пример использования гомеопатической магии на благо людям — излечение и предупреждение болезней. Для излечения от желтухи древние индусы совершали тщательно разработанную церемонию, основанную на гомеопатической магии. Ее основная цель — перенесение желтизны на существа и вещи желтого цвета, которым она по праву принадлежит (например, на солнце), и передача больному от живого, сильного существа (например, от рыжего быка) здорового, красного цвета. Для этого жрец произносил следующее заклинание: «Пусть твоя сердечная боль и желтуха уйдут к солнцу. Цветом красного быка оденем мы тебя! На долгую жизнь мы завернем тебя в красные тона. Да пребудет этот человек невредим и свободен от желтого цвета! Да преисполнится он силой бычьей, чьим божеством является Рохини, кроме того, быки и сами красные *(rohinih).* На попугаев и дроздов переводим мы твою желтуху, да еще на желтую трясогузку переводим мы твою желтуху». Чтобы влить розовый цвет здоровья в желтушного пациента, жрец, произнося эти слова, давал ему отхлебнуть воды, к которой была примешана шерсть красного быка, поливал водой спину животного и заставлял больного выпить ее, сажал его на шкуру красного быка и привязывал к нему кусок кожи. Затем, чтобы улучшить цвет его кожи (до полного искоренения желтого оттенка), жрец действовал так. Сначала он с головы до ног обмазывал больного желтой кашицей, приготовленной из желтого растения куркума, и ставил его на кровать. Затем он желтой веревкой привязывал к ножке кровати трех желтых птиц: попугая, дрозда и желтую трясогузку. Затем он смывал желтую кашицу, поливая пациента водой; вместе с кашицей на птиц, несомненно, переходила и желтуха. Чтобы окончательно придать больному цветущий вид, жрец завертывал в золотой лист несколько шерстинок красного быка и приклеивал их к коже пациента. Древние также полагали, что стоит больному желтухой пристально посмотреть на морского бекаса, а этой птице — остановить на нем свой взгляд, и он вылечится. «Природа и темперамент этой

27

птицы таковы, — писал Плутарх[1], — что она выманивает болезнь наружу и посредством взгляда принимает ее как поток на себя». Торговцам птицами это ценное свойство морских бекасов было хорошо известно. Они выставляли этих птиц на продажу тщательно закрытыми, чтобы какой-то человек, страдающий желтухой, не посмотрел на них и не излечился бесплатно. У Плиния[2] есть упоминание о другой (а возможно, 6 той же самой) птице, которую греки называли желтухой, потому что, если больной желтухой бросал на нее взгляд, болезнь покидала его и убивала птицу. Тот же автор рассказывает о камне, который, как считали, лечит желтуху, потому что по цвету он напоминает кожу больного этой болезнью.

Одним из великих достоинств гомеопатической магии является то, что она делает возможным проведение курса лечения не на больном, а на самом враче; видя, как последний корчится перед ним от боли, больной освобождается от всех признаков болезни. Например, крестьяне провинции Парш во Франции считают, что длительные приступы рвоты во время болезни желудка или кишечника происходят оттого, что желудок больного, как они выражаются, «отстегнулся» и упал. Чтобы возвратить его на место, вызывают лекаря, и тот, узнав симптомы болезни, тут же валится на пол в страшных корчах, стремясь «отстегнуть» собственный желудок. А после того как ему это «удалось», он с новыми корчами и гримасами опять его «пристегивает», отчего боли в животе пациента затихают. Даякский знахарь, будучи приглашен к больному, падает и притворяется мертвым. С ним обходятся как с трупом: заворачивают в циновки, выносят из дому и кладут на землю. Через час другой знахарь разворачивает мнимого больного и возвращает его к жизни. А так как он оживает, предполагается, что выздоровеет и настоящий больной. В любопытном труде по медицине придворный врач императора Феодосия I Марцелл из Бордо дает рецепт излечения опухоли, основанный на гомеопатической магии. Вот этот рецепт. Возьмите корень вербены, разрежьте его на две части; одну из них обвяжите вокруг шеи больного, а другую подержите над

дымом. Как дым сушит вербену, так и опухоль высохнет и исчезнет. Если впоследствии больной проявит неблагодарность

[1] Плутарх (ок. 45—ок. 127) — древнегреческий писатель и историк.

[2] Плиний Старший (ок. 24 — 79) — римский писатель и ученый.

28

по отношению к своему избавителю, искусный врач может легко за себя отомстить, опустив вербену в воду; как только корень начнет впитывать влагу, опухоль появится вновь. В случае, если вас беспокоят прыщи, тот же ученый муж рекомендует подстеречь падающую звезду и в миг ее падения стереть прыщи тряпкой или тем, что попадется под руку. Подобно тому как звезда покидает небо, прыщи покинут ваше тело. Но надлежит проявить осторожность и не стирать их голой рукой, а то они перейдут на нее.

Велика роль гомеопатической и вообще симпатической магии в тех мерах, которые примитивный охотник или рыбак принимает для того, чтобы обеспечить себя обильной пищей. Многое делается им и его друзьями по принципу «подобное производит подобное», то есть как преднамеренная имитация искомого результата. С другой стороны, многих вещей тщательно избегают, потому что они имеют воображаемое сходство с тем, что может оказать действительно пагубное влияние.

Нигде теория симпатической магии не проводится в жизнь в целях получения изобилия пищи более систематически, чем в Центральной Австралии. Племена разделены там на тотемные кланы, на каждом из которых лежит ответственность за размножение своего тотема с помощью магических обрядов. Большинство тотемов — это употребляемые в пищу животные и растения. Основным результатом, которого ждут от совершаемых обрядов, должно быть снабжение племени пищей и другими необходимыми вещами. Часто обряды являются имитацией такого результата. Другими словами, речь идет об имитативной, или гомеопатической, магии. Так, вождь тотема белого какаду племени варрамунга «содействует» размножению своего тотема тем, что, держа в руках чучело птицы, подражает ее резкому крику. У аранда мужчины тотема «личинки» *(witchetty grub)*[1] совершают обряды, чтобы вызвать размножение личинки этого жука, которого употребляют в пищу члены племени. Один из таких обрядов сводится к пантомиме, изображающей насекомое в тот момент, когда оно вылупливается из куколки. Возводится длинное и узкое сооружение из веток, напоминающее личинку жука. Внутри его помещаются несколько мужчин, имеющих жука своим тоте-

[1] Личинка съедобного жука. — *Прим. пер.*

29

мом. Они поют о различных стадиях, проходимых этим насекомым. Затем они на корточках выползают наружу, продолжая петь песню про появление насекомого из куколки. Считается, что все это содействует размножению личинок. Мужчины клана эму «способствуют» размножению этой птицы тем, что рисуют на земле ее священное изображение, в особенности тех частей ее тела, которые считаются наиболее лакомыми кусками. Мужчины рассаживаются вокруг этого рисунка и поют. После этого танцоры в головных уборах, напоминающих длинную шею и маленькую голову эму, подражая внешнему виду птицы, изображают, как она стоит и бесцельно вертит головой, оглядываясь во все стороны.

Индейцы Британской Колумбии питаются в основном рыбой, которой изобилуют их моря и реки. Если рыба не приходит в нужное время и наступает голод, шаман племени нутка делает чучело рыбы и опускает его в воду в направлении, откуда обычно приходит рыба. Этот обряд, сопровождаемый молитвой, призван побудить рыбу незамедлительно появиться. Жители островов Торресова пролива пользуются чучелами дюгоней и черепах, чтобы околдовать их и умертвить. Тораджи — аборигены центральной части острова Целебес — уверены, что однородные вещи привлекают друг друга благодаря присущему им духовному эфиру. Поэтому они вывешивают в своих домах челюсти оленей и диких свиней, чтобы одушевляющие их духи привлекли живых особей своего вида на охотничью тропу. Когда на острове Ниас попадается в ловушку дикая свинья, животное извлекают из западни и натирают ему спину девятью упавшими листьями в уверенности, что, как девять листьев упали с дерева, так девять других диких свиней попадутся в западню. Когда на островах Сапаруа, Харуку и Нусса-Лаут (Индонезия) рыбаку предстоит расставить ловушки в море, он сначала отыскивает дерево, плоды которого охотно клюют птицы. С такого дерева он срезает крепкую ветвь и делает из нее основную подпорку в своей ловушке. Он верит, что, подобно тому как плоды дерева привлекали к себе птиц, так и срезанная с такого дерева ветвь привлечет в ловушку много рыбы.

Племена западной части Британской Новой Гвинеи прибегают к колдовству для того, чтобы

помочь охотнику поразить дротиком дюгоня или черепаху. В углубление в древке копья, на которое насаживается наконечник, помещают небольшого

30

жука, обитающего на кокосовых пальмах. Охотники считают, что, подобно тому как жук при укусе быстро впивается в кожу человека, так и острие копья быстро вонзится в дюгоня или черепаху. Когда дичь не попадается в поставленный камбоджийским охотником силок, он раздевается донага, удаляется на некоторое расстояние, а затем, как бы сам того не замечая, набредает на силок, попадает в него и восклицает; «Ого, что же это?! Да я, видно, попался». После этого он уверен, что дичь обязательно попадет в силок. Такого же рода пантомима на памяти людей нашего поколения разыгрывалась у шотландских горцев. Преподобный отец Джемс Макдональд рассказывает, что, когда в годы его детства он со своими товарищами рыбачил в районе Лоч-Элайн и рыба долго не брала приманку, они обычно симулировали выбрасывание за борт одного из рыболовов (как будто это была рыба), а потом якобы извлекали его из воды. После этого, утверждает отец Макдональд, — в зависимости от того, находилась ли лодка в пресной или соленой воде, — на крючок обязательно клевала форель или силлок. Прежде чем ставить силки на куниц, индеец-карриер[1] проводит в одиночестве у огня примерно десять ночей с притиснутой к шее небольшой палкой. Это, по его представлениям, обязательно должно побудить палку в затворе ловушки упасть на шею куницы. У галело, обитающих на севере большого острова Гальмагера (к западу от Новой Гвинеи), имеет хождение следующее правило, которое следует соблюдать, заряжая ружье перед выходом на охоту: прежде чем вогнать пулю в ствол, нужно положить ее в рот. Поступая так, ты уже ешь дичь, которую пуля должна будет поразить, так что она не может пролететь мимо цели. Малайский рыбак, который наживил ловушку на крокодила и ожидает улова, перед тем как начнет есть кэрри[2], всегда проглатывает одну за другой три щепотки неприправленного риса, веря, что это помогает приманке легче проскочить в горло крокодила. Он также ни в коем случае не станет вынимать кости из кэрри: ведь тогда ослабела бы заостренная палка, на которую насажена наживка, и крокодил уплыл бы вместе

[1] «Носильщики» — название, данное американцами атапасскому племени такулли в Северо-Западной Канаде.

[2] Разновидность плова с приправой из куркумового корня, чеснока и разных пряностей. — *Прим. пер.*

31

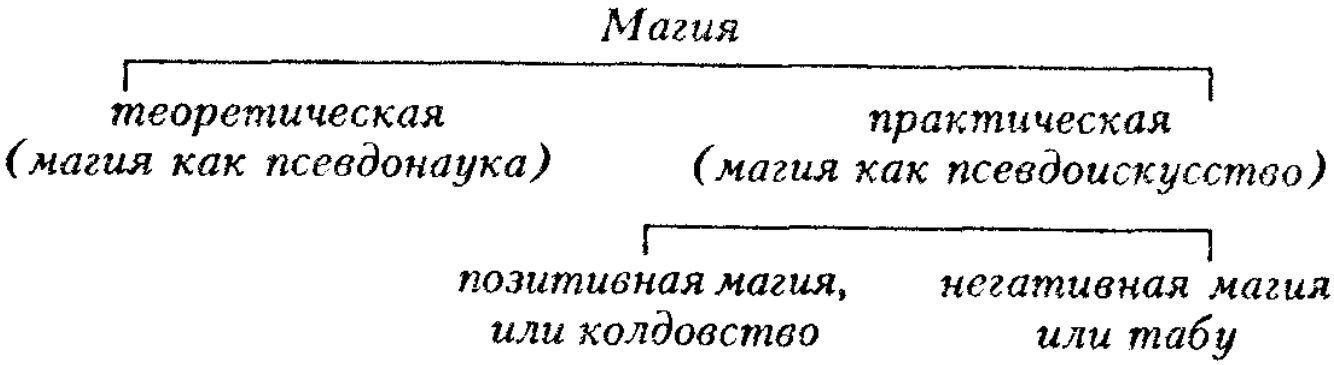
с приманкой. При таких обстоятельствах предусмотрительный охотник просит кого-нибудь вынуть кости из кэрри до начала еды; в противном случае он должен выбирать между опасностью проглотить кость и риском упустить крокодила.

Последнее правило является примером того, от чего охотник должен воздерживаться, если по принципу «подобное производит подобное» он не хочет упустить удачу. Вся система симпатической магии состоит не из одних позитивных предписаний, она включает в себя большое число негативных предписаний, то есть запретов. Она говорит не только о том, как надлежит поступать, но и о том, чего делать не следует. Совокупность позитивных предписаний составляет колдовство, совокупность негативных предписаний — табу. Фактически все представления о табу, во всяком случае большая их часть, представляются лишь частными случаями применения симпатической магии с ее великими законами сходства и контакта. Хотя, конечно, эти законы не сформулированы дикарем в словесной форме и не постигаются им абстрактно, он тем не менее верит в то, что они регулируют течение природных явлений совершенно независимо от человеческой воли. Дикарь уверен, что, стоит ему поступить так-то и так-то и в соответствии с одним из этих законов, неизбежно произойдут такие-то и такие последствия. А если последствия какого-то поступка, как ему кажется, нежелательны или опасны, он, естественно, старается поступать так, чтобы не навлечь их на себя. Другими словами, он воздерживается от совершения того, что, как он полагает в соответствии с ошибочными представлениями о причинно-следственных связях, может ему повредить. Такие вещи он табуирует. Табуирование, таким образом, является негативным приложением практической магии. Правило позитивной магии (или колдовства) гласит: «Поступай так-то, чтобы произошло то-то и то-то». Правило негативной магии (или табу) гласит: «Не делай того-то, чтобы не случилось то-то и то-то». Цель позитивной магии или колдовства — сделать так, чтобы желаемое событие произошло; цель негативной магии или табу — сделать так, чтобы нежелательное событие не произошло. Но предполагается, что оба последствия (желательное и нежелательное) имеют место в соответствии с законами подобия или контакта. И подобно тому как желательное явление в действительности вовсе не есть следствие совершения магического обряда, явление, которого стра-

32

шатся, в действительности не вытекает из нарушения табу. Если бы предполагаемое зло с необходимостью следовало за нарушением табу, последнее было бы уже не табу, а предписанием морали или максимой здравого смысла. Фраза: «Не подставляй руку огню» — представляет собой не табу, а правило здравого смысла, потому что запрещенное действие приносит реальный, а не воображаемый вред.

Короче говоря, негативные предписания, которые мы называем табу, столь же бесполезны и тщетны, сколь бесполезны и тщетны позитивные предписания, называемые нами колдовством. Это всего лишь противоположные полюса единого великого, губительного заблуждения, ошибочного понимания связи идей. Негативным полюсом этого заблуждения являются табу, позитивным — колдовство. Если мы дадим всей этой ложной системе общее название теоретической и практической магии, то табу можно определять как негативную сторону практической магии. Это соотношение можно представить в виде следующей таблицы:



Я сделал эти замечания о табу и об их отношении к магии не зря. Я намерен привести несколько примеров табу, соблюдаемых охотниками, рыболовами и т. д., а до этого я хотел бы показать, что они подходят под рубрику «симпатическая магия», будучи не более как частными примерами общей теории. Например, у эскимосов мальчикам запрещалось играть в «веревочку»[1] из боязни того, что, когда они станут взрослыми охотниками, их пальцы могут запутаться в веревке гарпуна. В данном случае табу, очевидно, является применением закона подобия, лежащего в основе гомеопатической магии: пальцы ребенка запутываются в веревке или игре в «веревочку», следовательно, его пальцы запутаются также в гарпунной

[1] Детская игра: перекладывание бечевки, надетой на пальцы с рук одного играющего на руки другого так, чтобы при этом получались различные фигуры. - *Прим. пер.*

33

веревке, когда он станет мужчиной и будет охотиться на китов. У гуцулов, живущих в Карпатах, жена охотника не может прясть, пока ее муж охотится: иначе дичь будет вертеться, как веретено, и охотник не сумеет ее поразить. И в этом случае табу вытекает как следствие из закона подобия. Во многих областях древней Италии женщинам запрещалось законом прясть вне дома на виду у прохожих и даже показываться на людях с веретенами, так как считалось, что это может повредить урожаю. Думали, вероятно, что вращение веретена могло привести во вращение стебли злаков, и они выросли бы вкривь и вкось. Также у айнов с острова Сахалин беременная женщина за два месяца до родов прекращает прясть и свивать веревку, потому что якобы в противном случае кишки новорожденного могут спутаться, как нити. В одной из областей Индии (в Биласпуре) запрещается вертеть веретено, когда вожди деревень собираются на совет, чтобы обсуждение вопроса, подобно веретену, не вращалось по кругу до бесконечности. На одном из островов Индонезии существует обычай, по которому, если кто-то приходит в дом охотника,

должен войти в дверь сразу, а не мешкать; в противном случае дичь будет якобы также останавливаться перед расставленными охотником ловушками и поворачивать обратно, вместо того чтобы идти в них. У туземцев тораджи (центральная часть острова Целебес) бытует правило, согласно которому никто не может останавливаться или мешкать на лестнице дома, где проживает беременная женщина, потому что это могло бы задержать рождение ребенка. В различных частях острова Суматра беременной женщине запрещается останавливаться перед дверью или на верхней ступеньке лестницы, ибо считается, что за пренебрежение столь простым предписанием она расплатится тяжелыми родами. Отправившиеся на поиски камфоры малайцы едят сухую пищу и нерастолченную соль. Дело в том, что камфора образуется в виде небольших зерен, проступающих в трещинах ствола камфорового дерева. Поэтому малайскому собирателю представляется очевидным, что если, отправляясь на поиски камфоры, он употребит в пищу мелко размолотую соль, то и камфора попадется ему в мелких зернах. А если он употребит в пищу крупно помолотую соль, то крупными будут и зерна камфоры. Собиратели камфоры на острове Борнео (Калимантан) используют сосуды, изготовленные из прочных, как кожа, стеблей пальмы пенанг. В тече-

34

ние всей экспедиции они не моют эти сосуды из боязни, что в противном случае камфора на стволах деревьев растворится и исчезнет. Они уверены, что помыть сосуды для сбора камфоры — значит вымыть кристаллы камфоры из стволов деревьев, на которых они образуются. Основным занятием в некоторых областях Лаоса является добыча красной смолы — вязкого смолистого вещества, выделяемого насекомыми красного цвета на молодые ветки дерева. Эти насекомые высаживаются на деревья руками. Все участвующие в сборе красной смолы воздерживаются от мытья, в особенности от мытья головы, так как уверены, что, смывая паразитов с волос, спугнут насекомых с ветвей деревьев.

Самыми многочисленными и существенными из соблюдаемых дикарями табу являются, видимо, запреты на употребление тех или иных видов пищи. Многие из этих запретов совершенно явно вытекают из закона подобия и служат, следовательно, примерами негативной магии. Подобно тому как дикарь употребляет в пищу многих животных и растения с целью приобрести некоторые их свойства, он избегает питаться другими животными и растениями из боязни приобрести нежелательные для него свойства, которыми, как он полагает, они способны его наделить. В первом случае дикарь упражняется в позитивной магии, во втором — действует по законам магии негативной. Позднее мы столкнемся со многими примерами позитивной магии. Сейчас же мне хотелось бы привести несколько примеров негативной магии, или табуирования. Так, мадагаскарским воинам запрещается есть некоторые виды пищи из опасения, как бы это (согласно принципам гомеопатической магии) не возымело опасных и нежелательных последствий, которые, по поверью, неразрывно связаны с этими яствами. Они, например, не могут попробовать мясо дикобраза, «так как существует опасность, что это животное с его склонностью сворачиваться в клубок, когда его потревожат, передаст свой робкий нрав тем, кто вкусит его мясо». Ни один воин не должен также есть колено быка, чтобы не стать, подобно быку, слабым в коленях и неспособным участвовать в походах. Далее, воину нужно воздерживаться от соблазна попробовать мясо погибшего в схватке петуха или любого Другого убитого копьем животного; ни одно животное мужского пола ни под каким предлогом не может быть убито в доме воина во время его отсутствия. Если воин съест мясо

35

погибшего в схватке петуха, он сам рискует пасть на поле битвы; если же во время его отсутствия в его доме было зарезано животное мужского пола, то таким же способом — возможно, в тот же миг — может найти свою смерть и сам воин. Малагасийский солдат не должен, кроме того, есть почки, потому что в малагасийском языке «почки» и «выстрел» обозначаются одним словом; считается, что, если он попробует почки, его наверняка застрелят.

Читатель, вероятно, заметил, что в некоторых из приведенных примеров действие магии распространяется на большое расстояние... Вера в симпатическое влияние, которое люди и предметы на расстоянии оказывают друг на друга, является одной из существенных черт магии. Наука может питать сомнение по поводу возможности воздействия на расстоянии, но магия не такова. Один из устоев магии — вера в телепатию. Современный приверженец веры во взаимодействие умов на расстоянии без труда нашел бы общий язык с дикарем. Ведь дикарь изначально верил в это, более того, на основании этой веры он действовал с такой логической последовательностью, какой его цивилизованному собрату по вере, насколько нам известно, никогда

не удавалось достичь. Дикарь убежден не только в том, что магические обряды оказывают воздействие на людей и предметы на расстоянии, но и в том, что такое же действие могут возыметь простейшие акты обыденной жизни. Поэтому в особо важных случаях поведение дикаря регулируется более или менее разработанным кодексом правил, пренебрежение которыми, по поверью, может повлечь за собой неудачу и даже смерть отсутствующих друзей или родственников.

Когда отряд мужчин уходит на охоту или на войну, предполагается, что оставшиеся дома родственники будут делать одно и воздерживаться от другого ради того, чтобы сохранить безопасность охотников или воинов, принести им успех. Приведу некоторые примеры позитивной и негативной телепатии.

Когда лаосский охотник на слонов уходит на промысел, он предупреждает свою жену, чтобы в его отсутствие та не стригла волосы и не умащивала тело маслом, ибо в первом случае слон разорвет сети, а во втором — проскользнет через них. Когда даяки отправляются в джунгли охотиться на диких свиней, оставшиеся в деревне не должны прикасаться к

36

маслу или к воде. В противном случае охотники «останутся с носом»[1], добыча ускользнет из их рук.

Охотники на слонов в Восточной Африке верят, что, если жены изменят им в их отсутствие, слон нападет на них и они погибнут или получат тяжелые увечья. Поэтому, если до охотника доходит слух о дурном поведении его жены, он прекращает охоту и возвращается домой. Если охотника племени вагого постигает неудача или на него нападает лев, он приписывает это дурному поведению своей жены и возвращается домой в великой ярости. Во время охоты вагого жена его не должна допускать, чтобы кто-то проходил сзади или стоял впереди нее, когда она сидит, а спать она должна лицом вниз. Индеец племени мохос в Боливии был убежден, что если во время его отсутствия жена окажется ему неверна, то его на охоте укусит змея или ягуар. Так что, если бы с ним приключилось нечто подобное, наказание (а часто и смерть) женщины — независимо от того, виновна она или нет, — было бы неизбежным. Алеут, охотник на морских выдр, думает, что неудачная охота — это результат того, что во время его отсутствия жена была ему неверна или сестра потеряла невинность.

Мексиканские индейцы племени гуичоль обращаются как с полубогом с одним видом кактусов, который приводит отведавшего его человека в экстатическое состояние. В их стране это растение не произрастает, и поэтому мужчины должны для его добычи ежегодно отправляться в поход, длящийся 43 дня. В течение всего времени, которое проходит до начала праздника кактуса, мужчины и женщины моются только в особых случаях, и то лишь водой, приносимой из дальней страны, где растет священное растение. Те и другие подолгу голодают, не употребляют в пищу соль и строгим образом воздерживаются от половых сношений. Считается, что нарушители этих правил подвергают себя опасности заболевания, а главное, ставят под угрозу достижение цели, к которой устремлены желания всех членов племени. С нахождением кактуса, этого вместилища бога Огня, индейцы связывают здоровье, счастье и жизнь. Ко подобно тому как чистый огонь не может принести пользу человеку нечистому, мужчины и женщины обязаны не только временно сохранять целомудрие: они

[1] В оригинале игра слов: идиоматический оборот "*Butter-binge-red*" означает «остаться с носом» и «иметь замасленные руки».

37

должны очиститься от скверны прошлого греха. Поэтому через четыре дня после начала экспедиции женщины собираются вместе и исповедуются Деду Огню в том, скольких мужчин они любили, начиная с детских лет. Они не имеют права ничего упускать, иначе мужчины не найдут ни одного кактуса. Для того чтобы ничего не запамятовать, каждая женщина завязывает на веревке столько узелков, сколько у нее было любовников. С этой веревкой она приходит в храм, и, стоя перед огнем, громким голосом поименно перечисляет отмеченных узелками мужчин. После окончания исповеди она бросает веревку в огонь, и, когда «чистое божественное пламя» ее поглотит, женщине отпускаются все грехи и она уходит с миром. С этого момента женщины неохотно позволяют мужчинам даже просто проходить рядом с ними. Таким же образом очищаются от своих былых прегрешений и сами искатели кактуса. На каждый прошлый грешок они завязывают на веревке по узелку и, исповедавшись «на все четыре стороны», отдают эти своеобразные четки с перечнем грехов руководителю экспедиции, который сжигает их.

Туземцы Саравака верят, что, если жена собирателя камфоры совершит прелюбодеяние, добытая

мужем камфора испарится. По специфическим наростам на коре дерева муж «может определить», что жена ему неверна. Рассказывают, что в прошлом многие жены были убиты ревнивыми мужьями только на этом основании. Кроме того, пока мужья находятся в поисках камфоры, женщины не отваживаются прикоснуться к гребню; иначе трещины в стволах деревьев окажутся не полными ценных кристаллов камфоры, а пустыми, как промежутки между зубьями гребня. Когда на островах Кеи (к юго-западу от Новой Гвинеи) туземцы спускают на воду судно, чтобы плыть в дальний порт, место, на котором оно лежало, покрывается пальмовыми ветвями и становится священным. На это место до возвращения корабля не может ступить ничья нога; в противном случае судну якобы грозит гибель. Кроме того, во время плавания три-четыре молодых девушки, специально выбранные для этой цели, находятся, как предполагается, в симпатической связи с моряками и своим поведением содействуют безопасности и успеху плавания. Кроме случаев крайней нужды, эти девушки не имеют права покидать отведенную им комнату. Более того, пока корабль находится в море, они должны пребывать в абсолютно неподвижном со-

38

стоянии, распластанные на циновках с зажатыми меж колен руками. Им не позволяется ни поворачивать голову, ни совершать другие движения, ибо это-де вызовет качку на борту судна. Им нельзя есть ничего липкого, например сваренного в кокосовом молоке риса, потому что клейкость пищи может плохо сказаться на ходе судна. Когда моряки, по расчетам, достигают места назначения, строгость запретов несколько смягчается. Но на протяжении всего их путешествия девушкам запрещается есть рыбу, имеющую острые кости или шипы (например, электрического ската), чтобы с друзьями не произошло бедствие.

Там, где имеют хождение верования, относящиеся к симпатической связи на расстоянии, война, вызывающая самые глубокие человеческие эмоции, суровые и нежные, оживляет в сердцах встревоженных родственников желание максимально использовать симпатическую связь на благо дорогим и близким им людям, которые сражаются, а может быть, и умирают вдалеке от них. Оставшиеся дома друзья и родственники воинов прибегают к уловкам, которые поражают нас своей патетичностью и своей забавностью — в зависимости от того, имеем ли мы в виду цель (которая вызывает уважение) или употребленные ради ее достижения средства (которые смехотворны). Например, когда даяк с острова отправляется на охоту за головами, его жена или незамужняя сестра должна днем и ночью иметь при себе меч, чтобы воин всегда думал о своем оружии. Она не должна спать весь день до двух часов ночи, чтобы враг не захватил ее мужа или брата спящим. Когда морские даяки из селения Бантинг из Саравака уходят на войну, поведение женщин подчиняется тщательно разработанному кодексу правил. Женщины должны вставать очень рано и, как только забрезжит свет, открывать окна, иначе их отсутствующие мужья проснутся слишком поздно. Женщинам запрещается смазывать волосы маслом, а не то мужчины поскользнутся. Днем они не имеют права спать или дремать, чтобы дремота не нашла на мужчин во время похода. Каждое утро женщины должны жарить и рассыпать на веранде своих домов кукурузные зерна, чтобы сделать мужчин проворными. Комнаты содержатся в идеальной чистоте, все вещи в них прислонены к стене, так как считается, что если кто-то о них споткнется, то находящиеся в разлуке мужья упадут и окажутся в руках врага. После каждой еды в горшке должно

39

оставаться немного риса, чтобы у мужчин всегда было что поесть и они не голодали. Женщины ни в коем случае не должны засиживаться за ткацким станком до судорог в ногах; в противном случае суставы мужчин якобы окостенеют, и они не сумеют быстро подняться и убежать от врага. Чтобы придать гибкость суставам мужчин, женщины обязаны перемежать работу за ткацким станком с хождением взад-вперед по веранде. Они не должны закрывать свои лица; иначе мужчины заблудятся в высокой траве или в джунглях. Они не имеют права также шить иглой, чтобы мужчины не наступили на шипы, разбросанные врагами на их пути. Если во время отсутствия мужа жена ему изменит, он не вернется живым из вражеской страны. Еще сравнительно недавно эти и другие запреты соблюдались женщинами селения Бантинг, когда их мужья на стороне англичан сражались против мятежников. Но, увы, эти предосторожности мало что дали, и многие из тех, чьи верные жены дома стояли на страже их интересов, покоятся в братской могиле.

Первосвященник на острове Тимор во время войны не покидает храма. Пищу ему приносят и готовят в храме, днем и ночью он обязан поддерживать огонь, потому что в противном случае над воинами разразится несчастье, и продолжаться оно будет до тех пор, пока очаг останется холодным. Пока армия участвует в военных действиях, жрец должен пить только горячую воду,

потому что каждый глоток холодной воды охлаждает пыл народа и лишает его возможности одержать победу над врагом. На островах Кеи после выступления воинов в поход женщины возвращаются в дом и выносят наружу корзины с камнями и плодами. Плоды и камни они умащивают и кладут на стол, приговаривая при этом: «О, владыки солнца и луны! Пусть пули отскочат от наших мужей, братьев, женихов и других родственников, как капли дождя отскакивают от этих смазанных маслом предметов». Как только раздается первый выстрел, женщины, отложив в сторону корзины, с веерами в руках выбегают из домов. Они бегут по деревне, размахивая веерами в сторону врага и распевая: «О, золотые веера! Пусть наши пули ранят, а пули врагов пролетают мимо». В этом обычае умащивания камней для того, чтобы пули отскакивали от воинов, как дождевые капли от камней, есть многое от гомеопатической, или имитативной, магии. Обращение с молитвой к солнцу, чтобы оно сделало колдовство действен-

40

ным, было, возможно, позднейшим религиозным напластованием. Размахивание веерами также является магическим приемом; оно призвано направить пули к цели или отвратить их от нее в зависимости от того, были они выпущены из ружей друзей или врагов.

Один из авторов истории Мадагаскара сообщает, что «до возвращения мужчин с войны женщины и девушки ни днем ни ночью не прекращают танцевать, они не ложатся спать и не едят в домах. И ни за что на свете они не вступят в связь ни с одним мужчиной, пока их мужья и женихи на войне. Они пребывают в твердой уверенности, что в противном случае воины были бы убиты или ранены. Танец, по их убеждению, вселяет в воинов силу, придает им мужество и сопутствует удаче; поэтому в такое горячее время они не дают себе поблажки. Соблюдается этот обычай со всей строгостью».

У говорящих на языке тши народов Золотого Берега жены находящихся на войне мужчин выкрашивают себя в белый цвет и украшают тело бусами и амулетами. В день ожидаемого сражения они бегают с ружьями или вырезанными в форме ружей палками и, схватив зеленые плоды по-по, по форме напоминающие дыню, разрубают их ножами, как если бы это были головы врагов. Нет сомнения в том, что эта пантомима является примером имитативной магии, преследующей цель помочь мужчинам сделать с врагами то, что женщины проделывают с плодами по-по. Когда в Западной Африке бушевала война с Ашанти, Фицжеральд Мэрриот видел в городе Фра-мине танец, исполнявшийся женами тех, кто принимал участие в войне в качестве носильщиков. Женщины были выкрашены в белый цвет, и на них были только короткие юбки. Возглавляла шествие морщинистая старая колдунья в очень короткой белой юбке, с прической в виде длинного, выступающего вперед рога. Ее грудь, лицо, руки и ноги были разрисованы кругами и полумесяцами. Все женщины несли в руках длинные белые метелки, сделанные из хвоста буйвола или лошади, и пели во время танца: «Наши мужья ушли в страну Ашанти. Пусть же они сметут своих врагов с лица земли!»

Когда мужчины племени бассейна реки Томпсон (Британская Колумбия) вступали на тропу войны, их жены все время танцевали, делая лишь небольшие перерывы. Считалось, что танцы обеспечивают успех похода. Танцующие размахивали ножами, бросали длинные заостренные палки, делали

41

выпады палками с крючковатыми концами. Это символизировало пронзение врага или уклонение от его удара. Выдергивание же палок символизировало вызволение воинов из беды. Для этой цели, несомненно, особенно хорошо был приспособлен крюк на конце палки. Оружие женщины направляли в сторону вражеской страны. Свои лица они выкрашивали в красный цвет, а во время танца обращались к оружию с молитвой сохранить их мужьям жизнь и помочь им уничтожить побольше врагов. Некоторые приклеивали к концам своих палок орлиный пух. По окончании танца палки прятали. Если, вынимая оружие из укрытия, женщина, муж которой принимал участие в войне, замечала на нем волосы или кусочек скальпа, это означало, что ее муж убил врага. Но если на оружии был кровавый след, не было сомнения, что муж убит или ранен. Когда на войну уходили мужчины племени юки (Калифорния), женщины не смыкали глаз; они танцевали, распевая и размахивая ветками. По их словам, если они будут танцевать непрерывно, то мужья не почувствуют усталости. Когда на войну уходили индейцы гайда (острова Королевы Шарлотты), оставшиеся дома женщины вставали засветло. Они нападали на своих детей, делая вид, будто обращают их в рабство, то есть устраивали как бы инсценировку войны. Предполагалось, что это поможет мужьям поступить таким же образом с врагами. Если жена изменяла своему мужу, вступившему на тропу войны, возрастала вероятность того, что его убьют.

В течение десяти ночей женщины ложились спать головой в том направлении, в каком уплыли каноэ с воинами. Затем они меняли позу, так как считалось, что воины уже возвращаются домой. В Массэт во время отсутствия воинов женщины-гайда танцевали и пели военные песни, все вещи вокруг себя следовало держать в определенном порядке. Несоблюдение женой этих обычаев могло якобы привести к гибели мужа. Когда на войну выступал отряд индейцев-карибов (р. Ориноко), их друзья, оставшиеся в деревне, старались как можно точнее высчитать момент, когда воины пойдут в атаку на врага. Тогда они клали на скамью двух юношей и, раздев их догола, задавали им жестокую порку. Юноши переносили ее безропотно, так как в страдании их поддерживало непоколебимое убеждение, которое они впитали с молоком матери: от твердости и силы их духа зависит мужество и успех их сражающихся товарищей.

42

В некоторых случаях принципы гомеопатической, или имитативной, магии использовались, когда люди хотели заставить деревья и другие растения плодоносить в нужное время. В Тюрингии, например, крестьянин, сеющий лен, несет семена на спине в длинном мешке, который свешивается до колен. Он идет большими шагами, так что мешок раскачивается у него из стороны в сторону. Согласно поверью, это заставит и лен раскачиваться на ветру. Распущенные волосы сеятельниц риса во внутренней области острова Суматра свободно ниспадают им на плечи, чтобы и рис разросся столь же пышно и имел столь же длинные стебли. В Древней Мексике совершалось празднество в честь богини маиса, так называемой длинноволосой матери. Оно начиналось в период, когда маис уже полностью поднялся и волокно, образовавшееся в верхней части початка, указывало на то, что зерно созрело. Во время танцев, которые составляли главную часть праздника, женщины распускали свои длинные волосы, и они развевались на ветру. Делалось это для того, чтобы и початки маиса выросли столь же длинными, чтобы зерна были широкими и плоскими и чтобы народ жил в изобилии. Во многих районах Европы танцы и высокие прыжки являются патентованными гомеопатическими средствами, якобы способствующими хорошему урожаю. Так, жители Франш-Контэ (Бургундия) говорят: для того чтобы хорошо поднялась конопля, следует вволю потанцевать на празднике Масленицы.

Представление о том, что человек может гомеопатически повлиять на растение, ярко выражено в ответе одной малайской женщины. На вопрос, почему во время сбора риса она оголила верхнюю часть тела, она ответила: «Я поступила так, чтобы сделать тоньше шелуху риса, потому что рис с толстой шелухой утомительно толочь». Она была уверена, что чем меньше одежды будет на ней, тем меньше шелухи будет на рисе. Магическая способность сообщать плодородие, приписываемая беременным женщинам, хорошо известна баварским и австрийским крестьянам. Они считают, что если дать беременной женщине отведать первый плод с дерева, то на следующий год оно принесет обильный урожай. Бесплодная же женщина, как полагают туземцы баганда, заражает бесплодием сад своего мужа и препятствует плодородию деревьев; поэтому с бездетной женщиной, как правило, разводятся. Греки и римляне приносили беременных женщин в жертву богиням

43

злаков и земли, чтобы земля была плодородной и наливались колосья злаков. Один католический священник увещевал индейцев бассейна реки Ориноко не позволять женщинам с грудными детьми засеивать поля под лучами палящего солнца. На это мужчины ответили ему: «Отец, эти обычаи раздражают тебя потому, что ты в них ничего не понимаешь. Видишь ли, женщины, в отличие от мужчин, привычны носить детей. Когда сеют женщины, один стебель маиса дает два или три початка, один корень юкки — две или три корзины плодов, и все умножается в равной пропорции. А почему это так? Да потому, что женщины сами умеют рожать и знают, как сделать, чтобы семя принесло плоды. Так пусть они и сеют. В этом деле нам, мужчинам, с ними не сравняться».

Таким образом, согласно принципам гомеопатической магии, своими действиями и состояниями человек может повлиять на растительность в хорошую или дурную сторону. Например, плодовитая женщина делает якобы растения плодородными, а бесплодная женщина — бесплодными. Вера во вредность и заразность тех или иных качеств или поступков людей породила множество запретов и табу: люди воздерживаются от определенных поступков, чтобы гомеопатически не заразить плоды земли. Такого рода воздержания или избегания служат примерами табуирования. Например, исходя из представления о передаче человеческих поступков неодушевленным предметам, галело утверждают, что не следует стрелять из лука под фруктовым деревом, иначе и плоды, как стрелы, попадают с дерева на землю. Съедая дыню, не следует смешивать косточки, выплевываемые изо рта, с косточками, которые откладываются на семена;

хотя в противном случае выплевываемая косточка взойдет и на стебле появятся цветы, но цветы будут опадать, как косточки выпадают изо рта, и, таким образом, эти семена плодов не принесут. Тот же самый ход мысли побуждает баварского крестьянина верить, что если он уронит на землю черенок фруктового дерева, то это дерево будет преждевременно сбрасывать плоды. Когда туземцы чам из Кохинхины[1] засеивают сухие рисовые поля, они, желая предотвратить порчу урожая дождем, едят рис сухим.

Человек в вышеприведенных примерах наделяет деревья и растения желательными или нежелательными свойствами в

[1] Прежнее название южной части Вьетнама.

44

зависимости от хороших или плохих качеств своей личности. Но воздействие по принципу гомеопатической магии является взаимным, то есть не только человек может якобы повлиять на растения, но и растение способно воздействовать на человека. Приверженцами практической ботаники гомеопатического образца являются индейцы-чероки. Жилистые корни растения кетгут столь крепки, что способны задержать движение плуга по борозде. Поэтому женщины племени чероков моют голову отваром из корней этого растения с целью укрепить их, а игроки в мяч омываются им, чтобы укрепить мускулы. Галело убежден, что не успеете вы съесть упавший на землю плод, как у вас также появится склонность спотыкаться и падать, а если вы отведаете что-то позабытое (например, оставшийся в горшке сладкий картофель или оставленную на огне баранину), то сами станете забывчивыми. Те же галело придерживаются мнения, что, если женщина съест два банана из одной связки, то она родит двойню. Индейцы южноамериканского племени гуарани считают, что женщина родит двойню, если съест два сросшихся зерна проса.

Любопытное приложение этого принципа в ведические времена породило колдовское средство, с помощью которого изгнанный властитель пытался возвратить себе царство. Для этого он должен был отведать пищу, приготовленную на дровах из пня срубленного дерева. Считалось, что укрепляющая сила дерева перейдет от огня к пище, а от пищи — к властителю. Сунданцы (остров Ява) убеждены, что если дом построен из древесины дерева, обросшего колючками, то жизнь его обитателей будет столь же тернистой и беспокойной.

Особая ветвь гомеопатической магии специализируется на покойниках: согласно гомеопатическому принципу, вы можете с помощью костей мертвеца или вообще всего, тронутого дыханием смерти, сделать людей слепыми, глухими и немыми, как покойник. Например, когда молодой галело идет ночью на любовное свидание, он набирает на могиле горсть земли и посыпает ею крышу дома своей возлюбленной как раз над тем местом, где спят ее родители. Он воображает, что могильная земля погрузит их в крепкий, мертвецкий сон, и они не помешают его свиданию с возлюбленной. Воры-взломщики во многих странах непременно использовали этот вид магии, который очень «полезен» в их профессии. Так, у южных славян взломщик иногда начинает ограбление с того, что подбрасы-

45

вает над домом кость покойника, говоря с едким сарказмом: «Пусть эти люди проснутся не раньше, чем эта кость». После этого в доме якобы не бодрствует ни одна душа. На острове Ява взломщик берет с могилы землю и рассыпает ее вокруг дома, который он намеревается ограбить, будто бы погружая его обитателей в глубокий сон. С той же целью индус насыпает у двери дома золу с погребального костра, перуанские индейцы — пыль от истолченных костей покойника, а взломщик-русин вынимает из берцовой кости мозг, заливает туда сало и поджигает его. После того как сало загорится, он трижды обходит вокруг дома с такой своеобразной свечой, что якобы заставляет обитателей дома заснуть мертвым сном. Или тот же русин делает флейту из ножной кости мертвеца и играет на ней, отчего будто бы всех слушателей одолевает дремота. С той же злонамеренной целью мексиканские индейцы использовали левое предплечье женщины, которая умерла при рождении первого ребенка. Прежде чем войти в дом, намеченный для ограбления, индеец стучал костью о землю. Это должно было вызвать у жителей дома потерю дара речи и способности двигаться; видя и слыша, они становились совершенно бессильными, как мертвые. Подобные же свойства в Европе приписывались «славной руке», представлявшей собой не что иное, как высушенную и забальзамированную руку повешенного. Если в «славную руку», как в подсвечник, вставляли зажженную свечу, сделанную из жира преступника, также окончившего жизнь на виселице, то она будто бы повергала в оцепенение всех, кто ее видел; подобно мертвецам, они и пальцем не могли пошевельнуть. Иногда свечой, точнее, связкой свечей становилась сама рука покойника, так как поджигали все ее иссохшие пальцы. Если один из

пальцев не загорался, значит, кто-то из домашних бодрствовал. Такого рода нечестивые огни могли быть погашены только молоком. Нередко предписывалось изготовлять воровскую свечку из пальца новорожденного или, еще лучше, мертворожденного ребенка. В других случаях считалось необходимым, чтобы вор имел при себе по одной такой свече на каждого жителя дома, потому что, будь у него одной свечой меньше, кто-нибудь в доме обязательно проснется и схватит его. В XVII столетии случалось, что грабители нападали на беременных женщин, чтобы извлечь на такие свечи плод из их утробы. У древних греков грабитель или взломщик думал, что самая злая сторожевая

46

собака замолчит и обратится в бегство, если он принесет с собой головню из погребального костра. Сербские и болгарские женщины, которых раздражают тяготы супружеской жизни, прикладывают медную монету к глазам покойника, омывают ее вином или водой и дают мужьям выпить эту жидкость. После этого те делаются якобы столь же слепыми к прегрешениям своих жен, как покойник, к глазам которого монету прикладывали.

Животные, как известно, обладают свойствами, которые могли бы быть полезными человеку, и гомеопатическая магия разными путями старается передать эти свойства людям. Некоторые из бечуанов носят, например, в качестве талисмана шкурку хорька, потому что этот очень живучий зверек якобы и их делает столь же жизнестойкими. Другие представители данной народности носят с той же целью какое-нибудь изуродованное, но живое насекомое. Воины-бечуаны носят в своих волосах шерсть безрогого быка, а на накидке — кожу лягушки. Украшенный этими амулетами человек верит, что его столь же трудно поймать, как безрогого быка и скользкую лягушку. Южноафриканскому воину, который вплетает в свои черные кудри пучки крысиной шерсти, также кажется очевидным, что у него столько же шансов избежать попадания вражеского копья, сколько их у проворной крысы уклониться от брошенного в нее предмета. Поэтому, когда в данном регионе готовится война, на крысиную шерсть большой спрос. Древние индийские книги предписывают: когда надлежит принести жертву во имя победы, глину, из которой строится алтарь, следует брать с места, на котором валялся кабан, потому что этой земле передается мощь кабана. Если при игре на однострунной лютне вы чувствуете, что ваши пальцы деревенеют, нужно наловить длинноногих полевых пауков, сжечь их и натереть свои пальцы золой; это якобы сделает пальцы столь же гибкими и проворными, как конечности паука. По крайней мере, таково мнение галело. Чтобы возвратить беглого раба, араб чертил на земле магический круг, втыкал в его середину гвоздь и за нитку привязывал к нему жука, обращая внимание на то чтобы пол жука соответствовал полу беглеца. Ползая вокруг гвоздя, жук наматывает на него нитку, все более сокращая привязь и приближаясь к центру. Хозяин раба уверен, что, подобно жуку, и его беглый раб будет с помощью гомеопатической магии притянут к нему.

47

Туземец из Британской Новой Гвинеи, убив змею, сжигает ее и перед тем, как идти в лес, смазывает ее пеплом ноги: считается, что в течение нескольких дней после этого его не укусит ни одна змея. Древние греки думали, что употребление в пищу мяса соловья лишает сна; что стоит смазать глаза близорукого человека желчью орла, и он обретает орлиное зрение; что вороньи яйца возвратят черноту вороньего крыла серебряным волосам старика.

Индейцев-гуичолей восхищает прекрасный узор на спинах змей. Поэтому, когда женщина-гуичоль приступает к шитью или вышиванию, ее муж ловит большую змею и держит ее зажатой в расщепленной палке. Женщина сначала гладит пресмыкающееся рукой по всей его длине, потом проводит той же рукой по лбу и глазам, чтобы суметь вышить орнамент столь же прекрасный, как узор на спине змеи.

В соответствии с принципами гомеопатической магии считалось, что и неодушевленные предметы, подобно животным и растениям, могут оказывать на окружающее как благотворное, так и вредное воздействие благодаря их внутренней природе или умению колдуна использовать при случае их свойства. В Самарканде женщины давали ребенку пососать леденец и смазывали его ладони клеем, чтобы, когда ребенок вырастет, его речи были сладкими и дорогие вещи «липли» к его рукам. Греки считали, что одежда, сшитая из шерсти овцы, которую задрал волк, будет причинять его носителю вред, вызывая у него чесотку или раздражение кожи. Они также придерживались мнения, что если камень, побывавший во рту у собаки, окунуть в вино, то это вызовет ссору между людьми, которые его выпьют. Бездетные арабские женщины из Моаба берут взаймы платье у многодетной женщины, надеясь вместе с ним приобрести плодовитость его владелицы. Кафры из Софалы (Восточная Африка) приходят в великий ужас от удара полым

предметом, таким, как тростник или соломинка, и предпочли бы быть побитыми толстой дубиной или железным прутом, хотя это более повредило бы их здоровью. Им кажется, что, если человека побьют чем-то полым, его внутренности будут чахнуть до тех пор, пока он не умрет. В Восточных морях *(Eastern seas)* распространена разновидность больших раковин, которые бугинезцы на острове Целебес называют «стариками». По пятницам они ставят этих «стариков» на порог дома в полной уверенности, что всякий, кто

48

ступит на порог, доживет до глубокой старости. Мальчик-брахман во время инициации должен наступить на камень правой ногой, повторяя такие слова: «Наступи на этот камень и будь тверд, как он». Тот же обряд с теми же словами совершается невестой брахмана при вступлении в брак. На острове Мадагаскар для противодействия непостоянству судьбы в основание тяжелой сваи, поддерживающей дом, нужно зарыть камень. Распространенный обычай клясться на камнях, возможно, основывается на вере в то, что мощь и прочность камня подкрепляют клятву. Так, датский историк Саксон Грамматик[1] рассказывает, что, «когда древним предстояло выбирать царя, они обычно становились на вросший в землю камень и оттуда провозглашали свое решение; порукой тому, что решение прочно, была непоколебимость камня».

Считается, что в камнях пребывает магическая сила. Не только по причине их большого веса и прочности. Магические свойства приписываются отдельным камням в зависимости от их особой, специфической формы и окраски. К примеру, перуанские индейцы использовали одни виды камней для увеличения урожая маиса, другие — картофеля, третьи — для умножения скота. Камни, используемые для увеличения урожая маиса, напоминали по форме маисовые початки, а те, что способствовали якобы росту поголовья скота, имели форму барана.

Вера в то, что камни наделены чудодейственной силой, природа которой связывалась с формой камня, имеет хождение и в некоторых районах Меланезии. Так, кусок обточенного водой коралла на морском берегу часто бывает поразительно похож на плод хлебного дерева. Житель Банксовых островов, нашедший такой коралл, зарывает его у корневища одного из своих хлебных деревьев в надежде на то, что это побудит дерево принести хороший урожай. Если эта надежда оправдывается, владелец камня за соответствующее вознаграждение принимает от соплеменников камни с менее выраженными чудодейственными свойствами и кладет их рядом со своим, чтобы те пропитались его магической силой. Считается также, что камень с небольшими кругами на поверхности хорош для умножения денег. Если же кто-то увидит большой камень, а

[1] Саксон Грамматик (1140-ок. 1208) — датский хронист-летописец.

49

под ним множество маленьких камешков, как поросят под опоросившейся свиньей, он не сомневается, что, положив на такой камень деньги, умножит число собственных поросят. В этих и подобных им случаях меланезийцы приписывают чудодейственную силу не самому камню, а пребывающему в нем духу. И иногда, как мы только что видели, человек стремится умилостивить этот дух, возлагая на камень приношения. Но представление о нуждающихся в умилостивлении духах лежит не в сфере магии, а в сфере религии. Когда (как в приведенном случае) такое представление встречается в связи с чисто магическими идеями и действиями, эти последние, как правило, являются главным стволом, к которому позднее было привито религиозное представление. Ведь есть веские основания полагать, что магия предшествовала религии в эволюции мышления. К этому вопросу мы еще вернемся.

Древние придавали большое значение магическим свойствам драгоценных камней. Очень вероятно, что люди использовали их в качестве амулетов задолго до того, как стали носить их как украшения. Так, греки называли древесным агатом камень, имеющий древесную окраску, и полагали, что, если два таких камня привязать к рогам или шеям запряженных в плуг быков,. жатва наверняка будет обильной. Они же считали, что молочный камень способен вызывать у женщин обильное выделение молока, если его выпить растворенным в медовухе *(honey-mead).* Греки верили также в камень, который будто бы излечивал от укусов змей, поэтому они назывались змеиными. Чтобы проверить его действенность, рекомендовалось растереть этот камень в порошок и присыпать им рану от укуса. Аметист, камень винного цвета, обязан своим названием (которое означает «не пьяный») тому, что, как считалось в древности, носящий его человек всегда остается трезвым. Двум братьям, желавшим жить дружно, советовали носить на себе магниты, которые, «притягивая их», мешали бы им ссориться.

В древних обрядовых книгах индусов есть такое правило: в первую брачную ночь муж должен в молчании просидеть с молодой женой до того времени, когда на небе замерцают звезды. Как

только взойдет Полярная звезда, муж указывает на нее жене и, обращаясь к звезде, говорит: «Ты так тверда, и я созерцаю тебя, твердую. Будь же твердой ты со мной, о цветущая!» Затем, обратившись к жене, он должен сказать:

50

«Брихаспати дал мне тебя. Живи же со мной сто осеней и имей потомство от меня, от твоего мужа». Цель этого обряда ясна: попытаться избежать переменчивости судьбы и непрочности земного блаженства, уповая на постоянство звезды. То же желание выражено в. последнем сонете Джона Китса[1]:

Когда бы был я, яркая звезда, тверд, словно ты, Не нависала бы в сиянье одиноком ночь в вышине.

Приморских жителей не может не волновать зрелище бесконечных приливов и отливов. Поэтому, опираясь на принципы грубой философии симпатии и сходства, которую мы здесь рассматриваем, они способны установить «невидимую взаимосвязь» и «тайную гармонию» между морскими приливами и отливами, с одной стороны, и жизнью человека, животных и растений — с другой. Эти люди видят в приливе не просто символ, а причину изобилия, процветания и жизни, тогда как в отливе им чудится причина и мрачный символ неудачи, бессилия и смерти. Бретонский крестьянин воображает, что посеянный во время прилива клевер будет расти хорошо, но, если посеять его при отливе или низкой воде, он якобы никогда не созреет, а питающиеся им коровы издохнут. Крестьянка же считает, что масло лучше всего сбивается в начале прилива; что молоко, пенящееся в маслобойке, будет продолжать пениться до тех пор, пока не спадет высокая вода; что вода, вынутая из колодца во время прилива, или молоко, выдоенное в это же время, «убежит» во время кипячения из горшка или кастрюли.

По мнению древних, даже после того, как шкура тюленя отделена от туши, она пребывает в тайной связи с морем и якобы собирается складками во время отлива. Другое античное верование, идущее, как утверждают, от Аристотеля[2], гласило: любое живое существо умирает только при отливе. Если верить Плинию, относительно людей это верование многократно находило опытное подтверждение на побережье Франции. Филострат также уверяет нас, что в Кадизе умирающие никогда не испускали дух при высокой воде. Тот же предрассудок все еще сохраняется в некоторых частях Европы. Жители

[1] Китс Джон (1795—1821) — английский поэт-романтик.

[2] Аристотель (384 — 322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый.

51

Кантабрийского побережья думают, что от хронической болезни или скоропостижно люди умирают именно в тот момент, когда прилив начинает отступать. В Португалии, на всем побережье Уэльса и на побережье Бретани, говорят, имеет хождение верование, что, когда вода прибывает, люди рождаются, а когда вода убывает, люди умирают. Существование того же суеверия в Англии засвидетельствовано Чарлзом Диккенсом. «На побережье люди умирают не иначе, — говорит г-н Пегготти, — как если вода совсем сходит на нет. И не рождаются, покуда прилив не войдет в силу, то есть до того, пока не поднимется вода». Мнения, что большинство смертей случается при отливе, придерживаются на всём восточном побережье Англии от Нортумберлэнда до Кента. Шекспир, вероятно, был хорошо знаком с этим суеверием, потому что заставил Фальстафа умереть «как раз между двенадцатью и часом, покуда начинается отлив». С этим поверьем мы сталкиваемся также на тихоокеанском побережье Северной Америки у индейцев-хайда. Когда мужчина из племени хайда находится при смерти, он видит каноэ, на веслах которого сидят его умершие друзья. Оно приплывает вместе с приливом, чтобы передать ему привет из страны духов. «Иди с нами, — говорят друзья, — вот-вот начнется отлив, и мы должны уходить». Туземцы Порт-Стифенса (Новый Южный Уэльс) хоронят мертвых только при приливе, так как считают, что иначе отливающая вода занесет дух усопшего в далекую чужую страну.

Чтобы обеспечить себе долгую жизнь, китайцы прибегают к сложным колдовским приемам. Они улавливают магическую силу, истекающую якобы в соответствии с гомеопатическими принципами от времен года, людей и вещей. Проводником этих благоприятных воздействий является не что иное, как саван. Многие китайцы готовят себе саван при жизни. Скроить и сшить его большинство из них поручает незамужним девушкам и молодым женщинам, рассчитывая на то, что, поскольку портниха проживет еще много лет, часть ее жизненной силы, конечно, должна перейти на саван и таким образом отсрочить на много лет тот момент, когда он будет использован по назначению. Одежду покойника предпочитают шить в високосный год, так как для китайца кажется очевидным, что сшитый в длинный год саван будет в большей степени обладать способностью продлевать жизнь. Особенно много усилий шло на то, чтобы наделить этим

бесценным качеством одну
52
часть погребального одеяния — длинное шелковое платье глубочайшего синего цвета со словом «долговечность», вышитым золотыми нитками. Подарить пожилому человеку одну из таких дорогих, прекрасных мантий, известных под названием «одеяния долговечности»; считается у китайцев актом сыновней почтительности и внимания. Так как такое одеяние предназначено для того, чтобы продлить жизнь его владельца, тот часто, особенно в торжественных случаях, надевает его, чтобы благодатное воздействие вышитого золотыми иероглифами одеяния сказалось на нем в полной мере. Прежде всего он не упустит надеть его в день рождения, так как здравый смысл побуждает китайцев создавать в день своего рождения запас жизненной энергии, расходуемой в течение остальной части года. Одетый в роскошное облачение, каждой частицей своего тела поглощающий его благодатное воздействие, счастливый «именинник» охотно принимает поздравления друзей и родственников, которые выражают ему свое восхищение великолепными погребальными одеждами и почтительностью его детей, которые преподнесли столь прекрасный и полезный подарок.

Положение «подобное производит подобное» находит еще одно применение в китайском веровании, согласно которому на судьбу городов глубокое влияние оказывает их форма. Судьба эта находится якобы в зависимости от характера предмета, с которым форма города больше всего сходна. По преданию, древний город Цынчэ-фу, очертания которого напоминали форму карпа, часто становился жертвой опустошительных набегов со стороны жителей соседнего города Юнчунь, похожего по форме на рыболовную сеть. Это продолжалось до тех пор, пока жителям Цынчэ-фу не пришла в голову счастливая мысль возвести в центре две высокие пагоды. Эти до сих пор возвышающиеся над городом пагоды оказали самое благое влияние на его судьбу, «не позволяя» воображаемой сети опуститься и запутать воображаемого карпа. Сорок лет тому назад шанхайские мудрецы[1] приложили много усилий к тому, чтобы установить причину одного местного восстания. После тщательного расследования они признали, что причиной восстания была форма большого нового храма: к великому сожалению, храм был построен в форме черепахи, живот-

[1] То есть в начале 80-х годов прошлого века.

53
ного с весьма дурным, по их убеждению, нравом. Трудность была нешуточной, а меры по предупреждению опасности требовались безотлагательные. Снести храм было неблагочестиво, а оставить его в том же виде значило накликать на город подобные, а может быть, и худшие бедствия. Но гений местных знатоков геомантии блестяще преодолел эту трудность и отвел опасность от города. Наполнив водой два колодца, символизировавшие глаза черепахи, шанхайские мудрецы тут же «ослепили» пользующееся дурной репутацией животное и таким образом сделали его неспособным приносить несчастья в будущем.

Иногда к гомеопатической магии прибегают, чтобы предотвратить зло путем подражания ему. Так стремятся перехитрить судьбу, подменив настоящее бедствие мнимым. На Мадагаскаре эта игра в прятки с судьбой возведена в систему. Судьба каждого человека, по местным верованиям, определяется днем и часом его рождения, и, окажись они несчастливыми, бед, грозящих этому человеку, можно избежать лишь путем их «извлечения» и «замены». Извлечь несчастье можно по-разному. Если, к примеру, человек родился в первый день второго месяца (февраля), то, когда он вырастет, у него, по поверью, обязательно сгорит дом. Друзья новорожденного стремятся заранее отвратить эту катастрофу: они строят в поле или в загоне для скота сарай и сжигают его. Чтобы обряд возымел должное действие, мать с новорожденным следует посадить в сарай, поджечь его, а затем вытащить их оттуда, пока сарай не обрушился. Дождливый ноябрь считается на Мадагаскаре месяцем слез. Ребенок, появившийся на свет в ноябре, рожден для горя. Чтобы рассеять грозовые тучи, собирающиеся над его будущим, он должен всего лишь снять крышку с кипящего горшка и потрясти ею во все стороны. Падающие с крышки капли оплачут его судьбу, и ему самому уже не придется лить слезы. Если девушке «написано на роду» увидеть со скорбью, как ее будущие дети сойдут в могилу раньше нее, она может отвратить от себя это горе следующим образом. Убив кузнечика, девушка заворачивает его в тряпку, изображающую саван. Она безутешно плачет над ним, как Рахиль над своими детьми. После этого она ловит еще дюжину других кузнечиков и, переломив у них ноги и крылья, кладет их рядом с дохлым. Стрекотание изуродованных насекомых, судорожные движения их искалеченных чле-

54

нов символизируют пронзительные крики и конвульсии плакальщиков на похоронах. Похоронив дохлого кузнечика, девушка оставляет остальных в живых, чтобы они продолжали оплакивание до тех пор, пока смерть не избавит их от мучений. Завязав в узел волосы, она возвращается с могилы погребенного ею кузнечика в селение с видом человека, убитого горем. С этого дня она уже радостно смотрит в будущее и не сомневается, что дети ее переживут: ведь нельзя же оплакивать и хоронить их дважды. Если человек от рождения обижен судьбой, которая отметила его печатью бедности, он может легко избавиться от этого клейма. Для этого достаточно купить пару дешевых жемчужин стоимостью в полтора пенса и зарыть их в землю. Ведь только поистине богатые люди могут позволить себе роскошь сорить жемчужинами!

Контагиозная магия.

До сих пор мы рассматривали главным образом одну отрасль симпатической магии — магию гомеопатическую, или имитативную. Ее основной принцип — подобное производит подобное или, другими словами, следствие похоже на свою причину. Другая разновидность магии, которую мы назвали магией контагиозной, исходит из того, что вещи, единожды находившиеся в соприкосновении, должны, будучи разъединенными, оставаться в симпатическом отношении. Что бы ни произошло с одной из них, то же должно произойти и с другой. Логической предпосылкой как контагиозной, так и гомеопатической магии является ложная ассоциация идей. Ее физическая основа (если о существовании таковой вообще можно говорить) — это материальная среда, которая якобы соединяет отдаленные предметы и передает их воздействия друг на друга. Самый привычный пример контагиозной магии — магическая симпатия, якобы существующая между человеком и частями его тела, волосами или ногтями. Тот, кто имеет у себя чьи-то волосы или ногти, может будто бы на любом расстоянии навязать свою волю их владельцу. Предрассудок этот распространен по всему миру. Ниже мы проиллюстрируем его на примерах.

У австралийских аборигенов во время обрядов инициации, которым каждый юноша должен подвергнуться, прежде чем он получит права и привилегии взрослого мужчины, бытует обычай выбивать один или несколько передних зубов. Происхождение и сущность этого обычая неясны. В данном случае нас интересует лишь вера туземцев в то, что после извлечения

55

зуба из челюсти юноши между ним и его бывшим «владельцем» продолжает существовать симпатическая связь. Поэтому у некоторых племен района реки Дарлинг (Новый Южный Уэльс) выбитый зуб засовывали под кору дерева, растущего около реки или ямы с водой. Если зуб зарастал корой или падал в воду, причин дли беспокойства не было. Но если он выступал наружу и по нему бегали муравьи, то юноше, по убеждению туземцев, грозила болезнь полости рта. Мурринг и другие племена Нового Южного Уэльса сначала препоручали хранение выбитого зуба одному из стариков. Затем он переходил от одного старейшины к другому, пока, обойдя по кругу всю общину, не возвращался к отцу юноши и, наконец, к самому юноше. При этом ни один из тех, у кого хранился зуб, не должен был класть его в мешок с «магическими предметами»; считалось, что в противном случае владелец зуба окажется в большой опасности. Хранителем зубов, выбитых у юношей во время инициации, был однажды покойный д-р Хауитт. Старейшины племени настоятельно просили его не носить их в мешке, в котором, как им было известно, он хранил кристаллы кварца. Если он это сделает, говорили они, магия кристаллов перейдет на зубы и причинит вред юношам. Спустя почти год после получения зубов на хранение Хауитта посетил один из вождей племени мурринг. Он прошел 250 миль, чтобы забрать у него эти зубы. Пришедший объяснил, что один из юношей заболел, и туземцы решили, что зуб получил какое-то повреждение, которое и отразилось на здоровье юноши. Посланца заверили, что зуб хранился в коробке отдельно от всех предметов (например, от кварца), которые могли на него подействовать. После этого мурринг возвратился домой, принеся с собой тщательно завернутые зубы.

Басуты тщательно прячут вырванные зубы, чтобы они не попали в руки мифических существ, которые, согласно их верованиям, посещают могилы и могут магическим путем повредить владельцу зуба. Пятьдесят лет тому назад[1] одна служанка в графстве Суссекс настоятельно советовала не выбрасывать выпавшие детские зубы. Если, утверждала она, зуб найдет и изгложет животное, новый зуб ребенка наверняка будет похож на зуб животного. В доказательство она ссылалась на некоего старика Симмонса, у которого из верхней

[1] Речь идет о середине прошлого века.

56

челюсти торчал большой свиной клык. Дефектом этим, как утверждал сам старик, он был обязан

своей матери, которая случайно выбросила один из его выпавших зубов в корыто для свиней. Это верование вело к действиям, направленным на то, чтобы с помощью гомеопатической магии заменить плохие старые зубы новыми крепкими зубами. Многие народы кладут вырванный или выпавший зуб в такое место, где его может найти крыса или мышь, в надежде на то, что благодаря симпатической связи, продолжающей существовать между зубами и их прошлым владельцем, его зубы станут столь же крепкими и прочными, как зубы этих грызунов. Почти все немецкие крестьяне придерживаются мнения, что вырванный зуб нужно засунуть в мышиную нору. Считается, что если поступить так с выпавшим у ребенка молочным зубом, то он на всю жизнь[1] будет избавлен от зубной боли. Или же владельцу выпавшего зуба нужно зайти за печь и перебросить зуб через голову, приговаривая: «Дай мне, мышка, твой железный зуб. На, возьми мой зуб костяной». После этого у него будут отличные зубы. Когда на острове Раратонга в Тихом океане у ребенка выпадал зуб, туземцы произносили следующее заклинание:

Большая и малая крысы! Вот мой старый зуб, Прошу вас дать мне новый.

Затем зуб забрасывали на соломенную крышу дома, потому что в подгнившей соломе обычно устраивают себе гнездо крысы. К крысам в таких случаях туземцы обращались потому что считали крысиные зубы самыми крепкими.

Существуют также поверья, что и другие части и органы тела, будучи физически отделены от человека, пребывают с ним в симпатической связи. К таковым, например, относят пуповину и плаценту (детское место). Связь эта считается столь тесной, что часто судьба человека на протяжении всей жизни связывается с их судьбой. Жизнь ребенка сложится благоприятно, если пуповина или плацента находятся в сохранности. Если же им наносят повреждения или теряют их, страдает и ребенок. Так, аборигены Западной Австралии верят, что человек будет хорошим или плохим пловцом в зависимости от того, бросила мать при рождении его пуповину в воду или нет. У туземцев района реки Пенфатер (Квинсленд)

57

бытует поверье, что часть души ребенка остается в последе. Поэтому бабушка ребенка уносит послед и зарывает его в песок. Место это она отмечает кольцом из воткнутых в песок ветвей; вершины ветвей она связывает так, что по форме сооружение напоминает конус. Когда Анжеа — существо, которое якобы делает женщину беременной, помещая в ее утробу младенца, вылепленного из грязи, — проходит- мимо этого места, оно извлекает душу из последа и уносит ее в одно из своих убежищ (в дупло, углубление в скале или лагуну), где она остается на года. Но рано или поздно Анжеа возвращает душу ребенку, и тот как бы вторично рождается на свет. На одном из Каролинских островов (о. Понапе) пуповину кладут в раковину и обращаются с ней так, чтобы как можно лучше подготовить ребенка к тому роду деятельности, который избрали для него родители. Например, если родители хотят сделать из него мастера лазить по деревьям, пуповину подвешивают на дерево. Жители острова Кен видят в пуповине брата или сестру новорожденного (в зависимости от его пола). Они кладут ее в горшок с золой, который помещают в ветвях дерева так, чтобы она могла оттуда бдительно следить за судьбой ребенка. У батаков с острова Суматра и у многих других народов островов Индийского океана послед слывет младшим братом или сестрой ребенка (пол определяется в зависимости от пола ребенка), и его зарывают под домом. По поверью батаков, от него зависит благоденствие ребенка, он является обиталищем переходящей души, о которой мы поговорим позднее. Каробатаки уверены, что настоящей из двух имеющихся у человека душ является та, которая пребывает под домом вместе с последом: эта-то душа, по их словам, и дает ребенку жизнь.

Баганда верят, что каждый человек рождается на свет с двойником, и этого двойника они отождествляют с последом. Мать зарывает послед у подножия бананового дерева, которое становится таким образом священным до тех пор, пока его плоды не созреют и их не сорвут для священного семейного праздника. Чероки погребают пуповину девочки под ступой для зерна, чтобы она выросла хорошей стряпухой; пуповину же мальчика они вешают в лесу на дерево, чтобы он стал ловким охотником. Перуанские инки сохраняли пуповину с величайшей тщательностью и давали ее сосать ребенку, когда тот заболевал. В древней Мексике пуповину мальчика обычно

58

отдавали воинам, и они зарывали ее на поле битвы, чтобы мальчик стал воином. Пуповину же девочки зарывали рядом с домашним очагом: считалось, что это возбудит в ней любовь ко всему домашнему и вкус к приготовлению пищи.

Многие европейцы до сих пор верят, что судьба личности так или иначе связана с судьбой

пуповины или детского места. Так, в прирейнской области Баварии пуповину на некоторое время заворачивают в кусок старого холста, а затем в зависимости от пола ребенка разрезают на части или протыкают, чтобы мальчик вырос умелым работником, а девочка — хорошей швеей. В Берлине повивальная бабка обычно отдает высушенную пуповину отцу ребенка со строгим наказом бережно хранить ее; ведь пока она сохраняется в целости, ребенок будет жить и здравствовать. В Босе и Перше (Франция) пуповину никогда не бросят в воду или в огонь, так как боятся, что в этом случае ребенок утонет или сгорит.

Таким образом, многие народы считают пуповину, а еще чаще — детское место живым существом, братом или сестрой ребенка, или предметом, в котором пребывает дух — хранитель ребенка или часть его души. Вера в симпатическую связь, существующую якобы между человеком и его последом или пуповиной, находит прямое выражение в распространенном обычае обращаться с детским местом или с пуповиной так, чтобы оказать влияние на характер и род деятельности человека. Таким образом, верования и обычаи, связанные с детским местом (в меньшей степени с пуповиной), находятся в полном соответствии с широко распространенным представлением о передающейся, или внешней, душе и основанными на нем обычаями. Можно с основанием предположить, что это сходство является не просто случайным совпадением и что в детском месте или плаценте мы имеем (возможно, не единственное) физическое основание представлений о внешней душе и связанных с ней обычаев. Этот вопрос мы рассмотрим в дальнейшем.

Любопытным приложением доктрины контагиозной магии является вера в связь, которая якобы существует между раненым человеком и предметом, которым была нанесена рана: то, что впоследствии происходит с этим предметом, оказывает якобы соответствующее влияние на пострадавшего. Если, пишет Плиний, вы сожалеете о том, что ранили человека, то стоит вам поплевать на нанесшую рану руку — и его страдания

59

мгновенно облегчатся. Если в Меланезии друзья мужчины овладевают ранившей его стрелой, они держат ее в сыром месте или завернутой в прохладных листьях; в таком случае, считают они, воспаление от раны будет пустяковым и скоро пойдет на убыль. Тем временем выпустивший стрелу враг, напротив, прилагает усилия к тому, чтобы сделать. рану более тяжелой. С этой целью он и его друзья пьют горячие, жгучие настои и жуют вызывающие раздражение листья, что, по их убеждению, должно привести к воспалению и раздражению раны. Далее, они держат лук рядом с огнем, чтобы сделать рану, нанесенную выпущенной из него стрелой, более болезненной. С той же целью они кладут в огонь острие стрелы (если оно у них есть). Они также стараются держать тетиву лука натянутой и время от времени издают ею резкий звук, считая, что это заставляет раненого страдать от нервного напряжения и приступов столбняка. «Нас постоянно уверяют, — писал Френсис Бэкон[1], — что смазывание оружия, которым была нанесена рана, излечивает саму рану. В изложении заслуживающих доверия людей (хотя сам я пока не совсем склонен в это верить) нужно обратить внимание на следующее: во-первых, необходимая для этого мазь приготавливается из ингредиентов, наиболее странными и труднодоступными из которых являются: мох с черепа мертвого, но незахороненного человека и жир ребенка или медведя, убитого во время совокупления». Ценная мазь, состоящая из этих и подобных ингредиентов, прикладывалась, по свидетельству философа, не к ране, а к оружию. При этом сам раненый человек находился на значительном расстоянии и ничего об этом не знал. В виде эксперимента пробовали, по словам Бэкона, стирать мазь с оружий так, чтобы сам раненый об этом не знал. В результате у него якобы тут же наступал сильный приступ боли, который продолжался до тех пор, пока оружие снова не смазывали. Более того, «некоторые утверждают, что если вы не можете достать само оружие, то вложите в рану железный или деревянный инструмент, напоминающий по форме оружие, чтобы вызвать кровотечение раны, и смазывание этого инструмента возымеет то же действие». В графствах Восточной Англии и ныне по-прежнему пользуются спросом лечебные средства, которым уделил внимание Бэкон. Так, если житель графства Суф-

[1] Бэкон Френсис (1561-1626) - английский философ.

60

фолк порежется садовыми ножницами или косой, он до блеска натирает этот инструмент и смазывает его, чтобы избежать загноения раны. Если крестьянин уколет руку шипом, он смазывает извлеченный шип маслом или жиром. Как-то к врачу пришел человек с воспаленной раной на руке, которую он при сооружении изгороди поранил шипом. Когда ему сказали, что рана нагноилась, он ответил: «Этого не должно было случиться. Ведь я смазал шип жиром сразу же

после того, как вынул его». Если лошадь наступит на гвоздь и поранит себе ногу, суффолкский конюх хранит этот гвоздь, чтобы рана не нагноилась, и каждый день смазывает его. Чернорабочие из графства Кембриджшир думают, что, если лошадь наступила на гвоздь, нужно вынуть его, смазать свиным салом или маслом и положить в надежное место. В противном случае лошадь не поправится. Как-то один крестьянин послал за врачом-ветеринаром, чтобы тот осмотрел лошадь, которая раскроила себе бок о крюк воротного столба на ферме. По прибытии на ферму врач заметил, что для раненой лошади ничего сделано не было, а хозяин был занят выламыванием крюка из воротного столба, чтобы иметь возможность смазать его и отложить в сторону, что, по мнению кембриджских мудрецов, поведет к выздоровлению животного. Эссекские крестьяне также полагают, что, если человек получил удар ножом, для его выздоровления важно, чтобы нож был смазан и положен поперек кровати, на которой лежит раненый. В Баварии вам посоветуют смазать жиром полотняную тряпку и привязать ее к лезвию ранившего вас топора, стараясь при этом держать его лезвием кверху. По мере того как жир на топоре высыхает, ваша рана залечивается. В горах Гарца жители говорят, что если вы порезались, то должны смазать нож или ножницы жиром и отложить инструмент в сухое место во имя Отца и Сына и Святого Духа. Как только нож высохнет, излечится и рана. Жители же других областей Германии считают, что вы должны воткнуть нож в сырую землю и ваша рана вылечится по мере того, как нож покроется ржавчиной. Баварцы же советуют смазать топор или другое оружие кровью и положить его под карниз.

Еще один шаг вперед по сравнению с английскими и немецкими крестьянами и туземцами Америки и Меланезии делают аборигены Центральной Австралии. По их мнению, чтобы раненый выздоровел, его близкие родственники должны сма-

61

зывать свое тело жиром, ограничивать свой рацион и определенным образом регулировать свое поведение. Так, пока рана подростка не зажила после обрезания, его мать не может употреблять в пищу мясо опоссума, определенную разновидность ящериц, ковровую змею и любой вид жира. Эта еда якобы может задержать заживание раны мальчика. Она ежедневно смазывает палки для копания и ни на минуту не выпускает их из виду; ночью она кладет их в изголовье. Дотрагиваться до них не позволено никому. Каждый день мать мальчика растирает свое тело жиром, ибо считается, что это содействует выздоровлению ее сына. Другой утонченный прием, основанный на том же принципе, изобретен немецкими крестьянами. Когда одна из свиней или овец баварского или гессенского крестьянина ломает ногу, он накладывает повязку и шину на ножку стула. После этого несколько дней никому не позволяется сидеть на этом стуле, передвигать его или спотыкаться о него: это-де причинит боль раненой свинье или овце и помешает ее выздоровлению. В последнем случае мы явно перешли из области контагиозной магии в область магии гомеопатической, или имитативной. Ножка стула, которую лечат вместо ноги животного, никоим образом животному не принадлежит, и наложение на нее повязок является чистой имитацией лечения, которому рациональная хирургия подвергла бы настоящего больного.

Воображаемая симпатическая связь между человеком и ранившим его оружием, возможно, основывается на том представлении, что кровь на оружии продолжает оставаться в родстве с кровью раненого. По подобной же причине папуасы с острова Тумлео, неподалеку от Новой Гвинеи, стараются выбросить в море окровавленные повязки, которыми перевязывали их раны, из страха, что, если эти тряпки попадут в руки врагов, те могут с помощью оных причинить им вред. Когда один человек, раненный в рот — его рана, не переставая, кровоточила, — обратился за врачебной помощью к миссионерам, его жена постаралась собрать кровь и выбросить ее в море.

Какой бы искаженной и неестественной ни казалась нам эта идея, она не так неестественна, как вера в то, что магическая связь сохраняется между человеком и его одеждой, так что все случившееся с одеждой якобы отражается и на самом человеке, даже если в это время он находится далеко. Чтобы

62

наслать на какого-нибудь человека болезнь, колдун племени вотжобалук (штат Виктория, Юго-Восточная Австралия) крадет у него накидку из шкуры опоссума и медленно поджаривает ее на огне; от этого якобы владелец накидки заболевает. Если колдун соглашается разрушить чары, он возвращает накидку друзьям больного, наказывая положить ее в воду, «чтобы смыть огонь». После этого больной чувствует будто бы освежающую прохладу и выздоравливает. На острове Танна (Новые Гебриды) человек, «имевший зуб» на другого человека и желавший его смерти, пытался заполучить одежду, которая пропиталась потом врага. Если это ему удавалось, он тща-

тельно натирал одежду листьями и ветвями определенного дерева, затем связывал одежду, ветки и листья в удлиненный сверток, по форме напоминающий сосиску, и медленно сжигал его на огне. При этом он был уверен, что, пока сверток прогорает, жертва заболевает, а когда он превращается в пепел, она умирает. Можно предположить, что при этой форме колдовства магическая симпатия имела место не столько между человеком и одеждой, сколько между человеком и потом, которым было покрыто его тело. Но в других случаях того же рода и одежды самой по себе считалось достаточно для того, чтобы колдун овладел своей жертвой. Когда у поэта Феокрита колдунья растапливала изображение или кусок воска, чтобы ее неверный любовник также растаял от любви к ней, она не забыла бросить в огонь клочок плаща, который тот по рассеянности оставил в ее доме. Жители Пруссии говорили, что, если вы не можете поймать вора, нет ничего лучшего, как взять одежду, которую тот потерял во время бегства: если вы ее изрядно поколотите, вор заболеет. Это верование пустило глубокие корни в уме народа. В начале XIX века в окрестностях города Беренда одного человека застигли при попытке украсть мед. Тот убежал, но не успел захватить с собой свою одежду. Когда он узнал, что разгневанный собственник меда колотит его одежду молотком, он пришел в такое смятение, что слег в постель и умер.

Многие верят, что с помощью магии можно симпатически воздействовать на человека не только через одежду и остриженные волосы и ногти, но также через следы, оставленные им на песке или на земле. По всему миру распространено, в частности, поверье, согласно которому, повредив следы, вы наносите вред оставившим их ногам. Туземцы в Юго-Восточ-

63

ной Австралии верят, что они могут, положив на отпечатки ног острые куски кварца, стекла, кости или древесного угля, сделать человека хромым. Заметив, что человек из племени татун-голунг сильно хромает, доктор Хауитт спросил его, в чем дело. Тот ответил: «Кто-то положил на мою ступню бутылку». На самом деле он страдал от ревматизма, но считал, что враг нашел отпечаток его ноги и воткнул в него осколок разбитой бутылки; это магическое действие и вызвало боль в ноге.

У разных народов Европы бытуют приемы того же рода. У мекленбуржцев считается, что, если вы вгоните гвоздь (иногда требуется, чтобы этот гвоздь был выдернут из гроба) в оставленный человеком след, тот охромеет. К этому же способу нанесения вреда прибегают и в некоторых областях Франции. Рассказывают, что в городе Стоу (графство Суффолк) часто появлялась женщина-колдунья. Если кто-то шел за ней и втыкал в ее следы гвоздь или нож, пожилая дама якобы не могла двинуться с места, пока его не вынимали. У южных славян девушка берет землю из-под следов своего возлюбленного и наполняет ею цветочный горшок. Она сажает в него бархатцы — цветы, которые считаются неувядающими. Она верит, что, подобно тому как растут, цветут и не увядают эти золотистые цветы, будет неувядающей и любовь ее милого. Предполагается, что любовные чары подействуют на юношу через посредство земли, по которой он ступал. На ту же идею симпатической связи между человеком и отпечатками его ног опирались древние датчане при заключении договоров: в залог верности договаривающиеся стороны окропляли следы друг друга собственной кровью. И в Древней Греции были в ходу суеверия такого же рода. Там, например, считалось, что лошадь, наступившая на след волка, не сможет больше ржать. А изречение, приписываемое Пифагору, запрещало протыкать отпечатки ног человека гвоздем или ножом.

Во многих частях света это суеверие используется охотниками с целью загнать дичь. Так, немецкий охотник втыкает извлеченный из гроба гвоздь в свежий след преследуемой дичи в уверенности, что это помешает животному скрыться. Австралийские аборигены в штате Виктория кладут с этой же целью на следы преследуемых зверей горячие головни. Охотники-готтентоты бросают в воздух горсть песка, взятого со следов, оставленных дичью, полагая, что это свалит живот -

64

ное. Индейцы племени реки Томпсон клали на следы раненого оленя амулеты, после чего в этот день считалось уже излишним продолжать преследование: ведь околдованный олень далеко не убежит и скоро умрет. Индейцы-оджибве клали на след выслеженного ими оленя или медведя зелье, считая, что, даже если животное находится сейчас от них в двух-трех днях ходьбы, оно вскоре окажется в пределах досягаемости. Охотники племени эвэ из Западной Африки протыкают следы дичи заостренной палкой, веря, что это нанесет животным увечье и позволит их догнать.

Хотя след от ноги наиболее заметен, он не единственный отпечаток человеческого тела, через который на человека «можно» оказать магическое влияние. Аборигены Юго-Восточной

Австралии верят, что человеку можно нанести вред, если утыкать острыми кусками кварца, стекла и т. д. отпечаток, оставленный его телом в лежачем положении; магическая сила этих острых предметов проникает в тело и причиняет те острые боли, которые «невежественный» европеец считает ревматическими. Теперь мы понимаем, почему пифагорейцы придерживались того мнения, что, поднимаясь с постели, следует разгладить след, оставленный телом на постельном белье. Это предписание есть не что иное, как древняя мера предосторожности против магии, часть целого кодекса суеверий, который античность приписывала Пифагору, хотя нет сомнения в том, что греки были знакомы с ними задолго до этого философа.

Этапы становления мага.

Вот мы и закончили исследование общих принципов симпатической магии. Примеры, с помощью которых мы их проиллюстрировали, были большей частью позаимствованы из области так называемой частной магии, то есть из области магических обрядов и заклинаний, направленных на принесение пользы или вреда отдельным лицам. Но в первобытном обществе мы обычно обнаруживаем и так называемую общественную магию, практикуемую на благо всей общины. В таких случаях маг становится как бы общественным должностным лицом. Образование такой категории должностных лиц имело большое значение для развития общества в политическом и религиозном плане. Ведь когда благополучие всего племени ставится в зависимость от исполнения магических обрядов, колдун становится влиятельным и уважаемым лицом и может без труда добиться ранга вождя или короля. Неудивительно, что этот род занятий привлекает

65

внимание наиболее способных и честолюбивых членов племени, так как в перспективе эта карьера, как никакая другая, сулила почет, богатство и власть. Самые смышленые из них начинают понимать, как легко можно одурачивать своих более доверчивых собратьев и обращать себе на пользу их суеверия. Это не значит, что колдун всегда плут и обманщик. Часто он бывает искренне убежден в том, что действительно обладает той удивительной силой, которой его наделяет легковерие соплеменников. Но чем он проницательнее, тем более вероятно, что он распознает заблуждения, которые соблазняют людей менее зорких. Способнейшие представители этой профессии, должно быть, становятся более или менее сознательными обманщиками. Именно эти люди благодаря выдающимся способностям обычно добиваются наибольшего почета и наивысшей власти. На пути профессионального колдуна расставлено много западней, и, как правило, только человек с очень холодным рассудком и цепким умом может безопасно их миновать. Следует учитывать, что всякое заявление или требование мага, как таковое, ложно. Ни одно из них нельзя отстаивать без помощи сознательного или бессознательного обмана. Следовательно, колдун, который искренне верит в свои «необычайные» способности и возможности и обосновывает ими свои непомерные претензии, подвергается куда большей опасности. Поэтому более вероятно, что карьеру сделает не он, а преднамеренный обманщик. Честный кудесник ожидает, что его чары и заклинания возымеют предполагаемое действие, поэтому, когда он терпит неудачу, гибельную неудачу, которую, как это часто случается, нельзя скрыть, он бывает застигнут врасплох. В отличие от своего коллеги — плута, он не держит наготове благовиднее оправдание для этой неудачи, а пока он его подыщет, разочарованные и обозленные соплеменники успеют свернуть ему шею.

На данной ступени общественного развития высшая власть, как правило, попадает в руки людей наиболее проницательных и наименее разборчивых в средствах. Если бросить на одну чашу весов вред, причиненный их плутовством, а на другую — выгоды от их прозорливости, может статься, что хорошее намного перевесит плохое. В этом мире, по-видимому, больше бед натворили честные глупцы на высоких постах, чем умные мошенники. Хитрый мошенник, как только он удовлетворил честолюбие, не преследует более никакой корыстной

66

цели и может (что он часто и делает) обратить свои способности, опыт и возможности на службу обществу. Многие из тех, кто проявил менее всего щепетильности при захвате власти — будь эта желанная власть властью денег, политической властью или чем-то другим, — употребили ее самым благодетельным образом. Коварный интриган, жестокий победитель может кончить свой век мудрым и великодушным правителем, благословляемым при жизни, оплакиваемым после смерти, вызывающим восхищение и похвалы потомства. Наиболее значительные примеры тому — Юлий Цезарь и Октавиан Август[1]. Величайшего бедствия в истории Англии — разрыва с Америкой — могло бы не произойти, если бы король Георг III (1760 — 1820) не был тупым, хоть и

чесчным малым.

Занятие общественной магией — поскольку оно оказывало влияние на устройство первобытного общества — способствовало передаче контроля над делами общины в руки наиболее способных людей. В результате демократия сменилась монархией, точнее, олигархией старейшин. Первобытной общиной управляло чаще всего не собрание всех взрослых членов племени мужского пола, а совет старейшин. Каковы бы ни были причины такого положения дел и характер первых правителей, это изменение в целом было весьма благоприятным. Возникновение монархии представляется важным условием выхода человечества из стадии дикости. Ибо нет существа более стесненного обычаями и традицией, чем дикарь при первобытном демократическом правлении. Ни при одном общественном строе прогресс не протекал столь медленно и трудно, как в условиях первобытной демократии. Старое представление о дикаре как о свободнейшем из людей противоречит истине. Он — раб, но раб не какого-то отдельного господина, а раб прошлого, духов умерших предков, которые преследуют его от рождения до смерти и правят им железной рукой. Деяния предков являются для него настоящим неписаным законом, которому он слепо, без рассуждений повинуется. При такой ситуации одаренные люди почти не имеют возможности заменить древние обычаи лучшими. Наиспособнейший человек тащится за слабейшим и глупейшим, которого он по необходи-

[1] Цезарь Гай Юлий (102 или 100 — 44 до и. э.) — римский государственный и политический деятель, полководец, писатель.

Октавиан Август (63 до н. э. — 14 н. э.) — римский император (с 27 до и. э.).

67

мости берет за образец, потому что последний не может подняться, а первый может упасть. Поскольку естественное неравенство и огромные различия во врожденных способностях сводились в такого рода обществах к поверхностной лживой видимости равенства, внешняя сторона жизни первобытной общины представляет собой абсолютно монотонный ландшафт. Поэтому если иметь в виду действительное благо общества, то заслуживает одобрения все, что, давая таланту возможность выдвинуться и приводя таким образом обладание властью в соответствие с естественными способностями людей, помогло обществу выйти из того неразвитого и косного состояния, которое демагоги и мечтатели позднейших времен прославляли как Золотой век и идеальное состояние человечества.

Как только эти движущие силы вступают в действие (а их нельзя подавлять бесконечно), прогресс цивилизации становится сравнительно быстрым. Сосредоточение высшей власти в руках одного человека дает ему возможность за время своей жизни провести такие преобразования, которые не смогли осуществить целые предшествующие поколения. А если к тому же это человек незаурядного ума и энергии, он легко воспользуется предоставившимися ему возможностями. Даже прихоти и капризы тирана могут оказаться полезными и разорвать цепь, которой обычай столь сильно сковывает дикаря. Едва лишь племенем перестают управлять нерешительные, раздираемые внутренними противоречиями советы старейшин и власть переходит к одному сильному и решительному человеку, оно начинает представлять угрозу для своих соседей и вступает на путь захватов, которые на ранних ступенях истории нередко благоприятствуют общественному, промышленному и умственному прогрессу. Расширяя свою власть отчасти силой оружия, отчасти путем добровольного подчинения более слабых племен, это племя в скором времени приобретает богатство и рабов, которые, освобождая целые классы людей от постоянной борьбы за выживание, дают им возможность посвятить себя бескорыстному приобретению знаний — этого благороднейшего и сильнейшего орудия — с целью улучшить жребий человека.

Интеллектуальный прогресс, который выражается в развитии науки и искусства и в распространении более свободных взглядов, неотделим от промышленного и экономического прогресса, а этот последний, в свою очередь, получает мощный толчок от военных побед и завоеваний. Не случайно самые

68

мощные взрывы интеллектуальной активности человека следовали по пятам за победами, и для развития и распространения цивилизации больше всего делали, как правило, расы победителей. Таким путем в мирное время они залечивали раны, нанесенные войной. Свидетелями таких взрывов в прошлом были вавилоняне, греки, римляне, арабы. Если подняться к истокам истории, то разве можно назвать случайным факт, что первые большие шаги в направлении цивилизации, например в Египте, Вавилоне и Перу, были сделаны при деспотических и теократических правлениях, когда высший правитель в качестве царя и бога требовал от своих подданных рабской преданности и получал ее. Не будет преувеличением сказать, что деспотизм в эту раннюю эпоху

является другом человечности и, как это ни парадоксально, свободы. Ведь в конечном счете при самом абсолютном деспотизме, при самой мучительной тирании, свободы в лучшем смысле слова, например свободы мыслить и решать собственную судьбу, больше, чем в свободной по видимости жизни дикарей, у которых личность от колыбели до могилы заключена в прокрустово ложе наследственного обычая[1].

Занятие общественной магией — поскольку оно было одним из путей, которыми наиболее способные люди пришли к высшей власти, — внесло вклад в освобождение человечества от рабского подчинения традиции и привело его к более свободной жизни, к более широкому взгляду на мир. Услуга немалая. Магия проложила дорогу науке, поэтому мы вынуждены признать, что, хотя чернокнижие принесло много зла, оно вместе с тем стало и источником большого блага. Магия была дочерью заблуждения и одновременно — матерью свободы и истины.

Глава IV. МАГИЯ И РЕЛИГИЯ

Примеров, приведенных в предыдущей главе, достаточно, чтобы проиллюстрировать общие принципы работы двух ответвлений симпатической магии: магии гомеопатической и ма-

[1] Тезис о том, что первобытнообщинный строй был эпохой всеобщего рабства, всеобщего и абсолютного подчинения обычаям, защищается и некоторыми советскими исследователями. См. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1979, с. 217-219.

69

гии контагиозной. В некоторых из приведенных примеров, как мы видели, предполагается вмешательство духов и предпринимается попытка завоевать их благосклонность с помощью молитвы и жертвоприношения. Но в общем такие случаи исключительны. В них магия выступает в сплаве с религией. Магия — там, где она встречается в чистом виде, — предполагает, что одно природное событие с необходимостью неизменно следует за другим без вмешательства духовного или личного агента. Фундаментальное допущение магии тождественно, таким образом, воззрению современной науки: в основе как магии, так и науки лежит твердая вера в порядок и единообразие природных явлений. У мага нет сомнения в том, что одни и те же причины всегда будут порождать одни и те же следствия, что свершение нужного обряда, сопровождаемое определенными заклинаниями, неизбежно приведет к желаемому результату, если только колдовство не будет сведено на нет более сильными чарами другого колдуна. Маг не упрашивает высшую силу, не ищет благорасположения переменчивого и своевольного сверхъественного существа, не унижается перед грозным божеством. Но власть его, сколь бы великой он ее ни считал, никоим образом не является властью произвольной и безграничной. Он располагает ею лишь постольку, поскольку строго следует правилам своего искусства или природным законам, как он их понимает. Пренебрегать этими правилами, преступать эти законы (пусть даже в самом малом) — значит навлекать на себя неудачу и даже подвергать крайней опасности свою жизнь. Если маг и претендует на верховную власть над природой, то это власть конституционная, ограниченная в своих полномочиях и осуществляемая в точном соответствии с древним обычаем. Так что аналогия между магическим и научным мировоззрением является обоснованной. В обоих случаях допускается, что последовательность событий совершенно определенная, повторяемая и подчиняется действию неизменных законов, проявление которых можно точно вычислить и предвидеть. Из хода природных процессов изгоняются изменчивость, непостоянство и случайность. Как магия, так и наука открывают перед тем, кто знает причины вещей и может прикоснуться к тайным пружинам, приводящим в движение огромный и сложный механизм природы, перспективы, кажущиеся безграничными. Отсюда та притягательность, которой обе обладали для человеческого ума, и тот мощный

70

стимул, который они дали накоплению знаний. Через пустыню разочарований в настоящем они манят усталого исследователя вперед к бесконечным свершениям в будущем. Магия и наука как бы поднимают человека на вершину высокой-высокой горы, где за густыми облаками и туманами возникает видение небесного града, далекого, но сияющего неземным великолепием, утопающего в свете мечты.

Роковой порок магии заключается не в общем допущении законосообразной последовательности событий, а в совершенно неверном представлении о природе частных законов, которые этой последовательностью управляют. Если подвергнуть анализу немногие примеры симпатической магии, которые мы рассмотрели на предыдущих страницах, то, как я уже отметил, обнаружится, что они являются неправильными применениями одного из двух фундаментальных законов мышления, а именно — ассоциации идей по сходству и ассоциации идей по смежности в пространстве и во времени. Гомеопатическую, или имитативную, магию вызывает к жизни ошибочное ассоциирование идей сходных, а магию контагиозную — ошибочное ассоциирование идей смежных. Сами по себе эти принципы ассоциации безупречны и абсолютно необходимы для функционирования человеческого интеллекта. Их правильное применение дает науку; их неправильное применение дает незаконнорожденную сестру науки — магию. Поэтому утверждать, что всякая магия по необходимости ложна и бесплодна, банально и едва ли не тавтологично: ведь будь она истинной и эффективной, это была бы уже не магия, а наука. Человек был с самого раннего периода своей истории вовлечен в поиск общих принципов, с помощью которых можно обратить себе на пользу порядок природных явлений. В процессе многовекового исследования он накопил великое множество такого рода принципов, одни из которых являются эффективными, а

другие — простым шлаком. Истинные принципы входят в состав прикладных наук, которые мы называем «искусствами»; магия же состоит из ложных принципов.

Итак, магия, как оказалось, близкая родственница науки. Остается выяснить, в каком отношении она находится к религии. В ответах на этот вопрос, несомненно, найдут отражение наши взгляды на природу религии. Поэтому от автора можно ожидать определения понятия религии до того, как он приступит к исследованию ее отношения к магии. Нет такого предме-

71

та, в отношении которого мнения расходились бы так сильно, как в отношении природы религии. Невозможно дать определение религии, которое удовлетворило бы всех. Автор может лишь, во-первых, выразить, что он понимает под религией, и, во-вторых, во всей работе последовательно употреблять этот термин в указанном смысле. Так вот, под религией я понимаю умилостивление и умиротворение сил, стоящих выше человека, сил, которые, как считается, направляют и контролируют ход природных явлений и человеческой жизни. Религия в таком понимании состоит из теоретического и практического элементов, а именно из веры в существование высших сил и из стремления умилостивить их и угодить им. На первом месте, конечно, стоит вера, потому что, прежде чем угождать божеству, надо верить в его существование. Но если религия не ведет к религиозному образу действий, это уже не религия, а просто теология, так как, по выражению святого Иакова, «одна вера без дел мертва». Другими словами, тот, кто не руководствуется хоть в какой-то мере в своем поведении страхом перед богом или любовью к нему, тот нерелигиозен. С другой стороны, нельзя назвать религиозным и поведение, не подкрепленное религиозной верой. Два человека могут вести себя одинаково, и тем не менее один из них будет человеком религиозным, а другой — нет. Если человек действует из любви к богу или из страха перед ним, он религиозен. Если же он действует из любви или страха перед человеком, он является человеком моральным или аморальным в зависимости от того, согласуется его поведение с общим благом или находится в противоречии с ним. Поэтому верование и действие или, говоря языком теологии, вера и «дела» равно важны для религии, которая не может существовать без того и другого. Но не обязательно и не всегда религиозное действие принимает форму ритуала, то есть состоит в произнесении молитв, совершении жертвоприношений и других внешних обрядовых действий. Цель их — угодить божеству. Но если божество, по мнению его приверженцев, находит удовольствие в милосердии, прощении и чистоте, а не в кровавых жертвах, пении гимнов и курении фимиама, то угодить ему лучше всего можно, не простираясь пред ним ниц, не воспевая хвалы и не наполняя храмы дорогими приношениями, а исполнившись чистотой, милосердием и состраданием к людям. Ведь, поступая таким образом, они подражают, насколько позволяет им их

72

человеческая слабость, совершенству божественной природы. Такова этическая сторона религии, которую неустанно внедряли иудейские пророки, вдохновленные благородными идеалами божественной святости и доброты. Например, пророк Михей восклицает: «О, человек! сказано тебе, что — добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим» (Мих. 6; 8). И в позднейшие времена христианство черпало силу, с помощью которой оно завоевало мир, из того же высокого представления о моральной природе бога и возложенной на людей обязанности сообразоваться с ней. «Чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцем, — говорит святой Иаков, — есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира» (Иак. 1; 27). Но если в религии заложена, во-первых, вера в существование сверхъестественных существ, во-вторых, стремление снискать их благосклонность, это предполагает, что ход природных событий в какой-то мере эластичен и изменчив и что можно уговорить или побудить всемогущие сверхъестественные существа для нашей пользы вывести его из русла, в котором он обычно протекает. Предположение об эластичности и изменяемости природы прямо противоречит принципам магии и науки, которые считают, что природные процессы жестки и неизменны в своем течении, поэтому их невозможно вывести из своего русла ни уговорами и мольбами, ни угрозами и запугиванием. Различие между этими двумя соперничающими мировоззрениями зависит от ответа на следующий принципиально важный вопрос: носят ли управляющие миром силы сознательный и личный или бессознательный и безличный характер? Стремясь к умиротворению сверхъестественных сил, религия признает за богами сознательный и личный характер. Всякое умиротворение подразумевает, что умиротворяемое существо является сознательным и личным, что его поведение несет в себе какую-то долю неопределенности и что рассудительным обращением к его интересам, склонностям и эмоциям его можно убедить

изменить свое поведение. Умиротворение никогда не применяется к вещам, которые считаются неодушевленными, и к лицам, поведение которых в конкретных обстоятельствах известно с абсолютной точностью. Так что религия — поскольку она предполагает, что миром управляют сознательные агенты, которых можно отвратить от их намере-

73

ний путем убеждения, — фундаментально противоположна магии и науке. Для последних само собой разумеется, что ход природных процессов определяют не страсти или причуды личных сверхъестественных существ, а действие неизменных механических законов. Правда, в магии это допущение содержится имплицитно, зато наука его эксплицирует. Магия часто имеет дело с духами, то есть с личными агентами, что роднит ее с религией. Но магия обращается с ними точно так же, как она обращается с неодушевленными силами, то есть, вместо того чтобы, подобно религии, умилостивлять и умиротворять их, она их принуждает и заставляет[1]. Магия исходит из предположения, что все личные существа, будь они людьми или богами, в конечном итоге подчинены безличным силам, которые контролируют все, но из которых тем не менее может извлечь выгоду тот, кто знает, как ими манипулировать с помощью обрядов и колдовских чар. Например, в Древнем Египте колдуны считали, что они могут принуждать даже высших богов выполнять их приказания, и в случае неповиновения грозили им гибелью. Иногда колдун, не доходя до таких крайностей, заявлял в подобных случаях, что разбросает на все четыре стороны кости Осириса или, если тот будет упрямиться, разгласит посвященный ему священный миф. В Индии до настоящего времени великая троица индуизма — Брахма, Вишну и Шива — «подчиняется» брахманам, которые с помощью своих чар оказывают на самые могучие божества такое воздействие, что те вынуждены на небе и на земле смиренно выполнять приказания, которые их хозяевам-колдунам заблагорассудится отдать. В Индии имеет хождение поговорка: «Весь мир подчинен богам; боги подчинены чарам (мантрам); а чары — брахманам; поэтому брахманы — наши боги». Радикальной противоположностью магии и религии объясняется та непреклонная враждебность, с которой священнослужители на всем протяжении истории относились к колдунам. Священника не могла не возмущать высокомерная самонадеянность колдуна, его надменность в отношении к высшим силам, бесстыдное притязание на обладание равной с ними властью. Жрецу какого-либо бога с его благоговейным ощу-

[1] Заклинание духов с целью заставить их служить человеку иногда обозначается термином «экзоркизм» (в отличие от собственно магии и от умилостивительного культа).

74

щением божественного величия и смиренным преклонением перед ним такие притязания должны были казаться неблагочестивой, богохульной узурпацией прерогатив, принадлежащих одному богу. Иногда обострению этой враждебности способствовали более низменные побуждения. Жрец провозглашал себя единственным подлинным заступником и истинным посредником между богом и человеком, и его интересы, равно как и чувства, часто шли вразрез с интересами соперника, который проповедовал более верную и гладкую дорогу к счастью, нежели тернистый и скользкий путь снискания божественной милости.

Но этот антагонизм, каким бы привычным он нам ни казался, по-видимому, появляется на сравнительно поздней стадии религии. На более ранних стадиях функции колдуна и священника часто сочетались или, вернее, не разделялись. Человек добивался благосклонности богов и духов с помощью молитв и жертвоприношений и одновременно с этим прибегал к чарам и заклинаниям, которые могли возыметь желаемое действие сами по себе, без помощи бога или дьявола. Короче говоря, человек совершал религиозные и магические обряды, произносил молитвы и заклинания на едином дыхании, при этом он не обращал внимания на теоретическую непоследовательность своего поведения, если всеми правдами и неправдами умудрялся достичь желаемого. С примерами такого слияния или смешения магии и религии мы уже сталкивались у меланезийцев и у других народностей.

У народов, поднявшихся на более высокую ступень культуры, смешение магии и религии сохранилось в качестве пережитка. Оно наблюдалось в Древней Индии и Древнем Египте и поныне еще встречается в среде европейского крестьянства. Один выдающийся специалист по санскриту сообщает, «что в самый ранний период, о котором у нас имеются подробные сведения, обряд жертвоприношения изобилует приемами, от которых веет дыханием самой примитивной магии». Говоря о роли магии на Востоке, особенно в Египте, профессор Масперо отмечает, что «нам не следует связывать со словом «магия» тот уничижительный смысл, который почти неизбежно всплывает в уме современного человека. Древняя магия лежала в основании самой

религии. Верующему, если он желал добиться расположения бога, ничего другого не оставалось, как прибрать его к рукам с помощью обрядов, жертвоприно-
75
шений, молитв и песнопений, которые открыл ему сам бог и которыми этого последнего принуждают сделать то, что от него требуется».

В необразованных слоях современной Европы продолжают оставаться в силе различные формы смешения магии и религии. Так, согласно одному сообщению, во Франции большинство крестьян продолжает верить в то, что священник обладает тайной и неодолимой властью над природными стихиями. В случае крайней опасности посредством прочтения молитв, которые знает и имеет право произносить он один, но за произнесение которых он впоследствии должен будет просить отпущение грехов, он может на время приостановить или обратить вспять действие вечных законов природы. Его воле подчиняются будто бы ветры, бури, град и дождь. Подвластна ему и стихия огня: по одному его слову угасает пламя. Французские крестьяне были убеждены (а может быть, убеждены и поныне) в том, что с помощью особых обрядов священники могут отслужить Святому Духу обедню, которая оказывает на волю Бога столь чудесное воздействие, что никогда не встречает противодействия с его стороны: Бог вынужден пожаловать все, что от него требуют, сколь бы назойливым и опрометчивым ни было это требование. Люди, которые в крайних жизненных ситуациях пытались с помощью такого рода обрядов взять штурмом царство небесное, не считали, что ведут себя непочтительно или неблагочестиво. Белое духовенство, как правило, отказывалось служить обедню Святому Духу, но о монахах, особенно о капуцинах, шла слава, что они уступают мольбам страждущих и несчастных с меньшими угрызениями совести. Способность принудить к чему-либо божество, которую крестьянство в католических странах приписывает священникам, является, по всей видимости, точным слепком с той способности, которую приписывали своим колдунам древние египтяне.

Приведем другой пример. Во многих деревнях Прованса бытует поверье, что священник обладает способностью отвращать бури. Такая слава утверждается не за всяким священником, так что, когда в деревне сменяется пастор, прихожане жаждут узнать, обладает ли новый священник этой способностью. Они подвергают его испытанию при первых признаках сильной бури: заставляют заклинать грозовые тучи, и, если результат оправдывает ожидание, новому священнику обеспе-
76
чены симпатия и уважение паствы. В приходах, где репутация помощника приходского священника стояла в этом отношении выше репутации самого священника и отношения между ними вследствие этого становились чрезвычайно натянутыми, епископ иногда был вынужден перевести священника в другой приход. Гасконские крестьяне также верят, что, для того чтобы отомстить своим врагам, злые люди иногда склоняют священника отслужить обедню, называемую обедней святого Секария. Знают эту обедню очень немногие, и три четверти из них ни за что на свете не согласились бы ее отслужить. Только недобрый священник отважится исполнить этот отвратительный обряд, и можете быть уверены, что на Страшном суде он дорого за это заплатит. Викарий, епископ и даже архиепископ города Оша не имеет права отпустить такой грех. Одному лишь папе римскому принадлежит это право. Служить обедню святого Секария можно только в разрушенной и запущенной церкви, где ухают ко всему безучастные совы, где в сумерках бесшумно летают летучие мыши, где по ночам останавливаются на ночлег цыгане и где под оскверненным алтарем притаились жабы. Сюда-то и приходит ночью недобрый священник со своей возлюбленной. Ровно в одиннадцать часов он начинает задом наперед бормотать обедню и заканчивает ее, как только часы зловеще пробьют полночь. Священнику помогает его возлюбленная. Гостия, которую он благословляет, черна и имеет форму треугольника. Вместо того чтобы причаститься освященным вином, он пьет воду из колодца, в который было брошено тело некрещеного младенца. Знак креста он чертит на земле, и притом левой ногой. Делает он также много других вещей, на которые ни один добрый христианин не мог бы даже взглянуть без того, чтобы его до конца жизни не поразила слепота, глухота и немота. А тот, по чьей душе отслужили такую обедню, мало-помалу усыхает. Никто не может сказать, что с ним. Врачи и те ничего не могут понять. Им и невдомек, что его медленно губит обедня святого Секария.

Слияние и соединение магии и религии в разные эпохи встречается у многих народов. Но есть основания полагать, что такое слияние не является изначальным и что было время, когда в удовлетворении желаний, которые выходят за пределы непосредственных животных вожделений, человек полагался единственно на магию. Во-первых, к предположению, что в истории человечества магия древнее религии, нас

77

может склонить рассмотрение самых фундаментальных понятий магии и религии. Мы убедились, что магия является не более как ошибочным применением простейших интеллектуальных операций, а именно ассоциации идей по сходству и ассоциации идей по смежности. Религия же за видимой завесой природы предполагает действие стоящих над человеком сознательных или личных сил. Допущение личных агентов, очевидно, сложнее, чем простое признание сходства или смежности идей, а теория, ставящая ход природных явлений в зависимость от сознательно действующих сил, труднее для понимания. Для ее постижения требуется куда более высокий интеллектуальный уровень, чем для понимания того, что события и предметы следуют друг за другом по причине смежности или сходства. Даже животные ассоциируют идеи предметов, которые похожи друг на друга или встречались рядом друг с другом в их опыте. В противном случае они не прожили бы и дня. Но кто решится приписать животным веру в то, что природные явления находятся во власти множества невидимых животных или одного огромного, необычайно сильного животного, находящегося вне пределов видимого мира? Мы не будем, вероятно, несправедливы по отношению к бессловесным тварям, если оставим честь изобретения религиозной доктрины за человеческим разумом. Если магия выводится непосредственно из элементарных процессов мышления и является, по существу, ошибкой, в которую человеческий ум впадает почти спонтанно, то религия покоится на понятиях, которые едва ли по плечу интеллекту животного. На этом основании можно предположить, что в эволюции человеческого рода магия возникла раньше религии; что человек стремился подчинить природу своим желаниям силою чар и заклинаний до того, как стал предпринимать попытки задобрить и смягчить замкнутое, капризное и гневное божество нежной, вкрадчивой молитвой и жертвоприношениями.

Вывод, к которому мы пришли дедуктивным путем, рассматривая фундаментальные идеи магии и религии, находит индуктивное подтверждение: например, аборигены Австралии, которые являются наиболее отсталыми из всех известных нам племен дикарей, повсеместно прибегают к магии, тогда как религия в смысле умилостивления и умиротворения высших сил им, по-видимому, почти неизвестна. Проще говоря, каждый австралиец является магом, и ни один из них не является

78

жрецом, каждый воображает, что с помощью симпатической магии он может оказать влияние на своих соплеменников и на протекание природных процессов, но никто и не помышляет об умиротворении богов путем молитвы и жертвоприношений. Если в этом наиболее отсталом из человеческих обществ мы обнаруживаем столь явное использование магии при полном отсутствии религии, то не логично ли предположить, что в какой-то период своей истории все цивилизованные народы мира прошли через подобную стадию интеллектуального развития, что они также пытались принудить великие стихии природы выполнять свои желания, прежде чем подумали о снискании их милости через приношения и молитвы? Короче говоря, не прошло ли все человечество через эпоху магии, подобно тому как в области материальной культуры оно прошло через каменный век? Есть веские основания для положительного ответа на этот вопрос. Обозревая зону обитания человечества от Гренландии до Огненной Земли и от Шотландии до Сингапура, мы замечаем, что религиозные воззрения разделяют не только народы и расы. Они оказывают свое воздействие на людей и на уровне более мелких социальных единиц, например на уровне государств и республик. Мало того, они расщепляют города, селения и даже семьи. Поверхность всех обществ мира изборождена и подточена расщелинами и зияющими трещинами, которые образовались под разлагающим влиянием религиозных распрей. Но если выйти за пределы различий религиозных систем, которые затрагивают в основном интеллигентную, мыслящую общественную прослойку, то мы обнаружим полную гармонию в вопросах веры среди глупых, слабых, невежественных и суеверных людей, которые, к сожалению, составляют огромное большинство человеческого рода... Этой поистине всеобщей, вселенской верой является вера в действенность магии. В то время как религиозные системы различны не только в разных странах, но и в одной стране в разные эпохи, симпатическая магия всегда и везде в своей теории и практике остается, по существу, одинаковой. У невежественных и суеверных прослоек современной Европы система магии во многом та же, что существовала тысячелетия назад в Индии и Египте и продолжает существовать у самых диких племен, сохранившихся до настоящего времени в отдаленных уголках мира. Если видеть критерий истинности в численном преобладании, то магия с куда большим правом,

79

чем католическая церковь, может начертать на своем знамени девиз: «Quod semper, quod, ubique, quod ab omnibus»[1].

В нашу задачу не входит рассмотрение того, какое воздействие оказывает на будущее человечества наличие в жизни каждого общества глубинного пласта дикости, не затрагиваемого поверхностными изменениями религии и культуры. Проникнув в глубины магии, беспристрастный наблюдатель увидел бы в ней не что иное, как постоянную угрозу цивилизации. Мы, как видно, движемся по тонкой корке, которая может в любой момент треснуть под воздействием дремлющих подземных сил. Время от времени глухой рокот или неожиданно вырвавшийся на поверхность язык пламени указывают на то, что происходит под нашими ногами. Время от времени просвещенную часть человечества поражает заметка в газете, в которой рассказывается о том, что в Шотландии было найдено истыканное булавками чучело, изготовленное с целью убить несносного помещика или священника; что в Ирландии женщина была поджарена на медленном огне по обвинению в колдовстве; что в России ради изготовления свечей из человеческого жира, при свете которых воры надеются незаметно обделывать свои ночные делишки, была убита и разрезана на куски девочка, тело которой пошло на изготовление свечей. Возобладают ли те влияния, которые способствуют прогрессу, или те, которые угрожают разрушить все, что достигнуто? Окажется ли сильнее импульсивная энергия меньшинства, влекущая человечество к новым вершинам, или мертвый груз предрассудков большинства, погружающий его во мрак? Вопросы эти входят в компетенцию мудреца, моралиста и государственного деятеля, чей орлиный взгляд пронзает будущее, а не в компетенцию скромного ученого, изучающего прошлое и настоящее человечества. Нас интересует другой вопрос: в какой мере единообразие, всеобщность и постоянство веры в магию, по сравнению с бесконечным разнообразием и текучестью религиозных учений, дает основание полагать, что первая представляет собой более грубую и раннюю фазу в развитии человеческого интеллекта, через которую на пути к религии и к науке прошли (или проходят) все расы?

Если предположить, что эпоха магии повсеместно предшествовала эпохе религии, то, естественно, подлежат исследова-

[1] Всегда, везде, всеми [признается] *(лат.).*

80

нию причины, которые побудили человечество (или его часть) оставить теорию и практику магии и перейти к религии. Если взять в расчет количество, разнообразие и сложность подлежащих объяснению фактов и скудность наших сведений, то едва ли можно надеяться на совершенно удовлетворительное разрешение столь глубокой проблемы. Самое большее, чего можно достичь при нынешнем состоянии наших знаний, — это выдвижение более или менее правдоподобной гипотезы. Со всей надлежащей скромностью я бы предложил следующую гипотезу: признание присущей магии ложности и бесплодности побудило мыслящую часть человечества заняться поисками более истинной теории природных явлений и более плодотворного метода использования природных ресурсов. Со временем проницательные люди, должно быть, заметили, что в действительности магические обряды и заклинания не приносят результатов, на которые они рассчитаны. Великое открытие недейственности магических процедур произвело, вероятно, радикальный, хотя и медленный, переворот в умах тех, у кого достало сообразительности его сделать. Открытие это привело к тому, что люди впервые признали свою неспособность по собственному произволу манипулировать силами природы, которые до того времени считались полностью находящимися в их власти. Это было признанием своего невежества и слабости. Люди увидели, что принимали за причины то, что таковыми не являлось, поэтому все их старания действовать с помощью этих воображаемых причин оказались тщетными. Мучительный труд затрачивался даром, пытливая изобретательность расточалась бесцельно. Люди дергали нити, к которым ничего не было привязано. Им казалось, что они шли прямо к цели, тогда как в действительности они блуждали по кругу. Природные явления, которые люди с помощью магии старались вызвать, происходили, но совершалось это без вмешательства человека: дождь все так же падал на иссохшую почву, солнце все так же совершало свое дневное, а луна ночное круговращение, молчаливая процессия времен года все так же двигалась по земле в любую погоду. На свет по-прежнему рождались люди для трудов и страданий, и по-прежнему после короткого пребывания на земле они навечно уходили к праотцам в заоблачную обитель. Все шло своим обычным ходом, но для того, с чьих глаз спала пелена, это теперь выглядело иначе. Он не мог более тешить себя приятной ил-

81

люзией, что руководит движениями земли и неба, что стоит ему убрать с рулевого колеса свою слабую руку, и светила прекратят свои великие круговращения. Он более не видел в смерти своих врагов или друзей доказательство неодолимой силы своих собственных или вражеских заклинаний. Теперь он знал, что как друзья, так и враги пали жертвами силы более могущественной, чем та, которой обладал он сам: они подчинялись судьбе, перед которой и он бессилен.

Итак, наш примитивный философ, оторвавшийся от прежних якорных цепей, носимый по бурному морю сомнения и неопределенности, жестоко поколебленный в своей прежней вере в себя и свои силы, должно быть, был совершенно сбит с толку и выведен из равновесия, пока, подобно кораблю, который после бурного путешествия прибывает в тихую гавань, не остановился на новой системе веры и действия, разрешившей его тревожные сомнения и давшей замену (пусть непрочную) верховной власти над природой, от которой он был вынужден отречься. Если весь огромный мир продолжал идти своим ходом без помощи его и ему подобных, то происходило это, конечно, потому, что имелись другие существа, похожие на него, но куда более могущественные, направлявшие, будучи сами невидимыми, течение природы и порождавшие разнообразные серии явлений, которые человек до сих пор ставил в зависимость от совершаемых им магических обрядов. Теперь он понял, что эти высшие существа заставляли дуть штормовой ветер, блистать молнию и громыхать гром. Это они заложили основание земной тверди и положили пределы беспокойному морю. Это они заставили сиять славные небесные светила, дали пищу птицам небесным и добычу диким зверям пустыни, приказали плодородной земле рожать в изобилии, высоким холмам — одеться лесами, кипящим источникам — бить из-под скал в долинах, а зеленым пастбищам — раскинуться на берегах спокойных вод. Это они вдохнули в человека дыхание жизни и насылали на него голод, чуму и войны. Человек обращался теперь к этим могущественным существам, униженно признаваясь в своей зависимости от их незримой силы, умоляя даровать ему всевозможные блага, защитить от опасностей, которыми со всех сторон окружена жизнь смертного, привести его бессмертный дух, освобожденный от телесного бремени, в счастливый мир, недосягаемый для боли и тревог, в мир, где он мог бы навечно

82

успокоиться в блаженстве и радости вместе с душами других благочестивых людей.

Можно предположить, что так, или примерно так, самые прозорливые из людей совершили великий переход от магии к религии. Но даже в них подобная перемена не могла произойти внезапно. Совершалась она, вероятно, очень постепенно и для своего более или менее полного завершения потребовала многих лет. Признание человеком того, что он бессилен оказать существенное влияние на ход природных процессов, пришло, должно быть, постепенно: он не мог сразу, одним махом отказаться от своего воображаемого господства. Шаг за шагом освобождался человек от своей гордыни, пядь за пядью со вздохом сожаления сдавал свои позиции. То он признавал себя неспособным подчинить своей воле ветер, то дождь, то солнце, то гром. Природные стихии одна за другой выпадали из-под его влияния до тех пор, пока то, что когда-то казалось царством, не сжалось до размеров тюрьмы. Человек все более проникался чувством собственной беспомощности и сознанием могущества невидимых существ, которые его окружали. Религия начинается со слабого, частичного признания существования сверхличных существ, но с накоплением знаний человек приходит к признанию своей полной и абсолютной зависимости от божественного начала. Его в прошлом непринужденная манера держать себя с Богом сменяется глубочайшей прострацией перед таинственными, невидимыми силами, и подчинение их воле становится величайшей добродетелью. *In la sua volontade e nostra pace*[1]. Но это углубление религиозного чувства и прогрессирующее подчинение божественной воле во всех вопросах касается только людей высокого ума, чей кругозор достаточно широк, чтобы постичь громадность мира и незначительность места человека в нем. Люди же недалекого ума не в состоянии постичь великих идей: их слабому зрению ничто, кроме них самих, не представляется действительно великим и важным. Они вообще едва ли поднимаются до религиозных воззрений. Их, правда, обучают внешнему соблюдению религиозных предписаний и исповеданию религиозных учений, но в глубине души они цепляются за старые магические суеверия, которые религия может отвергать и осуждать, но искоренить которые она не властна, поскольку своими кор-

[1] Наше успокоение — в Его воле *(итал.).*

83

нями они глубоко уходят в ментальную (психическую) структуру огромного большинства рода человеческого.

У читателя может возникнуть соблазн спросить: «Почему же умные люди не могли раньше обнаружить ошибочность магии? Как могли они продолжать питать иллюзии, которые неизменно приносили разочарование? Почему они упорно разыгрывали освященные веками пантомимы, бормотали торжественный вздор, который не приносил никакой пользы? Почему они цеплялись за верования, которые столь явно противоречили опыту? Как решались они повторять эксперименты, которые столь часто оканчивались неудачей?» Дело в том, что ошибку здесь было далеко не так просто обнаружить, неудача ни в коем разе не была очевидной, потому что во многих случаях — возможно даже, в большинстве их — желаемое событие по истечении какого-то времени после совершения обряда, направленного на то, чтобы его вызвать, действительно наступало. Для понимания того, что его причиной не обязательно был обряд, требовался необычайно проницательный ум. За обрядом, с помощью которого хотели вызвать ветер или дождь или наслать смерть на врага, всегда рано или поздно следовало желаемое событие, и первобытного человека можно извинить за то, что он рассматривал это событие как прямой результат обряда и как лучшее доказательство его эффективности. Точно так же обряды, отправляемые утром, чтобы помочь солнцу взойти, и весной, чтобы разбудить дремлющую землю от зимнего сна, по крайней мере в зонах умеренного климата, будут неизбежно увенчиваться успехом. Ведь в этих зонах солнце каждое утро зажигает на востоке свой золотой светильник, а весенняя земля из года в год одевается богатым зеленым нарядом. Поэтому практичный дикарь с его консервативными инстинктами мог остаться глух к словам радикального философа, который позволил себе намекнуть на то, что в конце концов восход солнца и приход весны могут не быть прямыми следствиями пунктуального исполнения тех или иных ежедневных или ежегодных обрядов и что, возможно, деревья будут расцветать, а солнце всходить и без исполнения обрядов. Естественно, что эти скептические предположения были отвергнуты соплеменниками с негодованием и презрением, как пустые фантазии, губительные для веры и разительно противоречащие опыту. «Что может быть понятнее того, — отвечали ему, — что солнце зажигает в небе свой

84

великий огонь, потому что я на земле зажигаю свечку за два пенса? А когда я весной надеваю свой зеленый наряд, как могут деревья не сделать того же?! Это всем известные факты, и на них я опираюсь. Я просто практик, а не ваш брат теоретик, ловец блох и резонер. Вероятно, теории и спекуляции — дело по-своему неплохое, и я не имею ни малейшего возражения против того, чтобы вы ему предавались. Но позвольте мне придерживаться фактов; тогда, по крайней мере, я буду знать, на каком я свете». Ошибочность этого рассуждения для нас очевидна потому, что оно построено на фактах, относительно ложности которых у нас давно нет никакого сомнения. Но если аргумент подобного рода выдвигается применительно к вопросам, находящимся в процессе обсуждения, то не станет ли английская аудитория аплодировать ему как здравому и не сочтет ли она его автора человеком осторожным, может быть, не блестящим и не эффектным, но абсолютно здравомыслящим и практичным. Если такие аргументы считаются здравыми в нашем обществе, то стоит ли удивляться тому, что в течение долгого времени не удавалось обнаружить их ложность дикарю?

Глава V. МАГИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ НАД ПОГОДОЙ

Колдун на службе общества.

Читатель, вероятно, помнит, что в лабиринт магии нас привело рассмотрение двух типов человекобога. Эта нить направляла наши шаги и вывела нас наконец на возвышение, с которого мы можем, остановившись ненадолго, оглянуться на пройденный путь и увидеть перед собой длинную и крутую дорогу, по которой нам еще предстоит взбираться.

Из предшествующего следует, что можно различать два типа человекобога: религиозный и магический. В первом случае предполагается, что существо высшего порядка вселяется в человека на более или менее продолжительный срок и проявляет свою сверхъестественную мощь и мудрость путем совершения чудес и изречения пророчеств. К данному типу человекобога подходит название вдохновенного и воплощенного: человеческое тело здесь всего лишь хрупкий скудельный

85

сосуд, наполненный бессмертным божественным духом. Во втором случае человекобог-маг есть не более как человек, но человек, обладающий необычайной силой. На обладание подобной силой в меньшем объеме претендует большинство его соплеменников. Ведь в примитивном обществе едва ли найдется хоть один человек, который на досуге не занимался бы магией. В то время как человекобоги первого, боговдохновенного типа черпают свою божественность от божества, которое снизошло до того, чтобы скрыть свое небесное сияние под унылым обличьем земного праха, человекобог второго типа черпает свою необычайную силу из некой физической общности с природой. Он не является простым вместилищем божественного духа. Все существо его — и тело, и душа — столь тонко настроены на гармонию с природой, что прикосновение его руки или поворот головы заставляют вибрировать всю материальную структуру мира. И, обратно, его божественный организм проявляет чувствительность к таким незначительным изменениям обстановки, которые совершенно никак не отразились бы на простом смертном. Но какую бы четкую разграничительную линию мы ни проводили в теории между двумя типами человеко-богов, на практике она редко прослеживается со всей четкостью. В ходе дальнейшего изложения я не буду настаивать на этом пункте.

На практике искусство магии, как уже говорилось, может употребляться на благо либо индивидов, либо всего общества, и в зависимости от того, направлена ли она на достижение первой или второй цели, магия называется частной или общественной. Мы отметили далее, что маг, удовлетворяющий общественные потребности, занимает очень влиятельное положение в обществе, и если к тому же он человек расчетливый и способный, то может достичь ранга вождя или царя. Так анализ общественной магии приводит к пониманию ранних форм царской власти, ибо в диком и варварском обществе многие вожди и цари в огромной мере обязаны властью своей репутации как магов.

С точки зрения общества, самым главным, на что следует употребить магию, является создание, достаточного запаса пищи. Приведенные выше примеры показывают, что все добытчики пищи (охотники, рыбаки, земледельцы) прибегают к магии. Но они поступают здесь как частные лица для своей собственной пользы и на благо своих семей, а не как должностные

86

лица в интересах всего народа. Другое дело, когда обряды исполняются не самими охотниками, рыболовами и земледельцами, а профессиональными колдунами от имени соплеменников. В примитивном обществе, где господствует однородность занятий и где разделение на профессиональные группы едва наметилось, каждый человек в большей или меньшей степени занимается магией в своих интересах и использует чары и заклинания на благо себе и во вред своим врагам. Великий шаг вперед был сделан тогда, когда колдуны выделились в особый класс, то есть когда они были отделены от остальных соплеменников для того, чтобы своим искусством — будь оно направлено на излечение болезней, предсказание будущего или на другую общественно значимую цель — приносить пользу всему обществу. Негодность средств, которые большинство из этих профессионалов употребляло для достижения своих целей, не должна умалять в наших глазах огромную значимость самого этого института. Значительная группа людей — по крайней мере, на высшей ступени дикости — освободилась при этом от необходимости зарабатывать себе на жизнь тяжелым физическим трудом и получила возможность (и даже стимул) заняться исследованием тайн природы. Правом и одновременно обязанностью

людей этой профессии было знать больше своих соплеменников, знакомиться со всем, что может помочь человеку в его изнурительной борьбе с природой, облегчить его страдания и продлить жизнь. Свойства лекарственных растений и минералов, причины выпадения осадков и засухи, грома и молнии, смена времен года, фазы луны, дневное и годичное обращение солнца, движение звезд, тайны жизни и смерти — вот вещи, вызвавшие изумление первых философов-магов и побудившие их искать решение проблем, которые, без сомнения, часто привлекали их внимание по причине настойчивых требований клиентов. Последние ожидали от них не только понимания, но и управления великими природными процессами на благо людей.

Такую цель поразить с первого выстрела, конечно, невозможно. Медленный, бесконечный процесс приближения к истине заключается в постоянном выдвижении и проверке гипотез. Те из них, которые соответствуют фактам, принимаются, а все остальные отвергаются. Нет сомнения, что представления о естественной причинности, которыми оперировал колдун, покажутся нам явно ложными и абсурдными, но в его

87

время это были оправданные гипотезы, хотя они и не выдержали проверки опытом. Насмешки и порицание заслуженно выпадают не на долю тех, кто эти теории изобрел, а на долю тех, кто продолжал упорно придерживаться их после того, как были выдвинуты более оправданные гипотезы. В поисках истины у людей, конечно, никогда не было более сильных побудительных мотивов, чем у этих первобытных колдунов. Им абсолютно необходимо было создать хоть видимость знания: ведь одна-единственная ошибка, будучи обнаруженной, могла стоить им жизни. Это, несомненно, заставляло их прибегать к обману с целью скрыть собственное невежество, но в то же время это давало им мощнейший стимул заменять мнимое знание настоящим. Ведь если вы хотите создать у других впечатление, что вы что-то знаете, самое лучшее действительно знать это. Так что, как бы ни отвергали мы непомерные притязания магов и как бы ни осуждали их за то, что они вводили людей в заблуждение, образование этого класса в его первоначальном виде принесло человечеству неисчислимые блага. Колдуны явились прямыми предшественниками не только современных врачей и хирургов, но и современных исследователей и первооткрывателей во всех отраслях естественных наук. Они положили начало процессу, который привел их последователей в более поздние эпохи к столь славным и полезным открытиям. И если начало было скудным и малообещающим, то приписать это следует скорее неизбежным трудностям, которые возникают на пути познания, нежели природной неспособности или сознательному мошенничеству этих людей.

Управление дождем с помощью магии.

Одной из главных задач общественной магии является управление погодой. В частности, она должна была обеспечивать достаточное количество осадков. Вода необходима для жизни. В большинстве регионов мира ее количество зависит от выпадения ливневых дождей. Без дождя увядает растительность, страдают и умирают люди. Поэтому в первобытных обществах вызыватель дождя являлся весьма важной фигурой. Чтобы регулировать поступление атмосферных осадков, имелся, как правило, особый разряд колдунов. Средства, с помощью которых колдун стремится выполнять свои профессиональные обязанности, обычно, хотя и не всегда, опираются на принципы гомеопатической, или имитативной, магии. Если он хочет вызвать дождь, то подражает ему разбрызгиванием воды или имитацией облаков;

88

если же он ставит своей целью прекратить дождь и вызвать засуху, то, напротив, обходит воду стороной и прибегает к услугам огня для того, чтобы выпарить слишком обильные выделения влаги. Такого рода ухищрения никоим образом не являются, как может показаться просвещенному читателю, достоянием одних лишь обитателей знойных пустынь Центральной Австралии, Восточной и Южной Африки, где часто месяцы подряд безжалостное солнце палит с голубого, безоблачного неба пересохшую, жаждущую землю. Они были и остаются достаточно обычным делом среди внешне цивилизованных народов и в более влажной европейской климатической зоне. Приведу примеры из области магии, общественной и частной. Когда, например, в деревне около Дерпта (современный Тарту) испытывали необходимость в дожде, обычно трое мужчин взбирались на высокие ели в священной роще. Один из них в подражание грому бил молотком по котелку или небольшому бочонку; второй в подражание молнии высекал искры из горящих головней, а третий — его называли «вызыватель дождя» — разбрызгивал во все стороны воду из сосуда с помощью связки веток. Чтобы положить конец засухе и вызвать дождь, девушки и

женщины из селения Плоска приходили ночью нагими к околице и лили там воду на землю. На большом острове к западу от Новой Гвинеи — его название Гальмагера, или Гилоло, — шаман вызывает дождь, разбрызгивая воду по земле веткой, сорванной с определенного вида дерева. Когда у индейцев племени омаха в Северной Америке посевы иссыхают от недостатка влаги, члены священного Общества буйвола наполняют водой большой сосуд и четырежды обходят вокруг него в танце. При этом один из них, набрав в рот воды, выпрыскивает ее в воздух, создавая, в подражание туману или моросящему дождю, тонкую водяную пыль. Затем он опрокидывает сосуд с водой на землю, после чего танцоры падают ниц и, вымазывая лица в грязи, выпивают воду. Наконец все они начинают распрыскивать воду изо рта, создавая тонкий туман. Этот обряд, по их убеждению, способствует сохранению посевов. Весной индейцы племени начей (Северная Америка) обычно делают складчину, чтобы купить у колдунов благоприятную погоду для своих посевов. Если была нужда в дожде, колдуны постились и танцевали, держа во рту наполненные водой трубки. В трубках были пробиты отверстия, как в лейках. Через эти отверстия вызы-

89

ватель дождя выдувал воду в направлении той части неба, где собирались грозовые облака. Если же, напротив, нужна была ясная погода, он поднимался на крышу хижины и, дуя что есть мочи, размахивал руками, давая облакам знак, чтобы они проходили мимо. Туземцы Центрального Ангониланда[1] в случае, если дожди не выпадают вовремя, направляются к так называемому храму дождя. Прежде всего они очищают территорию вокруг храма от травы. Затем их руководитель наливает в горшок пиво и зарывает его в землю, приговаривая: «Господин Чаута, ты ожесточил против нас свое сердце. Чего ты хочешь от нас? Ведь мы гибнем. Вот, мы дали тебе пиво, а ты ниспошли своим детям дождь». Затем все участвуют в распитии оставшегося пива; отхлебнуть глоток дают даже детям. Далее все берут в руки ветки и танцами и песнями призывают дождь. В это время оставшаяся в деревне старуха выставляет в дверях хижины сосуд с водой. Возвратясь в деревню, участники церемонии макают в эту воду ветки и размахивают ими так, чтобы капли летели вверх как можно выше. После этого никто уже не сомневается, что ветер скоро пригонит тяжелые грозовые облака. В этих действиях можно заметить сочетание религии и магии: если разбрызгивание воды ветвями есть чисто магический обряд, то молитва о дожде и поднесение пива Чауте являются религиозными ритуалами. У племени мара в Северной Австралии вызыватель дождя идет к заводи и распевает над ней магическую песнь. Потом, черпая воду руками, он пьет ее, а затем набирает в рот и выплевывает в разных направлениях. В заключение он обрызгивает себя водой с головы до ног, расплескивает ее вокруг и со спокойной совестью возвращается на стойбище. Считалось, что после этого дождь не заставит себя долго ждать. Арабский историк Макризи описывает обряд прекращения дождя, к которому, по рассказам, прибегали кочевники племени алкамар в Гадрамауте. Они срезали в пустыне ветвь определенного вида дерева, держали ее над огнем, пока она не загоралась, а затем обрызгивали водой. Считалось, что после этого дождь должен исчезнуть, как исчезала вода при падении на горящую ветку. Часть восточных ангами из Манипура выполняет, как говорят, сходный обряд с противоположной целью, а именно

[1] То есть страны ангони (племя южных банту зулусской группы) — к западу от озера Ньяса.

90

для вызывания дождя. Глава деревни кладет горящую головню на могилу умершего от ожогов человека и, молясь о ниспослании дождя, гасит головню водой. Тушение огня водой, как имитация дождя, усиливается здесь воздействием мертвеца, который, приняв смерть от ожогов, естественно, очень желает выпадения дождя, чтобы охладить свое воспаленное тело и успокоить острую боль.

Кроме арабов огонь как средство прекращения дождя использовали и другие народы. Так, сулка из Новой Британии, раскалив докрасна на огне камни, выносят их на дождь или же подбрасывают в воздух горячую золу. Они полагают, что дождь вскоре после этого прекратится, потому что ему не нравится, когда его обжигают горячими камнями или золой. Туземцы телугу выпускают на дождь маленькую нагую девочку с горящей головешкой в руках. Эту головешку она должна показать дождю. Считается, что это заставит ливень прекратиться.

Во время сильной засухи люди племени диери (Центральная Австралия), громко оплакивая бедственное состояние своей страны и свое собственное полуголодное существование, взывают к духам своих отдаленных предков, которых они называют мура-мура, чтобы те даровали им силу вызвать обильный дождь. Они считают, что дождь зарождается в облаках от их обрядов и обрядов соседних племен под влиянием мура-мура. Диери вызывают дождь следующим образом. Вырывается яма примерно 12 футов в длину и 8 — 10 футов в ширину. Над ней из бревен и ветвей

устраивается хижина конической формы. Влиятельные старейшины племени острым кремнем пускают кровь двум колдунам, которые, как считается, получили от мура-мура особое вдохновение. Кровь, стекающая с их локтей, попадает на их соплеменников, сгрудившихся в хижине. Одновременно с этим истекающие кровью колдуны пригоршнями разбрасывают вокруг себя пух, часть которого прилипает к обрызганным кровью телам людей, а другая кружится в воздухе. Считается, что кровь символизирует дождь, а пух — облака. Во время церемонии на середину хижины выкатывают два больших камня: они изображают собирающиеся облака и предвещают дождь. Затем те же колдуны относят камни на 10 — 15 миль и затаскивают их как можно выше на самое высокое дерево. В это время остальные мужчины собирают гипс, растирают его в порошок и бросают в яму с водой. Считается, что мура-мура видят это

91

и незамедлительно побуждают облака появиться на небе. В заключение молодые и старые мужчины окружают хижину и, наклонив головы, как бараны, бодают ее. Это бодание продолжается до тех пор, пока хижина не обрушивается. Руками при этом пользоваться запрещено, но, когда остаются одни лишь тяжелые бревна, разрешается пустить в ход и руки. Протыкание хижины головами символизирует продырявливание облаков, а падение хижины — выпадение дождя. Очевидно также, что водружение двух камней, символизирующих облака, на вершины деревьев тоже представляет собой способ заставить появиться на небе действительные облака.

Диери воображают также, что способностью вызывать дождь в высшей степени обладает крайняя плоть, взятая у юношей при обрезании. Поэтому Великий совет племени всегда держит немного крайней плоти про запас. Ее тщательно скрывают, храня завернутой в перья вместе с жиром дикой собаки и ковровой змеи. Женщинам ни в коем случае нельзя видеть этот сверток в раскрытом виде. По окончании церемонии крайняя плоть, исчерпавшая свою силу, зарывается в землю. После выпадения дождя несколько мужчин, юношей и мальчиков обязательно подвергаются хирургической операции, состоящей в срезании острым кремнем кожи с груди и рук. По ране похлопывают плоской палкой, чтобы вытекло побольше крови, а затем втирают в нее красную охру. От этого на теле вздуваются рубцы. В оправдание этих действий туземцы ссылаются на то, что они обрадовались дождю, а между шрамами и дождем существует связь. С виду операция не кажется очень болезненной, потому что претерпевающие ее пациенты смеются и шутят. Вокруг оперирующего толпятся маленькие дети, терпеливо ожидая своей очереди. После операции они убегают, выставляя свою маленькую грудь напоказ и пением прося дождь ее окатить. Правда, на следующий день, когда воспаленные раны дают о себе знать, они уже не так радуются.

На острове Ява, когда нужен был дождь, двое мужчин принимались хлестать друг друга гибкими прутьями и продолжали это до тех пор, пока из их спин не начинала течь кровь: струящаяся кровь символизировала дождь, который теперь, как предполагалось, обязательно должен был пролиться на землю. Люди племени эггхиу, в одной из областей Абиссинии, чтобы вызвать дождь, каждый раз в январе вступали в кровавые схватки — друг с другом, деревня с деревней, — кото-

92

рые продолжались в течение целой недели. Позднее император Менелик запретил этот обычай. Этот запрет вызывал возмущение народа, когда в дожде ощущался недостаток. Император вынужден был уступить и разрешил возобновить кровопролитные схватки, но лишь в течение двух дней в году. Упоминающий об этом обычае автор видит в проливаемой в таких случаях крови умилостивительную жертву духам, которые посылают дождь, но не исключено, что, подобно австралийским и яванским церемониям, это является имитацией дождя. По тому же принципу действовали, вероятно, пророки бога Ваала, которые, стремясь вызвать дождь, полосовали себя ножами до тех пор, пока из них не начинала хлестать кровь.

Широко распространено поверье, согласно которому магической властью над природой, особенно над дождем и вообще погодой, обладают близнецы. Это любопытное суеверие бытует у некоторых племен Британской Колумбии. Оно нередко побуждает индейцев налагать особые ограничения или табу на родителей близнецов, хотя точный смысл подобного рода табу, как правило, неясен. Так, индейцы-цимшианы верят, что близнецы имеют власть над погодой. Поэтому они обращаются к ветру и дождю со следующей молитвой: «Утихни ты, дыханье близнецов». Они считают также, что желания близнецов всегда исполняются. Поэтому близнецов боятся: ведь они могут навредить ненавистному им человеку. Цимшианы верят также, что близнецы способны вызывать лососей (рыбу-свечу), и в силу этого их называют «приносящие изобилие». По мнению индейцев-квакиутль, близнецы — это перевоплотившиеся лососи. Поэтому им нельзя подходить к воде. В детском возрасте близнецы могут якобы движениями своих рук вызывать ветер, хорошую

или плохую погоду, а также, размахивая большой деревянной трещоткой, излечивать болезни. Индейцы-нутка также верят, что близнецы имеют отношение к лососям. Поэтому близнецам запрещается ловить лососей, есть или просто держать в руках свежую рыбу. Разрисовывая лица черной краской, а затем смывая ее, что символизирует капающий с тяжелых облаков дождь, они могут делать плохую или хорошую погоду и вызывать дождь. Индейцы-шусвап и индейцы реки Томпсон ассоциируют близнецов с медведем гризли, называя их молодыми гризли. Если верить им, близнецы на протяжении всей жизни одарены сверхъестественными способностями. В частности, могут будто бы управлять погодой.

93

В способность близнецов оказывать влияние на погоду верят также баронга-банту, населяющие берега бухты Делагоа в Юго-Восточной Африке. Они награждают родившую близнецов женщину именем Тило, что значит «небо», а сами дети зовутся детьми неба. Когда бури, которые обычно разражаются в сентябре — октябре, медлят с приходом, когда стране угрожает засуха, предвестница голода, и природа, опаленная солнцем, которое шесть месяцев кряду сияло с безоблачного неба, томится по животворящим ливням африканской весны, женщины выполняют обряды, призванные ниспослать желанный дождь иссохшей земле. Они снимают с себя всю одежду, заменяя ее травяными поясами и головными повязками или короткими юбками из листьев ползучего растения. В таком одеянии они, испуская резкие крики и распевая непристойные песни, переходят от колодца к колодцу, очищая их от накопившейся грязи и нечистот. Их колодцы — это простые ямы, в которых застаивается немного мутной воды. Затем женщины направляются к дому одной из своих товарок, которая родила на свет двойню, и обрызгивают ее водой, принесенной в маленьких кувшинах. После этого они продолжают свой путь, выкрикивая разнузданные песни и исполняя неприличные танцы. Мужчинам нельзя смотреть на гулянья этих одетых в листья женщин. Если на их пути попадается мужчина, то они бьют и прогоняют его. Закончив чистку колодцев, женщины должны полить водой могилы предков в священной роще. Часто, по приказанию колдуна, они поливают водой также и могилы близнецов. Считается, что могила близнецов всегда должна быть влажной, поэтому их обычно хоронят близ озера. Если все усилия вызвать дождь оказываются бесплодными, баронга вспоминают, что такой-то близнец похоронен на склоне холма в сухом месте. «Неудивительно, — говорит в таких случаях колдун, — что небо нещадно палит. Возьмите тело покойного и выройте ему могилу на берегу озера». Приказание тут же выполняется, ибо иного средства вызвать дождь больше нет.

Некоторые из приведенных фактов подтверждают толкование профессором Ольденбергом[1] правил, которые надлежит соблюдать брахману, если он желает выучить особый

[1] Ольденберг Герман (1854 — 1920) — немецкий филолог, специалист по санскриту.

94

гимн из древнеиндийского собрания гимнов, известного под названием Самаведы. Считается, что гимн этот, так называемая песнь Шаквари, воплощает в себе силу молнии — оружия Индры. Ввиду той страшной взрывоопасной силы, которой заряжен этот гимн, отважный брахман, предпринимавший попытку овладеть им, должен был порвать связь с людьми и удалиться из селения в лес. На период, который, по свидетельству различных авторитетов, колеблется от одного года до двенадцати лет, он был обязан соблюдать определенный распорядок жизни: трижды в день прикасаться к воде; носить черные одежды; есть пищу черного цвета; во время дождя не укрываться под крышу, а сидеть под дождем и повторять: «Вода есть песнь Шаквари»; при блеске молнии говорить: «Это похоже на песнь Шаквари»; а когда гремит гром, говорить: «Великий создает великий шум». Он не имел права перейти через поток, не прикоснувшись к воде, ступить на корабль, если жизнь его не была в опасности, и даже в этом случае он, поднимаясь на борт, должен был обязательно коснуться воды, «ибо сила песни Шаквари, как гласит поговорка, пребывает в воде». Когда ему наконец дозволялось выучить саму песнь, он должен был обмакнуть руки в сосуд с водой, в которой помещались растения всех видов. Если брахман выполнит все эти предписания, то по его желанию бог дождя Парджания будет ниспосылать дождь. Ясно, справедливо замечает профессор Ольденберг, что «все эти правила направлены на то, чтобы соединить воедино брахмана с водой, превратить его в союзника водных стихий и предохранить от их враждебности. Тот же смысл имеют черные одеяния и пища черного цвета. Нет сомнения, что их черный цвет символизирует дождевые облака. Поэтому мы можем предположить, что идеи и предписания ведических школ содержат в своем составе магические действия, восходящие к самой отдаленной древности. Они предназначались для того, чтобы подготовить вызывателя дождя к выполнению своей функции и посвятить его в должность».

На тропическом острове Ява, где богатая растительность свидетельствует об изобилии осадков, ритуал вызова дождя встречается куда реже, чем ритуал его предотвращения. Когда яванец намеревается устроить большое пиршество в дождливое время года, он идет к ведающему погодой «специалисту» и просит его «подпереть тучи, которые могут надвинуть-

95

ся». Если тот соглашается употребить на это дело свои профессиональные способности, то после ухода просителя он начинает регулировать свое поведение при помощи определенных правил. Он должен соблюдать пост, не пить и не купаться; то немногое, что он употребляет в пищу, должно быть сухим; ни в коем случае он не может прикасаться к воде. Со своей стороны устроитель пира и его слуги мужского и женского пола не должны в течение всего времени, пока длится пир, стирать белье и купаться; им надлежит также соблюдать строгое целомудрие. Колдун же усаживается на новой циновке в своей спальне и незадолго до начала пира шепчет перед небольшим светильником следующую молитву или заклинание: «Дедушка или бабушка Срекель (имя, по-видимому, выбрано наугад, иногда называются другие имена), вернись в свою страну, в свою страну Аккемат. Заставь замолчать свою бочку с водой, закрой ее хорошенько, чтобы ни одна капля не вытекла из нее». Во время молитвы колдун смотрит наверх и воскуряет благовония.

Равно и «метеоролог» племени тораджи, специализирующийся на прекращении дождя, до, во время и после исполнения своих профессиональных обязанностей принимает меры, чтобы не прикасаться к воде. Он не купается, ест пищу немытыми руками, пьет только пальмовое вино и, если ему случается переходить через поток, старается не ступать в воду. Приготовив себя к выполнению возложенной на него миссии, колдун приказывает построить в рисовом поле маленькую хижину. В этой хижине он поддерживает слабый огонь, который ни в коем случае не должен угаснуть. В огне он сжигает различные виды древесины, за которыми признается способность изгонять дождь. Он изо всех сил дует в том направлении, откуда надвигаются тучи, и держит при этом в руке связку листьев и коры, которые благодаря своим названиям, обозначающим что-то сухое и быстро испаряющееся, также считаются способными разгонять облака. Если тучи появляются в то время, когда колдун находится при исполнении своих обязанностей, он набирает полную пригоршню извести и сдувает ее в их направлении. Такое сухое вещество, как известь, очевидно, хорошо приспособлено для того, чтобы рассеивать пропитанные влагой облака. Если позже возникнет нужда в дожде, то стоит лишь ему залить водой огонь, и дождь тут же хлынет как из ведра.

96

Нетрудно заметить, что яванские и тораджские ритуалы, направленные на прекращение дождя, прямо противоположны индийским ритуалам, нацеленным на его вызов. Индийскому мудрецу предписывается регулярно, не считая особых случаев, трижды в день прикасаться к воде. Яванским же и тораджским колдунам вообще запрещается к ней прикасаться. Брахман живет в лесу и даже во время дождя не имеет права уйти в укрытие. Яванцы и тораджи, напротив, живут в сухом доме или в хижине. Первый выражает свое родство с дождем тем, что принимает его на себя и почтительно говорит о нем. Вторые же зажигают лампу или огонь и прилагают максимум стараний к изгнанию дождя. Но действуют все они по одному принципу: подобно играющему ребенку, каждый из них отождествляет себя с явлением, которое желает вызвать. Следствие, согласно укоренившемуся исстари заблуждению, похоже на свою причину: вы хотите, чтобы было сыро, так будьте сырыми сами; вы хотите, чтобы было сухо, так будьте сами сухими.

Обряды вызывания дождя до настоящего времени отправляются в Юго-Восточной Европе. Они не только покоятся на том же логическом фундаменте, что и перечисленные выше церемонии, но и в деталях сходны с ритуалами, которые с теми же целями исполняют, например, баронга с бухты Делагоа. У фессалийских и македонских греков, когда засуха длилась долго, существовал обычай отправлять ко всем колодцам и источникам в округе процессию детей. Во главе процессии шла украшенная цветами девочка, которую ее спутники на каждой стоянке окропляли водой, распевая заклинания. Вот часть этой песни:

Перперия в свежей росе Освежает в округе все; И в лесах и взбираясь ввысь Бодро Богу в пути молись! На равнины наши, на рожь Пошли, Господи, тихий дождь, Чтоб плоды принесли поля, Виноградом цвела земля, Налились колосья зерном И богат стал народ кругом.

Сербы во время засухи раздевают догола маленькую девочку и с головы до ног одевают ее травой, растениями и цветами. Лицо ее также прячут под покрывалом из живой зелени. Ей дают имя Додола. В сопровождении девушек она

97

идет по деревне. Процессия останавливается перед каждым домом. Додола не перестает

кружиться в танце. Девушки образуют вокруг нее кольцо, напевая одну из песенок Додолы, а хозяйка дома выливает на нее ведро воды. Вот как звучит одна из песен:
Мы по деревне идем,
А по небу бегут облака.
Мы идем быстрее,
И быстрее пошли облака.
Они обогнали нас
И оросили
Свежестью хлеб и лозу.
Когда нужда в дожде возникает в селении Пуна в Индии, одного из местных мальчиков убирают листьями и называют «царем дождя». Он обходит по кругу все дома в деревне. Хозяева и их жены окропляют «царя дождя» водой и одаривают участников процессии различной снедью. После обхода всех домов мальчики снимают с «царя дождя» его одеяние из листьев, а из подаяний устраивают пир.
В некоторых областях Южной и Западной России в качестве средства, вызывающего дождь, применяется купание. Иногда после церковной службы прихожане валили священника прямо в рясе на землю и орошали его водой. В других случаях женщины гурьбой купаются одетыми в день святого Иоанна Крестителя, погружая в воду сделанную из веток, травы и растений фигурку этого святого. Когда нужда в дожде ощущалась в Курской области, женщины хватали прохожего чужака и бросали его в реку или окатывали с головы до ног водой. Позднее мы убедимся, что незнакомца нередко принимают за божество или за олицетворение какой-нибудь природной стихии. У армян магия вызывания дождя состоит в том, что в воду бросают жену священника. Арабы в Северной Африке в качестве средства против засухи бросают в источник человека (хочет он того или не хочет), славящегося своей святостью. В области Минагасса на севере острова Целебес (Сулавеси), чтобы вызвать дождь, купается сам жрец. Когда на Центральном Целебесе долгое время нет дождя и ростки риса начинают засыхать, жители многих деревень, в особенности молодежь, отправляются к ручью и с громкими криками обрызгивают друг друга или обливают струями из бамбуковых трубок. Иногда, хлопая руками по воде или по-
98
дожив на нее перевернутую тыкву и барабаня по ней пальцами, они имитируют шлепанье дождевых капель.
Многие народы считают, что, распахивая землю или изображая пахоту, женщины способны вызывать дождь. Так, у пшавов и хевсуров на Кавказе имеется исполняемый во время засухи ритуал под названием «вспашка дождя». Девушки впрягаются в плуг и тащат его в реку до тех пор, пока вода не дойдет им до пояса. Так же поступают в подобных обстоятельствах армянские девушки и женщины. Старшая женщина или супруга священника надевает на себя рясу, а другие женщины, переодетые мужчинами, тащат под ее руководством плуг по воде против течения. Если засуха долго длилась в Грузии, достигших брачного возраста девушек запрягали парами в бычьи упряжки, священник брал в руки вожжи, и они пробирались через реки, лужи и топи, молясь, визжа, плача и смеясь. В одной местности в Трансильвании, когда земля трескается от засухи, несколько девушек раздеваются догола, затем под предводительством женщины старшего возраста, также нагой, выкрадывают борону и тащат ее через все поле к ручью. Достигнув ручья, они пускают борону вплавь, садятся на нее и в течение часа поддерживают в каждом ее углу по огоньку. После этого, оставив борону в воде, они возвращаются домой. К подобному же способу вызывания дождя прибегают и в некоторых частях Индии: нагие женщины ночью волокут плуг по полю, в то время как мужчины стараются держаться от этой процессии подальше — их присутствие может якобы разрушить чары.
Иногда дождь вызывают при посредничестве покойника. В Новой Каледонии вызыватели дождя выкрашивают свои тела в черный цвет; вырывают останки покойника; уносят кости в пещеру, соединяют и подвешивают их над листьями таро. Кости поливают водой так, чтобы она стекала на листья. Туземцы верили, что душа покойного впитывает воду, превращает ее в дождь и низвергает на землю. В 1868 году в России продолжительная засуха, грозившая погубить урожай, побудила обитателей одной деревни в Таращанской волости выкопать тело раскольника, который умер в декабре предшествовавшего года. Часть крестьян колотила труп или то, что от него осталось, по голове со словами: «Дай нам дождь!», в то время как остальные лили на него воду через сито. Поливание водой через сито явно изображает здесь ливень и напоминает нам о том, как
99
Стрепсиад в комедии Аристофана (ок. 445 — ок. 385 до н. э.) «Облака» представлял себе

ниспослание дождя Зевсом[1]. Чтобы вызвать дождь, тораджи нередко взывают к состраданию покойников. Так, в селении Калингооа имеется могила знаменитого вождя. Когда земля страдает от несвоевременно наступившей засухи, люди приходят на эту могилу, поливают ее водой и приговаривают: «Сжалься над нами, дедушка! Если тебе угодно, чтобы в этом году у нас была пища, пошли нам дождь». После этого они подвешивают над могилой наполненный водой ствол бамбука. В его нижней части имеется небольшое отверстие, из которого по капле вытекает вода. До тех пор, пока дождь не оросит почву, ствол бамбука вновь и вновь наполняется водой. Как и в Новой Каледонии, магия смешана здесь с религией: обращение с молитвой к покойному вождю, носящее чисто религиозный характер, дополняется магической имитацией дождя у его могилы. Мы видели, что баронга с берегов бухты Делагоа используют в качестве дождевых чар орошение могил предков, особенно близнецов. У некоторых индейских племен бассейна реки Ориноко родственники покойного обычно через год после его похорон извлекают из земли его останки, сжигают их и рассеивают пепел по ветру. Считается, что пепел превращается в дождь, который покойник ниспосылает в награду за свое погребение. Китайцы убеждены, что, если тела людей не погребены, дождь причиняет их душам такое же беспокойство, как и живым людям, если их оставить в непогоду без крова. Поэтому несчастные души непогребенных делают все, что в их силах, чтобы не было дождя, и часто их усилия увенчиваются успехом. Ввиду этого китайские власти во время засухи, как правило, предавали земле иссохшие кости незахороненных мертвецов, чтобы положить конец бедственному положению и вызвать дождь.

Нередко в колдовских чарах, связанных с погодой, важную роль играют животные. Аборигены Северной Австралии, относящиеся к племени анула, ассоциируют с дождем птицу широкорота *(Eurystomos)* и называют ее дождевой птицей. Эта последняя является тотемом анула. Мужчины данного племени обладают якобы способностью вызывать дождь. Для этого они

[1] Стрепсиад — комический персонаж из названной комедии Аристофана. По его мнению, дождь бывает, когда Зевс мочится на землю через решето.

100

ловят змею и живьем бросают ее в определенный водоем. Спустя некоторое время змею оттуда вытаскивают, убивают и оставляют на берегу. Затем из стеблей травы изготовляют изогнутую в виде радуги плетенку и накрывают ею змею. Теперь остается лишь пропеть заклинание над змеей и имитацией радуги, чтобы дождь рано или поздно выпал. Аборигены объясняют свои действия тем, что именно на этом месте в очень давние времена широкорот жил в браке со змеей. Змея обитала в водоеме и вызывала дождь, выплевывая воду в небо до тех пор, пока появлялась радуга и тучи и начинался дождь. В разных частях острова Ява обычный способ вызывания дождя — купание одной или двух разнополых кошек; иногда животных сопровождает к воде процессия с музыкой. В самой Батавии время от времени можно видеть шествие детей с кошкой. Окунув животное в водоем, они затем отпускают его.

Когда колдун племени вамбугве (Восточная Африка) желает вызвать дождь, он выводит на яркий солнечный свет и помещает на крыше общей хижины черную овцу и черного теленка. Затем он вспарывает животным животы и разбрасывает их внутренности во всех направлениях. После этого он наполняет сосуд водой со снадобьями. Если чары сработали, вода в сосуде закипает и начинается дождь. Напротив, если колдун желает предотвратить дождь, он удаляется внутрь хижины и там подогревает в тыквенной бутылке горный хрусталь. Люди вагого, для того чтобы вызвать дождь, приносят в жертву на могиле умерших предков черную птицу, черную овцу и черную корову. В сезон дождей вызыватель дождя носит черную одежду. В одном из районов Суматры, чтобы вызвать дождь, все женщины деревни идут к реке, едва прикрыв свою наготу. Заходят в нее и обрызгивают друг друга водой. Затем в реку кидают черную кошку и заставляют ее некоторое время поплавать, после чего, сопровождаемая градом брызг, кошка выбирается на берег. Во время засухи гаро (Ассам) на вершине очень высокой горы приносят в жертву черную козу. Во всех случаях составной частью чар является черный цвет, который и затемняет небо дождевыми тучами. Так, бечуаны сжигают вечером желудок быка в уверенности, что «черный дым соберет тучи и вызовет дождь». Обитатели острова Тимор жертвуют черную свинью богине земли, чтобы выпал дождь, белую или рыжую — богу солнца, чтобы сияло солнце. Когда ангонам нужен дождь, они приносят в жертву

101

черного быка, а когда им нужна хорошая погода — белого. Если в одной из высокогорных областей Японии в течение долгого времени нет дождя, процессия деревенских жителей во главе со жрецом (жрец ведет с собой черную собаку) направляется к горному потоку. По прибытии на

место они привязывают собаку к камню и расстреливают ее из ружей и луков. Забрызгав скалы кровью собаки, крестьяне бросают оружие на землю и начинают молиться божеству потока — дракону о ниспослании дождя, который бы омыл оскверненное место. Обычай предписывал, чтобы цвет животного в таких случаях был черный (как символ желанных грозовых туч). Но если нужна хорошая погода, приносимое в жертву животное должно быть безукоризненно белого цвета.

Тесная связь лягушек и жаб с водой повсеместно создала им репутацию хранительниц дождя. Они часто фигурируют в чарах, цель которых вызвать дождь. Некоторые племена индейцев бассейна реки Ориноко считали жабу богиней-владычицей вод и по этой причине остерегались ее убивать. Известно, что во время засухи они сажали лягушек под горшок и били по нему прутом. Индейцы-аймара изготовляли миниатюрные чучела лягушек и других водяных животных и помещали их на вершинах холмов для привлечения дождя. Индейцы бассейна реки Томпсон и отдельные европейские народы полагают, что убить лягушку — значит вызвать дождь. С той же целью люди низших каст в центральных провинциях Индии привязывали лягушку к жезлу, покрытому зелеными листьями и ветками дерева ним, и таскали ее от одного дома к другому, распевая:

Ниспошли нам, лягушка, сокровище влаги! Пусть пшеница и просо созревают в полях.

Капу, или редди, составляют многочисленную касту земледельцев и земельных собственников в провинции Мадрас. Когда подолгу не бывает дождя, женщины этой касты ловят лягушку и живьем привязывают ее к новой бамбуковой веялке. Они прикрывают веялку листьями маргозы и переходят с ней от дома к дому, распевая: «Госпожа лягушка должна искупаться. Дай ей, о бог, дождя, хоть немножко воды». В то время как женщины-капу поют эту песню, хозяйка дома поливает лягушку водой и дает ей подаяние в уверенности, что вскоре после этого хлынет дождь.

102

Когда в отдельных случаях засуха длилась долго, народ вообще отбрасывал в сторону обычные магические фокусы с имитацией дождя. Он был слишком разгневан, чтобы тратить силы на молитвы и заклинания, и старался угрозами, проклятьями и даже грубой физической силой вытребовать у сверхъестественного существа небесную воду. Например, если божество долгое время оставалось глухим к мольбам японских крестьян о дожде, то в конце концов те низвергали его изображение и с громкими проклятьями швыряли головой вперед в смердящее рисовое поле. «Поваляйся немного здесь, — говорили они, — и посмотрим, как ты будешь чувствовать себя через несколько дней на палящем солнце, которое сжигает все живое на наших потрескавшихся полях». При подобных же обстоятельствах фелупы из Сенегамбии сбрасывают своих фетишей и тащат их по полям, проклиная до тех пор, пока не пойдет дождь.

Большими специалистами по части взятия приступом царства небесного являются китайцы. Когда они испытывают нужду в дожде, они изготовляют из бумаги или из дерева огромного дракона, изображающего бога дождя, и целой процессией таскают его повсюду. Если дождь и после этого не идет, мнимого дракона проклинают и разрывают на куски. В других случаях китайцы угрожают богу и бьют его, если тот не дает дождя. Они публично смещают его с должности божества. Если же желанный дождь выпадет, то специальным императорским декретом бог возводится в более высокий ранг. В апреле 1888 года мандарины Кантона обратились к богу Лун Вану[1], умоляя положить конец непрекращающимся дождям, а когда тот остался глух к их просьбам, они на пять дней посадили его под арест. Это возымело благотворное действие. Дождь прекратился, и бог был выпущен на свободу. Во время засухи, случившейся за несколько лет до этого эпизода, то же божество заковали в цепи и целыми днями держали на солнце во дворе храма, чтобы оно могло на себе прочувствовать настоятельную нужду в дожде. Когда сиамцам необходим дождь, они также выставляют своих идолов на нещадно палящее солнце. Но если, напротив, им нужна сухая погода, они снимают

[1] Лун Ван — буквально «князь-дракон» — древнекитайское божество, распоряжающееся водными источниками, дождем, плодородием.

103

крыши с храмов и оставляют таким образом идолов мокнуть под дождем. Они убеждены, что неудобства, которые при этом испытывают боги, побудят последних пойти навстречу желаниям верующих.

Эти «метеорологи» с Дальнего Востока могут вызвать улыбку у читателя. Но и в современной христианской Европе прибегали к точно таким же методам вызова дождя. В конце 1893 года над Сицилией из-за отсутствия дождей нависла страшная угроза гибели урожая. Каждый день солнце поднималось и заходило при совершенно безоблачном голубом небе. Сады Конка д'Оро, окружающие великолепным зеленым поясом Палермо, увядали. Надвигался голод. Народ был в

большой тревоге. Самые испытанные методы вызывания дождя не приносили желаемого результата. По улицам и полям двигались процессии. Мужчины, женщины и дети, перебирая четки, целыми ночами лежали распростертыми перед иконами святых. Освященные свечи днем и ночью горели в церквах. На деревьях висели пальмовые ветки, освященные в вербное воскресенье. В селении Солапарута, в соответствии с древним обычаем, сор, выметенный из церквей в вербное воскресенье, был рассеян по полям. Все оказалось тщетным. Жители Никозии с обнаженными головами, босые носили по всему городу распятия и стегали друг друга железными прутами. Ничего не помогало. Даже великий святой, Франциск из Паоло, который ежегодно совершал чудо дождя, то ли не смог, то ли не захотел помочь людям. Обедни, вечерни, представления, иллюминации, фейерверки — ничто не трогало его. В конце концов крестьяне начали терять терпение. Большинство святых подверглось изгнанию. В Палермо жители выбросили святого Иосифа из церкви в сад, чтобы он самолично убедился, как обстоят дела, и поклялись оставить его на солнцепеке, пока не пойдет дождь. Других святых, как непослушных детей, повернули лицами к стене, с третьих сорвали их великолепные одеяния и изгнали далеко за пределы их приходов. Им угрожали, их грубо оскорбляли, окунали в лужи. В городе Кальтанисетта у архангела Михаила оторвали золотые крылья и заменили их картонными; с него сняли также пурпурную мантию и вырядили в тряпье. Еще хуже пришлось святому Анжело, покровителю Ликата. Его вообще раздели догола, всячески оскорбляли, затем заковали в цепи и угрожали повесить или уто-

104

пить. «Дождь или веревка?» — орала разъяренная толпа, потрясая кулаками перед ликом святого.

Иногда люди в подобных случаях апеллируют к милости богов. Когда солнце сжигает поля зулусов, один из них высматривает «небесную птицу», убивает ее и бросает в пруд. Небо в таком случае должно залиться слезами нежности к погибшей птице: «Оно плачет по ней дождем, испуская надгробные крики». В других случаях зулуска зарывает своих детей по шею в землю и, отойдя на некоторое расстояние, долго и мрачно завывает. Предполагается, что небо размякнет от жалости при виде такого зрелища. После этого женщина откапывает детей в уверенности, что дождь вот-вот начнется. Зулуски говорят, что так они обращаются к «небесному господину» с просьбой послать дождь. Если дождь начинается, они провозглашают: «Усондо разлился дождем». Во время засухи гуанчи из Тенерифа приводят на священную землю овец и отделяют ягнят от маток, чтобы жалостливое блеяние могло тронуть сердце бога. В Кумаоне дождь «останавливают» тем, что вливают горячее масло в левое ухо собаки. Животное воет от боли, его завывания слышит Индра, и дождь из жалости к страданиям животного прекращается. Иногда тораджи пытаются заполучить дождь следующим способом. Они опускают в воду стебли определенных видов растений, приговаривая: «Иди и попроси дождь! Пока дождь не пойдет, я не посажу тебя в землю, и ты погибнешь». Они также подвешивают на веревочке к дереву пресноводных улиток и обращаются к ним с речью: «Идите и попросите дождь! Пока он не пойдет, я не пущу вас обратно в воду». Улитки плачут, богов разбирает жалость, и идет дождь. Правда, эти ритуалы носят скорее религиозный, нежели магический, характер, так как заключают в себе мольбу к высшим силам.

Нередко встречается мнение, что камни обладают способностью вызывать дождь при условии, что их обмакивают в воду, обрызгивают водой и вообще обращаются с ними надлежащим образом. В одном селении на Самоа в доме тщательно хранится камень определенной формы. Это представитель бога дождя. Во время засухи процессия жрецов выносит его и погружает в источник. Вызыватель дождя племени та-та-тхи (Новый Южный Уэльс) отбивает кусок кварца и выплевывает его в небо. Остальную часть кристалла он заворачивает в перья эму, смачивает все это водой и заботливо прячет. Кол-

105

дун племени керамин (также Новый Южный Уэльс) уединяется с той же целью в устье реки, окропляет там водой круглый плоский камень, а затем заворачивает и прячет его. У некоторых племен Северо-Западной Австралии вызыватель дождя отправляется на участок, специально отведенный для этой церемонии. Там он наваливает кучу камней или песка, кладет на ее вершину магический камень и, танцуя, ходит вокруг кучи, часами распевая заклинания, пока не свалится от крайнего переутомления. Тогда его место занимает помощник. Камень обрызгивают водой и разжигают вокруг огромные костры. Никто из посторонних не имеет права приближаться к священному месту во время этого мистического ритуала. Когда дождь хотят вызвать сулка из Новой Британии, они чернят камни золой, полученной от сжигания определенного вида плодов, и выставляют их на солнце вместе с некоторыми растениями и ветками. Затем несколько веток обмакивают в воду и с пением магических заклинаний придавливают их камнями. После этого

дождь «должен пойти». В Манипуре, на высоком холме к востоку от столицы, находится камень, который народное воображение уподобляет зонтику. В случае нужды в дожде раджа приносит воду из ближайшего источника и опрыскивает ею этот камень. В Сагами (Япония) также есть камень, который, лишь стоит полить его водой, притягивает дождь. Когда дождь необходим племени вакондио в Центральной Африке, они посылают людей к вавамба, счастливым обладателям «дождевого камня», обитающим у подножия снежных гор. За приличное вознаграждение вавамба смачивают бесценный камень, смазывают его маслом и кладут в наполненный водой горшок. Считается, что после этого дождь не может не пойти. Апачи, обитатели засушливых пустынь Аризоны и Нью-Мехико, старались вызвать дождь тем, что приносили воду из определенного источника и обрызгивали ею скалу на определенной высоте. Они верили, что вскоре после этого соберутся тучи и начнет капать дождь.

Но такого рода обычаи распространены не только в глухих районах Африки и Азии да в знойных пустынях Австралии и Нового Света. Практиковали их и в более холодном климате под серым небом Европы. В «диких лесах Броцелианды» есть окруженный романтической славой источник, носящий название Барентон. В нем, если верить преданию, до сих пор в тени боярышника спит волшебным сном маг Мерлин. В

106

случае нужды в дожде к нему приходили бретонские крестьяне. Они набирали воду в пивную кружку и поливали каменную плиту, лежащую рядом с родником. На горе Сноудон есть уединенное горное озеро под названием Дулин, или Черное озеро, оно расположено в глубокой мрачной лощине, окруженной высокими, крутыми скалами. В озеро сбегает ряд положенных как ступени камней. Если кто-нибудь, стоя на первом из этих камней, плеснет воду так, чтобы намочить самый дальний камень, который называется «красный алтарь», то даже при жаркой погоде еще до наступления темноты выпадет дождь. Если же дождь не пойдет, это будет считаться простой случайностью. В последних случаях, как и в обычаях жителей острова Самоа, в камне видят нечто божественное. Это явствует и из соблюдаемого иногда обычая обмакивать крест в источник Барентон с целью вызвать дождь: обмакивание креста явно является христианским эквивалентом древнего языческого обычая окатывать камень водой. В разных частях Франции бытует или до недавнего времени бытовал обычай погружать в воду изображение святого, чтобы пошел дождь. Около древнего монастыря в Комманьи имеется источник святого Жервеза. Местные жители устраивают к нему массовые паломничества, чтобы — в зависимости от того, в чем нуждаются посевы, — выпросить дождь или солнечную погоду. Во время большой засухи они бросают в него старинное каменное изображение святого, которое обычно стоит в нише, из которой бьет источник. В Коллобриере и Карпентре то же самое проделывали с изображениями святого Понса и святого Женса. В некоторых деревнях Наварры крестьяне обращались с молитвами о дожде к святому Петру. Чтобы усилить действие своих молитв, они несли статую святого к реке, где трижды призывали его исполнить их просьбу. Затем, если святой продолжал упорствовать, крестьяне, несмотря на протесты священнослужителей, которые благочестиво уверяли, что простое предостережение и увещевание святого возымели бы равно благотворное действие, погружали статую в реку. Считалось, что в течение двадцати четырех часов после этого обязательно должен пойти дождь. Католические страны не являются монополистами по части такого рода приемов. В Мингрелии, когда посевы страдают от недостатка дождя, жители ежедневно погружают в воду статую особо почитаемого святого. Это продолжается до тех пор, пока не хлынет ливень.

107

В Юго-Восточной Азии, когда рис гибнет от засухи, водой орошают изображения Будды. Во всех случаях в основе своей этот обряд не что иное, как образчик симпатической магии, как бы она ни маскировалась видимостью наказания или угрозы.

Когда молитвы и процессии не приносили желаемого результата, греки и римляне также стремились добыть дождь магическим путем. Например, когда посевы и деревья гибли от засухи, жрец Зевса в Аркадии обмакивал дубовую ветвь в источник на горе Ликей. Из потревоженной воды поднималось мглистое облако, и вскоре на землю проливался дождь. Как мы видели, к тому же способу вызывания дождя до сих пор прибегают на Гальмагере (близ Новой Гвинеи). У жителей города Краннона в Фессалии для той же цели использовалась бронзовая колесница, которую они хранили в храме. Когда им нужен был ливень, они трясли эту колесницу, и шел дождь. Громыханье колесницы, вероятно, имитировало гром. Имитация грома и молнии, как мы уже видели, входит в состав дождевых чар в России и Японии. Легендарный царь Элиды Салмоней

подделывал звуки грома, таща за своей колесницей бронзовые котлы или проезжая по бронзовому мосту. Он же в подражание молнии метал ярко горящие факелы. Он не только возымел нечестивое желание подражать Зевсу, катящемуся по небесному своду, но даже провозгласил себя Зевсом и в этом качестве заставлял приносить себе жертвы. За стенами Рима, рядом с храмом Марса, хранился камень, известный под названием *lapis manalis*[1] Во время засухи его втаскивали в Рим. Римляне верили, что это незамедлительно вызовет дождь.

Магическое управление солнцем.

Маг не только считает, что он способен вызвать дождь. Он воображает, что может заставить сиять солнце, ускорить или приостановить его круговращение. Индейцам-оджибве казалось, что солнце во время затмения угасает. Поэтому они выпускали в воздух стрелы с огненными наконечниками, надеясь таким образом возродить иссякающий солнечный свет. Индейцы-сенсис из Перу также во время затмения выпускают в сторону солнца горящие стрелы, но, по всей вероятности, делают они это не столько для того, чтобы вновь зажечь светило, сколько для изгнания

[1] Lapis manalis *(лат.)* — буквально: «камень предков».

108

дикого зверя, с которым, как они полагают, солнце в этот момент борется. Во время же затмения луны племена бассейна реки Ориноко, напротив, зарывали зажженные головни в землю. По их словам, если луна погаснет, вместе с ней потухнет весь огонь на земле, кроме того, который был от нее скрыт. Во время затмения солнца камчадалы обычно выносили из хижин огонь и умоляли великое светило сиять по-прежнему. Из их обращенной к солнцу молитвы следует, что этот ритуал носил скорее религиозный, чем магический, характер. Напротив, ритуал, исполняемый в подобных случаях чилкотинами, был чисто магического свойства. Мужчины и женщины подбирали одежду, как во время ходьбы, и, опираясь на посохи, как будто несли тяжелый груз, ходили по кругу до тех пор, пока не кончалось затмение. Они явно надеялись поддержать таким образом слабеющее солнце, которое совершает свой тяжкий путь по небу. В Древнем Египте царь, считавшийся воплощением солнца, торжественно обходил вокруг храма, чтобы дать солнцу возможность без затмения и других неприятностей совершать свое ежедневное путешествие по небу. После осеннего равноденствия египтяне справляли праздник под названием «рождение солнечного посоха». Считалось, что по мере того, как с каждым днем идут на убыль солнечные свет и тепло, у светила возникает нужда опереться на посох.

Когда колдун в Новой Каледонии намеревается возвратить солнечный свет, он приносит с собой на кладбище растения и кораллы и связывает их в пучок с добавлением двух прядей волос живого ребенка из семьи умершего человека и двух зубов или целой челюсти из скелета предка. Затем рано утром он взбирается на гору, вершина которой уже тронута первыми лучами солнца. Там он кладет на плоский камень три разновидности растений, рядом с ними помещает сухую коралловую ветку, а над камнем подвешивает магическую связку. На следующее утро он возвращается на то же место и поджигает связку как раз в тот момент, когда солнце всходит над морем. В то время как дым клубится, он трет камень сухим кораллом, призывает предков и восклицает: «Солнце! Я делаю это, чтобы ты горело жарко и поглотило все облака на небе». Тот же ритуал повторяется на закате. Сухую погоду жители Новой Каледонии также вызывают при помощи продырявленного камня в форме диска. На восходе солнца кол-Дун берет в руку этот камень, многократно проталкивает че-

109

рез отверстие горящую головню и приговаривает: «Я зажигаю солнце. Пусть оно поглотит тучи и высушит нашу землю, дабы она ничего не производила». Жители Банксовых островов вызывают солнечный свет с помощью поддельного солнца. Они берут камень правильной круглой формы, называемый «ват лоа», или «солнечный камень», обвязывают его красной тесьмой и приклеивают к нему совиные перья, изображающие лучи солнца, тихо напевая при этом должное заклинание. Затем они вешают камень на высокое дерево в священной роще, например на индийский баньян или на казуарину.

Считается также, что солнце рождает утренняя жертва, приносимая брахманом. Нас уверяют, что «оно, конечно, не взошло бы, если бы брахман не принес эту жертву». Древние мексиканцы видели в солнце источник жизненной силы, поэтому они называли его «Ипалнемохуани» — «Тот, благодаря кому живут люди». Но если солнце дарует жизнь миру, то взамен оно должно получить жизнь и от него. А так как вместилищем и символом жизни является сердце, то для того, чтобы поддержать силу солнца, ему в жертву приносились кровоточащие сердца людей и животных. Эти

жертвы были скорее магического, чем религиозного, свойства и имели своей целью не столько умилостивить солнце, сколько физически обновить запас его тепла, света и движения. Чтобы удовлетворять постоянную нужду в человеческих жертвах, питавших силу солнца, мексиканцы ежегодно вели войны с соседними племенами и брали массу пленных, которых приносили в жертву на алтаре. Так что непрерывные войны мексиканцев и жестокая система человеческих жертвоприношений (самых чудовищных из известных в истории) в большой мере были результатом ложной теории солнечной деятельности. Нет, пожалуй, более поразительного примера губительных практических последствий, проистекающих из чисто спекулятивной ошибки. Древние греки верили, что солнце гонит по небу свою колесницу. Поэтому жители острова Родос, поклонявшиеся солнцу как высшему божеству, ежегодно посвящали ему колесницу и четырех коней: их сталкивали в море для того, чтобы они служили солнцу. Родосцы, несомненно, полагали, что через год старая колесница с конями изнашивалась и приходила в негодность. Вероятно, по тем же причинам посвящали солнцу колесницы с конями и цари-идолопоклонники

110

Иудеи. В жертву ему приносили коней спартанцы, персы и массагеты. Спартанцы приносили жертву на вершине горы Тайгет: за эту прекрасную гряду каждый вечер опускалось великое светило. Для равнинных жителей Спарты это было так же естественно, как для родосских островитян бросать колесницу с конями в море, в которое ежедневно погружалось солнце. Свежие кони ожидали усталого бога там, где они были ему более всего желанны в конце его дневного путешествия, — на горе или в море.

Одни народы думают, что могут зажечь солнце и облегчить его дневной путь, другие же воображают, что способны задержать или остановить его. В ущелье в Перуанских Андах на двух противостоящих горах высятся две разрушенные башни. В стены их вбиты железные крючья, к которым привязывалась сеть, протягивавшаяся от одной башни к другой. Сеть эта предназначалась для поимки солнца. Широко распространены рассказы о людях, которые поймали солнце в силок. Когда осенью солнце уходит на юг и все ниже опускается на арктическом небе, эскимосы-иглулик играют в «веревочку», чтобы поймать его в переплетение веревки и не дать, таким образом, исчезнуть. Когда же весной солнце движется в северном направлении, то, чтобы ускорить его возвращение, они играют в бильбоке. Если австралийский абориген хочет, чтобы солнце не садилось до тех пор, пока он не придет домой, он кладет в разветвление дерева прямо напротив заходящего солнца кусок дерна. Наоборот, чтобы заставить солнце быстрее зайти, австралийцы подбрасывают в воздух песок и сдувают его в направлении солнца. Они верят, что таким образом небесное светило будет отнесено к западу и погребено в песках, в которые оно погружается по вечерам.

Если одним народам кажется, что они могут ускорить движение солнца, то другие воображают, что могут подтолкнуть медлительную луну. Аборигены Новой Гвинеи ведут счет месяцам по луне. Относительно некоторых из них известно, что они метали в луну копья и камни, чтобы ускорить ее движение и приблизить таким образом возвращение своих друзей, которые на год ушли из дому для работы на табачной плантации.

Управление ветром с помощью магии

Многие думают, что можно заставить подуть или стихнуть ветер. Когда якуту в жаркий день предстоит длинная дорога, он берет камень, который ему случилось извлечь из внутренностей животного

111

или рыбы, несколько раз обматывает его конским волосом и привязывает к палке. Затем, размахивая палкой, он произносит заклинание, после чего начинает дуть прохладный бриз. Для того чтобы вызвать прохладный ветер на девять дней, камень следует обмакнуть в кровь зверя или птицы и выставить на солнце. В это время колдун совершает три круга в направлении, противоположном направлению движения дневного светила. Если готтентот хочет, чтобы ветер спал, он берет одну из самых толстых шкур и подвешивает ее на шесте в убеждении, что, сдувая шкуру с шеста, ветер должен потерять всю свою силу и сойти на нет. Колдуны с Огненной Земли, если хотят прекратить ветер, бросают против ветра раковины. Туземцы с острова Бибили близ Новой Гвинеи славятся способностью вызывать ветер собственным дыханием. Поэтому, когда поднимается буря, их соседи, богадьимы, говорят: «А, это с Бибили снова принялись дуть». В Новой Гвинее прибегают и к другому способу поднять ветер: надо слегка ударить палкой по

«ветряному камню». Если же ударить сильно, разразится ураган. В Шотландии колдуньи «поднимали» ветер тем, что обмакивали в воду тряпку, приговаривая:

По камню тряпкой я стучу, С дьяволом ветер заверчу. Он стихнет, лишь я захочу.

В Гренландии женщина во время родов и некоторое время после разрешения от бремени обладает, как считается, способностью успокаивать бурю. Для этого ей достаточно выйти наружу, набрать полные легкие воздуха и, входя обратно в дом, выдохнуть. В древнем Коринфе жила семья, славившаяся своей способностью успокаивать бушующий ветер. Однако мы не знаем, каким образом ее члены исполняли эту полезную функцию, благодаря чему они, вероятно, получали нечто гораздо более существенное, чем простая известность среди мореплавателей Коринфского перешейка. Уже в христианскую эпоху, при императоре Константине, в Константинополе был предан смерти некто Сопатер по обвинению в задержании ветров с помощью магии. Дело в том, что корабли с зерном из Египта и Сирии, к ярости и отчаянию голодной византийской черни, были задержаны в пути штилями и встречными ветрами.

Финские колдуны, напротив, продавали попутный ветер задержанным бурей морякам. Ветер содержался в трех узлах:

112

если развязать первый, дул умеренный ветер, если второй — сильный, если же третий — начинался ураган. Эстонцы, страна которых отделена от Финляндии всего лишь морским заливом, верили в магические способности своих северных соседей. Простые эстонские крестьяне приписывали сильные ветры, которые весной дуют с севера и северо-востока, принося с собой лихорадочные ознобы и ревматические воспаления, козням финских колдунов и колдуний. С особым страхом они относятся к трем весенним дням, которые носят название Крестовых дней. Один из них падает на канун Вознесения. Жители окрестностей Феллина боятся в такие дни показать нос наружу, чтобы жестокие ветры из Лапландии не сразили их насмерть. В народной эстонской песне поется:

- Ветер Крестовый, могучий, кипящий, С тяжелым ударом развернутых крыл! Воющий ветер несчастья и горя Дыханье финских волхвов доносил.

Рассказывают, что моряки на кораблях, идущих против ветра в Финском заливе, видят иногда странный парусник. Он показывается из-за кормы и пядь за пядью нагоняет их. Парусник движется прямо против ветра со спущенными лиселями, прокладывая себе путь среди пенящихся валов. Паруса его надуты ветром так, что вот-вот лопнут. Снасти скрипят от напряжения. Матросы знают, что это судно идет из Финляндии.

Владение искусством завязывать ветер тремя узлами — так что, чем больше развязывается узлов, тем сильнее дует ветер — приписывали колдунам Лапландии, а также колдуньям с островов Шетланд, Льюис и Мэн. Моряки Шетланда до сих пор покупают у старух, которые претендуют на управление штормами, ветры в виде платков или нитей с завязанными узлами. Говорят, что в Леруике и поныне обитают древние старухи, которые живут продажей ветров. Одиссей, как известно, получил ветры от царя ветров Эола завязанными в кожаном мешке. Люди племени мотумоту на Новой Гвинее думают, что бури насылаются колдунами Ойабу: каждый ветер содержится у них в своей бамбуковой палочке, и по желанию они выпускают его наружу. На вершине горы Агу в Того (область Западной Африки) находится фетиш по имени Багба, который, как считается, управляет ветром и дождем. Его жрец хранит ветры в огромных горшках.

113

Часто штормовой ветер рассматривается как какое-то злое существо, которое можно запугать, прогнать или уничтожить. Когда бури и непогода длились долго и у центральных эскимосов ощущался недостаток в пище, они стремились заколдовать бурю: изготовляли длинный кнут из морских водорослей и, вооружившись им, шли на берег моря. Нанося кнутом удары в направлении ветра, они кричали: «Таба!» («Довольно!») Однажды, когда из-за северо-западных ветров на побережье долго продержался лед и возникла нехватка пищи, для установления безветренной погоды эскимосы выполнили следующий ритуал. На берегу был разложен костер; вокруг него собрались мужчины и запели. Затем к огню подошел старик и ласковым голосом стал приглашать демона ветра приблизиться к огню и согреться. Когда тот, по расчетам, прибыл, старик бросил в пламя сосуд с водой, который наполняли все присутствующие мужчины, и тут же в огонь полетел рой стрел. Полагали, что демон не захочет остаться там, где с ним так дурно обошлись. Для полного эффекта стреляли в разные стороны из ружей и просили капитана европейского судна выстрелить в ветер из пушки. 21 февраля 1883 года подобный ритуал был выполнен эскимосами на мысе Бэрроу (Аляска) с намерением убить духа ветра. Женщины изгоняли духа из домов, размахивая дубинками и ножами, а собравшиеся вокруг огня мужчины стреляли в него из

винтовок и придавливали тяжелым камнем в тот момент, когда пар клубами поднимался от тлеющих углей, на которые только что опрокинули кадку с водой.

Индейцы-ленгуа в Гран-Чако называют стремительное движение урагана «бегом духа». Чтобы отпугнуть этого духа, они бросают в него палками. Южноамериканские индейцы-пайагуа, когда сильный ветер сдувает их хижины, бегут против ветра, угрожая ему горящими головнями. Другие индейцы, чтобы испугать бурю, колотят по воздуху кулаками. Когда жестокая буря угрожает индейцам-гуайакуру, мужчины выходят из домов вооруженными, а женщины и дети, стараясь запугать духа ветра, визжат изо всех сил. Во время бури обитатели одной батакской деревни на острове Суматра выскочили наружу из своих хижин, вооруженные мечами и копьями. Во главе их стал раджа, и они с криками и воплями рубили и кромсали невидимого врага. Одна старая женщина, как заметили, проявила при обороне своего дома от натиска урагана наибольшую активность, полосуя воздух длинной саб-

114

лей направо и налево. Во время яростной грозы, когда раскаты грома раздавались совсем близко, кайаны с острова Борнео угрожающим жестом наполовину вытаскивали свои мечи из ножен, как бы пугая демона бури. Австралийские аборигены считают огромные столбы красного песка, которые быстро движутся по пустыням, проходящими мимо духами. Однажды молодой чернокожий атлетического сложения побежал за одним из таких столбов, чтобы поразить его насмерть бумерангом. Он отсутствовал три-четыре часа и, возвратившись очень усталым, рассказал, что убил духа Кучи, но и Кучи поразил его громом, так что жить ему осталось недолго. Относительно бедуинов Восточной Африки известно, что «ни один смерч не промчится на их пути без того, чтобы за ним не погналась дюжина мужчин с обнаженными кинжалами, нанося удары в центр пыльного столба с намерением изгнать злого духа, который, согласно поверью, скачет верхом на урагане».

В свете подобных примеров заслуживает полного доверия рассказ Геродота[1], который современные критики объявили небылицей. Не ручаясь за истинность повествования, он рассказывает, что однажды в стране псиллов (современное Триполи) дующий с Сахары ветер высушил все водоемы. Народ посовещался и в полном составе отправился на войну против южного ветра. Но когда они вошли в пустыню, на воинов обрушился самум и погреб их всех до единого. Эта история вполне могла быть передана одним из тех, кто видел, как они в боевом строю, под бой барабанов и кимвалов исчезли в красном облаке крутящегося песка.

Глава VI. КОЛДУНЫ-ПРАВИТЕЛИ

Приведенные данные свидетельствуют о том, что во многих странах и у многих народов магия претендовала на управление великими силами природы на благо человека. В обществе, которое с доверием относилось к притязаниям специалистов в этом деле, они становились людьми важными и

[1] Геродот (между 490 и 480— ум. ок. 425 до н. э.) — древне-греческий историк.

115

влиятельными. И неудивительно, что благодаря установившейся репутации и внушаемому ими страху некоторые из колдунов достигали высшей власти над своими легковерными соплеменниками, становясь вождями и правителями.

Взять хотя бы австралийских аборигенов — людей, находящихся на самом низком уровне развития и относительно которых мы обладаем сравнительно полной и точной информацией. Ни вожди, ни правители не управляют этими племенами. В той мере, в какой об этих племенах можно сказать, что они имеют политическое устройство, последнее представляет собой демократию или, точнее, олигархию старых и влиятельных мужчин, которые собираются на совет и практически без участия более молодых соплеменников принимают решения по поводу всех важных дел. Это совещательное собрание соответствует сенату позднейших племен, и, если понадобилось бы изобрести неологизм для обозначения такого рода правления старейшин, его можно было бы назвать *геронтократией}.* Старейшины, которые у австралийских аборигенов собираются на совет и управляют делами своего племени, видимо, являются большей частью предводителями своих тотемных кланов. В Центральной Австралии, где специфика природных условий (пустыня) и почти полная изоляция от внешних влияний задержали прогресс и оставили туземцев в самом примитивном состоянии, на предводителей тотемных кланов возложена обязанность совершать магические ритуалы для умножения тотемов. А так как огромное большинство тотемов составляют животные и растения, употребляемые в пищу, от старейшин обычно ожидают, что при помощи магии они добудут народу пищу. Обязанность других — вызывать дождь и оказывать общине другие услуги. Короче говоря, предводители кланов в Центральной Австралии занимаются общественной магией. Важнейшей из возложенных на них функций было присматривать за священными хранилищами (обычно они находились в расщелине скалы или в углублении в земле), где содержались священные камни и палки *(чуринги),* с которыми, если верить преданию, были каким-то образом связаны души всех людей, как живых, так и мертвых. Так что, хотя на предводителей

[1] Термин «геронтократия» (от греч, *geron* — старик и *kratos* — сила, власть) — «стариковластие» — довольно широко употребляется в этнографической литературе Запада.

116

кланов было возложено выполнение того, что мы назвали бы гражданскими обязанностями, например наложение наказания за нарушение племенного обычая, их основные функции были священными или магическими.

Хотя жители Новой Гвинеи находятся на куда более высоком культурном уровне, чем австралийские аборигены, их общественное устройство, по сути дела, представляет собой все ту же демократию или олигархию, и институт вождей имеется у них не более как в зародыше. По словам сэра Уильяма Мак-Грегора, никто из жителей Британской Новой Гвинеи не оказался достаточно сведущ, смел и силен, чтобы установить деспотическую власть хотя бы в одной области. «Ближе всего к этому приблизился (будучи весьма далек от идеала) тот, кто стал прославленным колдуном; но это удалось ему не без помощи изрядной доли шантажа».

Власть меланезийских вождей, по рассказам местных жителей, полностью покоится на вере в то, что они имеют общение с могучими духами и обладают сверхъестественной силой, с помощью которой могут оказывать влияние на духов. Если вождь налагал подать, то отрабатывалась она потому, что народ страшился его власти над духами и пребывал в твердой уверенности, что вождь может наслать несчастье и болезнь на того, кто ему не подчиняется. Как только значительная часть подданных начинала разуверяться в способности вождя влиять на духов, шаталось и его право облагать податями. По свидетельству Джорджа Брауна[1], в Новой Британии «от правящего вождя всегда ожидали выполнения жреческих функций. Он делал вид, что находится в постоянном общении с *тебаранами* (духами) и благодаря их влиянию способен вызвать дождь или солнечную погоду, благодатные или неблагоприятные ветры, болезнь или здоровье, победу или поражение на войне и вообще сотворить любое благодеяние или бедствие, за которое

проситель готов заплатить достаточную цену».

Следующую ступень на лестнице культуры занимают племена Африки, у которых институт вождей и правителей достиг полного развития. В этом регионе также имеются многочисленные свидетельства об эволюции колдуна (в особенности, способного вызывать дождь) в вождя. Так, у племени

[1] Браун Вильям Джордж (1768-1813) - английский путешественник.

117

вамбугве — бантуязычной народности в Восточной Африке — первоначальной формой правления была семейная демократия; но огромная власть колдунов, передаваемая по наследству, возвела их в ранг предводителей или вождей. В 1894 году из трех оставшихся в живых вождей двое внушали большой страх по причине своих колдовских способностей. Богатые стада скота, которыми они владели, почти полностью перешли в их владение в форме подношений за услуги, оказанные ими в этом качестве. Вожди другой народности Восточной Африки, вататуру, являются, как известно, не более чем колдунами, не оказывающими прямого политического влияния. И у вагого (Восточная Африка) власть вождей берет свое начало от искусства делать дождь. Если сам вождь этой способностью не обладает, он обязан воспользоваться услугами другого лица.

У племен Верхнего Нила вождями являются обычно знахари. Власть их покоится главным образом на предполагаемой способности вызывать дождь, так как «единственное, что важно для обитателей этих мест, — это дождь: невыпадение осадков в нужное время сулит обществу несказанные бедствия. Поэтому неудивительно, что наиболее ловкие люди присваивают себе способность вызывать дождь и, добившись соответствующей репутации, наживаются на легковерии своих простодушных соплеменников». Отсюда «большинство племенных вождей являются делателями дождя, и их популярность находится в зависимости от способности вызывать для своего народа дождь в нужное время года... Селения, вожди которых занимаются этим делом, всегда строятся на склонах довольно высоких холмов, так как вожди, конечно, знают, что холмы привлекают тучи, и поэтому предсказывают погоду с большой долей уверенности». В распоряжении каждого из таких делателей дождя имеется некоторое количество дождевых камней, которые они держат в горшке; среди них горный хрусталь-искряк и аметист. Желая вызвать дождь, колдун погружает камни в воду и, взяв в руку расщепленную сверху, очищенную от коры палку, делает ею тучам призывный знак или отгоняет их в нужном направлении, бормоча при этом заклинание. Или он наливает в углубление в камне воду и погружает в нее внутренности овцы или козы, а затем разбрызгивает воду в воздух. Хотя вожди приобретают богатство благодаря своим мнимым магическим способностям, умирают они боль-

118

шей частью насильственной смертью. Во время засухи разъяренный народ собирается и убивает вождя в уверенности, что это он задерживает дождь. Обычно должность вождя передается по наследству от отца к сыну. К числу племен, которые придерживаются этих верований и соблюдают эти обычаи, относятся латука, бари, лалуба и локойа.

Члены племени ленду к западу от озера Альберт в Центральной Африке твердо верят, что некоторые люди обладают способностью вызывать дождь. У них делатель дождя является вождем или почти всегда им становится. Великое уважение к распределителям небесной влаги питают и туземцы племени баньоро, которые буквально осыпают их дарами. Тот же, кто обладает абсолютной и неоспоримой властью над дождем, великий распределитель дождя, является правителем. Он имеет право передавать свои полномочия другим лицам, так чтобы небесная вода равномерно распределялась по разным частям его царства.

В Восточной, Центральной и Западной Африке мы сталкиваемся все с тем же соединением в одном лице функций вождя и мага. Так, в племени фан нет четкого различения между вождем и знахарем. Вождь одновременно является знахарем, да еще кузнецом в придачу. Дело в том, что представители этого племени считают ремесло кузнеца священным и заниматься им позволено лишь вождям.

По поводу связи между должностями вождя и мага в Южной Африке один хорошо информированный автор замечает следующее: «В глубокой древности великим делателем дождя был племенной вождь. Некоторые вожди не позволяли никому вступать с собой в соревнование, иначе вождем был бы выбран более удачливый делатель дождя». Была и другая причина: если бы делатель дождя стяжал себе на этом поприще великую славу, он наверняка стал бы богачом, а вождю, очевидно, не годится позволять кому-либо чрезмерно обогащаться. Делатель дождя пользуется в народе огромным влиянием, поэтому очень важно связать эту функцию воедино с

властью вождя. Предание усматривает главную добродетель древних вождей и героев в способности вызывать дождь, и представляется вероятным, что от нее берет свое начало институт вождей. Тот, кто вызывает дождь, естественно, становится вождем. Знаменитый зулусский деспот Чака провозгласил себя единственным прорицателем в стране, потому что

119

допустить соперников в этом искусстве было бы небезопасно для жизни. Доктор Моффат замечает относительно всех южноафриканских племен, что «во мнении народа делатель дождя является личностью незаурядной, обладающей большим влиянием на умы, чем даже царь, который вынужден уступать повелениям этого высшего должностного лица».

Эти данные говорят в пользу того, что в Африке человек, занимающийся общественной магией, особенно делатель дождя, часто превращался в правителя. Можно предположить, что в этом выдвижении сыграл роль как беспредельный страх, который маг внушает к себе, так и значительное состояние, которое он накапливает при исполнении своих профессиональных обязанностей. Карьера мага сулит мастеру своего дела великие блага, но она полна западней, в которые всегда может попасть его неумелый или неудачливый собрат по профессии. Положение занимающегося общественной магией действительно очень непрочно: народ твердо уверен, что в его власти вызвать дождь, заставить засиять солнце, созреть плоды. Поэтому естественно, что засуху и недостаток съестных припасов также приписывают его преступной небрежности или злонамеренному упрямству. Он несет за это должное наказание. В Африке вождя, которому не удалось вызвать дождь, часто изгоняют или убивают. В некоторых районах Западной Африки, если, несмотря на обращенные к вождю молитвы и приношения, дождя все-таки нет, подданные связывают его веревками и силой ведут на могилу предков, чтобы он испросил у них необходимый дождь. Банжары Западной Африки приписывают своему вождю способность делать погоду сухой или дождливой. Пока стоит хорошая погода, они осыпают его подарками в виде зерна и скота. Но если засуха или дождь угрожают погубить посевы, они оскорбляют и бьют вождя до тех пор, пока погода не изменится к лучшему. Когда год выдается неурожайный или слишком сильный прибой препятствует рыбной ловле, народность лоанго обвиняет своего царя в «злосердечии» и свергает его с престола. На Зерновом Берегу за общественное благополучие, плодородие земли и обилие рыбы в море ответствен верховный жрец или царь-фетиш, который носит титул Бодио. Если страна терпит неудачу в каком-нибудь отношении, Бодио смещают с должности. На огромных пространствах на южном берегу озера Викторкя-Нианца, в Уссукуме вопросы о дожде и саранче входят в

120

компетенцию правительства султана. Султан должен знать, как вызывать дождь и изгонять саранчу. Если он и его знахари не способны справиться с этим, во время стихийных бедствий на карту ставится их жизнь. Когда народ ощущает великую нужду в дожде, а его нет, султана просто изгоняют в Утутву, недалеко от Нассы. Народ придерживается мнения, что правители обязаны обладать властью над явлениями природы. Вообще обитатели района озера Нианса убеждены в том, что дождь выпадает не иначе как благодаря магии, а обязанность вызывать его возлагается на вождя племени. Если в нужное время дождя не бывает, все выражают недовольство. Не один царек был изгнан из страны по причине засухи. Когда сохнут посевы племени латука (район Верхнего Нила) и все усилия вождя вызвать дождь оказываются безуспешными, ночью на него обычно совершают нападение, грабят имущество и изгоняют. Часто дело доходит до убийства.

Обитатели многих других частей света также ожидают от правителей управления природными процессами на благо народа, а в случае неудачи подвергают их наказанию. Когда у скифов ощущалась нехватка пищи, они, по-видимому, заключали своих царей в тюрьму. В Древнем Египте в случае неурожая порицали священных фараонов. Ответственными за ход природных процессов считались также священные животные. Если вследствие длительной и жестокой засухи страну постигал мор или другие бедствия, жрецы хватали ночью священных животных и обращались к ним с угрозами; и если эпидемия, например, не утихала, животных убивали. В прошлом коралловым островом Ниуе, или Диким Островом, правила царская династия. Но так как ее представители были одновременно верховными жрецами и, как считалось, способствовали росту съедобных растений, то в голодное время народ приходил в гнев и убивал их. Когда наконец после серии убийств никто не пожелал занять трон, монархическому правлению пришел конец. Китайские авторы сообщают, что, когда в Корее выпадало слишком мало или слишком много дождей и урожай не созревал, вина за это возлагалась на царя. В таких случаях одни требовали его низложения, другие — умерщвления.

Американские индейцы ближе всего подошли к цивилизации в периоды существования монархической и теократической империй в Мексике и Перу. Ранний период истории этих
121
стран известен нам слишком мало, чтобы утверждать, были предшественники этих обожествленных правителей знахарями или нет. След такой исторической последовательности, возможно, проглядывает в клятве, которую мексиканские правители давали при восшествии на престол. Они клялись, что заставят солнце сиять, тучи — давать дождь, реки — течь, а землю — в изобилии приносить плоды. Окутанный ореолом таинственности и атмосферой страха, колдун или знахарь, конечно, пользовался огромным влиянием у американских индейцев и, хотя у нас нет положительных данных об этом процессе, во многих случаях мог превратиться в вождя или верховного правителя. Кетлин, правда, сообщает, что знахари в Северной Америке «ценятся в качестве сановников и вся община оказывает им величайшее уважение не только за то, что они сведущи в вопросах лечения больных, но в особенности за умение в магии и оккультных искусствах, которыми они прежде всего и занимаются. Во всех племенах врачи являются заклинателями духов, магами, предсказателями. Мы бы даже назвали их верховными жрецами, поскольку они надзирают и руководят всеми религиозными обрядами. На них смотрят как на оракулов народа. В военное и мирное время они восседают в советах рядом с вождями. Прежде чем предпринять какой-то шаг, имеющий общественное значение, непременно запрашивают их мнение, принимаемое с величайшим почтением. Равным образом шаманы племени майду (Калифорния) были и продолжают оставаться, вероятно, самыми влиятельными людьми. При отсутствии определенной системы правления слово шамана имеет огромный вес. К касте шаманов относятся с большим страхом и, как правило, повинуются ее представителям куда больше, чем вождям».

В Южной Америке маги и знахари также шли прямой дорогой к званию вождя или короля. Один из первых поселенцев на побережье Бразилии, француз Андрэ Тевэ, сообщает, что индейцы «относятся к своим «паже» (или знахарям) с таким почтением и благоговением, что обожают и прямо-таки боготворят их. Можно видеть, как простой народ простирается ниц при встрече с ними и обращается к ним с молитвами вроде: «Соблаговоли, чтобы ни я, ни мои дети не заболели и не умерли» — или с чем-то в этом роде. Но если когда-нибудь этим «паже» случится ошибиться и их предсказания не сбываются, народ без колебаний их убивает, как недостойных титу-
122
ла и звания «паже». У индейцев-ленгуа (Гран-Чако) каждый клан имеет своего кацика, то есть вождя. Но они располагают незначительной властью. Должность вождя обязывает его дарить большое количество подарков, так что он редко становится богатым и носит, как правило, более поношенную одежду, чем одежда его подданных. «Человеком, который фактически сосредоточил в своих руках самую большую власть, является колдун, привыкший скорее получать подарки, чем дарить». Обязанность мага — насылать бедствия и несчастья на врагов племени и охранять своих соплеменников от вражеской магии. Оплачиваются эти услуги хорошо; благодаря им колдун приобретает в обществе огромное влияние и высокое положение.

В Малайе к радже или правителю откосятся обычно с суеверным поклонением, как к существу, обладающему сверхъестественными способностями. Есть основания полагать, что, подобно многим африканским вождям, раджа этот выдвинулся из простых колдунов. До настоящего времени малайцы убеждены, что личность раджи оказывает влияние на такие явления природы, как рост злаков и плодоношение фруктовых деревьев. Предполагается, что, хотя и в меньшей степени, такой же способностью оплодотворения обладают наместники раджи и даже лица европейского происхождения, которые правят различными областями. Так, в Селангоре, одной из областей Малайского полуострова, хороший или плохой урожай риса часто связывается со сменой местных чиновников. Туратеи в южной части острова Целебес (Сулавеси) считают, что урожайность риса зависит от поведения их властителей и что плохое правление — под этим они понимают правление человека, который не руководствуется древним обычаем, — ведет к неурожаю.

Даяки из Саравака верили, что знаменитый английский наместник раджа Брук был наделен некой магической способностью, которая при надлежащем применении могла привести к изобилию риса. Поэтому, когда он посещал племя, ему приносили семена для посева в будущем году, и он «оплодотворял» их, потрясая над ними женским ожерельем, которое предварительно обмакнули в особый раствор. Когда он входил в Деревню, женщины омывали ему ноги сначала водой, потом молоком молодого кокосового ореха и вновь водой. А всю воду, которой он коснулся, даяки

сохраняли для того, чтобы
123
использовать в своих хозяйствах в уверенности, что это принесет впоследствии обильную жатву. Отдаленные племена, которые Брук не мог посетить, посылали ему небольшие куски белой материи и немного золота или серебра. После того как он напитывал их своей «оплодотворяющей благодатью», туземцы зарывали их в полях и ожидали хорошего урожая. На замечание одного европейца, что у племени самбан плохой урожай риса, вождь тут же ответил: «Иначе и быть не может, ведь нас ни разу не посетил раджа Брук». Он просил уговорить раджу Брука посетить его племя и вернуть плодородие его земле.

Веру в то, что властители обладают магическими или сверхъестественными способностями, с помощью которых они могут оплодотворять землю и одаривать своих подданных иными благодеяниями, разделяли предки арийских народов, расселившихся от Индии до Ирландии. Это верование в нашей собственной стране оставило заметный след. Законы Ману — древний свод индусских законов — следующим образом повествуют о последствиях правления доброго царя: «В стране, властитель которой избегает захватывать имущество грешников, люди рождаются в надлежащее время и проживают долгую жизнь. И урожаи землепашцев восходят на славу, и дети не умирают, и ни один отпрыск не рождается уродом». В гомеровской Греции о вождях и царях говорили как о священных или божественных. Жилища их были божественными, а колесницы — священными. Считалось, что правление хорошего царя заставляет чернозем приносить обильные урожаи пшеницы и ячменя, деревья — сгибаться под тяжестью плодов, стада — умножаться, а море — изобиловать рыбой. Когда в средние века король Дании Вальдемар I совершал путешествие по Германии, матери приносили ему своих детей, а землепашцы — семена, чтобы он к ним прикоснулся; считалось, что от королевского прикосновения дети будут лучше расти. По тем же причинам земледельцы просили короля бросать семена в землю. У древних ирландцев бытовало верование, что, если король соблюдает обычаи предков, погода будет мягкой, урожай — обильным, скот — плодовитым, воды — изобиловать рыбой, а фруктовые деревья — сгибаться под тяжестью плодов. Среди благотворных последствий правления справедливого короля канон, приписываемый святому Патрику, перечисляет «хорошую погоду, спокойное море,
124
обильные урожаи и отягощенные плодами деревья». Напротив, голод, бесплодие, порча плодов и неурожай рассматривались как неопровержимые доказательства того, что правящий монарх плох.

Последним пережитком этих суеверий, возможно, была вера в то, что английские короли обладают способностью прикосновением руки исцелять от золотухи. Эта болезнь была поэтому известна под названием «королевской». Чудесным даром излечения часто пользовалась королева Елизавета (1558 — 1603). В Иванов день 1633 года король Карл I (1625 — 1649) одним махом излечил сотни пациентов в королевской часовне в Холируде. Но вершины популярности эта практика, по-видимому, достигла при его сыне Карле II (1660—1685). За время своего правления этот монарх коснулся около ста тысяч людей, больных золотухой. Иногда вокруг него возникала ужасная давка. Однажды шесть или семь искавших исцеления людей были затоптаны насмерть. Король Вильгельм III (1688 — 1702), будучи человеком здравомыслящим, с презрением отказывался участвовать в этом надувательстве и, когда все та же дурно пахнущая толпа осаждала его дворец, приказал раздать ей милостыню и выгнать вон. Когда же однажды его в первый и в последний раз удалось уговорить возложить руку на больного, он сказал ему: «Дай тебе Бог лучшего здоровья и побольше ума». Однако, как и следовало ожидать, эта практика продолжала существовать и при глуповатой дочери тупого фанатика Якова II (1685-1688) королеве Анне (1702-1714).

Французские короли также приписывали себе способность исцелять путем прикосновения, которую они, по их словам, унаследовали от Хлодвига (481—511) и Людовика Святого (1226 — 1270), тогда как английские короли якобы унаследовали ее от Эдуарда Исповедника (1042—1066). Точно так же вожди туземцев с острова Тонга считались способными излечивать золотуху и случаи отвердения печени прикосновением своих ног. Лечение было чисто гомеопатическим, так как предполагалось, что болезнь и излечение происходят от соприкосновения с особой королевской крови или с каким-то принадлежащим ей предметом.

На основании сказанного мы можем сделать обоснованный вывод, что во многих частях света верховный правитель происходит по прямой линии от древнего мага или знахаря. С момента обособления особого класса шаманов на него было
125

возложено исполнение обязанностей, обеспечивающих безопасность и благосостояние общества. Эти люди постепенно достигают богатства и власти, а лучшие из них превращаются в священных владык. Для наиболее проницательных умов ложность магии с течением времени становится все более и более очевидной, и она мало-помалу вытесняется религией. Другими словами, колдун уступает место жрецу, который, отказываясь от стремления непосредственно управлять ходом природных процессов на благо человека, старается достичь той же цели косвенным путем — путем обращения к богам. Пусть они сделают для него то, чего он более не считает возможным достичь собственными силами. Верховный правитель постепенно отказывается от магии в пользу чисто жреческих функций — молитвы и жертвоприношения. Но поскольку границы между человеческим и божественным еще нечетки и расплывчаты, то некоторые правители воображают, что возможно достичь божественности путем воплощения. Это учение о воплощении и связанная с ним теория подлинной божественности верховных владык будут предметом исследования в следующей главе[1].

Глава VII. ВОПЛОЩЕННЫЕ БОГИ В ОБРАЗЕ ЛЮДЕЙ

Примеров верований и обычаев отсталых народов мира, приведенных в предыдущих главах, достаточно для того, чтобы убедиться, что дикарь не признает пределов своей власти над природой, которые представляются нам столь очевидными. В обществе, в котором считается, что любой человек в большей или меньшей степени обладает сверхъестественными способностями, различие между богами и людьми едва-едва намечается. Представление о богах как о существах сверхчеловеческих, наделенных способностями, несравнимыми с че-

[1] Выдвинутая Фрэзером теория сакрального происхождения царской власти принята многими буржуазными учеными. Бесспорно, что историческая связь колдовских и жреческих функций со светской властью вождя (царя, короля) действительно существует; но первичной здесь является все же именно светская власть. Происхождение ее очень сложный процесс, в котором сакральные функции могут порой занимать видное, но не основное место.

126

ловеческими, возникает в ходе исторического развития. Примитивным народностям сверхъестественные силы не представляются чем-то неизмеримо высшим по отношению к человеку; ведь человек может нагнать на них страху и заставить исполнять свою волю. На этой стадии развития мышления мир рисуется одной великой демократией, в рамках которой естественные и сверхъестественные существа стоят приблизительно на равной ноге. С развитием познания человек научается более правильно оценивать огромность природы и признавать свою собственную слабость перед ее лицом. Но признание своей беспомощности не влечет за собой уверенности в бессилии сверхъестественных существ, которыми населяет мир человеческое воображение. Напротив, его представление о власти таких существ укрепляется. Ведь его умом еще не окончательно овладела идея мира как системы внеличностных сил, действующих в согласии с неизменными и неизменяемыми законами. В зародыше эта идея у человека, конечно, имелась, и он действовал в согласии с ней не только в магии, но во многих случаях и в повседневной жизни. Однако эта идея остается неразвитой, и человек, поскольку он пытается объяснить мир, в котором живет, рисует его себе как проявление чьей-то сознательной воли и личной деятельности. Если он ощущает себя столь хрупким и слабым, то какими же громадными и могущественными должны представляться ему существа, которые управляют гигантским механизмом природы! По мере того как прежнее ощущение равноправия с богами мало-помалу исчезает, человек оставляет надежду на управление ходом природных событий с помощью одних лишь собственных ресурсов, то есть посредством магии, и все больше видит единственное вместилище сверхъестественных сил — которым он когда-то тоже претендовал быть — в богах. С развитием познания ведущее место в религиозном ритуале занимают молитва и жертвоприношение, а магия, которая когда-то ценилась не ниже их, постепенно оттесняется на задний план и опускается до уровня черной магии. Теперь в магии видят бесплодное и нечестивое вмешательство в сферу влияния богов: она сталкивается с упорным противодействием со стороны жрецов, слава и влияние которых усиливаются или падают в зависимости от славы и влияния их богов. Поэтому когда в более поздний период начали различать религию и суеверие, то занятием благочестивой и просвещенной части

127

общества стали жертвоприношение и молитва, в то время как магия послужила прибежищем для людей суеверных и невежественных. Когда же еще позднее представление о стихийных силах как о силах личностных уступает место признанию природного закона, магия, основывающаяся на идее необходимой и неизменной последовательности причин и следствий, независимых от личной воли, восстанавливает пошатнувшуюся репутацию и путем исследования причинных связей в природе прямо прокладывает путь науке. Так алхимия ведет к химии.

Понятие человекобога или человеческого существа, наделенного божественными или сверхъестественными способностями, по существу, принадлежит раннему периоду истории религии, тому периоду, когда боги и люди продолжали рассматриваться как существа во многом одного и того же порядка и не были еще разделены непроходимой пропастью, которая разверзается между ними в сознании позднейших поколений. Какой бы странной ни казалась идея бога, воплощенного в человеческом образе, для первобытного человека, видевшего в человекобоге или в богочеловеке всего лишь более высокую степень присутствия тех же самых сверхъестественных способностей, которые он без малейших угрызений совести дерзко присваивает себе, в ней не было ничего из ряда вон выходящего. Ведь он не проводит сколько-нибудь четкого различения между богом и могущественным волшебником. Его боги зачастую не

более как невидимые колдуны, которые за завесой природных явлений приводят в действие те же чары и заклинания, которые люди-маги в видимой и телесной форме используют среди своих соплеменников. А так как была широко распространена вера в то, что боги предстают перед верующими в человеческом облике, колдуну, с якобы присущими ему чудотворными способностями, нетрудно было обрести славу воплощенного божества. Так, начав с простого заклинателя духов, знахарь или колдун постепенно объединяет в своем лице бога и светского властителя. Но, говоря о нем как о боге, мы должны остерегаться переносить на первобытное представление о божестве абстрактные и сложные идеи, которые мы с этим термином связываем. Наши идеи по этому важному вопросу являются плодом длительного интеллектуального и морального развития. Дикарь не только не разделяет их, но, когда ему их объясняют, он даже не понимает их.

128

Бурная полемика по вопросу о религии первобытных народов разгорелась большей частью из-за взаимного непонимания. Мысли цивилизованного человека дикарю непонятны, а мысли дикаря понимают очень немногие из цивилизованных людей. Когда слово «бог» употребляет дикарь, он имеет в виду одно существо; когда тем же словом пользуется человек цивилизованный, он имеет в виду существо совершенно иного рода. И если оба человека одинаково не способны понять друг друга, из их споров не проистечет ничего, кроме путаницы и ошибок. Если цивилизованный человек настаивает на применении слова «бог» только к той концепции божественной природы, которой придерживается он сам, то следует признать, что в уме дикаря вообще нет идеи бога. Но мы будем ближе к историческим фактам, если допустим, что большинство народов на высшей ступени дикости обладает по крайней мере зачаточным представлением о неких сверхъестественных существах, которые могут быть названы богами, хотя не совсем в нашем смысле слова. По всей вероятности, это зачаточное понятие представляет собой росток, из которого постепенно развились представления цивилизованных народов о божестве. Если бы мы до конца могли проследить ход развития религии, то обнаружили бы, что наше представление о божестве единой и неразрывной цепью связывается с представлением дикарей.

После этих разъяснений приведем примеры богов, которые, по мнению верующих, воплотились в живых людей, мужчин и женщин. Лица, в которых божество явило себя, не были верховными правителями или их потомками. Божество может, так сказать, вселиться даже в людей самого низкого ранга. Например, в Индии один бог начал свою земную жизнь в качестве отбельщика хлопка, а другой — в качестве сына плотника. Поэтому я не буду приводить в пример исключительно особ королевской крови; ведь я хочу проиллюстрировать общий принцип обожествления живых людей, то есть воплощения бога в человеческом образе. Такого рода воплощение является в примитивном обществе обычным делом. Воплощение может быть временным или постоянным. В первом случае воплощение, известное под названием вдохновения или одержимости, находит проявление скорее в сверхъестественном знании, нежели в сверхъестественной способности. Его обычными проявлениями оказываются в таком случае

129

пророчества и предсказания, а не чудеса. Напротив, когда божественный дух нашел в человеческом теле постоянное прибежище, от человекобога ожидают, как правило, совершения чудес. Не следует только забывать, что на этой стадии интеллектуального развития человек не рассматривает чудеса как нарушение естественной закономерности. Будучи не в силах постичь существование природного закона как такового, первобытный человек не может уразуметь и то, что значит его нарушить. Чудо является для него не более как необычайно сильным проявлением обычной способности.

Вера во вдохновение распространена повсеместно. Считается, что время от времени отдельные люди могут быть одержимы духом или божеством. На это время их собственная личность и тело выходят из повиновения: дух заявляет о своем присутствии в конвульсивных вздрагиваниях и сотрясениях тела человека, в беспорядочных движениях и блуждающем взгляде. Все это имеет отношение не к самому человеку, а к духу, который в него вошел; все его речи в этом аномальном состоянии воспринимаются окружающими как голос обитающего в нем и говорящего через него бога или духа. Например, на Сандвичевых островах (Гавайя) верховный властитель, персонифицирующий бога, изрекал оракульские ответы из-за укрытия в виде плетенки. На островах в южной части Тихого океана «в жреца часто вселялся бог, и тот, будучи преисполнен божественной силой, действовал и говорил уже не как сознательный человек, а как находящийся всецело под сверхъестественным влиянием. В этом отношении имеется поразительное сходство

между грубыми полинезийскими оракулами и оракулами прославленных народов Древней Греции. Как скоро бог вселялся в жреца, жрец начинал страшно трястись и доводил себя до явного бешенства: его мускулы конвульсивно вздрагивали, тело вздувалось, лицо приобретало ужасающее выражение, черты его искажались, а глаза блуждали. В таком состоянии он часто катался по земле с пеной у рта, как бы мучимый божеством, которым он был одержим, и пронзительными криками, неистовыми и часто нечленораздельными звуками сообщал волю бога. Присутствующие при этом жрецы, сведущие в такого рода таинствах, слушали и передавали народу получаемые прорицания. После того как жрец произносил ответ оракула, неистовый припадок постепенно спадал, и наступало относительное затишье. Но бог не всегда покидал

130

жреца сразу же после сообщения своей воли. Иногда жрец *(taura)* оставался одержим духом или богом на протяжении двух-трех дней. В знак одержимости или того, что в человека вселился бог, вокруг его правой руки обматывали кусок особого рода материи. Все это время его действия рассматривались как действия бога и поэтому к его словам и поведению относились с величайшим вниманием... В качестве урухиа, то есть одержимого духом, жрец считался столь же священным, как и бог, и в течение этого периода носил имя *атау* (бог), хотя в иное время именовался просто *таура* (жрец)».

Случаи временной одержимости столь многочисленны во всех частях света и столь хорошо известны в настоящее время благодаря книгам по этнологии, что нет надобности лишний раз их пересказывать. Нелишним было бы, однако, сослаться на два особых способа вызывать временную одержимость. Во-первых, они, вероятно, менее известны, чем другие, а во-вторых, позднее мы еще будем иметь случай к ним обратиться.

Один из способов привести себя в состояние одержимости — напиться теплой крови только что принесенной жертвы. В храме Аполлона Дирадиотеса в Аргосе раз в месяц ночью приносили в жертву ягненка, и женщина — она должна была соблюдать целомудрие, — отведав крови ягненка и будучи приведена богом в состояние одержимости, пророчествовала и прорицала.

В городе Эгире в Ахейе жрица Земли, прежде чем спуститься в пещеру, чтобы пророчествовать, напивалась теплой крови быка. Равным образом у курувиккаранов, касты птицеловов и нищих в Южной Индии, бытует поверье, что на жреца нисходит богиня Кали и он изрекает пророчества после того, как пососет кровь, которая струится из перерезанного горла козы. У альфуров из Минагассы в северной части острова Целебес жрец яростно набрасывается на только что зарезанную свинью и пьет кровь. Его силой оттаскивают от туши и сажают на стул, с которого он, начинает пророчествовать о том, каков будет в этом году урожай риса. Потом он вторично подбегает к туше и пьет кровь, и вторично его силой усаживают на стул, откуда он продолжает свои предсказания.

Другой способ вызвать временную одержимость состоит в использовании священного дерева или растения. Например, на Гиндукуше жгут ветви священного кедра, и предсказательница с покрытой головой вдыхает густой едкий дым до тех пор,

131

пока не начинает конвульсивно трястись и не падает на землю без чувств. Вскоре она поднимается и заводит пронзительную песнь, которую подхватывают и громко повторяют все присутствующие. Жрицу Аполлона перед началом прорицания также окуривали дымом священного лавра и давали его поесть. Вакханки ели плющ и, по мнению некоторых авторов, были обязаны своей яростной одержимостью возбуждающим и опьяняющим свойствам этого растения. В Уганде жрец, для того чтобы привести себя в состояние одержимости, раскуривал трубку очень крепкого табака до тех пор, пока не приходил в состояние бешенства: его громкий возбужденный голос окружающие воспринимали как голос говорящего через него бога. На острове Мадура, близ северного побережья Явы, у каждого духа имеется постоянный медиум, чаще всего женщина. Такая женщина, чтобы приготовиться к восприятию духа, вдыхает пары фимиама, исходящие от дымящегося кадила. Постепенно она впадает в транс, сопровождаемый пронзительными криками, гримасами и сильными судорогами. Предполагается, что с этого момента в нее входит дух; когда она немного успокаивается, ее слова, будучи речами вселившегося в нее духа, рассматриваются как пророческие.

Человек, находящийся в состоянии временной одержимости, получает от бога, как считается, не просто знание, но — по меньшей мере в некоторых случаях — могущество. Когда в Камбодже вспыхивает эпидемия, жители нескольких деревень объединяются для поисков человека, которого местное божество якобы избрало своим временным вместилищем. Такого человека ведут к алтарю

божества, где совершается таинство воплощения. С этого момента он становится предметом культа для своих товарищей, которые умоляют его защитить деревню от напасти. Греки верили, что статуя Аполлона в священной пещере в Гиле (близ Магнесии) способна наделять сверхчеловеческой силой. Будучи вдохновлены этой статуей, жрецы прыгали в пропасти, вырывали с корнями большие деревья и проносили их на спине через самые узкие ущелья. Подвиги такого же рода совершали одержимые дервиши.

Мы убедились на предыдущих примерах в том, что, будучи не в состоянии распознать пределы своей власти над природой, дикарь приписывает себе и всем людям способности, которые мы назвали бы сверхъестественными. Он убежден также, что, кроме обладания сверхъестественной способно-

132

в общем виде, некоторые лица на короткие промежутки времени бывают одержимы божественным духом и становятся обладателями божественного знания и могущества.

От подобных верований один шаг до представления о том, что некоторые люди находятся в состоянии одержимости постоянно или каким-то другим путем наделены столь высокой степенью сверхъестественной способности, что могут быть (заживо) причислены к лику богов и принимать знаки поклонения в виде молитвы и жертвоприношения. В одних случаях власть этих богов в человеческом образе ограничивается чисто сверхъестественными или духовными функциями. В других случаях они сверх того обладают высшей политической властью; тогда они являются одновременно и верховными правителями и богами. Форма правления в этом случае является теократической. Например, на Маркизских (или Вашингтоновых) островах существовал класс людей, которые обожествлялись при жизни. Считалось, что они обладают сверхъестественной властью над природными стихиями: они могли ниспосылать обильные урожаи и поражать землю бесплодием; они же могли насылать болезнь или смерть. Чтобы отвратить гнев таких людей, им приносились человеческие жертвы. Таких боголюдей приходилось на каждый остров не более одно-го-двух. Жили они в таинственном уединении. Считалось, что иногда их способности передаются по наследству. Миссионер описал одного из таких богов в человеческом образе на основе личных наблюдений. Богом был глубокий старик, живший в большом огороженном доме, где было установлено нечто вроде алтаря. На перекладинах и на деревьях вокруг дома головами вниз были развешаны скелеты людей. Внутрь ограды не входил никто, кроме лиц, посвятивших себя служению богу; простые люди могли проникнуть за ограждение только в дни, когда приносились человеческие жертвы. Этот человеко-бог получал больше жертвоприношений, чем все другие боги. Часто он восседал перед своим домом на чем-то вроде эшафота и требовал принесения двух или трех человеческих жертв сразу. Требование всегда удовлетворялось, потому что он внушал сильнейший ужас. Все островитяне обращались к нему с молитвами, и со всех сторон к нему стекались подношения. Вообще говорят, что на каждом из островов Океании был человек, который персонифицировал божество. Таких людей называли богами, и, по сути, они выполняли функции боже-

133

ства. Иногда человекобог был верховным вождем, но чаще он был жрецом или вождем более низкого ранга.

Древние египтяне поклонялись не только кошкам, собакам и прочему мелкому зверью, но с большой щедростью приносили свое поклонение и людям. Одно из таких божеств в человеческом образе проживало в деревне Анабис, и в честь него сжигались жертвы на алтарях, после чего бог, по словам Порфирия, совсем как простой смертный съедал свой обед. В классической древности сицилийский философ Эмпедокл (ок. 490— ок. 430 до н. э.) выдавал себя не просто за чародея, но за бога. Он обращался к своим согражданам с такими стихами:

Други: о вы, что на склонах златого холма Агригента
Град обитаете верхний, ревнители добрых деяний.
Злу непричастные, гостю почтенному кров и защита, —
Ныне привет вам! Бессмертному богу подобясь средь смертных,
Шествую к вам, окруженный почетом, как то подобает,
В зелени свежих венков и в повязках златых утопая.
Сонмами жен и мужей величаемый окрест грядущих,
В грады цветущие путь направляю; они же за мною
Следуют все, вопрошая, где к пользе стезя пролегает.

Эмпедокл утверждал, что может научить своих учеников, как вызывать или успокаивать ветер, вызывать дождь и сияние солнца, изгонять болезнь и старость, воскрешать мертвых. Когда в 307 году до нашей эры Деметрий Полиоркет восстановил в Афинах демократическое правление,

афиняне оказали ему и его отцу Антигону (оба тогда еще были живы) божеские почести под именем Богов-Спасителей. Спасителям были воздвигнуты алтари, которые обслуживали специальные жрецы. Народ вышел встречать своего освободителя с гимнами, танцами, венками, курениями и возлияниями. Люди запрудили улицы и пели, что он был единственным настоящим богом, ибо остальные боги либо спали, либо пребывали далеко, либо не существовали вовсе. Вот стихи поэта того времени, которые распевали частным образом и публично:

Пришли в наш град
Из всех богов мощнейший и дражайшая,
Деметра и Деметрий
Явились вместе.
Она идет вершить обряды девы.
Он — радостный, смеющийся, прекрасный,
Как богу надлежит —
Со славным видом, окружен друзьями,
134
Как звездами, он весь подобен солнцу.
Привет тебе, сын бога Посейдона и Афродиты!
Все иные боги ушли далече
Иль совсем не слышат,
Или их нет, иль мы им не нужны.
Тебя же, бог, мы видим пред собою
Не в дереве, не в камне, — настоящим!
Поэтому и молимся тебе.

Древние германцы верили, что в женщинах есть нечто священное, и поэтому советовались с ними как с оракулами. Нам сообщают, что священные женщины у них смотрели на крутящиеся водовороты, прислушивались к журчанию или реву воды и по ее виду и звуку предсказывали, что должно было произойти. Но часто благоговение мужчин заходило дальше, и они поклонялись женщинам как настоящим живым богиням. Например, во время правления императора Веспасиана богиней племени бруктеров считалась некая Веледа. В этом качестве она правила народом, и ее власть признавалась повсеместно. Жила она в башне на реке Липпе — притоке Рейна. Когда жители Кёльна направили к ней послов для заключения договора, тех к ней не допустили: переговоры велись через посредство слуги, который действовал как глашатай и передавал ее оракульские изречения. Из этого примера явствует, с какой легкостью наши грубые предки объединяли идеи божественности и верховной власти. Известно, что вплоть до нашей эры у гетов всегда был человек, который персонифицировал бога и именовался в народе богом. Он обитал на священной горе и занимал должность советника верховного вождя.

По словам португальского историка Дос Сантоса, люди одной из народностей Юго-Восточной Африки, зимба или музимба, «не поклоняются идолам и не признают никакого божества. Вместо этого они чтут своего царя, которого рассматривают как божество и о котором говорят, что он величайший и лучший в мире. А упомянутый царь говорит о себе, что он единственный бог на земле. Поэтому, если идет дождь, когда он того не хочет, или когда слишком жарко, он выпускает в небо стрелы в наказание за неповиновение». Машоны (Южная Африка) сообщали своему епископу, что когда-то у них был бог, но его прогнали (их соседи) матабелы. «Эти (слова) относятся к бытующему в некоторых селениях обычаю держать человека, которого они именуют своим богом. Народ обращается к нему за советами и приносит подарки. В про-

135

шлом один из таких богов жил в деревне, принадлежащей вождю Магонди. Нас просили не палить из ружей в окрестностях деревни, чтобы не спугнуть бога». Когда-то этот бог машонов был обязан ежегодно приносить дань в виде четырех черных быков и одного танца вождю матабелов. Один миссионер увидел и описал, как божество исполняет перед королевской хижиной последнюю часть своих обязанностей. Битых три часа без перерыва под грохот бубна, щелканье кастаньет и монотонное пение смуглый бог предавался бешеному танцу, присаживаясь, как портной, обливаясь потом, как боров, и совершая прыжки с ловкостью, свидетельствующей о силе и упругости божественных ног.

Баганда из Центральной Африки верили в бога озера Нианца: временами бог находил себе обиталище в мужчине или женщине. Воплощенный бог вызывал страх всего народа, включая правителя и вождей. После того как таинство воплощения совершалось, человек этот — или, скорее, бог, — прежде чем приступить к исполнению своих священных обязанностей, удалялся примерно на три километра от берега озера и там ожидал появления молодой луны. С момента, когда на небе проглядывал серп луны, правитель и все его подданные поступали в распоряжение

божественного человека, или *лубаре* (бога), который властвовал не только в вопросах веры и ритуала, но также в вопросах войны и государственной политики. С ним советовались как с оракулом: одним словом, он мог навлечь болезнь или излечить ее, остановить дождь или вызвать голод. Когда к нему приходили за советом, то приносили с собой богатые подарки. Уруа, вождь обширного района к западу от озера Танганьика, «самонадеянно присваивает себе божеские почести и власть и делает вид, что целыми днями может воздерживаться от пищи, не ощущая в ней никакой необходимости. Он утверждает, что в качестве бога он выше того, чтобы испытывать нужду в пище, а ест, пьет и курит-де только из-за удовольствия, которое это ему доставляет».

Когда у галласов женщина устает от забот по хозяйству, она начинает говорить бессвязные речи и нелепо вести себя. Это признак того, что на нее снизошел святой дух Калло. Муж тут же простирается перед ней. Она не именуется более супругой, а носит титул «повелительницы». Она не печется более о своих домашних делах, и ее воля становится божественным законом.

136

Народ почитает царя Лоанго так, «как если бы он был богом, и называет его Самби или Панго, что значит бог. Он верит, что царь может по желанию вызывать дождь, и один раз в году, в декабре, когда люди нуждаются в дожде, они приходят просить Самби даровать его». По этому случаю царь, стоя на троне, выпускает в воздух стрелу, которая якобы приносит дождь. Приблизительно то же самое рассказывают о царе Момбасы. Царь Бенина — до того как оружие английских морских пехотинцев и матросов положило внезапный конец его духовному правлению на земле — был главным объектом культа в своих владениях. «Он занимает более высокое положение, чем папа в католической Европе, так как он не наместник бога на земле, но сам бог. Подданные должны подчиняться и поклоняться ему как богу, хотя мне кажется, что источником поклонения является скорее страх, чем любовь». Царь иддахов заявил английским офицерам, участникам нигерийской экспедиции: «Бог создал меня по своему подобию. Я совершенно подобен богу, и он поставил меня царем».

Кровожадный монарх Бирмы по имени Бадонсачен, на самом лице которого отразилась врожденная жестокость его природы, за время своего правления лишил жизни большее число жертв, чем враги государства. Он вообразил, что он более чем простой смертный и что это великое отличие даровано ему в награду за многочисленные добрые дела. Поэтому он сложил с себя титул царя и вознамерился превратиться в бога. С этим намерением Бадонсачен (в подражание Будде, который, прежде чем возвыситься в ранг божества, оставил царский дворец и сераль и удалился от мира) ушел из дворца в самую большую пагоду в Бирме, сооружением которой он занимался многие годы. Там он вел беседы с самыми учеными монахами, стараясь убедить их в том, что пять тысячелетий, назначенных для соблюдения закона Будды, ныне истекли и что сам он — бог, который должен явиться по истечении этого срока и заменить старый закон своим собственным. Но к его великому разочарованию, многие монахи принялись доказывать как раз противоположное. Разочарование это вкупе с властолюбием и раздражением от лишений аскетической жизни вскоре разубедили его в воображаемой божественности; он вернулся в свой дворец и гарем. Королю Сиама «поклоняются наравне с божеством. Подданные не имеют права смотреть ему в лицо; когда он проходит, они простираются перед ним

137

ниц; они появляются перед ним на коленях, опираясь локтями о землю». Для того чтобы говорить о его священной особе, о его атрибутах, имеется особый язык; им должны пользоваться все, кто говорит с ним или о нем. Даже сами туземцы испытывают трудности в овладении этим особым словарем. Волосы на голове монарха, подошвы его ног, его дыхание, короче, любая часть его тела (внешняя или внутренняя) называются особыми именами. Вот он пьет, спит или гуляет — все эти действия обозначают специальными словами; слова эти не могут применяться к действиям другого лица. В сиамском языке нет слова для описания существа более высокого ранга и достоинства, чем монарх; поэтому, когда миссионеры говорят о боге, они вынуждены пользоваться туземными словами, применяемыми к их царю.

Но ни одна страна в мире, вероятно, не изобиловала богами в образе людей в такой степени, как Индия, и нигде божественная благодать не изливалась так щедро на все общественные классы — от правителей до молочников. Так, у тода, пастушеской народности с Нилгирийских гор на юге Индии, святилищем служит маслобойня, а приставленный к ней молочник считается богом. Один из таких божественных молочников на вопрос, приветствуют ли туземцы тода солнце, ответил: «Эти бедняги да. Но почему я, бог, — сказал он, ударив себя в грудь, — должен приветствовать солнце?» Все тода, включая его собственного отца, простираются ниц перед молочником, и никто

не отважится в чем-либо ему отказать. Никто, кроме другого молочника, не смеет прикасаться к нему. Всем, кто обращается к нему за советом, он голосом бога изрекает предсказания.

Далее, в Индии «всякий царь почитается немногим меньше живого бога». Индусская книга законов Ману заходит еще дальше. «Даже о младенце царской крови, — утверждается в ней, — оскорбительно думать, что он простой смертный, так как он является великим божеством в человеческом образе». Рассказывают, что в Ориссе существовала секта, которая при жизни покойной королевы Виктории поклонялась ей как главному божеству. И в наши дни в Индии всякий человек, отличающийся большой силой или доблестью или предполагаемой способностью творить чудеса, рискует стать объектом культа. Так, одна секта в Пенджабе поклонялась божеству по имени Никкал Сен. А был этот Никкал Сен не кем иным, как вну-

138

шавшим ужас генералом Николсоном, и никакие слова и действия генерала не могли охладить пыл его поклонников. Чем больше он их наказывал, тем больше возрастал религиозный ужас, с которым ему поклонялись. В городе Бенаресе одно прославленное божество воплотилось в знатного индуса, обладателя благозвучного имени Свами Бхаскаранандажи Сарасвати, необычайно похожего на покойного кардинала Мэннинга, только более остроумного. Глаза его лучились человеческой доброжелательностью, и божеские почести, которые воздавали ему доверчивые поклонники, он принимал, что называется, с невинным удовольствием.

В Чинчваде, небольшом городке примерно в десяти милях от Пуны в Западной Индии, живет семья, которая, согласно верованиям значительной части махраттов, представлена в каждом поколении одним воплощением Ганнонатхи — бога с головой слона. Это знаменитое божество впервые воплотилось примерно в 1640 году в брахмане города Пуны по имени Мураба Госсейн, который стремился достичь спасения путем воздержания, умерщвления плоти и молитвы. Благочестие его было вознаграждено. Сам бог явился ему в ночном видении и дал обещание, что часть его, Ганнопатхи, святого духа пребудет с ним и с его семенем вплоть до седьмого поколения. Обещанное богом сбылось. Семь последовательных воплощений, передававшихся от отца к сыну, явили темному миру свет Ганнопатхи. Последний потомок брахмана по прямой линии, бог с тяжелым взглядом близоруких глаз, умер в 1810 году. Дело истины было, однако, слишком священным, а стоимость церковного имущества слишком значительной, чтобы брахманы с невозмутимостью созерцали невыразимую потерю, которую мир понес бы, лишившись Ганнопатхи. Они искали и нашли священный сосуд, в котором вновь обнаружил себя божественный дух хозяина, так что откровение с успехом продолжает сбываться поныне. Надо признать, однако, что чудеса, совершаемые богочеловеком в наше вырождающееся время, не идут в сравнение с теми, которые в прошлом совершались его предшественниками. Известно даже, что единственным знамением, явленным им нынешнему поколению, является чудо насыщения толпы, которую он ежегодно угощает обедом в Чинчваде.

Члены одной индуистской секты, которая насчитывает в своих рядах многочисленных последователей в Бомбее и Цен-

139

тральной Индии, придерживаются мнения, что ее духовные вожди, так называемые махараджи, являются представителями или даже прямыми земными воплощениями бога Кришны. А так как Кришна с великой благосклонностью взирает с небес на тех, кто обслуживает нужды его последователей и наместников на земле, то был учрежден специальный обряд, называемый обрядом самопожертвования. С помощью этого обряда его верные почитатели приносят свои тела, души и, что, вероятно, еще более важно, свое состояние в жертву обожаемым воплощениям Кришны. Женщинам же внушают мысль, что, уступая объятиям этих существ, в которых божественная природа таинственным образом сосуществует с человеческим обликом и земными вожделениями, они сами и их семьи обретают высшее блаженство.

Даже христианству не всегда удавалось избежать подобного рода заблуждений; оно также запятнано непомерными притязаниями на божественность, равную божественности великого основателя этой религии и даже на еще большую. Во втором столетии нашей эры фригиец Монтан объявил себя воплощенной троицей, объединяющей в одном лице Бога Отца, Бога Сына и Бога Святого Духа. Этот случай отнюдь не был единичным и чрезмерным притязанием человека с неуравновешенной психикой. Со времени раннего христианства до наших дней члены многих сект верили, что воплощением Христа, и даже самого бога, является любой христианин, получивший полное посвящение. Поклоняясь друг другу, они тем самым доводили это верование до логического завершения. Тертуллиан рассказывает, что во II веке нашей эры так поступали его

единоверцы христиане в Карфагене. Ученики святого Колумбана поклонялись ему как воплощению Христа. А в VIII столетии Элипанд из Толедо говорил о Христе как о «боге среди богов», имея в виду, что столь же подлинными богами, как сам Иисус, были все верующие. Взаимное обожествление было обычным делом у альбигойцев, что стократно засвидетельствовано в начале XIV века протоколами тулузской инквизиции.

В XIII столетии возникла секта братьев и сестер Свободного духа, члены которой придерживались мнения, что путем длительного и прилежного созерцания всякий человек может таинственным образом соединиться с божеством, стать единым целым с источником и прародителем всего сущего; что

140

тот кто поднялся к богу и растворился в его блаженной сущности, действительно составляет часть божества, то есть является сыном божьим в том же смысле, что и сам Христос, и наслаждается в силу этого полной свободой от всяческих человеческих пут и божеских законов. Хотя внешний вид и манеры поведения сектантов граничат с умопомешательством, они, будучи уверенными во вседозволенности, скитались с места на место, облаченные в самые что ни на есть шутовские одеяния, дикими выкриками выпрашивая хлеб. Они в негодовании отвергали всякий честный труд как препятствие на пути созерцания божества и восхождения души к духовному отцу. В этих похождениях их сопровождали женщины, которые делили с ними все тяготы кочевой жизни. Некоторые из них полагали, что, достигнув в духовной жизни наибольших успехов, они могут позволить себе на собраниях секты ходить без одежд, видя в каких бы то ни было ограничениях в этом отношении признаки внутренней коррупции, поражающей души, еще изнемогающие под бременем плоти и не поднявшиеся до общения с божественным духом. Инквизиция нередко ускоряла их путь к мистическому общению с богом, они умирали на кострах не только с незамутненной безмятежностью, но и с торжествующим чувством радости и ликования.

Примерно в 1830 году в одном из американских штатов, граничащим с Кентукки, объявился самозванец, который провозгласил себя «Сыном Божьим», спасителем человечества, явившимся на землю вновь, чтобы призвать нечестивых, неверующих и грешников к выполнению своего долга. Он уверял, что, если к указанному времени они не исправятся, мир во мгновение обратится в руины. Эти сумасбродные притязания были с одобрением встречены даже людьми богатыми и влиятельными. В конце концов один немец скромно попросил нового мессию провозгласить страшную катастрофу его землякам на немецком языке, потому что английского они не понимали, и было бы жаль, если только из-за этого они подверглись бы вечному проклятию. В ответ так называемый спаситель с полной откровенностью признался, что немецкого языка он не знает. «Как! — с возмущением воскликнул немец, — ты — Сын Божий и не знаешь всех языков, и даже немецкого?! Ступай прочь, ты — плут, лицемер и безумец! Твое место в сумасшедшем доме». Зрители рассмеялись и разошлись, стыдясь своей легковерности.

141

Иногда считалось, что божественный дух после смерти его носителя переселяется в другого человека. Татары-буддисты (*Buddhist Tartars*[1]) верят в существование огромного числа живых будд, которые в качестве лам стоят во главе крупнейших монастырей. Когда один из лам умирает, ученики его не предаются горю, так как знают, что в скором времени он возродится в виде младенца. Заботятся они лишь о том, чтобы обнаружить место рождения нового ламы. Если им в такое время случается увидеть радугу, они принимают ее за знак, посланный покойным ламой, долженствующий привести их к колыбели. Иногда божественный младенец сам дает о себе знать. «Я — великий лама, — провозглашает он, — живой будда такого-то монастыря. Несите меня в мой старый монастырь. Я — его бессмертный глава». Каким бы способом ни обнаруживалось место рождения будды — путем ли его собственного признания или с помощью небесного знамения, радостные паломники снимаются с места (часто во главе с ханом или с одним из наиболее выдающихся членов его семьи) и отправляются в путь, чтобы найти и возвратить домой божественного младенца. Обычно рождается он на священной тибетской земле, и, чтобы до него добраться, каравану часто нужно пересечь огромные пустыни. Когда паломникам наконец удается найти ребенка, они падают перед ним ниц и поклоняются ему. Однако, прежде чем в нем признают Великого ламу, которого ищут, ребенок должен доказать свою подлинность. У него осведомляются о названии монастыря, главой которого он себя провозглашает, о расстоянии до него и о том, сколько монахов в нем живет. Он должен рассказать также о привычках покойного ламы и о том, как он умер. Перед ним раскладывают различные предметы — молитвенники, чайники, чашки, — и он должен указать на те из них, которыми пользовался в предыдущей жизни.

Если он все это безошибочно выполняет, притязания признаются обоснованными, и его с триумфом препровождают в монастырь. Во главе всех лам стоит далай-лама из Лхасы, этого тибетского Рима. В нем видят живого бога, и после смерти его божественный и бессмертный дух возрождается в ребенке. По од-

[1] Автор употребляет здесь слово «татары» («тартары») — в средневековом широком смысле, означавшем прежде кочевников Центральной Азии и Восточной Европы. На самом деле речь тут идет не о татарах, а о монголах.

142

ним сведениям, способ нахождения далай-ламы похож на вышеописанный способ нахождения обычного Великого ламы. В других сообщениях говорится о его выборах путем вытягивания жребия из золотого кувшина. В том месте, где он рождается, деревья и растения одеваются зелеными листьями; по его повелению распускаются цветы и взвиваются вверх водяные струи. Он распространяет вокруг себя небесное блаженство.

Далай-лама не является в этом регионе единственным человеком, возведенным в божеское достоинство. В конце XIX — начале XX века официальный список воплощенных богов Китайской империи находился в министерстве колоний в Пекине. Число богов, получивших признание, достигало ста шестидесяти. Тридцать из них осчастливили своим появлением Тибет, девятнадцатью гордилась Северная Монголия, а Южная Монголия грелась в лучах не менее пятидесяти семи богов. Проявляя отеческую заботу о благосостоянии своих подданных, китайское правительство запрещало входящим в список богам вновь рождаться где-либо, кроме Тибета. Оно опасалось, как бы рождение богов в Монголии не повлекло за собой серьезных политических последствий, не пробудило дремлющий патриотизм и воинственный дух монголов, которые могли бы сплотиться вокруг честолюбивого местного божества царской крови и постараться огнем и мечом завоевать для него не только духовное, но и светское царство. Кроме этих общественно признанных богов имелось великое множество мелких частных божков и незарегистрированных специалистов по магии, которые совершали чудеса и осчастливливали людей подпольно. В начале XX века китайское правительство смотрело сквозь пальцы на возрождение этих мелких божеств за пределами Тибета. Но как только они появлялись на свет, правительство надзирало за ними, как за официальными специалистами, и, если они вели себя дурно, их очень скоро низвергали, изгоняли в отдаленный монастырь и строго-настрого запрещали когда-либо вновь рождаться во плоти.

Итак, верховный правитель занимал в примитивных обществах такое место в плане религиозном, что притязание на божественные и сверхъестественные способности, выдвигаемое владыками более поздних великих империй — Египта, Мексики и Перу, — было не просто результатом непомерного тщеславия, но пережитком и дальнейшим развитием апофеоза

143

живых властителей, издавна имевшего место у дикарей. Например, перуанские инки, дети Солнца, поклонялись своим властителям как богам. Они не могли и помыслить причинить ущерб личности, чести или имуществу монарха или особы королевской крови.

Инки, в отличие от большинства людей, не видели в болезни зла. Они рассматривали ее как вестницу, посланную их отцом, Солнцем, призывающим их найти успокоение на небесах. Обычно инка возвещал о своей приближающейся смерти так: «Отец мой призывает меня к себе на покой». Инки не пытались противостоять воле отца и приносить жертвы для того, чтобы выздороветь.

Испанские завоеватели, проникнув из знойных долин на высокое плато колумбийских Анд, были поражены тем, что, в противоположность диким ордам, оставленным ими внизу, в душных джунглях, они застали здесь народ на довольно высоком уровне цивилизации, народ, занимающийся земледелием и живущий при правлении, которое Гумбольдт сравнивал с теократиями Тибета и Японии. Это были чибча и муиска, или моска, подразделенные на два царства со столицами в Боготе и Тунхе, объединенные общим религиозным подчинением великому первосвященнику Согамозе. Считалось, что этот духовный правитель благодаря длительному аскетизму и подвижничеству обрел такую святость, что вода и дождь повиновались ему и от его воли зависела погода. Нам уже известно, что при восшествии на престол мексиканские цари давали клятву, что они заставят солнце сиять, тучи — давать дождь, реки — течь, а землю — в изобилии приносить плоды. Известно также, что народ поклонялся последнему мексиканскому царю Монтесуме как богу.

Первые правители Вавилона — от Саргона I до четвертой династии Ура и позднее — при жизни выдавали себя за богов. В честь царей четвертой династии Ура воздвигались храмы, их статуи устанавливались в различных святилищах, и народу вменялось в обязанность приносить им жертвоприношения; восьмой месяц года был полностью посвящен поклонению царям; жертвы им

приносились в новолуние и пятнадцатого числа каждого месяца. Парфянские цари из дома Аршакидов также величали себя братьями солнца, и их чтили, как богов. Нанести в стычке удар даже частному лицу из фамилии Аршакидов считалось святотатством.

144

При жизни обожествлялись и египетские фараоны: им приносились жертвы, культ их отправлялся в особых храмах специально предназначенными для этого жрецами. Культ богов, действительно, нередко мерк перед культом фараонов. Так, в правление фараона Меренра один высокопоставленный сановник заявил, что он отстроил множество святых мест, чтобы к духу вечно живущего фараона Меренра можно было взывать «больше, чем ко всем богам». Никогда не подвергалось сомнению, что фараон действительно является богом: он был «великим богом», «золотым Гором» и сыном Ра. Его власть простиралась не только над Египтом, но над «всеми странами и народами», «над всем миром в длину и ширину, над востоком и западом», «над всей окружностью великого круга солнца», «над небом и всем, что в небе, над землей и всем, что на земле», «над всеми существами, ходящими на двух или на четырех ногах», «над всем, что летает и порхает; все в мире приносит ему в жертву своих представителей». К египетскому фараону применялись все эпитеты бога солнца. Его титулы прямо производились от титулов бога солнца. «За время своего существования, — сообщают нам, — египетские фараоны исчерпали все представления о божестве, которые египтяне себе составили. Будучи человекобогом по рождению и царственному званию, фараон после своей смерти становился обожествленным человеком. Итак, в нем нашло воплощение все, что было известно о божественном».

Мы довели до конца наш очерк эволюции института священных царей, который своей высшей формы и своего полного выражения достиг в монархиях Перу и Египта. Исторически этот институт, видимо, берет свое начало в прослойке колдунов или знахарей, находящихся на общественной службе; в плане логическом он покоится на дедукции из ложной ассоциации идей. Люди ошибочно приняли порядок своих идей за порядок природных явлений: они вообразили, что им дозволено управлять предметами, подобно тому как они управляют своими мыслями. Люди, которые по той или иной причине, в силу телесной мощи или слабости, были признаны в высшей степени наделенными магическими способностями, постепенно отделились от своих соплеменников и образовали особый класс, призванный оказать далеко идущее влияние на Прогресс человечества в политическом, религиозном и интеллектуальном отношении. Общественный прогресс, насколько

145

нам известно, состоит в последовательной дифференциации функций или, проще говоря, в разделении труда. Труд, который в примитивном обществе выполнялся всеми и одинаково непродуктивно, постепенно распределяется между различными классами работающих и выполняется все более и более производительным образом. А поскольку материальными и иными плодами специализированного труда пользуются все, то и выгоду от возрастающей специализации получает общество в целом. Колдуны или знахари образуют, по-видимому, самый древний класс профессионалов в истории общества. Колдуны имеются во всех известных нам племенах, а у самых примитивных народностей, таких, как австралийские аборигены, они являются единственным профессиональным классом. По мере того как процесс дифференциации продолжается, класс знахарей претерпевает внутреннее разделение труда: бывают знахари-врачеватели, знахари — делатели дождя и т. д. Самые могущественные представители этого класса выдвигаются на должности вождей и постепенно превращаются в священных царей. Их магические функции все больше и больше отходят на задний план и по мере того, как магию медленно вытесняет религия, заменяются жреческими обязанностями. Еще позже происходит разделение светского и религиозного пласта царской власти: светская власть отходит в ведение одного человека, а религиозная — другого. Тем временем колдуны, которых преобладание религии может подавить, но не может истребить, по-прежнему предпочитают предаваться скорее древним оккультным искусствам, чем нововведенным жертвоприношениям и молитвам. Но со временем наиболее дальновидные из их числа постигают ложность магии и находят более эффективный способ управления силами природы на благо человека, короче говоря, покидают колдовство ради науки.

Я далек от утверждения, что везде ход развития строго следовал этой схеме: в разных обществах он, несомненно, сильно варьировал. Просто я хочу в самых общих штрихах очертить то, что представляется мне основным направлением развития. Если рассматривать эволюцию с точки зрения производства, то имел место переход от однородности к разнообразию; с политической же точки зрения развитие шло от демократии к деспотизму. В этом труде нас не интересует

позднейшая история монархии, в частности упадок деспотизма и его заме-
146
на формами правления, лучше приспособленными к возросшим требованиям человечества. Предметом нашего анализа является не упадок, а зарождение этого полезного в свое время института.

Глава VIII. ЦАРИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИРОДНЫХ СТИХИЙ

Предыдущим исследованием было установлено, что соединение священных функций со званием правителя, с которым мы сталкиваемся на примере Царя Леса в Неми, Царя Жертвоприношений в Риме и должностного лица (именуемого царем) в Афинах, выходит за пределы классической древности и является общей чертой человеческого общества на всех стадиях его развития — от варварства до цивилизации. Далее, представляется вероятным, что этот царь-жрец, сочетая жреческий жезл со скипетром, нередко является царем не только по названию, но и фактически. Все это подтверждает традиционный взгляд на происхождение царей по должности и царей-жрецов в республиках Древней Греции и Италии. Показав, что сочетание духовной и светской власти, память о котором сохранилась в греко-италийской традиции, на самом деле встречалось во многих местах, мы по меньшей мере устранили подозрение в неправдоподобии этого предания. Теперь мы можем по праву задать вопрос: не было ли происхождение Царя Леса похоже на происхождение Царя Жертвоприношений в Риме и царя по должности в Афинах, какими доносит их до нас правдоподобное предание? Другими словами, не была ли его должность наследственной? Не было ли царской династии, которую республика лишила политической власти, оставив на ее долю лишь религиозные функции да немощную тень короны? Для отрицательного ответа на этот вопрос есть как минимум два довода. Первый из них связан с местопребыванием Немийского жреца, а второй — с титулом Царя Леса. Если бы его предшественники были царями, он, подобно свергнутым царям Рима и Афин, наверняка поселился бы в городе, скипетром которого когда-то владел его род. Городом этим была бы Ариция, так как ближе города нет. Но Ариция находится на берегу озера в трех милях от его лесного святилища. Если жрец Неми и царствовал, то не в городе, а в лесу.

147

Равным образом и титул Царя Леса едва ли позволяет нам предположить, что когда-либо он был царем в обычном смысле слова. Более вероятно, что он был царем природы, точнее, царем части природы (а именно лесов), чем и заслужил этот титул. Цари отдельных частей природы, то есть лица, которые, как предполагается, управляют отдельными природными стихиями, вероятно, имели бы больше сходства с Царем Леса, чем божественные цари, которые интересовали нас до сих пор и которые управляют скорее природой в целом, чем ее отдельными частями. Имеется достаточное количество примеров такого рода царей.

На холме у Боммы, вблизи от устья реки Конго, обитает Намвулу Вуму — Царь Дождя и Бури. У некоторых племен Верхнего Нила, как известно, нет царей в обычном смысле слова. Единственные, кого они почитают за царей, — это Цари Дождя (Мата Кодоу), которым приписывается способность вызывать дождь в нужное время года, то есть в сезон дождей. До того как в конце марта начинаются дожди, страна представляет собой опаленную зноем, бесплодную пустыню, а скот — основное богатство народа — гибнет из-за отсутствия травы. Приближается конец марта, и глава каждой семьи отправляется к Царю Дождя и дарит ему корову, чтобы тот ниспослал благословенную воду на побуревшие, иссохшие пастбища. Если дождь не идет, люди собираются и требуют, чтобы царь дал им дождь; если же небо продолжает оставаться безоблачным, царю вспарывают живот, в котором он, как гласит поверье, скрывает ливни. В племени бари один из таких Царей Дождя вызывал дождь тем, что окроплял землю водой из колокольчика.

Аналогичная должность существует и у племен, живущих на окраинах Абиссинии. Вот как описал ее один наблюдатель: «Обязанность жреца, алфаи, как его именуют бареа и кунама, имеет одну замечательную особенность: считается, что он способен вызывать дождь. В прошлом такая же должность имелась у алгедов, и до сих пор она является обычным делом среди негров-нуба. Алфаи бареа, к которому обращаются за помощью и северные кунама, живет со своей семьей в одиночестве на горе недалеко от Тембадера. Народ приносит ему дань одеждой и плодами и обрабатывает за него его большое поле. Он — царь царей, и должность его переходит по наследству к его брату или сыну сестры. Считается, что заклинани-

148

ем он вызывает дождь и прогоняет саранчу. Если он не оправдывает ожиданий народа и в стране наступает продолжительная засуха, алфаи до смерти забивают камнями; причем первый камень обязан бросить в него ближайший родственник. Когда мы путешествовали по стране, должность алфаи все еще занимал один старик, но я слышал, что деланье дождя показалось ему делом слишком опасным и он отказался от должности».

В глухих лесах Камбоджи обитали два таинственных повелителя, известных как Царь Огня и Царь Воды. Слава о них разносилась по всему югу громадного Индокитайского полуострова. До Запада докатилось лишь слабое эхо этой славы. Насколько нам известно, их не видел ни один европеец, и само их существование могло бы сойти за басню, если бы они не поддерживали постоянную связь с королем Камбоджи, который из года в год обменивался с ними подарками. Выполняемые ими царские функции — чисто духовного или мистического порядка. У них нет никакой политической власти. Согласно одному сообщению, они живут в абсолютном одиночестве, не видя человеческого лица и никогда не встречаясь друг с другом. Живут они попеременно в семи башнях, расположенных на семи горах, и каждый год переходят из одной башни в другую. Люди украдкой подбираются и оставляют в пределах досягаемости все необходимое для их существования. Их царствование длится семь лет — время, необходимое для того, чтобы поочередно пожить во всех семи башнях. Но многие умирают до окончания срока.

Должности Царя Огня и Царя Воды являются наследственными в одной, а по другим сообщениям, в двух семьях царской крови, которые пользуются большим почетом. Они получают постоянное содержание и освобождаются от необходимости возделывать землю. Нельзя, однако, сказать, чтобы этого звания страстно домогались; когда место освобождается, все кандидаты (они должны быть крепкого сложения и иметь детей) убегают и прячутся. Другой источник, также признавая нежелание наследственных кандидатов принять корону, не подтверждает сведения об отшельническом заточении Царей в семи башнях. Он свидетельствует о том, как народ простирается ниц перед мистическими царями, когда они появляются в обществе, ибо в противном случае, по поверью, над страной разразится страшный ураган. Подобно многим другим

149

священным царям, речь о которых пойдет дальше, Царям Огня и Воды не позволяют умереть естественной смертью, так как это подорвало бы их репутацию. Убедившись, что состояние царя безнадежно, его убивают ударом кинжала. Тело сжигают, а пепел благочестиво собирают и на пять лет делают объектом публичного поклонения. Часть пепла отдают жене, и та хранит его в урне; урну она носит на спине, когда отправляется плакать на могилу мужа.

Рассказывают, что самый влиятельный из двух царей (Царь Огня), чьи сверхъестественные способности не ставятся под сомнение, совершает богослужение на свадьбах и праздниках и приносит жертвы в честь Йан, то есть духа. В таких случаях ему отводится специальное место: путь, по которому он идет, устилается белыми хлопчатобумажными тканями. Причина, по которой царский титул удерживается в пределах одной семьи, заключается в том, что семья эта владеет знаменитыми талисманами, которые потеряли бы свою силу или исчезли, если бы вышли за ее пределы. Талисманов этих три: плод ползучего растения, называемого Куи, — его сорвали во время наводнения, и спустя несколько лет он был все еще свежим и зеленым; пальма-ротанг, также очень старая, но украшенная неувядающими цветами; и наконец, меч, содержащий в себе Йан, или духа, который постоянно охраняет его и совершает им чудеса. Говорят, что это дух раба, чья кровь случайно попала на лезвие клинка, когда его выковывали, и который, чтобы искупить невольный проступок, умер добровольной смертью. С помощью первых двух талисманов Царь Воды может поднять ее уровень настолько, что она затопит всю землю. Если Царь Огня на несколько дюймов вынет из ножен магический меч, солнце скроется, а люди и звери погрузятся в глубокий сон; если же он совсем выхватит меч из ножен, то наступит конец света. Чтобы получить дождь, этому чудесному мечу приносят в жертву быков, свиней, кур и уток. Его хранят завернутым в хлопчатобумажные и шелковые материи; в числе подарков, которые ежегодно посылает король Камбоджи, имеются богатые покровы для священного меча.

Тела обоих мистических монархов, в противоположность обычаю страны, не зарывают в землю, а сжигают, но их ногти, а также часть зубов и костей благочестиво хранят как реликвии. В то время как труп сгорает на погребальном костре, родственники покойного колдуна убегают в лес и там пря-

150

чутся в страхе, что их возведут в завидную должность, которая только что освободилась. Люди пускаются на поиски, и первый, чье укрытие они обнаружат, становится Царем Огня или Воды.

Таковы примеры царей отдельных природных стихий. Италия отделена от лесов Камбоджи и истоков Нила большим расстоянием. И хотя найти Царей Дождя, Воды и Огня нам удалось, для того чтобы найти соответствие жрецу из Ариции, который носил титул Царя Леса, остается еще обнаружить его омонима. Возможно, нам не придется идти за ним в такую даль.

Глава IX. ПОКЛОНЕНИЕ ДЕРЕВЬЯМ

Духи деревьев.

Поклонение деревьям играло важную роль в Европе, в истории религии арийцев. И это вполне естественно. Ведь на заре истории Европа была покрыта безбрежными первозданными лесами, и разбросанные там и сям расчищенные участки представляли собой островки в океане зелени. Вплоть до I века до нашей эры к востоку от Рейна простирался Герцинский лес; протяженность его была огромной: германцы, опрошенные Цезарем, путешествовали по нему в течение двух месяцев и не достигали конца. Четыре столетия спустя этот лес посетил император Юлиан, и его уединенность, мрак и молчание произвели глубокое впечатление на чувствительную душу императора. Он объявил, что не видел ничего подобного во всей Римской империи. В нашей собственной стране[1] в графствах Кент, Суррей и Суссекс леса представляют собой остатки огромного леса Андериды, покрывавшего некогда всю юго-восточную часть острова. Он, видимо, простирался на запад и там соединялся с другим лесом протяженностью от Гемпшира до Девоншира. Еще в правление короля Генриха II (1154 — 1189) граждане Лондона охотились на дикого быка и кабана в лесах Гампстеда. Даже при последних представителях династии Плантагенетов (XIV в.) число королевских лесов равнялось шестидесяти восьми. Рассказывают, что белка в Арденском лесу вплоть до нового времени могла, перепрыгивая с ветки на ветку, пересечь почти все графство Уорик.

[1] То есть в Англии.

151

Раскопки древних свайных построек в долине реки По показали, что задолго до расцвета, а может быть, и до основания Рима северная часть Италии была покрыта густыми вязовыми, каштановыми и особенно дубовыми лесами. Эти выводы археологов находят подтверждение в работах историков: в сочинениях классических авторов содержится множество ссылок на леса Италии, ныне исчезнувшие. В IV веке до нашей эры Рим был отделен от Центральной Этрурии Циминийским лесом устрашающих размеров, который Тит Ливий сравнивает с лесами Германии. Если верить этому римскому историку, ни один купец никогда не проникал в его непроходимые заросли, а когда один римский полководец, предварительно послав двух разведчиков обследовать его дебри, повел в лес свою армию и, продвигаясь по опушке лесистых гор, увидел у своих ног богатые поля Этрурии, это сочли неслыханным по своей дерзости подвигом. В Греции превосходные сосновые, дубовые и другие леса все еще произрастают на склонах высоких гор в Аркадии, украшая своей зеленью глубокое узкое ущелье, в котором река Ладон в бурном порыве сливается со священной рекой Алфей. До последнего времени леса эти отражались, как в зеркале, в темно-голубых водах уединенного Фенейского озера. Но это не более как остатки лесов, которыми в древности были одеты огромные пространства и которые в более отдаленную эпоху, вероятно, покрывали весь Эллинский полуостров от одного моря до другого.

На основании изучения тевтонских слов, обозначающих храм, Якоб Гримм[1] сделал правдоподобное заключение, что древнейшими святилищами у германцев были естественные леса. В пользу наличия культа деревьев у крупных европейских народностей арийского происхождения имеются многочисленные свидетельства. Всем известно, что друиды у кельтов поклонялись дубам и что слово, которым они обозначали святилище, по происхождению и по значению тождественно с латинским словом *nemns* (роща или лесная просека), чей отзвук чувствуется в названии Неми. У германцев священные рощи были обычным явлением; поклонение деревьям не совсем ис-

[1] Гримм Якоб (1785—1863) — выдающийся немецкий ученый, филолог, лингвист, собиратель народных сказок (вместе со своим братом Вильгельмом). Основатель «натурмифологической» («натуристической») школы в фольклористике, изучении религии и мифологии.

152

чезло и у их потомков. О том, насколько большое значение придавали этому поклонению в прежние времена, можно судить по жестокости наказания, которое по законам германцев ожидало всякого, кто осмелится содрать кору стоящего дерева. Преступнику вырезали пупок и пригвождали его к той части дерева, которую он ободрал; затем его вертели вокруг дерева до тех пор, пока кишки полностью не наматывались на ствол. Наказание это было явно направлено на то, чтобы заменить засохшую кору дерева живой тканью преступника. Действовал принцип зуб за зуб: жизнь человека за жизнь дерева.

В Упсале — древней религиозной столице Швеции — была священная роща; деревья в ней считались божественными. Деревьям и рощам поклонялись и славяне-язычники. Литовцы были обращены в христианство лишь к концу XIV века. К этому времени культ деревьев продолжал играть у них важную роль. Некоторые из них почитали огромные дубы и другие большие развесистые деревья, от которых получали оракульские указания. Другие литовцы ухаживали за священными рощами рядом со своими деревнями и домами; считалось грехом сорвать в них даже ветку. Они думали, что человек, сломавший ветвь в такой роще, либо тут же умрет, либо будет изуродован. Есть масса доказательств широкого распространения культа деревьев в Древней Греции и Италии. Под угрозой штрафа в тысячу драхм было запрещено срубать кипарисовые деревья в святилище Эскулапа в Косе. Но, пожалуй, нигде в античном мире эта древняя форма религии не сохранилась лучше, чем в сердце великой столицы мира. На Форуме, в оживленном центре Рима, до имперских времен поклонялись священному фиговому дереву Ромула. Достаточно было, чтобы оно проявило признаки увядания, и весь город охватывал ужас. На склоне Палатинского холма росло кизиловое дерево, считавшееся в Риме одним из наиболее священных объектов. Если кому-то из прохожих казалось, что это дерево поникает, он поднимал истошный крик, которому вторили люди на улице, и вскоре можно было видеть, как целая толпа людей с наполненными водой бадьями в беспорядке несется со всех сторон, как будто (по словам Плутарха) спешит потушить пожар.

У европейских племен финно-угорской группы языческие культы большей частью отправлялись в священных рощах,

153

огороженных заборами. Нередко такие рощи представляли собой простые поляны или расчищенные участки леса с несколькими деревьями, на которых в былые времена развешивались шкуры принесенных в жертву животных. В самом центре рощи — по крайней мере у волжских племен — стояло священное дерево, которое затемняло собой все окружающее. Прежде чем верующие соберутся и жрец вознесет молитвы, у корней дерева приносили жертву, а ветви его нередко служили чем-то вроде кафедры. В роще воспрещалось рубить деревья и срывать ветви; женщины туда, как правило, не допускались.

Необходимо подробнее исследовать понятия, на которых основывается поклонение деревьям и растениям. Мир в целом представляется дикарю одушевленным; деревья и растения не составляют исключения из правила. Дикарь верит, что они обладают душами, подобными его собственной, и соответственно обращается с ними. «Сообщают, — пишет античный вегетарианец Порфирий, — что жизнь, которую вели первобытные люди, была несчастлива, так как суеверия их не ограничивались животными, а распространялись и на растения. Почему умертвить быка или овцу должно быть большим злом, чем срубить ель или дуб, если принять во внимание, что и в эти деревья вселился дух?» Равным образом североамериканские индейцы-хидатса верят, что у всякого предмета природы есть свой дух или, точнее, тень. Этим теням надлежит оказывать почтение и уважение, хотя не всем в равной мере. Например, тени пирамидального тополя, огромнейшего дерева в долине Миссури, приписывалось обладание разумом, и считалось, что при должном обхождении тень может оказать индейцам помощь в некоторых предприятиях. Зато тени кустарников и трав большим престижем не пользовались. Когда река Миссури во время весеннего паводка разливается и, выходя из берегов, несет в своем течении стволы высоких деревьев, индейцы рассказывают, что духи деревьев испускают крики, ствол, цепляющийся корнями за землю, поднимая брызги, падает в поток. Когда-то срубить хотя бы одно из этих гигантских деревьев считалось у индейцев преступлением. Если же они испытывали нужду в больших бревнах, то пользовались только такими деревьями, которые упали сами. До последнего времени некоторые старики из числа наиболее суеверных заявляли, что несчастья обрушились на их народ по причине распространившегося ныне пренебрежительного отношения к правам

154

пирамидального тополя. У ирокезов бытовало верование, что все виды деревьев, кустарников, растений, трав обладают своими душами: существовал обычай обращаться к этим духам с молитвой. Туземцы племени ваника (Восточная Африка) воображают, что каждое дерево, в особенности кокосовая пальма, имеет свою душу, поэтому «срубить кокосовую пальму приравнивается к матереубийству, потому что дерево это дает им жизнь и пропитание, как мать своему ребенку». Сиамские монахи, будучи уверены, что души имеются повсюду и что разрушить что-то — значит насильственно выселить духа, никогда не сорвут ветку с дерева, «как не сломают они руку невинному человеку». Еще бы, ведь монахи эти — буддисты. Буддийский анимизм

является не философской теорией, а присущим всем дикарям догматом, включенным в систему исторической религии. Поэтому предполагать вместе с Бенфеем и другими учеными, что теория анимизма и переселения душ, имеющая хождение среди народов Азии, ведет свое происхождение от буддизма, — значит переворачивать факты с ног на голову.

Иногда считается, что духи обитают только в определенной разновидности деревьев. В Грбале, в Далмации, говорят, что духами или тенями обладают некоторые из больших буков, дубов и других деревьев; если кто-то повалит одно из таких деревьев, он должен будет умереть на месте или по меньшей мере остаться инвалидом до конца своих дней. Если у лесоруба возникает опасение, что срубленное им дерево принадлежит к этому разряду, ему следует тем же топором, которым он срубил дерево, на оставшемся пне отрубить голову курице. Это отвратит от него возмездие, даже если дерево относилось к числу одушевленных. По всей Западной Африке от Сенегала до Нигера с благоговением относятся к деревьям бавольника *(silk-cotton trees),* огромные стволы которых вздымаются на поразительную высоту, намного превосходя ростом другие деревья. Считается, что они служат пристанищем бога или духа. Эвеязычным народностям с Невольничьего Берега дух этого лесного гиганта известен под именем Гунтин. Деревья, в которых он обитает — такая честь выпадает на долю не каждого бавольника, — обносятся оградой из пальмовых листьев. Жертвы в виде домашней птицы (от случая к случаю и людей) привязывают к стволу или кладут у подножия дерева. Дерево, обнесенное оградой из пальмовых листьев, нельзя сру-

155

бить или нанести ему какую-либо другую обиду. Даже те из деревьев бавольника, в которых не обитает дух, не могут быть срублены без того, чтобы лесоруб сначала не принес в жертву какую-нибудь домашнюю птицу и пальмовое масло, дабы очиститься от предполагаемого святотатства. Не принести жертву — оскорбление, которое может караться смертью. Обитатели гор Кангра в Пенджабе ежегодно приносили в жертву древнему кедру девочку; все семьи деревни поочередно поставляли эту жертву, пока кедр не срубили.

Одушевленные деревья, конечно, обладают чувствительностью. Порубка их превращается в тонкую хирургическую операцию, которую надлежит проводить с максимальным вниманием к ощущениям пациента; в противном случае дерево может разорвать неосторожного и неумелого хирурга на части. Когда валят дуб, «он издает пронзительные крики и стоны, которые слышны на расстоянии мили. Это гений дуба как бы жалуется. Эсквайр Е. Уайльд слышал такое несколько раз». Индейцы-оджибве «в очень редких случаях срубают зеленые живые деревья из боязни причинить им боль, а некоторые из их знахарей уверяют, что слышали жалобы деревьев под ударами топора». Деревья, которые истекают кровью и испускают крики боли и негодования, когда их надрубают или поджигают, очень часто фигурируют в китайских книгах (даже в исторических сочинениях). В некоторых частях Австрии старые крестьяне продолжают верить, что лесные деревья одарены духом и без особой на то причины не позволяют надрезать их кору; они наслышались от своих отцов, что дерево чувствует надрез не меньше, чем человек — рану. Прежде чем повалить дерево, они просят у него прощения. Известно также, что в Верхнем Палатинате[1] старые дровосеки, прежде чем приступить к рубке, про себя обращаются к красивым, крепким деревьям с просьбой о прощении. До того как срубить дерево в девственном лесу или в горах, илоки, проживающие на острове Лусон, декламируют стихи: «Друг мой, не тревожься, хоть мы и повалим то, что нам приказано повалить». Илоки поступают так, чтобы не навлечь на себя гнев духов, живущих в деревьях, которые способны в отместку наслать тяжкую болезнь на того, кто причиняет им вред. Басога в

[1] Верхний Палатинат — *Ober-Pfalz* — часть современной Баварии; главный город — Регенсбург.

156

Центральной Африке полагают, что дух срубленного дерева может поразить смертью вождя и его семью. Для того чтобы предотвратить это несчастье, прежде чем повалить дерево, они обращаются за советом к знахарю. Если этот специалист дает разрешение приступать к рубке, лесоруб, во-первых, жертвует дереву домашнюю птицу или козу; во-вторых, после нанесения первого удара топором он высасывает из надреза немного сока: таким образом он братается с деревом, подобно тому как двое людей становятся братьями, высосав друг у друга немного крови. После этого он может без вреда для себя срубить своего брата — дерево.

Но не всегда с духами-растительности обращаются почтительно. Если сладкие слова и доброе обращение не трогают их, прибегают к более крутым мерам. Произрастающее в Ост-Индии дерево дуриан, чьи гладкие стебли нередко возносятся на высоту 20 — 30 метров, не давая ни единого бокового побега, приносит плоды с восхитительнейшим вкусом и отвратительнейшим запахом.

Малайцы, как известно, культивируют это дерево из-за его плодов, а в целях стимулирования его плодородия прибегают к весьма странному ритуалу. В Селан-горе[1] около Югры имеется рощица этого вида деревьев, и в ней в назначенный день собираются сельские жители. Один из местных колдунов берет в руки топорик и наносит им несколько сильных ударов по стволу самого бесплодного из деревьев, приговаривая: «Ты будешь приносить плоды или нет? Если нет, то я срублю тебя». На это дерево отвечало голосом другого человека, взобравшегося на соседнее мангустиновое дерево (на дерево дуриан влезть нельзя): «О да, теперь я принесу плоды. Прошу не рубить меня». В Японии, чтобы заставить деревья плодоносить, в фруктовый сад входят два человека. Один из них взбирается на дерево, а другой стоит у подножия с топором в руках. Человек с топором спрашивает дерево, даст ли оно хороший урожай на следующий год; в противном случае он угрожает срубить его. На это укрывшийся в ветвях человек от имени дерева отвечает, что оно принесет обильный урожай. Каким бы странным ни представлялся нам этот метод садоводства, его прямые параллели имеются и в Европе. В канун Рождества многие югославские

[1] Селангор — местность иа западном берегу Малайского полуострова (Малайзия).

157

и болгарские крестьяне угрожающе замахиваются топором на бесплодное фруктовое дерево, а стоящий рядом человек вступается за него со словами: «Не срубай его! Оно скоро будет плодоносить». Трижды заносится топор, и трижды нависший удар отводится по просьбе ходатая. После этого на следующий год испуганное дерево, несомненно, должно принести плоды.

Из представления о деревьях и растениях как об одушевленных существах естественным образом вытекает их деление на деревья мужского и женского пола, которые могут сочетаться между собой браком в реальном, а не просто в метафорическом или поэтическом смысле слова. Но в то время как у высших видов животных половые органы обычно распределены между различными особями, у большинства растений они сосуществуют в каждой особи. Правило это, однако, никоим образом не является всеобщим; у многих видов растений растение мужского пола отличается от растения женского пола. Это, видимо, было подмечено некоторыми первобытными народами. Относительно туземцев маори нам сообщают, что «они знакомы с полом растений и т. д. и имеют для мужских и женских особей некоторых деревьев различные наименования». Древние делали различие между финиковыми пальмами мужского и женского рода и искусственно оплодотворяли их, посыпая цветы пальм женского пола пыльцой растений мужского пола. Оплодотворение совершалось весной. У язычников Харрана месяц, во время которого оплодотворяли пальмы, назывался месяцем Фиников; в это же время устраивались брачные торжества всех богов и богинь. Наряду с оплодотворением реальных растений имели место ритуальные браки растений. Например, если индус посадил деревья манго, ни он, ни его жена не отведают их плодов до тех пор, пока не заключат формальный брак между деревом манго мужского пола и деревом другого вида (обычно им бывает тамаринд), произрастающим неподалеку. Если тамариндового дерева женского пола в наличии не оказывается, заменой ему служит жасминовое дерево. Затраты на такого рода бракосочетание часто бывают значительными; ведь чем больше брахманов приняло участие в пиршестве, тем громче слава владельца сада. Известно, что одна семья распродала золотые и серебряные украшения и заняла большое количество денег, чтобы с должной торжественностью отметить бракосочетание дерева манго с жасмином. В канун Рождества немецкие крестьяне также имели обыкнове-

158

ние связывать деревья соломенными веревками, утверждая, что деревья сочетались таким образом браком и будут плодоносить.

Когда на Молуккских островах цветет гвоздичное дерево, с ним обращаются как с беременной женщиной. Рядом с ним нельзя шуметь, ночью мимо него нельзя проносить лампу или огонь; никто не имеет права приближаться к нему с шапкой на голове, в его присутствии все должны обнажать голову. Предосторожности эти предпринимаются для того, чтобы дерево из-за потрясения не стало бесплодным или не дало плоды слишком рано (аналогично тому, как из-за испуга у беременной женщины могут наступить преждевременные роды). На Востоке с побегами растущего риса также обращаются столь же заботливо и деликатно, как с беременной женщиной. Во время цветения риса в Амбоине жители говорят, что он готовится родить. Они не стреляют из ружей и не производят другого шума вблизи полей из боязни, как бы рис, если его потревожат, не сделал выкидыш или не разродился вместо зерна одной соломой.

Некоторые народы верят, что жизнь в деревья вдувают души умерших. Племя диери в

Центральной Австралии считает священными деревья, в которые, как гласит предание, превратились их предки: они с почтением отзываются об этих деревьях и делают все возможное, чтобы их не срубили и не сожгли. Когда белые поселенцы просят диери срубить дерево, те серьезно возражают, утверждая, что за такой проступок им перестала бы сопутствовать удача; они боятся понести наказание, за то, что не защитили предков. Часть жителей филиппинских островов верит, что в определенных деревьях обитают духи их предков, и поэтому бережно относится к ним. Если филиппинцы вынуждены свалить одно из таких деревьев, они просят у него прощения, говоря, что сделать это их заставил жрец. Духи находят пристанище преимущественно в высоких, величественных деревьях с большими раскидистыми кронами. Когда ветер шелестит листьями, туземцам чудится голос духа, и они никогда не пройдут мимо такого дерева, почтительно не поклонившись ему и не испросив у духа прощения за причиненное беспокойство. В каждой деревне игорротов[1] есть свое священное дерево, в

[1] Игорроты — одно из горных племен в северной части острова Лусона (Филиппины).

159

котором обитают души умерших предков ее жителей. Дереву приносят жертвы; считается, что любое оскорбление, нанесенное ему, повлечет за собой какое-нибудь несчастье для всей деревни. Будь оно срублено, деревня со всеми своими обитателями неизбежно погибнет.

По верованиям корейцев, души людей, умерших от чумы или на дороге, а также души женщин, испустивших дух во время родов, неизменно находят себе пристанище в деревьях. На грудах камней, нагроможденных под деревьями, этим духам приносят в жертву пироги, вино и свинину. В Китае с незапамятных времен существовал обычай сажать деревья на могилах, чтобы придать духу умершего силу и тем самым спасти его тело от разложения. А так как вечнозеленые сосны и кипарисы якобы больше других деревьев наполнены жизненной силой, для этой цели избирались преимущественно они. Растущие на могилах деревья иногда отождествляются с душами умерших. У мяо-киа — обитателей Южного и Западного Китая — священное дерево ставится у входа в каждое селение; жители верят, что оно служит обиталищем духа их первопредка и управляет их судьбой. Иногда вблизи селения располагается священная роща; деревья в ней не вырубаются, а умирают и гниют на месте. Сухие ветви устилают землю, но никому не позволено их убирать, не испросив предварительно позволения у духа дерева и не принеся ему жертву. Маравы в Южной Африке всегда придерживались мнения, что земля кладбища священна; на ней нельзя ни вырубать деревья, ни убивать животных, потому что каждая пядь земли там обитаема духами умерших.

В большинстве (если не во всех) приведенных выше примеров дух как бы локализован в дереве; он составляет душу дерева и вместе с ним должен заболеть и умереть. Но согласно другому — вероятно, позднейшему — мнению, дерево является не телом, а только пристанищем духа дерева, который по желанию может его покидать или возвращаться. Жители острова Сиау в Ост-Индии верят в лесных духов, селящихся в лесах или в больших уединенных деревьях. В полнолуние такой дух выходит из своего укрытия и блуждает вокруг. У него большая голова, длинные руки и ноги и увесистое туловище. Для умиротворения лесных духов им в жертву приносят пищу — домашнюю птицу, коз и т. д. Жители острова Ниас придерживаются мнения, что после смерти дерева его обретший свободу дух становится демоном, который может,

160

присев на ветвях кокосовой пальмы, погубить ее или вызвать смерть всех детей в доме, примостившись на одном из его опорных столбов. Они считают, что в некоторых деревьях обитают странствующие демоны; если такие деревья повредить, то демоны выйдут на свободу и начнут бедокурить. Поэтому жители Ниаса относятся к этим деревьям с уважением и остерегаются их рубить.

Многие из обрядов, соблюдаемых при порубке деревьев, посещаемых духами, основываются на вере в то, что по желанию и в случае нужды духи могут покинуть деревья. Поэтому, когда туземцы островов Палау приступают к рубке дерева, они заклинают духа дерева оставить его и поселиться в другом дереве. Желая свалить дерево *ашорин* и зная, что нельзя этого делать, пока там пребывает дух, предприимчивый негр с Невольничьего Берега в качестве приманки выливает на землю немного пальмового масла, а затем, когда ни о чем не подозревающий дух покидает дерево, чтобы полакомиться пищей, спешит срубить его недавнее пристанище. Прежде чем приступить к расчистке лесного участка для того, чтобы засеять его рисом, люди племени тобунгкус на острове Целебес строят миниатюрный домик, оставляя в нем запасы крошечных одежек, пищи и золота. Затем они созывают всех духов леса, предлагают в их распоряжение домик со всем его содержимым и умоляют покинуть участок. После этого они могут рубить лес

спокойно, не опасаясь пораниться при этом. Прежде чем повалить высокое дерево, члены другого племени на острове Целебес, племени томори, кладут к его подножию кусок бетеля и призывают обитающий в нем дух сменить жилище. Более того, чтобы дать духу возможность сойти безопасно и с удобством, они приставляют к стволу дерева небольшую лестницу. Манделинги с острова Суматра стремятся возложить вину за такого рода злодеяния на плечи голландских властей. Когда манделинг прорубает в лесу просеку и оказывается перед необходимостью повалить преграждающее ему путь высокое дерево, он не пускает в ход топор, пока не будет произнесена следующая фраза: << Дух дерева, не обижайся, что я подрубаю твое жилище. Делаю я это не по своему собственному желанию, а по приказу инспектора». А когда он хочет расчистить участок леса для земледелия, то до того, как низринуть лиственные жилища лесных духов, нужно, чтобы он с ними договорился. С этой целью он выходит на середину делянки, наклоняется и делает вид, будто поднял ли-

161

сток бумаги. Разворачивая листок, он громким голосом читает воображаемое письмо голландского правительства, в котором. ему строго-настрого предписывается незамедлительно приступить к расчистке делянки. После этого он говорит: «Вы слышите меня, духи. Я должен начать расчистку сейчас же, а не то меня повесят».

Дух может продолжать таиться в бревне даже после того, как дерево повалено, распилено на доски и употреблено на строительство дома; поэтому некоторые народности стремятся умилостивить его до или после вселения в новый дом. Когда новое строение готово, тораджи с острова Целебес закалывают козу, свинью или буйвола и вымазывают всю постройку его кровью. Если строение является *лобо* (жилищем духа), на коньке крыши режут курицу или собаку, и кровь ее стекает по обеим сторонам крыши. Более примитивные тонапу в таких случаях приносят на крыше в жертву человеческое существо. Это жертвоприношение на крыше лобо или храма служит той же цели, что и вымазывание кровью деревянных частей обычного дома. Цель заключается в умилостивлении лесных духов, которые еще могут пребывать в бревнах: они-де придут от этого в хорошее расположение духа и не причинят вреда обитателям дома. По той же причине жители острова Целебес и Молуккских островов при строительстве дома очень боятся всадить столб вверх ногами: ведь остающемуся в древесине духу леса, вполне естественно, такое оскорбление не пришлось бы по вкусу, и он поразил бы жителей дома болезнью. Кайяны с острова Борнео держатся мнения, что духи деревьев очень бдительно стоят на страже своей чести и выражают людям свое неудовольствие за любой нанесенный им ущерб. Поэтому после постройки дома, в процессе которой они волей-неволей дурно обошлись со многими деревьями, люди этой народности в течение года предаются покаянию; в этот период они, в частности, не охотятся на медведей, тигровых кошек и змей.

Благодетельные способности духов деревьев.

Когда в деревьях стали видеть уже не тело древесного духа, а только его жилище, которое дух волен покинуть, был сделан значительный шаг вперед в религиозном мышлении. Анимизм[1] превраща-

[1] Анимизм (от лат. *anita* — душа, дух) — одна из древнейших форм верований, вера в то, что во всех предметах и явлениях заключена таинственная душа, управляющая ими.

162

ется при этом в политеизм[1]. Вместо того чтобы рассматривать дерево как живое и сознательное существо, человек теперь видит в нем инертную, безжизненную массу, в которую на более или менее длительное время вселяется сверхъестественное существо. Будучи в состоянии свободно перемещаться от дерева к дереву, оно обладает в силу этого правом собственности или владения на все деревья и, перестав быть древесным духом, становится лесным богом. Коль скоро древесный дух отделяется таким путем от отдельного дерева, облик его начинает меняться и в соответствии с особенностями ранних форм мышления — заключать абстрактные духовные сущности в конкретную человеческую оболочку — он принимает форму человеческого тела. Поэтому лесные божества в классическом искусстве изображаются в образах людей, а на их принадлежность к лесной флоре указывает ветвь или какой-нибудь другой недвусмысленный символ. Но это изменение формы не затрагивает сущности духа дерева. В качестве бога деревьев он продолжает пользоваться той же властью, какой он располагал в качестве вселившегося в дерево духа. Остановимся на этом подробнее. Покажем, во-первых, что деревья, принимаемые за одушевленные существа, наделяются способностью вызывать дождь, сияние солнца, размножение

стад, посылать женщинам легкое разрешение от бремени, а во-вторых, что те же самые способности приписываются богам деревьев, нашедшим воплощение в живых людях, то есть антропоморфным.

Прежде всего деревья или духи деревьев дают дождь и солнечный свет. Когда миссионер Иероним Пражский (ок. 1380 — 1416) стал убеждать язычников-литовцев вырубить свои священные рощи, толпа женщин умоляла короля Литвы его остановить: разрушая леса, уверяли женщины, он разрушает дом божий, который ниспосылал народу дождь и свет солнца. Мундари из Ассама полагают, что, если срубить дерево в священной роще, лесные боги обнаружат свое неудовольствие тем, что откажут людям в дожде. Для того чтобы обеспечить Дождь, жители селения Монио Сагайнгской области (Верхняя Бирма) находили рядом с селением самое большое тамариндовое дерево и провозглашали его обиталищем духа дождя *(нат).*

[1] Политеизм — многобожие, поклонение множеству богов, в иерархии которых находили отражение общественные отношения людей.

163

Затем они приносили в жертву духу — хранителю селения и духу, дарующему дождь, хлеб, кокосовые орехи, плоды платана и домашнюю птицу с молитвой: «О дух нат! Сжалься над бедными смертными и не удерживай дождь. Как мы с охотой совершаем в твою честь жертвы, пусть и дождь обильно падает день и ночь». После этого совершали возлияние в честь духа тамариндового дерева, и три пожилые женщины в красивых одеждах с ожерельями и серьгами запевали Песнь дождя.

Каждое селение у мундари имеет свою священную рощу; «божества рощи считаются ответственными за урожай, на всех больших земледельческих праздниках им воздают особые почести». Негры с Золотого Берега имеют обычай приносить жертвы у подножия высоких деревьев и полагают, что, если свалить одно из них, земля вообще не будет больше плодоносить. Галласы парами танцуют вокруг священных деревьев, молясь о ниспослании хорошего урожая. Пару составляют мужчина и женщина, соединенные при помощи палки, которую они держат за противоположные концы. Под мышками у них трава, или зеленые колосья. Шведские крестьяне втыкают зеленую ветвь в каждую борозду на пашне в уверенности, что это обеспечит обильный урожай. Та же мысль налицо в немецком и французском обычае Жатвенного мая. Так называется большая ветвь или целое дерево, украшенное хлебными колосьями. Его привозят осенью с поля жатвы на последней телеге и до следующего года укрепляют на крыше крестьянского дома или амбара. Маннхардт[1] доказал, что эта ветвь или дерево символизируют древесного духа, понятого как дух растительности вообще, дух, чье животворящее и оплодотворяющее воздействие распространяется, в частности, на злаки. Поэтому осенью в Швабии ветвь Жатвенного мая укрепляют среди последних стеблей злаков, оставленных стоять в поле; в других местах ее высаживают в поле и прикрепляют к ее стволу последний срезанный сноп.

Дух дерева делает плодовитым скот и наделяет потомством женщин. *Emblica officinalis* является в Северной Индии священным деревом. Одиннадцатого числа месяца фалгуна (февраля) у подножия этого дерева совершаются возлияния; к нему обращаются с молитвами о плодородии женщин, животных и посевов. Равным образом к числу наиболее священных плодов принадлежат в Северной Индии кокосовые ore-

[1] Маннхардт В. (1831 — 1880) — немецкий фольклорист.

164

хи: их называют шрифала, то есть плоды богини плодородия Шри. Кокос является символом плодородия; жрецы во всей Верхней Индии хранят его в святилище и дают желающим забеременеть женщинам. Неподалеку от Старого Калабара в городе Ква произрастала некогда пальма: по поверью, отведав ее орехов, могла понести любая бесплодная женщина. В Европе, по всей вероятности, считалось, что подобное же влияние на женщин и на скот оказывает Майское дерево и Майский шест. Первого мая в некоторых областях Германии крестьяне устанавливали Майские деревья или Майские кусты у дверей коровников и конюшен, по одному на каждую корову и лошадь; считалось, что от этого у коров будет больше молока. Об ирландских крестьянах известно, что «они воображают, что если на Майский праздник привязать к дому зеленую ветвь, то этим летом молоко польется в изобилии».

У части вендов[1] некогда было принято второго июля устанавливать посреди деревни дуб, к вершине которого был прикреплен железный флюгер. Вокруг дуба танцевали и гоняли скот, чтобы он лучше размножался. Черкесы считают покровителем скота грушевое дерево. Они срезают в лесу молодую грушу, очищают ее от ветвей и приносят домой, где поклоняются ей как божеству.

Такая груша есть почти в каждом доме. В день осеннего праздника дерево с большой торжественностью, под звуки музыки и радостные восклицания всех обитателей, которые поздравляют его с благополучным прибытием, вносится в дом. Грушу украшают свечами, а к вершине прикрепляют головку сыра. Вокруг нее едят, пьют и поют песни. Затем груше желают доброй ночи и снова выносят ее во двор, где, придвинутая к стене, она простаивает остаток года, не получая никаких знаков внимания.

Племя тухоэ, входящее в состав народа маори, «приписывает деревьям способность делать женщин плодовитыми. Эти деревья ассоциируются с пуповинами неких мифических предков, и до самого последнего времени на них, как правило, развешивали пуповины всех детей. Стоило бесплодной женщине обнять руками ствол такого дерева, и она зачинала мальчика или девочку (в зависимости от того, обняла ли она дере-

[1] Венды — прежнее название лужицких сербов (лужичан), живущих по реке Шпрее (Германия), — остаток средневекового славянского населения бассейна Эльбы (полабских славян).

165

во с восточной или с западной стороны)». Возможно, что обычай сажать на Майский праздник зеленый куст у дома возлюбленной, распространенный в Европе, берет свое начало в поверье об оплодотворяющей способности древесного духа. В некоторых частях Баварии такие кусты ставят у домов новобрачных; куст стоит до тех пор, пока молодая жена не забеременеет. В таких случаях говорят, что муж «сам для себя посадил Майский куст». У южных славян бесплодная женщина, желающая иметь ребенка, в канун дня святого Георгия вешает на плодородное дерево новую сорочку. На следующее утро она до восхода солнца тщательно осматривает сорочку, и, если оказывается, что по ней проползло какое-то живое существо, женщина питает надежду, что в течение года желание ее исполнится. Она надевает на себя сорочку, будучи уверена, что станет столь же плодовитой, как дерево, на котором провела ночь эта часть ее туалета. У кара-киргизов[1], чтобы зачать ребенка, бесплодная женщина катается по земле под одинокой яблоней. Наконец, в Швеции и Африке деревьям приписывается способность даровать женщинам легкие роды. В некоторых районах Швеции рядом с каждым хутором когда-то стояло дерево-хранитель (липа, ясень или вяз). Со священного дерева нельзя было срывать ни единого листа; любой нанесенный ему ущерб карался несчастьем или болезнью. У некоторых конголезских племен беременные женщины изготовляли себе одежду из коры некоего священного дерева в уверенности, что это дерево освободит их от связанных с родами опасностей. Предание о Латоне, которая, готовясь произвести на свет божественных близнецов Аполлона и Артемиду, обнимала пальмовое и оливковое дерево или два лавра, возможно, указывает на существование аналогичного верования у греков.

Глава X. ПЕРЕЖИТКИ КУЛЬТА ДЕРЕВЬЕВ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

Вышеприведенного перечня благотворных свойств, приписываемых духам деревьев, достаточно, чтобы понять, почему на народных праздниках европейских крестьян такие обы-

[1] Кара-киргизы — прежнее название киргизов.

166

чаи, как посадка Майского дерева, имели столь широкое распространение и играли столь значительную роль. Во многих частях Европы бытовал и продолжает бытовать обычай весной, ранним летом или даже на Иванов день направляться в леса, срубать дерево и приносить его в деревню, где оно устанавливалось при всеобщем ликовании, или срезать в лесу ветви и украшать ими каждый дом. Эти обычаи направлены на то, чтобы привлечь к каждой деревне и к каждому дому благодеяния, находящиеся во власти духа дерева.

Сэр Генри Пирс в написанном в 1682 году «Описании Вест-мета» рассказывает: «В канун Праздника мая каждая семья ставит перед дверью дома зеленый куст, усыпанный желтыми цветами, которые в изобилии растут на лугах. Там, где леса много, воздвигают высокие стройные деревья, и те стоят перед домами почти целый год. Чужеземец может легко вообразить, что это вывески торговцев пивом и что все дома являются пивными». В графстве Нортгемптон на Майский праздник перед каждым домом сажали дерево трех-четырех метров высотой так, чтобы казалось, что оно там растет; дерево и место рядом с дверью усыпали цветами. «К древним обычаям, сохранившимся до наших дней в графстве Корнуэльс, принадлежит обычай убирать на 1 мая двери и крыльцо зелеными ветками сикомора и боярышника и сажать перед домом деревья, точнее, обрубки деревьев». Когда-то на севере Англии в канун 1 мая молодые люди вставали после полуночи и под трубные звуки рожков отправлялись в лес, где они отламывали ветки и украшали их цветами и венками. С восходом солнца молодые люди возвращались и привязывали к дверям и окнам своих домов украшенные цветами ветви. В Эбингтоне (графство Беркшир) молодежь когда-то первомайским утром разгуливала с пением веселой песенки, в которой имелись два следующих куплета:

Бродили мы всю ночь, всю ночь
И захватив часть дня,
Но вот вернулись мы назад,
Венок цветов неся.
Венок вам радостный кладем
Рядом с дверьми на луг,
Тот распустившийся побег,
Творенье Божьих рук.

В городах Саффрон-Вальден и Дебден в графстве Эссекс мая маленькие девочки стайками снуют от дома к дому, напе-

167

вая песню, сходную с приведенной выше, и неся в руках гирлянды цветов. В кольцо каждого венка обычно сажали одетую в белое куклу. Подобные обычаи соблюдались и все еще соблюдаются в различных частях Англии. Гирлянды обычно изготовляли в виде обручей, пересекающихся под прямым углом. Обручи, перевитые рябиной и болотной калужницей с подвешенными к ним двумя шарами, видимо, до сих пор носят на Майский праздник крестьяне в некоторых частях Ирландии. Сообщают, что первоначально шары — иногда их оклеивали золотой и серебряной бумагой — изображали солнце и луну.

В некоторых селениях в Вогезских горах группки молоденьких девушек ходят в первое воскресенье мая от дома к дому, распевая хвалебную песню, где упоминается о «хлебе и муке, которые всходят в мае». Если девушкам дают деньги, они привязывают к двери зеленую ветвь; в противном случае они желают семье много детей и мало хлеба на их пропитание. В департаменте Майенн (Франция) юноши, которых называли *Maillotins,* на 1 мая обычно разгуливали от фермы к ферме с пением веселых песен, за что их угощали вином и снабжали деньгами; они же сажали небольшое деревце или ветку. В окрестностях города Саверна в Эльзасе люди расхаживают группами с Майскими деревьями в руках. Один из участников одет в белую рубаху, а лицо его вымазано в черный цвет, впереди него несут большое Майское дерево, а каждый участник процессии несет еще по маленькому деревцу. Другой человек несет огромную корзину, в которую собирает яйца, копченую свиную грудинку и т. д.

В последний четверг перед праздником Троицы русские крестьяне отправляются в лес, поют песни, сплетают венки и срубают молодую березу, которую обряжают в женское платье и

украшают разноцветными лентами и лоскутками. После этого начинается праздник, а наряженную березу с радостными песнями и плясками приносят в родную деревню и устанавливают в одном из домов, где дерево в качестве желанного гостя остается до Троицы. В следующие два дня крестьяне посещают дом, в котором находится их «гость», а на третий, Троицын день они несут дерево к реке и бросают его, а вслед за ним и украшения в воду. Обряжение березы в женскую одежду в этом русском обычае показывает, насколько дерево подвергается персонификации; в реке же его топят, вероятнее всего, с целью вызвать дождь.

168

Накануне Праздника мая парни в некоторых частях Швеции разгуливают по деревне, в руках у каждого из них — связка свежих березовых веток, частично или полностью покрытых листьями. Процессия во главе с деревенским скрипачом с пением майских песен обходит все дома; припевом к ним служит молитва о хорошей погоде, обильном урожае, о земном и небесном счастье. Один из парней несет корзину, в которую собирает подаренные яйца и другие продукты. В случае радушного приема они прикрепляют ветку с листьями на крышу дома прямо над дверью. Но, как правило, такие обряды справляются в Швеции в середине лета. Накануне Иванова дня (23 июня) дома тщательно вычищаются и украшаются зелеными ветвями и цветами. В дверном проеме и по всему участку ставятся молодые елки, а в саду из зелени сооружаются небольшие тенистые беседки. В Стокгольме в этот день работает рынок, на котором выставляются на продажу тысячи Майских деревьев высотой от сорока сантиметров до пяти метров, украшенных листьями, цветами, листками разноцветной бумаги, позолоченной яичной скорлупой и т. д. На холмах загораются костры, люди танцуют вокруг них и через них перепрыгивают. Но главным событием дня является установка Майского дерева. Оно представляет собой высокую прямую ель с обрубленными боковыми ветками. «К дереву прикрепляются крест-накрест обручи и деревянные бруски или приделываются дуги так, что оно становится похожим на, так сказать, подбоченившегося человека. Не только сама *Mai Strang* (Майский столб) от основания до вершины, но и обручи, дуги и все прочее украшены листьями, цветами, кусками тканей, позолоченной яичной скорлупой и т. д.; на вершине ели укрепляется большой флюгер или флаг». Воздвижение Майского дерева, украшения для которого изготовляют деревенские девушки, совершается с большой торжественностью: со всех сторон к нему стекаются люди, образуя огромное кольцо танцующих. Такие же обычаи соблюдались в некоторых частях Германии. Так, в горах Верхнего Гарца на открытых местах устанавливались высокие ели с ободранной снизу корой, украшенные цветами. Днем вокруг этих елей танцевала молодежь, а вечером — старики. В некоторых частях Богемии Майская жердь или Летнее дерево водружается на Иванов День. Парни приносят из леса высокую ель или сосну и устанавливают ее на возвышении, а девушки обряжают ее букета-

169

ми цветов, гирляндами и красными лентами. По окончании праздника дерево сжигается.

Нет нужды подкреплять обычаи воздвижения в Праздник мая Майского дерева или Майского столба многочисленными примерами — он был распространен в Англии, Франции, Германии и в других частях Европы. Достаточно привести несколько примеров. Пуританский писатель Филипп Стаббс в своей книге «Анатомия злоупотреблений», впервые опубликованной в Лондоне в 1583 году, с явным отвращением описывает то, как этот обычай соблюдался во время правления доброй королевы Елизаветы. Его повествование доносит до нас живое эхо веселой старой Англии. «В Майский праздник, на Троицу или в другое время все молодые люди, девушки, пожилые люди и их жены отправляются ночью в леса, в рощи, в горы и на холмы, где всю ночь проводят в приятных забавах. А утром они возвращаются, принося с собой для украшений своих сборищ березу и ветки деревьев. Тут нечему удивляться, потому что с ними пребывает и присматривает за их развлечениями и забавами великий правитель; это — князь ада Сатана. Но величайшее сокровище, которое они приносят с собой, — это Майское дерево: они с великим почтением вносят его в деревню. Двадцать или сорок пар быков (концы их рогов перевязаны букетами цветов) втаскивают Майское дерево, этого смердящего идола, увитого цветами и травами, перевязанного от основания до вершины веревками, а иногда разукрашенного разными цветами, за ним с великим благоговением следуют сотни две-три мужчин, женщин и детей. Воздвигнув это дерево с развевающимися платками и флагами, они покрывают землю вокруг соломой, обвязывают вокруг него зеленые ветви, а рядом с ним строят летние домики и беседки. А потом они начинают плясать вокруг него, как язычники при освящении идолов, которых они берут за образец. Я слышал от людей весьма почтенных и заслуживающих доверия, что едва ли одна треть

из ушедших в лес сорока, шестидесяти или ста девушек возвращалась домой столь же целомудренной».

На 1 мая крестьяне в Швабии вносили, устанавливали и убирали лентами высокую ель. Затем вокруг нее весело плясали под звуки музыки. Дерево целый год оставалось стоять на зеленой лужайке, пока на следующий Майский праздник вместо него не приносили новое дерево. Жители Саксонии

170

«не удовлетворялись тем, что приносили лето в деревню символически (то есть в качестве короля или королевы); кроме того, они приносили в дома свежую лесную зелень, Майские или Троицыны деревья, которые упоминаются в документах начиная с XIII столетия. Внесение Майского дерева было праздником. Люди уходили в лес на поиски Мая *(majum guaererc),* приносили молодые деревца — преимущественно еловые и березовые — в деревню и ставили их перед дверями домов, хлевов или в комнатах. Как мы уже сказали, молодые люди сажали Майские деревья перед горницами своих возлюбленных. Кроме домашних Майских деревьев в деревню в сопровождении торжественной процессии вносилось большое Майское дерево или Майский столб. Устанавливалось оно посреди деревни или на рыночной площади города. Дерево выбирали всей общиной, присматривали за ним тщательнейшим образом. Все ветви или листья с него обычно обрывали, оставлялась только верхушка, на которую, в дополнение к разноцветным лентам и тканям, вешали колбасы, пироги и яйца. Молодежь изо всех сил старалась завоевать эти награды. Вымазанные жиром столбы, которые все еще встречаются на наших ярмарках, являются пережитками этих Майских столбов прошлого. На Майский праздник и на Троицу нередко устраивались соревнования в беге к этому дереву и скачки на конях. Со временем эти развлечения лишились своей первоначальной цели и во многих частях Германии дожили до наших дней как народные обычаи». В Бордо на Праздник 1 мая мальчики воздвигали на каждой улице Майское дерево, которое украшалось гирляндами и большой короной. На протяжении целого месяца юноши и девушки каждый вечер с пением танцевали вокруг этих деревьев. До настоящего времени Майские деревья, одетые лентами и цветами, устанавливаются на Майский праздник в селениях и деревушках веселого Прованса. Под ними веселится молодежь и отдыхают старики.

Во всех этих случаях по обычаю вносят (или вносили) каждый год новое Майское дерево. Но в Англии, по крайней мере в позднейшее время, как правило, встречался постоянный Майский столб, который каждый год не обновлялся. В селениях Верхней Баварии Майское дерево обновляется раз в три, четыре или пять лет. Майским деревом является ель; важной частью ее украшений — венков, флагов и надписей —

171

является пучок темно-зеленой хвои, оставленный на вершине «в напоминание о том, что перед нами не мертвая жердь, а живое дерево из леса». Очевидно, первоначально Майское дерево повсеместно устанавливалось каждый год заново. Целью этого обычая было внесение только что пробудившегося, оплодотворяющего духа растительности; она не была бы достигнута, если бы вместо полного сил зеленеющего дерева из года в год воздвигалось (или возвышалось постоянно) старое иссохшее дерево. Когда смысл этого обряда был предан забвению, в Майском дереве стали видеть простой центр праздничного веселья. Теперь не для чего стало каждый год срубать новое дерево, люди предпочли оставлять одно и то же дерево постоянно и лишь одевали его на Праздник мая свежими цветами. Но даже когда Майский столб стал постоянным, необходимость придать ему вид не мертвого столба, а живого дерева продолжала ощущаться. В Уеверхеме, в графстве Чешир, «имеются два Майских дерева, которые в этот день (1 мая) украшают с соблюдением всех требований древнего торжественного ритуала: по бокам их увешивают гирляндами, а вершины увенчиваются березой или другим высоким, стройным деревцем с листьями. Так как кору с него сдирают, а ствол соединяют со стволом Майского дерева, возникает иллюзия того, что это одно дерево». С обновлением Майского дерева дело обстоит так же, как и с обновлением Жатвенного мая; они ставятся для того, чтобы обеспечить растительности свежую порцию оплодотворяющего духа и сохранить его на протяжении года. Но в то время как «воздействие» Жатвенного мая ограничивается посевами, Майское дерево, как мы видели, распространяет свое влияние на женщин и скот. Иногда старое Майское дерево в конце года сжигают. Так, в Пражской области молодые люди отламывают от Майского дерева куски и кладут их в комнатах за иконы, где они остаются до следующего Майского праздника, после чего сжигаются в домашнем очаге. В Вюртемберге кусты, которые ставят перед домами в Вербное воскресенье, иногда хранятся в течение года, а затем сжигаются.

Вот и все, что можно сказать о воплощенных в дереве духах. Теперь нам предстоит показать, что часто древесный дух мыслится независимо от дерева, в человеческом образе, в образах живых мужчин или женщин. Примеры такого антропоморфного представления о духе дерева можно в большом

172

количестве почерпнуть из народных обычаев европейского крестьянства.

В некоторых — очень поучительных для нас — случаях дух дерева выступает одновременно в растительной и человеческой форме, обе формы соседствуют как бы с целью объяснить друг друга. Человеческая ипостась духа дерева представлена в таких случаях то куклой, то живым человеком; но в обоих случаях их ставят рядом с деревом или кустом, так что они составляют с ними нечто вроде надписи на двух языках, одна часто является, так сказать, переводом другой. Поэтому не подлежит сомнению, что дух дерева действительно выступает в человеческой форме. Так, в Богемии в четвертое воскресенье Великого поста молодежь бросает в воду куклу по кличке Смерть. Затем девушки идут в лес, срезают там молодое деревце и привязывают к нему куклу, одетую в белые одежды. С этим деревом и куклой они ходят от дома к дому, собирая добровольные подношения и напевая песню со следующим припевом:

Мы Смерть выносим из деревни И вносим Лето мы в нее.

Как выяснится в дальнейшем, Летом зовется здесь оживающий весной дух растительности. В некоторых областях нашей родины (Англии) дети, прося копеечку, расхаживают с миниатюрными статуэтками Майских деревьев и с одетой в красивое платье куклой, которую они зовут Госпожа Мая. В таких случаях дерево явно отождествляется с куклой.

В Эльзасе девушка в белом, которую называют Майская Розочка, несет Майское деревце, украшенное гирляндами и лентами. Ее подруги собирают у каждой двери подарки, напевая песенку такого содержания:

Майская Розочка, три раза повернись, Чтоб видеть нам тебя со всех сторон! О, Роза Майская, иди в зеленый лес, Дай радость нам. И мы от Мая к розам перейдем.

Тем, кто ничего не подает, желают, чтобы куницы съели всех кур, чтобы в винограднике не налились гроздья, дерево не дало орехов, поле — хлеба. Считается, что годовой урожай зависит от ценности подарков, преподнесенных майским

173

певицам. Смысл этого и других такого рода обычаев, когда дети с зелеными кустами или гирляндами расхаживают на Майский праздник, распевая песни и собирая деньги, заключается в том, что вместе с духом растительности они приносят в дом изобилие и счастье и ожидают, что за эту услугу им заплатят. На 1 мая в русской Литве перед входом в деревню обычно устанавливалось зеленое дерево. Затем деревенские парни выбирали самую красивую девушку, увенчивали ее, украшали березовыми ветвями и ставили рядом с Майским деревом. Потом они танцевали, пели и кричали: «О, Май! О, Май!» В Бри (Иль-де-Франс) Майское дерево возвышается посреди деревни, вершина его увенчана цветами, ниже оно оплетено листьями и ветками, а еще ниже — громадными зелеными ветвями. Девушки танцуют вокруг него в то время, как к дереву подводят задрапированного в листья парня по прозвищу Батюшка Май. В небольших городках в горах Франконского леса (Северная Бавария) 2-го мая перед таверной воздвигают дерево *Walber.* Вокруг него танцует человек, с головы до ног завернутый в солому так, что хлебные колосья в форме короны соединяются у него над головой. Его также зовут *Walber* и несут в сопровождении процессии по улицам, убранным березовыми побегами.

В день святого Георгия (23 апреля) у славян Каринтии молодежь покрывает цветами и гирляндами дерево, которое было повалено накануне праздника. Потом дерево несут в сопровождении процессии под музыку и радостные восклицания. Главным участником процессии является Зеленый Георгий, молодой парень, с головы до ног одетый зелеными березовыми ветками. По окончании обрядов чучело Зеленого Георгия бросают в воду. В задачу парня, который играет роль Зеленого Георгия, входит выбраться из лиственной оболочки и подсунуть вместо себя чучело так ловко, чтобы никто не заметил подмены. Однако в некоторых местах в воду окунают самого парня, который разыгрывает роль Зеленого Георгия, с явным намерением вызвать тем самым дождь и заставить поля и луга зазеленеть летом. А кое-где венками убирают домашний скот и выгоняют его из стойл под аккомпанемент песни:

А мы Георгия несем, Зеленого сопровождаем. Пусть даст стадам он нашим корм; Не то его мы бросим в воду.

174

На этом примере мы видим, что способность вызывать дождь и вскармливать скот, которая

приписывается духу, пребывающему в дереве, равным образом приписывается и духу дерева в образе живого человека.

У цыган Трансильвании и Румынии праздник Зеленого Георгия является главным весенним празднеством. Часть из них справляет его в пасхальный понедельник, другие — в день святого Георгия (23 апреля). Накануне праздника срубается молодая ива. Ее убирают гирляндами, листьями и устанавливают на. земле. Беременные женщины кладут под дерево одно из своих платьев и оставляют его там на ночь; если на следующее утро они обнаруживают на нем лист дерева, то не сомневаются в легком протекании родов. Люди больные и старые вечером приходят к дереву, трижды плюют на него и говорят: «Ты скоро умрешь, а нам дай пожить». На следующее утро около ивы собираются цыгане. Главным действующим лицом праздника является Зеленый Георгий, парень, который с головы до ног укутан зелеными листьями и цветами. Он кидает несколько горстей травы скоту, чтобы в течение всего года у него не было недостатка в фураже. Затем он берет три железных гвоздя, пролежавших в воде три дня и три ночи, вбивает их в ствол ивы, после чего вырывает их и бросает в бегущий поток с целью умилостивить водных духов. Наконец, инсценируют окунание Зеленого Георгия, хотя на самом деле в поток окунают всего лишь куклу из веток и листьев. В этом примере способность ниспосылать легкие роды и передавать больным. и старым жизненную энергию явным образом приписывается иве, тогда как человеческий двойник дерева (Зеленый Георгий) дарует корм скоту и может снискать благосклонность водных духов, приводя их в опосредствованную связь с деревом.

Суммируем достигнутые выше результаты словами Маннхардта: «Рассмотренных обычаев достаточно для того, чтобы с уверенностью заключить, что в этих весенних процессиях дух растительности нередко представлен, в дополнение к Майскому дереву, мужчиной, одетым зелеными листьями и цветами, или убранной ими же девушкой. Тот же самый дух, который одушевляет дерево, проявляется и в низших видах растений и встречается в виде Майского и Жатвенного деревьев. Вполне последовательно предположить, что дух этот заявляет о себе в первом весеннем цветке и находит олицетворе-

175

ние как в девушке, изображающей Майскую Розу, так и в облике *Walber'a,* дарующего хороший урожай. Считалось, что процессия с представителем божества оказывает на домашнюю птицу, плодовые деревья и посевы такое же благодетельное влияние, как и присутствие самого божества. Другими словами, в актере видели не простое отражение, а действительного представителя духа растительности, потому-то люди, сопровождавшие Майскую Розу и Майское дерево, выражали желание, чтобы те, кто отказываются одарить их яйцами, копченой свиной грудинкой и т. д., не получили своей доли в благодеяниях, распределение которых находится в руках странствующего духа. Можно сделать вывод, что эти процессии просителей с Майскими деревьями или Майскими кустами («приносящими Май или Лето») первоначально повсеместно имели важное и, так сказать, сакраментальное предназначение; люди действительно верили в то, что бог изобилия незримо присутствовал в кусте и что, поднося его к дому, процессия приносила ему счастье. Сами названия, которые давали антропоморфным духам растительнести, — Май, Батюшка Май, Майская Госпожа, Королева Мая, — показывают, что представление о духе растительности незаметно переходит в аллегорию времени года, в которой способности этого духа проявляются особенно ярко».

Дух дерева или дух растительности вообще, как мы видели, представлен либо только растением (деревом, кустом или цветком), либо одновременно растением и человеком (то есть деревом, кустом или цветком в сочетании с куклой или живым человеком). Остается продемонстрировать на примерах, как изображение духа в виде дерева, куста или цветка иногда полностью опускается, и в качестве его единоличного представителя остается живой человек. В таком случае репрезентативность человека подчеркивается тем, что его (или ее) одевают листьями или цветами; иногда это находит отражение в даваемых им именах.

В некоторых областях России в день святого Егория (23 апреля) листьями и цветами одевают юношу (аналога нашего Зеленого Джека), У словенцев он называется Зеленым Юрием. Держа в одной руке зажженный факел, а в другой — пирог, он в сопровождении девушек, которые поют подходящие к случаю песни, отправляется в хлебные поля. Затем поджигают хворост, разложенный в виде кольца, в середине

176

которого ставится пирог. Зеленый Юрий у словенцев, одетый листьями и цветами, явно тождественен убранному подобным же образом Зеленому Георгию, который в аналогичных ка-

ринтийских, трансильванских и румынских обрядах выступает вкупе с деревом. Мы также видели, что в России на Троицу береза убирается в женскую одежду и устанавливается в доме. Сходный обычай соблюдается русскими девушками Пинской области в Духов день. Они выбирают самую красивую девушку, одевают ее кленовой и березовой листвой и носят по всей деревне.

Как только весной деревья покрываются зеленью, дети в Руле в воскресенье собираются и идут в лес, где выбирают одного из своих товарищей на роль Лиственного Человечка. Дети обрывают с деревьев ветки и обвивают ими Лиственного Человечка до тех пор, пока из-под лиственной мантии остаются видны одни башмаки. В листьях проделываются дырочки для глаз; Лиственного Человечка ведут двое детей, чтобы тот не споткнулся и не упал. С пением и танцами они водят его от дома к дому, прося в подарок яйца, сливки, колбасу и лепешки. В заключение они обрызгивают Лиственного Человечка водой, а из собранных съестных припасов устраивают пиршество. В городке Фрикталь в Швейцарии мальчики на Троицу отправляются в лес и пеленают одного из них ветками с листьями. Ему дают имя Троицкий Увалень и, посадив его с зеленой веткой в руке на спину лошади, возвращаются в деревню. Компания делает привал у деревенского колодца и, стащив одетого листьями Увальня с лошади, окунает его в колодец. Теперь Увалень приобретает право брызгать водой на кого угодно и пользуется им особенно часто в отношении девушек и уличных мальчишек. Целая толпа этих пострелят марширует перед ним, упрашивая его сделать им троицыно опрыскивание.

Наиболее известным английским вариантом одетых листьями фигляров является Зеленый Джек, трубочист, который путешествует в пирамидальной формы плетенке, покрытой падубом и плющом, увенчанной короной из цветов и лент. В таком наряде он вытанцовывает во главе целого отряда трубочистов, которые собирают мелкие монеты. Такая же плетенка во Фриктале называется корзиной Троицы. Как только деревья покрываются почками, деревенские парни выбирают место в лесу и в строгой тайне, чтобы их не опередили дру-

177

гие, изготовляют там плетенку. Ветки с листьями они оплетают вокруг двух обручей: один из них покоится на плечах носящего корзину, а другой охватывает икры ног. Проделываются дырочки для глаз и рта; все сооружение увенчивается большим букетом цветов. В таком обличье он в вечернее время неожиданно появляется в деревне; впереди него идут трое парней, дующих в рожки, сделанные из ивовой коры. Основная задача этих парней — установить корзину Троицы на деревенском колодце и удержать ее там, несмотря на все старания парней из соседних деревень унести ее и установить на колодце в своей деревне. В некоторых случаях одетый листьями человек, которого водят от дома к дому, является аналогом Майского дерева, Майского куста или Майской куклы, которую дети, выпрашивая подарки, проносят из дома в дом. В обоих случаях мы имеем дело с представителями благодетельного духа растительности, которым платят деньгами и продуктами.

Часто одетому в листья человеку, символизирующему дух растительности, присваивается титул Короля или Королевы: ее (или его) могут, к примеру, звать Майским Королем, Королем Троицы, Майской Королевой и т. д. Как замечает Маннхардт, этот титул означает, что пребывающий в растительности дух является правящим духом и его творческая способность простирается весьма далеко.

В деревне недалеко от города Зальцведеля на Троицу устанавливается Майское дерево, и к нему наперегонки бегут мальчики: королем становится тот, кто прибежит первым. Вокруг его шеи развевается цветочная гирлянда, а в руке он несет Майский куст, которым он по мере продвижения процессии смахивает росу (с деревьев). У каждого дома они поют песню с пожеланием счастья его обитателям. В ней упоминается о «черной корове в стойле, дающей белое молоко, черной курице на насесте, кладущей белые яйца», и содержится просьба о подарках в виде яиц, копченой свиной грудинки и т. д. В селении Эльготт в Силезии на Троицу справляется обряд под названием Королевские бега. На лугу устанавливается столб с привязанной к нему тряпкой, и молодые люди скачут мимо него на лошадях, стараясь на всем скаку сорвать эту тряпку. Победителем провозглашается тот, кому удастся ее унести и окунуть в находящуюся поблизости реку Одер. Столб здесь явно является суррогатом Майского дерева. В некоторых се-

178

лениях Брауншвейга на Троицу Майского Короля с ног до головы укутывают листвой Майского куста.

Майского Короля выбирают и в некоторых областях Тюрингии, но одет он там совсем по-другому: строится деревянный каркас, внутри которого может стоя уместиться человек; его

полностью покрывают березовыми листьями и увенчивают короной из березовых веток и цветов, к которой привязывается колокольчик. Каркас этот стоит в лесу, и в него забирается Майский Король. Остальные жители отправляются на его поиски, а когда находят, то возвращаются обратно в деревню и подводят его к мировому судье, священнику и другим лицам, которые должны опознать, кто скрывается в зеленом каркасе. Если они не отгадывают, то Майский Король трясет головой, и колокольчик звенит; неудачливый отгадчик должен уплатить штраф пивом или чем-то в этом роде. В городе Варштедте на Троицу юноши по жребию выбирают короля и главного распорядителя. Этого последнего с головы до ног убирают листьями Майского дерева, надевают на него оплетенную цветами деревянную корону и вручают ему деревянную саблю. Короля, напротив, можно отличить только по букету цветов на его шляпе и по камышу в каждой руке, обвязанному красной лентой. Хозяева всех домов обязаны давать им яйца, в противном случае им угрожают тем, что весь год их куры не будут нестись. В этом обряде главный распорядитель почему-то узурпирует королевские знаки отличия. В Гильдесгейме в полдень на Духов день пять или шесть молодых парней расхаживают по домам, мерно щелкая кнутами и собирая яйца. Главным действующим лицом в этой группе является Король Листьев, парень, закутанный в березовые ветви так, что были видны лишь его ноги. Огромных размеров головной убор из березовых прутьев заставляет его казаться выше. В руке он держит длинный крюк, которым норовит поймать детей и собак. На Духов день в некоторых областях Богемии молодые парни маскируются высоким, украшенным цветами колпаком из коры березы. Одного из них одевают королем и на санях тащат на зеленую лужайку; если по пути проезжают мимо пруда, сани неизменно переворачиваются. По прибытии на лужайку все собираются вокруг Короля. Глашатай взбирается на валун или вскарабкивается на дерево и декламирует злые пасквили на всех обитателей деревни. После этого парни срывают с себя маски из коры и

179

разгуливают по деревне в праздничном наряде, неся Майское дерево и прося подарки. Им иногда дают лепешки, яйца и зерно.

В селении Гроссваргула близ города Лангензальца в XVIII столетии на Троицу обычно в сопровождении толпы водили Травяного Короля. На него надевали пирамиду из веток тополя, вершина которой украшалась королевской короной из ветвей и цветов. В надетой на него пирамиде из листьев, в которой оставлялось только отверстие для лица, он садился на коня и, окруженный кавалькадой молодых парней, скакал к ратуше, дому приходского священника и т. д., где всех угощали пивом. Затем под семью липами соседнего городка Зоммерберга Травяной Король сбрасывал с себя лиственную оболочку; корона вручалась мэру, а ветви втыкались в полях, где рос лен, чтобы тот поднялся как можно выше. В этой последней детали находит свое выражение оплодотворяющее влияние, приписываемое представителю древесного духа. По соседству с городом Пльзенем (Богемия) на Троицу посреди деревни из зеленых ветвей возводится коническая хижина без единой двери. К ней скачет отряд деревенских парней во главе с Королем. На боку у него сабля, а на голове шляпа из тростника с конусообразной тульей. В его свите состоят судья, глашатай и персонаж по прозвищу Лягушачий Живодер или Палач. Этот последний представляет собой одетого в лохмотья шута, погоняющего жалкого вида клячу, имеющего при себе старую ржавую саблю. По прибытии к хижине глашатай спешивается и обходит хижину в поисках двери. Не найдя ее, он говорит: «О, да это, вероятно, заколдованный замок. Ведь ведьмы вползают сквозь листья и в двери не нуждаются». В конце концов он обнажает саблю и ею прокладывает себе дорогу в хижину; там он усаживается на стул и начинает в стихах осуждать местных девушек, фермеров и их батраков. После этого вперед выступает Лягушачий Живодер и, вынув клетку с лягушками, воздвигает виселицу, на которой вешает в ряд всех лягушек. В окрестностях городка Пля обряд приобретает несколько иные черты. Король и его солдаты с головы до ног одеты корой и украшены цветами и лентами; все они имеют при себе сабли и скачут на лошадях, которые пестреют зелеными ветками и цветами. В то время как в беседке из зелени подвергаются критике деревенские девушки и дамы, глашатай тайком щиплет лягушку, пока та не принимается

180

квакать. Смертный приговор лягушке выносит сам Король. Палач обезглавливает ее и бросает ее тело зрителям. В заключение солдаты прогоняют Короля из хижины и преследуют его. Пощипывание и обезглавливание лягушки, по наблюдению Маннхардта, несомненно, является средством вызвать дождь. Мы уже сталкивались с тем, что индейские племена района реки Ориноко колотят лягушек с целью вызвать дождь, и убийство лягушки играет ту же роль в Европе.

Часто весной дух растительности представлен не Королем, а Королевой. В окрестностях города Либхович (Богемия) в четвертое воскресенье Великого поста одетые во все белое девушки с волосами, украшенными первыми весенними цветами, водят по деревне увенчанную цветами Королеву. Во время шествия, которое проходит с большой помпой, девушкам запрещается стоять на месте, они должны беспрерывно кружиться и петь. В каждом доме Королева провозглашает приход весны и желает его обитателям счастья и благополучия, за что получает подарки. Среди немецкого населения Венгрии девушки выбирают самую красивую на роль Королевы Троицы, возлагают ей на голову венок и с пением ведут по улицам. У каждого дома девушки останавливаются, поют древние баллады и принимают подарки. В Юго-Восточной Ирландии на 1 мая Королевой округа (сроком на 12 месяцев) выбирается самая красивая девушка. Ее голову увенчивают дикорастущими цветами; затем следуют пирушки, танцы и деревенские состязания, а оканчивается праздник большим шествием. В течение года Королева руководит сходками сельской молодежи, танцами и пирушками. Если же она до следующего Майского праздника выходит замуж, правлению ее наступает конец, хотя ее преемница не выбирается до следующего праздника. Выборы Майской Королевы — распространенное явление во Франции и в Англии.

Иногда дух растительности представлен Королем и Королевой, Господином и Госпожой или Женихом и Невестой. Здесь также остается в силе параллелизм между антропоморфным и растительным изображением древесного духа, потому что, как мы видели выше, и деревья иногда заключают браки между собой. В городе Голфорде в южной части графства Уорик на Праздник мая дети ходят от дома к дому, прогуливаясь парами с Королем и Королевой. Двое мальчиков несут Майский столб высотой примерно два метра, покрытый цветами и зеле-

181

пью. Рядом с вершиной к нему под прямым углом привязаны два хомута. Они также убраны цветами, и с концов их свисают украшенные обручи. Перед домами дети поют майские песни и получают деньги, которые идут на устройство послеобеденного чая в школе. В селении около Кениггретца в Богемии на Духов день дети играют в «королевскую игру»: Король и Королева расхаживают под балдахином, Королева носит гирлянду, а самая младшая из девочек таскает за ними на дощечке два венка. В сопровождении мальчиков и девочек, называемых шаферами и подружками невесты, они ходят от дома к дому, собирая подарки.

Постоянной частью народного праздника Троицы в Силезии было — и в каком-то смысле остается — состязание за королевский сан. Состязание это принимало различные формы, но его финишем, как правило, было Майское дерево или Майский столб. Иногда юношу, которому удавалось взобраться по гладкому стволу и спуститься с трофеем вниз, провозглашали Троицким Королем, а его возлюбленную — Троицкой Невестой. После этого Король с Майским кустом в руках отправлялся с остальной частью компании в пивную, где празднество заканчивалось танцами и пирушкой. Часто молодые фермеры и батраки скакали наперегонки на лошадях к Майскому дереву, украшенному цветами, лентами и короной. Тот, кто первый достигал цели, становился Королем Мая, и его приказаниям надлежало подчиняться на протяжении всего дня. Худший всадник, напротив, становился шутом. У Майского дерева все спешивались и поднимали Короля на плечи. Тот ловко влезал по столбу и спускался с Майским кустом и короной, которая была прилажена к вершине. Тем временем шут спешил к пивной и там с возможно большей скоростью приступал к заглатыванию тридцати пирожков и четырех кварт коньяку. За ним во главе компании следовал Король с Майским кустом и короной. Если к их прибытию шут успевал прикончить пирожки и коньяк и встречал Короля с приветственной речью и стаканом пива, его счет оплачивал Король. В противном случае шут должен был заплатить по счету из своего кармана. После богослужения в церкви торжественная процессия растягивалась по деревне. Во главе ее с Майским кустом скакал Король, украшенный цветами. За ним скакал шут в вывернутой наизнанку шубе, с длинной льняной бородой, в короне Троицы. За ним следовали два всадника, оде-

182

тые стражами. Процессия останавливалась перед каждой фермой: оба стража спешивались, запирали шута в доме и требовали у хозяйки денег на то, чтобы купить мыло и отмыть ему бороду. Обычай позволял им похищать любые пищевые продукты, которые не находились под замком. В последнюю очередь они приходили к дому, где жила возлюбленная Короля. Ее приветствовали как Королеву Троицы и получали соответствующие подарки, как-то: разноцветный кушак, кусок материи или передник. Король получал в качестве награды жилет, шейный платок и т. д. и имел право установить Майский куст или Троицыно дерево перед своим домом, где оно как почетный трофей и оставалось стоять до следующего года. Наконец, процессия направлялась к таверне, и

там Король с Королевой открывали танцы. Иногда Король и Королева Троицы получали свой титул другим путем. В сопровождении двух вооруженных людей, одетых стражами, на телеге на место празднества доставлялось огромное соломенное пугало с красным колпаком на голове, и над ним устраивался пародийный суд. За телегой следовала громадная толпа. После того как суд выносил соломенному пугалу смертный приговор, его привязывали к столбу на месте казни. Молодые люди с повязками на глазах пытались пронзить его копьем. Тот, кому это удавалось сделать, становился Королем, а его возлюбленная — Королевой. Соломенное пугало именовалось Голиафом.

В одном из приходов Дании бытовал обычай на Троицу наряжать маленькую девочку Троицкой Невестой, а маленького мальчика — ее Женихом. Ее наряжали как взрослую невесту, и надевали ей на голову корону из самых свежих весенних цветов. Жених же ее буквально искрился от цветов, лент и бантов. Другие дети также украшали себя желтыми цветами троллиуса и калфы. Затем они с большой торжественностью двигались от фермы к ферме. Во главе процессии шли две девочки, подруги Невесты, а впереди них галопом скакали на лошадках шесть или восемь всадников, оповещая об их приближении. Подношения в виде яиц, масла, булок, хлеба, сливок, кофе, сахара и сальных свечек дети принимали и уносили в корзинах. После того как они обходили все фермы, жены фермеров помогали им в устройстве свадебного пиршества, и дети в деревянных башмачках весело танцевали на утоптанном земляном полу до тех пор, пока не всходило солнце и птицы не начинали петь. Ныне все это ушло в прошлое. Толь-

183

ко старики еще помнят маленькую Невесту Троицы и ее игрушечную свадьбу.

Мы уже замечали, что в Швеции обряды, которые в других местах связаны с Майским праздником и Троицей, обычно справляются в середине лета (на Иванов день). Поэтому в некоторых селениях шведской провинции Блекинге до сих пор выбирают Иванову невесту, которой на время ссужается «церковная диадема». Девушка сама выбирает себе Жениха; в пользу пары, которая на время праздника считается мужем и женой, ведется сбор продуктов. Другие юноши также выбирают себе невест. Обряд этот по-прежнему справляется в Норвегии.

В окрестностях города Бриансона (департамент Дофине) на Майский праздник в зеленые листья заворачивают молодого парня, которого его возлюбленная покинула и вышла замуж за другого. Он опускается на землю и притворяется спящим, а девушка, которая любит его и хотела бы стать его женой, подходит к нему и будит спящего; поднимая его, она предлагает ему свою руку и шарф. Потом они идут в харчевню, где эта пара открывает танцы. Если в течение года они не поженятся, в них начинают видеть старого холостяка и старую деву, что закрывает им доступ в общество молодежи. Парень именуется Женихом Мая. В харчевне он снимает с себя одеяние из листьев, из которых его партнерша по танцам делает себе букет. С этим букетом на следующий день он снова приводит ее в харчевню. Сходный русский обычай соблюдается в четверг на Троицу в Нерехтинском округе. Девушки направляются в березовую рощу, обвивают поясом или лентой красивую березу, свивают ее нижние ветки венком и попарно целуются через этот венок. После этого они называют друг друга кумами. Потом вперед выступает одна из девушек; подражая пьянице, она бросается на землю, катается по траве и притворяется заснувшей крепким сном. Другая девушка пробуждает притворившуюся спящей и целует ее. Потом девушки стайкой бродят по лесу, плетут венки и бросают их в воду. По тому, что случается с плывущими по реке венками, девушки читают свою судьбу. Возможно, когда-то роль спящего в этом обряде разыгрывал парень. В этих французских и русских обычаях мы имеем дело с покинутым женихом. Следующий обычай знакомит нас с покинутой невестой. Во вторник на Масленицу словенцы из Верхней Крайны с радостными криками таскают по улицам дерев-

184

ни соломенную куклу; затем они бросают ее в воду или сжигают и по высоте пламени судят о том, будет ли обильной наступающая жатва. За этой шумной компанией следует женщина в маске, которая на веревке волочит за собой большую доску и заявляет, что она — покинутая невеста.

Пробуждение спящего человека в этих обрядах символизирует возрождение растительности весной. Что символизирует спящий? Является ли он безлиственным лесом или голой зимней землей? А пробуждающая его девушка — является ли она свежей зеленью или мягким солнечным светом? На основании приведенного материала на эти вопросы едва ли можно дать ответ.

В Горной Шотландии возрождение растительности весной нашло живое выражение в праздновании 1 февраля дня святой Бригитты. На Гебридских островах «в каждой семье хозяин и слуги берут сноп овса, наряжают его в женское платье и кладут в большую корзину, а рядом со

снопом помещают деревянную дубинку и называют все это «постелью Брииды». Затем хозяйка и слуги трижды выкрикивают: «Бриида пришла, добро пожаловать, Бриида». Проделывают они все это как раз перед отходом ко сну, а когда просыпаются утром, то роются в золе в надежде найти отпечатки дубинки Брииды. Если им это удается, они считают это верным предзнаменованием удачного года и хорошего урожая. Противоположное предзнаменование представляется им недобрым». Другой свидетель описывает тот же обычай в таких словах: «В ночь перед Сретеньем постель обычно устраивают на зерне и сене, на котором — в части дома рядом с сенями — раскладываются одеяла. Когда постель готова, кто-то выходит во двор и три раза повторяет: «Бриджета, приди, Бриджета. Твое ложе готово». Одну или несколько свечей оставляют гореть рядом с постелью на всю ночь. На острове Мэн также в канун 1 февраля в честь ирландской дамы, которая отправилась на остров Мэн, чтобы принять покрывало от святого Могхольда, когда-то устраивался праздник, который на мэнском языке[1] звался *Zaal Breechey.* Обычай заключался в том, чтобы собрать ворох зеленого тростника и, стоя с ним на пороге,

[1] Язык коренного населения острова Мэн (в Ирландском море) принадлежал к кельтской группе языков как диалект ирландского. В настоящее время почти целиком вытеснен английским.

185

пригласить святую Бригитту этой ночью прийти к ним переночевать. На мэнском наречии приглашение звучит так: *«Brede, Brede, tar gys my thie tar dy thie ayms noght Foshil jee yn dorrys da Brede, as thig da Brede e heet staigh».* Что значит: «Бригитта, Бригитта, приди ко мне в дом, приди ко мне в дом этой ночью. Отворите дверь для Бригитты, дайте Бригитте войти». После повторения этих слов на полу в виде ложа для святой Бригитты раскладывали тростник. Похожий обычай соблюдался также на некоторых островах древнего королевства Мэн. Святая Бригитта в этих мэнских и шотландских обрядах, очевидно, является древней языческой богиней плодородия, одетой в изношенный христианский клобук. Возможно, она и есть Бригитта, кельтская богиня огня и, видимо, урожая.

Часто бракосочетание духа растительности с весной, не будучи упомянуто прямо, находит свое выражение в названии воплощения духа («невеста») и в облачении его в свадебный наряд. В некоторых селениях Альтмарка на Троицу, в то время как юноши расхаживают с Майским деревом, сопровождая парня, завернутого в листья и цветы, девушки водят по всему селению Майскую Невесту в свадебном наряде, с большим букетом цветов в волосах. Они переходят от дома к дому, и Майская Невеста поет песню, в которой просит сделать ей подарок и сообщает обитателям каждого дома, что если они дадут ей что-нибудь, то и сами будут иметь достаток на протяжении года; а если они ничего не дадут, то и сами останутся ни с чем. В некоторых частях Вестфалии две товарки сопровождают увенчанную цветами девушку, Невесту Троицы, от одной двери к другой, распевая песенку, в которой просят яиц.

Глава XI. ОТНОШЕНИЕ ПОЛОВ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАСТИТЕЛЬНОСТЬ

Из рассмотрения европейских весенних и летних праздников мы можем сделать вывод, что наши грубые предки персонифицировали силы растительного мира в виде существ мужского и женского пола и, в соответствии с принципом гомеопатической, или имитативной, магии, пытались ускорить рост деревьев и растений тем, что представляли свадьбу лесных

186

божеств в образе Короля или Королевы Мая, Жениха и Невесты Троицы и т. д. Поэтому такого рода представления не были просто символическими и аллегорическими действиями или пасторальными пьесками, предназначенными для развлечения и наставления сельской аудитории. Это были магические заклинания, направленные на то, чтобы заставить леса покрыться зеленью, траву — прорасти, посевы — подняться, цветы — распуститься. Естественно предположить, что, чем более инсценировка брака одетых листьями или покрытых цветами фигляров походила на настоящий брак лесных эльфов, тем более действенным считалось и заклинание. Мы с большой долей вероятности можем поэтому предположить, что разнузданность, которой эти обряды, как известно, сопровождались, была не случайным излишеством, а важной составной частью этих ритуалов. Ведь по мнению их участников, брак деревьев и растений не может быть плодородным без полового соединения людей. В современной цивилизованной Европе было бы тщетно искать обряды, справляемые с явной целью содействовать росту посевов. Но более отсталые народы в других уголках мира сознательно использовали отношения полов как средство вызвать плодородие земли, и некоторые ритуалы, которые все еще соблюдаются (или до недавнего времени соблюдались) в Европе, могут быть поняты не иначе как пережитки подобного же образа действий. Это станет ясным из следующих примеров.

За четыре дня до посадки семян в землю индейцы-пипнлы из Центральной Америки воздерживаются от общения со своими женами, «чтобы в ночь перед посевом иметь возможность полностью отдаться удовлетворению своих страстей; говорят даже, что определенных лиц специально выбирают для совершения полового акта в тот момент, когда в землю падут первые семена». В такое время жрецы предписывали индейцам соединение со своими женами во исполнение религиозного долга; в противном случае они лишались права сеять. Единственно возможное объяснение этого обычая таково: индейцы объединяют процесс продолжения рода у людей с аналогичным процессом у растений, и тешат себя иллюзией, что с помощью общения полов можно ускорить рост посевов. Когда на побегах риса вот-вот должны появиться цветы, в некоторых частях острова Ява земледельцы с женами ночью посещают свои поля и там вступают в половые сношения, чтобы

187

способствовать росту посевов. Языческое население Лети, Сарматы и других островов, которые расположены между западной оконечностью Новой Гвинеи и Австралией, видит в солнце мужское начало, которое оплодотворяет женское начало, то есть землю. Они называют его Упу-лера, Господин Солнце, и изображают в форме светильника, сделанного из листьев кокосовой пальмы, который можно видеть в их домах и на священном фиговом дереве. Под деревом лежит большой плоский камень, который служит жертвенником. На некоторых островах на него клали (и продолжают класть) головы убитых врагов. Один раз в году, в начале сезона дождей, Господин Солнце нисходит на священное фиговое дерево, чтобы оплодотворить землю. Для облегчения спуска в его распоряжение предусмотрительно предоставляется лестница с семью ступеньками: ее ставят под деревом и украшают резными фигурками птиц, чей звонкий рожок на Востоке возвещает приближение солнца. В таких случаях в жертву приносится множество свиней и собак; мужчины и женщины предаются разгулу, и среди пения и танцев мистический союз солнца и земли в драматической форме инсценируется посредством реального соединения полов под деревом. Сообщают, что целью праздника является получение от Господина Солнца дождя, изобилия пищи и питья, приращения голов скота, детей и богатства. Возносятся молитвы о том, чтобы божество заставило каждую козу принести двух или трех козлят, умножило число людей, заменило мертвых свиней живыми, наполнило пустые корзины рисом и т. д. А чтобы побудить светило выполнить просьбы, ему предлагают отведать свинины, риса, спиртного и обращаются с приглашением приступить к еде. На Баварских островах на праздник поднимают особый флаг, как символ творческой энергии Солнца: это — кусок белой хлопчатобумажной материи около трех метров длиной, на котором изображен мужчина в соответствующей позе. Было бы

несправедливым видеть в этих оргиях простую вспышку необузданных страстей. Их, несомненно, организуют сознательно и с должной торжественностью, так как считают, что они способствуют плодородию земли и благополучию людей.

Чтобы добиться плодородия деревьев, применяются те же средства, что и для стимулирования роста посевов. Когда в некоторых уголках Амбоины состояние гвоздичных плантаций указывает на то, что урожай будет скудным, мужчины 188

ночью нагими отправляются на плантации и там с криками «Больше гвоздики!. » предпринимают попытку оплодотворить деревья, как если бы это были женщины. Считается, что это побудит деревья принести больший урожай.

Люди баганда из Центральной Африки верят в существование интимной связи между общением полов и плодородием почвы так твердо, что бесплодную жену они отсылают обратно по той причине, что она якобы мешает плодоносить саду своего мужа. Напротив, супружеская пара, которая доказала свою необычную плодовитость, произведя на свет двойню, считается у баганда наделенной способностью благотворно влиять на плодородие банановых деревьев — основного источника пищи. Некоторое время спустя после рождения близнецов справляется обряд, цель которого — передать банановым деревьям производящую силу родителей. Жена ложится на спину в густую траву рядом с домом и кладет между ног цветок банана; затем приходит муж и своим детородным органом скидывает цветок. После этого они ходят по всей округе, исполняя ритуальные танцы в садах избранных друзей для того, чтобы способствовать обильному урожаю банановых плодов.

Во многих частях Европы справлялись посевные и жатвенные обряды, которые основывались на том же самом примитивном представлении. Например, в день святого Георгия (23 апреля) на Украине священник в рясе в сопровождении других служителей церкви направляется в поля, на которых едва начинают зеленеть побеги, и благословляет их. После этого женатые молодые люди парами ложатся на засеянное поле и перекатываются по нему по нескольку раз в уверенности, что это благоприятствует росту побегов. В некоторых областях России женщины, невзирая на грязь и рытвины, которые могут попасться на пути, тащат по побегам священника. Если духовный пастырь упирается или протестует, прихожане начинают роптать: «Вы что же это, батюшка, не хотите нам добра, не хотите, чтобы у нас был хлеб? А ведь есть-то его вы любите!» В некоторых районах Германии во время сбора урожая мужчины и женщины, жнущие хлеб, катаются в обнимку по полю. Это, возможно, является смягченной формой древнего и грубого обычая, направленного на то, чтобы сообщить плодородие полям с помощью действий, к которым издавна прибегали индейцы-пипилы из Центральной Америки

189

и к которым до настоящего времени обращаются рисоводы с острова Ява.

Для ученого, который стремится проследить извилистый путь человеческого разума в поисках истины, представит некоторый интерес следующее наблюдение. Верование в симпатическое воздействие полов на растительность, которое побуждало одни народы предаваться необузданным страстям, побудило другие народы попытаться достичь той же цели прямо противоположными средствами. От сева маиса до его жатвы индейцы из Никарагуа вели целомудренный образ жизни: они не приближались к своим женам, спали отдельно от них, не употребляли в пищу соль, не пили ни какао, ни чичу — крепкий напиток из маиса. Этот период был для них, как заметил один испанский историк, периодом воздержания. И до сих пор некоторые из племен индейцев Центральной Америки прибегают к воздержанию в целях содействия росту посевов. Сообщают, что перед севом маиса индейцы-кекчи спят отдельно от своих жен и на протяжении пяти дней не едят мяса; у индейцев ланкинеро и кайабонеро период воздержания от плотских удовольствий длится 13 дней. Часть немецкого населения Трансильвании также берет себе за правило, что мужчина не имеет права спать с женой в течение всего времени засева полей. Тому же правилу следуют в округе Калотасег в Венгрии: там считается, что если его не соблюсти, то зерно погибнет. Вождь племени кайтиш строго воздерживается от половых сношений со своей женой, пока справляются магические обряды, призванные содействовать росту трав; он уверен, что нарушение этого правила помешало бы всходам подняться до нужной высоты. Когда на островах Меланезии всходят стебли ямса, мужчины спят рядом с садами и не приближаются к женам; войди мужчина в сад, преступив этот запрет, — и плоды были бы испорчены.

Ответ на вопрос о том, почему сходные верования логически приводят разные народы к таким противоположным способам поведения, как строгое целомудрие и неприкрытый разгул, не придется искать слишком долго, если стать на точку зрения дикаря. Если дикарь отождествляет

себя, с природой, если он не может отделить собственные побудительные мотивы от способов, которыми природа пользуется для того, чтобы воспроизводились растительные и животные виды, он может прийти к одному из двух заключений. Во-первых, он мо-

190

жет сделать вывод, что, отдаваясь своим вожделениям, он принимает участие в размножении растений и животных. Во-вторых, он может вообразить, что энергия, которую он не израсходует на воспроизведение собственного потомства, образует запас энергии, который другие представители растительного и животного царства смогут использовать для размножения. Так что из одной и той же грубой философии, из одних и тех же примитивных представлений о природе и жизни дикарь может прийти к разным формам поведения.

Читателям, воспитанным в религиозной традиции, пропитанной аскетическим восточным идеализмом, это объяснение обычая воздержания, который при определенных обстоятельствах соблюдают грубые и дикие народы, может показаться искусственным и натянутым. Они могут решить, что его в достаточной Мере объясняет представление о нравственной чистоте, которое в их умах столь тесно связывается с соблюдением этого обычая. Они могут вместе с Мильтоном[1] счесть, что целомудрие уже само по себе является возвышенной добродетелью, что ограничение, которое оно накладывает на один из сильнейших позывов нашей животной природы, выделяет тех, кто способен ему подчиниться, из числа обычных людей и делает их достойными печати божественного одобрения. Но этот ход мысли, каким бы естественным он нам ни казался, совершенно чужд и непонятен дикарю. Если он в иных случаях сопротивляется половому инстинкту, то делает это не из соображений возвышенного идеализма, не из стремления к нравственной чистоте, а ради скрытой, но совершенно определенной и конкретной цели; он готов пожертвовать непосредственным чувственным удовольствием только ради ее достижения. Для доказательства того, что это так, достаточно уже приведенных примеров. Там, где инстинкт самосохранения (дающий о себе знать главным образом в поисках пропитания) вступает в конфликт с инстинктом размножения, первый, будучи изначальнее и важнее, способен подчинить себе второй. Короче говоря, дикарь готов ограничить свои сексуальные потребности ради добычи пищи. Другой целью, ради достижения которой он согласен подвергнуть себя тому же ограничению, является победа на войне. Узду на свои сексуальные

[1] Мильтон Джон (1608-1674) - английский поэт, политический Деятель, мыслитель.

191

вожделения набрасывает не только воин на поле битвы, но и его оставшиеся дома друзья; они верят, что это поможет одержать победу над врагами. Мы вполне осознаем ложность как этого верования, так и веры в то, что целомудрие сеятеля способствует росту посевов. Возможно, однако, что вкус к самоограничению, который эти и подобные им верования, как бы они ни были ложны, привили человечеству, бегл небесполезен для укрепления человеческой породы. Ведь сила родового и индивидуального характера состоит преимущественно в способности жертвовать настоящим ради будущего, в пренебрежении соблазнами эфемерного удовольствия ради более отдаленного и устойчивого удовлетворения. Чем более упражняют в себе эту способность, тем возвышеннее и сильнее становится характер; высший же героизм достигается теми, кто ради сохранения или завоевания свободы и истины для других, возможно далеких, эпох, отказывается от жизненных удовольствий и даже от самой жизни.

Глава XII. СВЯЩЕННЫЙ БРАК

Диана — богиня плодородия.

Мы убедились, что, согласно распространенному верованию, которое не лишено фактического основания, растения воспроизводятся путем соединения полов, и, в соответствии с принципом гомеопатической, или имитативной, магии, считается, что этому воспроизводству способствует действительный или символический брак мужчин и женщин, маскирующихся на время под духов растительности. Магические представления такого рода играли существенную роль в европейских народных праздниках, а так как основаны они на чрезвычайно примитивном понимании природной закономерности, то их возникновение теряется в седой древности. Поэтому мы вряд ли ошибемся, если предположим, что они восходят к эпохе, в которую предки цивилизованных народов Европы еще не перестали быть варварами, пасущими скот и возделывающими небольшие хлебные поля на прогалинах обширных лесов, которые покрывали тогда большую часть континента от Средиземного моря до Ледовитого океана. Но коль скоро эти древние колдовские чары и заклинания, вызывающие появление листьев, завязей, травы,

192

цветов и плодов, просуществовали в форме пасторалей и народных гуляний до наших дней, то почему нельзя предположить, что приблизительно два тысячелетия назад они существовали у цивилизованных народов древности в менее утонченных формах? Иными словами: разве невероятно, что некоторые празднества древних представляют собой аналоги Мая, Троицы и Иванова дня с той лишь разницей, что в то время церемонии эти еще не выродились в простые зрелища и карнавальные шествия, а продолжали оставаться религиозными, магическими обрядами, действующие лица которых со знанием дела исполняли роли великих богов и богинь? В первой главе настоящей книги мы не без основания допустили, что подругой жреца, носившего титул Царя Леса в Неми, была сама богиня рощи Диана. Не могут ли они, Царь и Царица Леса, оказаться двойниками — но только воспринимавшимися всерьез — участников веселых пантомим в современной Европе, которые разыгрывают Короля и Королеву Мая, Жениха и Невесту Троицы? И не могло ли их бракосочетание ежегодно праздноваться в качестве брака богов, или теогамии? Такого рода драматизированные свадьбы богов и богинь, как мы вскоре увидим, справлялись во многих уголках древнего мира как торжественные религиозные обряды, поэтому не лишено вероятности предположение, что местом подобной ежегодной церемонии могла быть и священная роща в Неми. Прямых доказательств этого нет, но в пользу такого предположения говорит, как я попытаюсь показать, одна аналогия.

Диана была богиней леса в такой же мере, как Церера — богиней злаков, а Вакх — богом вина. Святилища Дианы обычно располагались в рощах, более того, все рощи были посвящены ей; в посвящениях она часто ассоциировалась с лесным богом Сильваном. Каково бы, однако, ни было ее происхождение, Диана не всегда была только богиней деревьев. По-видимому, подобно своей греческой сестре Артемиде, она превратилась в олицетворение обильного плодородия как животной, так и растительной природы вообще. Ей, владычице зеленого леса, естественно, приписывали и господство над дикими и прирученными зверями, которые рыскали по лесу, подстерегая добычу в мрачных чащах, пожевывая среди кустов зеленые листья и побеги или пощипывая траву на открытых полянах и в лощинах. Диана поэтому могла стать покровительницей охотников и пастухов, подобно тому как Сильван

193

был не только лесным богом, но и богом скота. В Финляндии дикие лесные звери также считались стадами лесного бога Тапио и его величественной, прекрасной жены. Никто не мог убить ни единого из этих зверей без милостивого позволения их божественных владельцев. Поэтому охотник молился лесным божествам и обещал, что, если те пригонят к нему дичь, принесет им богатые жертвоприношения. Скот, видимо, тоже пользовался покровительством этих духов леса и когда находился в стойлах, и когда бродил по лесу. Прежде чем поохотиться в лесу с гончими собаками на оленей, диких коз или диких свиней, гайо с острова Суматра считают нужным получить разрешение от незримого Хозяина леса. Обычай требует, чтобы разрешение испрашивалось человеком особо искусным в изготовлении изделий из дерева. Он раскладывает перед столом, на котором в определенном стиле вырезано изображение Хозяина леса, немного бетеля и после этого молит духа выразить свое согласие или несогласие. В своем трактате об охоте Арриан[1] рассказывает, что у кельтов был обычай ежегодно приносить жертву Артемиде в день ее

рождения; жертва покупалась на деньги от налогов, которые в течение года вносились в ее казну за каждую убитую лисицу, зайца или косулю. Обычай этот явно подразумевал, что дикие животные принадлежат богине и за их умерщвление ей следует компенсация.

Но Диана была не просто покровительницей диких животных, владычицей лесов и холмов, уединенных лужаек и журчащих рек; в качестве луны, в особенности желтой луны жатвенной поры, она наполняла крупными плодами амбар земледельца и прислушивалась к молитвам рожениц. Мы видели, что в священной роще в Неми ей, в частности, поклонялись как богине деторождения, дарующей потомство мужчинам и женщинам. Так что в Диане, как и в греческой Артемиде, с которой ее постоянно отождествляли, можно видеть богиню природы вообще и богиню плодородия в частности. Не следует поэтому удивляться тому, что в святилище на Авентинском холме она была представлена скульптурной копией с Артемиды Эфесской с ее многочисленными грудями и другими символами обильной плодовитости. Это делает понятным древний

[1] Арриан Флавий (ок. 95 — ок. 175) — древнегреческий историк и писатель.

194

римский закон, приписываемый царю Туллу Гостилию, который гласил, что в случае совершения инцеста искупительная ясертва должна быть принесена жрецами в роще Дианы. Повсеместно считалось, что инцест влечет за собой голод; поэтому искупительная жертва за это преступление приносилась богине плодородия.

Поскольку богиня плодородия сама должна быть плодовитой, Диане необходимо было иметь партнера-мужчину. Если доверять свидетельству Сервия[1], спутником ее был тот самый Вирбий, представителем — или, скорее, воплощением — которого был Царь Леса в Неми. Целью их союза было способствовать плодородию земли, животных и людей. Этой цели, естественно, можно было бы вернее достичь, если бы ежегодно справлялись священные свадьбы, где в роли невесты и жениха выступали либо маски, либо живые актеры. Ни один из античных авторов не упоминает о проведении таких торжеств в Немийской роще. Но наши сведения об арицийском ритуале столь скудны, что недостаток информации на этот счет едва ли можно считать решающим возражением против предлагаемой теории. При отсутствии прямых свидетельств теория с необходимостью должна основываться на аналогиях с подобными обычаями, бытующими в других местах. Некоторые примеры таких обычаев, более или менее выродившихся, были приведены в предыдущей главе. Ниже мы рассмотрим аналогичные случаи, относящиеся к древности.

Бракосочетание богов. Внушительное святилище Бэла в Вавилоне как пирамида возвышалось над городом своими восемью башнями-ярусами, воздвигнутыми одна на другой. На верхней башне, куда взбирались по лестнице, обвивавшейся вокруг всего здания, располагался просторный храм, в котором стояло огромное ложе, украшенное великолепными тканями и подушками, а рядом с ложем — золотой стол. В храме не было ни одной статуи, и ни один человек не оставался в нем на ночь, кроме одной-единственной женщины, которую бог, по утверждению халдейских жрецов, избрал среди всех женщин Вавилона. Они говорили, что ночью в храм приходило само божество и спало на огромном ложе. Женщина эта, супруга бога, не могла иметь сношений ни с одним смертным.

[1] Сервий (вторая половина IV в.) - древнеримский грамматик.

195

В Фивах (Египет) в храме Аммона в качестве супруги бога спала женщина. О ней, как и о смертной жене Бэла в Вавилоне, говорили, что она не имела сношений с мужчинами. В египетских текстах она часто упоминается как «супруга божества»; как правило, она была не менее значительной фигурой, чем сама египетская царица. Согласно поверьям египтян, их монархи были прямыми потомками бога Аммона, который на время принимал обличье правящего фараона и в этом виде вступал в сношение с царицей. Во всех подробностях акт божественного зачатия изображен на барельефах и настенных росписях двух древнейших египетских храмов в Дейр-эль-Бахари и Луксоре; надписи, которыми снабжены эти росписи, не оставляют никакого сомнения относительно смысла изображаемого.

Бога виноградной лозы Диониса в Афинах каждый год женили на Царице, и, по-видимому, существовала особая церемония заключения брачного союза богов. Нам, правда, неизвестно, выступал ли в роли бога человек или статуя. От Аристотеля до нас дошло свидетельство, согласно которому церемония совершалась в древней официальной резиденции Царя — носившей название Хлева, — которая располагалась рядом с пританеей, городской ратушей на северо-восточном склоне Акрополя. У этой свадьбы была одна цель: вызвать плодородие виноградных лоз и

фруктовых деревьев, богом которых был Дионис. Таким образом, обряд этот по форме и по содержанию соответствовал свадьбе Майского Короля и Королевы.
На великих мистериях, справлявшихся в сентябре в Элевсине, брак небесного бога Зевса с богиней злаков Деметрой, видимо, символизировал брак иерофанта со жрицей Деметры, исполнявших роли бога и богини. Но соединение их имело не более чем драматический и символический смысл, так как, отведав цикуты, иерофант на время лишал себя мужской силы. Когда факелы гасли, пара спускалась в тесное место, а толпа верующих в беспокойстве ожидала результата мистического соединения, от которого, казалось, зависит их собственное спасение. Через некоторое время иерофант появлялся вновь и при свете факела молча показывал собравшимся срезанный хлебный колос, плод божественного союза. Затем он громким голосом провозглашал: «Царица Бримо родила священного мальчика Бримоса», что значило: «Могучая произвела на свет Могучего». В действительности на свет производила своего
196
ребенка мать зерна, а в священной драме лишь разыгрывались ее родовые муки. Откровение срезанного колоса было, по-видимому, завершающим актом Элевсинских мистерий. Так что сквозь ореол, которым в позднейшие времена окружили эти обряды поэзия и философия, как дальний пейзаж сквозь пробиваемую солнцем дымку, проглядывает простое сельское празднество, предназначенное для того, чтобы покрыть широкую Элевсинскую равнину обильными нивами и оплодотворить голую землю благодатными ливнями, повенчав богиню злаков с небесным богом.
Жители Платеи в Беотии раз в несколько лет справляли Малые Дедалии — праздник, во время которого в древней дубраве срубался дуб. Вырезанную из его древесины куклу, обряженную невестой, усаживали рядом с подружкой невесты на запряженную волами телегу. Куклу эту в сопровождении играющей на свирелях и танцующей толпы привозили на берег реки Асопа, после чего возвращали обратно в город. Каждые шесть лет население Беотии справляло праздник Великих Дедалий: на нем все 14 кукол, собранных на праздниках меньшего масштаба, в сопровождении процессии доставлялись на берег Асопа, а затем на вершину горы Киферона, где сжигались на огромном погребальном костре. Миф, служащий для объяснения этих праздников, содержит намек на то, что на них праздновалось бракосочетание Зевса и Геры (представленной дубовой куклой в свадебном наряде). В Швеции изображение Фрея, бога животного и растительного плодородия, изготовленное в натуральную величину, каждый год возили по всей стране в повозке в сопровождении красивой девушки, именовавшейся женой бога. Она была одновременно жрицей великого храма в Упсале. Где бы ни проезжала повозка с изображением бога и с его цветущей юной невестой, народ толпами встречал ее и приносил жертвы, чтобы год был урожайным.
Обычай женитьбы богов на статуях или людях был, таким образом, широко распространен у народов древности. Представление, на котором зиждется этот обычай, слишком грубо, чтобы усомниться в том, что цивилизованные вавилонцы, египтяне и греки восприняли его от своих предков-варваров. Это предположение получает подтверждение: мы обнаруживаем аналогичные обряды у современных слаборазвитых народов. Нам известно, например, что однажды вотяки Малмыжской области из-за ряда неурожаев впали в нужду. Они
197
не знали, что предпринять, и в конце концов решили, что, должно быть, это могущественный, но злокозненный бог Кереметь разгневался на них за то, что не был женат. Тут же делегация стариков посетила вотяков Куры и договорилась с ними по этому вопросу. Затем они возвратились домой, запаслись изрядным количеством водки и, приготовив окрашенную в яркие цвета повозку и лошадей, со звоном колокольчиков — как будто везли домой невесту — отправились в священную рощу Куры. Они весело провели всю ночь за едой и питьем, а наутро вырезали в роще квадратный кусок дерна и забрали его с собой. После этого дела пошли у малмыжских вотяков хорошо, а у курских — плохо; в Малмыже хлеб родился хорошо, а в Куре — плохо. Разгневанные курские вотяки ругались и грубо обходились с теми из своих земляков, которые согласились на этот брак. «Нелегко понять, — пишет сообщающий об этом автор, — что означала эта брачная церемония. Возможно, как полагает Бехтерев, имелось в виду женить Кереметя на доброй и плодородной Мукильчин, Супруге-Земле, чтобы она могла оказать на него благотворное влияние». Когда в Бенгалии жители роют колодцы, они изготовляют из дерева изображение бога, которого женят на богине воды.
Часто невестой бога является не кусок дерева или земли, а женщина во плоти и крови. Известно, что индейцы одного селения в Перу выдали красивую девушку примерно четырнадцати лет замуж

за камень, по форме похожий на человека, который они считали богом *(huaca).* В брачной церемонии, которая длилась три дня и сопровождалась большим весельем, принимали участие все жители. После этого девушка оставалась девственной и приносила идолу жертвы от имени народа. Ей оказывали величайшее уважение и считали божественной. Каждый год примерно в середине марта, в начале рыболовного сезона, алгонкины и гуроны женили свои сети на двух девочках шести-семи лет. На свадебном пиршестве между двумя девочками расстилали сеть: ее увещевали набраться смелости и поймать побольше рыбы. Причиной выбора столь юных невест была уверенность в их девственности. Происхождение этого обычая, по преданию, таково. Однажды с наступлением сезона рыбной ловли алгонкины, как обычно, закинули сети, но ничего не поймали. Удивленные такой неудачей, они не знали, что делать, пока дух, или гений, *(oki)* сети не явился
198
им в образе высокого, хорошо сложенного мужчины. Он гневно заявил им: «Я потерял жену и не могу найти ни одной женщины, которую до меня не познал бы ни один мужчина. Вот почему вам нет удачи и вот почему вам ее не будет, пока вы меня в этом не удовлетворите». Алгонкины посовещались и решили удовлетворить требование духа сети, выдав за него замуж двух маленьких девочек, чтобы в будущем у него не было никаких оснований жаловаться. Так они и поступили, и рыбная ловля вновь пошла успешно. Слух об этом дошел до их соседей гуронов, и те переняли тот же обычай. Часть улова всегда отдавалась семьям девочек, которые играли роль жен духа невода в течение года.

Ораоны из Бенгалии поклоняются земле, как богине, и каждый год справляют ее бракосочетание с богом солнца Дхарме во время цветения дерева *сал.* Церемония протекает таким образом. Сначала все купаются, затем мужчины направляются в лес, а женщины собираются в доме местного жреца. После принесения домашней птицы в жертву богу солнца и демону рощи мужчины едят и пьют. «Затем сильный мужчина на своих плечах вносит жреца в деревню. Вблизи деревни женщины встречают мужчин и моют им ноги. С барабанным боем, пением, танцами и прыжками все направляются к дому жреца, убранному листьями и цветами. Там в обычной форме справляется бракосочетание жреца и его жены, символизирующее воображаемый союз Солнца и Земли. По окончании церемонии все едят, пьют, веселятся, танцуют, поют непристойные песни и в заключение предаются отвратительнейшему разгулу. Цель этого обряда — побудить землю рожать в изобилии». Священный брак Солнца и Земли, олицетворяемых жрецом и его женой, рассматривается как магическое средство повысить плодородие почвы; по той же причине, по принципам гомеопатической магии, люди предаются необузданной оргии.

Сверхъестественное существо, за которое выдают замуж женщин, часто является водным богом, или духом. Так, девственниц выдавали замуж за Мукасу, бога озера Виктория-Нианса, которого люди баганда умилостивляли всякий раз, прежде чем предпринять длительное путешествие. Подобно весталкам, они должны были хранить девственность, но, в отличие от последних, видимо, нередко нарушали обет. Обычаи сохранял силу до тех пор, пока их царь Мванга в XIX в.
199
не был обращен в христианство. Племя акикуйю[1] поклоняется речной змее и с перерывом в несколько лет женит бога-змея на женщине (чаще всего на молодой девушке). С этой целью по приказанию знахарей строят хижины, в которых те совершают акт священного бракосочетания с легковерными поклонницами. Если достаточное количество девушек не приходит в хижины по доброй воле, их хватают и силой тащат в объятия божества. Потомство, которое рождается от этих мистических союзов, считается, видимо, детьми бога *Ngai.* У акикуйю, конечно, есть дети, которые слывут детьми бога. Рассказывают, что однажды, когда обитателям селения Каиели на острове Буру (в восточной части Индийского океана) грозила гибель от нашествия крокодилов, они приписали эту беду страсти, которую вождь крокодилов питал к некой девушке. Они принудили отца девушки облачить ее в брачное одеяние и препроводить в объятия влюбленного крокодила.

Сообщают, что такой же обычай соблюдался на Мальдивских островах до того, как их обитатели были обращены в мусульманство. Знаменитый арабский путешественник Ибн Баттута описал этот обычай и то, как ему пришел конец. Несколько достойных доверия туземцев, имена которых он приводит, уверили его, что жителям островов — когда они были язычниками — каждый месяц являлся злой дух (джинн), который приходил со стороны моря в виде судна со множеством горящих фонарей. Как только жители его видели, они бросались на поиски юной девушки, чтобы, украсив ее, привести в языческий храм, который стоял на берегу окнами к морю. В нем девушку оставляли на ночь, а когда возвращались туда утром, находили ее мертвой и не девственной.

Каждый месяц жители бросали жребий, и тот, кому он выпадал, отдавал свою дочь морскому джинну. Последняя из жертв была спасена благочестивым бербером, которому удалось прогнать джинна обратно в море чтением стихов из Корана.

Рассказ Ибн Баттуты[2] о демоническом любовнике и его смертных невестах напоминает хорошо известный сюжет народных сказок, варианты которого встречаются от Японии и Аннама на Востоке до Сенегамбии, Скандинавии и Шотландии на Западе. У разных народов повествование различается дета-

[1] Акикуйю (кикуйю) — самый многочисленный из народов Кении.

[2] Ибн Баттута (1304—1377) — арабский путешественник.

200

лями, но его общее содержание следующее. Страна подвергается нашествию многоглавого змея, дракона или иного чудовища, которое грозит уничтожить весь народ, если ему не будут периодически приносить в жертву людей (обычно девушек). Многие жертвы погибли, и наконец жребий выпал дочери самого короля. Ее отдают чудовищу, но на ее защиту становится сказочный герой (обычно это бедный юноша), который убивает чудовище и получает в награду руку спасенной принцессы. Во многих сказках чудовище (иногда это змей) обитает в водоеме: в море, озере или источнике. В других версиях им является змей или дракон, который захватывает источники в свои руки и дает людям пользоваться водой лишь при условии получения человеческой жертвы.

Было бы, вероятно, ошибкой видеть в этих сказках простую выдумку. Правильнее предположить, что они отражают реальный обычай отдавать девушек и женщин в жены водным духам, которые часто выступают в виде огромных змеев и драконов.

Глава XIII. ЦАРИ РИМА И АЛЬБЫ

Нума и Эгерия.

Из предпринятого рассмотрения обычаев и преданий можно сделать такой вывод: священный брак растительных и водных стихий праздновался разными народами с целью способствовать плодородию земли, от которой в конечном итоге зависит жизнь животных и людей; роль божественного жениха или невесты в таких обрядах часто исполнялась мужчиной или женщиной, данные эти говорят в пользу предположения о том, что в священной роще в Неми, где растительные и водные стихии были представлены прекрасными тенистыми лесами, ниспадающими водными каскадами и зеркальным озером, ежегодно, наподобие брака Короля и Королевы Мая, отмечалось бракосочетание смертного Царя Леса. Важной фигурой в роще была водная нимфа Эгерия: ей поклонялись беременные женщины, потому что, подобно Диане, она могла даровать им легкие роды. Из этого можно с уверенностью заключить, что водам Эгерии, как и многим другим источникам, приписывалась способность облегчить как зачатие, так и роды. Найденные в этих местах приношения, сде-

201

ланные по обегу, имеют прямое отношение к деторождению и были, вероятно, посвящены скорее Эгерии, чем Диане. Можно с основанием утверждать, что водная нимфа Эгерия является всего лишь версией великой богини Дианы, хозяйки журчащих рек и тенистых лесов, жившей у озера и смотревшейся в зеркало спокойных вод, богини, чей греческий двойник — Артемида любила посещать озера и источники. Отождествление Эгерии с Дианой подтверждается высказыванием Плутарха, согласно которому Эгерия была одной из нимф дуба и, по римскому поверью, управляла всеми дубовыми рощами. Л Диана, богиня лесов вообще, была, по-видимому, тесно связана с дубовыми лесами в частности, особенно со священной Немийской рощей. Поэтому возможно, что Эгерия была феей как раз того источника, который струился из-под корней священного дуба. Сообщают, что такой же источник бил из основания огромного дуба в Додоне, и под его журчание жрица изрекала пророчества. Греки считали, что глоток воды из священного источника или колодца способен даровать силу предвидения. Этим, вероятно, объясняется та бессмертная мудрость, которой Эгерия, по преданию, наделила своего царственного мужа или любовника Нуму. Если же вспомнить, что в первобытном обществе верховный властитель часто считается ответственным за дождь и плодородие земли, то можно без особого риска предположить, что предание о свадьбе Нумы и Эгерии является реминисценцией священного брака, который цари Древнего Рима периодически заключали с богиней плодородия и воды, чтобы иметь возможность исполнять свои божественные и магические функции. Роль богини в таком обряде могла отводиться либо статуе, либо женщине; в последнем случае это, вероятнее всего, была царица. Если в этой догадке есть доля истины, то, возможно, царь и царица Рима, как и египетские фараоны, выступали на своем бракосочетании в обличье бога и богини. Предание о Нуме и Эгерии свидетельствует о том, что местом заключения брачного союза была роща, а не дом; союз этот, как и брак Короля и Королевы Мая или бога виноградной лозы и царицы в Афинах, ежегодно праздновался с магической целью, то есть для обеспечения плодородия земли, людей и животных. По некоторым сведениям, местом бракосочетания (Нумы и Эгерии) была как раз священная роща в Неми. По совершенно независимым причинам мы выдвинули гипотезу, согласно которой в

202

этой самой роще Царь Леса повенчался с Дианой. Соединение двух различных нитей исследования говорит в пользу того, что легендарный союз римского царя с Эгерией мог быть отражением или версией союза Царя Леса с Эгерией (или ее двойником Дианой). Это не значит, что когда-то римские цари были Царями Леса в Арицийской роще, нет, но, возможно, они, как и немийский царь, изначально наделялись сверхъестественными способностями и удерживали свой титул на тех же условиях, что и он. Точнее, не лишено вероятности, что правили они не по праву рождения, а в силу своей так называемой божественности как представители или воплощения бога. Как таковые они вступали в связь с богинями и время от времени должны были доказывать свою пригодность к выполнению божественных функций, вступая в жестокое единоборство, в результате которого их корона могла отойти к противнику. Наши сведения о происхождении царской власти в Риме слишком скудны, чтобы позволить с фактами в руках доказать одну из этих гипотез, но имеются разрозненные намеки и указания на сходство между немийскими жрецами и

царями Рима, точнее, их отдаленными предшественниками, властвовавшими в ту темную пору, когда не было и самого предания.

Царь как олицетворение Юпитера.

Римский царь, видимо, олицетворял собой ни более ни менее как самого Юпитера. Победоносные полководцы доимперских времен, справлявшие триумф, и должностные лица, председательствовавшие на играх в цирке, облачались в одеяние Юпитера, которое для таких случаев бралось напрокат в великом храме на Капитолии. Древние и новые авторы придерживались весьма правдоподобного мнения, что они копировали при этом облачение и знаки власти римских царей. Они проезжали по городу в колеснице, влекомой четверкой увенчанных лаврами лошадей, в то время как все другие шли пешком; носили пурпурное одеяние, вышитое или украшенное золотыми блестками; в правой руке они держали лавровую ветвь, а в левой — увенчанный орлом скипетр из слоновой кости; чело их венчал лавровый венок, а лицо было выкрашено киноварью; над их головой раб держал массивную золотую корону, которой была придана форма дубовых листьев. Уподобление человека богу символизирует в этом облачении прежде всего увенчанный орлом скипетр, корона из дубовых листьев и выкрашенное в крас-
203
ный цвет лицо. Орел был птицей Юпитера, дуб — его священным деревом, а лицо статуи бога, стоявшей на Капитолии на запряженной четверкой колеснице, перед празднествами регулярно окрашивалось в красный цвет. Причем правильное нарумянивание божественного лица считалось делом столь важным, что надзор за ним был одной из главных обязанностей цензоров. В свете того, что триумфальное шествие всегда оканчивалось в храме Юпитера на Капитолийском холме, особо символичным представляется тот факт, что на голове победителя была корона из дубовых листьев. Дело не только в том, что каждое дерево дуба посвящалось Юпитеру, но и в том, что, по преданию, Капитолийский храм был построен Ромулом рядом со священным дубом, которому поклонялись пастухи и на котором царь развешивал добычу, отвоеванную в бою у вражеских полководцев. Мы располагаем указанием на то, что корона из дубовых листьев была посвящена Юпитеру Капитолийскому; отрывок из стихотворения Овидия доказывает, что она считалась символом бога.

Согласно преданию, сомневаться в подлинности которого у нас нет никаких оснований, Рим был основан поселенцами из города Альба-Лонга, расположенного на склонах Альбанских холмов, которые возвышаются над озером и (Римской) Кампаньей. Поэтому если римские цари претендовали на то, чтобы быть представителями и воплощениями бога неба, грома и дуба Юпитера, то и цари Альба-Лонги, к которым возводил свое происхождение основатель Рима, могли выдвигать аналогичное притязание. Представители Альбанской династии звались Сильвиями, или Лесовиками. Знаменательно, что в видении исторической славы Рима, которое открылось Энею в подземном мире, Виргилий — бывший не только поэтом, но и знатоком древности — изобразил всю линию Сильвиев увенчанной дубовыми венками. Венок из дубовых листьев был, видимо, одним из знаков власти как древних царей Альба-Лонги, так и наследовавших им римских царей. Смысл его в обоих случаях одинаков: царь является воплощением бога дуба в человеческом образе. Римские анналы сообщают, что один из царей Альбы — по имени Ромул, Ремул или Амулий Сильвий — сам притязал быть богом, равным Юпитеру и даже превосходящим его. Чтобы утвердиться в этих претензиях и нагнать на своих подданных страху, он построил машины, с помощью которых имитировал раскаты грома и вспышку мол-
204
нии. Диодор рассказывает, что во время созревания плодов, когда гром гремит часто и звучно, царь приказал своим воинам ударами мечей по щитам заглушать рев небесной артиллерии. За эту нечестивость он и поплатился жизнью: в разгар страшной бури молния ударила в его дворец, а вышедшее из берегов Альбанское озеро затопило его. По сообщению одного античного историка, когда вода спадает и бриз не покрывает ее поверхность рябью, на дне озера все еще можно видеть руины дворца. Вместе с рассказом о Салмонее, царе Элиды, это предание указывает на реально существовавший обычай, соблюдавшийся первыми греческими и италийскими царями, от которых, как и от их современных африканских собратьев, ожидали дождя и грома на благо посевов. Царь-жрец Нума слыл знатоком в искусстве вызывать молнии. И в новое время, как известно, различные народы в качестве магического средства прибегали к имитации грома. Почему бы и царям древности не поступать аналогичным образом?

Если, нося венки из дубовых листьев, цари Альбы и Рима подражали Юпитеру, то, претендуя на умение вызывать гром и молнию, они подражали ему же в ипостаси управителя стихиями. При этом они — подобно Юпитеру на небе и стольким царям на земле — действовали как общественные делатели дождя, с помощью заклинаний исторгающие его с темного неба, когда иссохшая земля жаждет освежающей влаги. В Риме небесные шлюзы открывались при помощи священного камня, и, по всей вероятности, обряд этот был частью ритуала Юпитера Элицийского, извлекающего из туч сверкающую молнию и льющийся дождь. А кто лучше царя, живого представителя небесного бога, подходил для совершения этого обряда?

Если цари Рима подражали Юпитеру Капитолийскому, то их предшественники, цари Альбы, изо всех сил старались быть похожими на великого Юпитера Лацийского, который восседал над городом, на вершине Альбинской горы. Относительно царя Латина, мифического предка этой династии, рассказывается, что после того, как он таинственным образом (что характерно для древних царей Лациума вообще) отошел в мир иной, он превратился в Юпитера Лацийского. До тех пор, пока Рим не вырвал пальму первенства из рук своей древней соперницы, святилище Юпитера на вершине горы было религиозным центром Латинского Союза, а город Альба — его

205

политическим центром. Юпитеру на его священной горе был воздвигнут не храм в нашем понимании слова (в качестве бога неба и грома он принимал поклонение верующих под открытым небом). Массивная стена, обломки которой еще и теперь окружают старый монастырский сад братства пассионитов, была, по-видимому, частью ограды священного участка, который последний римский царь, Тарквиний Гордый, предназначал для ежегодных торжественных собраний Латинского Союза. Древнейшим святилищем бога на вершине горы была роща. И, принимая во внимание, во-первых, то обстоятельство, что дуб был посвящен Юпитеру, во-вторых, что дубовую корону носили цари Альбы, и, в-третьих, аналогию с Юпитером Капитолийским в Риме, мы можем высказать предположение, что это была дубрава. Самая отдаленная из Альбанских гор — гора Алгид, как известно, в древности была покрыта дремучими дубовыми лесами. Члены одного племени, которое с древнейших времен входило в состав Латинского Союза и имело право на долю мяса белого быка, приносимого в жертву на Альбанской горе, именовали себя Людьми Дуба — несомненно, по характеру лесов, в которых они жили. Но мы ошибемся, если подумаем, что в исторические времена Лациум был покрыт непрерывной цепью дубовых лесов. Описание лесов Лациума в IV веке до нашей эры оставил Теофраст[1]. Он пишет: «Страна латинян очень влажная. В долинах произрастают лавры, мирты и поразительной величины буки. Жители валят деревья такой величины, что одного ствола достало бы на киль тирренского судна. В горах растут сосны и ели. Область, называемая страной Цирцеи, представляет собой высокий мыс, густо поросший дубами, миртами и роскошными лаврами. Местные жители утверждают, что там жила Цирцея, и показывают могилу Эльпенора. На ней растут мирты, из которых плетут венки, тогда как другие миртовые деревья очень высоки». Так что, должно быть, вид с вершины Альбанской горы в начале римской истории значительно отличался от того, который открывается сейчас. Почти такими же были спокойные пурпурные Апеннины, с одной стороны, и сияющее беспокойное Средиземное море — купалось ли оно в солнечном свете или испещрялось плывущими тенями обла-

[1] Теофраст (наст. имя Тиртам) (372-287 до и. э.) — древнегреческий естествоиспытатель и философ.

206

ков — с другой. Но вместо запущенной, бурой, сожженной солнцем Кампаньи, перерезанной длинными развалинами акведуков, похожих на поломанные арки моста в видении Мирзы, перед человеческим взором открывались лесные массивы, которые на многие километры тянулись во все стороны, пока разнообразные оттенки зелени или осеннего багрянца и золота не растворялись незаметно в голубизне далеких гор и моря.

. Но Юпитер не правил на вершине своей священной горы единолично. С ним была его супруга, богиня Юнона, которой здесь, как и на Капитолии, поклонялись под именем Монеты. Так же как и Юпитеру, дубовая корона была посвящена Юноне. То же самое, вероятно, имело место и в колыбели капитолийского культа, на Альбанской горе. Таким образом, у бога дуба в дубовой роще была богиня. В Додоне дубовый бог Зевс также соединялся с Дионой, само имя которой на другом диалекте является синонимом имени Юнона, а на вершине горы Киферона он, как мы видели, периодически вступал в брак с дубовой статуей Геры. Возможно, хотя это не доказано, что священное бракосочетание Юпитера и Юноны каждый год праздновалось всеми народами

латинского корня как раз в июне — месяце летнего солнцестояния, который получил свое имя в честь этой богини.

Если римляне справляли священное бракосочетание Юпитера и Юноны, подобно тому как греки отмечали бракосочетание Зевса и Геры, то можно предположить, что при республиканском правлении обряд совершался либо при помощи статуи божественных супругов, либо разыгрывался Фламином Диалисом и его женой Фламиникой. Фламин Диалис был жрецом Юпитера. Древние и новые авторы не без основания видели в нем живого представителя Юпитера, воплощение небесного бога в человеческом образе. В более древние времена при заключении священного брака роль небесного жениха, естественно, играл римский царь, представитель Юпитера, а в роли божественной невесты выступала царица — так же как в Египте фараон и его жена фигурировали в качестве божества, а в Афинах царица ежегодно обручалась с богом виноградной лозы Дионисом. Выступление царя и царицы в роли Юпитера и Юноны выглядело тем более нормальным, что титул царя и царицы, вероятно, носили сами эти божества.

Предание о Нуме и Эгерии, независимо от его достоверности, видимо, содержит в себе воспоминание об эпохе, когда

207

роль божественного жениха исполнял сам царь-жрец. А раз мы допустили, что римские цари персонифицировали бога дуба — относительно же Эгерии нам положительно известно, что она была нимфой дуба, — рассказ об их соединении в священной роще заставляет предположить, что в Риме в царскую эпоху периодически совершался обряд аналогичный тому, который справлялся в Афинах вплоть до эпохи Аристотеля. Подобно венчанию царицы афинской с богом виноградной лозы, брак римского царя с богиней дуба, должно быть, был направлен на то, чтобы, сообразно принципу гомеопатической магии, ускорить рост растений. Нет сомнения, что древнейшей из двух форм обряда является римская; задолго до того, как пришельцы с севера увидели виноградники на побережье Средиземного моря, их предки устраивали браки бога дерева с богиней в обширных дубовых лесах Центральной и Северной Европы. Леса эти в современной Англии большей частью исчезли, но в деревнях на зеленых лужайках на сельских праздниках Мая все еще разыгрывается отдаленное подобие священного брака.

Глава XIV. ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЕ В ДРЕВНЕМ ЛАЦИУМЕ

В ходе предшествовавшего обсуждения мы пришли в отношении римских царей, чьи жреческие функции были унаследованы царями священных обрядов, к следующим выводам: они были представителями и даже воплощениями Юпитера, великого бога неба, грома и дуба, и в этом качестве, как и многие другие властители погодных явлений в других частях света, вызывали дождь, гром и молнию на благо своих подданных. Но этот царь не просто подражал богу дуба ношением дубового венца и других символов своего божественного происхождения — он был женат на нимфе дуба Эгерии, которая была не более как местной разновидностью Дианы, богини лесов, вод и деторождения. Эти выводы, к которым мы пришли преимущественно на основе анализа свидетельств римских авторов, могут быть приложимы и к другим латинским общинам. В старину они также имели, вероятно, собственных божественных царей-жрецов, религиозные функции которых — но не их светская власть — позднее перешли к их преемникам, царям священных обрядов.

208

Но неразрешенным остается еще один вопрос: каким был порядок престолонаследия у племен древнего Лациума? Предание гласит, что было всего восемь римских царей. В существовании пяти из них, во всяком случае, едва ли можно усомниться, так как история их правления в основном подтверждается фактами. Но вот что любопытно. Хотя относительно первого римского царя, Ромула, известно, что он происходил из Альбанской царской династии, в которой царство передавалось по наследству по мужской линии, ни у одного из последующих римских царей трон отца не унаследовал сын. Между тем у некоторых из них были сыновья и внуки. Кроме того, один из царей был в родстве со своим предшественником не по отцовской, а по материнской линии, а остальные трое — Таций, Тарквиний Старший и Сервий Туллий — имели наследниками своих зятьев иностранного происхождения. Все это свидетельствует в пользу того, что право наследования передавалось по женской линии и титул царя переходил к иностранцам, которые женились на дочерях царя. На языке этнографии это означает, что престолонаследие в Риме, а возможно, и во всем древнем Лациуме подчинялось правилам, которые выработало первобытное общество во. многих частях мира: экзогамии, матрилокальности поселения[1] и счету родства по женской линии. Экзогамией называется правило, которое обязывает мужчину жениться на женщине другого клана; матрилокальностью поселения называется правило, в соответствии с которым мужчина должен оставить свой родной дом и поселиться с родственниками жены; счетом родства по женской линии называется система родства и передачи родового имени не по мужской, а по женской линии. Если престолонаследие в древнем Лациуме действительно регулировалось этими принципами, то перед нами открывается следующая картина. Политическим и религиозным центром каждой общины был неугасимый огонь царского очага, попечение о котором было делом девственниц-весталок из царского рода. Царем становился мужчина из другого клана — может быть, даже из другого города и другого народа, — который женился на дочери своего предшественника и благодаря ей получал царство. Дети, которых он от нее имел, наследовали не его, а ее

[1] В оригинале употреблен термин "*beena*", который в настоящее время устарел.

209

имя; дочери оставались дома, а возмужавшие сыновья пускались в путь, женились и селились в стране своей жены в качестве царей или простолюдинов. Все или некоторые из дочерей, наподобие девственных весталок, в течение некоторого времени посвящали себя попечению об огне очага; со временем одна из них могла стать женой преемника своего отца.

Преимуществом этой гипотезы является то, что она объясняет темные стороны истории царской власти в Лациуме простым и естественным образом. Она делает более понятными предания, повествующие о том, что латинские цари рождались от матерей-девственниц и отцов божественного происхождения. Эти предания, за вычетом элементов преувеличения, означают не более как то, что женщина зачинала ребенка от неизвестного мужчины. Неопределенность отцовства лучше совместима с системой родства, которая не считается с фактором отцовства, чем с системой, которая делает его фактором первостепенной важности. Если при рождении римских царей отцы их действительно не были известны, то это свидетельствует либо о половой распущенности, существовавшей в царских семьях вообще, либо об ослаблении правил морали в особых случаях, когда женщины и мужчины на время возвращались к половой распущенности прежних времен. На определенных стадиях развития общества такие сатурналии составляют

обычное явление. В нашей собственной стране пережитки их долгое время давали о себе знать в майских, троицких и даже в рождественских обрядах. Отцом детей, которые рождались от более или менее беспорядочного полового общения, характерного для праздников такого рода, естественно, считался бог, которому соответствующий праздник был посвящен.

Интересно, что в Риме празднества, сопровождавшиеся весельем и пьянством, справлялись плебеями и рабами в день летнего солнцеворота и ассоциировались, в частности, с огнерожденным царем Сервием Туллием, пользовавшимся расположением богини Фортуны, любившей Сервия, как Эгерия — Нуму. Народные развлечения на этом празднестве включали в себя соревнования в беге и в гребле; на Тибре красовались оплетенные гирляндами лодки, в которых молодежь большими глотками отхлебывала вино. Этот праздник был чем-то вроде летних сатурналий, соответствующих настоящим сатурналиям, которые приходились на середину зимы. Нам пред-

210

стоит убедиться, что великий летний праздник в современной Европе был прежде всего праздником любви и огня: одной из его основных черт было соединение возлюбленных, которые рука об руку перепрыгивали через костры или перебрасывали друг другу цветы через языки пламени. Множество символов любви и брака связано с цветами, распускающимися в это таинственное время года, время роз и любви. Все же невинность и прелесть этих праздников в наше время не должны скрыть от нас того обстоятельства, что когда-то они были отмечены более грубыми чертами, которые, возможно, и составляли их сущность. У эстонских крестьян, например, эти черты просуществовали до начала XX столетия. Следует особо отметить одну особенность празднования летнего праздника в Риме: обычай катания по реке на оплетенных цветами лодках. Он доказывает, что летний день был в некотором смысле водным праздником. До самого нового времени вода играла в обрядах этого праздника существенную роль, поэтому церковь и предпочла посвятить этот праздник святому Иоанну Крестителю и прикрыть, таким образом, своей ризой древний языческий обряд.

Гипотеза о рождении римских царей на ежегодных праздниках любви является не более как простой догадкой; впрочем, предание о рождении Нумы во время праздника Парилий (на котором пастухи прыгали через весенние костры, как влюбленные в наше время перепрыгивают через летние костры), можно надеяться, придаст ей хоть малую толику вероятности. Возможно, неопределенность в отношении родословной царей возникла уже после их смерти, когда их образы начали растворяться в сказочной стране мифов и по мере перехода с земли на небеса принимать фантастические очертания и пышную окраску. Если цари были иностранцами и пришельцами в управляемой ими стране, то вполне естественно, что народ забыл их подлинную родословную и изобрел другую, которая своим блеском восполняла недостаток достоверности. Представление о них как о воплотившихся божествах облегчалось, поскольку они (а мы имеем основания это предполагать) уже при жизни выдвигали притязания на божественность.

Если у латинян женщины царской крови никогда не покидали родину и выходили замуж за мужчин другого племени, то становится понятным не только то, почему римскую корону носили представители других племен, но и то, почему в

211

списке царей Альбы попадаются чужеземные имена. При таком положении дел в обществе, когда знатность передается только по женской линии — другими словами, счет родства ведется по линии матери, а не по линии отца, — не возникнет никаких препятствий на пути соединения самых знатных девушек с мужчинами низкого происхождения, с иностранцами или даже рабами при условии, что эти мужчины окажутся подходящими партнерами. Главное, чтобы царский род, от которого, как предполагалось, зависит существование и процветание народа, давал сильное и деятельное потомство, а для этого необходимо, чтобы представительницы царской семьи вынашивали детей от мужчин, в физическом и умственном отношении способных, по стандартам примитивного общества, выполнять функцию продолжения рода. Таким образом, на этой ступени общественного развития считается, что жизненно важное значение имеют личные качества царей. Будь они, как и их супруги, царского или божественного происхождения, тем лучше, но необходимости в этом нет.

Следы престолонаследия, основанного на браке с дочерью царя, мы обнаруживаем не только в Риме, но и в Афинах. Относительно двух древнейших афинских царей, Кекропса и Амфиктиона, известно, что они женились на дочерях своих предшественников. Имеющиеся сведения в какой-то степени подтверждают это предание; они подводят к заключению, что счету родства по мужской

линии в Афинах предшествовал счет родства по женской линии.

Если, далее, дочери царственных родителей в древнем Лациуме, как мы предположили, действительно оставались на родине, а сыновья отправлялись на чужбину, женились там на принцессах и правили народами, к которым принадлежали их жены, то из этого следует, что их потомки по мужской линии в последующих поколениях царствовали в самых разных областях. Обычай этот соблюдался в Европе многими народами арийского происхождения. Греческие предания повествуют о том, как сын царя покинул родину, женился на дочери царя в дальней стране и унаследовал его царство. Греческие писатели приводят разные причины подобной миграции царевичей. Самой типичной является изгнание сына царя за совершенное убийство. Впрочем, этим объясняется бегство царевича из родной страны, но отнюдь не воцарение его на чужбине. Можно заподозрить, что объяснения такого рода являются поздней-

212

шими изобретениями писателей, для которых факт наследования сыном собственности и царства отца был непреложным. Они с трудом могли совместить это представление с множеством преданий о царских детях, покидающих свою родину, чтобы воцариться в чужой стране. Со следами подобных обычаев мы сталкиваемся и в скандинавских преданиях. В них мы читаем о зятьях, которые получали свою долю в царстве, несмотря на то что у царя были собственные сыновья. Хеймскрингла или «Саги норвежских королей» сообщают, в частности, что на протяжении пяти поколений до Гаральда Прекрасноволосого представители семьи Инглингер, происходившей, по преданию, из Швеции, посредством браков с дочерьми местных царей стали правителями по меньшей мере шести норвежских провинций.

Таким образом, у некоторых арийских народов на определенной стадии общественного развития, по-видимому, было обычным явлением видеть продолжателей царского рода не в мужчинах, а в женщинах и в каждом последующем поколении отдавать царство мужчине из другой семьи, нередко из другой страны. В народных сказках этих народов варьируется сюжет о человеке, пришедшем в чужую страну, который завоевывает руку царской дочери, а с ней половину или все царство. Не исключено, что это отголосок реально существовавшего обычая.

Там, где господствуют такого рода обычаи и представления, царская власть, очевидно, является простым дополнением к браку с женщиной царской крови. Древний датский историк Саксон Грамматик явно вкладывает такое воззрение в уста легендарной шотландской королевы Гермутруды. «Настоящей королевой была она, — утверждает Гермутруда, — и если бы этому не противоречил ее пол, могла бы считаться королем. Воистину тот, кого она считала достойным своего ложа, тут же становился королем; она приносила королевство вместе с собой. Так что рука ее и скипетр были неразделимы». Высказывание это тем более замечательно, что оно, видимо, отражает обычаи, действительно существовавшие у королей пиктов. Из свидетельства летописца Беды нам известно, что в случае сомнения относительно права на престол пикты избирали королей по женской, а не по мужской линии.

Личные качества, благодаря которым мужчина становился достойным претендентом на брак с царевной и обладание престолом, естественно, изменялись вместе со взглядами эпо-

213

хи и зависели от характера царя (или его заместителя), но можно предположить, что ведущее место среди них в первобытном обществе занимали физическая сила и красота.

В некоторых случаях право на руку принцессы и на трон, видимо, оспаривалось в состязании. Ливийцы Алитемния награждали царством быстрейшего бегуна. У древних пруссов претенденты на дворянство на конях скакали к королю, и тот, кто прибывал первым, получал дворянство. Самые первые Олимпийские игры, по преданию, были проведены Эндимионом, который устроил своим детям соревнования в беге, а призом в этом соревновании сделал царство. Сообщают, что его могила находилась в том месте беговой дорожки, откуда стартовали бегуны. Знаменитый миф о Пелопсе и Гипподамии, возможно, является всего лишь вариантом предания о том, что наградой в первых соревнованиях по бегу в Олимпии был царский трон.

Очень возможно, что эти предания отражают действительно существовавший обычай соревноваться в беге за невесту. Обычай этот, видимо, имел место у различных народов, но на практике он выродился в простую формальность. Например, «у киргизов[1] устраивается скачка под названием «любовная погоня», которую можно рассматривать как часть брачной церемонии. Вооруженная громадным кнутом невеста вскакивает на быструю лошадь, и ее преследуют молодые люди, претенденты на ее руку. Она достается в награду тому, кто ее схватит; но, кроме права изо всех сил погонять лошадь, невеста может, чтобы отогнать нежеланных женихов, с силой

стегать их кнутом и, вероятно, окажет свою благосклонность тому, кого уже выбрала в своем сердце». Погоня за невестой обнаружена также у коряков Северо-Восточной Азии. Она устраивается в большой юрте, вокруг которой в виде непрерывного круга выстраивается множество перегородок, так называемых *пологов.* Невеста считается свободной от брачных обязательств, если ей удается пробежать через все перегородки, не будучи пойманной женихом. Женщины стойбища воздвигают на пути жениха всевозможные препятствия: ставят ему подножки, колотят хлыстами и т. д. Так что у него мало шансов добиться успеха, если того не хочет сама девушка. Такие же обычаи

[1] Киргизами прежде неправильно называли казахов, смешивая их с настоящими киргизами.

214

соблюдались всеми тевтонскими народами: в немецком, англосаксонском и норвежском языках имеется общее слово для обозначения брака, означающее «погоня за невестой». Следы этого обычая сохранились до нового времени.

Итак, право жениться на девушке, особенно на принцессе, часто давалось в качестве награды в спортивном состязании. Поэтому неудивительно, что, прежде чем выдать замуж своих дочерей, римские цари прибегали к этому древнему способу проверки личных качеств своих будущих зятьев и преемников. Согласно нашей теории, римские царь и царица олицетворяли Юпитера и его божественную супругу и в качестве таковых принимали участие в ежегодной церемонии священного брака, имеющей целью стимулировать рост посевов, плодовитость людей и скота. То есть исполняли они как раз ту роль, которая в северных странах, по народным поверьям, выпадала в старину на долю Короля и Королевы Мая. Мы убедились, что право исполнять роль Майского Короля и повенчаться с Майской Королевой иногда связывалось с результатами спортивного соревнования, чаще всего бега. Возможно, это было пережитком рассмотренного нами древнего брачного обычая, предназначенного испытать достоинства кандидата в мужья. С особой строгостью такое испытание должно было применяться к будущему царю, чтобы никакой телесный недостаток не лишил его возможности исполнять священные обряды, от которых, согласно поверьям, безопасность и процветание общины зависели больше, чем от исполнения гражданских и воинских обязанностей. Естественно, требовалось, чтобы время от времени он вновь подвергался тяжкому испытанию для того, чтобы всенародно подтвердить, что еще достоин своего высокого предназначения.

Пережиток этого испытания, возможно, сохранился в обряде «бегство царя», который ежегодно справлялся в Риме вплоть до времен Империи. 24 февраля в Комициуме обычно приносилась жертва, а после этого Царь священных обрядов убегал из Форума. Можно высказать предположение, что первоначально «бегство царя» было ежегодным соревнованием в беге за царство, которое доставалось в награду самому быстрому. В конце года он мог вновь участвовать в беге за второй срок царствования; так продолжалось до тех пор, пока кто-нибудь не наносил ему поражение, не низлагал или не убивал его. Царь становился на старт, он бежал, а за ним бежали его

215

соперники; если его настигали, он должен был уступить корону, а возможно, и отдать жизнь самому быстроногому из них. Возможно, какому-нибудь человеку деспотического нрава удавалось удержать трон на длительный срок и свести ежегодные соревнования в беге к пустой форме, какой они и являлись в исторические времена. Иногда обряд этот истолковывался как празднование изгнания царей из Рима, но такая интерпретация представляется позднейшей выдумкой, изобретенной для объяснения церемонии, первоначальный смысл которой был предан забвению. Куда более вероятно, что в этом случае Царь священных обрядов просто воспроизводил древний обычай, который ежегодно соблюдался его предшественниками-царями. О том, какова была изначальная цель обряда, должно быть, всегда придется только догадываться. Свою гипотезу мы выдвигаем с полным сознанием трудности и темноты этого вопроса. Ежегодное «бегство царя», если принять нашу интерпретацию, было пережитком тех времен, когда царская власть вместе с рукой царевны давалась на год в качестве награды победившему атлету или гладиатору, после чего они со своей невестой выступали в роли бога и богини на священном бракосочетании, предназначенном обеспечить плодородие земли путем гомеопатической магии. Если допустить, что в очень ранний период древние латинские цари действительно олицетворяли бога и в этом качестве периодически предавались смерти, станет понятнее таинственный и насильственный конец, который, как известно, нашли столь многие из них. Мы видели, что один из царей Альбы был, по преданию, убит ударом молнии за нечестивое передразнивание Юпитера. О Ромуле

известно, что либо он исчез столь же таинственно, как Эней, либо был растерзан на куски обиженными им патрициями; в день его смерти, 7 июля, отмечался праздник, напоминающий сатурналии. В этот день рабыням разрешалось позволять себе своеобразные вольности. Они одевались как свободные женщины и в одеянии матрон и девушек уходили из города, насмехались и глумились над всеми, кто им попадался навстречу, а затем вступали в драку, нанося удары и бросая друг в друга камнями. Другим римским царем, который нашел насильственный конец, был сабинянин Таций. Он приносил в Лавинии общественную жертву божествам предков, когда несколько мужчин, которым он нанес обиду, расправились с ним жертвенными ножами и вертелами, похищенными из алтаря.

216

Обстоятельства и способ его смерти наводят на мысль, что это было скорее жертвоприношение, чем убийство. Тулл Гостилий, царствовавший вслед за Нумой, по распространенному преданию, был поражен молнией, но многие полагают, что он был убит по подстрекательству правившего вслед за ним Анка Марция. Рассказывая о более или менее мифической фигуре царя-жреца Нумы, Плутарх высказывает мнение, что «слава его возросла благодаря судьбе следовавших за ним царей. Ведь из пяти царей, правивших после него, последний был низложен и окончил жизнь в изгнании, а из четырех остальных никто не умер естественной смертью: трое были убиты, а Тулл Гостилий поражен ударом молнии».

Предания о насильственной кончине римских царей наталкивают на мысль, что состязание, посредством которого они завоевывали трон, иногда являлось не столько соревнованием, сколько борьбой не на жизнь, а на смерть. При таком предположении аналогия между Римом и Альбой была бы еще большей: в обоих городах священные цари, представители божества, могли подвергнуться низложению и смерти от руки решительного человека, сумевшего доказать свое божественное право на это священное звание мощной дланью и острым мечом. Нет ничего удивительного в том, что у первобытных латинян претенденты на престол могли встречаться в единоборстве. Ведь умбрийцы вплоть до исторических времен регулярно прибегали в разрешении частных споров к испытанию силой оружия. Считалось, что тот, кто перерезал своему противнику горло, наилучшим образом доказывал правоту дела.

Глава XV. ПОКЛОНЕНИЕ ДУБУ

Культ дуба (или бога дуба) существовал, по-видимому, у всех европейских народов арийского происхождения. У греков и италийцев это дерево ассоциировалось с величайшим из богов, Зевсом или Юпитером, божеством неба, дождя и грома. Святилище в Додоне, где поклонялись Зевсу в виде дуба-оракула, было, возможно, самым древним и наверняка самым знаменитым в Греции. Достойным жилищем для бога, чей голос слышится и в шелесте дубовых листьев, и в грохоте грома, сделали это место грозы, которые, как известно, в Додоне

217

разражаются чаще, чем где-либо в Европе. Бронзовые гонги вокруг святилища, которые при ветре издавали гудящий звук, были предназначены для подражания грому, чьи раскаты и громыханья часто слышались в ущельях суровых и бесплодных гор, замыкающих мрачную долину. Как мы видели, в Беотии священный брак Зевса и Геры, бога и богини дуба, с большой пышностью отмечался религиозным союзом государств. А на горе Ликей в Аркадии ипостась Зевса как бога дуба и дождя явно проступала в магическом средстве, к которому прибегал жрец Зевса: он обмакивал ветку дуба в священный источник. Греки регулярно молились Зевсу в этой ипостаси о ниспослании дождя. И это естественно. Ведь часто (хотя и не всегда) местонахождением Зевса были горы, на которых собираются тучи и растут дубы. Изображение Земли, молящей Зевса о дожде, хранилось в афинском Акрополе. А во время засухи Зевса молили сами афиняне: «Дождь, дай дождь, о возлюбленный Зевс, полям афинян и долинам».

Зевс опять-таки управлял не только дождем, но громом и молнией. В Олимпии и других местах поклонялись Зевсу Громовержцу, а в Афинах на городской стене имелся жертвенный очаг Зевса Молниеносца, где в определенное время года должностные лица жреческого звания следили за молниями над горой Парнасом. Греки, как правило, обносили пораженные молнией места оградой и посвящали их Зевсу Низвергателю, нисходящему с небес во вспышке молнии. В этих огражденных местах устанавливались алтари, и на них приносились жертвы. Из надписей явствует, что в Афинах существовало несколько таких мест.

Если уж древнегреческие цари претендовали на то, чтобы быть потомками Зевса и даже носить его имя, можно с основанием допустить, что они также пытались осуществлять божественные функции, то есть вызывать молнию и дождь на благо своего народа или для устрашения врагов. В этом смысле предание о Салмонее, возможно, отражает притязания целого класса царьков, каждый из которых в старину правил небольшой областью в покрытых дубравами горах Греции. От них, как и от ирландских королей, ожидали плодородия почвы и плодовитости скота. А могли ли они отвечать этим ожиданиям лучше, нежели исполняя роль Зевса, великого бога дуба, грома и дождя? Они олицетворяли Зевса так же, как италийские цари олицетворяли Юпитера.

218

В древней Италии все дубы были посвящены Юпитеру италийскому, двойнику Зевса, а в Риме на Капитолии ему поклонялись как божеству не только дуба, но дождя и грома. Один римский писатель, противопоставляя добрые старые времена веку, когда «никто не почитает небо за небо и ни во что не ставит Юпитера», рассказывает нам, как во время оно благородные матроны босиком, с распущенными волосами, но с чистыми помыслами поднимались по склону Капитолийского холма и молили Юпитера о дожде. И тут же, продолжает он, дождь начинал лить как из ведра, и все возвращались промокшими до нитки. «Но ныне, — восклицает он, — мы уже не религиозны. Поэтому и сохнут поля».

Переходя из Южной Европы в Центральную, мы сталкиваемся с великим богом дуба и грома у варварских народов арийской расы, которые жили в обширных дремучих лесах. Так, у кельтов Галии друиды считали более всего священной омелу и дуб, на котором она произрастает. Для совершения торжественных служб они выбирали дубовые рощи и ни одного обряда не справляли без дубовых листьев. «Кельты, — пишет греческий автор, — поклоняются Зевсу, а кельтским символом Зевса является высокий дуб». Кельтские завоеватели, которые поселились в Азии в III веке до нашей эры, видимо, принесли с собой на новую родину культ дуба. В самом сердце Малой Азии галатский сенат собирался в местечке, которое носило типично кельтское название «священная дубовая роща» или «храм из дубового дерева». Специалисты считают, что само слово «друиды» означает «люди дуба».

Почитание священных рощ, как видно, имело первостепенное значение в религии древних германцев; главным священным деревом у них, согласно Гримму, был дуб. Он, вероятно, был посвящен богу грома Донару или Тунару, равнозначному норвежскому Тору. Священный дуб

неподалеку от Гейсмара в Гессене, который Бонифаций[1] срубил в VIII веке, носил среди язычников имя дуба Юпитера, что по-старонемецки читалось: *Donates eih* — «дуб Донара». Что тевтонский бог грома Донар, Тунар, Тор отождествлялся с италийским богом грома Юпитером, явствует из английского слова

[1] Святой Бонифаций (Уинфрид, VII —VIII вв.) — «апостол Германии», энергично распространял христианство в немецких землях.

219

Thursday (четверг), «день Тунара», что является простым переводом латинского выражения *«dies Lovis».* Итак, у древних тевтонцев, так же как у греков и италийцев, бог дуба был также богом грома. Более того, в нем видели великую оплодотворяющую силу, которая посылает дождь и заставляет землю приносить плоды. Так, Адам Бременский[1] рассказывает нам, что «Тор царит в воздухе: это он управляет громом и молнией, ветром и дождем, хорошей погодой и урожаем». В этом тевтонский бог грома опять-таки похож на своих южных собратьев Зевса и Юпитера.

У славян дуб, видимо, также был священным деревом бога грома Перуна, подобия Зевса и Юпитера. Известно, что в Новгороде когда-то стояла статуя Перуна в виде человека с громовым камнем в руке. В его честь день и ночь горел костер из дубовых поленьев, а если он угасал, то служители за недосмотр обрекались на смерть. Подобно Зевсу и Юпитеру, Перун, кажется, был главным божеством своего народа. Прокопий рассказывает, что славяне «верили, что единый бог, создатель молнии, был владыкой всех вещей, и приносили ему в жертву быков и другую живность».

Главным божеством литовцев был бог грома и молнии Перкунас или Перкунс, сходство которого с Зевсом и Юпитером часто отмечалось. Ему были посвящены дубовые деревья, и, когда христианские миссионеры вырубали их, местные жители открыто выражали недовольство тем, что подвергаются разрушению их лесные божества. В честь Перкунаса горели вечные огни, поддерживаемые древесиной определенных дубовых деревьев; если такой огонь угасал, его вновь зажигали путем трения кусков священного дерева. Чтобы урожай был хорошим, мужчины приносили жертвы дубам, а женщины — липам. Из этого можно заключить, что в дубах они видели существа мужского пола, а в липах — женского. Когда во время засухи литовцы нуждались в дожде, в лесной чаще богу молнии обычно приносили в жертву черную телку, черного козла и черного петуха. В таких случаях огромные толпы людей собирались со всей округи, пили, ели и взывали к Перкунасу. Они трижды обносили кубок с пивом вокруг огня, а затем выливали жидкость в пламя, молясь богу о ниспослании ливней. Так что главный бог литов-

[1] Адам Бременский (?— ум. ок. 1081) - северогерманский хронист.

220

цев, бог дуба, грома и дождя, очень схож с Зевсом и Юпитером.

Из этого обзора следует, что богу дуба, грома и дождя в старину поклонялись все основные ответвления арийской расы в Европе и что он был главным божеством их пантеона.

Глава XVI. ДИАНУС И ДИАНА

В этой главе мы предполагаем резюмировать выводы, к которым мы пришли в процессе проведенного исследования, и, соединив рассеянные лучи света воедино, направить их на темную фигуру Немийского жреца.

Мы обнаружили, что на ранних ступенях общественного развития люди, не зная скрытых природных процессов и тех узких пределов, в которых мы способны их контролировать и направлять, как правило, присваивали себе такие функции, которые ныне представляются сверхъестественными или божественными. Поддержанию этой иллюзии способствовали те же самые причины, которые ее породили: удивительный порядок и единообразие в протекании природных процессов. Колеса великой машины вращаются так плавно и так точно, что дают терпеливому наблюдателю возможность предсказать время года, если не день, когда они приведут к исполнению его надежд или страхов. Регулярное повторение великого цикла, вернее, серии циклов природных явлений запечатляется даже в неразвитом уме дикаря. Он предвидит это повторение и, предвидя, принимает желаемое за результат вмешательства своей воли, а нежелательное — за действие воли врага. Нам кажется, что пружины, приводящие в действие огромную машину, лежат далеко за пределами нашего знания, завернуты в покрывало тайны, проникнуть за которое мы не можем и надеяться. Но невежественному человеку они представляются лежащими в пределах его досягаемости; он воображает, что может к ним прикоснуться и с помощью магии употребить их на благо себе и во зло своим врагам. Со временем ложность этого убеждения становится для него очевидной: он обнаруживает, что есть вещи, которых он не может сделать, удовольствия, которых не может получить, страдания, которых не может избегнуть и самый искусный маг. Это недостижимое

221

благо и это неизбежное зло он отныне приписывает воздействию невидимых сил, благосклонность которых несет с собой жизнь и радость, а гнев — смерть и страдания. Так на смену магии приходит религия, а на смену магу — жрец. На этой стадии развития мышления последней причиной вещей признается личность высших существ. Эти многочисленные и часто враждующие между собой существа похожи на человека по своей природе и даже по своим слабостям, хотя значительно превосходят его в силе и продолжительности жизни. Еще не пришло время, когда под мощным воздействием философии их резко очерченные индивидуальности растворились и слились в непознаваемый субстрат явлений, который наше воображение наделяет теми или иными качествами и в зависимости от этого нарекает его различными именами — их человеческий ум изобрел для сокрытия своего невежества. Люди, пока они видят в богах существа сродни им самим, а не возносят их на недосягаемую высоту, полагают, что тот, кто выделяется способностями среди своих собратьев, может после смерти, а иногда даже при жизни достичь божественности. Воплотившиеся в образах людей божества этого типа опосредствуют переход от века магии к веку религии. Считается, что они хотя и носят имена богов и окружаются божественной пышностью, наделены магическими способностями. От них, как и от колдунов, ждут защиты от враждебных заклинаний, излечения от болезней, дарования потомства, регуляции погоды и исполнения других обрядов, которые считаются необходимыми для плодородия почвы и размножения животных; они должны обеспечивать изобилие своему народу. Люди со столь выдающимися и обширными способностями, естественно, занимали в стране высочайшее положение и, пока разделение духовной и светской власти не зашло слишком далеко, являлись высшими авторитетами в гражданских и религиозных вопросах. Одним словом, они являются и царями и богами. Окружающий царя ореол божественности уходит своими корнями в глубины истории; и прошли многие века, прежде чем познание природы и человека эти корни подточило.

В классический период греко-римской древности правление царей было большей частью делом прошлого; но предания об их родословной, титулах и притязаниях содержат объяснение их царствования по божественному праву и их сверхчеловеческих способностей. Поэтому не будет излишне смелым

222

предположить, что, хотя позднее Царь Леса в Неми лишился своей славы и был предан забвению, он был представителем длинной линии священных царей, которые в обмен на многочисленные блага, от них ожидаемые, не только принимали от своих подданных знаки уважения, но становились объектом культа. То немногое, что известно нам о функциях Дианы Арицийской, доказывает, что в ней видели богиню плодородия, в частности богиню деторождения. В

исполнении этих важных обязанностей Диане, возможно, помогал ее жрец; они выступали в роли Царя и Царицы на торжественном бракосочетании, целью которого было весной и осенью украсить землю цветами и плодами и благословить людей здоровым потомством.

Если Немийский жрец выступал в роли не просто царя, но и бога рощи, возникает вопрос: персонификацией какого божества он являлся? Древние авторы отвечали, что он был Вирбием, супругом и возлюбленным Дианы. Но это нам мало что дает, потому что о Вирбии нам почти ничего не известно. Ключом к этой загадке, возможно, послужит тот факт, что в роще горел огонь, поддерживаемый весталками. Ведь у арийских народов Европы вечные священные огни разжигались и поддерживались дубовыми поленьями, а неподалеку от Неми, в самом Риме, топливом для огня Весты служили древесина и ветви дуба. Это показал анализ обугленных головней огня Весты, обнаруженных Д. Бони[1] во время известных раскопок на римском Форуме в конце XIX века. Ритуал священного огня отличался большим единообразием во всех латинских городах. Отсюда можно заключить, что огонь Весты, в каком бы месте Лациума он ни поддерживался, питался, как и в Риме, древесиной священного дуба. Если так же обстояли дела в Неми, то тамошняя культовая роща была, вероятно, естественной дубравой, а деревом, которое Царь Леса должен был охранять с риском для жизни, был дуб. Действительно, Эней, согласно Виргилию, срезал Золотую ветвь с вечнозеленого дуба. Но дуб был священным деревом верховного бога латинян Юпитера. Отсюда следует, что Царь Леса, чья жизнь была некоторым образом связана с дубом, олицетворял ни более ни менее как самого Юпитера. По крайней мере на это указывают имеющиеся в нашем распоряжении скудные сведе-

[1] Бонн Джакомо (1859—1925) — итальянский археолог.

223

ния. Представители древней альбанской династии Сильвиев (или Лесовиков), нося на голове корону из дубовых листьев, явно подражали Юпитеру Лацийскому, который обитал на вершине Альбанской горы, и соперничали с ним в силе. Не исключено, что Царь Леса, который охранял священный дуб на склоне той же горы, был законным наследником и представителем династии Сильвиев. Во всяком случае, если он действительно слыл Юпитером в человеческом облике, то Вирбий, с которым его ассоциировало предание, оказывается не кем иным, как местным вариантом Юпитера, бога зеленого
леса.

Гипотезу, согласно которой Царь Леса — во всяком случае в позднейшую эпоху — выступал в роли бога дуба Юпитера, подтверждает анализ образа Дианы, его божественной спутницы. Две линии аргументации сходятся в доказательстве того, что Диана была богиней лесов вообще, а в Неми была богиней дуба в частности. Во-первых, она носила титул Весты и заботилась о вечном огне, который, согласно нашему предположению, растапливался древесиной дуба. Но богиня огня и богиня топлива, с помощью которого его поддерживают, — вещи довольно близкие; примитивное мышление, возможно, вообще не проводило четкой разграничительной линии между пламенем и тем, что в нем горит. Во-вторых, немийская нимфа Эгерия является не более как двойником Дианы, а относительно Эгерии нам положительно известно, что она была нимфой дуба, дриадой. Обиталищем этой богини были покрытые лесом горы всей Италии. Так, гора Алгид, ответвление Альбанских гор, была в древности покрыта дремучими дубравами, как вечнозелеными, так и опадающими. На этих холодных горах зимой долго лежал снег, и считалось, что эти угрюмые дубовые леса были любимым убежищем Дианы, равно как и разбойников в новое время. На длинном крутом горном кряже Апеннин, с которого открывается вид на Кампанскую долину, гора Тифата за городом Капуей в старину точно так же была покрыта вечнозелеными дубами, среди которых возвышался храм Дианы. Здесь Сулла[1] благодарил богиню за победу над сторонниками Мария[2] в прилежащей долине; свою благодарность он выразил в надписях, которые долгое время

[1] Сулла (138 — 78 до и. э.) — римский полководец.

[2] Марий Гай (ок. 157 — 86 до н. э.) — римский полководец.

224

можно было видеть в храме. Таким образом, мы пришли к общему заключению: Царь Леса в Неми олицетворял бога дуба Юпитера и в священной роще сочетался браком с богиней дуба Дианой. Эхо этого мистического союза докатилось до нас в предании о любви Нумы и Эгерии, местом свиданий которых, по некоторым сведениям, были эти священные леса. На эту теорию можно, конечно, возразить, что божественной супругой Юпитера была не Диана, а Юнона и что, если Диана вообще имела спутника, то звался он не Юпитером, а Дианусом или Янусом (последнее

слово является искаженной формой слова Дианус). Все это так. Но это возражение можно парировать указанием на то, что Юпитер и Юнона, с одной стороны, и Дианус и Диана, или Янус и Яна, — с другой, являются всего лишь двойниками, выполняющими сходные по сути и по происхождению функции. Все четыре имени происходят от арийского корня *ди,* значащего «яркий»; тот же корень встречается в обозначении соответствующих греческих божеств: Зевса и его древней спутницы Дионы. Юнона и Диана были богинями плодородия и деторождения и раньше или позже отождествлялись с луной. Относительно же истинной природы и назначения Януса в затруднении пребывали сами древние, и не наше дело самонадеянно решать те вопросы, в которых колебались даже они. Варрон приводит мнение, согласно которому Янус был небесным богом. Оно подтверждается не только этимологической тождественностью его имени с именем небесного бога Юпитера, но и отношениями, в которых он находился с двумя подругами Юпитера — Юноной и Ютурной. Присвоенный Янусу эпитет Юнонийский указывает на брак между этими двумя божествами. Согласно другому сообщению, Янус был мужем водной нимфы Ютурны, в которую, по некоторым сведениям, был влюблен Юпитер. Кроме того, постоянной формой обращения к Янусу и к Юпитеру было слово «отец». Его отождествлял с Юпитером не только образованный святой Августин[1], но и благочестивые язычники, посвящавшие подношения Юпитеру-Дианусу. Следы его отношения к дубу можно обнаружить в дубовых лесах Яникула, холма на правом берегу Тибра, где в отдаленнейшую эпоху италийской истории, по преданию, царствовал Янус.

[1] Августин (354 — 430) — христианский теолог и церковный деятель, один из так называемых «отцов церкви».

225

В случае правильности нашей гипотезы одна и та же божественная пара была известна у греков и италийцев под именами Зевса и Дионы, Юпитера и Юноны, или Дианус (Януса) и Дианы (Яны). Имена этих божеств в основе своей тождественны, хотя и меняются по форме в зависимости от диалекта племени, которое им поклонялось. Когда в глубокой древности народы жили в непосредственной близости друг от друга, божества эти различались разве что по названию. Но постепенное рассеивание племен с их последующей изоляцией друг от друга благоприятствовало развитию различного понимания богов, которых они принесли со своей бывшей родины, и их культа, так что со временем противоречия между мифом и ритуалом стали возрастать и превратили номинальное различие между богами в реальное. А когда с постепенным прогрессом культуры длительный период варварства и изоляции стал клониться к закату и растущая политическая мощь одной общины стала стягивать более слабых соседей в единую нацию, вместе со своими диалектами народы внесли в пантеон и своих богов. При этом могло получиться так, что те же самые древние божества настолько изменились под воздействием диалектных и религиозных различий, что их первоначальная идентичность, вероятно, уже не просматривалась, и они заняли свои места в национальном пантеоне в качестве независимых
божеств.

Как следствие окончательного слияния родственных племен, которые долгое время жили раздельно, это удвоение богов объясняет появление в римской религии Януса рядом с Юпитером, а Дианы, или Яны, рядом с Юноной. Это по крайней мере более вероятная теория, чем та, которая находит благосклонный прием у некоторых современных ученых; согласно ей, Янус изначально был не более как богом дверных проемов. Крайне маловероятно, чтобы бог такого ранга и значения — которого римляне почитали как бога богов и отца народа — начал свою жизнь в качестве скромного, хоть и почтенного привратника. Столь триумфальный конец как-то не вяжется со столь заурядным началом. Более вероятно, что дверной *(janua)* бог получил свое наименование от бога Януса. Такое мнение подкрепляет анализ слова *janua.* Обычное обозначение дверей — одно и то же во всех языках арийских народов от Индии до Ирландии: *dur* на санскрите, *thura* на греческом языке, *Tür* на немецком, *door* на английском, *dorus*

226

на древнеирландском и *foris* на латыни. Но кроме обычного слова «дверь», которое латиняне разделяли со своими арийскими собратьями, у них было слово *janua,* которое не имеет аналога в индоевропейских языках. Слово это является прилагательным от существительного Янус. Думается, обычным делом было ставить статую или символ Януса рядом с главной дверью дома, чтобы вход в него находился под покровительством великого бога. Охраняемая таким образом дверь могла быть известна как *janua foris,* то есть «дверь Януса», а со временем это словосочетание могло сократиться до *janua* (слово же *foris* подразумевалось). А отсюда легко

перейти к обозначению словом *janua* двери вообще, охранялась она Янусом или нет.

С помощью этой догадки — если признать за ней долю истины — очень просто объясняется происхождение двойного лика Януса, предмета, на который специалисты по мифологии потратили столько остроумия. Когда устанавливать статую Януса для охраны входа в дома и города стало обычаем, люди могли счесть необходимым заставить бога-часового смотреть одновременно в обе стороны (вперед и назад), чтобы ничто не ускользнуло от его зоркого взгляда. Ведь если бы божественный страж все время смотрел в одну сторону, легко вообразить, сколько злодеяний могло быть безнаказанно совершено за его спиной. Такое истолкование двуликого Януса подтверждается существованием двуглавого идола, которого «лесные негры» Суринама как часового устанавливают при входе в деревню. Этот идол представляет собой деревянный чурбан с грубо высеченными с двух сторон человеческими головами. Стоит он у ворот, состоящих из двух вертикальных столбов и поперечной балки. Рядом с идолом обычно лежит тряпка белого цвета, чтобы сюда не приблизился злой дух, а иногда и палка в качестве оружия. С поперечной балки, кроме того, свешивается небольшое полено; оно предназначено упасть на голову всякого злого духа, который попытается проникнуть за ворота. Этот двуликий фетиш, выставляемый у ворот негритянских деревень в Суринаме, очень напоминает изображения двуликого Януса, который с палкой в одной руке и с ключом в другой стоял на страже ворот и дверей в Риме. Несомненно, что смотрящие в обоих направлениях лики имеют в том и в другом случае сходное объяснение: они символизируют бдительность бога-хранителя, который не спускает глаз

227

с враждебных духов впереди и сзади и готов вмиг оглушить их ударом дубины. Это дает нам возможность обойтись без скучных и неудовлетворительных объяснений, с помощью которых, если верить Овидию, сам лукавый Янус морочил однажды некоего любознательного римлянина.

Эти выводы применимы и к жрецу в Неми. В качестве спутника Дианы он первоначально был не Юпитером, а Дианусом или Янусом. Но в старину различие между ними было чисто внешнем и не шло дальше имен, действительно же существенные функции этого бога — бога неба, грома и дуба — оставались практически незатронутыми. Отсюда мы заключили, что подходящим местом обитания Немийского жреца была дубовая роща. На лесной характер божества, которому он служил, явно указывает и его титул (Царь Леса); а так как напасть на него мог только тот, кто срезал в роще ветвь определенного дерева, можно утверждать, что сама его жизнь была связана с жизнью священного дерева. Итак, он не просто служил великому арийскому богу дуба, но воплощал его и в качестве бога дуба сочетался браком с богиней дуба, выступала ли та под именем Эгерии или под именем Дианы. Заключение такого союза считалось важным для плодородия земли и плодовитости людей и зверей. А раз бог дуба являлся также богом неба, грома и дождя, его представитель в человеческом образе, подобно многим другим божественным царям, должен был собирать в нужное время тучи, вызывать громыханье грома и дождь, чтобы поля и сады могли плодоносить, а пастбища покрываться роскошным зеленым ковром. Предполагаемый обладатель столь возвышенных способностей был, должно быть, фигурой очень значительной. Остатки строений и приношений, найденные на месте святилища, вкупе со свидетельствами античных писателей, показывают, что и в более позднюю эпоху роща в Неми была одним из важнейших и популярнейших святых мест Италии. Даже в древности, когда окрестные поля были поделены между множеством мелких племен, входивших в Латинский Союз, священная роща, как известно, была предметом их общего почитания и заботы. Подобно тому как короли Камбоджи посылали Царям Огня и Воды пожертвования в темную чащу тропического леса, италийские паломники со всех сторон широкой Латинской долины устремляли свои взоры и шаги туда, где, резко выделяясь на фоне нежно-голубой линии Апеннинских гор, перед ними

228

возвышалась Альбанская гора — обиталище таинственного Немийского жреца, Царя Леса. Там среди зеленых лесов, одиноких гор и тихих вод древний арийский культ бога дуба, грома и дождевого неба веками сохранялся в своей первоначальной, почти друидической форме, после того как из-за революций политического и интеллектуального характера центр латинской религии переместился из Немийского леса в Рим.

Глава XVII. БРЕМЯ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

Табу, относящиеся к царям и жрецам

На определенной стадии развития общества нередко считается, что царь или жрец наделен сверхъестественными способностями или является воплощением божества, и в соответствии с этим верованием предполагается, что ход природных явлений в большей или меньшей мере находится под его контролем. На него возлагают ответственность за плохую погоду, плохой урожай и другие стихийные бедствия. При этом исходят из того, что власть царя над природой, как и его власть над подданными и рабами, осуществляется посредством волевых актов; поэтому, если имеют место засухи, голод, эпидемии, бури, народ приписывает эти напасти небрежности или преступному поведению своего властителя. За это его наказывают розгами и заковывают в кандалы, а если он продолжает упорствовать, его либо свергают, либо убивают. Правда, в некоторых случаях ход природных явлений считается отчасти независимым от воли верховного правителя. Личность этого последнего рассматривается, так сказать, как динамический центр вселенной, от которого во все стороны расходятся силовые линии, так что всякое его движение, поворот головы, поднятие руки и т. д. незамедлительно оказывают серьезное воздействие на природу. Царь является точкой опоры, поддерживающей равновесие мира; малейшая неточность с его стороны может это равновесие нарушить. Поэтому он должен принимать величайшие предосторожности, и вся его жизнь до мельчайших деталей Должна быть отрегулирована таким образом, чтобы никакое его действие, произвольное или невольное, не расстроило и не перевернуло установленный природный порядок. Типичным примером такого рода монархов являлся микадо, или даири,

229

духовный повелитель Японии. Он есть воплощение богини солнца, правящей над всей вселенной, включая богов и людей. Один раз в год все боги делают ему визит и проводят месяц при его дворе. В течение этого месяца, который называется обязательным, никто не посещает храмы, потому что все пребывают в убеждении, что они пусты. Микадо получает от народа и использует в официальных воззваниях титул «воплощенного божества»; он претендует управлять всеми богами Японии. Например, в официальном декрете от 646 года император именуется «воплощением богов, который правит миром».

Примерно два столетия назад жизнь микадо была описана
в таких словах:

«Членов императорской семьи, особенно самого микадо, и поныне рассматривают как лиц величайшей степени святости, как пап от рождения. А чтобы поддержать это выгодное убеждение в умах своих подданных, они обязаны проявлять о своих священных персонах необычайную заботу и делать такие вещи, которые с точки зрения обычаев других наций могут показаться смешными и неуместными. Нелишним будет привести несколько примеров. Микадо думает, что для его достоинства и святости весьма пагубно касаться земли ногами, поэтому, когда он намеревается куда-то отправиться, его несут на плечах. Еще менее подобает ему выставлять свою священную особу на открытый воздух; ведь солнце считается недостойным сиять над его головой. Всем частям его тела приписывается такая святость, что он не отваживается обрезать себе ни волосы, ни бороду, ни ногти. Чтобы микадо не стал слишком грязным, разрешается мыть его ночью во время сна. Взятое у него в это время считалось украденным, а кража не могла повредить его святости и достоинству. В древности император был обязан каждое утро просиживать несколько часов на троне с короной на голове, неподвижный как изваяние, не шевеля ни руками, ни ногами, ни головой, ни глазами, ни другими частями своего тела. Предполагалось, что таким образом он поддерживал мир и благоденствие во всей империи, так как повернись он случайно в ту или в другую сторону или останови он подольше взгляд на какой-то части своих владений, и возникало опасение, что на страну надвинется война, голод, пожар или другое великое бедствие. Позднее оказалось, что тем щитом, который своей неподвижностью способен сохра-

230

нять в Японии мир, была имперская корона, поэтому сочли целесообразным освободить его императорское величество, предающееся лишь праздности и удовольствиям, от исполнения этой обременительной обязанности; в настоящее время на трон каждое утро на несколько часов возлагают корону. Пища микадо должна каждый раз приготовляться в новой посуде и подаваться на стол на новых блюдах. Вся эта утварь очень чистая, но изготовляется из простой глины, чтобы

после одноразового употребления ее можно было выбросить или разбить без существенных расходов. Обычно ее разбивают из страха, чтобы она не попала в руки простых смертных, ибо бытует верование, что, если простой человек осмелится отведать пищу с этого священного блюда, то горло и ротовая полость у него распухнут и воспалятся. Похожее воздействие оказывают и Священные одежды даири: считается, что, если простой смертный наденет их без позволения или повеления императора, они вызовут вздутия и боли во всех частях тела». В другом сообщении о микадо на ту же тему сказано: «Постыдным унижением считается для него даже простое прикосновение к земле. Даже солнцу и луне не дозволено сиять над его головой. С тела его никогда не срезают ни волосы, ни бороду, ни ногти. Пища каждый раз подается ему исключительно в новой посуде».

На низшей стадии варварства мы обнаруживаем таких божественных царей-жрецов на западном берегу Африки. В местечке Шарк-Пойнт, рядом с мысом Падроне (Нижняя Гвинея) один в лесу живет вождь-жрец Кукулу. Прикасаться к женщине или покидать свой дом он не имеет права, он не смеет даже оставлять свой трон и спит в нем сидя, потому что стоит ему лечь, и вместе с ним уляжется ветер и прекратится судоходство. Он управляет бурями и вообще поддерживает равновесие в атмосфере. На горе Агу в Того живет фетиш, или дух, по имени Багба, который пользуется большим влиянием во всей округе. Ему приписывается способность вызывать и удерживать дождь, он является хозяином ветров, в том числе сухого, горячего ветра (харматтана), который дует из внутренней области. Жрец Багбы живет в доме на самой высокой горной вершине и держит ветры заключенными в огромном кувшине. Обращаются к нему и за получением дождя; он же прибыльно торгует амулетами из зубов и клыков леопарда. Но хотя власть его велика и он является настоящим вождем

231

страны, закон фетиша запрещает ему покидать гору, он должен проводить на ее вершине всю свою жизнь. Лишь один раз в год он может спуститься вниз и сделать на рынке необходимые закупки, но и тогда он лишен права заходить в хижину какого-либо смертного и должен в тот же день возвратиться на место ссылки. Делами управления в селениях занимаются подчиненные вожди, назначенные жрецом.

В королевстве Конго (Западная Африка) был верховный жрец, которого называли Читоме, или Читомбе, жрец, почитаемый богом на земле и всемогущим на небе. Прежде чем вкусить плодов нового урожая, простые люди приносили плоды ему, опасаясь, что в случае нарушения этого обычая на народ обрушатся многочисленные напасти. Когда он покидал свою резиденцию, чтобы посетить находящиеся в его юрисдикции места, все это время женатые люди должны были соблюдать строгое воздержание; считалось, что любое отступление от этого правила могло оказаться роковым для его жизни. Если же он был на пороге естественной смерти, конголезцам казалось, что готов погибнуть весь мир и земля, поддерживаемая его единой властью, рискует тут же превратиться в ничто.

В эпоху испанского завоевания у полуварварских народов Нового Света были обнаружены иерархические и теократические государства, схожие с японским; в частности, верховный жрец сапотеков, видимо, имел очень много общего с микадо. Могущественный соперник самого царя, духовный вождь пользовался неограниченной властью в Иопаа, одном из главных городов царства. Почести, которые ему воздавались, не поддаются преувеличению. В нем видели бога, которого недостойна носить земля и освещать солнце. Его святость оскверняло даже простое прикосновение его стопы к земле. Носилки его носили на плечах члены самых высокопоставленных семейств, он едва удостаивал окружающих взглядом, и все, на кого он обращал свой взор, падали ниц в страхе, что, увидь они даже его тень, смерть настигнет их. Жрецы сапотеков, особенно верховный жрец, были связаны строгим правилом воздержания; но «ежегодно в определенные дни, ознаменованные, как правило, пирами и танцами, верховный жрец напивался допьяна. Так как в этом состоянии он не принадлежал ни небу, ни земле, к нему приводили красивейшую девственницу, посвятившую себя служению богам». Если она рожала сына, он воспитывался как принц крови; первосвященниче-

232

ский трон наследовал старший из сыновей. Приписываемые этому верховному жрецу сверхъестественные способности в деталях неизвестны, но, вероятно, они напоминали способности микадо и Читоме.

Там, где — как в Японии и Западной Африке — подданные пребывают в уверенности, что порядок природных явлений и даже само существование мира связаны с жизнью верховного

правителя или жреца, они с необходимостью видят в нем источник беспредельных благодеяний и бесчисленных опасностей. С одной стороны, народ должен быть благодарен ему за дождь и свет солнца, которые благоприятствуют созреванию плодов, за ветер, который пригоняет к берегу суда, и даже за твердую почву под ногами. Но он может и отказаться все это давать. Зависимость природы от его личности столь велика, баланс системы сил, центром которой он является, столь хрупок, что малейшая оплошность с его стороны может до основания потрясти землю. А если на природу может подействовать малейший невольный проступок царя, нетрудно вообразить себе, каким потрясением будет его смерть. Считалось, как мы видели, что естественная смерть Читоме повлечет за собой разрушение всех вещей. Поэтому, заботясь о собственной безопасности, которой угрожает любой опрометчивый поступок верховного правителя или жреца, народ будет неукоснительно требовать от него следования правилам, соблюдение которых считается необходимым для его собственного сохранения и, следовательно, для сохранения его народа и мира. Представление о ранних царствах как о деспотиях, в которых народ существует лишь ради суверена, никак не приложимо к рассматриваемым нами монархиям. Напротив, в них суверен существует ради своих подданных; жизнь его обладает ценностью лишь постольку, поскольку он выполняет свои обязанности и направляет на благо народа течение природных явлений. Как только он терпит в этом неудачу, расточавшиеся ему заботы, преданность, религиозное почитание обращаются в ненависть и презрение; его прогоняют с позором, если вообще оставляют в живых. Сегодня ему поклоняются как богу, а завтра убивают как преступника. Но в этом изменении поведения народа нет ничего от каприза и непоследовательности. Напротив, он ведет себя совершенно логично. Если верховный правитель — бог, он должен хранить свой народ; если же он этого не делает, то должен уступить место более способно-

233

му. Но пока он отвечает ожиданиям народа, нет предела заботам, которыми тот его окружает. Такой правитель живет опутанный сетями детально разработанного этикета, запретов и предписаний, цель которых состоит не в охране его достоинства и тем более благополучия, а в удержании его от совершения поступков, которые, нарушая гармонию природы, могли бы ввергнуть его самого, народ и весь мир во всеобщую катастрофу. Эти предписания, регламентирующие каждый его поступок, не только не способствуют удобству, но, напротив, донельзя стесняют его свободу и часто превращают саму жизнь его, которую они имеют своей целью сохранять, в тягостное бремя.

Относительно «одаренных сверхъестественными способностями» правителей Лоанго известно, что чем могущественнее правитель, тем большее число табу он должен соблюдать. Табу регламентируют все его действия: прогулки и позы, пищу и питье, сои и бодрствование. Наследник трона с младенчества подвергается этим ограничениям; но по мере того как он взрослеет, число запретов и обрядов, которые он должен соблюдать, возрастает, «пока к моменту вступления на трон он не утопает в целом океане обрядов и табу». В кратере потухшего вулкана, окруженном со всех сторон травянистыми склонами, раскинулись хижины и ямсовые поля Риаббы, столицы местного царька Фернандо-По. Это таинственное существо, окруженное гаремом из сорока женщин и, как рассказывают, украшенное старинными серебряными монетами, обитает в самой глубине кратера. Этот нагой дикарь пользуется тем не менее на острове большим влиянием, чем испанский губернатор в городке Санта-Исабель. Ведь в нем воплощен дух — хранитель обитателей острова — буби[1]. Он никогда не видел белого человека и, по твердому убеждению всех буби, один вид бледнолицего приведет к его мгновенной смерти. Он не имеет права смотреть на море; сообщают, что он никогда не видел море даже на расстоянии. В полумраке хижины, с браслетами на ногах, влачит он свое существование. Нога его, конечно, никогда не ступала на побережье. Он не пользуется никакими изделиями белых, за исключением мушкета и ножа; к нему никогда не прикасалось европейское платье.

[1] Буби — коренное население острова Фернандо-По, принадлежащее к языковой группе северо-западных банту.

234

У народностей Невольничьего берега, говорящих на языке эве, «верховный вождь одновременно является верховным жрецом. Поэтому (особенно в прошлом) подданные не смели приближаться к нему, лишь ночью ему позволялось покинуть свое жилище, чтобы помыться и т. д. Только его представитель, так называемый «видимый вождь», да трое старейшин имели право с ним общаться, но и они должны были сидеть на воловьих шкурах спиной к нему. Верховный вождь не мог видеть европейца, а также лошадь и море (из-за чего ему не разрешалось ни на миг выезжать

из столицы). За последнее время эти правила значительно смягчились». Запрещение смотреть на море распространяется на самого короля Дагомеи, а также на властителей Лоанго и Большой Ардры в Гвинее. Море является фетишем эйео — народности на северо-западе Дагомеи; жрецы пугают туземцев и их правителей смертью, если те отважатся на него взглянуть. Бытует верование, что правитель Кайора в Сенегале неминуемо умрет в течение года, если решится пересечь реку или морской залив. В Машоналенде вождю запрещалось переходить некоторые реки, особенно Рурикви и Ниадири. «Вождь ни под каким видом не должен переходить реку. Если сделать это ему абсолютно необходимо, его переносят с завязанными глазами с криками и пением. В противном случае он ослепнет или умрет и уж во всяком случае лишится звания вождя». Также у махафали и сакалавов на юге острова Мадагаскар некоторым царькам запрещалось плавать по морю или переправляться через некоторые реки. Вождь почитается у сакалавов существом священным, но его держит в узде целая бездна ограничений, которые регулируют его поведение, как поведение китайского императора. Он вообще ничего не может предпринять без того, чтобы колдуны не сочли предзнаменования благоприятными. Он не может есть горячую пищу, в определенные дни выходить из своей хижины и т. д. У некоторых горных племен Ассама вождь и его жена должны соблюдать множество табу в отношении пищи; так, они не могут есть мясо буйвола, свиньи, собаки, курицы, помидоры и т. д. Вождь должен быть целомудренным, иметь одну жену и не общаться с ней накануне вступления в силу общеплеменных табу. В одной группе племен вождю запрещается принимать пищу в чужом селении, и никакой повод не может заставить его выругаться. Местные жители вооб-

235

ражают, что нарушение вождем какого-либо из этих табу навлечет несчастье на все селение.

Древние ирландские короли, а равно и правители провинций Лейнстера, Мунстера, Коннота и Ольстера подчинялись некоторым курьезным запретам и табу, от надлежащего соблюдения которых, как считалось, зависит их собственное благополучие, а также благополучие народа и страны. Так, восход солнца не мог застать короля Ирландии в его ложе в Таре — древней столице Эрина; в среду ему воспрещалось спешиваться у Мэг-Брига, пересекать после захода солнца Мэг-Киллин, понукать свою лошадь у Фэн-Чомиер, входить в находящийся на плаву корабль после Биллтейна. Правитель Лейнстера не мог в среду обходить Туат-Лейгхин с левой руки, располагаться лагерем на девять дней в долине Куаллана, проезжать по дублинской дороге в понедельник, переезжать Мэг-Мейстин на грязной лошади с черными копытами. Правителю Мунстера запрещалось веселиться на празднике в Лоч-Лейн, пировать ночью в начале жатвы до Гейма в Лейтриче, располагаться лагерем на Сиуире на девять дней и устраивать встречи на границе у Габхрана. Правителю Ольстера запрещалось посещать ярмарку коней в Рат-Лайне, слушать шум птичьих крыльев после захода солнца в Линн-Сэйличе, отмечать праздник быка в Дэйр-мик-Дэйре, направляться в Мэг-Кобха в марте и пить воду реки Бо-Неймхидх до захода солнца. Если правители Ирландии строго соблюдали эти и многие другие правила, предписываемые с незапамятных времен, считалось, что их обходили несчастья и неудачи, что жили они до девяноста лет без признаков старческой немощи, что в правление их не было эпидемий и падежа скота, напротив, погода стояла хорошая и земля в изобилии давала плоды. Но если они ни во что не ставили древние обычаи, страну поражали мор, голод и ненастье.

Египетским фараонам поклонялись как богам, и их каждодневная жизнь была детально регламентирована неизменными строгими предписаниями. «Жизнь египетских фараонов, — рассказывает Диодор, — не похожа на жизнь других монархов, которые ни за что не отвечают и могут делать все, что им заблагорассудится. Напротив, все, что относится к фараонам, установлено законом: не только их официальные обязанности, но и детали обыденной жизни... Днем и ночью были предусмотрены часы, когда фараон должен был делать не то, что ему нравится, а то, что ему предписывается... Предусматрива-

236

лось не только время для ведения общественных и судебных дел, но и часы прогулок, омовения, возлежания с женой, короче, всех жизненных отправлений. Предписываемая обычаем диета проста: в пищу фараон мог употреблять только телятину и мясо гуся, а выпивать он мог лишь определенное количество вина». Есть, однако, основания полагать, что предписания эти выполнялись не древними фараонами, а царями-жрецами, которые правили Фивами и Эфиопией в конце двадцатой династии.

Поразительным примером табу жрецов может служить регламентация жизни жреца Юпитера в Риме, считавшегося живым подобием Юпитера, человеческим воплощением небесного духа.

Предписания эти следующие: жрец Юпитера не имел права ездить верхом и прикасаться к лошади; смотреть на армию в полном вооружении, носить неполоманное кольцо, иметь узел на какой-либо части одежды; из его дома можно было выносить только священный огонь; он не мог прикасаться к пшеничной муке и к заквашенному хлебу; трогать (или даже называть по имени) козла, собаку, сырое мясо, бобы и плющ; проходить под виноградными лозами; ножки его кровати следовало обмазывать грязью; волосы ему мог постричь лишь свободный человек и только бронзовым ножом; состриженные с него волосы и ногти должны были быть погребены под приносящим счастье деревом; он не имел права прикасаться к мертвому телу и подходить к месту, где оно было кремировано; он не мог смотреть на работающих в праздничные дни; оставаться с непокрытой головой под открытым небом; если в его дом приводили связанного веревками пленника, его нужно было развязать, а веревку протащить через отверстие в крыше, чтобы конец ее высунулся наружу. Жена его, Фламиника, должна была исполнять почти все эти предписания и, кроме того, другие, предназначенные специально для нее. Она не могла подниматься более чем на три ступени по так называемой греческой лестнице; расчесывать свои волосы во время некоторых праздников; ее обувь не могла быть изготовлена из кожи животного, умершего естественной смертью, но только зарезанного или принесенного в жертву; если она слышала гром, то оставалась табу до тех пор, пока не приносила искупительную жертву.

У племени гребо (Сьерра-Леоне) есть верховный жрец, который носит титул Богиа и которого — впрочем, без доста-

237

точного на то основания — сравнивали с иудейским первосвященником. Назначается этот жрец по повелению оракула. Во время тщательно разработанной церемонии возведения в сан его смазывают маслом, на лодыжку ему надевают кольцо (символ власти), а дверные столбы в его доме опрыскивают кровью принесенной в жертву козы. На нем лежит забота об общественных талисманах и идолах, которых жрец каждый месяц кормит рисом и смазывает маслом. От имени народа он приносит жертву духам умерших и демонам. Формально власть его очень велика, но практически она весьма ограниченна, потому что он не решается бросить вызов общественному мнению. Он несет ответственность за все обрушивающиеся на страну бедствия. От жреца ожидают, что он сделает землю изобильной, людей — здоровыми, колдовство — безвредным, мир — прочным. Вся его жизнь заполнена исполнением предписаний и табу. Так, он не имеет права спать ни в одном доме, за исключением своей официальной резиденции, которая по причине его помазания при возведении в сан называется «помазанным домом». Он не имеет права пить воду на большой дороге; есть, пока в селении находится труп; оплакивать мертвого. Если верховный жрец умирает во время своего служения, хоронить его следует глубокой ночью; знать о похоронах должны немногие, а когда известие о его смерти станет достоянием гласности, никто не смеет его оплакивать. Если, выпив отвара из так называемого *Sassywood,* он становится жертвой испытания ядом, похоронить его следует под источником проточной воды.

Священный молочник племени тода (Южная Индия), который выступает в качестве жреца священной маслобойни, в течение длительного срока пребывания в этой должности подчиняется множеству утомительных и обременительных ограничений. Он, к примеру, должен жить на священной маслобойне и не имеет права навещать свой родной дом или обычное селение. Он должен дать обет безбрачия; если он женат, то ему следует оставить жену. Простой смертный ни под каким видом не смеет прикасаться к священному молочнику или к священной маслобойне; такое прикосновение настолько осквернило бы его святость, что он мог бы потерять должность. Только два раза в неделю (в понедельник и в четверг) обычным смертным позволялось приближаться к молочнику. В другие дни тот, у кого было к нему дело, должен был

238

останавливаться на расстоянии (по некоторым сведениям, приблизительно в четверть мили) и выкрикивать свою просьбу через разделяющее их пространство. Далее, пока святой молочник пребывает в должности, он не стрижет волос и ногтей; никогда не переходит через реку по мосту, но переходит ее вброд (и то только через определенные броды); если умирает член его клана, он не имеет права присутствовать ни на одном из похоронных обрядов, если прежде не откажется от должности и не снизойдет с высокого поста молочника в ранг простого смертного. В старину ему, вероятно, приходилось отказываться от своей короны — точнее, от своих ведер, — когда уходил из жизни какой-нибудь член его клана. Однако во всей своей полноте ограничения эти налагаются только на молочников очень высокого ранга.

Разделение духовной и светской власти.

Обременительные ограничения, связанные с высшей светской и духовной властью, имели естественные последствия: люди отказывались принимать такие должности (и те оставались вакантными) либо после принятия превращались под их бременем в вялые существа, в затворников, из чьих бессильных рук бразды правления легко переходили в цепкие руки людей, удовлетворяющихся реальной властью без громкого титула. В некоторых странах этот раскол высшей власти углубился до полного и постоянного разделения духовной и светской власти: за древними царскими династиями остаются чисто религиозные функции, тогда как светское руководство переходит в руки более молодых и энергичных людей.

Приведем примеры. ' Нам уже известно из предыдущего, что в Камбодже звания Царя Огня и Воды необходимо было навязывать силой недовольным преемникам, а на Диком острове монархия фактически исчерпала себя, потому что в конце концов никого нельзя было побудить взять на себя эту опасную прерогативу. Когда в некоторых районах Западной Африки умирает правитель, члены его семьи втайне собираются на совет для определения преемника. Того, на кого падет выбор, неожиданно хватают, связывают и бросают в священную хижину; там его держат в заточении до тех пор, пока он не соглашается принять корону. Иногда наследник находит средства избежать чести, которую ему стараются навязать: известно, что один грозный вождь не снимал с себя оружия и был готов силой противостоять любой попыт-

239

ке усадить его на трон. Туземцы дикого племени тиммов (Сьерра-Леоне) оставляют за собой право поколотить вождя накануне коронации и пользуются этой конституционной привилегией столь охотно, что иногда злосчастному монарху недолго удается прожить после восшествия на трон. Поэтому, когда влиятельные вожди затаят против кого-нибудь злобу и захотят от него отделаться, они выбирают его верховным вождем. В прошлом, прежде чем провозгласить кого-то верховным вождем Сьерра-Леоне, его заковывали в цепи и избивали. Затем с него снимали оковы, облачали в царское одеяние и вручали ему символ высшей власти, которым служил не более и не менее как топор палача. Поэтому неудивительно, что, «за исключением вождей мандинго и сузи, немногие властители в Сьерра-Леоне являются местными уроженцами. Наши представления столь отличны от их, что этой чести домогаются там лишь очень немногие, и редко можно слышать о борьбе за нее».

В Японии микадо, видимо, с давних пор стали прибегать к передаче почестей и бремени высшей власти своим малолетним детям. Взлет тайкунов (сёгунов)[1], долгое время бывших светскими властителями страны, восходит ко времени отречения одного из микадо в пользу своего трехлетнего сына. После того как высшая власть была вырвана из рук малолетнего принца неким узурпатором, на защиту микадо выступил Ёритомо, человек умный и властный. Он сверг узурпатора и возвратил микадо призрак власти, оставив полноту реальной власти за собой. Завоеванный титул он завещал своим потомкам и стал, таким образом, основателем династии. До второй половины XVI века тайкуны были активными и умелыми правителями, но над ними тяготел тот же рок, что и над микадо: они запутались в безвыходной паутине обычаев и предписаний и превратились в простых марионеток, редко выезжающих из своих дворцов и поглощенных постоянным исполнением пустых церемоний; реальные же вопросы правления отошли к государственному совету. Подобный путь проделала и монар-

[1] Начало правления сёгуна (тайкуиа) Минамото Ёритомо относится к концу XII века. Господство сёгунов (военных правителей) в Японии продолжалось до середины XIX века. После «переворота Мэйцзи» (1867) власть вернулась в руки императора — микадо, и Япония вступила на путь капиталистического развития и европеизации.

240

хия в Тонкине. Царь, как и его предшественники, ведший праздный и бездеятельный образ жизни, был свергнут с трона честолюбивым искателем приключений по имени Мак, который из простого рыбака превратился в Великого мандарина. Однако брат свергнутого правителя Тринг низложил самозванца и восстановил прежнего монарха, оставив при этом за собой и за своими потомками титул командующего всеми вооруженными силами. С этого времени Великие мандарины сохраняют за собой титул и почести, но перестают править. А пока они живут взаперти в своих дворцах, реальная политическая власть сосредоточивается в руках наследственных полководцев.

Религиозная и гражданская власть на полинезийском острове Мангаиа находилась в руках разных людей. Религиозные функции выполнялись династией наследственных властителей, в то время как светская власть время от времени отходила к победоносному вождю, на вступление которого в

должность должен был, однако, дать согласие верховный жрец. На островах Тонга также кроме светского правителя, чье право на трон отчасти было наследственным, а отчасти зависело от его боевых заслуг и числа воинов, существовал великий божественный вождь, который благодаря своему происхождению от одного из главных богов стоял выше светского правителя и других вождей. Один раз в году ему на торжественной церемонии передавались первые плоды, и считалось, что, если этого не сделать, на народ незамедлительно обрушится мщение богов. В разговоре с ним использовался особый язык, и все, к чему он прикасался, становилось священным или подлежало табу. Когда он встречался со светским властителем, последний должен был в знак почтения сидеть на земле, пока его святейшество не пройдет мимо. Однако, несмотря на величайшее поклонение, которое оказывалось вождю по причине его божественного происхождения, этот священный персонаж не обладал никакой политической властью, и если бы он отважился вмешаться в государственные дела, то мог получить отпор со стороны светского правителя, которому принадлежала полнота реальной власти и которому в конце концов удалось отделаться от своего соперника.

В некоторых частях Западной Африки бок о бок правят религиозный царь-фетиш и светский царь. Царь-фетиш стоит выше светского царя. Он держит контроль над погодой и, по

241

общему убеждению, обладает необычной силой. Когда он кладет на землю свой красный жезл, никто не смеет идти этим путем. Разделение власти между духовным и светским правителем встречается везде, где подлинная негритянская культура осталась в неприкосновенности; но там, где — как в Дагомее и в государстве Ашанти — негритянская форма общественного устройства пришла в упадок, прослеживается тенденция и к объединению этих двух форм власти в одних руках.

В некоторых частях острова Тимор (Восточная Индонезия) мы сталкиваемся с разделением власти, которое похоже на то, которое в Западной Африке представлено светским царем и царем-фетишем. Некоторые племена на Тиморе признают двух раджей: простого, который правит народом, и раджу-фетиша, или раджу-табу, на которого возложен контроль за землей и ее плодами. Последний сохраняет за собой право объявлять нечто табу. Прежде чем приступить к обработке новой земли, необходимо получить его разрешение; он же должен по окончании работы исполнить необходимые церемонии. Если урожаю угрожает засуха или нашествие насекомых-вредителей, обращаются за помощью к радже-фетишу. Раджа-табу, несмотря на то что ранг его ниже светского раджи, оказывает существенное воздействие на ход природных событий, и его гражданский коллега обязан консультироваться с ним по всем этим важным вопросам. На некоторых соседних островах (таких, как Роти и Восточный Флорес) духовный вождь носит различные туземные имена, общий смысл которых можно выразить словами «хозяин почвы». И в округе Мекео (Британская Новая Гвинея) имеется институт двух вождей. Население там разделено на две группы в зависимости от семейной принадлежности, и у каждой группы есть свой вождь. Один из них является военным вождем, а другой — вождем-табу. Последняя должность наследственная; обязанность этого вождя — накладывать табу на всевозможные плоды, например на кокосовые орехи и орехи: арека, когда ему покажется желательным запретить их употребление в пищу. В этой функции мы, вероятно, можем усмотреть исток жреческой династии, но другие его функции пока представляются скорее магическими, чем религиозными, так как они больше связаны с контролем над урожаем, чем с умилостивлением высших сил.

242

Глава XVIII. ОПАСНОСТИ, УГРОЖАЮЩИЕ ДУШЕ

Душа как маленький человек.

Из вышеприведенных примеров явствует, что отправление должности священного царя или жреца нередко опутано сетью обременительных ограничений и табу. Основной их целью является сохранение жизни божественного человека на благо его народа. Каким же образом соблюдение запретов приводит к этой цели? Для понимания этого нужно знать природу опасности, которая угрожает жизни царя и для предохранения от которой изобретены курьезные ограничения. Нужно спросить, что дикарь понимает под смертью? Каким причинам он ее приписывает? И каким путем считает возможным от нее оградиться?

Дикарь объясняет стихийные силы природы действиями живых существ, присутствующих в них или стоящих за ними; так же он объясняет и явления самой жизни. Если животное живет и двигается, это, полагает он, происходит только потому, что внутри его сидит человек или зверек, который им движет. Этот зверек в животном, этот человек внутри человека есть душа. Деятельность животного или человека объясняется присутствием этой души, а его успокоение во сне или в смерти объясняется ее отсутствием; сон или транс представляют собой временное, а смерть — постоянное отсутствие души. Так как смерть является постоянным отсутствием души, предохраниться от нее можно либо закрыв душе выход из тела, либо, если она его покинула, добившись ее возвращения. Меры предосторожности, принимаемые дикарями для достижения одной из этих целей, выступают в виде запретов, или табу, являющихся не чем иным, как правилами, предназначенными достигнуть постоянного присутствия или возвращения души. Короче говоря, они стоят на страже жизни. Проиллюстрируем эти общие положения конкретными примерами.

Обращаясь к австралийским аборигенам, один европейский миссионер сказал: «Я не один, как вы думаете, а двое». На это они рассмеялись. «Вы можете смеяться сколько вам угодно, — продолжал миссионер, — я говорю, что являюсь Двумя в одном. Одно — это большое тело, которое вы видите; а внутри его есть другое, невидимое маленькое тело. Большое тело умирает, и его хоронят, а маленькое тело после его смерти улетает». На это один из аборигенов ответил: «О, и

243

нас тоже двое, и в нашей груди есть маленькое тело». На вопрос, куда маленькое тело ушло после смерти, некоторые ответили: оно ушло за кусты, другие — оно ушло в море, а третьи сказали, что не знают. Индейцы-гуроны считают, что у души есть голова, тело, руки и ноги, короче, что она является уменьшенным подобием самого человека. У эскимосов бытует верование, согласно которому «душа обладает такой же формой, как и тело, частью которого она является, только более тонкой и воздушной природы». Согласно верованиям индейцев-нутка, душа имеет вид крошечного человечка; его местонахождением служит макушка; пока она держится прямо, владелец его крепок и здоров; когда же она по какой-то причине выходит из вертикального положения, тот теряет сознание. Племена индейцев, живущие в нижнем течении реки Фрейзер, считают, что у человека есть четыре души; главная из них имеет форму человечка, а три другие являются ее тенями. Малайцы рассматривают человеческую душу как маленького человечка, величиной с большой палец, большей частью невидимого; по форме и по сложению он является копией человека, в чьем теле обитает. Человечек этот сделан из очень тонкой материи, не настолько, впрочем, неощутимой, чтобы при вхождении в материальный предмет не вызвать сдвига; он может быстро перелетать с места на место; во время сна, транса и в случае болезни он временно, а в случае смерти навсегда уходит из тела.

Сходство этого человечка с человеком, то есть души с телом, является полным; как есть полные и худые тела, так есть полные и худые души; как бывают тяжелые и легкие, длинные и короткие тела, так и души бывают тяжелыми и легкими, длинными и короткими. Обитатели острова Ниас верят, что каждого человека до рождения спрашивают, какой длины и какого веса душу ему хотелось бы иметь, и отмеривают ему душу подходящего веса и длины. Самая тяжелая из когда-либо выданных душ весит примерно 10 граммов. Длина человеческого тела соразмерна длине его души; умершие в детстве люди имеют низкорослые души. На островах Фиджи представление о душе как о крошечном человечке находит выражение в обычаях, соблюдаемых на похоронах вождя племени накело. Когда вождь умирает, наследственные плакальщики-мужчины обращаются к смазанному маслом и покрытому татуировкой телу со словами: «Поднимись, вождь, и пой-

244

дем. Над страной уже взошел день». Потом они несут тело к реке, откуда дух-паромщик переправляет через поток души накело. Провожая вождя в последний путь, они прикрывают его тело огромными веерами, объясняя это тем, что «душа его пока еще только младенец». Народности Пенджаба, покрывающие свое тело татуировкой, верят, что после смерти их души — «миниатюрный мужчина или женщина» в телесной оболочке, покрытой татуировкой с тем же рисунком, который украшал тело при жизни, — вознесутся на небо. Но в дальнейшем мы убедимся, что иногда душа облекается не только в человеческую, но и в животную форму.

Уход и вызывание души. Как правило считается, что душа покидает тело через отверстия, чаще всего через рот или через ноздри. Поэтому на острове Целебес к носу, пупку и ногам больного иногда прицепляют рыболовные крючки, чтобы душа его при попытке бегства попадала на крючок и осталась с человеком. Один член племени турик с реки Барам (остров Борнео) не желал расстаться с крючковидными камнями, так как, по его утверждению, они прицепляли его душу к телу и таким образом не давали духовной его части отделиться от телесной. Приморские даяки считают, что пальцы колдуна или шамана должны быть снабжены рыболовными крючками, которыми он в момент отлета человеческой души будет захватывать и возвращать ее в тело больного. Крючки могут быть использованы для ловли душ как друзей, так и врагов. Руководствуясь этим принципом, охотники за головами на острове Борнео вешают рядом с черепами убитых ими врагов деревянные крючья в уверенности, что это поможет им в предстоящих набегах добыть новые головы. Одним из инструментов, которыми пользуется знахарь племени гайда, является полая кость, в которую он закупоривает отлетающие души, с тем чтобы потом возвратить их владельцам. Когда в присутствии индуса кто-нибудь зевает, тот щелкает пальцами, чтобы помешать душе выйти через открытый рот. Жители Маркизских островов зажимают рот и нос умирающего, чтобы сохранить его в живых и не дать ускользнуть его душе; сообщают, что так же поступают жители Новой Каледонии. С той же целью багобо на Филиппинских островах надевают на кисти и лодыжки больных латунные кольца. Индейцы-итонама из Южной Америки запечатывают глаза, рот и нос умирающего, чтобы его душа не вышла наружу и не увлекла за собой другие

245

души. По той же причине островитяне Ниаса, которым внушают страх души недавно умерших людей — они отождествляют душу с дыханием, — стремятся заточить дух в его земной оболочке; для этого они, например, затыкают нос и связывают челюсти трупа. Прежде чем оставить труп, австралийские аборигены племени вакельбура закладывали ему в уши горячие уголья, чтобы удержать дух в теле до тех пор, пока живые не удалятся на достаточное расстояние и их нельзя будет настичь. Чтобы душа женщины не выскользнула во время родов, сиделка на юге острова Целебес возможно туже завязывает вокруг тела роженицы повязку. Тот же обычай соблюдают минангкабау на острове Суматра: моток ниток или веревку обматывают вокруг талии роженицы, так что душа, которая во время родов стремится выскочить, находит выход закрытым. Альфуры на Целебесе перед началом родов, чтобы душа младенца при рождении не выскользнула и не потерялась, стараются заткнуть все отверстия в доме, даже замочную скважину, трещины и щели в стенах. В то же время затыкают рты всем животным внутри и вне дома из опасения, чтобы ни одно из них не проглотило душу ребенка. По той же причине все присутствующие в доме люди, включая роженицу, обязаны во время родов держать свои рты закрытыми. На вопрос, почему они не закрывают и свои носы, альфуры ответили, что через ноздри воздух втягивается и выпускается и душа будет вытолкнута наружу до того, как успеет там поселиться. Простонародные выражения в языках цивилизованных наций, такие, как «держать сердце во рту» или «иметь душу на губах или в носу», показывают, насколько естественной является мысль о том, что жизнь (или душа) может выскользнуть через рот или через ноздри.

Часто душа представляется птицей, готовой улететь. Такое представление, вероятно, оставило следы в большинстве языков и продолжает сохраняться в качестве поэтической метафоры. Множеством странных способов это представление о душе-птице проявляется у малайцев. Если душа готова взлететь птицей, можно воспользоваться рисом как приманкой, чтобы либо помешать ей улететь, либо возвратить из опасного полета. Например, на острове Ява, когда ребенка впервые ставят на землю — этот момент кажется первобытным людям особенно опасным, — его помещают в клетку для кур, и мать начинает кудахтаньем созывать цыплят. Ко-

246

гда в Синтанге (округ на острове Борнео) кто-либо — будь то мужчина, женщина или ребенок — падает с дерева и его приносят домой, жена или другая родственница с максимальной

поспешностью прибегает на место происшествия и, разбрасывая там выкрашенный в желтый цвет рис, приговаривает: «Кудах, кудах, душа! Такой-то снова у себя в доме. Кудах, кудах, душа!» После этого она собирает рис в корзинку, приносит ее пострадавшему и, роняя зерна ему на голову, повторяет: «Кудах! Кудах! Кудах! Душа!» Делается это, очевидно, с целью вернуть птичку-душу на свое место в голову владельца.

Считается, что душа погруженного в сон человека на самом деле вылетает из тела и посещает те места, видит тех людей и совершает те действия, которые видит спящий. Например, когда бразильский или гвианский индеец пробуждается от глубокого сна, он твердо убежден, что душа его взаправду охотилась, ловила рыбу, рубила деревья или делала еще что-то привидившееся ему, в то время как тело в неподвижности лежало в гамаке. Целое селение индейцев-бороро пришло в панику и чуть не покинуло место своего обитания из-за того, что кому-то приснилось, будто к ним украдкой приближаются враги. Один индеец племени макуши был слаб здоровьем, и ему привиделось во сне, что хозяин заставил его волоком поднять каноэ через каскад крутых водопадов. Следующим утром индеец горько упрекал хозяина в бессердечии к бедному больному, которому всю ночь пришлось тяжело работать. Индейцы Гран-Чако часто рассказывают самые невероятные истории и выдают их за сущую правду. Поэтому несведущие европейцы утверждают, что эти индейцы — лгуны. На самом же деле индейцы глубоко убеждены в правдивости рассказываемого: ведь они не отличают сна от яви.

Отсутствие души во время сна чревато опасностями, поэтому если по какой-либо причине душа надолго оторвется от тела, человек, лишившись своего жизненного начала, умрет. У немцев бытует верование, согласно которому душа выскальзывает изо рта спящего в виде белой мыши или птички; преградить птице или животному путь к возвращению — значит вызвать смерть спящего. Поэтому жители Трансильвании утверждают, что не следует позволять ребенку спать с открытым ртом; в противном случае душа его выскользнет в виде

247

мыши, и ребенок никогда не проснется. Задержаться душа спящего человека может по ряду причин. Она может, к примеру, встретить душу другого спящего, и они подерутся. Если гвинейский негр утром просыпается с ломотой в костях, ему кажется, что душа другого человека во сне поколотила его душу. Кроме того, душа может встретить душу недавно умершего человека, и та увлечет ее за собой. Поэтому туземцы на островах Ару не останутся в доме на ночь после того, как кому-то случится в нем умереть, так как считается, что душа умершего еще пребывает в доме, и они опасаются повстречаться с ней во сне. Далее, возвратиться в тело спящего человека душе может помешать несчастный случай или прямое насилие. Если во сне даяку привидится, что он упал в воду, ему кажется, что случай этот действительно приключился с его душой; он посылает за колдуном, который сеткой ловит душу в водоеме до тех пор, пока не поймает и не возвратит ее владельцу. Санталы рассказывают такой случай. Одному уснувшему человеку очень захотелось пить, и душа его в виде ящерицы покинула тело и вошла в кувшин с водой. Как раз в этот момент владелец кувшина прикрыл его крышкой; поэтому душа не смогла вернуться в тело, и человек умер. Пока друзья усопшего готовили его тело к сожжению, кто-то открыл кувшин, чтобы набрать в него воды. Тут ящерица выскользнула и возвратилась в тело, которое тотчас же ожило. Человек встал и спросил друзей, почему они плакали. Те сказали, что считали его мертвым и готовились сжечь его тело. Человек объяснил друзьям, что спустился в колодец за водой, но выбраться оттуда оказалось делом трудным и он только что вернулся. Тогда они все поняли.

Все первобытные народы соблюдают запрещение будить спящего; ведь душа его отсутствует и может не успеть возвратиться, и человек, если он проснется без души, заболеет. Если разбудить спящего абсолютно необходимо, делать это следует постепенно, чтобы у души было время вернуться. Житель одного из островов Фиджи (Матуку), на которого кто-то наступил во время сна, поднял истошный крик, умоляя свою душу вернуться. Ему как раз снилось, что он был далеко, на острове Тонга, и он пришел в большое беспокойство после неожиданного пробуждения на острове Матуку. Если бы ему не удалось побудить душу быстро пересечь море и вернуться в покинутое обиталище, ему грозила смерть. Туземец, вероят-

248

но, умер бы от страха, если бы его не успокоил оказавшийся под рукой миссионер.

Еще более опасно, по мнению примитивного человека, передвигать спящего или изменять его внешний облик: в таком случае по возвращении душа не сможет узнать тело, и человек умрет. У минангкабау строго запрещается пачкать лицо спящего черной краской или грязью; в противном случае отсутствующая душа может не пожелать выйти в изменившееся до неузнаваемости тело.

Малайцы-патани воображают, что, если разрисовать лицо человека во время сна, отошедшая душа его не узнает и сон будет продолжаться до тех пор, пока с лица не смоют краску. В Бомбее изменить вид спящего, например раскрасить лицо в причудливые цвета или пририсовать усы женщине, считается равносильным убийству.

Но душа покидает тело не только во сне. Она может покинуть его и во время бодрствования, и тогда последует болезнь, безумие или смерть. Один австралийский абориген племени вурунджерри лежал при последнем издыхании из-за того, что его дух отделился от него. Знахарь пустился на поиски и поймал душу как раз в тот момент, когда она готовилась погрузиться в пурпур заката, место, где души входят в подземное царство и выходят из него. Знахарь возвратил пойманную душу, прикрыв ее полостью из меха опоссума, лег на умирающего и вложил в него душу; по прошествии некоторого времени тот ожил. Живущие в Бирме карены пребывают в постоянной тревоге за свои души; ведь если они выйдут из тел на волю, владельцы душ умрут. Когда у кого-то есть основания опасаться, что душа его готова совершить этот роковой шаг, для ее удержания или возвращения совершается обряд, в котором принимает участие вся семья. Приготовляется блюдо из мяса петуха и курицы, особого сорта риса и связки бананов. После этого глава семьи берет в руки сосуд, в котором толкут рис, и, трижды стукнув им по верху домашней лестницы, говорит: «Прррoo! Вернись, душа, не задерживайся там снаружи! На дожде ты вымокнешь. На солнце тебе будет жарко. Комары и пиявки будут кусать тебя, тигры — пожирать тебя, гром — сокрушать тебя. Прррoo! Вернись, душа! Тебе будет хорошо с нами. Ты ни в чем не будешь знать нужды. Приди и поешь под кровом, защищенная от ветра и бури». После этих слов семья приступает к принятию пищи. Обряд кончается тем, что все обматывают запястье правой руки веревкой, ко-

249

торую заговорил колдун. Лоло в юго-западной части Китая[1] также верят, что душа при хронической болезни покидает тело. В этом случае они устраивают нечто вроде сложного молебствия; при этом душу называют по имени и заклинают вернуться с холмов, долин, рек, лесов, полей и вообще отовсюду, где она может скитаться. Для того чтобы освежить уставшую от странствий душу, у двери выставляют чаши с водой, вином и рисом. По окончании обряда лоло обвязывают вокруг груди больного красную бечевку, чтобы привязать душу, и носят ее до тех пор, пока она не сгниет и не отпадет.

У некоторых конголезских племен бытует поверье, что, когда человек заболевает, его душа покидает тело и блуждает на просторе. Для поимки бродячего духа и его возвращения больному прибегают к услугам знахаря. Обычно знахарь объявляет, что успешно загнал душу на ветку дерева. После этого все жители собираются и в сопровождении знахаря отправляются к дереву, где сильнейшим мужчинам поручают сломать ветку, на которой, как предполагается, поселился дух больного. Они вносят ветку обратно в селение, показывая жестами, что ноша очень тяжела. Когда ветку приносят в хижину больного, он встает с ней рядом, и знахарь произносит заклинания, с помощью которых душа возвращается ее владельцу.

Батаки Суматры считают отлучение души из тела причиной иссыхания, болезни, великого ужаса и смерти. Сначала они пытаются заманить беглянку назад разбрасыванием рисовых зерен, как будто душа — курица. Затем обычно повторяют следующие фразы: «Вернись, душа, где бы ты ни замешкалась: в горах, в лесу, или в долине. Смотри, я призываю тебя силой *toemba bras,* яйцом курицы — раджи *moelija,* одиннадцатью целебными листьями. Не задерживайте ее, пусть идет она прямо сюда, не задерживайте ее ни в лесу, ни на горе, ни в долине. Чтобы этого не было! О, иди прямо домой!» Когда однажды известный путешественник покидал селение кайанов, матери из боязни, как бы за ним не последовали души их детей, принесли ему доски, на которых они носили своих младенцев, и просили его помолиться о том, чтобы души детей возвратились на свои обычные доски, а не пошли за ним в далекую страну. К каждой доске была прикреплена веревка в виде петли, чтобы зацеплять бродячие души; каждый ребенок

[1] Лоло — устаревшее название народа ицзу (носу, и).

250

должен был продеть в петлю большой палец, чтобы появилась уверенность, что крошечная душа не проскочит наружу.

В одной индийской сказке душа раджи входит в труп брахмана, а душа горбуна-брахмана — в покинутое тело раджи. Горбун становится раджей, а раджа — брахманом. Но горбуна удалось уговорить продемонстрировать свое искусство, переселившись в тело мертвого попугая, а раджа воспользовался этим для того, чтобы снова овладеть своим телом. Аналогичная малайская легенда

отличается лишь деталями. Правитель по неосмотрительности перенес свою душу в обезьяну, после чего визирь хитростью поместил свою душу в царственное тело и овладел женой правителя и царством, в то время как настоящий правитель томился при дворе в обличье обезьяны. Но однажды лжеправитель, бывший завзятым игроком, присутствовал на бое баранов, и случилось так, что баран, на которого он поставил деньги, пал мертвым. Все усилия оживить его оканчивались неудачей до тех пор, пока лжеправитель, влекомый инстинктом истинного спортсмена, не перенес свою душу в тело павшего барана и не возобновил схватку. Настоящий правитель в обличье обезьяны воспользовался случаем и, сохраняя присутствие духа, стрелой влетел в собственное тело, которое опрометчиво освободил визирь. Так он снова стал самим собой, а самозванец в образе барана получил по заслугам. Греки также рассказывали, как душа некоего Гермотима из Клазомен нередко покидала пределы тела и блуждала вдалеке, а потом делилась с друзьями воспоминаниями об увиденном во время своих странствий. Но когда однажды душа путешествовала, враги Гермотима схватили покинутое тело и предали его огню.

Душа не всегда отлетает добровольно. С помощью привидений, демонов или колдунов душу можно извлечь из тела и против ее воли. Поэтому, когда похоронная процессия проходит мимо дома, карены привязывают детей к определенной части дома специальной веревкой; иначе души детей выйдут из своих тел и войдут в труп. Детей держат на привязи до тех пор, пока процессия не исчезнет из виду. Когда тело опущено в могилу, но еще не засыпано землей, каждый из стоящих рядом с могилой плакальщиков и друзей держит в одной руке расщепленный во всю длину ствол бамбука, а в другой — небольшую палку. Бамбуковые стволы опускают в могилу и, проводя палкой по желобам, указывают душе путь, которым

251

та легко может выбраться. После того как могилу засыпают, бамбуковые трости вытаскивают, чтобы оказавшиеся в них души не были по оплошности засыпаны землей; уходя, люди уносят с собой бамбуковые трости, умоляя души последовать за ними. При возвращении с погребения каждый карен запасается тремя маленькими деревянными крючками и, приглашая душу последовать за ним, с небольшими перерывами совершает зацепляющее движение, а затем втыкает крючок в землю. Делается это с целью помешать душе живого остаться с душой мертвеца. У каро-батаков во время погребения колдунья размахивает палкой, чтобы отгонять души живых, потому что, если одной из них случится проскользнуть в могилу и быть погребенной, умрет и ее владелец.

На одном из островов Лойялти, острове Уса, душам умерших, видимо, приписывается способность похищать души живых. Когда кто-либо заболевал, знахарь в сопровождении большой толпы мужчин и женщин отправлялся на кладбище. Там мужчины принимались наигрывать на флейтах, а женщины — нежно насвистывать, чтобы приманить душу обратно. Через некоторое время они выстраивались и двигались по направлению к дому; игра на флейтах и насвистывание продолжались в течение всего пути: с их помощью увлекали назад заблудшую душу, нежно подталкивая ее раскрытыми ладонями. По приходе в жилище больного они громким голосом приказывали душе войти в тело.

Похищение души часто считается делом рук демонов. Китайцы, например, обыкновенно приписывают припадки и судороги действию неких злобных духов, которым доставляет удовольствие извлекать душу из человеческого тела. Духи, таким образом обходящиеся с детьми и младенцами, носят в Амое титулы «воинства небесного, галопом несущегося на конях» и «ученых, обитающих на полпути к небу». Когда ребенок корчится в судорогах, испуганная мать спешит взобраться на крышу дома и, размахивая бамбуковым шестом, к которому прикреплена одежда ребенка, выкрикивает несколько раз: «Ребенок мой по имени такой-то, вернись, возвратись домой!» В то же время другой обитатель дома колотит в гонг в надежде привлечь внимание заблудшего духа, который якобы узнает свою одежду и войдет в нее. Содержащую душу одежду надевают на ребенка (или кладут рядом с ним): если душу удалось заманить, ребенок непременно выздоровеет. Некото-

252

рые индейцы ловят потерянную душу человека в башмаки и, надевая их на ноги, возвращают душу в тело.

На Молуккских островах в случае болезни считается, что какой-то злой дух унес душу человека на дерево, в гору или на холм, где он обитает. После того как колдун обнаружил пристанище злого духа, друзья больного приносят туда приготовленный рис, фрукты, сырые яйца, курицу, цыпленка, одежду из шелка, золотые браслеты и пр. Выставив по порядку эти припасы, они обращаются к

нему со следующей молитвой: «Мы пришли к тебе, о злой дух, и принесли в подарок эту пищу, одежду, золото и т. д. Возьми их и выпусти на волю душу больного, за которого мы молим. Пусть она возвратится в его тело и он выздоровеет». Затем они съедают немного пищи и в качестве выкупа за душу больного отпускают на волю курицу. Оставляют они также сырые яйца, а шелковую одежду, золото и браслеты забирают с собой. Сразу же по возвращении домой они ставят плоскую чашу с подарками, которые они принесли обратно, в изголовье больного и говорят: «Теперь душа твоя свободна, ты будешь чувствовать себя хорошо и проживешь до седых волос».

Особенно опасаются демонов те, кто только что переселился в новое жилище. Поэтому на праздновании новоселья у альфуров из Минагасы на острове Целебес жрец, чтобы обезопасить души новоселов, совершает особый обряд: он вывешивает мешок на месте жертвоприношений, а затем зачитывает весь список богов. Список этот так велик, что его непрерывное чтение занимает всю ночь. Наутро он приносит в жертву богам яйцо и немного риса. Считается, что к этому временя все души собрались в мешок. Жрец берет мешок и, держа его над головой хозяина дома, говорит: «Вот здесь твоя душа. Завтра душа выходи вновь». То же самое проделывается с женой и другими домочадцами. У тех же альфуров есть такой способ возвращения души больного: они на ремне спускают чашу из окна и, как на удочку, ловят душу до тех пор, пока она не попадется в чашу и не будет поднята наверх. Когда жрец того же племени возвращает завернутую в кусок материи душу больному, впереди него идет девушка, держа в руках широкий лист определенной пальмы, и, как зонтиком, прикрывает им жреца и душу, чтобы в случае дождя они не намокли; за жрецом следует мужчина, размахивающий мечом для того, чтобы удержать другие Души от попыток спасти плененный дух.

253

Иногда потерявшуюся душу возвращают в тело в видимой форме. Индейцы-селиш (штат Орегон) верят, что временное отделение души человека от тела не влечет за собой смерть и может даже пройти незамеченным для самого человека. Но потерявшуюся душу нужно быстро отыскать и вернуть владельцу, иначе он умрет. Имя потерявшего душу человека открывается во сне знахарю, и тот спешит сообщить больному об этой потере. Как правило, душу одновременно теряли несколько людей; все они обращались к знахарю с просьбой вернуть душу. На протяжении всей ночи потерявшие душу люди с пением и танцами бродят по деревне от хижины к хижине. На рассвете они входят в отдельную закрытую хижину, в которой совершенно темно. В крыше проделывается дырочка, и через нее знахарь пучком перьев сметает души — в виде обломков костей и тому подобного хлама — и складывает их в кусок циновки. Потом зажигают огонь, и при его свете знахарь рассортировывает души. Во-первых, он откладывает в сторону души умерших: таких обычно оказывается несколько штук. Стоит дать живому человеку душу мертвого, и он тут же умрет. Во-вторых, он отбирает души всех присутствующих и, рассадив их перед собой, берет душу каждого в виде обломка кости, дерева или раковины, кладет ее на голову владельца и с молитвами и судорогами хлопает по ней до тех пор, пока она не опустится в сердце и не займет свое место.

Извлекать души из тел или препятствовать их возвращению могут не только привидения и демоны, но и люди, в особенности колдуны. Если на островах Фиджи преступник отказывается признаться, вождь посылает за тюрбаном, который «захватывает душу мошенника». При виде этого тюрбана (даже при упоминании о нем) преступник обычно чистосердечно все выкладывает. В противном случае тюрбан обвивают вокруг его головы до тех пор, пока он не захватит душу; затем его аккуратно складывают и прибивают к корме каноэ вождя. Лишившись души, преступник зачахнет и умрет. Колдуны с острова Дэнжер обычно ставили на души ловушки. Делались ловушки из крепких веревок от 15 до 30 футов длиной; к ним со всех сторон приделывались петли разной величины, пригодные для душ разных размеров. Длинные петли ставились на толстые души, короткие — на тонкие. Когда человек, против которого колдуны имели зуб, заболевал, те

254

устанавливали ловушки на душу рядом с его домом и подстерегали вылет его души. Если душа в виде птицы или насекомого попадалась в ловушку, человек неизбежно умирал. В некоторых частях Западной Африки колдуны ставят западни на души, которые покидают тело во время сна. Если удается поймать душу, они привязывают ее над огнем: по мере того как она сморщивается под действием огня, ее владелец чахнет. Делается это не из недоброжелательства по отношению к больному, колдуна не интересует то, чей дух попался в ловушку, и он охотно возвращает его владельцу за соответствующее вознаграждение. Некоторые колдуны содержат настоящие приюты

для заблудших душ, и всякий, у кого потерялась или заблудилась душа, может за обычное вознаграждение получить в приюте душу. Никто не порицает содержателей таких частных приютов и ловцов проходящих душ; ведь это их ремесло, заниматься которым их побуждает отнюдь не грубая недоброжелательность. Но есть негодяи, которые из чистой злобы или ради выгоды ставят западни на души людей. Наживка скрывает ножи и острые крючья, находящиеся на дне горшка, которые либо тут же разрывают несчастную душу на части, либо, если ей удастся сбежать и возвратиться к владельцу, истерзают ее и нанесут вред ее здоровью. Мисс Кингсли знала одного крумана, который стал очень беспокоиться о своей душе, потому что на протяжении нескольких ночей обонял во сне приятный запах копченых раков, приправленных красным перцем. Очевидно, какой-то недоброжелатель, вознамерившись нанести серьезный вред его телу или, скорее, его душе, поставил на его душу наживленную этим лакомством западню. В течение нескольких ночей он принимал величайшие предосторожности, чтобы во время сна его душа не вышла наружу. В знойные тропические ночи, обливаясь потом и сопя, он лежал под одеялом, заткнув платком нос и рот, чтобы не дать драгоценной душе выскользнуть наружу. На Гавайских островах были колдуны, которые ловили души живых людей, запирали их в тыквенные бутылки и отдавали людям на съедение. Сжимая плененные души в руках, они Узнавали места, в которых тайком были похоронены люди.

Вероятно, нигде искусство умыкания человеческих душ не практиковалось столь ревностно и не достигало такого совершенства, как на Малайском полуострове. Колдуны там навязывают свою волю разными средствами и по разным мотивам.

255

В одних случаях они стремятся погубить врага, в других завоевать любовь холодной или стыдливой красавицы. Возьмем в качестве примера любовные колдовские средства. Добиться того, чтобы душа желанной женщины потеряла рассудок, можно такими приемами. Когда на востоке багровая луна только что взошла над горизонтом, выйди из дому и при свете луны, положив большой палец правой ноги на большой палец левой, сложи в виде рупора правую руку и продекламируй следующие слова:

Ом. Я выпускаю стрелу, я выпускаю ее — и она затмевает луну,
Я выпускаю ее — и солнце уходит в туман,
Я выпускаю ее — и свет затемняется звезд.
Не целил я ни в звезду, ни в солнечный диск, ни в луну,
Целил ведь в стебель души милой мне дочери я
Такой-то и такой-то.
Клак! Клак! Душа такой-то, приди и погуляй со мной,
Приди и посиди со мной,
Приди, усни и раздели со мной подушку.
Клак! Клак! Душа.

Повтори это трижды и после каждого повтора подуй в сложенную рупором ладонь. Или можно поступить таким образом. Выходи в ночь полнолуния и две последующие ночи, садись на муравейник лицом к луне, воскуряй благовония и произнеси следующее заклинание:

Я принес лист бетеля тебе пожевать,
О, приложи к нему известь, Принц Жестокости,
Чтобы такая-то дочь Принца Безумия ее жевала,
Чтобы такая-то на восходе обезумела от любви ко мне,
Чтобы такая-то на закате обезумела от любви ко мне.
Как ты помнишь родителей, помни меня,
Как ты помнишь свой дом и родную лестницу, помни меня.
Когда грохочет гром, помни обо мне,
Когда свистит ветер, помни обо мне,
Когда идет дождь, помни обо мне,
Когда кричит петух, помни обо мне,
Когда рассказывает свою повесть дрозд, помни обо мне,
Когда ты смотришь на солнце, помни обо мне,
Когда ты смотришь на луну, помни обо мне,
Потому что в этой самой луне я.
Клак! Клак! Душа такой-то, приди ко мне.
Я не намерен отдавать тебе свою душу,
Так пусть придет ко мне твоя душа.

После этого каждую ночь семь раз помаши тюрбаном по направлению к луне. Приди домой и положи его под подушку, и, если собираешься надеть тюрбан днем, сжигай благовония,

256

приговаривая: «На поясе своем я ношу не тюрбан, а душу такой-то».

Индейцы с реки Насс в Британской Колумбии верят, что врач может по ошибке проглотить душу больного. Собратья по профессии заставляют подозреваемого в таком поступке знахаря наклониться к больному; в это время один запускает пальцы в его горло, другой разминает знахарю ладонями живот, а третий хлопает его по спине. Если после всего этого души в нем не оказывается и если та же процедура была безуспешно проделана над всеми остальными знахарями, то приходят к заключению, что душа должна находиться в ящике главного знахаря. Несколько специалистов направляются к его дому и просят открыть ящик. После того как главный знахарь выложил все содержимое ящика на новую циновку, последователи Эскулапа берут его и держат за пятки, так что голова его уходит в отверстие пола. В этом положении ему моют голову и «всю оставшуюся от омовения воду выливают на голову больного». В этой воде, несомненно, находится утраченная душа.

Душа как тень или отражение. Но не только перечисленные опасности тревожат дикаря. Часто он видит свою душу — или другую важную часть своего существа — в тени или в отражении, которые с необходимостью становятся для него источниками опасности. Ведь если тень растоптали, ударили или укололи, наносится ущерб личности ее владельца, а если ее отделили от него вовсе (в возможность чего он верит), человек умирает. На острове Ветар есть колдуны, которые могут сделать человека больным, пронзив его тень копьем или разрубив мечом. После того как Шанкара разгромил буддистов в Индии, он, по преданию, предпринял путешествие в Непал, где вступил в спор с Великим ламой. В доказательство своих сверхъестественных способностей Шанкара взмыл в воздух. Но пока тот парил, Великий лама, заметив, что тень его извивается и колеблется на земле, пронзил ее ножом. Шанкара упал и свернул себе шею.

Некоторые камни на Банксовых островах имеют поразительную форму; они известны под названием пожирающих привидений, потому что в них якобы обитают могущественные и опасные привидения. Если на один из этих камней упадет человеческая тень, привидение вытянет из него душу, и человек умрет. Поэтому такие камни устанавливают перед до-

257

мами для охраны. Гонец, которого посылает домой отсутствующий хозяин, должен назвать имя пославшего, чтобы сторожевой дух в камне не вообразил, что он пришел со злым намерением, и не причинил ему вреда. Когда на похоронах в Китае наступает время закрывать крышку гроба, большинство присутствующих, за исключением ближайших родственников, отступают на несколько шагов или даже выходят в другую комнату, так как бытует поверье, согласно которому человек, если его тень забили в гроб, подвергает опасности свое здоровье. А когда приходит срок опускать гроб в могилу, большая часть присутствующих удаляется на некоторое расстояние, чтобы тени не попали в могилу и это не нанесло их владельцам вред. Гадатель-геомант со своими помощниками стоит на той стороне могилы, которая защищена от солнца, а могильщики и носильщики гроба крепко держат свои тени, обвязываясь вокруг талии матерчатой лентой. С помощью поражения тени ущерб может быть нанесен не только людям, но и животным. Есть верование, согласно которому маленькая улитка в известняковых горах Перака через тень всасывает кровь скота; поэтому скот теряет в весе и нередко падает от потери крови. Древние полагали, что, если на тень человека наступит аравийская гиена, он лишится дара речи и движения; если собака, стоя в лунную ночь на крыше, отбросит на землю тень и на нее наступит гиена, собака упадет на землю.

Если тень является жизненно важной частью человека или животного, то ее прикосновение при некоторых обстоятельствах может быть столь же опасно, как и соприкосновение с телом того или другого. Поэтому дикарь берет себе за правило избегать тени определенного рода лиц, которых он почему-либо считает опасными. К последним он, как правило, причисляет плакальщиков вообще, женщин и свою тещу в особенности. Индейцы-шусвап верят, что стоит тени плакальщика упасть на человека, и тот заболевает. При инициации в племени австралийских аборигенов курнаи (Виктория) юношей предостерегают от того, чтобы на них не попала тень женщины, так как от этого они станут тощими, ленивыми и глупыми. Рассказывают, что один австралийский абориген едва не умер от страха, когда узнал, что во время сна под деревом на его ноги упала тень тещи. Суеверный страх, с которым дикарь относится к теще, — один из наиболее известных антропологических фактов. У племен юин (Новый Южный Уэльс) на всякое

258

общение мужчины с матерью жены накладывался строгий запрет. Он не смел посмотреть на нее и даже в ее сторону. Если тень мужа случайно падала на его тещу, это служило основанием для

развода. В таком случае муж должен был оставить жену, и она возвращалась к своим родителям. Воображение жителей Новой Британии не может даже представить себе размах бедствий, которые не замедлят обрушиться, если мужчина случайно заговорит с матерью своей жены; такому человеку, вероятно, не останется ничего лучшего, как покончить жизнь самоубийством. Самая торжественная клятва у туземцев Новой Британии звучит так: «Если я лгу, сэр, пусть мне доведется пожать руку собственной теще».

Там, где тень считается столь тесно связанной с жизнью человека, утрата ее влечет за собой болезнь или смерть. К ее убыванию относятся со страхом и опасением; ведь это предвещает упадок жизненной силы ее владельца. На двух экваториальных островах: Амбоине и Улиасе, где в полдень предметы очень мало или совсем не отбрасывают тени, жители придерживаются правила в полдень не выходить из дому, так как воображают, что в противном случае они потеряют тень своей души. Островитяне Мангаиа рассказывают о могучем воине Тукайтаве, чья мощь слабела и таяла вместе с длиной его тени. Утром, когда он отбрасывал самую длинную тень, наибольшей была и его сила, но по мере уменьшения тени к полудню шла на убыль и сила, пока в полдень не достигала своей низшей точки; затем сила возвращалась по мере того, как после полудня удлинялась тень. Некий герой раскрыл секрет силы Тукайтавы и в полдень убил его. Дикари-бесиси (Малайский полуостров) опасаются хоронить мертвых в полдень, потому что им кажется, что укороченность их тени в это время дня соответственно сократит их жизнь.

Эквивалентность тени жизни души нигде, вероятно, не находит более явного проявления, нежели в обычаях, которые до настоящего времени соблюдаются в Юго-Восточной Европе. Когда в современной Греции закладывается фундамент нового здания, обычай предписывает зарезать петуха, барана или ягненка и окропить их кровью краеугольный камень, под которым затем и хоронят животное. Цель этого Жертвоприношения — придать зданию крепость и устойчивость. Иногда вместо того, чтобы убить животное, строитель подманивает к краеугольному камню человека, тайком снима-

259

ет мерку с его тела, какой-нибудь части тела или с его тени и зарывает ее под камнем; или он кладет краеугольный камень на тень человека. Считается, что такой человек на протяжении года умрет. Румыны, жители Трансильвании, полагают, что тот, чью тень замуровали подобным образом, умрет в течение сорока дней. Так что люди, проходящие мимо строящегося здания, могут услышать предостерегающий окрик: «Берегись, чтобы они не взяли твоей тени!» Существовали даже торговцы тенями, чье ремесло заключалось в поставке архитекторам теней, необходимых для придания прочности стенам. В таких случаях снятая с тени мерка рассматривалась как эквивалент самой тени, и зарыть ее значило зарыть жизнь или душу человека, который, лишившись ее, должен умереть. Этот обычай пришел, таким образом, на смену древней практике замуровывания живого человека в стену или под краеугольным камнем нового строения с целью придать ему прочность и долговечность, точнее, для того, чтобы разгневанный дух посещал это место и охранял его от вторжения врагов.

Одни народы верят, что душа человека пребывает в его тени, другие считают, что она пребывает в его отражении в воде или в зеркале. Например, «андаманцы считают душами не тени, а отражение (в любом зеркале)». Когда туземцы моту-моту (Новая Гвинея) впервые увидели свое отражение в зеркале, они решили, что это отражение и есть их душа. В Новой Каледонии старики верят, что отражение человека в воде или в зеркале является его душой, а люди помоложе, обученные католическими священниками, утверждают, что отражение является не более как отражением, вроде отражения пальмы в воде. Душа-отражение, будучи внешней по отношению к человеку, подвержена почти тем же опасностям, что и душа-тень. Зулус не станет смотреть в глубокую заводь, потому что, как ему чудится, в ней скрывается чудище, которое может унести его отражение, и тогда он пропал. Басуто утверждают, что крокодилы обладают способностью умерщвлять человека, увлекая под воду его отражение. Когда кто-то из басутов скоропостижно и без видимой причины умирает, его родственники заявляют, что это, должно быть, крокодил взял его отражение, когда он переходил через реку. На острове Сэддл в Меланезии есть заводь, «посмотрев в которую человек умирает; через отражение в воде его жизнью завладевает злобный дух».

260

Теперь мы понимаем, почему в Древней Индии и в Древней Греции существовало правило не смотреть на свое отражение в воде и почему, если человек увидел во сне свое отражение, греки считали это предзнаменованием смерти. Они боялись, что водные духи утащат отражение или

душу под воду, оставив человека погибать. Таково же, возможно, было происхождение классического мифа о прекрасном Нарциссе, который зачах и умер из-за того, что увидел в воде свое отражение.

Теперь мы, кроме того, можем объяснить широко распространенный обычай закрывать зеркала и поворачивать их к стене после того, как в доме кто-то умер. Опасаются, что душа человека в виде отражения в зеркале может быть унесена духом покойного, который, как обычно верят, остается в доме вплоть до захоронения. Этот обычай совпадает с обычаем островитян Ару[1] не спать в доме, где кто-то умер, из страха, что душа, выходящая из тела во сне, встретится с духом и будет им увлечена. Столь же ясна причина, по которой больные не должны смотреть в зеркало; во время болезни, когда душа может легко улететь, ее особенно опасно выпускать из тела через отражение в зеркале. Точно так же поступают те народы, которые не позволяют больным спать: ведь душа во сне уносится из тела, и всегда есть риск, что она не вернется.

С портретами дело обстоит так же, как с тенями и отражениями. Часто считают, что они содержат в себе душу изображенного лица. Верящие в это люди, естественно, неохотно позволяют снимать с себя изображение. Ведь если портрет является душой или, по крайней мере, жизненно важной частью изображенного, владелец портрета сможет оказать на оригинал роковое воздействие. Например, эскимосы Берингова пролива верят, что сведущие в колдовстве люди обладают способностью выкрадывать тень человека, а без нее тот чахнет и умрет. Однажды исследователь установил камеру в деревне в нижнем течении реки Юкон, чтобы сфотографировать эскимосов среди их хижин. Пока он наводил аппарат, к нему подошел староста и настойчиво потребовал разрешить заглянуть под покрывало. Получив согласие, он с минуту внимательно смотрел на движущиеся в матовом стекле фигуры, а затем вдруг отдернул

[1] Остров Ару, расположенный к западу от Новой Гвинеи, населен папуасами.

261

голову и что есть мочи крикнул своим людям: «Он собрал в коробку все ваши тени!» Началась паника, и в одно мгновение эскимосы исчезли в хижинах. Смертельный страх перед фотоаппаратом испытывали тепехуаны Мексики; чтобы уговорить их позировать, потребовалось пять дней. Когда они наконец согласились, у них был вид осужденных перед казнью. Они были уверены, что с помощью снимков фотограф может унести их души и на досуге проглотить их. Тепехуаны утверждали, что, когда он привезет их фотографии в свою страну, они умрут или с ними приключится какое-нибудь несчастье. Когда доктор Ката со своими сотрудниками исследовал область Бара на западном берегу острова Мадагаскар, туземцы вдруг стали относиться к ним враждебно. За день до этого путешественникам не без трудностей удалось сфотографировать семью вождя, и теперь их обвиняли в умыкании душ туземцев для того, чтобы по возвращении во Францию продать их. Все уговоры ни к чему не привели. Тогда в соответствии с существовавшим в этой области обычаем исследователям пришлось «поймать» души, «сложить» их в корзину и, по приказанию доктора Ката, «возвратить» владельцам.

Деревенские жители в Сиккиме испытывали неподдельный ужас и скрывались, когда на них направляли объектив фотоаппарата, «дурной глаз коробки», как они его называли. Им казалось, что вместе со снимками фотограф унесет их души и сможет воздействовать на них магическими средствами. Они утверждали, что даже снимки пейзажа причинят вред ландшафту. Вплоть до времени правления последнего владыки Сиама[1] ни на одной монете не чеканилось его изображение, «потому что в то время существовало сильное предубеждение против изготовления любых изображений. Даже в настоящее время достаточно путешествующим в джунглях европейцам направить на толпу фотоаппарат, чтобы она вмиг рассеялась. Когда с лица снимается копия и уносится от владельца, вместе со снимком от него уходит часть жизни. Поэтому суверен — если он не был наделен долголетием Мафусаила — едва ли мог допустить, чтобы его жизнь вместе с монетами мелкими кусочками распылялась по его владениям».

Такие верования сохраняются и в разных частях Европы — старухи с греческого острова Карцатос очень серди-

[1] Сиам — прежнее название Таиланда.

262

лись, когда их рисовали, полагая, что вследствие этого они зачахнут и умрут. На западе Шотландии живут люди, которые, «чтобы не навлечь на себя несчастья, отказываются отдавать свои изображения, и приводят в пример своих друзей, которые не знали ни одного светлого дня после того, как их сфотографировали».

Глава XIX. ЗАПРЕТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Табу на общение с иноплеменниками.

Выше рассмотрены первобытные представления о душе и подстерегающих ее опасностях. Они не ограничиваются одним народом или одной страной; в различных вариантах они встречаются по всему свету, а их пережитки, как мы видели, сохраняются в современной Европе. Столь глубоко укоренившиеся и распространенные верования должны были отразиться на институте верховной власти первобытного общества. Ведь если каждый человек прилагал значительные усилия, чтобы спасти свою душу от угрожающих ей со всех сторон опасностей, то в неизмеримо большей мере в охране нуждается тот, от кого зависит благосостояние и само существование целого народа и в чьей охране заинтересованы все. Поэтому следует ожидать, что жизнь верховного вождя находится под защитой еще более изощренной системы предосторожностей и запретов. Действительно, как мы уже видели, жизнь властителей в ранних обществах регулируется весьма строгим кодексом предписаний. Не являются ли эти предписания теми самыми мерами предосторожности, к которым прибегают для того, чтобы сохранить жизнь правителя? Анализ такого рода правил подтверждает это предположение. Некоторые из предосторожностей, соблюдаемых правителями, идентичны тем, которые соблюдаются частными лицами из стремления к безопасности своей души. Другие изобретены специально для правителей; многие из них (если не все) являются не более как средствами сохранения жизни правителя. Сейчас мы перечислим некоторые из царских предписаний, или табу, и сопроводим их такими комментариями и объяснениями, которые помогут выявить их первоначальную направленность.

Так как целью царских табу является оградить правителя от всевозможных опасностей, они в большей или меньшей

263

мере принуждают его жить в состоянии затворничества. Из всех источников опасности дикарь страшится более всего магии или колдовства, и всех иноплеменников он подозревает в причастности к этому искусству. Предохранение от пагубного воздействия, которое намеренно или невольно оказывают иноплеменники, является поэтому элементарным предписанием дикарского благоразумия. Прежде чем допустить иноплеменников в страну, по крайней мере прежде чем позволить им свободно общаться с ее населением, местными жителями часто выполняются определенные обряды, цель которых — лишить иностранцев магических способностей, нейтрализовать пагубное влияние, которое якобы от них исходит, так сказать, дезинфицировать зараженную атмосферу, которая их окружает. Когда посольство, посланное императором Восточной Римской империи Юстином II для заключения мира с тюрками, прибыло на место назначения, оно было принято шаманами, которые подвергли послов обрядовому очищению, чтобы удалить их дурные намерения. Сложив на открытом месте привезенные послами товары, эти чародеи обносили вокруг них кадящие благовония; при этом они звонили в колокол и били в барабан, пыхтя и впадая в неистовство от усилий рассеять злые чары. Затем и послы подверглись очищению, пройдя сквозь пламя костров.

На острове Нанумеа (южная часть Тихого океана) новоприбывшим европейцам и жителям других островов не разрешается вступать в общение с населением до тех пор, пока они (или их представители) не побывали во всех четырех храмах острова, где были вознесены молитвы о том, чтобы бог отвратил любое вероломство или болезни, какие могли принести с собой эти чужеземцы. Затем в честь бога на алтари с песнями и танцами возлагались жертвы мясом. До истечения всех этих церемоний население острова, за исключением жрецов и их подручных, держалось поодаль. У от-даномов на острове Борнео имеется обычай, согласно которому вступающие на землю племени иностранцы должны уплатить местным жителям определенную сумму денег; она тратится на принесение духам земли и воды в жертву буйволов и свиней для того, чтобы примирить божества с присутствием чужестранцев и побудить их не лишать население страны своей благосклонности, даровать обильный урожай риса и т. д. Мужчины другой области на острове Борнео, боясь европейцев, предупреждали

264

жен и детей, чтобы те не подходили к ним близко. Те же, кто не сумел преодолеть любопытство, для умиротворения злых духов убивали домашнюю птицу и вымазывались ее кровью. «Чужеземных злых духов, — рассказывает путешествовавший по центральной части острова Борнео европеец, — которые сопровождают путешественников, боятся больше, чем злых духов,

обитающих по соседству. Когда в 1897 году во время пребывания у кайанов меня посетила группа туземцев с реки Махакам, ни одна женщина не выходила из дому без горящей связки из коры дерева *plehiding,* чей зловонный запах отгоняет злых духов».

Во время путешествия по Южной Америке Крево[1] вошел в селение индейцев-апалаев. Через несколько минут после его прибытия индейцы принесли на пальмовых листьях несколько больших черных муравьев (укусы этой разновидности муравьев довольно болезненны). Затем перед ним в полном составе предстали жители селения без различия возраста и пола, и путешественник должен был посадить муравьев им на лица, бедра и на другие части тела. В тех случаях, когда он прикладывал их недостаточно плотно, индейцы выкрикивали: «Еще! Еще!» — и не удовлетворялись до тех пор, пока кожа их не покрывалась мелкими опухолями, как если бы их отстегали крапивой. Цель этого обряда становится ясной из соблюдаемого на островах Амбоин и Улиас обычая опрыскивания больных едкими специями, такими, как мелко растолченный имбирь, гвоздика, чтобы ощущение жжения прогнало демона болезни, который может к ним пристать. На Яве народным средством против подагры и ревматизма является втирание испанского перца под ногти пальцев рук и ног; считается, что едкость перца слишком сильна для подагры и ревматизма, которые, следовательно, незамедлительно исчезнут. Мать больного ребенка на Невольничьем Береге верит, что ее ребенком овладел злой дух; для изгнания его она делает на теле маленького больного небольшие надрезы и кладет в ранки зеленый перец или другие специи в уверенности, что тем самым причиняет боль злому духу и принуждает его уйти. От боли, естественно, бедный ребенок визжит, но мать успокаивает себя мыслью, что вместе с ним страдает и демон.

[1] Крево Жюль Никола (1847-1882) - французский путешественник по Латинской Америке.

265

Тот же страх перед иностранцами, а не желание оказать им почести лежит, вероятно, в основе обрядов, которые иногда совершаются при их встрече, но цель которых четко не выявлена. На населенном полинезийцами острове Онгтонг-Джава жрецы и колдуны пользуются большим влиянием. Их основное занятие — вызывать и заклинать духов, чтобы предотвратить или изгнать болезнь, получить благоприятный ветер, хороший улов рыбы и т. д. Когда на островах высаживаются иностранцы, первыми их принимают колдуны; они опрыскивают их водой, смазывают маслом и опоясывают сушеными листьями пандануса. Одновременно во все стороны обильно рассыпают песок и разливают воду; сам новоприбывший и его лодка протираются зелеными листьями. После этой церемонии колдуны представляют иностранцев вождю. В Афганистане и в некоторых районах Персии по случаю прибытия путешественника, прежде чем он войдет в селение, нередко приносят в жертву животное и пищу или жгут огонь и воскуряют благовония. На афганской границе миссию часто встречали огнем и курениями. Иногда со словами «Добро пожаловать!» под копыта лошади путешественника бросают поднос с тлеющими головнями. При въезде Эмина-паши в одно селение в Центральной Африке были принесены в жертву две козы, их кровью была окроплена дорога, и, наступив на кровь, вождь приветствовал Эмина. Временами ужас перед чужестранцами и их магией достигает таких размеров, что их вообще отказываются принимать. Когда Спик[1] прибыл в одну деревню, местные жители захлопывали перед ним двери своих домов, «потому что никогда до этого они не видели белого человека и его оловянных ящиков, которые несли люди. Кто его знает, — говорили они, — может быть, это грабители Ватута превратились в эти ящики и пришли нас убивать? Мы не можем вас впустить. Ничто не могло разубедить их, и отряду пришлось отправиться в другую деревню».

Страх перед чужаками бывает взаимным. Вступая в незнакомую страну, дикарь испытывает чувство, что идет по заколдованной земле, и принимает меры для того, чтобы охранить себя как от демонов, которые на ней обитают, так и от магических способностей ее жителей. Так, отправляясь в чужую

[1] Спик Джон Хенниг (1827—1864) - английский путешественник по Африке.

266

страну, маори совершают обряды для того, чтобы сделать ее «мирской» (как будто до этого она была «священной»). Когда Миклухо-Маклай приближался к деревне на Берегу Мак-лая в Новой Гвинее, один из сопровождавших его туземцев сорвал с дерева ветку и, отойдя в сторону, некоторое время что-то ей нашептывал; затем он поочередно подходил к каждому участнику экспедиции, выплевывал что-то ему на спину и несколько раз ударял его веткой. В заключение он пошел в лес и в самой чаще зарыл ветку под истлевшими листьями. Эта церемония якобы ограждала экспедицию от предательства и опасности в деревне, к которой она приближалась. Основывалась она на представлении, что дурные влияния отвлекаются от людей на ветку и вместе

с ней зарываются в чаще леса. Когда в Австралии племя получает приглашение посетить своих соседей и приближается к их стоянке, «пришельцы держат в руках зажженную кору или головни; делается это, по их словам, для разряжения и очищения воздуха». Когда тораджи находятся на охоте за головами в стане врага, они не имеют права отведать ни одного посаженного врагом плода, ни одного выращенного им животного, не совершив перед этим какой-либо враждебный акт, например не подпалив дом или не убив человека. Считается, что, если они нарушат этот запрет, в них проникнет часть духовной сущности врага, и это уничтожит магическую силу их талисманов.

Существует также поверье, что вернувшийся из путешествия человек может быть заражен от общения с иноплеменниками зловредной магией. Поэтому, прежде чем вновь быть принятым в своем племени и в обществе друзей, вернувшийся из путешествия должен пройти через очистительные обряды. Бечуаны, например, очищаются после путешествия тем, что бреют себе головы и т. п. из боязни заразиться колдовством от чужеземцев. В некоторых районах Западной Африки, когда человек после долгой отлучки возвращается домой, прежде чем получить разрешение войти к жене, он должен омыться особой жидкостью, чтобы обезвредить магические чары, которыми женщина другого племени могла опутать его во время отлучки и которые от него могут перейти к женщинам селения. Когда два индуса были направлены местным принцем в Англию послами и возвратились в Индию, было сочтено, что они настолько осквернили себя соприкосновением с англичанами, что только второе рождение могло вернуть им чистоту

267

«В целях восстановления было приказано сделать ради них из чистого золота статую плодородящей природы в виде женщины (или в виде коровы), затем поочередно заключить их в статую и пропустить через обычное отверстие, символизировавшее родовые пути. А так как статуя из чистого золота в полный человеческий рост — вещь слишком дорогостоящая, решили изготовить изображение священной Йони[1], через которое должен пройти возрождающийся». По приказу принца такое изображение было изготовлено, и, выйдя из него, послы считались вновь рожденными.

Раз меры предосторожности против дурного влияния иностранцев принимаются ради простых людей, нет ничего удивительного в том, что для предохранения правителя от опасности осквернения принимаются особые меры. В средние века послы, прибывавшие к татарскому хану, были обязаны пройти между огнями костров; той же процедуре подвергались и привезенные ими подарки. Этот обычай основывался на том, что огонь устраняет магическое влияние, которое пришельцы могли оказать на хана. Когда подчиненные вожди со своими свитами впервые или после распри приходили навестить Каламбу — могущественного вождя башилангов в бассейне реки Конго, они должны были два дня подряд совместно, мужчины и женщины, купаться в двух ручьях и проводить ночи на рыночной площади под открытым небом. После второго купания они нагишом отправлялись к дому Каламбы, который помечал грудь и лоб каждого из них длинным белым знаком. После этого они возвращались на рыночную площадь и одевались. Затем следовало испытание перцем. В глаза каждого вождя насыпали перец; одновременно испытываемый должен был признаваться во всех прегрешениях, отвечать на все задаваемые вопросы и давать обеты верности. На этом обряд заканчивался; отныне пришельцы вольны были располагаться в городе на постой на какой угодно срок.

Табу на пищу и питье.

Акты принятия пищи и питья связаны, по мнению дикаря, с особой опасностью. Ведь в это время душа может выскользнуть через рот или быть извлечена с помощью враждебной магии. Среди говорящих на языке эве народностей Невольничьего Берега распространено поверье,

[1] Йони — священный символ женского полового органа в индуизме.

268

что дух покидает тело и возвращается в него через рот. Поэтому человеку следует проявлять осторожность, открывая рот, чтобы бездомный дух не воспользовался представившейся возможностью и не вошел в тело. Считается, что это скорее всего может иметь место во время принятия пищи. Для того чтобы избежать этой опасности, принимаются меры предосторожности. Батаки, например, во время пиршества плотно закрывают двери жилища, чтобы душа осталась на месте и насладилась выставленными перед ней яствами; зафиманелы острова Мадагаскар во время еды закрывают двери на замок, поэтому очень редко кому удавалось застать их за этим занятием. Туземцы варуа[1] никому не позволяют подсматривать за ними во время еды и питья, особенно это

касается лиц противоположного пола. «За то, чтобы мужчина разрешил мне посмотреть, как он пьет, я должен был заплатить ему. Но я не мог уговорить его разрешить то же женщине». Когда варуа предлагают выпить, они обыкновенно просят, чтобы на время питья их прикрыли куском ткани.

Таковы меры предосторожности, принимаемые рядовыми людьми. Применительно же к верховным правителям эти меры достигают чрезвычайной степени. Ни один человек и ни одно животное под страхом смертной казни не смеют посмотреть на правителя Лоанго во время еды или питья. Когда в комнату, где обедал этот правитель, вбежала его любимая собака, вождь приказал, чтобы ее убили на месте. Однажды собственный сын вождя, мальчик двенадцати лет, по оплошности застал его за питьем. Отец незамедлительно приказал пышно одеть, на славу угостить, а затем... четвертовать его и косить части тела по городу с объявлением, что он видел правителя за питьем. Когда правитель имеет желание выпить, ему приносят чашу с вином. Виночерпий держит в руке колокольчик, и, как только он передал чашу правителю, отворачивается от него и звонит в колокольчик; при этом все присутствующие распластываются ниц на земле и пребывают в этом положении до тех пор, пока правитель не допьет вино. Примерно так же обстоит дело с едой. Для этой цели у правителя имеется специальный дом; в нем на столе расставляются кушанья. Верховный вождь входит туда и закрывает за собой дверь; по окончании еды он

[1] Варуа — народ в юго-восточной части бассейна Конго (область Уруа), языковая семья банту.

269

стучит в дверь и выходит наружу. Так что никто никогда не видел его за едой и питьем. Считается, что, если бы кому-нибудь это удалось сделать, правитель умер бы в тот же миг. Остатки пищи зарываются для того, чтобы они не попали в руки колдунов и те с их помощью не околдовали бы монарха роковыми чарами. Сходным правилам следует соседний правитель Каконго. Он, как утверждают, умер бы, если бы кто-нибудь из подданных увидел его за питьем. Увидеть за приемом пищи царя Дагомеи является уголовно наказуемым преступлением. Когда в исключительных случаях царь пьет на людях, он скрывается за занавесом, или вокруг его головы сооружается шатер из платков, а все присутствующие припадают к земле. Когда царь Буньоро (Центральная Африка) приходил на маслобойню выпить молока, все мужчины должны были покинуть ее пределы, женщины же должны ходить с покрытыми головами до тех пор, пока он не возвратится. Никто не смеет увидеть его пьющим. Одна из жен сопровождала царя и подавала ему кувшин с молоком, но отворачивала лицо, когда тот его осушал.

Табу на обнажение лица.

В некоторых из этих примеров целью строгой изоляции при принятии пищи, вероятно, было не столько отвратить дурные воздействия, сколько не дать душе покинуть тело. Ту же цель преследует обычай, связанный с употреблением напитков, соблюдаемый в районе Конго. Об этих народностях нам сообщают: «Едва ли хоть один местный житель осмелится выпить жидкость, не закляв предварительно духов. Один в продолжение всего акта питья звонит в колокольчик, другой падает ниц и кладет левую руку на землю, третий покрывает голову, четвертый вплетает в волосы стебелек травы или лист или проводит глиной черту на лбу. Этот фетишизм имеет огромное множество форм. Для объяснения чернокожим достаточно того, что это-де для заклинания духов. В этом регионе вождь при каждом глотке пива обычно звонит в колокольчик; и в то же мгновение стоящий перед ним туземец потрясает копьем для того, «чтобы удерживать в страхе духов, которые могут прокрасться в тело старого вождя тем же путем, что и пиво». Стремлением отвратить злых духов объясняется, вероятно, и обычай закрывать лицо, соблюдаемый некоторыми африканскими султанами. Султан Дарфура прикрывает лицо куском белого муслина, который несколько раз оборачивается вокруг головы, закры-

270

вая сначала рот и нос, потом лоб, так что открытыми остаются одни глаза. Обыкновение покрывать лицо в знак обладания верховной властью, по сообщениям, наблюдается и в других областях Центральной Африки. Султан Вадаи всегда подает свой голос из-за занавеса; кроме ближайшего окружения да нескольких фаворитов, никто не знает его в лицо.

Табу на выход из жилища.

По тем же причинам верховным правителям иногда совсем запрещается покидать свою

резиденцию; по крайней мере, их подданным запрещается видеть их во время отлучек. Правитель Бенина, которого подданные почитают как божество, не имеет права покидать свой дворец. Король Лоанго после коронации заточается в своем дворце. Вождь народа онитша «выходит из дому в город только в том случае, если богам приносится человеческая жертва; поэтому он никогда не выходит за пределы ограды». Он может оставлять свое жилище лишь с риском для собственной жизни или для жизни одного или нескольких рабов. А так как богатство у этого народа исчисляется количеством рабов, вождь старается не преступать этот запрет. Но один раз в год на праздник ямса обычай позволяет вождю — и даже требует от него — танцевать перед народом за пределами высокой земляной насыпи его дворца. Во время танца ему на спину водружают мешок с землей или другой тяжелый предмет, чтобы тем самым доказать, что он еще способен нести бремя государственной власти. В случае неспособности исполнить танец его бы немедленно низложили и, возможно, закидали камнями. Правителям Эфиопии поклонялись как богам, но и их большей частью держали взаперти во дворцах. На гористом побережье Понта обитал в древности грубый и воинственный народ мосинов или моссинойков[1]. По этой угрюмой стране прошло 10 тысяч греков во время своего знаменитого отступления из Азии в Европу. Моссинойки держали своего царя в заточении на вершине высокой башни, с которой ему после избрания не разрешалось спускаться. Оттуда он вершил суд. над народом. Но если он чем-нибудь прогневил своих подданных, в

[1] Моссинойки, обитавшие близ южного побережья Черного моря (западнее Трапезунда), не раз упоминаются в античных источниках. Название народа буквально означает «обитатели башен», что напоминает об обычае, еще недавно сохранявшемся среди народов Кавказа, строить сторожевые и жилые башни. См.: *Ксенофонт.* Анабасис. М —Л., 1951, с 135-139, 277.

271

отместку те на целый день прекращали поставку продовольствия; были случаи, когда царь умирал голодной смертью. Правителям аравийской страны пряностей Сабеи, или Шебы, запрещалось покидать пределы дворца; в противном случае толпа забрасывала их камнями до смерти. К окну на вершине дворца была приделана цепь; и если кто-то считал, что с ним поступили несправедливо, он дергал эту цепь; услышав звон, правитель впускал его и выносил приговор.

Табу на остатки пищи.

С помощью магии зло можно причинить человеку через оставленные им пищевые отходы или посуду, на которой подавалась пища. В согласии с принципом симпатической магии, между пищей, находящейся в желудке, и несъеденными ее остатками продолжает сохраняться связь, и поэтому нанесение вреда объедкам вредит и едоку. Взрослые члены племени нарриньери (Южная Австралия) выискивают кости зверей, птиц или рыбы, мясо которых было кем-то съедено, чтобы приготовить из них очень сильные колдовские снадобья. Поэтому всякий старается сжигать кости съеденных им животных, чтобы они не попали в руки колдуна. Однако очень часто колдуну удается овладеть такой костью, и ему начинает казаться, что жизнь мужчины, женщины или ребенка, которые съели мясо этого животного, находится в его власти. Он приготовляет раствор из красной охры и рыбьего жира, кладет в него тресковый глаз или небольшой кусок мяса и, скатав смесь в комочек, насаживает его на острие кости. После этого магическое средство на время помещается во внутренности трупа, чтобы набраться губительной силы от соприкосновения с гниющей мертвечиной, и ставится на землю рядом с огнем. Как плавится комок, так чахнет от болезни тот, против кого это средство направлено; когда комок совсем растает, жертва гибнет. Если околдованный узнает о насланных на него чарах, он пытается выкупить у колдуна кость и, когда это ему удается, разрушает чары тем, что бросает кость в реку или в озеро. На одном из новогебридских островов, острове Тана, жители закапывают остатки съеденной пищи или выбрасывают их в море, чтобы они не попали в руки злоумышленников. Если же насылатель болезни найдет объедки, к примеру кожуру банана, он их подберет и сожжет на медленном огне. По мере их сгорания человек, съевший банан, заболевает и посылает к наславшему болезнь гонца с обещанием подарков, если тот прекратит поджаривать

272

кожуру банана. Жители Новой Гвинеи с крайней тщательностью уничтожают или прячут шелуху и другие пищевые отбросы, чтобы враги не обнаружили их и не воспользовались ими для того, чтобы их погубить. Поэтому они сжигают остатки пищи, бросают их в море или обезвреживают каким-то другим способом.

Боязнь колдовства не позволяет никому прикоснуться к пище, которую оставляет на блюде

верховный правитель Лоанго, и она закапывается в яму. Никто не имеет права пить из его чаши. В древности римляне тут же разбивали яичную скорлупу и раковины съеденных улиток, чтобы лишить врагов возможности изготовить колдовское средство. Наша привычка раздавливать скорлупу, съев яйцо, возможно, берет свое начало в этом предрассудке.

Благотворным следствием суеверного страха магических чар, которые можно наслать на человека через пищевые отходы, было то, что многие первобытные народы начали уничтожать отбросы. Если бы они оставляли их гнить, их разложение стало бы не воображаемым, а настоящим источником заболеваний и роста смертности. Но это суеверие оказало услугу не только санитарии. Интересно, что безосновательный страх и ложное понимание причинности косвенным образом укрепили у дикарей нормы гостеприимства, чести и доверия. Ведь тот, кто намеревается повредить человеку путем магического воздействия на пищевые отбросы, сам этой пищи пробовать не станет, в противном случае, по принципам симпатической магии, он пострадал бы от причиненного объедками вреда наравне со своим врагом. В силу этого связи, возникающие через совместное принятие пищи, окружаются в первобытном обществе ореолом святости. Принимая участие в совместной трапезе, двое людей на деле дают залог доброго расположения друг к другу; один гарантирует другому, что не будет злоумышлять против него; ведь совместная еда физически объединила их и всякий вред, причиненный сотрапезнику, рикошетом с той же силой ударит по злоумышленнику. Строго говоря, симпатическая связь длится ровно столько времени, сколько переваривается пища в желудках договорившихся сторон. В силу этого заключенный путем совместной трапезы союз *(covenant)* менее торжествен и прочен, чем союз, достигнутый через перемешивание крови: ведь пролитая кровь связывает людей на всю жизнь.

273

Глава XX. ТАБУ НА ЛЮДЕЙ

Табу, распространяющееся на вождей и правителей.

Мы уже знаем, что пища микадо ежедневно приготавливалась в новых сосудах и подавалась на новых блюдах. Делались эти сосуды и блюда из простой глины, чтобы их можно было разбить или выбросить после одноразового использования. Обычно они разбивались, потому что считалось, что, если кто-то еще отведает пищу из этой священной посуды, его рот и горло воспалятся и распухнут. То же самое ожидало того, кто стал бы носить одежду микадо без его позволения: все его тело покрылось бы опухолями. На островах Фиджи есть особое название (кана лама) для болезни, проистекающей якобы от приема пищи из посуды вождя и ношения его одежды. Путешественник рассказывал: «Горло и тело раздуваются, и нечестивец умирает. Один туземец подарил мне красивый коврик, которым не решался воспользоваться сам, потому что на нем сидел старший сын Такомбау[1]. Но была одна простая семья или клан, члены которых не были подвержены этой опасности. Как-то раз я беседовал об этом с Такомбау. «О да, — сказал он. — Эй, такой-то, подойди и потри мне спину». Этот человек выполнил приказание. Он был одним из тех, кто мог делать это безнаказанно. Наделенные такой высокой привилегией люди назывались На ндука ни — грязь вождя».

В дурных последствиях, проистекающих от пользования посудой или одеждой микадо и фиджийского вождя, проявляется еще одна грань богочеловека, который привлек наше внимание. Божественная личность является источником как благодеяний, так и опасности; ее надлежит не только оберегать, но и остерегаться. Священный организм вождя столь хрупкий, что может прийти в расстройство от малейшего прикосновения, вместе с тем содержит в себе мощный заряд магической и духовной силы, разряжение которого может иметь фатальные последствия для всякого, кто приходит с ним в соприкосновение. Вследствие этого изоляция богочеловека не-

[1] Такомбау (Чакомбау) — вождь одного из сильнейших, племен на архипелаге Фиджи, объединивший около 1850 года большую часть архипелага под своей властью. В 1874 году под нажимом колонизаторов передал остров Фиджи под власть Британской короны.

274

обходима не только для его личной безопасности, но и для безопасности других. Божественная личность подобна огню. При соблюдении надлежащих запретов из него можно извлечь много полезного, но опрометчивое прикосновение или пренебрежение границами обжигает или губит нарушителя. Поэтому считалось, что нарушение табу повлечет за собой губительные последствия: преступник сунул руку в божественное пламя, которое охватит его и пожрет на месте.

Негры нуба, населяющие лесистую и плодородную область Джебел-Нуба в Восточной Африке, верят, что их поразит смерть, если они войдут в дом вождя-жреца. Правда, обнажив левое плечо и попросив вождя возложить на него руку, они могут избежать кары за вторжение. А случись кому-то посидеть на камне, который вождь избрал для личного пользования, и он умрет в течение года. Вождь племени казембе из Анголы кажется своим подданным столь священным, что никто не может дотронуться до него без того, чтобы его насмерть не поразила магическая сила, пронизывающая божественную личность. Но так как в отдельных случаях соприкосновения с вождем избежать невозможно, казембе придумали приемы, с помощью которых согрешивший может остаться в живых. Став перед вождем на колени, такой человек тыльной стороной ладони прикасается к тыльной стороне царственной руки, после чего кладет свою ладонь на ладонь вождя и ловит его пальцы. Этот обряд после четырех-пятикратного повторения отвращает опасность неминуемой смерти. На островах Тонга бытует верование, что если кто-то после прикосновения к священной особе верховного вождя (или к его вещи) дотронется руками до своей пищи, то распухнет и умрет: святость вождя подобно сильно действующему яду заражает руки подданного и, перейдя на него через посредство пищи, оказывается фатальной. Подвергшийся такой опасности простолюдин может очиститься, прикоснувшись к подошве вождя ладонью и тыльной стороной обеих рук; после этого руки споласкиваются водой. Если воды поблизости не оказывалось, очистившийся натирал руки сочным листом подорожника или банана. После этого он мог брать пищу руками, не подвергаясь опасности заболеть (ведь болезнь связана с принятием пищи табуированными руками). Ощутив желание поесть до совершения искупительной дезинфекции, он должен был либо найти кого-то, кто бы его накормил, либо опуститься на колени и, как жи-

275

вотное, брать пищу с земли ртом. Он не имел права даже пускать в ход зубочистку, а мог лишь направлять руку другого человека, держащую зубочистку. Тонганцы были подвержены затвердению печени и некоторым видам золотухи. Эти заболевания они часто приписывали небрежности в исполнении необходимых искупительных обрядов за неосторожное прикосновение к вождю или принадлежащим ему предметам. В силу этого они периодически подвергали себя обрядовому очищению из предосторожности, не будучи уверенными в том, совершили они нечто такое, что его требует, или нет. Верховный вождь с Тонга не имел права отказаться участвовать в этом обряде и подставлял свою ногу тому, кто желал к ней прикоснуться, даже если обращались к нему в неподходящее время. Нередко можно было видеть, как жирный, неуклюжий вождь, который совершал прогулку, со всех ног убегал с дороги, чтобы избежать назойливого и не свободного от корысти проявления знаков уважения. Если кому-то показалось, что он нечаянно взял пищу табуированными руками, он усаживался перед вождем и, взяв его за ногу, прижимал ее к своему животу, чтобы находящаяся в желудке пища не причинила ему вреда и не привела к распуханию и смерти». Итак, золотуха рассматривалась на острове Тонга как результат принятия пищи табуированными руками. Можно предположить, что страдающие золотухой лица прибегали к прикосновению к царственной ноге как к лекарству от болезни. Напрашивается очевидная аналогия с древним английским обычаем излечивать больных золотухой прикосновением руки короля. Это позволяет допустить, что своим названием — «королевская болезнь» — золотуха как у англичан, так и у тонганцев обязана верованию, что ею заражались (и от нее вылечивались) путем контакта с его королевским величеством.

В Новой Зеландии страх перед священными особами вождей был столь же велик, как на островах Тонга. По принципу заражения их духовное могущество, унаследованное от духов предков, распространялось на все, к чему они притрагивались, и могло насмерть поразить всякого, кто по оплошности или недосмотру оказывался на их пути. Однажды, например, случилось так, что новозеландский вождь высокого ранга и великой святости оставил на обочине дороги остатки своей пищи. После его ухода подоспел раб, дюжий голодный малый, увидел оставшуюся еду и, не спросив, съел ее. Не успел он покон-

276

чить с обедом, как ему с ужасом сообщили, что съеденная им пища принадлежала вождю. «Я хорошо знал несчастного преступника. Это был человек замечательного мужества, покрывший себя славой в межплеменных войнах», — рассказывал путешественник, но «как только роковая весть достигла его ушей, у него начались исключительной силы судороги и спазмы в животе, которые не прекращались до самой смерти, последовавшей на закате того же дня. Это был сильный мужчина в самом цвете лет, и, если какой-нибудь вольнодумец — пакеха (то есть европеец) посмел бы утверждать, что причиной его смерти была не *many* вождя, которая перешла на него через пищу, его выслушали бы с чувством презрения к его невежеству и неспособности понимать очевидные и прямые доказательства». Случай этот не единичный. Женщина маори, до которой после съедения какого-то фрукта дошло известие, что этот плод был взят в табуированном месте, воскликнула, что дух вождя, чью святость она осквернила, поразит ее. Это случилось в полдень, а к двенадцати часам следующего дня она была мертва. Однажды причиной смерти нескольких людей явилось огниво вождя, которое тот потерял. Найдя его, несколько мужчин зажгли с его помощью свои трубки, а узнав, кому оно принадлежало, умерли от ужаса. И одеяние верховного вождя Новой Зеландии приносит смерть всякому, кто решится его надеть. Один миссионер был свидетелем того, как вождь бросил в пропасть шерстяное одеяло, которое показалось ему слишком тяжелым. На вопрос миссионера, почему он не оставил одеяло на дереве для какого-нибудь прохожего, тот ответил, что «именно страх за то, что его кто-то возьмет, заставил его выбросить одеяло в пропасть. Ведь так как он (вождь) покрывался им, его *many* (то есть духовная сила, переданная через прикосновение одеялу, а от него — к человеку) убила бы этого человека». Из тех же соображений вождь маори не станет раздувать огонь ртом. В противном случае его священное дыхание сообщило бы святость огню, которая с него перешла бы на стоящий на огне горшок, с того — на варящееся в горшке мясо, с него — на человека, съевшего мясо, варившееся в горшке, который подогревался на огне, раздутом вождем. Так что отведавший мяса, конечно, умер бы от заражения дыханием вождя, передавшимся ему через этих посредников.

Итак, у полинезийских народностей, к которым принадлежат маори, суеверие воздвигло вокруг священных особ вож-

277

дей барьер одновременно реальный и воображаемый. Переход через этот барьер влек за собой

смерть, как только преступник узнавал, что он натворил. Роковая сила фантазии, одержимость суеверными страхами характерна не только для полинезийцев. По всей вероятности, она присуща всем дикарям. Так, австралийский абориген умрет от пустяковой царапины, если ему покажется, что оружие, которым она нанесена, заговорено и наделено, таким образом, магической силой. В этом случае он просто-напросто ложится, отказывается от пищи и чахнет. Если знахарь у индейских племен Бразилии предрек скорую смерть тому, кто чем-то его обидел, «бедняга тут же укладывался в гамак; уверенность в своей близкой кончине была столь сильна, что он отказывался от еды и питья. Предсказание служило приговором, который приводила в исполнение вера».

Табу носящих траур. Рассматривая священных вождей и правителей как существа, наделенные таинственной духовной силой, которая, так сказать, разряжается при соприкосновении с ними, примитивный человек, естественно, причисляет их к особо опасным группам лиц и налагает на них те же запреты, что и на убийц, женщин во время менструаций и других лиц, на которых он взирает с суеверным ужасом. К примеру, вождям и жрецам в Полинезии не разрешалось притрагиваться руками к пище, поэтому кормить их обязаны были другие. Мы знаем, что их посуда, одежда и другие принадлежности не могли использоваться другими людьми под страхом болезни и смерти. Соблюдения таких же предосторожностей в первобытных обществах требовали по отношению к девушкам во время первой менструации, к женщинам после родов, человекоубийцам, лицам, находящимся в трауре, и всем тем. кто приходил в соприкосновение с покойником. Остановимся на этом последнем разряде людей. У маори всякий, кто имел дело с мертвецом — помогал доставить его на место захоронения или прикасался к костям умершего человека, — оказывался почти в полной изоляции от окружающих. Он не мог ни войти в дом, ни вступить в контакт с тем или иным лицом, ни прикоснуться к какому-либо предмету без того, чтобы не навести на него порчу. Он даже не мог дотронуться до пищи руками, которые были столь сильно табуированы и нечисты, что делались бесполезными. Еда ставилась для него на землю, он должен был садиться или становиться на колени и со сло-

278

женными за спиной руками, как мог, поедать ее. В некоторых случаях его кормление возлагалось на другого человека: последний старался, протянув руку, делать свое дело так, чтобы не дотронуться до табуированного. Впрочем, кормящий могильщика в свою очередь был подчинен массе строгих запретов, почти таких же обременительных, как те, которые налагались на могильщика. Почти во всяком большом селении был свой опустившийся бедняк, который добывал себе скудное пропитание обслуживанием табуированных людей. Одетый в тряпье, вымазанный с головы до ног красной охрой и дурно пахнущим жиром акулы, всегда одинокий и молчаливый, обычно старый, измученный и сморщенный, нередко полоумный, он мог без движения просиживать целые дни в стороне от дорог и оживленных улиц, глядя потухшими глазами на деловую суету, в которой он не мог принять участия. Дважды в день бросали ему как милостыню скудную пищу, и он ел ее, как только мог, без помощи рук. А ночью, обмотав вокруг тела засаленные лохмотья, он вползал в жалкое логовище из листьев и хлама. Там он, грязный, голодный и озябший, в прерываемой мучительными сновидениями дреме проводил жалкую ночь, преддверие грядущего жалкого дня. Таково было единственное человеческое существо, которому на расстояние протянутой руки разрешалось приближаться к тому, кто отдавал умершему последний долг уважения и дружбы. А когда срок изоляции подходил к концу и могильщик готов был вновь вернуться к своим соплеменникам, посуда, которой он пользовался в заточении, разбивалась вдребезги, носимая им одежда выбрасывалась, чтобы заразная скверна не распространялась на других (то есть по той же причине, по которой разбивалась посуда и выбрасывалась одежда священных правителей и вождей). Вот сколь полную аналогию проводит дикарь между духовным воздействием, которое источает божество и которое оказывает мертвец, между ароматом святости и зловонием разложения.

Предписание, которое запрещает людям, находившимся в контакте с мертвецом, прикасаться к пище руками, видимо, распространено по всей Полинезии. Так, на островах Самоа «те, кто ухаживали за покойником, тщательнейшим образом избегали иметь дело с пищей, и их, как беспомощных младенцев, целыми днями кормили другие. Считалось, что в случае нарушения этого правила бог домашнего очага наказывал ви-

279

новных облысением и выпадением зубов». На островах Тонга «никто не смел притронуться к мертвому вождю без того, чтобы не стать табу на десять лунных месяцев; исключение составляли вожди, которые в таком случае в зависимости от ранга умершего вождя становились табу на три,

четыре или на пять месяцев. Но в случае погребения тела Туитонги (великого божественного вождя) даже вождь самого высокого ранга становился табу на десять месяцев... Во время действия табу человек не должен прикасаться к пище собственными руками. Кормить его должен кто-то другой, сам он не может пользоваться даже зубочисткой, а может лишь направлять руку того, кто зубочистку держит. Если он голоден, а накормить его некому, он обязан стать на четвереньки и хватать пищу ртом. Если же он преступит хоть один из этих запретов, можно наверняка ожидать, что он распухнет и умрет».

Индейцы-шусвап (Британская Колумбия) изолируют вдовцов и вдов во время ношения траура и запрещают им дотрагиваться до своей головы и тела; чаши и сосуды для приготовления и подачи пищи, которыми они пользуются в это время, не могут использоваться никем другим. Они должны построить рядом с водоемом парильню и потеть там всю ночь, регулярно мыться, после чего растирать свое тело еловыми ветками. Ветки могут использоваться лишь один раз. Затем их втыкают в землю внутри хижины. Мимо людей в трауре не пройдет ни один охотник, так как считается, что они приносят несчастье. Даже тот, на кого упадет их тень, сразу же почувствует себя дурно. Для постели и подушек они используют ветви колючего кустарника, чтобы держать на расстоянии от себя дух умершего. Постели их также обложены колючим кустарником. Последняя предосторожность ясно показывает, какого рода духовная опасность требует исключения таких лиц из нормального общения: существует страх перед привидением, которое будто бы находится в непосредственной близости от них. В районе Мекео (Британская Новая Гвинея) вдовец теряет все гражданские права и становится в социальном отношении изгоем, которого все сторонятся. Он не имеет права возделывать сад, появляться на людях, проходить через селение, прохаживаться по дорогам и тропинкам. Подобно дикому зверю, он должен скрываться в высокой траве или в кустах. Если он видит или слышит, что кто-то приближается — особенно если это женщина, — он обязан скрыться за деревом

280

или в чаще леса. Если у него возникает желание половить рыбу или поохотиться, он должен заниматься этим в одиночестве и ночью. Если ему нужно попросить у кого-то (пусть даже у миссионера) совета, он приходит ночью и тайком. Присоединись он к отряду рыболовов или охотников, его присутствие оказало бы губительное влияние, — рыбу и добычу распугал бы призрак умершей жены. Для самообороны он постоянно держит при себе томагавк: не только от диких кабанов, с которыми он может повстречаться в джунглях, но и от страшного духа покойницы-жены, готового при случае сыграть с ним злую шутку — ведь души умерших зловредны и единственную радость находят в том, чтобы вредить живым. *Табу на женщин во время менструаций и родов.* Запреты и последствия, которые, как предполагается, вызовет нарушение их, одинаковы как по отношению к особам, которых почитают священными, так и относительно тех, кто считается нечистыми. Одеяние священного вождя убивает тех, кто им пользуется. То же воздействие оказывают вещи, к которым прикоснулась, например, женщина во время менструаций. Один австралийский абориген, застав жену, у которой были месячные, лежащей на его одеяле, убил ее и той же ночью сам умер от страха. Поэтому австралийским женщинам в этот период под страхом смерти запрещено прикасаться к вещам, которыми пользуются мужчины, и даже проходить с мужчинами по одной тропинке. Во время родов их также изолируют, и вся посуда, которой они пользуются в этот промежуток времени, сжигается. В Уганде горшки, к которым женщина притрагивается, будучи нечистой (во время родов или месячных), подлежат уничтожению. Однако оскверненные ее прикосновением копья и щиты не ломаются, а только очищаются. «Едва ли у индейцев-дени и у других американских племен найдется существо, которое вызывало больший страх, чем женщина в период месячных. Как только давали о себе знать признаки этого состояния, девушку или женщину тщательно отделяли от всякого общения с мужчинами и заставляли жить в маленькой хижине вдали от взоров мужчин. Она должна была воздерживаться от прикосновения к принадлежащим мужчине вещам, а также к добытой на охоте оленине или мясу другого животного. Считалось, что своим прикосновением она оскверняла добычу и, приводя этим животное в ярость, обрекала охотников на неудачу. Ее меню состояло исключительно из

281

сушеной рыбы, а единственным напитком, который она втягивала в себя через трубку, была холодная вода. Так как сам вид ее был опасен для общества, то даже некоторое время после того, как она возвращалась в нормальное состояние, особый кожаный капор с ниспадающей на грудь бахромой скрывал ее лицо от взоров окружающих. У индейцев-брибри (Коста-Рика) женщина в

период месячных тоже считается нечистой. Единственная посуда, которой она может пользоваться, — это листья бананового дерева. После употребления они забрасываются в какое-нибудь пустынное место: ведь если корове случится набрести на них и съесть, она неминуемо зачахнет и умрет. Пьет женщина в это время из особого сосуда, из которого под угрозой смерти не должен пить никто другой.

У многих народов аналогичные запреты по тем же причинам накладываются на рожениц. Считается, что женщины в послеродовой период находятся в опасном для окружающих состоянии и своим прикосновением могут заразить человека или вещь. Поэтому до восстановления сил и исчезновения якобы существующей опасности их держат в карантине. Так, на островах Таити родившую женщину на две или три недели помещают во временный шалаш, построенный на священной земле. В течение этого срока ей воспрещается дотрагиваться до пищевых продуктов, и кормить се должны другие. Если в этот период к ребенку прикоснулось другое лицо, то оно подвергалось до совершения обряда очищения тем же запретам, что и мать. На острове Кадьяк неподалеку от Аляски женщина перед родами удаляется в жалкую лачугу из тростника, где она независимо от времени года должна пребывать в течение двадцати дней после рождения ребенка. Она считается столь нечистой, что никто не решится к ней прикоснуться, и пищу ей подают на палках. Индейцы-брибри считают загрязнение при родах куда более опасным, чем при менструации. Женщина, предчувствующая приближение родов, сообщает об этом мужу, который строит для нее хижину в уединенном месте. Там она должна жить в одиночестве, не вступая в общение ни с кем, кроме матери или другой близкой женщины. После родов знахарь очищает ее своим дыханием и тем, что кладет на нее животное (все равно какое). Однако даже после этой церемонии она в течение лунного месяца должна жить отдельно от родственников и соблюдать в отношении еды и питья те

282

же правила, что и на период месячных. В наихудшем положении оказывается женщина, у которой произошел выкидыш или родился мертвый ребенок. В этих случаях она не смеет проходить рядом ни с одной живой душой. Даже простое прикосновение к пище, которую она ела, представляет собой якобы крайнюю опасность. Пищу ей подают на конце длинной палки. Это обычно продолжается три недели, после чего женщина возвращается домой и там подвергается ограничениям, связанным с нормальными родами.

Некоторые племена банту имеют еще более преувеличенные представления о силе инфекции, которую распространяет вокруг себя женщина, имевшая выкидыш и скрывшая это. Один крупный специалист по этим народностям сообщает, что родовая кровь «в глазах южноафриканских негров представляется связанной с еще более опасным загрязнением, чем кровь, выделяющаяся при менструациях. В послеродовой период мужчину в течение восьми дней не допускают в хижину из страха, что кровотечение у роженицы окажет на него пагубное влияние. Он не решается взять на руки своего ребенка на протяжении трех месяцев после его появления на свет. Но особый ужас вызывают выделения, когда они происходят от выкидыша, особенно выкидыша скрытого. В таком случае опасность (или гибель) угрожает не только мужу, она нависает над всей страной и даже над небом. Курьезная ассоциация идей приводит здесь к уверенности, что физиологический акт причиняет космические бедствия!» Я процитирую слова шамана и вызывателя дождя племени бапенде относительно тех губительных последствий, которые выкидыш может возыметь для всей страны. «Того, что у женщины произошел выкидыш и она дала крови вытечь, а ребенка скрыла, достаточно, чтобы подули горячие ветры и земля потрескалась от зноя. Дождь больше не падает, так как страна осквернена. Дождь не посмеет приблизиться к тому месту, где пролилась ее кровь. Он побоится и не подойдет. Женщина эта совершила великий грех. Она разорила страну вождя, она скрыла кровь, которая недостаточно хорошо сгустилась, чтобы сформировать человека. Такая кровь — табу. Она ни в коем случае не должна попадать на землю. Вождь соберет своих подчиненных и спросит их: «В ваших селениях все в порядке?» И кто-нибудь из них ответит: «Такая-то женщина была беременна, а мы до сих пор не видели рожденного ею ребенка». Тогда женщину эту арестуют. Ей

283

скажут: «Покажи нам, где ты его спрятала». В указанном месте вырывают яму и окропляют ее отваром из двух видов корней, приготовленным в особом горшке. Из этой могилы берут немного земли и бросают ее в реку. Затем из реки приносят воду и разбрызгивают ее там, где женщина пролила кровь. Сама женщина обязана каждый день омываться специальным лекарством. Тогда страну снова увлажнит дождь. Поэтому мы (знахари) собираем женщин страны и призываем их

изготовлять комки из земли, на которую упала их кровь. Однажды утром они нам его приносят. Если мы хотим приготовить лекарство для того, чтобы окропить всю страну, мы измельчаем эту землю в порошок. По истечении пяти дней мы собираем маленьких мальчиков и девочек, таких маленьких, что им еще неизвестны все эти женские дела. Мы закладываем лекарство в рога быка, и дети направляются с ним ко всем бродам, ко всем входам в страну. Девочка выкапывает мотыгой в земле ямку, а другие обмакивают в рога ветку и окропляют внутренность ямки, приговаривая: «Дождь! Дождь!» Так мы отводим несчастье, которое женщины принесли на нашу землю. Дождь снова сможет выпасть. Страна очищена!»

Табу, налагаемые на воинов.

Дикарям также кажется, что души воинов находятся, так сказать, в атмосфере опасности, которая принуждает прибегать к ритуалам, по природе своей радикально отличным от тех рациональных мер предосторожности, которые они как нечто само собой разумеющееся принимают против действительных врагов. Все эти обряды преследуют цель подвергнуть воина — как до, так и после победы — чему-то вроде духовного карантина или затворничества, которому первобытный человек подвергает богов в человеческом образе и другие опасные существа ради их же собственной пользы. Воины-маори, вступившие на тропу войны, становились чем-то в высшей степени священным или табуированным. Они сами и их оставшиеся дома друзья сверх многочисленных обычных табу должны были строго соблюдать некоторые курьезные предосторожности. Говоря непочтительным языком европейцев, которые знали маори во времена прежних войн, они покрывались слоем «табу в дюйм толщиной», а вождь экспедиции становился абсолютно неприкасаемым. Вступавшие в войну древние израильтяне также были связаны определенными правилами ритуальной чистоты, идентичными тем, которые во время походов соблюдают маори и

284

австралийские аборигены. Используемые ими сосуды становились священными; они должны были воздерживаться и особо соблюдать правила личной гигиены. Эти предписания первоначально мотивировались — если судить по признаниям дикарей, которые их придерживаются, — боязнью того, как бы в руки врага не попали частицы их тела и как бы они из-за этого не нашли смерть от колдовства; а у некоторых племен индейцев Северной Америки молодой воин во время своей первой кампании должен был следовать определенным предписаниям, два из которых ничем не отличаются от тех, которые должны были выполнять девушки в период первой менструации. Никто не смел прикасаться к посуде, из которой ел и пил молодой воин; ему запрещалось чесать голову или другую часть тела своими пальцами (если уж ему становилось невтерпеж от зуда, то он должен был чесаться палочкой). Приведенный выше запрет, как и правило, которое запрещает табуированному лицу есть своими руками, видимо, покоится на предполагаемой святости или оскверненности (в зависимости от способа выражения) табуированных рук. Кроме того, мужчины-индейцы, находясь на тропе войны, всегда обязаны были ночью спать лицом к своей стране. И сколь неудобной бы ни была для них эта поза, изменить ее они не имели права. Им запрещалось сидеть на голой земле, мочить ноги, идти по проторенной дороге, если этого можно было избежать. Когда они вынуждены были нарушать эти запреты, они старались уравновесить дурные последствия такого поступка тем, что смазывали ноги лекарственными или магическими средствами, которые с этой целью носили при себе. Участникам экспедиции не разрешалось перешагивать через ноги, руки или туловище своего товарища, лежащего или сидящего на земле. Запрещалось им также перешагивать через плащ, ружье, томагавк или какую-либо другую часть вооружения. Если кто-нибудь по оплошности нарушал это правило, долгом того, через которого — или через собственность которого — переступили, было сбить нарушителя с ног, а долгом последнего было перенести это спокойно и не оказывать сопротивления. Сосудами, из которых воины принимали пищу, были обычно небольшие чашки из дерева или березовой коры с отметинами для различения краев. На пути от дома индейцы неизменно пили из чашки с одного края, а на обратном пути — с другого. На обратном пути, когда они находились в одном переходе от

285

своего селения, они развешивали свои чашки на деревьях или выбрасывали их в прерии. Делалось это, несомненно, с целью избежать того, чтобы их священность (или оскверненность) не передалась друзьям и не возымела губительных последствий. Как мы уже убеждались, по той же причине уничтожали или прятали посуду и одежду священного микадо, женщин во время

месячных и родов и лиц, осквернивших себя соприкосновением с покойником. Индеец-апач в первых четырех военных походах обязан воздерживаться от почесывания головы пальцами и от прикосновения губами к воде. Голову он почесывает палочкой, а воду пьет через полый тростник или прут. Палочка и тростник прикрепляются к поясу воина и друг к другу кожаным ремнем. Обычай не чесать голову пальцами, а пользоваться вместо этого палочкой, как правило, соблюдался во время похода и индейцами-оджибве.

Относительно индейцев-кри и родственных им племен нам известно, что во время войны они «не общаются с женщинами». За три дня и три ночи до выступления на войну и такое же время после возвращения домой они суеверно воздерживаются от любых отношений даже с собственными женами, потому что должны очиститься. У племени бапенде и батонка (Южная Африка) от сношений с женщинами должны воздерживаться не только воины; оставшиеся в селениях мужчины также должны соблюдать воздержание. Всякая невоздержанность с их стороны приведет, как они считают, к тому, что путь воинов будет тернистым и экспедиции не будет сопутствовать успех.

Мы не можем с уверенностью сказать, почему многие дикие племена взяли себе за правило не приближаться к женщинам во время войны. Но можно предположить, что это было мотивировано суеверным страхом перед тем, как бы, по принципам симпатической магии, тесный контакт с женщинами не заразил воинов женской слабостью и трусостью. Равным образом дикари воображают, что контакт с роженицей расслабляет воинов и ослабляет силу их оружия. Кайяны с острова Борнео идут еще дальше: по их мнению, прикосновение к ткацкому станку или к женской одежде ослабило бы мужчину настолько, что он не имел бы успеха ни в охоте, ни в рыбной ловле, ни на войне. Поэтому воины у диких народов избегают не только половых сношений с женщинами. Они стараются избегать слабый пол вообще. Например, у горных племен Ас-

286

сама мужчинам запрещается не только сожительствовать с женами во время и после похода — им не разрешается также есть приготовленную женщиной пищу, говорить с ней. Одна женщина, которая нечаянно нарушила это табу, заговорив со своим мужем в период военных действий, узнав о совершенном ею «ужасном преступлении», заболела и умерла.

Табу на убийц.

Если читатель продолжает сомневаться относительно того, основываются ли рассмотренные нами правила поведения на суеверных страхах, или же они продиктованы разумной осторожностью, его сомнения, вероятно, рассеются, когда он узнает, что еще более строгие запреты распространяются на воинов, одержавших победу над врагом. Поводом для обременительных ограничений, налагаемых на победителей в час их триумфа, возможно, является боязнь гнева духов убитых ими врагов. Страх перед мстительными духами, оказывающими влияние на поведение убийцы, часто выражается недвусмысленным образом. Общей целью табу, которым подвергают священных вождей, плакальщиков, рожениц, мужчин на тропе войны и других лиц, является изолировать табуированных лиц от общения с обычными людьми. Достигается эта цель установлением множества правил, предписывающих мужчинам жить отдельно от женщин, избегать полового общения с ними, употреблять используемую другими посуду и т. д. Теми же средствами добиваются изоляции и воинов-победителей, особенно тех, которые действительно пролили вражескую кровь. Когда на острове Тимор отряд воинов возвращается с победой и приносит головы побежденных врагов, обычай запрещает предводителю отряда возвращаться непосредственно к себе домой. В его распоряжение предоставляется особая хижина, в которой он с целью телесного и духовного очищения должен провести два месяца. В этот период ок не имеет права ни навещать жену, ни прикасаться к пище своими руками; кормить его должно другое лицо. Эти ритуалы, очевидно, продиктованы, страхом перед духами убитых. Из другого сообщения об обрядах, отправляемых на том же острове по возвращении удачливого охотника за головами, мы узнаем, что по такому случаю для умиротворения души человека, чью голову он отрубил, приносят жертвы. Местные жители полагают, что, если жертвоприношений не совершить, на победителя обрушится какое-нибудь несчастье. Более того, часть обряда составляет танец, сопровождаемый песней, в ко-

287

торой оплакивается смерть убитого и испрашивается прощение за нее. «Не обижайся, — говорится в ней, — что голова здесь у нас; наши головы, будь мы менее удачливы, могли бы сейчас находиться в твоей деревне. Сейчас дух твой может успокоиться и оставить в покое нас.

Зачем стал ты нашим врагом? Не лучше ли было нам оставаться друзьями? Тогда кровь твоя не была бы пролита и не слетела бы с плеч голова». Народность палу в центральной части острова Целебес, захватив на войне головы врагов, в храме умилостивляли души убитых.

У племен устья реки Ванигела в Новой Гвинее «человек, который отнял у другого жизнь, считается нечистым до свершения подобающих обрядов. Убив человека, он должен как можно скорее очистить себя и свое оружие. После того как это исполнено с надлежащим тщанием, он направляется в деревню и усаживается там на деревянном жертвенном помосте. Никто не приближается к нему и не обращает на него внимания. Для него строят дом, который отдается на попечение двух или трех мальчиков-слуг. Есть он может только жареные бананы, и то лишь их середину (концы он выбрасывает). На третий день заточения друзья устраивают в его честь небольшое пиршество и изготовляют для него новые набедренные повязки. На четвертый — этот человек надевает свои лучшие украшения, берет скальпы убитых им врагов и в полном вооружении шествует по деревне. На следующий день устраивается охота. Из добытой дичи отбирают кенгуру. Его разрезают, извлекают селезенку и печень и натирают ими спину убившего. После этого он торжественно спускается к ближайшему источнику и стоя в нем с широко расставленными ногами, умывается. Юные необстрелянные воины проплывают между его ногами. Считается, что это предаст им мужества и силы. На рассвете следующего дня он в полном вооружении выбегает на улицу и громким голосом выкрикивает имя своей жертвы. Домой убийца возвращается убежденным, что совершенно испугал дух убитого. Верными способами отпугивания духа являются также разжигание костров и топанье по деревянному настилу. На следующий день очищение воина подходит к концу. Теперь он может пойти к своей жене».

Когда у виндеси (Голландская Новая Гвинея) отряду охотников за головами сопутствует успех, приближаясь к дому, они возвещают о своем приближении и удаче, трубя в ракови-

288

ны. Каноэ воинов украшены ветвями. Их лица вычернены древесным углем. Если в умерщвлении жертвы приняло участие несколько человек, ее голова делится между ними. Воины всегда прибывают в деревню на рассвете. Они подгребают к селению с большим шумом, а женщины стоят на верандах домов, готовые пуститься в пляс. Проплывая мимо *room srat,* или дома, где живет молодежь, воины вонзают в его стену или крышу столько заостренных палок или бамбуковых шестов, сколько они убили врагов. День они проводят довольно спокойно. Время от времени бьют в барабан или трубят в раковину, а иногда с громкими криками колотят в стены домов, чтобы отогнать души убитых. Члены племени ябим в Новой Гвинее также верят, что душа убитого преследует убийцу и старается причинить ему зло. Поэтому они отгоняют душу криками и барабанным боем. Когда фиджийцы — а делали они это часто — живьем погребали человека, то с наступлением сумерек они обычно с помощью бамбуковых палок, раковин и т. п. поднимали ужасный гвалт, чтобы отпугнуть душу погребенного и удержать ее от попытки вернуться в свой дом. А чтобы сделать этот дом непривлекательным для души, фиджийцы разбирали старую крышу и покрывали дом всем, что казалось им наиболее отталкивающим. Американские индейцы вечером того дня, когда они насмерть замучивали пленника, бегали по деревне с ужасными воплями и колотили палками по утвари, стенам и крышам домов, чтобы не дать душе жертвы поселиться в них и отомстить за мучения, которые претерпело его тело. «Однажды, — рассказывает путешественник, — приблизившись ночью к деревне индейцев-оттава, я застал ее обитателей в смятении. Они были заняты тем, что поднимали необычайно громкий и какофоничный гвалт. Из расспросов я узнал, что недавно между племенами оттава и кикапу произошло сражение, в котором погибло несколько воинов. Целью производимого шума было помешать душам погибших войти в деревню».

Басуты «по возвращении с поля битвы совершают специальное омовение. Совершенно необходимо, чтобы воины как можно скорее очистились от пролитой ими крови, иначе тени жертв будут непрестанно преследовать их и нарушать их сон. В полном вооружении воины строем направляются к ближайшему источнику. Когда они входят в воду, колдун, расположившись на возвышении, кидает в поток очищающие веще-

289

ства. В последнем нет, однако, такой уж необходимости. Омовению подлежат также копья и боевые топоры». У негров-багешу (Восточная Африка) убивший не может возвратиться в свой дом в день совершения убийства, но он имеет право войти в селение и провести ночь в доме друга. Он убивает овцу и вымазывает грудь, правую руку и голову внутренностями животного. К нему приводят его детей, и он то же проделывает с ними. Затем внутренностями и кишками овцы он

вымазывает дверь с обеих сторон, а остатки их забрасывает на крышу дома. В течение всего дня он не смеет притрагиваться к пище руками, а переправляет ее в рот двумя палочками. На жену эти запреты не распространяются. Она может, если ей того хочется, даже оплакать человека, которого убил ее муж. Воины живущего на севере Замбези племени ангонов, убившие в походе врагов, вымазывают свое тело и лицо золой, надевают на себя одежду своих жертв и обвязывают вокруг шеи веревки, так чтобы концы их свисали на плечи или на грудь. Это одеяние они носят на протяжении трех дней после своего возвращения из похода. Поднимаясь на рассвете, они бегают по деревне и, чтобы отогнать души убитых, испускают истошные вопли. Ведь если эти души не выгнать из домов, они могут принести живым болезнь и несчастье.

В данных сообщениях ничего не говорится о насильственном заточении убившего (по крайней мере, после ритуального очищения), однако известно, что у части южноафриканских племен воин, убивший на войне очень храброго врага, лишается права приближаться к жене и семье в течение десяти дней с того момента, как он омыл свое тело в проточной воде. Кроме того, он получает от знахаря племени снадобье, которое пережевывает вместе с пищей. Когда негр-нанди (Восточная Африка) убивал человека из другого племени, он раскрашивал одну сторону тела, копья и меча красной краской, а другую — белой. На протяжении четырех дней после кровопролития воин считался нечистым и не имел права вернуться домой. Он должен был построить у реки небольшой навес и жить под ним. Он не смел общаться со своей женой или возлюбленной и употреблять в пищу что-либо кроме каши, говядины и козлятины. Чтобы очиститься, воин в конце четвертого дня принимал сильно действующее слабительное из коры дерева *segetet* и выпивал козье молоко, смешанное с кровью.

290

У племен банту района Кавирондо, когда мужчина убивает на войне врага, по возвращении домой он выбривает себе голову, а для того, чтобы помешать душе убитого причинять ему беспокойство, друзья втирают в его тело снадобье, которое состоит из козьего помета. Тот же обычай соблюдается туземцами вагейя в Восточной Африке. У племени джалуо (Кавирондо) бытует несколько иной обычай. Там воин выбривает голову через три дня после возвращения с поля сражения. Но прежде чем войти в селение, он должен повесить себе на шею живую курицу головой кверху, после чего отрубить курице голову так, чтобы она осталась висеть на его шее. Вскоре после возвращения воина, в честь убитого им человека устраивается пиршество, чтобы душа его не преследовала убившего. Когда на островах Палау мужчины возвращаются из военного похода, молодых воинов, впервые принимавших участие в военных действиях, и всех, кто убил врагов, запирают в большом доме для совещаний, и они становятся табу. Они не могут выходить наружу, купаться, притрагиваться к женщине, есть рыбу. Их рацион ограничен кокосовыми орехами и сиропом. Они натираются заговоренными листьями и жуют заколдованный бетель. По истечении трех дней воины вместе идут купаться как можно ближе к тому месту, где был убит человек.

Молодые храбрецы у натчей в Северной Америке, добывшие свои первые скальпы, обязаны на протяжении шести месяцев соблюдать некоторые запреты. Им не разрешается спать с женами и употреблять в пищу мясо: едят они исключительно рыбу и мучной заварной пудинг. Существовало поверье, что стоит им нарушить эти правила, и душа убитого магическим путем вызовет их смерть, они больше не одержат побед над врагом и малейшая царапина окажется для них смертельной. Индеец-чоктав, который убил врага и снял с него скальп, месяц носил траур и в этот период не расчесывал волосы, а если ощущал зуд в голове, то почесаться он мог только палочкой, которую с этой целью носил привязанной к кисти руки. Ритуальное оплакивание убитых врагов было у североамериканских индейцев обычным явлением.

Итак, мы видели, что свободное общение с соплеменниками для воинов, убивших в битве врага, на время прерывалось (особенно это относилось к их общению с женами). Прежде чем быть вновь допущенными в общество, они должны были пройти через очистительные обряды. Эта изоляция и искупи-

291

тельные обряды имели одну цель: отогнать, запугать и умиротворить душу убитого. Мы с полным основанием можем предположить, что тот же смысл первоначально имело аналогичное очищение человекоубийц, обагривших свои руки кровью соплеменников. Идея морального и духовного возрождения, символизируемого омовением, постом и т. д., была просто позднейшим истолкованием, которое люди, оставившие далеко позади первобытную логику, дали этому древнему обычаю. Эта гипотеза найдет подтверждение, если нам удастся доказать, что дикари

действительно налагали табу на убийц соплеменников из страха, что их преследует душа жертвы. Сделать это мы можем на примере индейцев-омаха из Северной Америки. У этих индейцев за родственниками убитого оставалось право предать смерти убийцу, но иногда, соглашаясь принять от убийцы подарки, они от этого права отказывались. Если убийце сохраняли жизнь, то на срок от двух до четырех лет ему вменялось в обязанность соблюдение строгих предписаний. Он должен был ходить босым; ему запрещалось есть подогретую пищу, возвышать голос, озираться кругом. Ему предписывалось завертываться в плащ и завязывать его на шее даже в жаркую погоду; он не должен был допускать, чтобы плащ ниспадал и развевался. Ему не разрешалось размахивать руками — их следовало держать прижатыми к туловищу. Он не имел права расчесывать волосы; его волосы не должны были развеваться на ветру. Когда племя отправлялось на охоту, ему надлежало разбивать палатку в четырехстах метрах от остальных охотников, «чтобы душа жертвы не подняла сильный ветер, могущий нанести ущерб охоте». Оставаться вместе с ним в палатке разрешалось только его родственникам. Никто не желал разделять с ним трапезу, потому что, «если мы едим с тем, кого ненавидит Ваканда, Ваканда возненавидит и нас». Иногда убийца бродил ночью, стеная и оплакивая свое преступление. В конце периода изоляции родственники убийцы, слыша его причитания, говорили: «Довольно. Приди и погуляй в толпе. Надень мокасины и хороший плащ». Причина, по которой убийцу держат на значительном расстоянии от охотников, дает ключ ко всем остальным табу: он преследуется душой убитого и поэтому опасен. Древние греки верили, что душа недавно убитого человека гневается на убийцу и тревожит его. Поэтому даже человеку, совершившему убийство непреднамеренно, необходимо было на год,

292

пока не остынет гнев покойного, покинуть страну. Убийца не мог возвратиться, пока не принесена жертва и не выполнен ритуал очищения. Если убитым оказывался иностранец, убийце следовало остерегаться его родни, как своей собственной. Предание о матереубийце Оресте, который скитался с одного места на другое, преследуемый фуриями убитой матери, с которым никто не хотел разделить трапезу, которого не впускали в жилища до тех пор, пока он не очистился, правдиво отражает существовавший у греков страх перед теми, кого продолжала преследовать озлобленная душа.

Табу, налагаемые на охотников и рыболовов.

Охотник и рыболов в первобытном обществе должны были часто соблюдать те же правила воздержания и подвергаться тем же очистительным ритуалам, что человекоубийца и воин, хотя точная цель, которую преследовали эти правила и ритуалы, известна не во всех случаях. Мы с некоторой долей вероятности можем допустить, что, подобно тому как основным мотивом изоляции и очищения воина является страх перед душами убитых врагов, охотник или рыболов, подчиняющийся тем же правилам, движим прежде всего страхом перед душами зверей, птиц и рыб, которых он убил или намеревается убить. Ведь, как правило, дикарь видит в животных одаренные душой и разумом существа, подобные ему самому, и в силу этого, естественно, относится к ним с таким же уважением как и к людям. Поэтому он старается умилостивить души убитых животных так же, как он умиротворяет души убитых им людей. Эти умилостивительные обряды будут описаны в ходе дальнейшего изложения. В данный же момент нас интересуют, во-первых, табу, которые охотник и рыболов соблюдают перед

[1] Более глубокое и исторически более точное толкование «Орестейи» Эсхила было предложено еще в середине XIX века швейцарским историком-
юристом Бахофеном. Оно было развито Ф. Энгельсом и вошло в марксистскую литературу. Фурии (Эринии) преследуют Ореста не просто за убийство, а за убийство матери, то есть человека, с которым он состоял, по нормам материнского права, в кровном родстве. Мать же его, убившая своего мужа (отца Ореста), не навлекла этим на себя гнев Эринии, так как она убила не своего кровного родственника. Эринии, таким образом выступают не просто как мстители за убийство, а как хранительницы морали материнского рода. Аполлон же и Афина, защищающие Ореста, олицетворяют в себе более поздние, патриархальные начала: мужеубийство с точки зрения этой патриархальной морали есть более тяжкое преступление, чем матереубийство (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 216-217).

293

началом сезона охоты и рыболовства и во время него, а во-вторых, очистительные обряды, которые эти лица должны соблюдать по возвращении с удачной охоты.

Дикарь в той или иной мере почитает души всех животных. Но с особым почтением относится он к душам тех из них, которые либо очень полезны для него, либо наводят на него ужас своими

размерами, силой или свирепостью. Охота на такого рода ценных или опасных животных регулируется в силу этого более сложными предписаниями и ритуалами, чем истребление сравнительно бесполезных и ничтожных созданий. Так, готовясь к промыслу китов, индейцы-нутка соблюдали недельный пост. Они очень мало ели, по нескольку раз в день купались, пели и царапали тело, конечности и лица раковинами и ветками кустарника до тех пор, пока не начинали походить на людей, жестоко исколотых колючками шиповника. В этот период нутка предписывалось воздерживаться от всякого общения с женщинами. Соблюдение этого условия считалось необходимым, чтобы промысел был удачным. Рассказывают, что один вождь, которому не удалось поймать кита, приписывал свою неудачу нарушению целомудрия кем-то из его людей. Следует отметить, что участникам китобойного промысла предписывались точно такие же правила поведения, что и воинам-нутка, вступающим на тропу войны. Когда-то такого же рода правила соблюдались малагасийскими китобоями. За восемь дней до выхода в море команда китобойного судна начинала поститься. Матросы воздерживались от сношений с женщинами и от употребления спиртных напитков и признавались друг другу в самых тайных своих прегрешениях. Человеку, совершившему большой грех, принимать участие в плавании запрещалось. На острове Мабуйяг воздержание предписывалось перед охотой на дюгоней и в период спаривания черепах. Охота на черепах проводится в октябре и ноябре. Считалось, что если в этот период неженатые люди вступят в половые сношения друг с другом, то при приближении лодки к плывущим черепахам самцы отделятся от самок и уплывут в разные стороны. На острове Моват (Новая Гвинея) мужчины также не вступают в половые сношения с женщинами в период спаривания черепах, хотя в остальное время года нравы местных жителей отличаются большой распущенностью.

На одном из Каролинских островов (Уап) на весь промысловый сезон, который длится шесть — восемь недель, ры-

294

бак подпадает под действие очень сильного табу. На берегу он должен проводить все свое время в мужском доме, ни под каким предлогом он не смеет навещать свой дом, видеть жену или других женщин из своей семьи. По мнению туземцев, брось он украдкой хоть один взгляд на этих женщин, ночью летающая рыба неизбежно врезалась бы ему в глаза. Если жена, дочь или мать приносят ему подарок или хотят поговорить с ним, они должны повернуться лицом к берегу, а спиной к мужскому дому. После этого рыбак может выйти поговорить с ними или, повернувшись к ним спиной, принять принесенный подарок. Потом он должен немедленно вернуться в свою «тюрьму». Рыбакам запрещалось даже по вечерам принимать участие в танцах и пении других мужчин в мужском доме. Им следовало держаться отдельной группой и хранить молчание. Когда в области Мирзапур в дом вносят грены тутового шелкопряда, туземцы кол, или бхуйяр, кладут их на место, тщательно вымазанное пометом священной коровы. С этого момента владелец дома должен следить за соблюдением ритуальной чистоты. Ему следует прекратить общение с женой, ему запрещается спать в кровати, бриться, стричь ногти, смазывать себя маслом, есть пищу, приготовленную на масле, лгать и совершать поступки, которые представляются ему дурными. Он дает Сингармати Дэви обет о принесении ей жертвы, если выведутся хорошие шелковичные черви. Когда из грен появляются черви, хозяин собирает женщин, и они поют ту же песню, что и при рождении младенца; все замужние женщины в округе вымазывают проборы в волосах свинцовым суриком. Спаривание бабочек-шелкопрядов празднуется как бракосочетание. К шелкопрядам, таким образом, в меру возможности, относятся как к людям. Поэтому правило, запрещающее половое общение в период, когда выводятся шелковичные черви, возможно, является лишь расширением по аналогии другого правила, соблюдаемого многими народами: оно запрещает мужу жить с женой половой жизнью во время ее беременности и кормления грудью ребенка.

Охотники на острове Ниас, начиная охоту, вначале вырывают ямы, прикрывают их ветками, травой и листьями, а потом загоняют в них дичь. Во время рытья ям они должны соблюдать некоторые табу. Им запрещается плеваться (иначе дичь с отвращением отвернется от ям); им запрещается смеяться (иначе обвалятся стенки ямы); им не разрешается упот-

295

реблять в пищу соль, готовить корм свиньям. Находясь в яме, они не имеют права чесаться, потому что в противном случае почва может размягчиться и осесть. Чтобы их труд не пропал даром, на следующую ночь после того, как вырыты ямы, они не должны вступать в половые сношения с женщинами.

Соблюдение строгого целомудрия как условия успешной охоты или рыбной ловли распространено

среди примитивных народов очень широко. Приведенные примеры дают основание предположить, что правило это основывалось скорее на суеверии, чем на боязни того, что его нарушение может вызвать у охотника или рыболова состояние временной слабости. Дурное следствие невоздержанности заключается не в том, что она ослабляет человека, а в том, что она наносит якобы обиду животному, которое поэтому не дает себя поймать. Перед тем как поставить ловушки на медведей, индейцы-карриер (Британская Колумбия) на целый месяц расстаются со своими женами, в этот период они не пьют с женой из одного сосуда, а пользуются для питья особой берестяной чашкой. Пренебрежение этими мерами предосторожности повлечет будто бы за собой бегство дичи из ловушек. Когда те же индейцы собирались ставить ловушки на куниц, период воздержания сокращался до десяти дней.

Поучительно было бы исчерпывающе рассмотреть многочисленные случаи, в которых дикарь обуздывает свои страсти и сохраняет целомудрие из соображений суеверия. Но заняться этим в данный момент мы не можем. Мы приведем лишь несколько разрозненных примеров этого обычая, а затем перейдем к ритуалам очищения, которые охотник и рыбак совершают по окончании охоты и рыбной ловли. Рабочие соляных копей недалеко от Сифума в Лаосе должны были воздерживаться от половых сношений на месте своей работы. Им также запрещалось покрывать голову или закрываться от палящих солнечных лучей зонтом. У качинов в Бирме пивные дрожжи готовят две женщины, избранные по жребию; в период работы (она длится три дня) они не употребляют в пищу ничего кислого и не вступают со своими мужьями в половые сношения. Считается, что в противном случае пиво прокиснет. Медовую брагу у масаев варят один мужчина и одна женщина. До тех пор, пока напиток не будет готов для питья, они живут в одной хижине. Однако им категорически запрещается на протяжении всего этого времени вступать друг с

296

другом в половую связь. В течение двух дней до начала варки и весь период ее приготовления (то есть шесть дней) им необходимо соблюдать целомудрие. Если эта пара нарушит целомудрие, то брага, по поверью масаев, будет непригодной для питья, а пчелы, собравшие пыльцу, улетят прочь. От изготовителя яда масаи также требуют, чтобы он спал один и соблюдал другие табу, которые превращают его почти что в парию. Члены племени вандороббо, живущего с масаями в одном регионе, верят, что одного присутствия женщины по соседству с мужчиной, занятым варкой яда, достаточно, чтобы лишить яд его силы. То же самое произойдет, если жена изготовителя яда в это время совершила прелюбодеяние. В последнем случае табу не поддается никакому рациональному объяснению. Как яд может утратить силу своего воздействия из-за нарушения супружеской верности женой его изготовителя? Влияние прелюбодеяния на яд явно относится к числу случаев симпатической магии: нарушение супружеской верности женой оказывает на расстоянии симпатическое воздействие на работу мужа. Отсюда мы можем с уверенностью заключить, что и воздержание самого изготовителя яда является не более как случаем симпатической магии, а не (как склонен предполагать цивилизованный читатель) мудрой предосторожностью, направленной на то, чтобы избежать случайного отравления жены.

Когда бапенде и батонка, выбрав новое место для селения, приступают к постройке домов, всем женатым людям запрещено вступать в половые сношения. Если какая-то супружеская пара, как обнаруживалось, нарушала это правило, строительство тут же приостанавливалось, и для селения выбирали другое место. Туземцы воображают, что нарушение целомудрия повредит строящемуся селению, что начнет чахнуть и, возможно, умрет вождь, а женщина, виновная в этом преступлении, навсегда останется бездетной. Во время строительства или починки ирригационной дамбы вождь чамов (Кохинхина), который приносит традиционные жертвы и испрашивает покровительство богов для этого предприятия, должен жить в жалкой соломенной лачуге, не принимая участия в работах и соблюдая строжайшее воздержание. Нарушение им целомудрия, по народному поверью, вызвало бы прорыв дамбы. Здесь нет и намека на обычное поддержание физической силы вождя: ведь последний не принимает никакого участия в возведении дамбы.

297

Если табу и правила воздержания, соблюдаемые охотниками и рыбаками до промысла и во время него, как мы имели возможность убедиться, продиктованы суеверием (главным образом боязнью обидеть или испугать душу существа, подлежащего умерщвлению), можно ожидать, что, по крайней мере, столь же тягостными будут и табу, налагаемые после совершения убийства. Ведь теперь охотника и его друзей страшит разгневанная душа жертвы. Согласно другой гипотезе, правила воздержания, включая воздержание от пищи, питья и сна, являются не более как

необходимыми мерами предосторожности, принимаемыми для поддержания здоровья и хорошего самочувствия охотников и рыбаков. Но в таком случае совершенно излишне, абсурдно и необъяснимо соблюдение этих табу после окончания промысла, то есть после того, как дичь убита, а рыба выловлена. Но, как мы сейчас покажем, после того как животных уже нет в живых, другими словами, после того как наполнилась сумка охотника и невод рыбака, табу эти часто ужесточаются и становятся еще более обязательными. В этом пункте рационалистическая теория терпит окончательное крушение, и остается в силе лишь теория суеверного страха.

У эскимосов Берингова пролива «охотник должен очень осторожно обращаться с тушами убитых им животных, чтобы, случаем, не обидеть их тени и не навлечь на себя и на свой народ всякие напасти и даже гибель». Поэтому охотник-уналит, принимавший участие в загарпунивании белухи или просто помогавший вытаскивать кита из сетей, четыре дня после этого не имел права заниматься никаким делом. Считалось, что в течение этого времени в его теле продолжала пребывать тень или душа кита. В тот же период, чтобы не поранить тень кита, невидимо парящую по соседству, никому не разрешалось пользоваться острыми и заточенными предметами. Запрещалось также поднимать сильный шум, чтобы не испугать или не обидеть душу. Человека, который станет разделывать тушу кита железным топором, ждет смерть. Поэтому в эскимосской деревне после удачной охоты на кита на четыре дня запрещается использование всех железных орудий.

Каждый год в декабре те же эскимосы устраивают большой праздник, В доме для собраний они выставляют на обозрение мочевые пузыри убитых за год тюленей, китов, моржей и белых медведей. Там их оставляют на несколько дней. Все это время охотники воздерживаются от всякого общения

298

с женщинами. В противном случае были бы, по их словам, обижены тени убитых животных. Равным образом, поразив кита заговоренным гарпуном, охотник-алеут с Аляски не станет бросать гарпун вторично, а тут же возвратится домой и уединится от своих родичей в специально построенном для этого домике. Там он без еды и питья, без общества женщин остается на три дня. Время от времени он, подражая смертельно раненному киту, издает хрипящий звук, чтобы помешать пораженному животному покинуть берег. На четвертый день алеут выходит из заточения и, крича хриплым голосом и ударяя по воде руками, купается в море. Затем он вместе с товарищем отправляется на то место, где, по его расчетам, находится выброшенный на берег кит. Если животное было мертво, охотник тотчас же вырезал ту часть туши, куда была нанесена смертельная рана. Если же кит был еще жив, охотник вновь возвращался в селение и продолжал омовение до тех пор, пока добыча не умирала. Подражание раненому киту в этом примере, вероятно, нацелено на то, чтобы посредством гомеопатической магии вызвать действительную смерть животного. Алеуты уверены также, что они наносят оскорбление душе страшного полярного медведя, если не соблюдают относящиеся к ней табу. Душа медведя задерживается у того места, где она покинула тело на три дня. В эти дни эскимосы особенно стараются неукоснительно выполнять все табу. По их поверью, человека, который нанес обиду душе медведя, наказание постигает куда быстрее, чем того, кто обидел души морских зверей.

Если кайянам с острова Борнео удалось застрелить одну из наводящих ужас местных пантер, они приходят в большое беспокойство по поводу безопасности своих душ, так как пребывают в уверенности, что душа пантеры едва ли не могущественнее их собственной. Поэтому они семь раз переступают через труп животного, повторяя заклинание: «Твоя душа, пантера, под моей душой». По возвращении домой кайяны обмазывают себя, своих собак и оружие кровью домашней птицы, чтобы успокоить свои души и не дать им отлететь: питая слабость к куриному мясу, они приписывают такой же вкус и своим душам. Перед тем как вновь отправиться на охоту, кайяны должны купаться днем и ночью восемь дней. Об охотнике-готтентоте, который убил льва, леопарда, слона или носорога, идет слава как о великом герое, но он в течение трех

299

дней должен в бездействии оставаться у себя дома, и жена не может подходить к нему. Ей также предписывалось ограничить свой рацион и есть не более того, что необходимо для Поддержания здоровья. У лапландцев (лопарей) величайшим подвигом считается убить медведя, которого они почитают царем зверей. Тем не менее все мужчины, принимавшие участие в этом деле, считаются нечистыми. На протяжении трех дней они должны жить отдельно в специально построенной хижине или юрте, где они разделывают и поедают тушу медведя. Оленем, привезшим на санях эту тушу, в течение целого года не может править женщина. По другому сообщению, его вообще

никто не может запрягать в этот период. Прежде чем войти в предназначенную для них юрту, охотники снимают с себя одежду, в которой они убили медведя, и жены плюют им в лица красным соком ольховой коры. В юрту они проникают не через обычную дверь, а через отверстие сзади. Двое мужчин с частью уже приготовленного медвежьего мяса отряжались для того, чтобы отдать его женщинам, которым запрещалось приближаться к мужской юрте. Эти мужчины притворяются иноплеменниками, принесшими подарки из чужой страны. Женщины также делают при этом вид, что ни о чем не подозревают, и обещают чужестранцам повязать вокруг их ног красные ленточки. Медвежатину нельзя было передавать женщинам через дверь юрты; необходимо было просунуть ее через отверстие, образованное откинутым краем полога. По окончании трехдневного заключения мужчинам разрешается вернуться к женам. Однако, прежде чем выйти из юрты, они один за другим обегают вокруг очага, держась за цепь, на которой над костром подвешивают горшки. Это рассматривается как очищение. После этого охотники получают право покинуть юрту через обычную дверь и присоединиться к женщинам. Но вожак отряда должен воздерживаться от половых сношений с женой еще в течение двух дней.

Известно, что кафры питают ужас перед удавом или напоминающими его огромными змеями «и под влиянием этого суеверного представления даже боятся его убивать. В прошлом человеку, который почему-то (будь то для самозащиты или по другой причине) убил удава, предписывалось несколько недель подряд лежать днем в проточной воде. В селении, откуда он был родом, вообще не разрешалось убивать ни одно животное, пока это предписание не будет исполнено. Затем 300 труп змеи осторожно зарывали в вырытый рядом с хлевом ров, где останки ее пребывали в совершенном спокойствии вместе с останками вождя. В настоящее время период покаяния в подобном случае (как и срок траура по покойнику) сокращен до нескольких дней. В Мадрасе великим грехом считается убийство кобры. Если это все же происходит, местные жители обычно сжигают труп змеи, как тело покойника. Убивший считается нечистым в течение трех дней. На второй день на останки кобры выливают молоко. На третий день несчастный грешник вновь обретает чистоту.

В этих примерах животное, умерщвление которого нуждается в искуплении, является священным, то есть жизнь его оберегается из соображений суеверия. Обращение с совершившим убийство святотатцем, впрочем, столь явно напоминает обращение с охотниками и рыбаками, которые убили животных на обычном промысле, что можно допустить базисное единство представлений, на которых основываются оба этих обычая. По нашему мнению, представления эти — почитание дикарем душ зверей (особенно ценных или внушающих ужас), а также страх перед мстительными духами. В подтверждение этого взгляда можно привести в пример ритуалы, соблюдаемые рыбаками Аннама в случае, если на берег прилив выбрасывает тушу кита. Согласно сообщениям, эта живущая рыболовством народность поклоняется китам, поскольку из китового промысла она извлекает необходимые блага. В редком селении на побережье нет маленькой пагоды, в которой не хранились бы более или менее подлинные кости кита. Когда на берег выбрасывает мертвого кита, жители устраивают ему торжественные похороны. Человек, заметивший его первым, выступает в роли главного плакальщика и отправляет такие обряды, какие наследник справляет по умершему родственнику. Он облачается в полный траур (надевает соломенную шляпу, белое платье с подвернутыми длинными рукавами и др.). В качестве ближайшего родственника покойного он руководит похоронами кита, во время которых воскуряются благовония, раскидываются позолоченные и посеребренные листья, разрываются хлопушки. После разделки туши и извлечения жира местные жители зарывают труп кита в песок. Затем строится навес, под которым они приносят жертвы. Некоторое время спустя после похорон душа кита, как правило, «входит» в кого-либо из жителей селения и его устами провозглашает, мужского она пола или женского.

301

Глава XXI. ТАБУ НА ПРЕДМЕТЫ

Смысл табу.

Итак, правила ритуальной чистоты, соблюдаемые в примитивном обществе божественными царями, вождями и жрецами, во многих отношениях схожи с правилами, которые соблюдают убийцы, плакальщики, роженицы, девушки, достигшие половой зрелости, охотники, рыбаки и т. д. Эти группы лиц представляются нам совершенно различными по характеру и положению в обществе: одних из них мы называем святыми, других объявляем нечистыми и оскверненными. Но первобытный человек не проводит между ними этого морального различия. В его уме понятия святости и оскверненности еще не отделились одно от другого. Общим признаком этих категорий лиц является в его глазах то, что они опасны и сами находятся в опасности. Опасность, которой они подвергаются сами и подвергают других, так сказать, «духовного», то есть воображаемого, порядка. Однако то, что опасность эта воображаемая, не делает ее менее реальной: воображение действует на человека столь же реально, как сила тяжести, и может убить его с таким же успехом, как синильная кислота. Цель табу является изолировать указанные категории лиц от всего остального мира, чтобы их не достигла или от них не исходила внушающая страх духовная опасность. Здесь табу действует, так сказать, на манер электроизоляторов.

Для иллюстрации этих общих положений дополним уже приведенные случаи новыми примерами табуирования предметов и табуирования слов. Первобытный человек придерживается мнения, согласно которому, слова и вещи, подобно людям, временно или постоянно заряжены, наэлектризованы таинственной силой табу; поэтому их необходимо на более или менее продолжительный срок изымать из обычного жизненного обихода. В приводимых ниже примерах особое внимание будет уделено священным вождям, правителям и жрецам, которые живут окруженные самой плотной стеной табу. В настоящей главе будут приведены примеры табуированных предметов, а в следующей — табуированных слов.

Табу на железо.

Прежде всего бросается в глаза, что из ряда вон выходящая святость верховных правителей естественным образом порождает запрещение дотрагиваться до их священных особ. Так, законом запрещалось прикасаться руками к

302

спартанскому царю; никто не смел прикасаться к телу короля и королевы острова Таити; под страхом смертной казни запрещалось притрагиваться к сиамскому владыке; без особого разрешения никто не имел права прикасаться к королю Камбоджи. В июле 1874 года камбоджийский король выпал из перевернувшегося экипажа. Он без чувств лежал на земле, но никто из его свиты не осмелился к нему прикоснуться. Раненого монарха привел во дворец подоспевший к месту происшествия европеец. В прошлом никто не смел притронуться к императору Кореи. Если же последний соизволял прикоснуться к кому-то, то место, к которому монарх притронулся, становилось святым, и лицо, удостоившееся такой чести, всю остальную часть жизни должно было носить знак отличия (как правило, шнурок из красного шелка). Прежде всего к телу владыки не Должно было прикасаться ничто железное. В 1800 году император Тиенг-тоонг-тай-оанг умер от опухоли на спине, но никому и в голову не пришло пустить в ход ланцет, который, возможно, спас бы ему жизнь. Один император страдал от нарыва на губе до тех пор, пока врач не пригласил шута, чьи проделки вызвали у повелителя столь искренний смех, что нарыв лопнул. Римские и сабинские жрецы могли бриться и стричься исключительно бронзовыми (но никак не железными) бритвами и ножницами. Всякий раз, когда в священную рощу арвальских братьев[1] в Риме вносили гравировальный инструмент из железа, чтобы высечь на камне надпись, нужно было принести искупительную жертву в виде ягненка или свиньи. Жертвоприношение повторяли и после выноса инструмента. Как правило, нельзя было вносить железные предметы и в греческие святилища. На острове Крит жертвы Менедему приносили без использования железа, потому что, по преданию, во время Троянской войны (XIII в. до н. э.) Менедем был убит железным оружием. Архонт Платеи не мог прикасаться к железу, но один раз в год — в день поминовения воинов, павших в битве при Платее, — ему разрешалось брать в руки меч, которым он приносил в жертву быка. У готтентотов при жертвоприношении или обрезании шаманы пользовались не железными ножами, а острыми кусками кварца. Обычай племени овамбо (Юго-Западная Африка) также требует,

[1] Коллегия из двенадцати жрецов — *Fratres arvales,* — во главе которых стоял ежегодно переизбиравшийся магистр.

303

чтобы обрезание юношей совершалось при помощи острого кремня; если кремня под рукой не оказывается, операция может быть проделана железным инструментом, который после этого необходимо зарыть. У индейцев-моки (штат Аризона) каменные ножи, резаки и т. д. вышли из обычного употребления, но продолжают использоваться в религиозных обрядах. Индейцы-пони перестали использовать каменные наконечники стрел для охоты, но прибегали к ним для умерщвления жертв (будь то пленники или буйволы и олени). Иудеи при построении храма в Иерусалиме и сооружении алтаря не пользовались железными инструментами. Древний деревянный мост в Риме *(Pons Sublicius)*[1], считавшийся священным, был построен и ремонтировался без применения железа или бронзы. Право ремонтировать храм Юпитера Либера в городе Фурфо железными орудиями было особо оговорено в законе.

Суеверный запрет на использование железа, возможно, восходит к весьма древней эпохе в истории общества, когда железо было еще внове, и поэтому многие относились к нему с подозрением и неодобрением. Все новое способно возбуждать у дикаря страх и ужас. «У дусунов бытует любопытное суеверие, — рассказывает один из первых поселенцев на острове Борнео. — Все происходящее (плохое ли, хорошее ли, удачное или неудачное) они приписывают какому-то нововведению в своей стране. Например, мое недавнее посещение в Киндраме «вызвало» исключительную жару». Встревоженные обитатели Никобарских островов приписали проливные дожди, последовавшие за землемерными работами, проводившимися англичанами зимой 1886/87 года, гневу духов на теодолиты, нивелиры и другие инструменты, которые были установлены во многих излюбленных местах островитян. Некоторые островитяне предлагали смирить гнев духов принесением в жертву свиньи. В XVII веке серия неурожаев вызвала волнение среди эстонских крестьян. Источником зла они сочли водяную мельницу, которая причинила-де неудобство реке, преградив ее течение. В Польше за первой попыткой ввести железные лемехи последовал ряд неурожаев. Их причину крестьяне увидели именно в этих железных лемехах и вновь

[1] Деревянный мост на сваях через Тибр, построенный при царе Анке Марции (по традиции 641—616 до н. э.), легендарном четвертом царе Рима.

304

заменили их старыми деревянными сошниками. Народность бадуви на острове Ява, живущая в основном земледелием, не использует при вспашке полей железные орудия.

Для объяснения антипатии правителей и жрецов к железу, которую те приписали и богам, достаточно неприязни дикаря к нововведениям. В некоторых же местах эта антипатия могла усилиться из-за таких случайных совпадений, как, например, неурожаи, последовавшие за применением железных лемехов в Польше. Однако в таком отношении к железу со стороны богов и их посланцев есть и обратная сторона. Антипатия духов к металлу дает в руки человека оружие, которое он может при случае обратить против них. А так как неприязнь духов к железу столь велика, что они не решаются даже приблизиться к вещам и лицам, защищенным этим отвратительным металлом, железо можно использовать в качестве магического средства для отпугивания привидений и других опасных духов. Часто оно и используется в этом качестве. Так, у шотландских горцев самой надежной защитой от эльфов является оружие, сделанное из железа или, еще лучше, стали (сабля, нож, ружейный ствол и пр.). При входе в заколдованное жилище не забудьте вонзить какой-нибудь стальной предмет (к примеру, нож, иглу или рыболовный крючок) в дверь, в таком случае феи окажутся не в силах захлопнуть дверь до тех пор, пока вы не выйдете наружу. Когда вы несете домой тушу застреленного оленя, воткните в нее нож, чтобы не дать феям ее отяжелить. Ножа или гвоздя в вашем кармане совершенно достаточно для того, чтобы ночью феи не подняли вас в воздух. Гвозди, прибитые в изголовье кровати, отгоняют эльфов от рожениц и младенцев. Впрочем, для полной уверенности в благополучии тех и других, лучше под кровать положить утюг, а на подоконник — серп. Если бык упал и разбился об утес, для сохранения мяса от фей следует всадить в его тушу гвоздь. Мелодия, сыгранная на варгане, охраняет охотника от эльфов-женщин, потому что язычок варгана сделан из стали. В Марокко считается, что железо лучше всего защищает от демонов; поэтому под подушку больного обычно кладут нож или кинжал. Жители Сенегала уверены, что они постоянно окружены злыми духами, готовыми причинить им несчастье. Тамошний крестьянин не отважится перенести хорошую пищу (например, пироги или жареное мясо) с одного места в другое, не положив на нее гвоздь, чтобы лишить злого духа

305

возможности овладеть мясом и сделать съевшего его человека больным. Ни один больной (будь то мужчина или женщина) не решится выйти из дому без связки ключей или ножа в руке. Он опасается, что без такого талисмана некий злой дух, воспользовавшись недомоганием, проскользнет в его тело. Если на теле человека образовалась язва, он для защиты от злых духов спешит приложить к ней кусочек железа. На Невольничьем береге мать ребенка, который начинает чахнуть, приходит к заключению, что в ребенка вселился злой дух, и принимает меры для его изгнания. Чтобы выманить злого духа из тела ребенка, мать приносит ему жертву пищей. Пока тот, как она считала, поглощал яства, она надевала на лодыжки ребенка железные кольца и колокольчики, а вокруг шеи обматывала железные цепи. Считается, что позвякиванье железа и треньканье колокольчиков помешает завершившему трапезу духу вновь войти в тело маленького больного. Поэтому на многих детях в этой части Африки можно видеть украшения из железа.

Табу на острое оружие.

К северу от города Зенгви в Бирме обитал король-жрец, которому народ сотих поклонялся как величайшему духовному и светскому владыке. В его дом нельзя было вносить оружие или какой-либо другой режущий инструмент. На происхождение и смысл этого запрета проливает свет обычай, который многие народы соблюдают после смерти человека: они воздерживаются от использования острых орудий до тех пор, пока дух покойного, как предполагается, находится еще близко, из боязни его поранить. У эскимосов Берингова пролива «в день, когда кто-то умирает, всем запрещается работать, а родственники не должны приступать к работе в ближайшие три дня. В этот период особенно возбраняется разрезать что-нибудь наточенным предметом, например ножом или топором. Запрет распространяется и на пользование заостренными предметами, как игла и шило. Делается это, по словам эскимосов, для того, чтобы не порезать или не поранить тень умершего, которая может оказаться под рукой в любой момент. Если бы один из таких инструментов случайно поранил ее, тень бы очень обиделась и навлекла на народ болезни и смерть. В этот период родственники умершего должны также всячески стараться не издавать громких или резких звуков, которые могут испугать и разгневать призрак». Мы видели, что после добычи кита эскимосы в течение четырех дней также воздерживаются от использования режущих и

306

заостренных орудий, чтобы нечаянно не порезать и не заколоть дух кита. Иногда они соблюдают такое же табу, когда в селении кто-то болен, — вероятно, из боязни поранить тень, которая может замешкаться вне тела. Пока труп находится в доме, румыны Трансильвании стараются не класть нож лезвием кверху, «иначе душа сядет на лезвие». Китайцы в течение семи дней после смерти человека, пока тело его находится в доме, воздерживаются от употребления ножей, игл и даже палочек для еды и едят пищу руками. На третий, шестой, девятый и сороковой день после похорон древние пруссы и литовцы имели обыкновение приготавливать угощение, на которое приглашали душу покойного. Во время этих трапез все сидели вокруг стола в молчании и не пользовались ножами; не было ножей и у подававших пищу женщин. Если какие-то крохи падали со стола, их не поднимали, чтобы ими могли подкормиться одинокие души, у которых нет живых родственников и друзей. По окончании трапезы священник метлой выметал души из дому, приговаривая: «Вы, дорогие души, поели и попили. Теперь уходите, уходите прочь».

После того как мы познакомились с этими обычаями, становится понятно, почему запрещалось вносить любые режущие предметы в дом бирманского верховного жреца. Вероятно, как и многие другие короли-жрецы, он считался лицом божественным, и поэтому его священную душу, когда она покидает тело для того, чтобы попарить в воздухе или по чьей-то просьбе слетать в дальнее путешествие, нельзя было подвергать риску пораниться обо что-то острое.

Табу на кровь

Нам известно из предыдущего, что римскому жрецу Юпитера запрещалось прикасаться к сырому мясу и даже произносить это слово. В отдельные периоды брахману-учителю предписывается не смотреть на сырое мясо, на кровь и на людей, у которых были отрублены кисти рук. В Уганде отец близнецов на некоторое время после их рождения становился табу: в числе прочего ему запрещено кого-либо убивать или смотреть на кровь. Когда на Пелауских *(Pelew)* островах во время набега кому-нибудь отрубали голову, родственники убитого становились табу. Во избежание гнева духа они должны были следовать некоторым предписаниям: сидеть взаперти, не есть сырого мяса,

жевать бетель, над которым колдун предварительно произнес заклинание. После этого душа погибшего отправляется якобы на поиски убийцы в страну

307

врага. Основой этих табу служит, вероятно, распространенное верование, согласно которому душа или дух животного пребывает в его крови. А так как считается, что табуированные лица находятся в состоянии опасности (родственники убитого, например, могут подвергнуться нападению разгневанного духа), то их необходимо изолировать от соприкосновения с духами; отсюда запрет притрагиваться к сырому мясу. Но табу, как правило, является не более как усилением обычного предписания, которое жестко соблюдается при обстоятельствах, настоятельно этого требующих. При отсутствии же таковых предписание не прикасаться к крови продолжает соблюдаться, хотя и менее жестко. Например, некоторые эстонцы откажутся отведать крови, потому что она, по их верованиям, содержит в себе душу животного, которая в таком случае войдет в тело отведавшего. Некоторые из племен индейцев Северной Америки по причине жесткой религиозной санкции строжайшим образом воздерживаются от употребления в пищу крови любого животного, потому что в ней заключена его жизнь и душа. Охотники-иудеи выпускали из убитой добычи кровь и присыпали ее пылью. Они не прикасались к крови в уверенности, что она содержит в себе душу или жизнь животного[1].

Распространено предписание, согласно которому не должна проливаться на землю кровь верховного правителя. Поэтому, когда надлежит предать смерти самого правителя или кого-то из членов его семьи, изобретают такой способ казни, при котором царская кровь не попала бы на землю. Когда хан Кублай[2] нанес поражение своему дяде Найяну, восставшему против него,

[1] В Библии, священной книге иудеев и христиан, строгий запрет употреблять в пищу кровь повторяется многократно. «И никакой крови не ешьте во всех жилищах ваших ни из птиц, ни из скота. А кто будет есть какую-нибудь кровь, истребится душа та из народа своего» (Лев., 7, 26 — 27). «Если кто из сынов Израилевых и из пришельцев, живущих между вами, на ловле поймает зверя или птицу, которую можно есть, то он должен дать вытечь крови и покрыть ею землю. Ибо душа всякого тела есть кровь его: потому я сказал сынам Израилевым: не ешьте крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его: всякий, кто будет есть ее, истребится» (Лев., 17, 13—14). «Только крови не ешьте: на землю выливайте ее, как воду» (Втор., 12, 16). «Только строго наблюдай, чтобы не есть крови, потому что кровь есть душа; не ешь души вместе с мясом; не ешь ее, выливай ее на землю, как воду» (там же, 23-24).

[2] Кублай (Хубилай) (1213—1294) — пятый монгольский великий хан (с 1260), внук Чингисхана.

308

и взял его в плен, он приказал завернуть Найяна в ковер и подбрасывать его до тех пор, пока тот не умрет, «потому что ему не хотелось проливать кровь представителя своего ханского рода на землю или выставлять ее на обозрение неба и солнца». Монах Рикольд упоминает такое татарское правило: «Чтобы овладеть троном, один хан предаст другого смерти, но он тщательно проследит за тем, чтобы не проливалась кровь последнего. Татары считают проливать на землю кровь великого хана делом в высшей степени непристойным; поэтому жертву душат тем или иным способом». Аналогичного мнения придерживался королевский двор в Бирме, где к принцам крови применялся особый способ казни, без кровопролития.

Отрицательное отношение к пролитию царской крови не что иное, как частный случай отвращения к кровопролитию вообще, особенно к пролитию крови на землю. Марко Поло[1] рассказывает, что в его время лиц, задержанных на улицах Ханбалыка (современного Пекина) в неурочные часы, подвергали аресту; если их находили виновными в преступлении, то били палками. От этого наказания люди иногда умирали, но китайцы прибегают к нему, чтобы избежать кровопролития, так как их бакши[2] говорят, что проливать человеческую кровь дурно. Жители западной части графства Суссекс верили, что земля, на которую пролилась человеческая кровь, проклята и останется навечно бесплодной. Когда некоторые первобытные народности проливают кровь соплеменника, они не допускают, чтобы она попала на землю, но подставляют под нее тела других членов племени. У некоторых из австралийских племен мальчиков, которым предстоит подвергнуться обрезанию, кладут на нескольких лежащих в ряд соплеменников, чтобы кровь стекала на них, а не на землю. Когда во время обряда инициации у юноши выбивают зуб, его усаживают на плечи мужчины: вытирать кровь юноши, стекающую на грудь мужчины, запрещается. Галлы имели обыкновение пить кровь врагов и обмазывать ею себя. Имеются свидетельства о существовании аналогичного обычая у древних ирландцев. Самому мне довелось наблюдать, как современные ирландцы поступают таким же образом с кровью друзей. Присутствуя на казни знаменитого изменника Мурро О'Брайена в городе

[1] Марко Поло (ок. 1254-1324) - итальянский путешественник.

[2] Бакши — по-монгольски — жрец.

309

Лимерик, я видел, как старая женщина — его приемная мать — взяла отрубленную голову и выпила всю вытекавшую из нее кровь со словами, что земля недостойна ее впитать; она вымазала ею лицо и грудь, рвала на себе волосы и кричала истошным голосом. Негры племени латука в Центральной Африке осторожно соскребали железной лопаткой землю, на которую при родах попала капля крови, ссыпали ее в горшок, где находилась вода, которой обмывали роженицу, и зарывали все это в достаточно глубокую яму, вырытую по левую сторону от дома. Если капля крови упала на землю, вы, как принято в Западной Африке, должны старательно прикрыть ее, выскрести пятно и утрамбовать землю. Если кровь попадала на край лодки или на дерево, эти места нужно было вырубить. Эти африканские обычаи соблюдают для того, чтобы кровь не попала в руки колдунов и те не воспользовались ею в дурных целях. Можно предполагать, что именно по этой причине народы Западной Африки уничтожают кровь, которая капнула на землю, и вырезают часть дерева, которая ею пропиталась. Боязнь колдовства побуждает туземцев Новой Гвинеи старательно сжигать запачканные кровью палки, листья и тряпки. Если кровь все-таки просочилась на землю, они перерывают ее и, если это можно, раскладывают на ней костер. Тем же страхом объясняются любопытные обязанности, возложенные племенем бетсилео (остров Мадагаскар) на людей, которых называли *раманга,* что значит «голубая кровь». В их обязанности входит поедать за аристократами обрезки ногтей и вылизывать пролитую ими кровь. Когда благородные бетсилео стригли себе ногти, все обрезки до единого собирал и проглатывал раманга. Если они были слишком велики, раманга проглатывал их, предварительно размельчив. Если благородному случалось пораниться при стрижке ногтей или наступив на какой-то острый предмет, раманга как можно быстрее вылизывал его кровь. Знать высокого ранга и шагу не ступит без этих покорных слуг, но, если никого из них не окажется поблизости, кровь тщательно собирают, чтобы раманга проглотил ее позднее. Едва ли найдется хоть один сколько-нибудь уважающий себя аристократ бетсилео, который бы со всей строгостью не придерживался этого обычая, цель которого не допустить, чтобы части его тела попали в руки колдунов. Ведь они, по принципам контагиозной магии, могут с их помощью причинить ему вред.

310

Боязнь пролить кровь на землю в общем объясняется верой в то, что в ней пребывает душа и что в силу этого земля, на которую попадает кровь, с необходимостью становится табуированной, или священной. В Новой Зеландии все, на что упадет хоть одна капля крови верховного вождя, становится табуированным, или священным. Например, группа туземцев на красивой новой лодке приплывает навестить вождя, а тот, ступая на борт лодки, занозит ногу, и кровь тонкой струйкой стечет в лодку, — лодка тотчас же становится священной собственностью вождя. Владелец лодки выпрыгивает из нее, выволакивает лодку на берег против дома вождя и там оставляет. Однажды вождь, заходя в дом миссионера, ударился головой о перекладину, и у него потекла кровь. По утверждению туземцев, если бы это случилось в прошлом, дом остался бы за вождем. Как это обычно бывает с табу, имеющими всеобщее приложение, запрет проливать на землю кровь соплеменника с особой силой соблюдается по отношению к вождям и повелителям. В последнем случае запрет действует гораздо дольше, чем по отношению к другим лицам.

Табу на голову.

Многие народы считают голову особо священной частью тела. Святость эта иногда связана с верой в то, что в голове обитает душа, которая весьма и весьма чувствительна к обидам и непочтительному отношению. Так, люди йоруба (Западная Африка) верят, что у каждого человека есть три духовные сущности, первая из которых, по имени Олори, находится в голове и является покровителем, хранителем и советчиком человека. Духу этому они приносят жертвы обычно домашней птицей, а себе в лоб втирают ее кровь вперемешку с пальмовым маслом. Карены в Бирме считают, что в верхней части головы обитает существо по названию *тсо* и что, пока оно там находится, семь келахов — олицетворения страстей — не могут причинить человеку вреда. Но если тсо станет невнимательным или слабым, этот факт возымеет дурные последствия для человека. Поэтому карены тщательно следят за головой и делают все возможное, чтобы прической и головным убором угодить тсо. Сиамцы полагают, что голова человека служит жилищем духа кхуан, или квун, являющегося духом-хранителем. Квуна следует тщательно оберегать от всякого оскорбления. Поэтому процедура бритья или стрижки волос сопровождается многочисленными ритуалами. В вопросах чести квун чрезвычайно щепетилен, и, если

311

бы к голове, служащей ему обиталищем, прикоснулась рука чужеземца, он почувствовал бы себя морально оскорбленным. У камбоджийцев прикосновение к голове человека считается тяжким оскорблением. Некоторые камбоджийцы не входят в помещение, где над головой будет что-нибудь подвешено. То же суеверие разделяют малайцы. По сообщению одного старого путешественника, жители острова Ява «ничего не носят на своей голове и уверяют, что этого не следует делать... Если бы кто-то положил руку на голову островитянина, его бы убили; яванцы не строят многоэтажных домов, чтобы не ходить друг у друга над головой».

То же суеверие процветает во всей Полинезии. Относительно Гаттаневы, вождя на Маркизских островах, известно, что «дотронуться до его макушки или до его головного убора было святотатством. Переступить же через его голову считалось совершенно непростительным оскорблением». Сын верховного жреца с Маркизских островов катался по земле в приступе отчаяния и гнева и просил для себя смерти, потому что некто осквернил его божественную особу тем, что брызнул ему на волосы несколько капель воды. Но святыми считались не только головы вождей на Маркизских островах. Табуированию подлежала голова любого их жителя; никто не смел к ней прикасаться и через нее переступать. Даже отец не мог переступить через голову своего спящего сына; женщинам запрещалось прикасаться к чему бы то ни было, что бы касалось головы их мужа или отца (или висело над ней). Никто не мог находиться выше головы верховного вождя острова Тонга. На острове Таити всякого, кто стоял над головой вождя и его жены или провел над ними руками, могли предать смертной казни. На таитянского ребенка до совершения над ним определенных обрядов распространялись особые табу; все, что прикасалось к голове ребенка в этот период, становилось священным и хранилось на освященном месте, обнесенном оградой рядом с домом. Если дерево касалось своей веткой головы ребенка, таитяне срубали его, а если при падении оно повреждало кору другого дерева, то они вырубали и это последнее, как нечистое и непригодное к употреблению. После совершения необходимых обрядов действие табу прекращалось, но голова таитянина была священной постоянно: он никогда ничего на ней не носил и прикасаться к ней было оскорблением. Голова вождя маори была столь священной, что «когда он

312

дотрагивался до нее пальцами, то обязан был тут же приложить их к носу, чтобы втянуть в себя святость, которую пальцы приобрели в соприкосновении с ней, и, таким образом, вернуть ее на место». По той же причине вождь маори «не имел права раздувать огонь ртом, потому что его священное дыхание сообщало огню святость; между тем головню мог взять раб или человек из другого племени, огнем могли воспользоваться, например, для приготовления пищи, что вызвало бы смерть вождя».

Табу на волосы.

Если голове приписывается такая степень святости, что к ней нельзя прикоснуться, не нанося ее обладателю тяжкого оскорбления, ясно, что и стрижка волос должна оказаться процедурой тонкой и сложной. Стрижка волос, по воззрению первобытного человека, связана с двоякой трудностью или опасностью. Во-первых, существует опасность потревожить дух головы, который может получить повреждение и отомстить за себя досадившему ему лицу. Во-вторых, с трудностью сталкиваются при захоронении отрезанных прядей. Первобытному человеку кажется, что между ним и каждой частью его тела существует симпатическая связь и что она продолжает существовать даже после прекращения физического контакта. Отсюда он заключает, что, если повредить обрезанные волосы или ногти, потерпит урон и он сам. В силу этого он заботится о том, чтобы не оставлять волосы и ногти в таких местах, где они могут исчезнуть в результате какой-нибудь случайности либо попасть в руки злоумышленников, которые, оказав на них магическое воздействие, станут причиной гибели человека. Подвержены этим опасностям все люди, но лица священные имеют больше оснований их опасаться. Они, соответственно, принимают и более строгие меры предосторожности. Самый простой способ избежать опасности — вообще не стричь волосы. К этому средству прибегают в тех случаях, когда считается, что риск необычайно велик. Франкским королям совсем не разрешалось стричь волосы; они ходили нестрижеными с самого детства. Состричь завивавшиеся до плеч локоны означало отказаться от права на трон. Когда коварные братья Хлотарь и Хильдеберт домогались королевства своего умершего брата Хлодомера, они хитростью заманили к себе двух малолетних племянников, сыновей Хлодомера. Затем они послали в Париж к королеве Клотильде, бабушке детей, гонца с ножницами и

обнаженным мечом. Гонец
313
предъявил королеве ножницы и меч и поставил ее перед выбором: или детей постричь и они останутся жить, или их ждет смерть. Гордая королева ответила, что, если ее внукам не суждено носить корону, она предпочла бы видеть их мертвыми, но не подстриженными. Так дети пали от руки своего жестокого дяди Хлотаря. Царек на Понапе, одном из Каролинских островов, был обязан носить длинные волосы; то же относилось к его вельможам. В негритянском племени госов (Западная Африка) «есть жрецы, к голове которых на протяжении всей жизни не прикасалась бритва. Живущий в таком человеке бог под страхом смерти запрещает ему стричь волосы. Если они в конце концов становятся слишком длинными, их владелец должен помолиться богу, чтобы тот разрешил обрезать хотя бы концы волос. В волосах видят обиталище бога, так что, если их состричь, бог потерял бы пристанище в своем жреце». У масаев члены клана, которому приписывают способность вызывать дождь, не имеют права выщипывать себе бороду, потому что это, если верить местному суеверию, повлекло бы за собой потерю указанной способности. Тот же обычай (и по той же причине) соблюдают вождь и колдуны масаев: стоило им выщипать себе бороды, как они лишились бы сверхъестественных способностей.
Люди, давшие обет мести, также не стригут волосы, пока не приведут обещанное в исполнение. Так, относительно обитателей Маркизских островов известно, что «время от времени они полностью выбривают себе голову, за исключением одной пряди на макушке, которую они оставляют виться или завязывают в узел. Такую прическу они носят только в тех случаях, когда дали торжественную клятву, к примеру, отомстить за смерть кого-нибудь из близких родственников и т. д. В таких случаях эту прядь не срезают до тех пор, пока обещание не будет выполнено». Древние германцы также когда-то соблюдали подобный обычай: молодые воины племени хаттов не стригли себе волосы и бороду до тех пор, пока не убивали врага. Когда тораджи стригут волосы ребенка, чтобы вывести паразитов, на темени оставляют несколько локонов, служащих убежищем для одной из душ ребенка. В противном случае душа лишилась бы крова и ребенок заболел бы. Очень боятся отпугнуть душу ребенка каробатаки: при стрижке они всегда оставляют невыстриженный пучок волос, в котором душа может скрыться от ножниц. Обычно локон этот не стри-314
жется на протяжении всей жизни или по крайней мере до достижения зрелости.

Ритуалы, соблюдаемые при стрижке волос

Когда необходимость подстричь волосы все-таки возникает, принимаются меры для того, чтобы свести к минимуму риск, связанный с этой процедурой. Вождь племени намоси на острове Фиджи, оказавшись перед необходимостью подстричь волосы, из осторожности всегда съедал человека. «Обязанность поставлять жертву лежала на определенном клане; на торжественном совете его члены принимали решение, чтобы отвратить от вождя напасть, и устраивали жертвенный пир». Маори при стрижке волос произносили множество заклинаний: одно, например, произносилось для того, чтобы освятить нож из обсидиана, которым обрезали волосы; другое произносилось для отвращения грома и молнии, которые, согласно местному поверью, вызывает стрижка волос. «Человек, которому подстригают волосы, находится под непосредственным попечением духа *(atua);* его изолируют от общения с семьей и племенем; он не решается прикасаться к еде своими руками — ее вкладывает ему в рот кто-то другой, — в течение нескольких дней он не имеет права заниматься своим обычным делом и общаться с друзьями». Тот, кто стриг волосы, также становится табу. Так как его руки пришли в соприкосновение со священной головой, они не смеют притрагиваться к пище или заниматься другим делом; кто-нибудь из соплеменников кормит его пищей, приготовленной на священном огне. Табу с него нельзя снять до наступления следующего дня. В этот день он натирает руки картофелем или корнем папоротника, также приготовленными на священном огне; а после того как это блюдо принесут главе семьи по женской линии и он отведает его, с рук «парикмахера» снимается табу. В некоторых районах Новой Зеландии самым священным днем в году считался день стрижки волос; в этот день со всей округи собирались толпы людей.

Удаление остриженных волос и ногтей.

После того как волосы и ногти благополучно остригли, трудность заключается в том, чтобы от них избавиться. Ведь от любого вреда, причиненного им, урон понесут равно и их владельцы. Пред-

ставление о том, что человека можно околдовать с помощью прядей его волос, обрезков ногтей или какой-либо другой части его тела, распространено едва ли не по всему миру, и данные, которые говорят в его пользу, слишком обширны,

315

известны и однозначны, чтобы подвергать здесь этот вопрос детальному исследованию. Это суеверие покоится на общей идее симпатической связи, якобы существующей между человеком и всем тем, что когда-либо составляло часть его тела или с ним сколько-нибудь тесно соприкасалось. Ограничимся несколькими примерами. Они относятся к области симпатической магии, называемой контагиозной.

В прошлом жители Маркизских островов испытывали особый страх перед колдовством. Колдун поднимал волос, плевок или что-либо оставшееся от человека, которому он хотел повредить, заворачивал все это в зеленый лист и помещал сверток в мешок, завязанный сложным узлом. Сверток он с соблюдением определенных обрядов зарывал, после чего его жертва умирала от изматывающей болезни, которая продолжалась 20 дней. Жизнь такого человека можно было спасти, найдя и выкопав ногти, волосы и т. д., так как после этого магическое средство теряло свою силу. Стремясь кого-то умертвить, колдун-маори старался завладеть прядью волос, обрезками ногтей, плевком или куском одежды своей жертвы. Заполучив то, что ему нужно, колдун фальцетом распевал над ней заклинания и проклятия и зарывал ее в землю. Пока зарытая вещь сгнивала, чах, как предполагалось, и ее бывший владелец. Когда австралийский абориген хочет избавиться от своей жены, он срезает у спящей прядь волос, привязывает ее к копьеметалке и направляется в соседнее племя, где передает ее другу. Тот каждую ночь втыкает копьеметалку в землю перед огнем: признаком того, что женщина умерла, служит падение копьеметалки. Способ действия этого магического средства объяснил доктору Хоуитту один туземец племени вирадьюри. «Видите ли, — сказал он, — когда наш знахарь захватит что-то принадлежащее человеку и поджаривает это с заклинаниями, огонь вбирает в себя запах того человека, и это добивает беднягу».

Гуцулы, живущие в Карпатах, воображают, что, если мыши завладеют чьими-то состриженными волосами и соорудят из них свое гнездо, владелец их будет страдать головными болями или, больше того, повредится в уме. Немцы также верят, что, если срезанные волосы попадутся птицам и они построят из них гнездо, у обладателя волос начнутся головные боли; или еще считается, что на голове у него выступит сыпь. Тот же предрассудок имеет, или имел, хождение на западе графства Суссекс.

316

Считается также, что состриженные или вычесанные волосы могут оказать влияние на погоду: вызвать дождь, град, гром и молнию. Мы уже знаем, что при стрижке волос в Новой Зеландии с целью предотвратить гром и молнию произносилось специальное заклинание. В Тироле ведьм подозревают в том, что при помощи состриженных или вычесанных волос они вызывают сильный град и грозу. Индейцы-тлинкиты, как известно, приписали бурю опрометчивому поступку девушки, которая расчесала волосы, выйдя из дому. Такого же мнения, по-видимому, придерживались и римляне: на борту корабля они подстригали волосы и ногти исключительно во время бури, то есть когда несчастье уже обрушилось. У шотландских горцев сестра, как говорят, не должна расчесывать волосы ночью, если брат ее ушел в море. Когда умирал член племени мани из Читомбэ, или Джумбы, люди толпами подбегали к трупу и вырывали его волосы, зубы и ногти: все это они хранили как магическое средство для вызывания дождя, который в противном случае не выпал бы. Туземцы племени макоко из Анзикоса обратились к миссионерам с просьбой отдать им половину своих бород, чтобы с их помощью вызвать

дождь.

Если состриженные волосы и ногти сохраняют симпатическую связь с их прошлым владельцем, то всякий, кто ими завладевает, может с их помощью заручиться хорошим отношением к себе со стороны их бывшего хозяина. Ведь в соответствии с принципами контагиозной магии, стоит лишь причинить вред волосам или ногтям, как это одновременно повредит человеку. Поэтому, когда нанди берут кого-то в плен, они бреют ему голову и держат сбритые волосы в залог того, что пленник не предпримет попытку к бегству; когда за него приходит выкуп, вместе с ним они возвращают и его волосы.

Для того чтобы предохранить состриженные волосы от повреждения и от опасности со стороны колдунов, нужно спрятать их в надежное место. Состриженные локоны вождя маори с должным тщанием собирали и зарывали на соседнем кладбище. Таитяне зарывали срезанные пряди своих

волос в храмах. Один путешественник заметил на улицах города Соку пирамиды из больших камней с вставленными в трещины пучками человеческих волос. На вопрос, что это означает, ему ответили, что, когда местный житель стрижет себе волосы, он старательно собирает упавшие пряди и всовывает их в одну из

317

этих пирамид, которые посвящены местному фетишу и в силу этого неприкосновенны. Пирамиды из священных камней, как путешественник узнал впоследствии, была обычной мерой предосторожности против колдовства: если человек обойдется со своими волосами небрежно, часть их может попасть в руки врага, который получит возможность опутать их владельца чарами и погубить его. Когда жители Сиама с большой торжественностью срезают хохолок с головы ребенка, пряди волос помещают в небольшой сосуд из банановых листьев и пускают по течению ближайшей реки или канала. По мере того как уплывают волосы, вместе с ними якобы уплывает все дурное и вредное в характере ребенка. Длинные же волосы сохраняют до тех пор, пока ребенок не совершит паломничество к следу Будды на священном холме в Прабате. Там волосы отдают жрецам, которые, сделав из них щетку, якобы подметают ею след Будды. Однако фактически ежегодно в дар жрецам приносится столько волос, что они не в силах использовать их целиком. Поэтому излишек волос они преспокойно сжигают, как только паломники пускаются в обратный путь. Срезанные волосы и ногти римского жреца Юпитера зарывали под деревом, приносящим счастье. Отрезанные косы девственных весталок вывешивались на старом дереве лотоса.

Срезанные пряди и обрезки ногтей часто прячут просто в укромном месте (не обязательно в храме, на кладбище или на дереве, как в приведенных примерах). Так, в Швабии срезанные пряди волос рекомендуется прятать в таком месте, где на них не падал бы солнечный или лунный свет, например в землю или под камень. В Данциге их зарывают в мешке под порогом. На одном из Соломоновых островов, на острове Уги, волосы зарывают так, чтобы они не попали в руки врага, способного проделать с ними разные магические манипуляции и навлечь на человека болезнь или несчастье. Тот же страх побуждает вообще жителей Меланезии прибегать к сокрытию срезанных волос и ногтей. Этот обычай распространен у многих южноафриканских племен, которые боятся, как бы колдуны не овладели отделенными от их тела частицами и не причинили с их помощью зло. У кафров этот страх заходит еще дальше. Они не только зарывают состриженные волосы и ногти в укромном месте, но, если один из них вычесывает голову другому, он сохраняет пойманных паразитов «и обязательно передает их хозяину; ведь они, согласно туземной тео-

318

рии, питались кровью этого человека, и убей их другой человек, в его власти оказалась бы кровь первого, а вместе с ней он мог бы подействовать на него сверхъестественным путем». В других случаях состриженные волосы и ногти сохраняют не для того, чтобы они не попали в руки колдуна, а для того, чтобы при воскресении тела, на которое рассчитывают некоторые народности, они были в распоряжении владельца. Так, перуанские инки «с крайней тщательностью сохраняли обрезки ногтей и состриженные или вычесанные гребнем волосы; они вставляли их в углубления в стенах и ниши. Если они выпадали оттуда, заметивший это индеец поднимал их и клал на место. В разное время я спрашивал различных индейцев о том, почему они так поступали, и всякий раз они отвечали мне одинаково: «Знай, все родившиеся люди должны возвратиться к жизни (слова для выражения понятия воскресения у них нет) и их души вместе со всем, что принадлежало их телам, должны восстать из могил. Так вот, для того чтобы не быть вынужденными разыскивать свои волосы и ногти в такое время, когда и так будет много спешки и беспорядка, мы складываем их в одно место, с тем чтобы было удобнее собрать их воедино; мы также по мере возможности стараемся плевать в одно место». И турки также никогда не выбрасывают обрезки ногтей, напротив, старательно вкладывают их в трещины в стенах или в досках в уверенности, что в день воскресения они им понадобятся. Армяне не выбрасывают срезанные волосы и ногти (а также выдернутые зубы), а прячут их в местах, которые почитают священными (таковы, например, трещины в церковной стене, опорный столб дома, дупло). Они верят, что при воскресении все эти части тела им потребуются и тот, кто не укроет их в надежном месте, будет в этот великий день метаться в их поисках. В деревне Друмконрат в Ирландии когда-то жили старухи, которые, узнав из Священного писания, что все волосы на их голове пересчитаны Всевышним, ожидали, что в Судный день дадут за них отчет. Чтобы быть в состоянии это сделать, они прятали срезанные волосы в соломенные крыши своих домов.

Некоторые народы сжигают ненужные волосы, чтобы те не попали в руки колдунов. Так

поступают патагонцы и некоторые племена Виктории. В Верхних Вогезах жители говорят, что обрезки волос и ногтей никогда не следует разбрасывать вокруг себя, чтобы колдун не использовал их в своих целях;

319

лучше всего их сжечь. По той же причине итальянские женщины ненужные волосы либо сжигают, либо выбрасывают в такое место, где они никому не могут попасться на глаза. Повальный страх перед колдовством побуждает негров Западной Африки, макололо в Южной Африке и таитян сжигать или зарывать срезанные волосы. Многие жители Тироля сжигают волосы, дабы ведьмы не смогли, воспользовавшись ими, поднять бурю; другие закапывают их или сжигают, чтобы они не использовались для постройки птичьих гнезд, так как в этом случае у тех, кому они принадлежали, заболела бы голова.

В практике уничтожения волос и ногтей есть явная непоследовательность. Она ставит цель воспрепятствовать тому, чтобы отделенные от тела части стали орудием в руках колдунов. Однако возможность их использования в этом качестве зависит от симпатической связи, якобы существующей между ними и человеком, частью которого они являлись. А если такая связь продолжает существовать, то как эти части тела могут быть уничтожены без того, чтобы при этом не был нанесен вред и самому человеку?

Табу на плевки.

Страх перед колдовством, который заставил многие народы прятать или уничтожать остриженные волосы и ногти, побудил другие (да и те же) народы так же обращаться и с плевками. Слюна, в соответствии с принципами симпатической магии, составляет часть человека, и все происходящее с нею оказывает на человека воздействие. Подобрав плевок врага, индеец племени чилоте вложит его в клубень картофеля и, произнося заклинание, положит клубень в золу, чтобы враг зачах, подобно тому как клубень высыхает в золе. Или еще он вложит плевок в лягушку и бросит ее в несудоходную реку, что заставит жертву биться в лихорадочном ознобе. В большом почете магическое искусство было у туземцев Уреверы (область в Новой Зеландии). Чтобы околдовать человека, они пользовались его слюной. Поэтому гости старательно прятали свои плевки, дабы лишить колдунов возможности повредить им. В некоторых австралийских племенах ни один туземец не станет плевать, если поблизости находится враг, а не то враг найдет плевок, передаст его колдуну, тот же изготовит из него магическую смесь, что дурно скажется на плюнувшем. Даже в собственном доме австралийский абориген по той же причине стирает и уничтожает слюновыделения.

320

Если к таким мерам предосторожности прибегают простолюдины, то правители и вожди их, естественно, усиливают. На Сандвичевых островах вождя повсюду сопровождал доверенный слуга с переносной плевательницей, содержимое которой он каждое утро тщательно зарывал, чтобы оно не попало в руки колдунов. Когда на Невольничьем береге слюну отхаркивает верховный правитель или вождь, ее тщательно собирают и либо зарывают, либо прячут. По той же причине аналогичные меры предосторожности принимают, когда сплевывает вождь племени табали в Южной Нигерии.

Возможность использовать плевки в магических целях делает слюну — вместе с кровью или обрезками ногтей — материалом, пригодным для скрепления соглашений: обмениваясь слюной, договаривающиеся стороны дают друг другу залог верности. Если одна из сторон впоследствии нарушит взятое на себя обязательство, другая может наказать ее за вероломство, магически воздействуя на слюну клятвопреступника, находящуюся в ее распоряжении. Когда негры племени ваджага (Восточная Африка) желают заключить договор, договаривающиеся стороны, сев на землю, ставят между собой чашу с молоком или с пивом и, произнеся над напитком заклинания, отхлебывают глоток молока или пива, после чего сплевывают выпитое друг другу в рот. Когда на этот ритуал не хватает времени, оба участника просто плюют в рот друг другу, что с равным успехом скрепляет соглашение.

Табу на пищу.

В том, что представления первобытного человека о пище покрыты густой пеленой предрассудков, нет ничего неожиданного. Он воздерживается от употребления в пищу многих видов животных и растений, которые сами по себе полезны, но по той или иной причине представляются

первобытному человеку скрывающими роковую опасность для него. Примеры пищевых запретов слишком хорошо известны и многочисленны, чтобы приводить их здесь. Если суеверный страх удерживает даже простого человека от употребления в пищу тех или иных веществ, то на лиц священных и табуированных (к примеру, верховных правителей и жрецов) налагаются еще более многочисленные и жесткие ограничения подобного рода. Мы уже знаем, что римский жрец Юпитера *(Flamin Dialis)* не имел права употреблять в пишу (и даже называть по имени) некоторые виды растений и животных, а мясной рацион египетских фараонов был ограничен говяди-
321
ной и гусиным мясом. Жрецы и правители у многих варварских народов древности совсем не употребляли в пищу мясо. Жрецам-фетишам на Лоангском побережье, так называемым *гангам,* запрещалось употреблять в пищу и даже смотреть на многие виды животных и рыб. Поэтому их мясной рацион был крайне ограничен: нередко они питались только травами и корнями, хотя вместе с тем им разрешалось пить теплую кровь. У лоанго наследнику престола с детства запрещалось употреблять в пищу свинину. С раннего детства ему не разрешалось также есть на людях плод дерева *кола.* При достижении половой зрелости жрец наставлял его есть только такую домашнюю птицу, которую он сам убил и приготовил; с годами число табу продолжало расти. После восшествия на престол правителю острова Фернандо-По запрещается употреблять в пищу кокко *(Arum acak),* мясо оленя и дикобраза, то есть обычную пищу его подданных. Верховному вождю масаев разрешается есть исключительно молоко, мед и жареную козью печень; в противном случае он потерял бы способность предсказывать будущее и приготавливать колдовское зелье.

Табу на узлы и кольца.

Мы уже видели, что среди многих табу, соблюдение которых выпало на долю римского *Flamin Dialis,* был запрет иметь на одежде хотя бы один узел и запрет носить кольца (если они не сломаны). В состоянии святости, или табуированности, пребывают мусульманские паломники в Мекке, которым также запрещается носить кольца и завязывать узлы. Правила эти имеют сходный смысл, и их можно рассмотреть совместно. Что касается узлов, то народы во многих частях света питают глубокое предубеждение против завязывания узлов на своей одежде в определенные критические периоды, особенно при родах, бракосочетании и погребении. Так, трансильванские саксонцы развязывают все узлы на одежде роженицы, ибо считают, что это облегчает роды; с той же целью в доме роженицы отмыкают все замки на дверях и сундуках. Лапландцы также убеждены, что у роженицы на одежде не должно быть узлов, потому что они делают роды трудными и мучительными. У народов Ост-Индии это суеверие распространяется на все время беременности. Считается, что, если беременная женщина станет вязать узлы, обвязывать волосы лентой или вообще что-то закреплять, то это «стянет» ребенка или «свяжет» саму роженицу. Мало того, некоторые народности этого региона требуют со-
322
блюдения данного запрета не только от будущей матери, но и от отца ребенка. У приморских даяков ни один из родителей во время беременности не может обвязывать или прикреплять что-либо веревкой. На четвертом или пятом месяце беременности племя тумбулу (северная часть острова Целебес) справляет обряд, после которого мужу, помимо всего прочего, запрещается вязать крепкие узлы и сидеть скрестив ноги.

Здесь имеет место представление, что завязанный узел, как выражаются жители Ост-Индии, «связывает» женщину, другими словами, мешает наступлению родов или замедляет выздоровление после родов. Материальное препятствие в виде узла на веревке, согласно принципам гомеопатической, или подражательной, магии, порождает соответствующее препятствие в теле роженицы. В пользу этого объяснения свидетельствует обычай, соблюдаемый в случае трудных родов госами (Западная Африка). Когда женщина не может разродиться в течение долгого времени, на помощь ей призывают колдуна. Взглянув на нее, он изрекает: «Женщина не может родить потому, что ребенок связан в утробе». Уступая мольбам родственниц, он обещает развязать узел, чтобы женщина смогла благополучно разрешиться от бремени. С этой целью он приказывает принести из лесу крепкую лиану и с ее помощью связывает руки и ноги роженицы за спиной. После этого он вынимает нож, выкрикивает имя женщины и, получив ответ, разрезает узел ножом со словами: «Ныне я разрезаю твои узы и узы твоего ребенка». Затем он режет лиану на мелкие кусочки, погружает их в сосуд с водой и окатывает этой водой женщину. Рассечение лианы, связывавшей руки и ноги женщины, является здесь обычным случаем применения

гомеопатической, или подражательной, магии: освобождая от пут конечности роженицы, колдун воображает, что одновременно он совлекает путы с ребенка в утробе матери, мешающие его появлению на свет. Тот же ход мысли лежит в основе соблюдаемого некоторыми народами обычая отмыкать засовы и открывать двери, когда в доме идут роды. В таких случаях немцы Трансильвании, как мы знаем, отпирают все замки. То же имеет место в Фойгтланде и Мекленбурге. На северо-западе графства Аргайлл суеверные люди во время родов отпирают в доме все замки. Когда на острове Салсетт близ Бомбея женщине приходит срок рожать, для облегчения родов в доме отпирают замки на дверях и комодах. У манделин-

323

гов Суматры в таких случаях открывают крышки всех сундуков, коробок, кастрюль и прочих закрывающихся предметов; если это не возымеет желаемого действия, заботливый муж обязан наносить удары по выступающим концам перекрытий, чтобы расшатать их; туземцы верят, что «для облегчения родов все должно быть распахнутым и расшатанным». Если женщина в Читтагонге никак не может разрешиться от бремени, повивальная бабка отдает приказание распахнуть настежь все двери и окна, откупорить все бутылки, вынуть затычки из всех бочонков, отвязать коров в стойлах, лошадей на конюшне, сторожевую собаку в конуре, отпустить на волю овец, кур, уток и т. д. По представлению местных жителей, верным средством помочь появлению ребенка на свет считается выпустить всех животных — и даже неодушевленные предметы — на свободу. Когда приходит пора рожать женщине с острова Сахалин, ее муж развязывает все, что только можно: распускает свои косички, развязывает шнурки на ботинках. Во дворе он вытаскивает из полена топор, отвязывает от дерева причаленную лодку, вынимает патроны из ружья и стрелы из самострела.

Во время беременности жены мужчина племени тумбулу, как мы видели, не только не завязывает узлов — он также не сидит со скрещенными ногами. Ход мысли в обоих случаях одинаков. С точки зрения гомеопатической магии безразлично, скрещиваете ли вы нити, затягивая их в узел, или скрещиваете ноги, когда усаживаетесь поудобнее, — в обоих случаях вы противодействуете свободному протеканию событий. Эту важную истину хорошо усвоили себе римляне. Такой авторитет, как Плиний, уверяет: сидеть со сложенными руками рядом с беременной женщиной или больным, проходящим курс лечения, — значит причинять им большой вред. Еще больший вред вы приносите им, если обнимаете ногу или ноги сложенными руками или кладете ногу на ногу. Древние римляне считали подобные позы помехой во всякого рода делах: в военном совете, на собрании магистратов, во время молений и жертвоприношений никому не разрешалось скрещивать ноги и сплетать руки. Хрестоматийный пример ужасных последствий, которые могут проистечь из этого, — Алкмена. Семь дней и семь ночей не могла она произвести на свет Геракла, потому что перед ее домом со сплетенными руками и скрещенными ногами сидела богиня Люцина; ребенок родился, когда эту

324

богиню обманом заставили изменить позу. Если беременная женщина имеет привычку сидеть скрестив ноги, у нее, по мнению болгар, будут трудные роды. Когда беседа стихает и наступает молчание, жители некоторых районов Баварии приговаривают: «Ну вот, кто-то скрестил ноги».

Магическое воздействие узлов, связывающих человека и затрудняющих его передвижение, не в меньшей мере, чем на родах, сказывается на браке. Вплоть до XVIII столетия в Европе считалось, что брак может расстроить всякий, кто во время обряда венчания запрет замок или завяжет на веревке узел, а затем выбросит замок или веревку. Подлинный союз новобрачных невозможен до тех пор, пока замок не будет отперт, а узел развязан. Тяжкой обидой считалось поэтому не только прибегать к колдовству такого рода, но и красть или прятать орудие колдовства (то есть замок или веревку с завязанным узлом). В 1718 году парламент города Бордо приговорил человека к сожжению живьем за то, что с помощью завязанных узлов он погубил будто бы целое семейство. В 1705 году в Шотландии за кражу заколдованных узлов были приговорены к смерти двое мужчин; некая женщина изготовила их для того, чтобы расстроить супружеское счастье семьи Сполдинг из города Ашинтилли. Вера в действенность подобных магических средств сохранилась в горных районах графства Перт до конца века. В этот период в приходе Лоджирэйт, что расположен между рекой Туммель и рекой Тей, у жителей сохранялся обычай перед церемонией бракосочетания со всем тщанием распускать узлы на одежде невесты и жениха. С тем же предрассудком мы сталкиваемся в Сирии. Лица, помогающие жениху-сирийцу облачиться в брачные одежды, следят за тем, чтобы на них не был завязан ни один узел и не была застегнута ни единая пуговица. В противном случае враги смогут магическим путем лишить жениха его

супружеских прав. Тот же страх распространен по всей Африке. Для того чтобы лишить жениха мужской силы, колдуну достаточно было завязать узел на платке, который перед этим он потихоньку приложил к какой-нибудь части тела жениха, когда тот садился на коня, чтобы отправиться за невестой. Считалось, что, пока узел на платке будет завязан, жених не сможет вступить в свои супружеские права.

Дурное влияние узлов может проявиться также в болезнях и всякого рода напастях. Так, иногда колдун госов в

325

Западной Африке, проклиная врага, затягивает на стебельке травы узел со словами: «Этим узлом я завязываю такого-то. Пусть на него обрушатся все беды! Пусть змея укусит его, когда он идет по полю! Пусть на охоте набросится на него прожорливый зверь! Пусть вода смоет его, когда он ступит в реку! Пусть во время грозы молния поразит его! Пусть кошмары мучают его по ночам!» В этот узел колдун завязывает якобы жизнь своего врага. Упоминание о злокозненности тех, «кто похваляется узлами», встречается в Коране. В арабском комментарии к этому отрывку говорится, что слова эти относятся к женщинам-колдуньям, которые завязывают узлы на веревках, а затем дуют и плюют[1] на них. Комментатор рассказывает, что давным-давно некий коварный иудей околдовал самого пророка Мухаммеда тем, что затянул на веревке девять узелков и припрятал ее в колодце. От этого пророк заболел, и кто знает, как обернулось бы дело, если бы архангел Гавриил вовремя не поведал пророку о местонахождении веревки с узлами. Вскоре верный Али вытащил зловещую веревку из колодца, и пророк прочитал над ней заклинания, которые специально для этого случая были внушены ему свыше. По прочтении каждого стиха развязывали один узел, и Мухаммед чувствовал облегчение.

Узлы не только убивают, но и излечивают. Их целительная сила проистекает из веры в то, что развязывание узлов, вызывающих недомогание, приносит больному облегчение. Вот о каком способе лечения грыжи сообщает Плиний. Из клубка вытягивается нить; на ней завязывают семь или девять узлов, после чего ее привязывают к грыже больного. Чтобы лечение было действенным, нужно, завязывая каждый узел, произносить имя какой-нибудь вдовы. О'Донован[2] описывает такое средство, употребляемое туркменами против лихорадки. Колдун берет верблюжью шерсть и, бормоча заклинание, сплетает из нее крепкую нить. Потом он завязывает на этой нити семь узлов. Прежде чем затянуть каждый из них, он на него дует. Эту узловатую нить больной носит на запястье в качестве браслета. Ежедневно он распутывает один узел и дует на него. Когда развязаны все семь узлов, нить сворачивают в клубок

[1] В английском языке глагол *puff* означает одновременно «дуть» и «похваляться», «важничать». — *Прим. пер.*

[2] О'Донован Джон (1809 — 1861) — ирландский историк и филолог.

326

и кидают в реку, воображая при этом, что вместе с ним уплывает и лихорадка.

Колдуньи пользуются узлами также для того, чтобы крепко привязать к себе возлюбленного. В стихотворении Виргилия девушка, влюбленная в Дафниса, старается выманить его из города с помощью магических чар: на каждой из трех разноцветных веревок она завязывает по три узелка. Арабская девушка, сердце которой было отдано какому-нибудь мужчине, также стремилась завоевать его любовь и привязать к себе тем, что завязывала узлы на его биче; впрочем, ее ревнивая соперница распутывала их. К узлам в соответствии с тем же принципом гомеопатической магии, прибегали для того, чтобы остановить беглеца. В Свазиленде часто можно видеть, что на траве по обочинам дорог завязаны узлы. Каждый из этих узлов повествует о семейной драме. От мужа убежала жена, и он с друзьями пустился за ней в погоню. А чтобы беглянка не запутала след, они, так сказать, «связали тропу». У русских сеть со множеством завязанных на ней узлов считалась весьма действенным средством против колдовства. Поэтому жители некоторых областей России накидывали на свадебный наряд невесты рыболовную сеть, чтобы тем самым уберечь ее от напастей. С той же целью жених и дружки часто перепоясываются кусками сети или, на крайний случай, плотно прилегающими кушаками. Чтобы навредить им, колдун должен сначала распустить все узлы в сети или снять с них кушаки. Амулет в России нередко представляет собой просто узловатую веревку. Считается, что если обвить вокруг рук и ног моток красной шерсти, то это предохранит от малярии и лихорадки. Для того чтобы обезопасить ребенка от скарлатины, достаточно якобы обвить вокруг его шеи девять мотков шерсти. В Тверской губернии к шее коровы, идущей впереди всего стада, привязывают особой формы мешок, предназначенный для того, чтобы не подпускать волков к стаду: он обладает-де

способностью сковывать челюсти прожорливого зверя. По тому же принципу весной, прежде чем выгнать на выпас табун лошадей, вокруг него трижды обносят висячий замок. Обносящий на ходу замыкает и отмыкает его, приговаривая: «Этим стальным замком я запираю пасть серых волков, чтобы они не напали на мой табун».

Считалось, что узлы и замки могут служить защитой не только от колдунов и от волков, но и от самой смерти. Когда

327

в 1572 году в Сент-Эндрюз женщину, приговоренную к сожжению живьем за колдовство, подвели к месту казни, на ней обнаружили белую тряпку в форме воротника со множеством свисающих узловатых тесемок. Эту тряпку пришлось отнимать у нее силой, так как женщина явно пребывала в уверенности, что если на ней будет тряпка с узлами, то она не сгорит на костре. Когда тряпку все-таки отобрали, колдунья воскликнула: «Теперь я пропала!» Во многих районах Англии имеет хождение верование, согласно которому в доме никто не может умереть, пока он остается на замке или на запоре. В силу этого в Англии весьма широко распространен обычай отпирать все замки и засовы, когда больной явно находится при смерти, чтобы без нужды не продлять его агонию. К примеру, в 1863 году в городе Тонтоне ребенок заболел скарлатиной, и смерть его казалась неминуемой. «Как водится, собрались на совет местные матроны и для того, чтобы оградить ребенка от «мучительной смерти», из всех комодов, ящиков, дверей и шкафов в доме вынули ключи и распахнули их настежь, а тело самого ребенка положили прямо под косяком, чтобы устроить ему надежный и безболезненный переход в вечность». Но ребенок, странное дело, не захотел воспользоваться преимуществами, столь любезно предоставленными в его распоряжение мудрыми и опытными дамами Тонтона, — вместо того чтобы отдать богу душу, он предпочел остаться в живых.

Правило, которое предписывает участвовать в магических и религиозных обрядах с распущенными волосами и босыми ногами, также основывается, вероятно, на опасении, что наличие узла или чего-то стягивающего на голове или на ногах участника отрицательно скажется на эффективности обряда.

Подобную же способность некоторые народы приписывают кольцам. Так, на острове Карпатос жители не застегивают одежду, в которую обряжают тело мертвого, и следят за тем, чтобы на нем не осталось колец. «Ведь душа, — уверяют они, — может задержаться даже в мизинце и не иметь покоя». Здесь не предполагается, наверное, что после смерти душа выходит из тела через кончики пальцев, но все же считается, что, препятствуя ее усилиям покинуть бренную оболочку, кольцо оказывает на бессмертный дух стесняющее воздействие. Другими словами, кольца, как и узлы, действуют наподобие духовных пут. Вероятно, поэтому у древних греков существовало правило — его приписывают Пифагору, — запрещавшее ношение колец.

328

Никто не имел права входить в святилище владычицы в Ликосуре (Аркадия) с кольцом на пальце. Люди, обращавшиеся к оракулу Фавна в Пренесте, должны были сохранять целомудрие, не употреблять в пищу мясо и не носить колец.

То, что препятствует выходу души из тела, может, напротив, помешать злым духам войти в него. Поэтому кольца используются в качестве амулетов против демонов, ведьм и привидений. Тирольцы говорят, что роженице ни при каких обстоятельствах не следует снимать с пальца обручальное кольцо: в противном случае духи и ведьмы получат власть над ней. Человек, которому предстоит положить труп в гроб, по обычаю лапландцев получает от мужа, жены или детей умершего медное кольцо и носит его на правой руке до тех пор, пока не опустит тело в могилу. Кольцо служит ему амулетом, предохраняющим от любого вреда со стороны души покойного. Вопрос о том, в какой мере обычай ношения колец был порожден верой в их способность удерживать душу в теле или отвращать от нее демонов, представляется достойным рассмотрения. Здесь эта вера занимает нас постольку, поскольку она проливает свет на обычай, запрещавший римскому жрецу Юпитера носить кольцо, если последнее не сломано. Наряду с запретом иметь узлы на одежде, это правило указывает на страх перед тем, что свобода передвижения могущественного духа, воплощенного в жреце, будет стеснена духовными и телесными путами, каковыми являются кольца и узлы.

Глава XXII. ЗАПРЕТНЫЕ СЛОВА

Табу на имена собственные.

Первобытный человек, не будучи в состоянии проводить четкое различие между словами и вещами, как правило, воображает, что связь между именем и лицом или вещью, которую оно обозначает, является не произвольной и идеальной ассоциацией, а реальными, материально ощутимыми узами, соединяющими их столь тесно, что через имя магическое воздействие на человека оказать столь же легко, как через волосы, ногти или другую часть его тела. Первобытный человек считает свое имя существенной частью самого себя и проявляет о нем надлежащую заботу. Североамериканский индеец, к примеру, «относится, к своему имени

329

не как к обычному ярлыку, но как к самостоятельной части своего тела (подобно глазам или зубам) и пребывает в уверенности, что от дурного обращения с именем проистекает не меньший вред, чем от раны, нанесенной какому-нибудь телесному органу. Такого же мнения придерживаются многочисленные племена, занимающие пространство от Атлантического океана до Тихого. С этим обычаем связано большое число любопытных правил, относящихся к сокрытию или изменению собственных имен». На старости лет некоторые эскимосы выбирают себе новое имя, надеясь с его помощью обрести новые силы. Туземцы племени толампу на острове Целебес верят, что, записав имя человека, вы можете вместе с ним унести и его душу. Многие из современных первобытных людей считают имена существенной частью самих себя и прилагают много усилий, чтобы скрыть свои подлинные имена и тем самым не дать в руки злоумышленников оружие против себя.

Начнем с народов, находящихся на низшей ступени общественного развития. Австралийские аборигены нередко держат личные имена в тайне от всех из боязни, «что, узнав ваше имя, враг может магическим путем использовать его вам во вред». «Австралийский абориген, — по словам другого автора, — всегда очень неохотно называет свое настоящее имя. Это нежелание, несомненно, объясняется страхом перед тем, что, овладев именем, колдун может ему навредить». У племен Центральной Австралии каждый мужчина, женщина и ребенок кроме имени, употребляемого в обиходе, имеет тайное или священное имя, которое присваивается ему старейшинами сразу же или вскоре после рождения. Оно известно только членам группы, имеющим полное посвящение. Упоминается это тайное имя лишь в наиболее торжественных случаях. Произнесение его при женщинах или мужчинах из другого клана расценивается как серьезнейшее нарушение племенного этикета (в нашем понимании к нему можно приравнять разве что случаи самого вопиющего святотатства). Во всяком случае имя произносится только шепотом и лишь после того, как приняты все меры предосторожности, чтобы никто из посторонних не смог его подслушать. «Туземцы не сомневаются, что, узнав их тайные имена, иноплеменник получит благоприятную возможность нанести им вред путем магии».

Тот же страх, по-видимому, породил сходный обычай у древних египтян, чей сравнительно высокий уровень цивили-

330

зации странным образом уживался с пережитками самой грубой дикости. У каждого египтянина было два имени: истинное и доброе или, иначе, большое и малое. Доброе, или малое, имя было известно всем, истинное же, или большое, имя египтяне держали в глубокой тайне. Ребенок из касты брахманов также получает при рождении два имени: имя для повседневного обихода и имя тайное (оно должно быть известно только его отцу и матери). Последнее имя произносят только при совершении обрядов, например обряда бракосочетания. Обычай этот направлен на защиту человека от магии: ведь чары становятся действенными лишь в сочетании с подлинным именем. Туземцы острова Ниас верят, что демоны, услышав имя человека, могут причинить ему вред. Поэтому они никогда не произносят имена младенцев, ибо те особенно подвержены нападениям злых духов. По той же причине местные жители не зовут друг друга по имени, находясь в излюбленных обиталищах духов: в сумрачных чащах, лесах, на берегах рек или водопадов.

Свои имена держат в тайне и индейцы-чилоте, они не любят, когда их имена произносят в полный голос. Ведь на материке и на прилегающих островах их могут услышать феи и черти. Зная имена, они не замедлят чем-нибудь навредить людям, но эти злокозненные духи бессильны, пока им неизвестны имена. Арауканец едва ли откроет свое имя чужестранцу из боязни, что последний приобретет сверхъестественное влияние на него. Если человек, несведущий в предрассудках этого

племени, все-таки спросит арауканца о его имени, тот ответит: «У меня его нет». Если тот же вопрос задать оджибве, он посмотрит на одного из присутствующих и попросит ответить за него. «Такое нежелание проистекает из усвоенного в детстве мнения, согласно которому повторение личных имен мешает росту и они останутся малорослыми. Многие пришельцы поэтому воображали, что у индейцев либо совсем нет имен, либо они их позабыли».

Оджибве, как мы только что убедились, сообщают пришельцам имя человека без угрызений совести и без боязни дурных последствий. Ведь такая опасность возникает лишь в том случае, если имя произносит сам его владелец. В чем здесь дело? Почему, в частности, считается, что человек, произнеся свое имя, прекращает расти? Можно предположить, что имя человека в глазах первобытных людей является его частью только тогда, когда он произносит его сам, в осталь-

331

ных же случаях оно не имеет жизненной связи с его личностью и не может служить орудием нанесения вреда. Первобытные философы скорее всего рассуждали так: если имя вылетает из уст самого человека, он расстается с живой частью самого себя. Такой человек, если он продолжает упорствовать в своем безрассудном поведении, наверняка кончит истощением жизненной энергии и расстройством организма. Сторонники этой простой теории могли указать своим запуганным ученикам на скрюченных недугом развратников и людей слабого телосложения — ужасные примеры судьбы, которая рано или поздно ждет людей, чрезмерно усердствующих в произнесении собственных имен.

Фактом (как бы его ни объясняли) остается то, что дикарь испытывает сильнейшее отвращение к произнесению своего имени и в то же время ничего не имеет против того, чтобы его произносили другие люди. Более того, чтобы удовлетворить любопытство настойчивого чужестранца, он сам предлагает им сделать это вместо него. В некоторых районах острова Мадагаскар сообщение имени его носителем является для него **табу,** но входит в обязанность кого-нибудь из сопровождающих его лиц или рабов. Та же любопытная непоследовательность отмечена у некоторых племен американских индейцев. Один автор пишет, что «для американского индейца имя является вещью священной, и владелец не должен необдуманно разглашать его. Попросите воина любого племени назвать свое имя — ваш вопрос встретит либо прямой отказ, либо вам дипломатично дадут понять, что неясен смысл вопроса. Но лишь успеет подойти кто-то из друзей, как спрошенный индеец прошепчет нужный ответ ему на ухо. Друг имеет право назвать его имя, узнав в обмен на эту любезность имя человека, который задал вопрос». Это общее правило приложимо, в частности, к индейцам Британской Колумбии, относительно которых известно, что «одним из наиболее странных предрассудков, которыми буквально пропитаны все эти племена, является нежелание индейцев называть свои имена. Вы никогда не сможете узнать действительное имя человека от него самого; но имена своих соплеменников индейцы сообщают без каких-либо колебаний». Тот же этикет остается в силе на островах восточной части Индийского океана. Общим правилом здесь является не произносить собственное имя. Вопрос: «Как вас зовут?» — является здесь крайне неделикатным. Если об

332

имени туземца осведомятся административные или судебные инстанции, тот вместо ответа знаком покажет на товарища или прямо скажет: «Спросите его». Это суеверие распространено по всей без исключения Ост-Индии и встречается в племенах моту и моту-моту, у папуасов Северной Новой Гвинеи, у нумфоров Голландской Новой Гвинеи и меланезийцев архипелага Бисмарка. В Южной Африке местные жители никогда не называют своих имен, если кто-то может сделать это за них, но в случае крайней нужды и сами не отказываются их сообщить.

В некоторых случаях запрет, накладываемый на произнесение имен людей, не имеет постоянного характера, а зависит от обстоятельств и с их изменением утрачивает силу. Так, когда воины племени нанди совершают набег, оставшимся дома соплеменникам не разрешается называть их по именам; воинов следует называть именами птиц. Стоит ребенку забыться и назвать кого-нибудь из ушедших по имени, мать выбранит и предостережет его: «Не говори о птицах, летающих в небе». Когда негр племени бангала с Верхнего Конго рыбачит или возвращается с уловом, имя его временно находится под запретом. Все зовут рыбака *mwele* независимо от того, каково его настоящее имя. Делается это потому, что река изобилует духами, которые, услышав настоящее имя рыбака, могут воспользоваться им для того, чтобы помешать ему возвратиться с хорошим уловом. Даже после того как улов выгружен на берег, покупатели продолжают звать рыбака *mwele.* Ведь духи — стоит им услышать его настоящее имя — запомнят его и либо расквитаются с ним на следующий день, либо так испортят уже пойманную рыбу, что он мало за нее выручит.

Поэтому рыбак вправе получить крупный штраф со всякого, кто назовет его по имени, или заставить этого легкомысленного болтуна закупить весь улов по высокой цене, чтобы восстановить удачу на промысле. Когда воины племени сулка в Новой Британии находятся близко от земли своих врагов гактеев, они тщательно следят за тем, чтобы не произносить вражеских имен. В противном случае враги нападут на них и всех перебьют. Поэтому при подобных обстоятельствах воины-сулка именуют гактеев *o lapsiek* (что значит «гнилые стволы деревьев»), полагая, что от этого руки и ноги ненавистных врагов станут тяжеловесными и неуклюжими, как бревна. Этот пример хорошо иллюстрирует крайне материалистическое воззрение сулка на природу слова: им кажется, что выражение,

333

означающее неуклюжесть, будучи произнесено, гомеопатически поразит неуклюжестью члены их отдаленных врагов. Другой пример курьезного заблуждения такого рода мы находим у кафров. Начинающего вора, по их мнению, можно исправить, достаточно только выкрикнуть его имя над кипящим котлом с целебной водой, прикрыть котел крышкой и на несколько дней оставить имя вора в воде. При этом нет ни малейшей необходимости, чтобы о манипуляциях, которые проделывают над его именем, был осведомлен сам вор. Нравственное возрождение ему и так обеспечено.

Когда настоящее имя человека необходимо держать в тайне, в ход нередко идет его прозвище или уменьшительное имя. В отличие от первичных, настоящих имен эти вторичные имена не считаются частью самого человека, так что их можно без опасения разглашать, не рискуя поставить под угрозу безопасность называемого лица. Для того чтобы не произносить настоящего имени человека, его часто называют по имени его ребенка. Например, «аборигены Гипсленда резко возражали против того, чтобы иноплеменникам стали известны их имена: ведь в таком случае враги могли бы превратить их в орудия заклинания и магическим путем лишить их жизни. Так как у детей, как полагают местные жители, врагов нет, они обычно говорят о мужчине как об «отце, дяде или двоюродном брате такого-то и такого-то ребенка». Но от произнесения имени взрослого человека они неизменно воздерживаются». Альфуры в районе Посо на острове Целебес ни в коем случае не станут произносить свои имена. Поэтому, если вы желаете узнать чье-то имя, вам следует обратиться не к самому этому человеку, а к его соплеменникам. Если это не представляется возможным, например, если поблизости никого нет, вам надлежит осведомиться об имени его ребенка и обращаться к нему: «Отец такого-то». Впрочем, альфуры неохотно называют даже имена детей: если у ребенка есть племянник или племянница, к нему применяется термин «дядя такого-то» или «тетя такой-то». В традиционном малайском обществе у человека никогда не спрашивают, какое у него имя. Чтобы избежать употребления родительских имен, родителей зовут именами детей. Автор данного сообщения добавляет, что людей бездетных называют именами младших братьев. У даяков внутренних областей Борнео детей, достигших возмужания, зовут, в зависимости от пола, отцом или матерью ребенка младшего

334

брата или ребенка сестры отца или матери, то есть его двоюродных братьев и сестер. У кафров считается неучтивым называть невесту ее настоящим именем. Даже если она только что помолвлена и не является еще ни женой, ни матерью, ее принято именовать «матерью такого-то». У племен нага (куки, земи и кача) в Ассаме после рождения ребенка родители перестают произносить свои имена и зовутся матерью и отцом такого-то. Бездетные пары фигурируют как «бездетный отец» и «бездетная мать».

Высказывалось предположение, что широко распространенный обычай называть отца именем ребенка берет начало в стремлении мужчин утвердить свое отцовство, чтобы с его помощью получить в отношении детей те права, которыми при материнском счете родства пользовалась мать. При этом, однако, не получает объяснения параллельный обычай (обычай называть мать именем ребенка), который, как правило, с ним сосуществует. Это объяснение тем более неприменимо к обычаю называть бездетных родителей матерью и отцом несуществующих детей, называть мужчин именами их младших братьев или употреблять применительно к детям термины «дядя или тетя такого-то», то есть звать их отцами и матерями собственных двоюродных братьев и сестер. Все эти обычаи находят простое и естественное объяснение, если предположить, что они проистекают из нежелания произносить подлинные имена лиц, с которыми говорят, или лиц, о которых идет речь. Это нежелание коренится отчасти в боязни привлечь внимание злых духов, а отчасти в страхе, как бы имя не попало в руки колдунов и те с его помощью не навредили его носителю.

Табу на имена родственников.

Казалось бы, в общении с родственниками и друзьями сдержанность в употреблении собственных имен должна исчезнуть или по крайней мере ослабеть. На самом же деле часто все как раз наоборот. С величайшей неукоснительностью это правило применяется именно к лицам, связанным самыми тесными кровнородственными узами и в особенности узами брака. Нередко таким лицам запрещается не только называть друг друга по имени, но и употреблять слова, имеющие с этими именами хотя бы один общий слог. Этот запрет относится, в частности, к мужьям и женам, к мужу и родителям жены, к жене и отцу мужа. Например, кафрская женщина не имеет права публично произно-

335

сить имена, данные при рождении ее мужу или кому-то из его братьев, а также употреблять запретные слова в их обычном значении. Если, к примеру, мужа ее зовут у-Мпака (от слова *impaka,* небольшое животное из семейства кошачьих), то она должна называть это животное другим именем. Кафрской женщине, далее, запрещено даже про себя произносить имена своего свекра и всех родственников мужского пола по восходящей линии. Если ударный слог одного из этих имен встречается в каком-то другом слове, женщина должна заменить это слово или этот слог. Благодаря этому обычаю в женской среде зародился как бы язык в языке, который кафры называют «женским наречием». Понять это «наречие» очень трудно: нет определенных правил образования эвфемизмов, а ввиду огромного числа таких слов невозможно составить их словарь. Даже в пределах одного племени может быть значительное число женщин, которые не имеют права использовать заменители, употребляемые другими женщинами, как и сами первоначальные слова. Мужчина-кафр со своей стороны не может произносить имя тещи, а она его имя. Ему, правда, не запрещается употреблять слова, в которых встречается ударный слог ее имени. Киргизка ни в коем случае не решится произнести имена старших родственников своего мужа или употребить слова, напоминающие их по звучанию. Если имя одного из родственников, к примеру, означает «пастух», она должна исключить из своей речи и слово «овца», заменив ее словом «блеющее животное». Если его имя происходит от слова «ягненок», она должна называть ягнят «молодыми блеющими животными». В Южной Индии женщины верят, что произнести имя мужа даже во сне — значит стать причиной его безвременной кончины. Если приморский даяк произнесет имя тестя или тещи, это вызовет гнев духов. А так как он считает своим тестем и тещей не только отца и мать жены, но и отцов и матерей жен своих братьев и мужей своих сестер, а кроме того, отцов и матерей всех двоюродных братьев и сестер, то число табуированных имен может оказаться весьма значительным, вместе с чем возрастает и возможность ошибки. Путаница становится еще большей потому, что даяки нередко дают людям весьма употребительные имена, такие, например, как Луна, Мост, Кобра, Леопард. Если одно из таких имен носит кто-нибудь из многочисленных тестей и тещ даяка, соответствующее ходовое слово не должно слетать с его уст. Альфу-

336

ры Минахасы на острове Целебес заходят еще дальше: они запрещают употреблять даже такие слова, которые по звучанию чем-то напоминают имена людей. Особый запрет накладывается в этой связи на имя тестя. Если того зовут, например, Калала, его зять не может называть лошадь обычным словом *kawalo.* Он обязан употреблять применительно к ней словосочетание «животное для верховой езды» *(sasakajan).* У альфуров с острова Буру запрещается произносить имена своих родителей и родителей жены, а также обозначать предметы обихода словами, которые по звучанию похожи на эти имена. Если ваша теща, например, носит имя Далу, что означает («бетель»), вы не имеете права просто попросить дать вам бетеля, а должны спросить растение, которое «делает рот красным». На том же острове существует табу на упоминание имени старшего брата в его присутствии. Нарушение этих запретов карается штрафом. На острове Сунда считается, что, если человек упомянет имя своего отца или матери, это погубит посев одной из возделываемых там культур.

У нумфоров (Голландская Новая Гвинея) родственникам по браку запрещается называть друг друга по имени. В число табуированных категорий родственников входят жена, теща, тесть, дяди и тети жены, братья и сестры ее деда и все члены семьи жены и мужа одного поколения с ними (есть одно исключение: мужчина может звать по имени своего шурина). Табу эти вступают в силу сразу же после помолвки, то есть еще до бракосочетания. Членам семей жениха и невесты запрещается называть друг друга по имени и даже смотреть друг на друга. При их нечаянных встречах это приводит к комическим сценам. Из употребления исключаются не только сами имена

— слова, похожие на них по звучанию, также заменяются другими. Если кому-то из нумфоров по неосмотрительности случилось произнести запретное имя, он должен тут же упасть на пол со словами: «Я употребил запретное имя. Выбрасываю его в дверь, чтобы спокойно поесть».

Мужчина на островах в западной части Торресова пролива никогда не употреблял личных имен тестя, тещи, шурина и свояченицы; те же запреты распространялись и на женщин. О шурине разрешалось говорить как о брате или муже лица, которое не возбранялось называть по имени; свояченицу также можно было называть «женой такого-то». Если кому-нибудь из туземцев случалось произнести имя шурина, он от

337

смущения опускал голову. Он переставал стыдиться лишь после того, как преподносил шурину подарок — компенсацию за употребление его имени всуе. Аналогичная компенсация за то, что кто-то случайно произнес их имена, полагалась свояченице, теще и тестю. У обитателей полуострова Газели в Новой Британии произнесение имени шурина является тягчайшим преступлением, караемым смертью. На островах Банкс в Меланезии на употребление имен родственников по браку налагаются очень строгие табу. Мужчине там нельзя называть по имени тестя, шурина, тем более тещу. Но за ним сохраняется право называть по имени свояченицу. Женщина не смеет назвать по имени отца мужа, не говоря уже о самом муже. Островитяне, чьи дети сочетались браком, лишаются права называть друг друга по имени. Им запрещается произносить не только сами имена, но и слова обыденного языка, которые либо напоминают их по звучанию, либо имеют общие слоги. Так, один туземец не осмеливался произнести слова «свинья» и «умереть», потому что они встречались в многосложном имени его зятя. Сообщают об одном несчастном, которого имя брата жены лишило возможности пользоваться такими словами, как «рука» и «горячий». Ему пришлось изъять из своего словаря даже число «один», которое являлось составной частью имени двоюродного брата его жены.

Нежелание произносить имена, даже слоги имен родственников по браку неотделимо от нежелания многих народов произносить личные имена, а также имена покойников, вождей и правителей. В последнем случае умолчание основывается на суеверии, но и в первом оно не имеет под собой более прочного основания. Нежелание первобытного человека произносить свое имя коренится, по крайней мере отчасти, в суеверном страхе перед злом, которое враги (будь то люди или духи) могут ему причинить. Нам остается проанализировать этот обычай в отношении имен покойников и особ царской крови.

Табу на имена покойников.

На Кавказе обычай умолчания в отношении имен покойников в древности соблюдали албанцы[1]. Этот обычай остается в силе у многих современных диких племен. Австралийские аборигены строжайшим образом придерживаются обычая не упоминать покойников своего пола

[1] Албанией называлось в древности Восточное Закавказье (теперешний Азербайджан).

338

по имени: назвать в полный голос человека, оставившего земную жизнь, — значит грубо нарушить один из наиболее священных обычаев племени. Требование окутывать имена умерших покрывалом забвения основывается прежде всего на боязни потревожить дух покойного. Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов и естественное нежелание людей воскрешать пережитую в прошлом утрату. Однажды исследователь А. Олдфилд, по его словам, напугал австралийца тем, что выкрикнул имя умершего так громко, что абориген бросился бежать со всех ног и в течение нескольких дней не показывался. При следующей встрече он с горечью упрекнул белого человека за его опрометчивый поступок. «Мне, — добавляет Олдфилд, — никакими доводами не удалось заставить его выжать из себя ужасные звуки имени покойного: ведь в таком случае он попал бы во власть злых духов». Аборигены Виктории говорят об умерших лишь в редких случаях и при этом изменяют их имена. Приглушенным голосом они вспоминают о «тех, кто ушел», о «несчастных, которых больше нет в живых». Назвать мертвого по имени — значит вызвать озлобление духа покойного (Куит-Джил), который некоторое время после смерти парит над землей, а затем удаляется в направлении заката солнца. Известно, что племена нижнего течения реки Муррей «тщательно избегают произносить имена покойников; в случае крайней необходимости туземцы называют их шепотом, причем так тихо, что дух, как им кажется, не может их услышать». В Центральной Австралии на протяжении всего периода траура запрещается произносить имя покойника, если в этом нет крайней необходимости; в последнем случае из боязни потревожить дух умершего, блуждающий где-то поблизости в виде привидения, туземцы называют его имя

шепотом. Услышав свое имя, дух решит, что родственники не оплакивают его должным образом — будь их горе искренним, они не потерпели бы легкомысленного обращения с его именем. Задетый за живое такой вопиющей бессердечностью, дух будет являться родственникам во сне и мучить их.

То же отвращение к произнесению имен умерших питают американские индейцы от Гудзонова залива до Патагонии. У индейцев-гоахиро в Колумбии произнесение имени покойного в присутствии его родственников считается ужасным оскорблением, нередко караемым смертью. Если такое случится в присутствии дяди или племянника умершего, те при малейшей

339

возможности убьют обидчика на месте. В случае бегства он должен заплатить крупный штраф: два и более быков.

Подобную же неохоту упоминать имена умерших, по имеющимся данным, испытывают столь отдаленные друг от друга народы, как сибирские самоеды и тода в Южной Индии, жители Монголии и туареги Сахары, айны в Японии, акамба и нанди в Восточной Африке, тингианы на Филиппинских островах, а также туземцы Никобарских островов, Борнео, Мадагаскара и Тасмании. Во всех этих случаях главной причиной умолчания, даже если она не выражена явно, является страх перед духом. Относительно туарегов нам это положительно известно. Они страшатся возвращения духа умершего и делают все возможное, чтобы этого избежать: после смерти соплеменника они меняют место стоянки, на веки вечные прекращают называть покойного по имени и избегают всего, что можно истолковать как вызов его духа. Поэтому туареги, в отличие от арабов, никогда не прибавляют к своим именам отчества. Они дают человеку имя, которое живет и умирает вместе с ним. У австралийских племен Виктории имена людей лишь в редких случаях передавались из поколения в поколение. У них считалось, что у человека, которому дали имя умершего, жизнь будет короткой: покойный тезка такого человека скоро захватит его с собой в страну духов.

Страх перед духом покойного, заставляющий обходить молчанием его имя, также побуждает людей, носящих имя умершего, заменять его другим, чтобы не привлечь к себе внимания его духа. По имеющимся сведениям, аборигены Южной Австралии (район Аделаиды и залива Встречи) питают к произнесению имен своих недавно умерших соплеменников столь сильное отвращение, что все их тезки отказываются от своих имен: им либо присваивают временные имена, либо заменяют другими. Такого же правила придерживаются некоторые племена Квинсленда. Впрочем, в этом регионе запрет на использование имени умершего — хотя он может оставаться в силе на годы — является временным. У других австралийских племен изменение имени при аналогичных обстоятельствах носит постоянный характер. Под новым именем, если он не будет вынужден вновь его изменить по тем же причинам, человек известен всю остальную часть жизни. У североамериканских индейцев мужчины и женщины, которые носят имя только что умершего человека, должны от него отказаться и

340

принять другое имя. Эта замена официально закреплялась на первом обряде плача по покойнику. У племен к востоку от Скалистых гор изменение имени оставалось в силе только до окончания похоронного обряда; у других племен побережья Тихого океана оно, видимо, было постоянным.

В некоторых случаях свои имена, следуя той же логике, меняют все близкие родственники покойного (независимо от их первоначального смысла). Поступают так, конечно, из страха, как бы звук знакомого имени не привлек бродячего духа к его старому жилищу. Некоторые племена Виктории на период оплакивания заменяли имена всех близких родственников умершего описательными терминами, предписываемыми обычаем. Называть человека, носящего траур, его настоящим именем считалось оскорблением покойника, и, если таковое имело место, оно нередко приводило к кровопролитным столкновениям. У индейцев северо-запада Америки близкие родственники покойного нередко меняют свои имена, чтобы «не привлечь духов, которые будут часто слышать повторение знакомых имен, обратно на землю». У индейцев племени кайова покойника никогда не называют по имени в присутствии его родственников; после смерти родственника остальные члены семьи меняют свои имена. Более трех столетий тому назад о существовании этого обычая на острове Роанок сообщали поселенцы, прибывшие туда вместе с сэром Уолтером Рэли. Тот же обычай соблюдают индейцы-ленгуа. Они не упоминают имени умершего и изменяют имена всех соплеменников, оставшихся в живых. Среди нас, говорят они, побывала Смерть. Она захватила с собой список оставшихся в живых и скоро вернется за новыми жертвами. Чтобы расстроить ее планы, ленгуа изменяют свои имена, полагая, что Смерть — хотя все индейцы

значатся в ее списке — по возвращении не сможет узнать людей, изменивших свои имена, и отправится на поиски своих жертв в другое место. Жители Никобарских островов, находящиеся в трауре, меняют имена, чтобы не привлечь к себе внимание злого духа; по той же причине они изменяют свою внешность, в частности бреют голову.

Если имя покойного совпадает с названием какого-нибудь предмета общего обихода, например животного, растения, огня, воды, считается необходимым такое слово исключить из разговорного языка и заменить другим. Этот обычай, очевидно, является мощным фактором изменения словарного фонда язы-

341

ка; в зоне его распространения происходит постоянная замена устаревших слов новыми. Эта тенденция была отмечена в Австралии, Америке и других регионах. Относительно австралийских аборигенов известно, что у них «чуть ли не каждое племя имеет свой диалект. Некоторые племена называют детей именами природных объектов; когда умирает человек с подобным именем, оно выходит из употребления и для объекта изобретают новое название». Тот же автор приводит в качестве примера случай с человеком по имени Карла, то есть «огонь». После его смерти пришлось ввести для обозначения огня новое слово. «В силу указанных причин, — добавляет цитированный автор, — язык пребывает в состоянии постоянных изменений». Так же обстоят дела в одном из племен в районе залива Встречи в Южной Австралии: случись там умереть человеку по имени Нгнке (вода), и все племя должно в течение длительного времени пользоваться для обозначения воды другим словом. Этим, по предположению автора приведенного наблюдения, и объясняется, видимо, большое число синонимов в языке племен Виктории: их речь включает в себя постоянный запас синонимов, которые в период оплакивания покойного приходят на смену общеупотребительным словам. Если из жизни, к примеру, ушел человек по имени Ваа (ворона), в период траура никто не имеет права называть ворону *waa,* все называют эту птицу *narrapart.* Когда с бренной оболочкой расстался человек по имени *Weearn* (опоссум), его опечаленные родичи и соплеменники вынуждены в течение некоторого времени называть это животное более благозвучным именем *mannungkuurt.* Если же община погружалась в горе по случаю кончины почтенной дамы, носившей имя индюкового грифа *(barrim barrim),* обычное название индюковых грифов выходило из употребления и заменялось словом *tillit tilliitsh.* То же самое *mutatis mutandis* происходило с именами черного какаду, серой утки, журавля-гиганта, кенгуру, собаки динго и т. д. В состоянии постоянной трансформации находился благодаря аналогичному обычаю язык абипонов Парагвая. У них, однако, слово, будучи однажды изъято из языка, более никогда не воскрешалось. Новые слова, по сообщению миссионера Добрицхоффера, ежегодно вырастали, как грибы после дождя, потому что все слова, имевшие сходство с именами умерших, особым объявлением исключались из языка и на их

342

место придумывались новые. «Чеканка» новых слов находилась в ведении старейших женщин племени, так что слова, получившие их одобрение и пущенные ими в обращение, тут же без ропота принимались всеми абипонами и, подобно языкам пламени, распространялись по всем стоянкам и поселениям. Вас, возможно, удивит, добавляет тот же миссионер, покорность, с какой целый народ подчиняется решению какой-нибудь старой ведьмы, и та быстрота, с какой старые привычные слова полностью выходят из обращения и никогда, разве что в силу привычки или по забывчивости, более не произносятся. На протяжении семи лет, которые Добрицхоффер провел у абипонов, туземное слово «ягуар» поменялось трижды; те же превратности, только в меньшей степени, претерпели слова, обозначающие крокодила, колючку и убой скота. Словари миссионеров, в силу этого обычая, буквально кишели исправлениями: старые слова вычеркивались как устаревшие и вместо них вписывались новые. У многих племен Британской Новой Гвинеи имена людей совпадают по звучанию с названиями общеупотребительных предметов. Если произнести имя умершего, то его дух, по мнению местных жителей, возвратится, а так как никому не хочется вновь увидеть его среди живых, на упоминание его имени накладывается табу. Вместо него, когда речь идет об общеупотребительном термине, изобретают новое слово. В итоге слова постоянно исчезают и вновь возникают с измененными — иногда до неузнаваемости — значениями.

Аналогичный обычай оказывал сходное воздействие на язык туземцев Никобарских островов. «У них в ходу, — рассказывает де Репсторф, — весьма своеобразный обычай, который, должно быть, весьма мешает «делать историю» или, во всяком случае, затрудняет передачу исторических фактов. Согласно этому обычаю, опирающемуся на суеверия никобарских островитян, после

смерти человека его имя нельзя произносить! Соблюдается этот обычай со всей строгостью. Если человек — что часто бывает — обладает именем со значением «курица», «головной убор», «огонь», «дорога» и т. д., в будущем всеми силами воздерживаются от употребления этих слов не только применительно к умершему, но и в качестве названий указанных предметов. Эти слова отмирают, а для обозначения соответствующих предметов никобарцы изобретают новые слова или заменяют их вышедшими из употребления су-

343

ществительными на других диалектах Никобарского или чужого языка. Этот странный обычай не просто вносит элемент нестабильности в язык — он разрушает непрерывность общественной жизни и делает летопись событий прошлого — если таковая возможна вообще — туманной и ненадежной».

Другие полевые исследователи также отмечали, что этот обычай подрубает корни передачи исторических событий. «У индейцев-кламат, — делится своим наблюдением мистер А. С. Гатшет, — нет ни одного исторического предания более чем столетней давности. Причина проста: они неукоснительно выполняли закон, запрещавший путем употребления имени покойного напоминать о его жизни и деятельности. Этот закон соблюдался племенами Калифорнии и Орегона настолько строго, что за его нарушение человек мог быть казнен. Одного такого обычая достаточно, чтобы история стала невозможной. Как можно написать историю без имен?»

Впрочем, у многих племен естественная склонность человеческого ума в какой-то мере ослабляет способность этого предрассудка сглаживать из памяти прошлое. Время, стирающее самые живые впечатления, неизбежно выветривает из ума первобытного человека след, который оставил в нем ужас перед таинством смерти. По мере того как воспоминания о родных и близких тускнеют, первобытный человек говорит о них все более и более охотно. Так что исследователь в силах спасти грубые имена ушедших предков до того, как, подобно осенним листьям, они сгниют в необозримой пропасти забвения. У части племен Виктории запрет на употребление имен умерших остается в силе только на время траура; у одного племени в районе Порт-Линкольн (Южная Австралия) он сохраняет силу на протяжении многих лет. Обычай племени чинук (Северная Америка) «запрещает упоминание имени умершего до тех пор, пока с момента его кончины не пройдет много лет». У индейцев племени пуйаллуп через несколько лет после того, как утрата изглаживается из памяти родственников, действие табу ослабевает, и, если покойный был прославленным воином, в его честь может быть назван кто-то из его правнуков. В этом племени интересующее нас табу распространяется исключительно на родственников умершего. Миссионер Лафито, член ордена иезуитов, рассказывает, что имя покойника или сходные с ним имена оставшихся в живых пуйаллуп, так сказать, погребают вместе с телом, пока у род-

344

ственников, горе которых к тому времени притупилось, не возникло желание «выпрямить дерево или поднять покойника из могилы». Это значило, что настал черед передать имя умершего другому человеку, который и становился полноправным воплощением покойного, потому что имя, согласно первобытной философии, является существенной частью человека, возможно, даже его душой.

У лопарей, когда женщине приходило время рожать, во сне ей обычно являлся предок или родственник, который сообщал о том, кто из умерших воплотится в будущем ребенке и чье имя ему следует присвоить. Если такого сна не было, отец или кто-то из родственников давал ребенку имя с помощью прорицания или по совету колдуна. Конды празднуют рождение ребенка на седьмой день после родов. На это торжество приглашают жреца и всех жителей селения. Чтобы определить имя ребенка, жрец бросает в чашу с водой зерна риса, произнося над каждым зерном имя умершего предка. Наблюдая за передвижением зерна в воде и за поведением новорожденного, жрец устанавливает, кто из предков возродился в ребенке. Обычно (по крайней мере, у северных кондов это так) ребенок наследует имя этого предка. У йоруба вскоре после появления ребенка на свет жрец бога прорицаний Ифа выясняет, дух какого предка воплотился в ребенке. Родителям сообщают, что ребенок должен во всем следовать привычкам предка, который в нем или в ней возродился. Если, что часто бывает, родители находятся в неведении относительно образа жизни предка, жрец снабжает их необходимыми сведениями на этот счет.

Табу на имена правителей и других священных особ.

После того как мы убедились, что объектом суеверного страха в первобытном обществе являются имена простых смертных (живых и мертвых), нас не удивит, что принимаются строгие меры

предосторожности при пользовании именами правителей и жрецов. Например, имя короля Дагомеи держат в тайне, чтобы с его помощью какой-нибудь злоумышленник не навредил правителю. Европейцам короли Дагомеи стали известны не под своими настоящими именами, а под титулами, или «сильными именами», как называют их туземцы. Дагомейцы полагают, что разглашение «сильных имен» не приносит вреда, потому что, в отличие от имени, данного при рождении, они не связаны со своими носителями неразрывно. Людям из царства Гера под страхом смертной казни запрещено произносить

345

имена своих правителей; даже слова, похожие на них по звуку, заменяются другими. Как только умирает вождь племени бахима в Центральной Африке, имя его тотчас же изымается из языка, а если оно совпадает с названием какого-нибудь животного, то для последнего незамедлительно подыскивается новое имя. Вождей, например, часто зовут львами, так что после смерти каждого такого вождя для животного нужно подбирать новое имя. Очень трудно узнать настоящее имя правителя Сиама, потому что его держат в тайне из страха перед колдовством; произнесение этого имени карается тюремным заключением. В обращении к местному царьку уместны только такие пышные титулы, как «величественный», «совершенный», «высший», «великий император», «потомок ангелов» и т. д. Высшей степенью нечестия считается в Бирме упоминание имени правящего монарха; подданные бирманского короля не должны совершать этот грех, даже находясь вдали от родины. После вступления его на трон, называют исключительно титулы короля.

Никто из зулусов не решится назвать по имени вождя племени или его предков или произнести обычные слова, которые звучат сходно с табуированными именами или просто напоминают их. В племени *двандве* был вождь по имени Ланга, что значит «солнце». По этой причине солнце до настоящего времени зовут не «ланга», а «гала», хотя со времени смерти вождя прошло более ста лет. Также в племени кснумайо выражение «пасти скот» изменилось с *алуса* (или *айуса)* на *кагеса,* потому что у-Майуси звали вождя племени. Имя верховного вождя зулусов было табу у всех племен. Например, когда вождем зулусов был Панда, слово *impando,* то есть «корень дерева», превратилось в слово *nxabo.* Также слово «ложь» или «клевета» стало произноситься не *amacebo,* а *amakwata,* потому что первое слово заключает в себе слог имени знаменитого вождя зулусов Кетчвайо. Особенно сильное влияние эти замены оказывают на язык женщин, которые опускают даже звуки, отдаленно напоминающие табуированное имя. Поэтому в краале верховного вождя язык жен часто бывает так трудно понять; ведь они обращаются подобным образом с именами не только вождя и его предков, но и их братьев. Добавим к этим племенным, государственным табу описанные выше табу на имена свойственников, и мы без труда поймем, почему каждое племя зулусов говорит на своем особом диалекте. Чле-

346

нам одной семьи иногда бывает запрещено произносить слова, которые употребляет другая семья. Женщины одного крааля, например, называют гиену ее настоящим именем, женщины другого крааля пользуются в этом случае общеизвестным синонимом, а женщинам третьего приходится изобрести для обозначения животного новое слово. Современный зулусский язык в силу этого как бы удваивается: для обозначения многих предметов он насчитывает по три-четыре синонима, каждый из которых миграция племен сделала известным по всей стране.

Та же практика имеет место на Мадагаскаре. В результате в речи местных племен наблюдаются не менее существенные диалектные особенности, чем в языке зулусов. Родовых имен мадагаскарцы не знают, так что почти все личные имена они заимствуют из обыденного языка, и каждое из них обозначает какой-нибудь употребительный предмет, действие или свойство (например, птицу, животное, дерево, растение, цвет и т. д.). Если одно из таких слов составляет имя вождя или входит в него как часть, оно становится священным и не может более употребляться в своем обычном значении. На смену ему для обозначения того же предмета следует изобрести новое слово. Можно представить себе, какую путаницу это вносит в язык немногочисленного племени. Тем не менее нынешние жители острова, управляемые множеством мелких вождей с их священными именами, находятся под властью такой же тирании слов, как и их предки. Особенно неблагоприятные последствия этот обычай возымел на западном побережье острова. Из-за большого числа самостоятельных мелких вождей названия предметов, рек и местностей претерпели там столько изменений, что в них царит полная неразбериха. Стоит вождю изгнать из языка какое-то общеупотребительное слово, как туземцы начинают делать вид, что прежнее значение слова совершенно изгладилось из их памяти.

Но на Мадагаскаре табуируются не только имена живых правителей и вождей. Под запретом, по крайней мере в некоторых частях острова, находятся и имена покойных властителей. Например, когда умирает верховный вождь сакалавов, знать и простые члены племени собираются у тела на совет и торжественно выбирают для почившего монарха новое имя. После этого имя, которое вождь носил при жизни, становится священным, и его запрещено произносить под страхом смертной казни. Похожие на него по звуку слова разговорного

347

языка также становятся священными и заменяются другими. Лица, произнесшие запретные слова, считаются не только невоспитанными, но и преступниками: их ждет смертная казнь. Изменения словарного состава действуют лишь в области, в которой правил умерший вождь; в соседних областях слова продолжают употреблять в их старом значении.

Святость полинезийских вождей, конечно, распространяется на их имена, которые, в представлении первобытного человека, неотделимы от личности их носителя. В Полинезии мы сталкиваемся с тем же систематическим запретом произносить имена вождей и сходные с ними слова, что и в стране зулусов и на Мадагаскаре. В Новой Зеландии имя вождя почитается столь священным, что соответствующее ему слово обыденного языка заменяется другим. Например, вождь одного из племен к югу от Ист-Кепа носил имя Марипи, или «нож», поэтому старое слово вышло из употребления, а на смену ему пришло новое слово — *nekra.* В другом племени пришлось поменять слово «вода»: в противном случае священная особа вождя была бы обесчещена тем, что к ней применялось то же слово, что и к самой обычной жидкости. Из-за этого табу язык маори буквально пестрит синонимами. Путешественники, посетившие остров, удивлялись тому, что одни и те же вещи носят в соседних племенах разные названия. После восшествия на престол властителя острова Таити замене подвергаются все слова, напоминающие звуками его имя. В старые времена человек, имевший неосторожность, в нарушение обычая, воспользоваться запретным словом, предавался казни вместе со всеми своими родственниками. Замена слов на Таити была временной: после смерти каждого нового властителя новые слова выходили из употребления, а старые возвращались.

В Древней Греции запрещалось при жизни произносить имена жрецов и высших сановников, связанных с празднованием Элевсинских мистерий. Произнесение их имен считалось противозаконным актом. Педант у Лукиана рассказывает о том, как он случайно встретил этих священных особ, тащивших в трибунал сквернослова, осмелившегося назвать их по имени; между тем этот человек отлично знал, что со времени посвящения в жрецы закон запрещал звать их по имени, потому что они теряли свои старые имена и получали взамен новые священные титулы. Из двух надписей, обнаруженных в Элевсине, явствует, что старые имена жрецов предавали мор-

348

ским глубинам; их вырезали на бронзовых или свинцовых дощечках, которые погружали в воды Саламинского залива. Делалось это с целью окружить эти имена непроницаемой тайной. А как достичь этой цели лучше, нежели утопив их в море? Ведь человеческий взор не в силах обнаружить мерцающие пластинки в зеленых морских глубинах! Трудно найти лучший пример смешения телесного с бестелесным, имени с материальной оболочкой, чем этот обычай цивилизованной Греции.

Табу на имена богов.

Богов первобытный человек создает по своему образу и подобию. Еще древнегреческий философ Ксенофан отмечал, что у негров боги имеют темную кожу и приплюснутый нос, боги фракийцев румяны и голубоглазы и, имей лошади, быки и львы возможность изображать своих богов, те приняли бы форму лошадей, быков и львов. Подобно тому как из страха перед происками колдунов сам первобытный человек скрывает свое настоящее имя, ему кажется, что так же должны поступать и боги, чтобы другие боги — и даже люди — не услышали таинственные звуки их имен и не воспользовались ими для заклинаний. Наиболее развитой формы первобытное представление о таинственности и магических свойствах божественных имен достигло в Древнем Египте. Предрассудки незапамятного прошлого сохранялись в сердцах египтян не менее долго, чем набальзамированные тела кошек, крокодилов и других божественных животных в их высеченных из камня гробницах. Хорошей иллюстрацией этих предрассудков служит рассказ о том, как коварная Исида выведала у великого бога солнца Ра его тайное имя. Исида представлена в этом повествовании могущественной заклинательницей, которой наскучило общество людей, и она устремилась в мир богов. И помыслила она в сердце своем: «Не могла бы и я стать богиней с

помощью имени великого Ра и, подобно ему, править в небе и на земле?» У Ра было много имен, но то великое имя, которое давало Ра власть над богами и людьми, было известно ему одному. К тому времени бог порядком постарел: слюна вытекала из его рта и падала на землю. Исида перемешала слюну с землей, изготовила из смеси змею и положила ее на тропу, по которой великий бог по желанию сердца своего каждый день нисходил в свое двуединое царство. И вот однажды, когда Ра, в обществе других богов, продвигался обычным путем, его укусила священная змея;

349

бог остановился и закричал так, что крик его достиг небес. <<О чудо! Что случилось с тобой!» — воскликнула свита богов. Ответить Ра не мог: у него не попадал зуб на зуб, все его члены содрогались, а по жилам его столь же быстро, как Нил, бежал яд. Успокоив свое сердце, великий бог прокричал сопровождавшим: «О придите ко мне, плоть от плоти моей. Я — властитель и сын властителя, я — великое семя бога. Отец измыслил имя мое, родители дали мне его, и от рождения оно оставалось сокрытым в теле моем, чтобы ни один колдун не получил власти надо мной. Вот я вышел осмотреть содеянное мной, я шел по двум царствам, сотворенным мной, и — о горе! — что-то укусило меня. Я не знаю, что это за существо, из воды оно или из огня. Но пламя пожирает сердце мое, плоть моя содрогается и члены мои трясутся. Приведите же ко мне поросль богов с исцелительными словами и понимающими устами, тех, чья власть достигает небес». После этого перед Ра в горе предстала поросль богов. И пришла искусная Исида, чьи уста полны дыхания жизни, чьи чары прогоняют боль прочь, чьи слова способны оживить мертвых. «Что с тобой, божественный отец, что с тобой?» — спросила она. Тут уста бога отверзлись, и он сказал: «Я шел своим путем, я шел по желанию сердца своего по двум царствам, сотворенным мной, и — о горе! — змея, не замеченная мной, ужалила меня. Что такое змея — вода или огонь? Я холодней воды, я жарче огня, пот покрывает мои члены, я весь дрожу, взор мой блуждает, и я не вижу неба, потому что лицо мое орошает влага». Исида ответствовала: «Назови мне свое имя, божественный отец, потому что названный по имени да будет жить». — «Я сотворил небо и землю, — отвечал бог, — я воздвиг горы, я создал обширные моря и, как завесу, протянул два горизонта. Когда я открываю глаза, становится светло. Когда я смыкаю веки, воцаряется тьма. Я тот, по чьему приказу Нил выходит из берегов, я тот, чье имя неизвестно даже богам. Утром я — Кепера, в полдень я — Ра, вечером я — Тум». Но действие яда не ослабевало, он проникал все глубже и глубже, и великий Ра уже не мог ступать по земле. «Ты не открыл мне имя твое. — повторила Исида. — Открой мне его, и яд потеряет силу. Помни, что названный по имени да пребудет в живых». Теперь яд обжигал бога жарче пламени. «Пусть Исида обыщет меня, — ответствовал Ра, — и пусть имя мое перейдет из моей груди в ее грудь». После

350

этого великий Ра скрылся от взора богов, и опустело его место на корабле вечности. Так имя великого бога стало известно колдунье Исиде. «Яд, выйди из Ра! — приказала она. — Я, и только я, превозмогаю силу яда и выплескиваю его на землю. Потому что похищено имя великого бога. Да здравствует Ра и да умрет яд!» Так говорила великая царица богов Исида, узнавшая истинное имя Ра.

Из приведенного повествования явствует, что, согласно египетскому поверью, подлинное имя бога, неотделимое от его могущества, пребывало в его груди в прямом смысле слова, и Исида извлекла его оттуда с помощью хирургической операции и — вместе со всеми сверхъестественными способностями — пересадила его себе. Стремление с помощью имени овладеть могуществом великого бога не отошло в Египте в область древних преданий: к обладанию подобным могуществом, причем теми же средствами, стремился всякий египетский маг. Считалось, что человек, узнавший настоящее имя бога или человека, владеет их подлинной сущностью и может принудить к повиновению даже бога, как хозяин своего раба. Магическое искусство и состояло в том, чтобы с помощью откровения выведать у богов их священные имена. И для достижения этой цели колдун не останавливался ни перед чем. С того момента как бог, по слабости или забывчивости, сообщал колдуну тайну своего имени, ему не оставалось ничего другого, как подчиниться человеку или поплатиться за свое неповиновение.

Вера в магические свойства божественных имен была присуща и римлянам. Когда римские войска осаждали город, жрецы римлян обращались к местному богу-покровителю с молитвой или заклинанием, в котором призывали его покинуть осажденный город и перейти на сторону осаждавших. В награду они обещали божеству столь же хорошее — и даже лучшее — отношение со стороны римлян. Имя бога — покровителя Рима содержалось в строгой тайне, чтобы его не

переманили на свою сторону враги республики, подобно тому как сами римляне вынудили стольких богов, как крыс с тонущего корабля, спасаться бегством из приютивших их городов. Более того, тайной было окутано настоящее название самого Рима; произносить его запрещалось даже при совершении священных обрядов. Некто Валерий Соран, осмелившийся разгласить эту бесценную тайну, был предан за это казни и умер насильствен-

351

ной смертью. Древним ассирийцам также возбранялось произносить тайные названия их городов. До настоящего времени черемисы с Кавказа из соображений суеверия держат названия своих селений в тайне[1].

Читатель, у которого хватило терпения проследить за нашим изложением предрассудков, связанных с личными именами, вероятно, согласится с тем, что тайна, окружающая имена особ царского происхождения, не является каким-то исключительным явлением или выражением придворного раболепия. Она является не более как частным приложением общего закона первобытного мышления, в сферу действия которого попадают простые смертные, боги, цари и жрецы.

Глава XXIII. НАШ ДОЛГ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПЕРВОБЫТНОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Список табу, распространяющихся на правителей и жрецов, можно без труда продолжить, но для их иллюстрации достаточно приведенных выше примеров. В заключение нам остается сформулировать общие выводы, к которым мы пришли в проведенном исследовании. На стадии дикости и варварства мы часто сталкиваемся с людьми, которым суеверие их соплеменников приписывает способность контролировать ход природных явлений. Таким людям поклоняются как божествам. В данном контексте нас не занимает вопрос о том, обладают ли эти боги в образе людей исключительно духовной или также и светской властью над жизнью и состоянием своих почитателей; другими словами, являются ли они только богами или вдобавок еще и правителями. Здесь нас интересуют лишь якобы присущие им божественные атрибуты; благодаря им в глазах верующих они становятся гарантами непрерывности и упорядоченности природных явлений, от которых зависит существование человечества. Жизнь и здоровье такого рода богочеловека являются предметом заботливого внимания со стороны людей, чье благополучие и само существование неразрывно связано с его благополучием. Эти люди

[1] Очевидная ошибка у автора: «черемисы»; то есть марийцы, живут не на Кавказе, а на Средней Волге.

352

принуждают его следовать правилам, которые ум первобытного человека изобрел во избежание опасностей, угрожающих плоти (не исключая последней из них, смерти). Из предыдущего явствует, что речь здесь идет о правилах поведения, которым, по мнению первобытного мыслителя, должен следовать каждый благоразумный человек, если он хочет прожить долгую жизнь. Однако, если соблюдение этих правил частными лицами является делом их индивидуального выбора, богочеловеку его навязывают под страхом смещения с высокого поста и даже смерти. Верующие слишком заинтересованы в жизни богочеловека, чтобы позволить ему безответственно обращаться с ней. Отсюда старые как мир, причудливые суеверия, предписания, освященные веками, поговорки — плод изобретательного ума первобытного философа, до сих пор передаваемые бабушками, как бесценные сокровища, собравшимся у семейного очага внукам. В центре этих древних фантазий — правитель, то есть человекобог. Последний, как муха в паутине, запутался в сетях запретов и предписаний и едва мог шевельнуться в его «легких, как воздух, и крепких, как железо», тенетах, которые, переплетаясь между собой, затягивали человекобога в лабиринт, вывести из которого его могли только низложение или смерть.

Для людей, интересующихся историей, жизнь древних правителей и жрецов чрезвычайно поучительна. В ней сосредоточилось все, что казалось мудрым во времена, когда мир был еще молод. По этому совершенному образцу стремились строить свою жизнь другие люди; они видели в ней безупречную модель, построенную в полном соответствии с канонами варварской философии. А философия эта, какой бы грубой и ложной она нам ни казалась, была логически последовательной. Она берет начало в представлении о носителе жизни как о крошечном существе, как о душе, пребывающей в живом существе, но отличной и отделимой от него. Для практического руководства жизнью эта философия выводит из исходного принципа систему правил, которые в общем и целом гармонируют друг с другом и составляют связное целое. Фатальный порок всей системы скрывается не в характерном для нее способе рассуждения, а в ее посылках, то есть в неверном представлении о природе жизни. Но с нашей стороны было бы признаком глупости и неблагодарности клеймить эти предпосылки как смехотворные единственно на том основании,

353

что их ложность мы можем легко обнаружить. Мы стоим на фундаменте, заложенном предшествующими поколениями, и с достигнутых высот смутно ощущаем, что его закладка стоила человечеству длительных, мучительных усилий. И мы испытываем чувство благодарности по отношению к безымянным, забытым труженикам, чей терпеливый поиск и кипучая деятельность сделали нас тем, чем мы ныне являемся. Та или иная конкретная эпоха, не говоря уже о конкретном человеке, может внести в сокровищницу знания лишь весьма незначительный вклад. Поэтому пренебрежительно относиться ко всей сокровищнице, похваляясь несколькими крупицами, которые внесла в нее наша эпоха, — это значит быть глупым и бесчестным. В настоящее время мала опасность недооценки вклада, который внесли в общее развитие человечества классическая древность и новое время. В отношении других эпох дело обстоит

иначе. На долю культуры первобытного общества слишком часто выпадают только презрение, насмешки и осуждение. Между тем в числе благодетелей человечества, которых мы обязаны с благодарностью чтить, многие, если не большинство, были первобытными людьми. В конечном счете мы не так уж отличаемся от этих людей, и многим из того истинного и полезного, что так бережно сохраняем, мы обязаны нашим грубым предкам, накопившим и передавшим нам по наследству фундаментальные представления, которые мы склонны рассматривать как нечто самобытное и интуитивно данное. Мы как бы являемся наследниками состояния, которое переходило из рук в руки столько раз, что изгладилась память о тех, кто заложил его основание, поэтому нынешние обладатели считают его своим изначальным и неотъемлемым достоянием. Однако более глубокое размышление и исследование должны убедить нас в том, что большей частью этого достояния мы обязаны своим предшественникам. Ошибки последних были не какими-то преднамеренными нелепостями или приступами безумия — они были гипотезами, которые в свое время подкреплялись данными опыта, но не выдержали испытания временем. Истина выявляется только путем последовательной проверки гипотез и отсеивания тех из них, которые оказываются ложными. Истинной мы в конце концов называем гипотезу, которая нашла в опыте наилучшее подтверждение. Поэтому мы поступим благоразумно, если будем взирать со снисходительностью на мнения и обычаи менее цивилизованных

354

эпох и народов как на неизбежные ошибки в поисках истины. Это даст нам право на снисхождение, которым когда-нибудь придется воспользоваться и нам самим: *cum excusatione itaque veteres audiendi stint*[1].

Глава XXIV. ПРЕДАНИЕ СМЕРТИ БОЖЕСТВЕННОГО ВЛАСТИТЕЛЯ

Смертные боги.

Человек сотворил богов по своему образу и подобию, и, будучи смертным сам, он, естественно, наделил тем же печальным свойством и свои творения. Например, аборигены Гренландии полагали, что даже могущественнейший из богов может погибнуть от ветра и что его ждет верная смерть, если он прикоснется к собаке. Прослушав проповедь о христианском боге, эти туземцы осведомились, приходилось ли ему когда-либо умирать. Получив отрицательный ответ, они очень удивились и сказали, что это, должно быть, действительно великий бог. Один североамериканский индеец, отвечая на вопрос полковника Доджа, заявил, что мир сотворил Великий дух. На вопрос же о том, какого он имел в виду духа — доброго или злого, индеец ответил: «Ни того и ни другого. Великий дух, сотворивший мир, давно уж мертв. Не мог же он прожить так долго». Люди одного племени на Филиппинских островах говорили испанским завоевателям, что могила творца расположена на вершине Кабунианской горы. Бог готтентотов (или герой божественного происхождения) по имени Хейтси-эйбиб несколько раз умирал и возвращался к жизни. Захоронения, которые связывают с его именем, встречаются, как правило, в узких горных ущельях. Проходя мимо таких захоронений, готтентоты бросают в них камень на счастье, иногда приговаривая: «Даруй нам побольше скота». В начале нашей эры путешественникам, посетившим остров Крит, показывали могилу великого Зевса. Считалось, что тело Диониса было захоронено в Дельфах, рядом с золотой статуей Аполлона. На его могиле были высечены слова: «Здесь покоится Дионис, сын Семелы». По одному свидетельству, в Дель-

[1] Предков следует выслушивать со снисхождением *(лат.). — Прим. пер.*

355

фах был захоронен и сам Аполлон. В надписи, высеченной на его могиле и приписываемой Пифагору, сообщалось о том, как бог был растерзан питоном и погребен под треножником. Не миновали общей участи и великие боги Египта — они также старели и умирали. Позднее, когда открытие искусства бальзамирования дало возможность предохранять тела от разложения на неопределенно долгое время и пробудило в человеческих душах надежду на бессмертие, плодами этого изобретения на равных правах с людьми воспользовались боги. Каждая область располагала гробницей с мумией покойного бога. Мумию Осириса можно было видеть в городе Мендес, город Тинис славился мумией Ангури, а Гелиополь удостоился чести обладать мумией бога Туму. Великих богов вавилонян — хотя они являлись своим почитателям только в снах и видениях — тоже изображали в образах людей и с человеческими страстями. Подобно людям, они рождались в мир, подобно людям любили, сражались и умирали.

Умерщвление правителей по причине их одряхления.

Если даже великие боги, живущие вдали от земной суеты, и те в конце концов умирают, то как может избежать этой участи бог, вселившийся в бренную оболочку человеческого тела! До нас, впрочем, дошли сведения об африканских царьках, которые воображали, что благодаря искусству магии они стали бессмертными. Мы уже выяснили, что первобытные народы нередко пребывают в убеждении, что и сохранность мира, и их собственная безопасность находятся в зависимости от таких боголюдей, воплощений божества. Поэтому они крайне заинтересованы в том, чтобы ревностно заботиться о таких людях. Но никакая забота и никакие предосторожности не могут оградить богочеловека от старости и смерти. Верующие должны считаться с этой печальной необходимостью и как можно лучше к ней приспосабливаться. Но им угрожает воистину ужасная опасность. Если от жизни человекобога зависит ход природных явлений, то каких только бедствий не может принести его одряхление, а тем более его смерть? Существует единственный способ предотвратить эту опасность. При появлении первых признаков упадка сил богочеловека следует предать смерти, перенести его душу в тело сильного преемника. Преимущества такого образа действий представляются первобытному человеку очевидными. Если богочеловек умрет естественной смертью, на взгляд дикаря, это означает либо то,

356

что душа его добровольно покинула тело и отказывается вернуться, либо, проще, то, что ее изъял демон или колдун, который мешает ей вернуться. Душа богочеловека в обоих случаях потеряна для верующих, что ставит под угрозу их благоденствие и само существование. Даже если бы им

удалось поймать душу умирающего бога, когда она выходит из тела через губы или ноздри, и передать ее преемнику, операция не достигла бы своей цели. Дух умирающего от болезни богочеловека, несомненно, покидает его тело на последней стадии дряхлости и бессилия: в таком ослабленном состоянии он и в новой телесной оболочке сможет влачить лишь жалкое существование. Предавая богочеловека смерти, верующие выигрывали в двух отношениях. Во-первых, они перехватывали его душу и передавали ее подходящему преемнику. Во-вторых, ко времени умерщвления крепость его тела — а вместе с ним и всего окружающего мира — еще не пришла в упадок. Таким образом, убивая человекобога в расцвете сил и передавая его дух могучему преемнику, первобытный человек предупреждал все опасности.

Закон запрещал Царям Огня и Воды в Камбодже умирать естественной смертью. Если кто-нибудь из них серьезно заболевал и старейшинам казалось, что он не выживет, его закалывали ударом кинжала. Народности Конго придерживались того мнения, что, если верховный жрец Читоме умрет своей смертью, это приведет к гибели весь окружающий мир и земля, поддерживаемая единственно его мощью, тут же обратится в прах. Поэтому в дом верховного жреца, находящегося при смерти, приходил его преемник с веревкой или дубиной и с их помощью предавал его смерти. Царей Эфиопии в Мероэ почитали как богов, но жрецы, когда это представлялось им необходимым, могли послать к правителю гонца с приказом умереть. В обоснование приказа они ссылались на пророчество, полученное от бога. До правления Эргамена — современника египетского царя Птолемея II — эфиопские владыки подчинялись этому приказу. Однако Эргамен, которого греческое воспитание освободило от предрассудков его соотечественников, решил пренебречь приказанием: с отрядом солдат он вошел в Золотой храм и предал смерти жрецов.

Подобного рода обычаи до последнего времени сохраняли свою силу в Северной Африке. Вождь племени фазокль обязан был ежедневно вершить правосудие под определенным

357

деревом. Если по болезни или по какой-то другой причине вождь три дня кряду оказывался не в силах исполнять эту обязанность, на шею ему надевали петлю с двумя прикрепленными к ней лезвиями и вешали на дереве; под тяжестью тела вождя петля стягивалась, и лезвия вонзались ему в горло.

До недавнего времени обычай предавать смерти божественных правителей при первых признаках наступления старости или болезни соблюдали шиллуки, племя, проживающее в районе Белого Нила. Этот обычай детально исследовал этнограф Селигмен. Благоговение, с которым шиллуки относятся к своему царьку, вызвано прежде всего их верой в то, что в нем воплотилась душа полубога Ниаканга (героя, основавшего династию и расселившего племя по берегам Белого Нила) и что в силу этого он причастен к божественному началу. Шиллуки окружают своих вождей беспредельным, воистину религиозным почитанием и принимают все необходимые меры предосторожности для того, чтобы предотвратить их смерть от какого-нибудь несчастного случая. Тем не менее они «убеждены, что не следует допускать, чтобы вождь старился и болел: ведь вместе с его одряхлением начнет болеть и перестанет давать потомство скот, на полях сгниет урожай и все больше людей будет умирать от болезней». Для предотвращения этих бедствий у шиллуков и существовал обычай при первых признаках недомогания предавать царька смерти. Признаком неотвратимого упадка считалась, в частности, неспособность вождя удовлетворять своих многочисленных жен, расселенных во многих домах Фашоды. При первых симптомах появления зловещей слабости жены сообщали об этом подчиненным вождям, а они согласно местному обычаю ставили верховного вождя в известность об ожидающей его участи тем, что покрывали его лицо и колени куском белой ткани, когда он отдыхал в жаркий полдень. Казнь следовала вскоре за объявлением приговора. Специально для такого случая строили хижину. Царька вводили в нее и укладывали головой на передник девственницы, достигшей брачного возраста. Затем дверь в хижину замуровывали и обрекали вождя с девушкой на смерть от голода и духоты. Таков был древний обычай, который был отменен по причине чрезмерных страданий одного из казнимых за пять поколений до наших дней. Теперь вожди объявляют своему повелителю его участь и в особой хижине предают его казни через повешение.

358

Из исследований Селигмена явствует, что правителя шиллуков при соблюдении должных обрядов можно было предать смерти при первых признаках одряхления. Но это еще не все. Соперник мог напасть и на вождя, находящегося в расцвете сил. В таком случае последнему пришлось бы отстаивать корону в смертельном единоборстве. По обычаям шиллуков сын правящего монарха

имел право вызвать отца на поединок и в случае победы занять его трон. А так как у каждого шиллукского царька был большой гарем и множество сыновей, то число возможных претендентов на трон всегда было довольно значительным, и правящий властитель должен был крепко полагаться на силу своей длани. Но успешно напасть на властителя шиллуков можно было только ночью; в дневное время он был окружен друзьями и телохранителями, так что кандидат на трон не мог рассчитывать пробиться через их толпу и нанести решающий удар. Ночью же картина менялась. Вождь отпускал охрану и оставался один с любимыми женами в обнесенном стеной доме; вступиться за него мог только кто-нибудь из живших поблизости пастухов. С наступлением темноты для вождя начиналось опасное время. Говорят, что ночь он проводил в непрерывном бдении, крадучись обходил свои хижины в полном вооружении, вглядывался в глубокую тьму или замирал в каком-нибудь темном углу, безмолвный и настороженный, как часовой на посту. Когда наконец появлялся соперник, поединок проходил в зловещем молчании, прерываемом лишь стуком копий и щитов, потому что для вождя считалось делом чести не звать на помощь соседей-пастухов.

Местом поклонения любому шиллукскому царьку, как и основателю династии Ниакангу, служит гробница, воздвигаемая над его могилой; захоронение же всегда производится в родной деревне царька. Надгробие составляют несколько хижин, обнесенных оградой; одна из хижин возвышается над могилой царька, а в других обитают стражи гробницы. Гробницу Ниаканга не отличить от гробницы царька. Но отправляемые на них обряды, сходные по форме, разнятся в деталях, поскольку гробницам Ниаканга приписывается куда большая святость. За гробницами царьков ухаживают пожилые мужчины и женщины, соответствующие стражам гробниц Ниаканга. Как правило, это вдовы или старые слуги покойного царька; после их смерти обязанность следить за гробницей переходит к их потомкам. На могилах царьков шиллуки приносят в жер-

359

тву скот, причем процедура жертвоприношения такая же, как на могиле Ниаканга.

Главным компонентом религии шиллуков является, как видно, культ священных царьков (живых и мертвых). Царьки эти якобы одержимы божественным духом, который переходит к преемникам от полумифической (но, вероятно, исторически существовавшей) личности основателя династии. Шиллуки почитают своих царьков воплощением божества, окружают их величайшими почестями и всячески о них заботятся, поскольку от них зависит благополучие людей, скота и посевов. И обычай умерщвления властителя, как только тот обнаруживает признаки одряхления, сколь бы странным это нам ни казалось, коренится в глубоком преклонении перед ним, в стремлении сохранить в полном расцвете сил его божественный дух. Шиллуки уверены, что жизнь и душа царя симпатическими узами связана с благосостоянием всей страны, что в случае его заболевания или старения заболеет и перестанет размножаться скот, урожай сгниет в полях, а эпидемия унесет людские жизни. Предотвратить эти стихийные бедствия можно, по мнению шиллуков, только предав царька смерти, пока тот еще крепок и бодр, чтобы божественный дух, унаследованный им от предков, мог в свою очередь перейти к преемнику молодым и здоровым. Весьма симптоматичен в этой связи тот признак одряхления, который решает участь правителя, а именно его неспособность сексуально удовлетворять своих многочисленных жен, другими словами, продолжать род. По мнению шиллуков, это означает, что царьку пришло время умереть и уступить место преемнику. Эта и другие причины, по которым правителя предают смерти, указывают на то, что плодородие людей, скота и посевов считалось находящимся в симпатической связи со способностью властителя производить на свет потомство. Упадок этой способности в нем влечет за собой такой же упадок производящей способности у других людей, животных и растений и в непродолжительный период может привести к полному исчезновению людей, а также животной и растительной жизни. Поэтому не приходится удивляться, что шиллуки делают все от них зависящее для того, чтобы их вождь не умер естественной смертью — от старости или от болезни. Любопытно, что они не называют смерть вождя смертью. Они не говорят о правителе «он умер», а просто «он ушел». То же относится и к первым двум предста-

360

вителям местной династии Ниакангу и Дагу, относительно которых известно, что они не умерли своей смертью, а пропали без вести. На существование сходного обычая указывают и другие, например римские и угандийские, предания о таинственном исчезновении царей.

В целом способ рассуждения и действия шиллуков в отношении своих царьков весьма напоминают теорию и практику немийских жрецов, Царей Леса. В обоих случаях мы видим божественных царей, от жизни которых, как полагают, зависит плодородие людей, животных и

растений и которые находят свою смерть в единоборстве или как-то иначе для того, чтобы передать преемникам свой божественный дух в полном расцвете сил, то есть не подточенным старостью или болезнью. По убеждению соплеменников, любой признак вырождения у царя повлечет за собой аналогичные симптомы у людей, животных и злаков. Способы передачи души божественного царя его преемнику мы подробнее разберем в дальнейшем. Теперь же приведем другие примеры этого обычая.

Народность динка, живущая в долине Белого Нила, представляет собой конгломерат самостоятельных племен. Занимаются динка преимущественно скотоводством, главным образом уходом за многочисленными стадами крупного рогатого скота, хотя разводят также овец и коз; женщины обрабатывают небольшие поля проса и кунжута. Рост посевов и прежде всего выпас скота зависят от регулярного выпадения осадков. При длительной засухе динка испытывают великую нужду. Поэтому вызыватель дождя до сих пор является у них важной фигурой. Большинство носителей власти у динка, которых путешественники окрестили шейхами и вождями, на самом деле являются племенными заклинателями дождя. Каждый из них якобы одержим духом какого-нибудь из великих заклинателей дождя, который дошел до него через посредство других шаманов. Удачливый заклинатель дождя благодаря своему вдохновителю пользуется очень большой властью и является консультантом по всем важным вопросам. Однако, несмотря на почести, воздаваемые вызывателям дождя (вернее, из-за них), ни одному из них не дано умереть от старости или от болезни; если бы это несчастье произошло, на племя обрушились бы эпидемия и голод, резко снизился бы прирост скота. Предчувствуя приближение старости или болезни, заклинатель дождя сообщает детям о своем же-

361

лании умереть. В таком случае, например, члены племени агар динка вырывают большую могилу, и заклинатель дождя спускается в нее в сопровождении друзей и родственников. Время от времени он обращает свою речь к народу, воскрешает в памяти присутствующих историю племени, напоминает о том времени, когда он правил, и дает соплеменникам советы на будущее. По окончании речи он отдает приказ закопать могилу. На заклинателя дождя начинают падать комья земли, и он умирает в ней от удушья. С незначительными вариациями так заканчивают свое благородное поприще вызыватели дождя во всех племенах динка. Так, по сообщению Селигмена, в племени хор-агар динка вызывателя дождя душат в его собственном доме после того, как подготовят могилу. Заклинателями дождя были отец и дядя по отцовской линии одного из информаторов Селигмена: они были умерщвлены этим традиционным способом. Смерть ждет даже самого молодого заклинателя дождя, если ему угрожает болезнь, кажущаяся смертельной. Кроме того, принимаются меры предосторожности, необходимые для того, чтобы заклинатель дождя не погиб от несчастного случая: хотя такая смерть не столь нежелательна, как смерть от старости или болезни, она, вне всякого сомнения, навлечет на племя болезни. Динка пребывают в убеждении, что после убийства заклинателя дождя его бесценный дух переходит к наследнику, то есть к сыну или другому близкому кровному родственнику.

До недавнего времени обычай племени буньоро в Центральной Африке требовал, чтобы вождь, как только он серьезно заболеет или начнет сгибаться под тяжестью лет, кончал жизнь самоубийством. Согласно древнему пророчеству, династия потеряет трон, если кто-нибудь из ее представителей умрет естественной смертью. Умирал вождь, осушив чашу с ядом. Если он проявлял нерешительность или был слишком слаб для того, чтобы попросить чашу, обязанность дать ему яд выпадала на долю жены. Когда при смерти находится глава племени кибанга на Верхнем Конго, колдуны накидывают ему на шею веревку и затягивают ее до тех пор, пока тот не испустит дух. Если царьку племени джинджиро случится получить рану на войне, как бы он ни просил проявить милосердие, его умерщвляют его же воины, а если они не решаются, то родственники. Делается это для того, чтобы вождь не пал от руки врага. Языческое племя джуко обитает в районе реки

362

Бенуэ — могучего притока реки Нигер. В этой области, в городе Гатри, правит местный царек, которого влиятельные лица убирают следующим образом. Когда им кажется, что царек уже достаточно долго просидел на троне, они объявляют, что «правитель болен». Смысл этой формулы был известен всем: царька собираются убить, хотя намерение это никогда не высказывается явно. Затем принимают решение относительно наследника престола. Срок царствования следующего правителя также устанавливается собранием влиятельных лиц: каждый участник собрания бросает по одной щепке на год царствования. Правителю сообщают о принятом решении и устраивают

пир, во время которого монарх напивается пивом из сорго. Царька закалывают копьем, и его место занимает новый избранник. Так что каждый царек племени джуко знает, что процарствует считанные годы и разделит участь своего предшественника. Но, по всей вероятности, это не отпугивает кандидатов на престол. Тот же обычай, по имеющимся сведениям, распространен в городах Куонде и Вукари. «У трех племен народностей хауса: гобирава, кацинава и даурава, как только правитель проявлял признаки болезни, появлялся сановник, носивший титул Слоноубийцы, и душил его».

Во внутренней части Анголы великим вождем и повелителем считается Матиамво[1]. Один из местных царьков, по имени Чалла, сообщил участникам Португальской экспедиции, каким образом умирает Матиамво. «Наши Матиамво, — сказал Чалла, — обычно либо погибали на войне, либо умирали насильственной смертью. Нынешнему Матиамво предстоит умереть от руки палача, ибо он уже выпросил себе достаточно долгую жизнь. После вынесения Матиамво смертного приговора, мы обычно приглашаем его принять участие в войне с врагами и по такому случаю сопровождаем вместе с семьей на войну. Если он остается цел и невредим, мы вновь вступаем в войну и сражаемся три или четыре дня подряд. После этого мы неожиданно оставляем Матиамво с семьей на произвол судьбы. Покинутый владыка приказывает воздвигнуть для себя трон и, сев на него, собирает вокруг себя членов своей семьи. Он отдает матери приказ приблизиться, и она становится пе-

[1] Матиамво (в более обычной транскрипции Муата-Ячво) — титул правителя государства Лунда (народ балунда), занимавшего приблизительно ту территорию, на которой ныне находится Ангола.

363

ред ним на колени. Он отрубает голову сначала ей, потом по очереди сыновьям, женам и родственникам, а в заключение своей любимой жене по имени Анакулло. По окончании казни Матиамво в пышном одеянии ожидает собственной смерти, которая незамедлительно следует от руки должностного лица, посланного соседями, могущественными вождями Каниквинга и Каника. Этот человек сначала перерубает ноги и руки Матиамво во всех суставах, а потом отрубает ему голову. По совершении казни обезглавливают самого палача. Все вожди удаляются из лагеря, чтобы не присутствовать при казни Матиамво. В мои обязанности входит присутствовать при казни и заметить место, в котором два великих вождя спрячут останки Матиамво. Эти вожди входят во владение всей собственностью казненного монарха и его семьи и забирают ее с собой. Тогда я приступаю к погребению изуродованных останков Матиамво и возвращаюсь в столицу для того, чтобы провозгласить начало нового правления. После этого я возвращаюсь на место захоронения останков монарха, за сорок рабов выкупаю их вместе со всей собственностью покойного и передаю все это вновь провозглашенному Матиамво. Такой смертью уже умерли многие Матиамво, не избегнет ее и нынешний».

У зулусов в прошлом существовал обычай умерщвлять верховного вождя при появлении первых морщин или седых волос. По крайней мере, такой вывод можно сделать на основании следующей записи одного из европейцев, живших при дворе знаменитого зулусского тирана Чаки в начале XIX века: «Я испытал на себе всю силу царской ярости по милости дурацкого целительного средства, мази для волос, относительно которой г-н Феруэлл заверил Чаку, что она является чем-то вроде эликсира вечной молодости. Зулусский владыка выразил желание заполучить целительную мазь и при всяком удобном случае напоминал нам об этом. Особенно настоятельно он требовал у нас мазь перед отбытием посольства. Это и понятно. Ведь согласно варварскому обычаю зулусов, у правителя не должно быть ни морщин, ни седых волос; оба эти недостатка закрывают путь к управлению этим воинственным народом. Вождь зулусов не должен также проявлять ни малейших признаков слабости и неспособности к правлению. Чака жил в мучительном предчувствии приближающейся старости, а так как за первым седым волосом следовала неминуемая смерть, вождь должен был готовиться к уходу из подлунного

364

мира». Автор этого поучительного анекдота о мази для волос не уточняет, каким путем седовласому зулусскому вождю надлежало «уйти из подлунного мира», но по аналогии нетрудно догадаться, что его ждала насильственная смерть.

Обычай предавать властителей смерти при появлении у них малейших телесных дефектов два века тому назад существовал в царстве кафров в Софале. Народ чтил правителей Софалы как богов и в случае нужды обращался к ним с просьбой вызвать дождь или солнце. Тем не менее малейшего телесного недостатка (например, потери зуба) было достаточно, чтобы этот богочеловек был предан смерти. Об этом говорит следующая выдержка из сочинения старого португальского

историка: «В прошлом в обычае правителей страны было кончать жизнь самоубийством путем принятия яда, как только им случалось получить травму или стать жертвой какой-нибудь физической слабости, например полового бессилия, инфекционного заболевания или выпадения переднего зуба, уродовавшего их внешность. Считалось, что вождь должен быть свободен от любых телесных недостатков и что для его же чести лучше умереть и обрести целостность в мире ином, где все совершенно. Но вождь по имени Куитеве, человек благоразумный и внушавший ужас, — он правил в то время, когда я посетил эти края, — отказался последовать примеру своих предшественников. Потеряв передний зуб, Куитеве приказал объявить об этом по всему царству, чтобы подданные знали о случившемся и при случае узнавали правителя без переднего зуба. Со стороны его предшественников (говорилось в декрете) было непростительной глупостью совершать самоубийство по такому ничтожному поводу. Он же, Куитеве, напротив, весьма огорчился бы, если бы настал его черед умереть такой смертью, потому что его жизнь необходима для сохранения царства и защиты его от врагов. Своим преемникам он советовал последовать его примеру».

Куитеве, который осмелился остаться в живых после потери переднего зуба, был столь же смелым реформатором, как и эфиопский правитель Эргамен. Можно предположить, что причиной предания смерти эфиопских царей, так же как зулусских и софальских царьков, было появление у них какого-нибудь телесного дефекта или признака слабости. Оракул же, на которого ссылались жрецы для оправдания казни правителя, гласил, что за появлением у правителя телесного недостат-

365

ка не замедлят последовать великие бедствия для всего царства (точно так же некий оракул предупреждал спартанцев против «хромого правления», то есть против правления хромого царя). Догадка эта подтверждается тем, что уже после того, как обычай умерщвления прекратил свое существование, эфиопы выбирали своих правителей за большой рост, физическую силу и красоту. У султана народности вадаи и в наше время не должно быть видимых телесных недостатков, а царек Ангои не может быть коронован, если у него есть хоть какой-то телесный дефект (например, сломанный или подпиленный зуб или шрам от старой раны). Согласно Книге Акайлл и многим другим источникам, в древней Ирландии на престол не должен был вступать король с каким-либо телесным недостатком. Поэтому, когда великий король Кормак-Мак-Арт из-за несчастного случая лишился глаза, он тут же отрекся от престола.

К северо-западу от Абомея, древней столицы Дагомеи, находится царство Ойо. «Ойо правит абсолютный монарх, власть которого не уступает власти царей Дагомеи, хотя он подчиняется одному странному и унизительному местному предписанию. Когда народ недоволен правлением (нередко недовольство искусственно возбуждается в нем происками недовольных приближенных царька), он посылает к царю посольство, которое уверяет его, что бремя царства его утомило, что теперь ему самое время отдохнуть от забот и немножко выспаться. Полномочия посольства удостоверяются яйцами попугаев, приносимыми в подарок царьку. Монарх благодарит подданных за проявленную заботу, удаляется в свои покои как бы на отдых и там отдает женам приказ задушить себя. Приказ немедленно приводится в исполнение. После этого на трон вступает сын покойного и удерживает бразды правления в руках до тех пор, пока пользуется одобрением народа». Однако в 1774 году правитель Ойо, которого его приближенные попытались низложить обычным способом, наотрез отказался принять принесенные в подарок яйца попугая и заявил, что он не только не желает уснуть, но, напротив, полон решимости печься о благе своих подданных. Пораженные и возмущенные подобным упрямством, приближенные подняли восстание, которое было подавлено с большим кровопролитием. Благодаря этому смелому шагу правитель Ойо освободился от тирании советников и подал своим преемникам пример для подража-

366

ния. Впрочем, древний обычай просуществовал до конца XIX столетия. В 1884 году один католический миссионер писал, что обычай этот продолжает оставаться в силе. Другой миссионер в 1881 году следующим образом описывал соответствующий обычай племен эгба и йоруба в Западной Африке: «Одним из любопытнейших обычаев в здешних краях является обычай суда над правителем и его казни. Если местный князек превысил свою власть и заслужил тем самым ненависть народа, на одного из его советников возлагается тяжкая обязанность предложить ему «идти спать» или, проще говоря, принять яд и умереть. Если в последний момент правителю недостает мужества, он может принять яд из рук друга. Между тем советники правителя, сохраняя случившееся в тайне, исподволь готовят народ к известию о смерти князька. Почти то же самое

имеет место и у йоруба. Когда у правителя Ойо рождается сын, с правой ноги новорожденного делают глиняный слепок. Хранится он в доме старейшины племени. Стоит правителю нарушить обычаи страны, как к нему приходит посланник и, ни слова не говоря, показывает глиняный слепок. Значение этого жеста хорошо известно правителю — пришло его время принять смертельную дозу яда и уснуть». Жители древней Пруссии считали своим верховным властителем человека, правившего ими от имени бога и носившего титул «уста бога». Когда этот властитель заболевал и становился дряхлым, для него насыпали холм из веток кустарника и соломы, и владыка, если он дорожил своим добрым именем, взбирался на него и произносил длинную проповедь, в которой призывал народ почитать богов и обещал заступиться перед ними за соплеменников. Затем он поджигал костер головней от вечного огня, горевшего перед священным дубом, и исчезал в языках пламени.

Правители, предаваемые смерти по истечении установленного срока.

В приведенных примерах народ оставляет божественного правителя или жреца в должности до тех пор, пока некий внешний признак, видимый симптом наступающей старости и дряхлости не послужит ему сигналом, что правитель или жрец не в силах более исполнять священные функции. Но предавать правителя смерти до появления указанных симптомов запрещалось. Однако другим народам более безопасным представлялось не дожидаться признаков телесной немощи, а умерщвлять правителя в полном расцвете сил. Такие народы

367

ограничивают монархическое правление определенным сроком, по истечении которого властитель должен умереть; причем срок правления устанавливают непродолжительный, чтобы не допустить физической деградации избранника. В некоторых районах Южной Индии правителя выбирали сроком на 12 лет. По сообщению одного старого путешественника, в провинции Куилакар «есть языческий храм, а в нем находится высокочтимый идол; раз в 12 лет в его честь устраивается роскошное пиршество, нечто вроде юбилейного торжества, на которое созываются все здешние язычники. Этот храм владеет большим количеством земли и получает значительные доходы. Местный царек управляет провинцией не более двенадцати лет, то есть от одного праздника до другого. Когда этот период подходит к концу, на праздник собираются несметные толпы людей, и большие деньги тратятся на угощение брахманов. Для царька воздвигается деревянный помост, задрапированный шелковой тканью. В день торжества под звуки музыки он в сопровождении пышной процессии отправляется к водоему, чтобы совершить омовение, после чего молится в храме местному божку. Затем царек на глазах собравшихся поднимается на помост, берет очень острый нож и начинает отрезать себе нос, губы, уши и остальные мягкие части тела. Отрезанные куски он поспешно отбрасывает, пока не начинает терять сознание от потери крови. В заключение он перерезает себе горло. Таков обряд принесения жертвы местному божку. Будущий преемник правителя должен находиться в толпе зрителей и оттуда взойти на трон».

Правитель города Каликута на Малабарском берегу носит титул Саморина, или Самори. Он «притязает на более высокое звание, чем сами брахманы, и ставит выше себя лишь невидимых богов. Впрочем, признанием он пользуется только со стороны своих подданных, а брахманы считают его претензии абсурдными и нечестивыми и обращаются с ним как с простым шудра». В прошлом по истечении двенадцатилетнего царствования Саморин был обязан публично перерезать себе горло. Но к концу XVII века обычай этот был изменен следующим образом. «Множество странных обычаев когда-то соблюдалось в этой стране и продолжает соблюдаться до настоящего времени. Так, согласно древнему обычаю, Саморин не может править более двенадцати лет. Смерть до окончания этого срока спасала его от мучительной церемонии публично-

368

го самоубийства на воздвигнутом специально для этой цели помосте. Сначала он давал пир многочисленной местной знати. По окончании пира он приветствовал гостей и всходил на эшафот, чтобы на глазах присутствующих надлежащим образом перерезать себе горло. По прошествии некоторого времени его тело с должной торжественностью сжигали, и вельможи выбирали нового Саморина. Нам неизвестно, носил ли этот обычай религиозный или светский характер. Важно другое. Теперь он заменен. Ныне, когда двенадцатилетний срок правления подходит к концу, во всех владениях Саморина провозглашают, что наступило время юбилейного торжества. Для Саморина разбивают на широкой равнине шатер, и с криками веселья, под непрерывный грохот пушечных выстрелов он пирует там восемь — десять дней. По окончании празднества четверым из гостей,

претендентам на корону Саморина, предоставляется возможность совершить дерзкую вылазку: силой оружия проложить себе путь к шатру через толпу в 30—40 тысяч телохранителей. Тот, кому удастся это невозможное предприятие, наследует империю Саморина. В 1695 году во время юбилея шатер разбили вблизи порта Поннани в пятнадцати лье к югу от Каликута. На этот раз на дерзкую вылазку отважились только трое гостей. С обнаженными мечами они напали на охрану и погибли в бою, убив и ранив многих стражей. С одним из этих отчаянных смельчаков был юноша лет пятнадцати-шестнадцати — его племянник. Во время нападения на стражей он держался рядом со своим дядей, и, когда тот пал, юноша пробился к шатру и нанес его величеству удар по голове. Саморин наверняка отправился бы к праотцам, если бы удар не смягчила большая медная лампа, висевшая над его головой. Второго удара не последовало — телохранители успели лишить юношу жизни. По-моему, этот Саморин царствует и поныне. В течение этих трех дней мне случалось гулять вдоль берега, и все это время я слышал непрерывную пальбу».

Автор приведенных строк, английский путешественник, не присутствовал на описываемом празднестве, хотя до него доносились звуки пальбы. К счастью, в архивах царской семьи в городе Каликуте сохранились точные сведения об этих торжествах и о числе погибших при этом людей. В конце XIX века эти архивы были обследованы У. Логаном при личном содействии правившего тогда Саморина. Из его исследования мож-

369

но составить точное представление о масштабах и месте действия трагедии, которая периодически разыгрывалась вплоть до 1743 года.

Праздник, во время которого правитель Каликута ставил корону и жизнь в зависимость от исхода битвы, был известен под названием праздника Великого жертвоприношения. Устраивался он раз в 12 лет, когда планета Юпитер возвращалась в созвездие Рака, длился 28 дней и заканчивался во время восьмого лунного астеризма[1] в месяце макарам. Время проведения праздника зависело от положения на небе планеты Юпитер: разрыв между праздниками составлял 12 лет, что приблизительно соответствует периоду обращения Юпитера вокруг Солнца. Отсюда можно заключить, что эта яркая планета была воистину королевской звездой и определяла его судьбу; поэтому период ее обращения на небе соответствовал периоду правления Саморина на земле. Как бы то ни было, обряд этот с великой пышностью отправлялся в храме Тирунавайи на северном берегу реки Поннани. Неподалеку от этого места ныне проходит железная дорога. Из окна быстро идущего поезда можно мельком увидеть храм, почти полностью скрытый за деревьями, которые растут на берегу реки. От его западных ворот идет совершенно прямая дорога около километра длиной, лишь изредка выныривающая среди полей риса и деревьев; она доходит до крутого гребня обрывистого берега, с которого видны очертания трех или четырех террас. На верхней из этих террас в роковой для него день стоял Саморин. С нее открывается великолепный вид: глаз безмятежно скользит по ровным пространствам рисовых полей, по широкой, спокойной реке, извивающейся среди них, и достигает высокого плато с лесистыми нижними склонами; вдалеке маячит огромная горная цепь Западных Гатов и уже совсем в отдалении — Нилгирийские, или Голубые, горы, едва различимые на фоне небесной лазури.

Но в роковой для него день глаза властителя, конечно, не были устремлены на далекий горизонт. Внимание его было приковано к зрелищу более близкому. Вся равнина под ним была заполнена войсками: стяги их развевались на ветру, а на фоне зеленых и золотых рисовых полей четко вырисовывались белые палатки военных лагерей. Более 40 тысяч воору-

[1] Астеризм — группа звезд, часть созвездия.

370

жениых людей собиралось для охраны царя. Итак, равнина была заполнена воинами. Но дорога от храма к царской террасе была пуста, на ней не было ни души. По обеим сторонам дороги возвышался частокол, а из него торчали два длинных ряда копий: направленные наконечниками в сторону пустой дороги, они сходились на середине, образуя как бы арку из сверкающей стали. Все уже готово. Властитель взмахивал мечом. И в то же мгновение на стоящего рядом слона надевали массивную золотую цепь с двумя выпуклыми украшениями. Это служило сигналом. Тут же на расстоянии полумили у храмовых ворот начиналось движение. Из толпы выступала группа украшенных цветами и вымазанных золой людей с мечами в руках. Только что они в последний раз отведали земной пищи и теперь принимали последние благословения и напутствия друзей. Проходит мгновение — и вот они уже прокладывают себе путь среди копий, отбиваются мечами, извиваясь и корчась, как угри, под ударами стальных наконечников. Но все их усилия напрасны. Один за другим они падают, сраженные сталью. Они умирают даже не ради призрачной короны, а

чтобы продемонстрировать всему миру свою неустрашимую доблесть. Та же великолепная демонстрация храбрости, то же бесполезное принесение в жертву человеческих жизней повторяется и в остальные дни праздника. И тем не менее никакая жертва не является совершенно бесполезной, если приносящие ее люди тем самым доказывают, что предпочитают честь жизни.

«В Бенгалии, — замечает один старый английский историк, — как это ни странно, престолонаследие лишь в незначительной мере зависит от родословной претендента... Царем там безотлагательно признают всякого, кто убил своего предшественника и занял его трон. Амиры, вазиры, солдаты и крестьяне считают его полноправным монархом и беспрекословно исполняют его распоряжения. Бенгальцы любят повторять:

«Мы верны трону и всякому, кто его занимает». Таков же был порядок престолонаследия в маленьком княжестве Пассиер на северном побережье острова Суматра. Португальский историк де Баррос, сообщая о нем, с удивлением отмечает, что желание стать правителем Пассиер не могло возникнуть ни у одного здравомыслящего человека, потому что местные подданные не позволяли монарху зажиться на этом свете. Время от времени люди, как бы охваченные порывом безумия, тол-

371

пами ходили по улицам города и громко выкрикивали роковые слова: «Царь должен умереть!» Как только они достигали ушей царька, он знал, что его час пробил. Смертельный удар ему наносил один из родственников. Сразу же после совершения убийства он усаживался на трон и, если ему удавалось удержать его в своих руках на протяжении одного дня, считался законным правителем. Цареубийца, однако, достигал своей цели не всегда. За то время, пока Фернанд Перес д'Андрад по пути в Китай нагружал в княжестве Пассиер свой корабль пряностями, были убиты два правителя. Причем это не вызвало в городе ни малейших признаков волнения; жизнь продолжала идти своим ходом, как будто цареубийство было здесь обычным делом. Однажды за один-единственный день со ступеней трона на пыльный эшафот один за другим ступили три правителя. Обычай этот представлялся народу достойным похвалы и установленным свыше. В обоснование его местные жители ссылались на то, что бог не допустил бы, чтобы царь, его наместник на земле, умер насильственной смертью, если бы он своими прегрешениями не заслужил такой участи. Сообщают о существовании подобного же обычая у древних славян. Когда захваченные в плен Гунн и Ярмерик убили князя и княгиню славян и пустились в бегство, язычники кричали им вдогонку, чтобы они возвратились и правили вместо убитого князя. Такое предложение вполне соответствовало представлениям древних славян о престолонаследии. Однако беглецы не вняли посулам преследователей, сочтя их простой приманкой, и продолжали бегство до тех пор, пока крики язычников не смолкли вдали.

В странах, где по истечении установленного срока правителям приходилось умирать насильственной смертью, они, естественно, стремились переложить эту обязанность вместе с некоторыми привилегиями царской власти на кого-нибудь другого. К этой уловке, видимо, прибегали некоторые малабарские князьки. Английский специалист по этому региону сообщает, что «в некоторых районах суверен на время передавал кому-нибудь из подданных судебную и исполнительную власть. Это установление именовалось «властью, купленной ценой отсечения головы»... Такой человек наделялся высшей деспотической властью на пять лет. По истечении этого срока временному правителю при большом стечении местных жителей отрубали голову и подбрасывали ее. На следующий пятилетний

372

срок правителем назначался тот, кому удавалось поймать отрубленную голову».

Правители — раз уж им пришла в голову счастливая мысль посылать на смерть вместо себя заместителей — позаботились о ее практическом осуществлении. Поэтому не приходится удивляться, что следы этого обычая мы обнаруживаем во многих частях света. Скандинавские предания содержат указания на то, что срок правления шведских королей ограничивался девятью годами; после этого их самих или их заместителей предавали смерти. Так, шведский король по имени Аун, или Он, много дней подряд приносил жертвы богу Одину, и тот ответил королю, что он будет править до тех пор, пока раз в каждые девять лет будет приносить в жертву одного из своих сыновей. Аун принес в жертву девять сыновей, и только противодействие подданных помешало ему пожертвовать последнего, десятого сына. Король был казнен, а на месте его погребения в городе Упсала насыпали курган. О девятилетнем сроке правления говорится также в любопытном предании о низложении и изгнании Одина. Возмущенные дурными поступками Одина, боги объявили его вне закона и изгнали, а на его место посадили искусного колдуна по

имени Оллер, которого наделили прерогативами королевской и божеской власти. Этот Оллер носил имя Один и правил почти 10 лет, после чего был свергнут с трона настоящим Одином. Побежденный соперник удалился в Швецию и позднее был убит при попытке вернуть утраченный трон. Можно предположить, что эта скандинавская легенда содержит туманный намек на практику древних шведских королей, срок правления которых ограничивался девятью-десятью годами. После этого они отрекались от трона, предоставляя другим почетное право отдать жизнь за свою страну. Короля или его наместника, возможно, предавали смерти на великом празднике, который раз в девять лет устраивался в Упсале. Известно, что во время него приносили человеческие жертвы.

Срок правления многих древнегреческих царей, по имеющимся сведениям, ограничивался восьмью годами. Во всяком случае, по окончании восьмилетнего срока царь мог исполнять свои гражданские и религиозные обязанности только в том случае, если принимал новое посвящение и получал, так сказать, свежий заряд божественной благодати. Закон Спарты требовал от эфоров, чтобы через каждые восемь лет они выби-

373

рали ясную, безлунную ночь и *п* молчании наблюдали за звездами на небе. Если во время этих ночных бдений эфорам случалось увидеть метеор или падающую звезду, это означало, что царь Спарты согрешил против богов. В таком случае эфоры отстраняли царя от исполнения его обязанностей до тех пор, пока его не восстанавливал в своих правах дельфийский или олимпийский оракул. Этот древний обычай не утратил своей силы в течение всего периода существования царской власти в Спарте. Так, в III веке до нашей эры царь стал препятствием на пути сторонников реформ и был свергнут с престола на основании сфабрикованных обвинений; среди них важное место занимало утверждение, будто на небе был замечен зловещий знак.

Почему же у спартанцев срок царствования был ограничен восемью годами? Возможно, это определялось соображениями астрономического порядка, на которых основывался древнегреческий календарь. С незапамятных времен трудным испытанием для ума и изобретательности человека была задача согласования солнечного года с лунным; она не переставала занимать людей с тех пор, как они вышли из состояния варварства. Кратчайшим периодом, по истечении которого солнце и луна, все это время опережающие друг друга, на некоторое время синхронизуются между собой, является восьмилетний цикл. Только один раз в каждые восемь лет полнолуние совпадает с самым длинным или с самым коротким днем в году. А так как это совпадение можно наблюдать с помощью обыкновенных солнечных часов, оно и легло в основу греческого календаря, в достаточной, хотя и не в полной мере согласовавшего солнечный год с лунным. В древности составление календаря входило в компетенцию жрецов, от него зависел правильный выбор времени для принесения жертв богам, благосклонностью которых необходимо было заручиться для процветания общины. Неудивительно поэтому, что царь (он же верховный жрец, а иногда и бог) подлежал умерщвлению в конце определенного астрономического цикла. Во время, когда великие светила возвращались в исходное положение и готовились начать новый тур небесной скачки, у людей могла возникнуть мысль, что и царю пора обновить запас священной энергии или уступить место более сильному преемнику. Мы уже знаем, что конец правления властителя и его смерть в Южной Индии совпадали с завершением витка пла-

374

неты Юпитер вокруг Солнца. В Греции же судьбу царя клали на весы раз в каждые восемь лет, и чаша весов могла склониться не в пользу правящего монарха.

Восьмилетний период (каково бы ни было его происхождение), видимо, считался нормальным сроком правления не только в Спарте. Так, относительно Миноса, царя Кносса на острове Крит, чей дворец предстал нашим взорам благодаря недавним раскопкам, известно, что в этой должности он находился в течение восьми лет. По истечении указанного периода царь удалялся в пещеру оракула на горе Иде и общался там со своим божественным отцом Зевсом, давал ему отчет о своем правлении за истекшие годы и получал указания на будущее. Из этого предания явно следует, что в конце каждого восьмилетнего периода священная сила царя нуждалась в обновлении путем общения с богом, в противном случае царь потерял бы право на трон.

Мы можем с большой долей вероятности предположить, что семь юношей и девушек, которых афиняне каждые восемь лет обязаны были отправлять в дань Миносу, имели отношение к обновлению силы царя на последующие восемь лет. О судьбе, которая ожидала афинских юношей и девушек по прибытии на остров Крит, существовали разные предания, но все они сходились в

том, что в лабиринте их оставляли на съедение Минотавру или на пожизненное заключение. Возможно также, что, для того чтобы обновить силу царя и персонифицируемого им солнца, жертву заживо поджаривали в бронзовой статуе быка или человека с бычьей головой. На такую мысль, по крайней мере, наталкивает легенда о Талосе, человеке из бронзы, который прижимал к себе людей и прыгал с ними в огонь, где те заживо поджаривались. Зевс, согласно преданию, подарил его Европе (или Гефест — Миносу) для охраны острова Крит, который Талос три раза в день обходил дозором. По одной версии, он был тельцом, по другой — солнцем. Возможно, этот Талос был не кем иным, как Минотавром. Впрочем, если освободить этот образ от мифологических наслоений, то речь идет всего лишь о бронзовой статуе солнца, изображенного в виде человека с бычьей головой. Для обновления пламени солнца в жертву идолу приносили людей: их зажаривали в его полом туловище или клали на его склоненные книзу руки, с которых люди скатывались в огненную яму. Этим последним способом карфагеняне приносили

375

своих детей в жертву Молоху. Детей клали на руки бронзовой статуи с головой теленка, и они соскальзывали с них в горящую печь; чтобы заглушить крики сжигаемых жертв, жители города танцевали в это время под звуки флейт и бубнов. Сходство критского предания с карфагенским ритуалом наводит на мысль, что культ Миноса или Минотавра испытал сильное влияние со стороны семитского культа Ваала. Предание об агригентском тиране Фаларисе и его медном тельце является, возможно, отзвуком аналогичных обрядов на острове Сицилия, где влияние карфагенян пустило глубокие корни.

Племя иджебу в провинции Лагос, входящее в состав народности йорубов, подразделяется на две ветви: иджебу-оде и иджебу-ремон. Иджебу-оде управляет вождь, носящий титул Авуджаля и окруженный ореолом таинственности. До недавнего времени никому, не исключая и его собственных подданных, не разрешалось видеть лицо этого вождя, а если обстоятельства все же принуждали вождя к общению с кем-то из подданных, то его скрывала от взглядов особая перегородка. Другим ответвлением племени — иджебу-ремон управляет вождь более низкого ранга. Джон Паркинсон сообщает, что этого подчиненного вождя, согласно существовавшему обычаю, торжественно умерщвляли после трех лет правления.

В Вавилоне в историческую эпоху царствование было практически пожизненным, хотя в теории царя, видимо, выбирали сроком на один год. Дело в том, что царю ежегодно в праздник Загмука вменялось в обязанность обновлять свою силу пожатием руки Мардука в его великом Эсагильском храме в Вавилоне. Даже после падения Вавилона царь ассирийцев должен был каждый год узаконивать свое право на вавилонский престол. Для этого он приходил в Вавилон и в праздник Нового года совершал там древний ритуал. Некоторым из ассирийских царей эта обязанность показалась столь обременительной, что они предпочли вообще отказаться от царского титула и удовольствовались скромным званием правителя. Из дальнейшего нам станет ясно, что в доисторическую эпоху по окончании годичного срока пребывания у власти вавилонские цари ставили на карту корону вместе с головой. К такому выводу, по крайней мере, подводит нас следующее сообщение историка Бероза, который в качестве вавилонского жреца обладал в этой области обширными познаниями. В Вавилоне ежегодно справлялся праздник Закеев. Начинался он шестнадцатого числа

376

месяца Лус и продолжался пять дней. На это время господа и слуги менялись местами: слуги отдавали приказания, а господа их исполняли. Осужденного на смерть преступника обряжали в царские одежды и сажали на трон: ему позволяли отдавать любые распоряжения, есть и пить за царским столом и сожительствовать с наложницами царя. По истечении пяти дней с него срывали пышные одежды, наказывали плетьми и вешали или сажали на кол. В короткий период своего пребывания у власти преступник носил титул Зогана. Этот обычай можно истолковать просто как мрачную шутку, которую сыграли с несчастным преступником участники веселого народного гулянья. Однако такую интерпретацию опровергает одно решающее обстоятельство. Мы имеем в виду предоставляемое псевдоцарю право сожительствовать с наложницами настоящего царя. Достаточно вспомнить, как ревниво оберегает восточный деспот свой гарем, чтобы не осталось никаких сомнений в том, что вавилонский царь никогда и никому, тем более осужденному на смерть преступнику, не дал бы подобного разрешения без очень веских к тому оснований. Основание же могло быть только одно — осужденного предавали казни вместо царя. А для того чтобы замена была полноценной, необходимо было дать преступнику в короткий период правления насладиться всеми благами царского сана. В такого рода замене нет ничего из ряда вон

выходящего: рано или поздно у всех царей возникало желание упразднить и изменить обычай, в соответствии с которым их следовало предавать смерти при появлении первых признаков телесной немощи или по истечении установленного срока. Мы уже знаем, что в Эфиопии, Софале и Ойо этот обычай был отменен просвещенными монархами, что в Каликуте древний обычай умерщвления царя по окончании двенадцатилетнего периода царствования был преобразован в право напасть на него и в случае победы занять трон (впрочем, право это было чистой формальностью, потому что царь в такой день окружал себя многочисленной охраной). Вавилон дает еще один пример того, как изменяется суровый древний обычай. По окончании срока правления и приближения казни — в Вавилоне это, по-видимому, совпадало с концом года — царь на несколько дней отрекался от трона в пользу временного правителя, которого затем казнили вместо него. Первоначально таким правителем выбирали ни в чем не повинного человека, возможно даже члена царской

377

семьи; однако с распространением цивилизации принесение в жертву невинного человека стало возмущать общественное мнение, и роковая «привилегия» перешла к преступнику, приговоренному к смертной казни. Ниже мы приведем другие примеры казни преступника в качестве представителя умирающего бога. Не следует забывать, что, как показывает пример шиллукских вождей, властителя умерщвляют в качестве бога или полубога. Смерть и воскресение властителя представлялись единственным средством сохранить во всей полноте его священную жизнь, необходимую для спасения народа и всего мира.

Пережиток обычая умерщвления вождя в конце каждого года сохранился на Гавайских островах; он называется там праздником Макагити и справляется в последний месяц года. Около ста лет назад этот обычай описал один русский путешественник[1]: «Мистерия Макагити похожа на наш праздник Рождества. В течение целого месяца люди предаются развлечениям: танцам, играм и всякого рода шуточным состязаниям. Праздник обязательно открывает местный царек. По такому случаю его величество надевает свою лучшую мантию и шлем и — часто в сопровождении толпы подданных — гребет в лодке вдоль берега. Царь садится в лодку чуть засветло, а заканчивает речную прогулку на восходе солнца. Во время высадки царя на берег его встречает самый сильный и опытный воин. Воин этот следит за приближением лодки к берегу, и, когда царь выходит на сушу и снимает свою мантию, он с расстояния примерно в тридцать шагов бросает в него копье. Тут царю не до шуток: он должен поймать брошенное копье рукой, иначе оно пронзит его. Поймав копье, царь под мышкой несет его острым концом книзу в храм. При входе царя в храм толпа собравшихся устраивает инсценировку боя: в воздухе мелькают тучи копий с затупленными наконечниками. Камаамеа[2] (царьку) много раз советовали упразднить этот смехотворный ритуал, во время которого он ежегодно рискует жизнью, но советы дей-

[1] Автор ссылается здесь на сообщение русского моряка О. Е. Коцебу, совершившего в 1815—1818 годах кругосветное плавание на бриге «Рюрик». См: *Коцебу О. Е.* Путешествия вокруг света М, 1948, с 137-138.

[2] Камехамеха (Камаамеа) — выдающийся вождь, объединивший под своей властью (около 1780 г.) почти весь Гавайский архипелаг, положивший начало серии прогрессивных реформ, основатель династии гавайских королей, правившей до 1890-х годов. С 1898 года Гавайский архипелаг принадлежит американцам.

378

ствия не возымели. Царь неизменно отвечал, что он в состоянии поймать копье, брошенное в него любым островитянином. Во время Макагити на острове отменяются все наказания, и, сколь бы неотложным ни было дело, никто не имеет права покидать место, в котором его застало начало праздника».

Обычай предания царя смерти в конце года покажется нам еще более правдоподобным, если мы узнаем, что на земле до сих пор существует царство, в котором монарх живет и правит всего один день. В Нгойо, одной из областей древнего конголезского царства, имеет место обычай, согласно которому вождь, надевший на голову корону, неизменно умерщвляется в ночь после коронации. В настоящее время право на престол принадлежит вождю племени мусуронго, но он, как и следует ожидать, не спешит его занять, так что трон пустует. «Никто не хочет заплатить жизнью за несколько часов на славном троне Нгойо».

Глава XXV. ВРЕМЕННЫЕ ЦАРИ

В других частях света древний обычай цареубийства, претерпевший изменения уже у вавилонян, еще более смягчился. Царь ежегодно на короткий промежуток времени отрекается от престола, и его место занимает номинальный суверен. Однако в конце непродолжительного царствования последнего уже не убивают, хотя в иных случаях как воспоминание о времени, когда временного правителя действительно казнили, сохраняется инсценировка казни. Приведем примеры.

В месяце меаке (феврале) король Камбоджи на три дня отрекался от престола. В эти дни он не занимался государственными делами, не прикасался к печатям и даже не взимал податей, которые ему причитались. Вместо него временно правил Король Февраль. Эта должность передавалась по наследству в семье, находившейся в дальнем родстве с королевским домом, и переходила от отцов к сыновьям и от старших братьев к младшим, то есть так же, как настоящий королевский титул. В благоприятный день, назначенный астрологами, временный король шествовал по городу в сопровождении торжественной процессии мандаринов. Сидя на королевском паланкине, он ехал верхом на королевском слоне, в сопровождении эскорта солдат, одетых в национальные костюмы, представителей соседних на-

379

родов Сиама, Аннама, Лаоса и т. д. Вместо золотой короны на нем был белый остроконечный колпак, а другие знаки королевской власти были сделаны не из золота, инкрустированного бриллиантами, а из грубого дерева. Временный король оказывал настоящему королю надлежащие знаки уважения и на три дня получал от него власть вместе с соответствующими доходами (последний обычай исчез некоторое время назад). Затем в сопровождении свиты временный король обходил дворец и проходил по улицам столицы. На третий день после обычного шествия он приказывал с помощью слонов растоптать «рисовую гору» — деревянное сооружение, окруженное снопами риса. Люди брали с собой немного этого риса, чтобы обеспечить хороший урожай. Часть риса приносили королю, который отдавал распоряжение сварить его и отдать монахам.

В Сиаме в шестой день шестого лунного месяца (то есть в конце апреля) начинается трехдневное правление временного короля, а настоящего короля на это время запирают во дворце. Временный король посылает во все концы своих многочисленных приспешников, чтобы те конфисковали как можно больше товаров в лавках и на базаре. Даже суда и джонки, прибывающие в местную гавань в течение этих дней, конфискуются в пользу временного короля и должны быть у него выкуплены. Король направляется на обширную площадь в центре города, куда разукрашенные быки влекут позолоченный плуг. Умастив быков благовониями, псевдокороль распахивает натертым маслом плугом восемь борозд, в которые пожилые придворные дамы бросают первые зерна. На распаханные борозды набрасывается толпа зевак, ибо считается, что подобранные на этих бороздах зерна принесут богатый урожай, если их примешать к семенному рису. После этого быков выпрягают и раскладывают перед ними рис, маис, кунжут, саго, сахарный тростник, дыни и т. д. Считается, что то, к чему быки прикоснутся в первую очередь, на следующий год будет в большой цене (некоторые, впрочем, толкуют это знамение в противоположном смысле). Все это время временный король стоит, опершись о дерево и положив правую ногу на левое колено. За такую манеру стоять ему дали в народе прозвище Одноногого Короля, хотя официально он именуется Хозяином Небесных Сил. Он является чем-то вроде министра сельского хозяйства, главным арбитром во всех спорах относительно полей, риса и т. д. Он представляет особу короля и во время другого обряда,

380

который справляется во втором месяце, то есть приходится на холодный сезон и длится три дня.

В сопровождении процессии его приводят на открытую площадку перед Храмом брахманов. На ней вбито несколько столбов, украшенных наподобие Майских деревьев. На этих столбах подвешиваются качели, на которых раскачиваются брахманы. Во время раскачивания и танца брахманов Хозяин Небесных Сил должен стоять на одной ноге на возвышении из оштукатуренных кирпичей, покрытом куском белой материи и ковром. Опирается король о деревянное сооружение, увенчанное позолоченным балдахином, а по обеим сторонам от него стоят два брахмана. Танцующие брахманы держат в руках рога буйвола, которыми они черпают воду из большого медного котла и окропляют ею присутствующих. Предполагается, что это приносит людям счастье, мир, покой, здоровье и благополучие. Хозяин Небесных Сил должен простоять на одной ноге около трех часов. Если его правая нога опустится на землю, «он рискует лишиться своей

собственности, а его семья — оказаться в рабстве у короля, потому что это считается дурным знаком, предвещающим непрочность трона и распад государства. Но если он выстаивает свои часы неподвижно, то, по общему убеждению, одерживает победу над злыми духами и в награду за это (по крайней мере номинально) получает право захватить любое судно, которое войдет в гавань в эти три дня, и овладеть его грузом; он также имеет право войти в любую открытую лавку в городе и вынести из нее все, что ему угодно.

Таковы права и обязанности сиамского Одноногого Короля, которые он сохранял за собой почти до середины XIX века (а может быть, и позднее). Во время правления последнего просвещенного монарха необычный персонаж до некоторой степени лишился былых почестей и вместе с тем освободился от связанных с этой должностью тягот. Как и в старину, он наблюдает за тем, как брахманы проносятся в воздухе на качелях, подвешенных на двух столбах высотой около тридцати метров, однако теперь ему разрешается сидеть, и, хотя присутствующие ожидают, что в продолжение всего ритуала Хозяин Небесных Сил будет стоять на одной ноге в привычной позе, по закону он не подвергнется никакой каре, если, к великому огорчению зрителей, поставит затекшую ногу на землю.

О влиянии идей западной цивилизации на Восток свидетельствуют и другие признаки. Подъезды к месту действия загро-

381

мождены множеством экипажей, над густой толпой возвышаются фонарные и телеграфные столбы, за которые с обезьяньей ловкостью цепляются нетерпеливые зрители. И пока группа оборванцев, одетых в пестрые лохмотья ярко-красного и желтого цвета, бьет в барабаны и дует в трубы старинного образца, по улице под звуки современного военного марша бодро марширует колонна босоногих солдат в блестящих мундирах.

В первый день шестого месяца — он совпадает с началом года — правитель Самарканда, а вместе с ним и все жители города имели обыкновение облачаться в новые одежды и стричь себе волосы и бороды. Затем они отправлялись в близлежащий лес, где в течение семи дней состязались в конной стрельбе из лука. Мишенью в последний день праздника служила золотая монета; поразивший ее всадник получал право на однодневное воцарение в Самарканде.

В Верхнем Египте 10 сентября, то есть в первый день солнечного года по коптскому календарю, когда уровень воды в Ниле достигал высшей точки, на три дня распускалось правительство, и каждый город выбирал собственного властелина. Этот временный повелитель носил высокий шутовской колпак, длинную льняную бороду и довольно смешную мантию. Со скипетром в руке, в сопровождении людей, переодетых писцами, палачами и т. д., он направлялся к дому правителя города. Законный правитель позволял претенденту низложить себя, и тот, воссев на трон, вершил суд, решениям которого должны подчиняться и сам правитель, и его чиновники. После трехдневного царствования его приговаривали к смертной казни. Сожжению, однако, подвергали деревянную клетку, в которую заключался коронованный феллах, а сам он выбирался из нее невредимым. Возможно, что здесь перед нами пережиток древнего неукоснительно выполнявшегося когда-то обычая сжигать настоящего правителя. В Уганде на костре кончали свою жизнь братья вождя, потому что проливать кровь самого вождя запрещалось законом.

Студенты-магометане в городе Фес (Марокко) сохраняют за собой право на несколько недель назначать собственного султана, известного под названием Султана Писарей. Это кратковременное правление продается с аукциона тому, кто предложит наивысшую цену. С должностью Султана Писарей связаны немаловажные преимущества: такой человек пожизненно освобождается от налогов и пользуется правом обращаться с

382

просьбой к настоящему султану. Обычно он просит освободить какого-нибудь заключенного и лишь в редких случаях получает отказ. Кроме того, доверенные лица Султана Писарей выдумывают против лавочников и домовладельцев разного рода смехотворные обвинения, на основании которых облагают их штрафами. Этот временный султан окружен прямо-таки придворной пышностью. Под восторженные крики и звуки музыки он торжественно шествует по улицам города, а над головой у него держат зонтик — знак высшей власти. На штрафы, добровольные подношения и щедрые пожертвования настоящего султана студенты устраивают пир горой, во время которого предаются всякого рода играм и развлечениям. Первые семь дней псевдосултан остается в медресе, а потом в сопровождении толпы студентов и горожан располагается лагерем на берегу реки, приблизительно в полутора километрах от города. На седьмой день пребывания за чертой города Султану Писарей наносит визит настоящий султан. Он

удовлетворяет просьбу Султана Писарей разрешить ему процарствовать еще неделю, так что всего правление последнего длится три недели. В ночь перед истечением срока его полномочий псевдосултан возвращается в город. Период его правления всегда приходится на весну (примерно на апрель).

Существует следующее предание о происхождении должности временного султана. В 1664-м или 1665 году во время борьбы султана Мулея-Рашида II за трон власть в городе Тазе захватил некий иудей. Восстание было вскоре подавлено благодаря верности и преданности студентов. Они прибегли к хитроумной уловке. В ящики, посланные как бы в подарок узурпатору, спрятались 40 студентов. Глубокой ночью, когда ни о чем не подозревавший иудей мирно спал, 40 отважных студентов бесшумно приподняли крышки, выбрались наружу, убили узурпатора и именем настоящего султана овладели городом. В знак благодарности за оказанную в трудное время поддержку султан Мулей-Рашид II даровал студентам право ежегодно назначать собственного султана. Предание это, несомненно, является позднейшей выдумкой, призванной объяснить древний обычай, подлинный смысл и происхождение которого уже забыты.

В городе Лоствитиле (графство Корнуэлл) обычай назначать псевдокороля на один день в году просуществовал до XVI столетия. В «малое» пасхальное воскресенье местные землевладельцы и помещики лично собирались на праздник или

383

высылали своих представителей. Один из землевладельцев — тот, чья очередь подошла быть королем, — являлся в пышном одеянии. С короной на голове, со скипетром в руке и с обнаженной саблей проезжал он в сопровождении других всадников по главной улице города к церкви. У входа в церковь его встречал священник, одетый в лучшую рясу. После богослужения временный король с той же пышностью направлялся в специально приготовленный для его приема дом. Там для него и свиты накрывали богатый стол, во главе которого он садился; прислуживали ему, как подобает особе королевской крови, на полусогнутых ногах. На этом обряд заканчивался, и все участники разъезжались по домам.

В некоторых случаях временный правитель вступает на трон не каждый год, а только однажды, в начале правления настоящего правителя. Например, в царстве Джамби на острове Суматра бытует обычай, согласно которому в начале нового правления человек из народа на один день занимает трон и пользуется прерогативами верховной власти. Вот как объясняет происхождение данного обычая предание. Четыре старших брата по причине различных телесных недостатков отказались от своего права на трон в пользу младшего. Однако старший брат все-таки процарствовал один день и оставил эту привилегию своим потомкам. Таким образом, должность временного владыки передается по наследству в семье родственников местного царька.

В Биласпуре существует обычай, по которому брахман ест рис из рук покойного раджи, после чего на год занимает его трон. По истечении этого срока брахман принимает подношения и изгоняется из данной местности без права возвращения. «Предполагается, видимо, что душа раджи входит в брахмана через *khir* («рис с молоком»), который он ест из рук мертвого. Поэтому на протяжении всего года за брахманом внимательно следят и не разрешают ему покидать страну». Обычай изгнания брахмана (представителя раджи), вероятно, пришел на смену обряду его умерщвления.

Аналогичный обычай существует, видимо, в горных княжествах в районе Кангры. В день вступления на престол каринтийского князя крестьянин, в чьей семье должность временного князя передавалась по наследству, взбирался на мраморную глыбу, возвышающуюся на обширной равнине среди зеленых лугов. По правую руку от него ставили дойную корову, а по 384

левую — тощую, неказистую кобылу. Вокруг него собиралась толпа поселян. Затем в сопровождении придворных и чиновников появлялся будущий князь с пастушеским посохом в руке, одетый в крестьянскую одежду. При виде его крестьянин восклицал: «Кто это так гордо шествует в нашу сторону?» На это ему отвечали: «Наш князь». Затем крестьянина уговаривали уступить князю мраморный трон за 60 пенсов деньгами, за корову, кобылу и освобождение от уплаты налогов. Прежде чем уступить просьбам, крестьянин слегка ударял князя по щеке. Особого упоминания заслуживают некоторые специфические черты временных правителей. Во-первых, на материале камбоджийских и сиамских обычаев мы убедились, что к временному правителю в первую очередь переходят жреческие и магические функции его прототипа. Согласно поверью, временный царь Сиама, удерживая на весу правую ногу, одерживал победу над злыми духами, в противном случае возникала угроза для существования царства. Камбоджийская церемония растаптывания «рисовой горы» и сиамская церемония первой пахоты и сева также являются не чем иным, как магическими средствами получить обильный урожай. Более того, когда временный

царь Сиама вспахивал поле плугом, присутствующие пристально следили не за тем, прямо ли он ведет борозду, а за тем, какого места на ноге достигает подол его шелкового платья, пребывая в уверенности, что от этого зависит погода и урожай будущего года. Если платье Хозяина Небесных Сил задерется выше колена, будет стоять сырая погода и урожай пострадает от сильных дождей. Если же подол платья, напротив, опустится ниже лодыжек, то не замедлит последовать засуха. Хорошей погода будет единственно в том случае, если подол удержится точно на середине голени. Вот в какой тесной связи находятся природные явления, с одной стороны, и малейшее действие или телодвижение временного правителя — с другой. Иначе говоря, к временному правителю переходит одна из основных колдовских функций вождя в первобытном обществе — содействие росту посевов. Вероятно, первоначально временный правитель должен был стоять на одной ноге на возвышении посреди рисовых полей, чтобы рис поднялся как можно выше. Во всяком случае, на такую мысль наводит нас обычай жителей древней Пруссии. У них на трон ставили самую высокую девушку на одной ноге, с пирогами в подоле, с чашей водки в правой руке и куском вязовой или липовой коры — в левой. Она возносила молитву

385

богу Вайзгантосу о том, чтобы лен поднялся до ее высоты. Одну чашу девушка осушала сама, а другую выливала на землю в дар Вайзгантосу. Пироги она приносила в жертву его служебным духам. Если все это время девушка крепко держалась на одной ноге, можно было рассчитывать на хороший урожай льна, В противном случае виды на урожай были куда более слабыми. Скорее всего, тот же смысл имело и раскачивание брахманов, во время которого Хозяин Небесных Сил должен был стоять на одной ноге. Согласно принципам гомеопатической, или подражательной, магии, чем выше взлетят на качелях жрецы-брахманы, тем выше вырастет рис. С явным намерением повлиять на рост посевов раскачиваются на качелях литовцы. Весной и в начале лета (где-то между Пасхой и Ивановым днем) литовские крестьяне неизменно посвящают этому занятию все свободное время. Это и понятно: чем выше взлетит в воздух крестьянин, тем выше поднимется лен.

В приведенных выше примерах временных правителей назначают каждый год. В других же случаях это назначение продиктовано особыми обстоятельствами, например необходимостью предохранить настоящего правителя от действительной или возможной опасности. Примерами такого рода эпизодических замещений шаха изобилует история Персии. В 1591 году астрологи предупредили шаха Аббаса Великого о нависшей над ним серьезной опасности. Для того чтобы избежать опасности, шах отрекся от престола в пользу некоего неверного (вероятно, христианина), по имени Юсофей. Если верить персидским историкам, этот заместитель в течение трех дней не только титуловался шахом, но пользовался неограниченной властью. По прошествии этого срока его предали казни, а шах Аббас вернулся на трон, и ему было предсказано долгое и славное правление.

Глава XXVI. ПРИНЕСЕНИЕ В ЖЕРТВУ СЫНА ПРАВИТЕЛЯ

Отметим еще одну особенность временных правителей. В двух из приведенных примеров (камбоджийском и джамбийском) они являются родственниками настоящего правителя. Если мы правильно представляем себе происхождение института временных правителей, то нетрудно догадаться, почему в

386

некоторых случаях заместитель принадлежит к тому же роду. Ведь когда настоящему правителю впервые удалось вместо собственной жизни принести в жертву жизнь другого человека, ему нужно было доказать полноценность замены. В качестве бога или полубога должен был умереть сам правитель. Поэтому приносимая взамен жертва также должна была обладать свойством святости. В этом мы имели возможность убедиться на примере временных королей Сиама и Камбоджи, наделенных сверхъестественными способностями, которые на более раннем этапе развития общества считались присущими исключительно особе короля. Но ни в ком божественность правителя не находит лучшего воплощения, чем в его сыне, унаследовавшем от отца его священное наитие. Следовательно, нет более полноценной жертвы, приносимой взамен правителя на благо всего народа.

Для спасения собственной жизни шведский король Аун, или Он, принес в городе Упсале в жертву богу Одину девять своих сыновей. После принесения в жертву второго сына король получил от бога ответ, что жизнь его продлится до тех пор, пока раз в девять лет он будет жертвовать одного сына. Ко времени жертвоприношения седьмого сына Он был еще жив, но ослаб до такой степени, что на прогулку его выносили прямо на троне. Девять лет после принесения в жертву восьмого сына король пролежал в постели. После смерти девятого сына его, как годовалого младенца, девять лет кормили из рога. Желанию же принести в жертву Одину последнего сына не суждено было сбыться: этому воспрепятствовали подданные Она. Итак, Он умер и был захоронен в королевском кургане в Упсале.

Обычай приносить в жертву вместо отцов старших сыновей существовал, по крайней мере, в одном из старинных царских родов Древней Греции. Когда во главе могучего войска Ксеркс[1] проходил по Фессалии, чтобы напасть на спартанцев у Фермопил, он приблизился к городу Алосу. Местные жители показали царю святилище Зевса Лафистия[2] и рассказали о нем странное предание. Когда-то страной правил царь Ата-

[1] Ксеркс I (? — 465 до н. э.) - царь государства Ахеменидов (с 486 г.).

[2] То есть Зевса Пожирателя, так как в храме Зевса, к западу от Конандского озера, в Беотии, в древности приносили человеческие жертвы.

387

мант. Он был женат на Нефеле и имел от нее сына Фрикса и дочь Геллу. Позднее царь сочетался вторым браком с женщиной по имени Ино, которая родила ему сыновей Леарха и Меликерта. Мачеха хитростью старалась погубить детей царя от первого брака. За исполнение своего нечестивого замысла Ино взялась весьма искусно. Перед посевом она уговорила местных женщин втайне от мужа поджарить семена, что вызвало неурожай и голодный мор. Царь послал к дельфийскому оракулу гонцов, чтобы узнать о причине голода. Гонцы, подкупленные зловредной мачехой, принесли такой ответ: голод не прекратится до тех пор, пока Атамант не принесет в жертву Зевсу своих детей от первого брака. Узнав ответ, Атамант послал за детьми, которые в это время пасли овец. Но тут отверзлись уста золоторунного барана, и он человеческим голосом предупредил Фрикса и Геллу об опасности. Они сели на спину барана и понеслись через моря и страны. Во время плавания по морю Гелла соскользнула со спины животного и утонула. Брат же ее, Фрикс, целым и невредимым достиг Колхиды, царства детей Солнца. Там он женился на дочери царя и имел от нее сына Китисора. В Колхиде он принес золоторунного барана в жертву Зевсу, покровителю беглецов (по другому сообщению, он пожертвовал барана Зевсу Лафистию). Само золотое руно Фрикс подарил отцу жены, который прибил его к дубу, растущему в священной роще Ареса под неусыпной охраной дракона. В это время до Фессалии дошло изречение дельфийского оракула, согласно которому искупительной жертвой должен был стать сам царь Атамант. Когда жертву, убранную гирляндами цветов, подвели к алтарю и готовились умертвить, на помощь царю пришел его внук Китисор, вовремя подоспевший из Колхиды, или Геракл, принесший царю известие о том, что Фрикс жив. Вскоре, однако, спасенный Атамант обезумел и насмерть поразил своего сына Леярха, приняв его за дикого зверя. Затем он предпринял покушение на жизнь Меликерта. Ино спасла его и вместе с сыном бросилась в море с

высокой скалы. Мать с сыном превратились в морские божества. Особым уважением Меликерт пользовался на острове Тенедос, где в жертву ему приносили младенцев. Осиротевший и безутешный Атамант покинул страну и по совету оракула отправился искать такое место для поселения, где его приняли бы дикие звери. По дороге ему случайно попалась стая волков, пожиравших овцу. Увидев

388

царя, волки разбежались, оставив окровавленные остатки добычи. Так сбылось предсказание оракула. Но так как Атамант не стал искупительной жертвой за всю страну, бог завещал его потомкам в каждом поколении жертвовать старшего отпрыска мужского пола, если последний хоть раз зайдет на территорию пританея, где представители дома Атаманта совершали жертвоприношение Зевсу Лафистию. Ксерксу сообщили, что из-за этого многие члены семьи Атаманта бежали за пределы страны. Некоторые из потомков Атаманта по прошествии долгого времени возвращались, и, если стражам удавалось схватить их на пороге пританея, их ждала скорая смерть. Случаи такого рода были редки, но широко известны в древности. Так, автор диалога, приписываемого Платону[1], рассказывает о принесении человеческих жертв в Карфагене и добавляет, что подобные обычаи не были чужды грекам. Он с ужасом ссылается на человеческие жертвоприношения на горе Ликей и на обычай принесения в жертву потомков Атаманта. В пользу того, что и позднее этот варварский обычай отнюдь не вышел из употребления, свидетельствует факт принесения человеческих жертв в старинном беотийском городе Орхомене во времена Плутарха (знаменитый историк родился в нескольких километрах от Орхомена). В городе жила семья, в которой все члены мужского пола именовались *Psoloeis,* то есть «вымазанные сажей», а женского пола — *Oleae,* то есть «разрушительницы». На ежегодном празднике Агрионий, жрец Диониса, преследовал этих женщин с обнаженным мечом. Он имел право убить женщину, которую ему удавалось догнать. При жизни Плутарха этим правом воспользовался жрец по имени Зоил. Упомянутая семья, на которую ежегодно приходилась, как минимум, одна человеческая жертва, была царского происхождения и вела свою родословную от легендарного Миния, сказочно богатого царя Орхомен (его великолепная сокровищница, видимо, погребена под развалинами в том месте, где длинная Орхоменская гряда граничит с обширной Копаидской равниной). Согласно преданию, три дочери Миния долгое время презирали своих соотечественниц за то, что те предавались вакхическому беснованию. Они демонстративно проводили время за прялкой, когда другие женщины, украшенные цветами, с развевающимися на ветру распущенными

[1] Платон (427 — ок. 347 до и. э.) — древнегреческий философ.

389

волосами, в неистовстве носились по безлесным горам в окрестностях Орхомена, оглашая пустынные холмы звуками кимвалов и бубнов. Но пришло время, когда боговдохновенное неистовство овладело и царскими дочерьми. У них возникло неотразимое желание вкусить человеческого мяса. Кому из трех царевен предстояло отдать на съедение своего ребенка, решал жребий: он выпал Левкиппе, и та отдала на растерзание своего сына Гиппазия. От трех сестер-грешниц и ведут свой род «вымазанные сажей» и «разрушительницы» (первые называются так потому, что в знак глубокой скорби носят платье траурного цвета).

Обычай приносить человеческие жертвы в орхоменском царском доме тем более знаменателен, что, согласно преданию, до Миния в Орхомене правил Атамант. Кроме того, перед Орхоменом высится Лафистийская гора, на которой, как и в городе Алосе в Фессалии, располагалось святилище Зевса Лафистия. На основании сравнения предания об Атаманте с обычаем, господствовавшим среди его потомков в исторические времена, можно сделать вывод, что в Фессалии, а возможно, и в Беотии в древности правила династия, главу которой первоначально регулярно приносили в жертву Зевсу Лафистию. Затем эта роковая обязанность перешла к его старшему сыну. С течением времени жестокий обычай смягчился, и вместо царского отпрыска — при условии, что он ни разу не ступит на территорию пританея, где его родственники приносили жертвы Зевсу Лафистию, — стали жертвовать барана. Если же у сына царя достанет безрассудства ступить на это роковое место, бог перестанет благодушно взирать на подмену, и вновь обретет силу древний обычай, согласно которому умереть должен старший сын царя. Предание связывает принесение в жертву царя или его детей с сильным голодом. Согласно верованиям первобытных народов, ответственность за рост посевов и за погодные условия несет царь, который по справедливости платит жизнью за плохую погоду и неурожай. Короче говоря, в роду Атаманта магические функции объединялись со жреческими. Сильным аргументом в пользу этого взгляда

является притязание Салмонея, брата Атаманта, на божественное достоинство. Мы уже упоминали о том, что этот самонадеянный царь провозгласил себя не более и не менее как самим Зевсом, владыкой грома и молнии, которым он подражал громыханьем котлов и факельным светом. Судя
390
по аналогии, эта пародия на гром и молнию не была простой театральной постановкой, направленной на то, чтобы поразить воображение зрителей. Нет, царь пустил в ход колдовские чары для того, чтобы с помощью бессильного подражания небесным явлениям вызвать с неба настоящие гром и молнию. Когда над семитическими народами Западной Азии нависала смертельная опасность, правитель часто приносил в жертву народным интересам собственного сына. Так, Филон из Библоса в своем труде о евреях сообщает: «Согласно древнему обычаю, в случае великой опасности правитель города или народа во имя благополучия общины должен был послать на смерть в качестве выкупа мстительным демонам возлюбленного сына своего. Жертва сопровождалась совершением сакраментальных таинств. Так, Кронос, прозванный финикянами Израилем, правил страной и имел единородного сына Иуду (что на финикийском наречии обозначает «единородный»). Облачив сына в царские одежды, он принес его в жертву на алтаре во время войны, когда над страной нависла смертельная угроза». Когда израильтяне подвергли осаде царя Моаба и были близки к победе, царь сжег на городской стене своего старшего сына.

Глава XXVII. НАСЛЕДОВАНИЕ ДУШИ

Могут возразить, что древний варварский обычай приносить правителей в жертву за короткое время привел бы к вымиранию правящей династии. На это возражение можно ответить, что, во-первых, нередко верховная власть не сосредоточивается в руках какой-нибудь одной семьи, а переходит от одной семьи к другой по очереди. Во-вторых, верховная власть часто не передается по наследству, а достается тем, кто выполнил необходимые условия, например женился на дочери властителя или победил его в единоборстве. В-третьих, даже если этот обычай действительно ведет к угасанию династии, это не мешает соблюдать его народам, которые мало заботятся о будущем и не придают большой ценности человеческой жизни.

Существовали многие народы и люди, которые упорно придерживались привычек, оказавшихся в итоге для них гу-

391

бительными. Полинезийцы из года в год убивали две трети своих детей. Таково же, как говорят, число новорожденных, умерщвляемых в Восточной Африке. В живых оставляли только детей, рожденных в определенных положениях. Сообщают, что воинственное ангольское племя йагов умерщвляло всех своих детей без исключения, чтобы не обременять женщин в походных условиях. Свои ряды племя пополняло путем усыновления мальчиков и девочек тринадцати-четырнадцати лет из других племен, родителей которых убивали и съедали. Женщины южноамериканского племени мбайа убивали всех детей, кроме последнего или того, которого считали последним. Если после этого женщина беременела еще раз, новорожденный был обречен. Едва ли стоит удивляться тому, что обычай этот привел к гибели народ мбайа, многие годы являвшийся самым страшным врагом испанцев. У индейцев племени ленгуа (Гран-Чако) миссионеры обнаружили «тщательно разработанную систему самоубийства народа путем инфантицида, абортов и других мер».

Умерщвление младенцев не являлось для диких племен единственным способом самоубийства. Не менее эффективное средство — ордалии через отравление. Некоторое время тому назад маленькое племя уветов (Западная Африка) спустилось с гор и поселилось на левом притоке реки Калабар. Во время своего первого посещения миссионеры видели в трех селениях племени значительное число туземцев. Но с тех пор практика испытания ядом привела к почти полному исчезновению уветов. Однажды в доказательство своей невиновности яд приняли все члены племени. В результате этого около половины его состава умерло, а туземцы, оставшиеся в живых, находятся на грани исчезновения из-за продолжающегося злоупотребления ядом.

Имея перед глазами подобные примеры, можно без колебания предположить, что многие племена без зазрения совести могли соблюдать обычай, имеющий своим последствием вымирание одной-единственной семьи. Приписывать дикарям угрызения совести — значит совершать банальную, старую как мир ошибку: применять к ним мерку цивилизованных европейцев. Если кто-нибудь из моих читателей, приступая к чтению этой работы, полагал, что люди всех рас рассуждают и действуют так же, как образованные англичане, приведенных нами данных достаточно, чтобы рассеять это ложное предубеждение.

392

Наше объяснение обычая предавать смерти лиц божественного достоинства основывается на представлении о том, что душа убитого переходит к его преемнику. Прямое доказательство этого тезиса мы находим только у шиллуков. Умерщвление вождя совершается у шиллуков в идеально правильной форме, так как фундаментальным догматом их веры является признание того, что душа основателя династии имманентно пребывает в каждом из его преемников. Но хотя я могу привести только один пример верования такого рода, все же по аналогии можно предположить, что представление о наследовании души убитого бога имело место и в других случаях. Как мы нередко видели, бытовало убеждение, что душа воплощенного божества часто после смерти меняет телесную оболочку. Если же это так в случае естественной смерти, то нет оснований полагать, что в случае смерти насильственной дело обстоит иначе. Для первобытных людей нет ничего более привычного, чем представление о том, что душа умирающего переходит к его преемнику.

На острове Ниас звание вождя обычно наследует старший сын. Если этому препятствует какой-нибудь его телесный или умственный недостаток, вождь при жизни выбирает себе наследника среди своих сыновей. Но для того чтобы подтвердить свое право на титул вождя, сыну, на которого пал выбор, необходимо ртом или мешком поймать последнее дыхание, а вместе с ним и

душу умирающего вождя. Если это удается сделать кому-нибудь другому, тот становится вождем на равных правах с законным наследником. В силу этого у ложа умирающего вождя толпятся и другие братья, а иногда даже посторонние люди. Дома на Ниасе строятся на сваях, и случалось так, что, когда умирающий вождь лежал на полу лицом книзу, один из претендентов проделывал в полу дыру и всасывал снизу последнее дыхание вождя через бамбуковую трубку. Если вождь умирает бездетным, его душу ловят в мешок, который привязывают к изображению покойного. Считается, что душа переходит в чучело.

В некоторых случаях духовная связь между правителем и душами его предшественников зиждется на обладании какими-нибудь частями их тел. На юге острова Целебес символами верховной власти часто являются останки покойных раджей, которые дают право на трон и хранятся как священные реликвии. Сакалавы (южная часть острова Мадагаскар)

393

вкладывают в зуб крокодила шейный позвонок, ноготь и прядь волос усопшего вождя. Вместе с другими реликвиями, унаследованными от умерших предков, их хранят в специально построенном доме. Обладание подобными реликвиями дает право на трон. Без них законный наследник потерял бы право править народом, и, напротив, узурпатор, овладевший останками вождя, был бы, бесспорно, признан вождем. Когда умирает вождь племени абеокутов, или алаке, приближенные отрубают ему голову и в большом глиняном сосуде отправляют ее новому суверену. Голова становится фетишем, которому новый вождь обязан воздавать почести. В некоторых случаях, для того чтобы новый вождь лучше унаследовал магические и другие способности предков, требуется, чтобы он съел часть тела своего покойного предшественника. Поэтому у абеокутов наследнику престола посылали не только голову умершего вождя, у него вырезали язык и отдавали на съедение преемнику. Когда туземец хочет сказать, что вождь правит, он говорит: «Он съел вождя». Такой же обычай продолжает практиковаться в Ибадане, большом городе во внутренней части Лагоса (Западная Африка). Отсеченную голову умершего вождя посылают его номинальному сюзерену, верховному правителю всех йорубов, Алафину из Ойо, а сердце умершего съедает наследник. Не так давно этот обряд совершили при вступлении на трон нового правителя Ибадана.

Рассмотренные примеры дают нам основание предположить, что душа священного правителя или жреца, согласно существующему поверью, переходит к его преемнику. Племя шиллуков с берегов Белого Нила прибегает к систематическому умерщвлению своих правителей, новый же властелин при восшествии на трон обязан совершить обряд, направленный на то, чтобы овладеть священным и почитаемым духом его предшественников.

Глава XXVIII. УМЕРЩВЛЕНИЕ ДУХА ДЕРЕВА

Маски Троицы.

Остается выяснить, какое отношение убийство священного царя или жреца имеет к предмету нашего исследования. Ниже мы выдвинули предположение, что Царь

394

Леса в Неми рассматривался как воплощение духа дерева или духа растительности и что в этом качестве он, по мнению верующих, мог заставлять деревья плодоносить, хлеба колоситься и т. д. Верующие поэтому считали его жизнь чрезвычайно ценной: она, вероятно, была опутана системой тщательно разработанных предосторожностей или табу, подобных тем, с помощью которых жизнь богочеловека предохранялась от вредного воздействия демонов и колдунов у многих народов. Мы убедились, однако, что как раз необычайная ценность, приписываемая жизни такого человека, и приводит к его насильственной смерти — единственному средству избежать неминуемого одряхления под бременем прожитых лет. Все это имеет прямое отношение к Царю Леса в Неми, которого предавали смерти, чтобы заключенный в нем божественный дух мог во всей полноте перейти к его преемнику. Закон диктовал Царю Леса сохранение этого звания до тех пор, пока не появлялся более сильный соперник. Но как только сила его священной жизни начинала идти на убыль, тот же закон обеспечивал передачу ее более подходящему преемнику. До тех пор, пока Царь Леса был способен себя защитить, считалось, что он еще достаточно крепок, а его поражение и смерть от руки противника доказывали, что он начинал слабеть и что пришло время его священной жизни переселиться в оболочку менее ветхую. В этом свете становится понятным обычай убийства Царя Леса его преемником. В пользу такого толкования говорит также теория и практика шиллуков, которые предают смерти своего царя при первых признаках ухудшения его здоровья, так как пребывают в уверенности, что в противном случае его дряхлость повлечет за собой упадок жизненных сил у скота, людей и посевов. Аналогично поступали с Читоме, который, как считали, оказывал влияние на весь окружающий мир и которого его преемник убивал при первых признаках одряхления. В более позднюю эпоху правитель Каликута получал свою власть на условиях, аналогичных тем, которыми пользовался Царь Леса, с тем, впрочем, существенным отличием, что на него претендент имел право напасть только один раз в 12 лет. Подобно тому как право каликутского правителя на престол, поставленное в зависимость от его способности защититься от врагов, было смягчением древнего обычая, предписывавшего просто убивать его через определенный промежуток времени, так и обычай предания смерти Царя Леса был

395

смягчен данным ему правом отстаивать свою жизнь с оружием в руках. В обоих случаях измененное правило давало богочеловеку шанс на выживание, которого он был лишен ранее. Люди, вероятно, смирились с этим нововведением, рассудив, что нечего опасаться одряхления богочеловека до тех пор, пока он способен с помощью меча отразить нападение своих врагов.

Предположение о том, что когда-то Царя Леса предавали смерти по истечении определенного периода, не оставляя ему никакой надежды на жизнь, найдет подтверждение в свете данных о периодическом умерщвлении его двойников — человеческих представителей духа дерева в Северной Европе. И действительно, этот обычай оставил неизгладимый след в сельских праздниках европейского крестьянства. Приведем некоторые примеры.

В Нидерпёринге, в Нижней Баварии, украшали листьями и цветами так называемого Пфингстля, олицетворяющего дух троицыного дерева. На голову ему надевали высокий остроконечный колпак с двумя отверстиями для глаз. Этот колпак украшали цветами водяных растений, а сверху водружали букет пионов. Его заворачивали в листья ольхи и орешника, а рукава сплетали из водяных растений. По обе стороны от Пфингстля, поддерживая его за руки, шествовали два мальчика. Они, подобно другим участникам процессии, несли обнаженные мечи. У каждого дома они делали остановку, чтобы получить подарки, а поселяне из укрытия неожиданно окатывали наряженного в листья парня водой. Когда его удавалось вымочить до нитки, наступало всеобщее веселье. Наконец Пфингстль по пояс входил в ручей, а кто-нибудь из мальчиков, стоя на мосту, делал вид, что отрубает ему голову. В селении Вурмлинген, в Швабии, в понедельник на Троицу двадцать парней надевают на себя белые рубахи и белые штаны, а сбоку на красных кушаках подвешивают мечи. Они верхом на лошадях отправляются в лес, а впереди скачут два трубача и трубят. В лесу они срубают зеленые дубовые ветви и с головы до ног закутывают в них того, кто последним выехал из селения. Впрочем, ноги его не связывают, чтобы дать ему возможность

вскочить в седло. Парню приделывают длинную шею с головой, закрытой маской. Затем срубают Майское дерево, обычно осину или бук, высотой около трех метров и, украсив его разноцветными плат-

396

ками и лентами, вверяют его заботам особого «носителя Майского дерева». Наконец с музыкой и песнями кавалькада всадников возвращается в селение. Видную роль среди участников процессии играют некий Мавританский Король с короной на голове и лицом, вымазанным сажей, доктор Железная Борода; капрал и палач. Процессия делает привал на сельской лужайке, и каждый из ряженых произносит речь в стихах. Палач зачитывает смертный приговор человеку, закутанному дубовыми листьями, и отрубает ему приставную голову. Потом всадники наперегонки устремляются к Майскому дереву, установленному на некотором расстоянии. Тот, кому удается первым вырвать деревце на полном скаку, хранит его у себя со всеми украшениями. Обряд этот совершается раз в два или три года.

Жители Саксонии и Тюрингии на Троицу справляют обряд под названием изгнание дикаря из леса или выманивание дикаря из леса. Молодого парня закутывают мхом или листьями и называют дикарем. Он прячется в лесу, а остальные его ищут. Поймав, его ведут на опушку леса и расстреливают из незаряженных мушкетов. Притворившись мертвым, дикарь падает на землю, а другой парень, переодетый доктором, пускает ему кровь, так что мнимый покойник возвращается к жизни. При всеобщем веселье его крепко-накрепко привязывают к телеге и привозят в деревню, где всем рассказывают о том, как поймали дикаря. В каждом доме участники представления получают какой-нибудь подарок. В начале XVII века в Рудных горах соблюдался следующий обычай: двух людей, переодетых дикарями, — один из них был обернут хворостом и мхом, а другой — соломой — приводили на рыночную площадь, где их якобы убивали. Перед тем как упасть, каждый из них ходил спотыкаясь и пошатываясь, совершая странные телодвижения, и обрызгивал зрителей кровью из пузыря, который он имел при себе. Когда же лесные люди падали, охотники, стрелявшие в них, укладывали их на доски и несли в харчевню в сопровождении рудокопов, которые громыхали своими орудиями так, как будто поймали невесть какую ценную добычу. Сходный пасхальный обычай еще в начале XX века соблюдался неподалеку от Шлукенау, в Богемии. На улицах охотились за лесным человеком до тех пор, пока не загоняли его на узкую тропинку, через которую протянута веревка. Споткнувшись

397

об нее, он попадал в руки преследователей. К нему приближался палач и мечом пронзал наполненный кровью пузырь, привязанный к телу лесовика. Землю обагряет поток крови, а он испускает дух. На следующий день на носилках к пруду в сопровождении большой толпы несут чучело лесного человека, и палач бросает его в воду. Эта церемония носит название погребения Масленицы.

В Семике, в Богемии, существует обычай обезглавливания Короля в понедельник на Троицу. Молодые люди перепоясываются кушаками из коры, в руках они несут деревянные мечи и рулоны ивовой коры. Сам Король одет в мантию из коры, украшенную цветами, на голове у него корона из коры, также увитая цветами и ветками, ноги его перевиты папоротником, лицо его скрыто под маской, а в руке на манер скипетра он держит ветку боярышника. Один из парней, привязав к его ноге веревку, водит Короля по деревне, в то время как остальные танцуют, дуют в свои трубы и свистят. В каждом доме Короля гоняют по комнате, и кто-нибудь среди всеобщего шума наносит мечом удары по королевской мантии. Вслед за этим у хозяев требуют подарка. В других частях Богемии церемония обезглавливания, которая здесь несколько искажена, выглядит более правдоподобно. Так, в некоторых деревнях Кениггрэтского района в понедельник на Троицу девушки собираются под одной липой, а молодые люди — под другой; все они одеты в свои лучшие одежды и украшены лентами. Парни плетут венок для Королевы, а девушки — для Короля. Выбрав Короля и Королеву, они парами направляются в пивную, с балкона которой глашатай объявляет имена Короля и Королевы. На них надевают знаки королевского достоинства, коронуют их венками. Эта церемония проходит под звуки музыки. Затем кто-нибудь взбирается на скамью и начинает обвинять Короля в различных преступлениях, например в дурном обращении со скотом. Король призывает свидетелей, и начинается суд. По его окончании судья, который держит в руках в знак своего судейского отличия трость, объявляет приговор словами «виновен» или «не виновен». Если вердикт гласит «виновен», судья переламывает свою трость, Король преклоняет колени на белом полотне, все присутствующие обнажают головы, а солдат кладет на голову его величества одну на другую три или четыре шапки. Затем судья трижды громким

голосом произносит слово «ви-
398
новен» и приказывает глашатаю обезглавить Короля. Глашатай исполняет это приказание, сбивая своим деревянным мечом шапки с головы Короля.

Самой наглядной из всех этих инсценированных казней является, однако, казнь, имеющая место в некоторых районах Пильзенского округа Богемии. Короля в понедельник на Троицу одевают в накидку из коры, усыпанную цветами и увитую лентами, и в короне из золотой бумаги он едет верхом на лошади, которая также украшена цветами. В сопровождении судьи, палача и других ряженых с целой свитой солдат Король выезжает на сельскую площадь, где под Майскими деревьями — обычно это свежесрубленные ели с ободранной корой, украшенные цветами и лентами, — сооружена из зеленых веток хижина и беседка. Покритиковав местных дам и девиц и обезглавив лягушку, кавалькада всадников скачет на заранее намеченное место на прямой и широкой улице. Здесь конные выстраиваются в два ряда, и король пускается в бегство. Ему дают возможность на полной скорости отъехать от группы, которая некоторое время спустя начинает преследование. Если Короля настичь не удается, он сохраняет за собой этот титул на следующий год, и вечером неудачливые преследователи должны оплатить его счет в пивной. Если же его настигали, то наказывали прутьями из орешника или били деревянными мечами и принуждали спешиться. После этого палач задавал вопрос: «Нужно ли мне обезглавить этого Короля?» На это ему отвечали: «Обезглавь его». Палач взмахивал своей секирой и со словами: «Раз, два, три — и Король без головы!» — сбивал с его головы корону. Под громкие возгласы присутствующих Король падал на землю, его клали на носилки и несли в ближайший дом.

В большинстве из тех ряженых, казнь которых инсценируется в приведенных примерах, нельзя не узнать дух дерева или дух растительности в том виде, в каком он дает о себе знать весной. Кора, листья и цветы, в которые наряжаются эти актеры, и само время года, в которое справляются эти обряды, доказывают, что принадлежат они к той же категории, что и Травяной Царь, Майский Король, Зеленый Джек и другие представители весеннего духа растительности, о которых мы писали выше. Последние сомнения по этому вопросу исчезают, когда оказывается, что в двух из описанных случа-
399
ев убиваемые люди находятся в прямой связи с Майскими деревьями, представляющими собой неодушевленные предметы, в то время как Майский Король, Травяной Царь и др. являются живыми воплощениями духа дерева. Что касается окатывания Пфингстля водой и его погружения по пояс в ручей, то здесь перед нами магические средства вызова дождя, похожие на те, которые мы описали выше.

Но если эти ряженые действительно являются олицетворениями духа весенней растительности, то, спрашивается, зачем их убивать? С какой целью духа растительности лишают жизни во все времена года, и прежде всего весной, когда его услуги особенно необходимы? Единственно возможный ответ на этот вопрос можно найти в выдвинутой нами гипотезе, объясняющей причины предания смерти священного царя и жреца. Дело в том, что божественной жизни, заключенной в материальном и смертном теле, одряхление этой хрупкой оболочки может принести большой вред. Для того чтобы спасти эту оболочку от дряхлости, которая с годами неизбежно ожидает каждого человека, божественная жизнь должна быть заблаговременно отделена от стареющего тела и перенесена в молодое, сильное тело преемника. Достигается это путем умерщвления богочеловека и нового воплощения его духа. Умерщвление бога, точнее, его человеческого воплощения, является поэтому необходимой ступенью к его возрождению для новой, лучшей жизни. Перед нами, таким образом, не уничтожение божественного духа, а как раз начало его новой жизни. Если наше объяснение сохраняет силу для священных царей и жрецов вообще, то в случае ежегодного умерщвления весеннего духа дерева или растительности оно, очевидно, еще более применимо. Первобытный человек, естественно, усматривает в увядании растительности зимой признак ослабления духа растительности: дух этот, полагает он, стареет, дряхлеет и нуждается в обновлении путем перенесения его в более молодое и крепкое тело. Умерщвление воплощения весеннего духа дерева рассматривается, таким образом, как средство поддержания и ускорения роста растений; оно всегда ассоциируется с возрождением этого духа в обновленной форме. Так, в саксонском и тюрингском обычае убитого «лесного человека» возвращает к жизни доктор, который фигурирует также в вурмлингенской церемонии под кличкой доктор Железная Борода.
400

Сходство этих североевропейских ряженых с немийским Царем Леса, составляющим объект нашего интереса, довольно явное. В этих участниках северных карнавалов, чьей одеждой служат кора и листья и которые обитают в хижинах из веток лиственных деревьев и хвои, а не в дворцах, мы без труда узнаем их италийских двойников — Царей Леса. Как и эти последние, они умирают насильственной смертью, но могут некоторое время оставаться в живых, поддерживая силу и ловкость в своем теле. Важной составной частью этих северных обычаев является бегство и преследование царя; по меньшей мере в одном случае сохраняется за Королем его титул до следующего года: если он сумеет уйти от преследования. В данном случае для сохранения титула Королю достаточно спастись бегством один раз в год, тогда как в более поздние времена правитель Каликуты удерживал за собой власть, защищая свою жизнь от нападения врагов уже раз в 12 лет. Что касается немийского жреца, то он сохранял свой титул при условии, если отражал нападение любого врага в любое время. Во всех этих обрядах богочеловек сохранял жизнь только в том случае, если он в суров. ом физическом единоборстве — в битве или в беге — доказывал свое превосходство, и это было отсрочкой насильственной смерти, которая рано или поздно ожидала его. Что касается бегства, то следует отметить, что этот обычай занимал видное место в немийском предании и в практике Царей Леса. В память о бегстве Ореста, по традиции считавшегося основателем этого культа, Царь Леса должен был быть беглым рабом. Поэтому один из древних авторов характеризует этого персонажа как человека с «сильными руками и быстрыми ногами». Будь арицийский ритуал лучше нам известен, мы, возможно, нашли бы, что, подобно своему богемскому собрату, тамошний царь также имел возможность спастись от смерти бегством. Мы уже высказали предположение, что именно к этому ритуалу относилось ежегодное бегство священного царя в Риме; другими словами, по своему происхождению царская власть была близка власти тех священных царей, которые по истечении определенного срока либо предавались смерти, либо мощью длани или быстротой ног доказывали свою непобедимость. Стоит отметить еще одну черту сходства между италийским Царем Леса и его северными двойниками: в Саксонии и Тюрингии представитель духа дерева после смерти воз-

401

рождается к жизни с помощью врача. Однако то же самое, если судить по преданию, произошло с первым Царем Леса в Неми, Ипполитом, или Вирбием, который нашел смерть под копытами своих лошадей, после чего был возвращен к жизни врачом Эскулапом. Итак, предание говорит в пользу теории, согласно которой умерщвление Царя Леса было лишь ступенькой на пути к его возрождению или воскресению в его преемнике.

Погребение Масленицы.

Я попытался дать объяснение обычаю, требовавшему, чтобы жрец в Неми погибал от руки своего преемника. Однако это не более как гипотеза, и наши скудные сведения об этом обычае и о его истории не позволяют претендовать на большее. Правдоподобие этого объяснения зависит от доказательства того, в какой мере указанные нами мотивы и идеи имели силу в примитивном обществе. До сих пор бог, чья смерть и воскресение занимали нас в первую очередь, был богом дерева. Но если нам удастся доказать, что обычай умерщвления бога и вера в его воскресение возникли или уже существовали в обществах охотников и скотоводов, когда убиваемый бог был животным, и что этот бог возродился в земледельческих обществах в виде хлеба или его человеческого олицетворения, то это объяснение выглядело бы более правдоподобно. Это я и попытаюсь сделать впоследствии. В ходе повествования я надеюсь прояснить некоторые из оставшихся неясностей и ответить на вопросы, которые могли бы возникнуть у читателя.

Начнем с места, на котором мы остановились, — с весенних обрядов европейского крестьянства. Кроме уже описанных церемоний существуют два родственных им обряда, в которых инсценировка смерти сверхъестественного существа играет заметную роль. В одном из них в драматической форме разыгрывается смерть олицетворения Масленицы, в другом — самой Смерти. Первая церемония, естественно, приходится на конец Масленицы, на последний день этого веселого праздника, который называется исповедальным вторником, или на первый день великого поста, так называемую пепельную среду. Дата проведения другого обряда — «выноса или изгнания Смерти», как он обычно называется, — подвержена большим колебаниям. Обычно он приходится на четвертое воскресенье поста, которое вследствие этого носит название мертвого воскресенья, но в некоторых местах его

402

справляют на неделю раньше, в других местах, например у богемских чехов, — на неделю позже.

В части немецких селений Моравии эта церемония совершалась в первое воскресенье после Пасхи. Существует предположение, что эта дата варьировалась в зависимости от времени появления первой ласточки или какого-то другого вестника весны. Некоторые авторы считают этот обряд славянским по своему происхождению. Гримм полагал, что он являлся праздником Нового года у древних славян, которые отмечали его в марте месяце. Рассмотрим сначала примеры инсценировки смерти Масленицы, которая всегда предшествует празднику изгнания Смерти.

Нудное однообразие жизни провинциального итальянского городка Фрозинона, расположенного на полпути между Римом и Неаполем, нарушается в последний день Масленицы древним праздником, известным под названием *Radica.* Около четырех часов пополудни городской оркестр, наигрывая веселые мелодии, в сопровождении большой толпы шествует на Площадь плебесцитов, где расположена префектура и другие государственные учреждения. Здесь, в центре площади, глазам многочисленных зрителей предстает огромная повозка, увешанная разноцветными гирляндами и запряженная четверкой лошадей. В повозке на гигантском троне восседает величественная фигура Масленицы — оштукатуренное чучело более двух с половиной метров высоты с румяной и улыбающейся физиономией. Эту величественную фигуру украшают огромные башмаки, оловянный шлем, наподобие тех, которые носят итальянские морские офицеры, разноцветное одеяние, покрытое странными эмблемами. Ее левая рука покоится на подлокотнике трона. Правой же она приветствует толпу. Рука приводится в движение с помощью веревки, которую дергает человек, скрывающийся под троном. Вокруг повозки волнуется толпа, выражая свои чувства дикими криками радости; аристократы вместе с беднотой яростно отплясывают *saltarello.* Особенность этого праздника заключается в том, что каждый его участник должен нести в руках так называемый *«radica»* (корень); обычно это огромный лист алоэ или, что еще предпочтительнее, агавы. Того, кто затесался в толпу без такого листа, бесцеремонно прогоняют: впрочем, только в случае, если он не заменит его большим кочаном капусты, приделанным к концу длинной палки, или

403

пучком причудливо заплетенных трав. После небольшого поворота повозка, сопровождаемая толпой, оказывается у ворот префектуры. Толпа останавливается, а повозка, громыхая, въезжает во двор. Воцаряется тишина, приглушенные голоса напоминают тихий рокот морских волн. Все взоры с волнением устремлены на дверь, из которой вот-вот должен появиться сам префект и представители высших судебных инстанций, чтобы засвидетельствовать свое почтение герою дня. Несколько минут ожидания — и буря восклицаний и аплодисментов приветствует появление городских сановников, которые один за другим спускаются с лестницы и занимают свои места в толпе. Гремит пасхальный гимн, после чего под оглушительный рев кочаны капусты и листья алоэ взлетают в воздух и обрушиваются на головы собравшихся, что еще увеличивает веселую суматоху. По окончании этих подготовительных мероприятий удовлетворенная толпа движется дальше. Вслед за процессией катится телега, груженная бочонками вина. Полицейские раздают вино всем желающим, поэтому вокруг телеги часто возникает жестокая драка: охотники выпить за казенный счет с проклятиями пробираются сквозь бушующую толпу, раздавая затрещины направо и налево. Наконец, после того, как процессия торжественно прошла по всем главным улицам города, чучело Масленицы выносят на центр городской площади, сдирают с него все украшения, кладут на груду дров и сжигают под крики толпы, которая вслед за тем вновь поет пасхальную песню, бросает в погребальный костер так называемые корни и наконец предается бешеной пляске.

В Абруцци фигуру Масленицы, сделанную из картона, несут четыре могильщика с папиросами во рту и с перекинутыми через плечо на ремнях бутылками с вином. Впереди идет одетая в траур и заливающаяся слезами жена Масленицы (здесь Масленица представляется существом мужского рода). Время от времени толпа останавливается, и жена обращается к сочувствующей толпе, могильщики же, пользуясь случаем, отхлебывают вино из бутылок. На площади труп кладут на погребальный костер, который сжигается под бой барабанов, пронзительные вопли женщин и грубоватые выкрики мужчин; при этом в толпе разбрасывают каштаны. Иногда Масленицей является насаженное на шест соломенное чучело, которое группа участников пантомимы носит днем

404

по городу. С наступлением сумерек четыре человека берут за концы стеганое одеяло или простыню и опрокидывают на них чучело Масленицы. После этого возобновляется шествие, участники которого проливают крокодиловы слезы, подчеркивая горечь своей утраты грохотом

кастрюль и звоном колокольчиков. Иногда в той же Абруцци Масленицу изображает лежащий в гробу человек, около него находится второй, разыгрывающий роль священника, который щедро кропит его из лохани святой водой.
В 1877 году один английский путешественник был свидетелем погребения Масленицы в Лериде (Каталония). В последнее масленичное воскресенье огромная процессия из пехоты, кавалерии и всякого рода ряженых, многие из которых ехали верхом, другие же — в экипажах, с триумфом сопровождала по главным улицам огромную повозку его светлости По-Пи, как называлось масленичное чучело. Три дня длилось веселье, и наконец в полночь последнего дня Масленицы та же самая процессия, но в других нарядах и с другой целью вновь прошла по улицам. Триумфальная повозка превратилась в катафалк, на котором покоилось чучело его светлости. Группа ряженых, которые в первой процессии играли роль одержимых, отпуская веселые реплики и жестикулируя, теперь медленно шествовала в одеянии священников и епископов, неся огромные горящие свечи и гнусавя реквием. Все участники процессии были в трауре, в руках у всадников пылали зажженные факелы. Эта процессия вливалась наконец в главную улицу, где она меланхолически продвигалась между больших, многоэтажных домов с балконами. В каждом окне, на каждом балконе и на каждой крыше толпились зрители, разодетые в самые фантастические наряды. Достигнув главной площади, процессия остановилась, над телом покойного По-Пи произнесли шуточную похоронную речь, после чего огни погасли. Тотчас же из толпы появились дьяволы и черти; они схватили тело и побежали, преследуемые орущей и улюлюкающей толпой. Дьяволов, конечно, поймали и изгнали, а вырванный из их лап труп опустили в заранее приготовленную могилу. Так протекали похороны Масленицы в Лериде в 1877 году.
Аналогичная церемония в Провансе совершается в пепельную среду. Причудливо наряженное чучело под названием Карамантран везут на колеснице или проносят на носилках в
405
сопровождении людей в гротескных костюмах, которые несут кувшины, полные вина, и осушают их, изображая пьяных или действительно напиваясь. Во главе процессии шествуют несколько человек, переодетых судьями и адвокатами, а также тощая, длинная фигура Поста. Сзади на жалких клячах едут молодые люди, которые делают вид, что оплакивают судьбу Масленицы. На главной площади процессия останавливается, и там над Карамантраном, которого сажают на скамью подсудимых, устраивается суд. После формального судилища ему под вздохи собравшихся выносится смертный приговор. Адвокат в последний раз обнимает своего клиента. Служители правосудия выполняют свой долг: осужденного прислоняют спиной к стене и побивают камнями. Истерзанные останки Масленицы бросают в море или в реку. В Арденнах существовал обычай сожжения чучела, которое олицетворяет Масленицу. Собравшись вокруг костра, местные жители распевают приличествующие такому случаю песни. Очень часто чучелу стараются придать черты сходства с каким-то конкретным человеком, который отличается супружеской неверностью. Можно предположить, что выбор натуры вызывал семейные ссоры, особенно когда чучело, изображающее веселого гуляку, сжигали перед его домом, а друзья и соседи демонстрировали свое отношение к его «подвигам» ужасными завываниями, улюлюканьем и другими какофоническими звуками. В некоторых селениях в Арденнах роль Масленичного вторника — как во Франции часто называют изображение Масленицы — играл молодой парень, обернутый в сено и солому. Происходило это в конце Масленицы. Инсценированный суд приговаривал парня к смерти, его, как расстреливаемого солдата, ставили спиной к стене, после чего давали холостой залп. Впрочем, во Вриньо-Буа один из участников этой невинной церемонии, по имени Тьерри, был убит пулей, которая случайно осталась в стволе. С тех пор подобного рода шуточные казни перестали совершаться в Арденнах.
В Нормандии в пепельную среду под вечер принято было справлять праздник под названием похороны Масленичного вторника. Жалкое чучело, едва прикрытое всяким тряпьем, в старой шляпе, надвинутой на вымазанное грязью лицо, с огромным круглым пузом, набитым соломой, олицетворяло бесстыдного старого распутника, якобы готового пострадать за свои грехи. Чучело нес на плечах крепкий парень, который
406
старательно делал вид, что изнемогает под тяжестью своей ноши: так это народное изображение Масленицы в последний раз совершало отнюдь не триумфальное шествие по улицам городка. В сопровождении толпы, в которой задавали тон мальчишки и представители городских низов (ее возглавлял барабанщик), чучело несли при мерцающем свете факелов, под нестройный грохот лопат, клещей, горшков, кастрюль, рожков и чайников, смешивавшийся с криками, стонами и сви-

стом. Время от времени процессия останавливалась, и какой-нибудь поборник нравственности обвинял опустившегося старого грешника во всех совершенных им проступках, за которые его надлежало сжечь живьем. Преступника, которому нечего было сказать в свое оправдание, швыряли на охапку соломы, к которой, к великой радости ребятишек, резвившихся вокруг костра и распевавших народные стихи о смерти Масленицы, подносили факел. В некоторых случаях, перед тем как сжечь чучело, его скатывали с горы. В Сен-Ло увешанное тряпками чучело Масленичного вторника сопровождала вдова, которую изображал переодетый женщиной толстый увалень в черном покрывале. Зычным голосом он издавал скорбные звуки. Чучело проносили на носилках по улицам в сопровождении большой толпы ряженых, а затем бросали в реку Виру. Заключительную сцену ярко описала мадам Октавия Фейе, которой довелось наблюдать ее в детстве. «Мои родители пригласили своих друзей посмотреть на похоронную процессию с высоты башни Жанны Куйар. И там, попивая лимонад, единственный разрешенный во время поста напиток, мы всю ночь наблюдали зрелище, живые воспоминания о котором я сохраню навсегда. У наших ног, под старым каменным мостом, катила свои воды Вира. Посередине моста на подстилке из листьев лежало чучело Масленичного вторника, окруженное множеством пляшущих и поющих ряженых с факелами в руках. Некоторые из них в своих пестрых костюмах носились по парапету, подобно дьяволам. Остальные, устав от развлечений, сидели и дремали. Вскоре танцы прекратились, и их участники схватили и подожгли с помощью факелов чучело, после чего под все возрастающий шум и крики бросили его в воду. Вымазанное смолой соломенное чучело, догорая, плыло по течению Виры, освещая своим погребальным огнем прибрежные леса и зубчатые стены старого замка, в котором покоились короли Людовик XI и Франциск I. Когда послед-

407

ний отблеск этого горящего фантома исчез, как падающая звезда, толпа на другом конце долины рассеялась, и мы с гостями покинули наш наблюдательный пункт».

По соседству с Тюбингеном на масленичный вторник местные жители изготовляют чучело по прозвищу Масленичный медведь. На него надевают старые брюки, а в его шею вставляют свежий черный пудинг или две наполненные кровью спринцовки. После формального осуждения его обезглавливают, кладут в гроб и в пепельную среду хоронят на кладбище. Это называется «погребение Масленицы». У некоторых саксонцев Трансильвании Масленицу принято вешать. Так, в Браллере в пепельную среду или во вторник на Масленицу две белых и две гнедых лошади везут сани, в которых находится закутанное в белую одежду чучело, а рядом с ним постоянно вращается тележное колесо. Двое переодетых стариками юношей, причитая, следуют за санями. Остальные деревенские парни, украшенные лентами, верхом на лошадях сопровождают процессию, возглавляемую двумя девушками, увенчанными венками из вечнозеленых растений. Девушек везут в телеге или на санях. Под деревом происходит судилище, и парни, переодетые солдатами, зачитывают чучелу смертный приговор. Два старика тщетно пытаются помочь чучелу спастись бегством — девушки хватают его и предают в руки палача, который вешает его на дереве. Напрасно старики пытаются залезть на дерево и снять оттуда чучело — они неизменно падают. Наконец в отчаянии они бросаются на землю, рыдая и стеная. Затем чиновник произносит речь, в которой заявляет, что Масленица приговорен к смерти за причиненный поселянам вред: он изнашивал их обувь, нагонял на них сон и усталость. При погребении Масленицы в Лешрене четыре человека несли на носилках или в гробу переодетого женщиной мужчину, другой же мужчина, также переодетый в черные женские одежды, оплакивал Масленицу, после чего покойницу бросали за деревней в какую-нибудь навозную кучу, окатывали водой, вываливали в навозе и покрывали соломой. Во вторник на Масленицу под вечер эстонцы делали соломенное чучело, которое они называли Метсик (дух дерева). В один год его одевали в мужское пальто и шляпу, а в другой — в капор и нижнюю юбку. Это насаженное на длинный шест чучело с веселыми криками приносили на деревенскую околицу и привязывали

408

к верхушке дерева. Данная церемония была призвана предохранить поселян от всяческих неприятностей.

Иногда в обрядах, соблюдаемых на Масленицу и на Великий пост, разыгрывается воскресение из мертвых. Так, в некоторых районах Швабии в масленичный вторник доктор по прозвищу Железная Борода делает вид, будто пускает кровь больному, который вслед за тем замертво падает на землю. В конце концов доктор оживляет мнимого мертвеца, вдувая в него через трубку воздух. В горах Гарца, когда кончается Масленица, жители кладут кого-нибудь в корыто, в котором

замешивают тесто, и с погребальной песней несут его к могиле, но хоронят, конечно, не человека, а... бутылку бренди. Произносится речь, после которой все возвращаются на сельскую площадь, где закуривают розданные на похоронах длинные глиняные трубки. На следующий год, утром в масленичный вторник, бренди выкапывают, и праздник начинается с того, что каждому дают попробовать частицу духа, который якобы обретает второе рождение.

Изгнание Смерти.

Обычай изгнания Смерти имеет много общего с похоронами Масленицы. Различие заключается единственно в том, что обычно изгнание Смерти сопровождается церемонией, призванной вернуть лето, весну, жизнь и т. д. Так, в Баварской провинции Средняя Франкония в четвертое воскресенье поста деревенские мальчишки обычно делали соломенное чучело Смерти, которое они с шутливой торжественностью проносили по улицам и в конце концов с громкими воплями сжигали за околицей. Франконский обычай описан автором XVI века: «В середине поста, т. е. тогда, когда церковь предписывает нам веселиться, молодежь на моей родине делает соломенное чучело Смерти и, привязав его к шесту, с криками несет в соседние деревни. Некоторые встречают их любезно, и перед тем, как отправить домой, дают им молоко, горох, сушеные груши и другую пищу, обычную для этого времени года. Другие, однако, оказываются совсем не гостеприимными, так как рассматривают пришельцев как вестников какого-нибудь несчастья, например смерти, и, осыпая руганью и угрожая оружием, выгоняют их из селения. В деревнях близ Эрлангена на четвертое воскресенье поста девушки одевались в лучшие одежды и украшали себя цветами. В таком наряде они отправлялись в соседний город, неся с собой одетые в белые одежды и украшенные

409

листьями куклы. По двое они переносили эти куклы из дома в дом, останавливаясь там, где надеялись что-нибудь получить, и пели несколько стишков, в которых говорилось, что вот настала середина поста и они собираются бросить Смерть в воду. Собрав некоторое количество мелких подарков, они шли к реке Регниц и бросали в нее кукол, изображавших Смерть. Все это делалось для того, чтобы обеспечить плодородный и благополучный год; кроме того, считалось, что эта церемония защищает от эпидемии и внезапной смерти. В Нюрнберге девочки от семи до восемнадцати лет проносят по улицам маленький открытый гробик, в котором лежит с головы до ног завернутая в саван кукла. Другие носят открытую коробку, в которой находится буковая ветвь с привязанным к ней в виде набалдашника яблоком. Они поют: «Мы делаем доброе дело, несем топить Смерть». Жители некоторых частей Баварии еще в 1780 году верили, что, если не совершить обряд изгнания Смерти, эпидемия какой-нибудь болезни неизбежна.

В некоторых селениях Тюрингии дети проносили по деревне куклу из березовых прутьев и бросали ее в пруд, распевая: «Мы уносим старуху Смерть за ветхую хижину пастуха, мы внесли Лето». В Дебшвице, или Добшвице, около Геры, ежегодно i марта проводилась церемония изгнания Смерти. Молодежь изготовляла из соломы или другого подобного материала чучело, которое одевали в старую одежду, собранную со всех домов, и выносили, чтобы бросить в реку. Возвратившись в деревню, они сообщали односельчанам благую весть о потоплении чучела и в награду получали яйца и другую провизию. Предполагалось, что эта церемония очищает деревню и защищает ее от болезней и мора. В других селениях Тюрингии, которые в далеком прошлом были заселены славянами, вынос куклы сопровождался песней, которая начиналась словами: «Ныне мы выносим из деревни Смерть, ныне мы вносим в нее Весну». В конце XVII — начале XVIII столетия в Тюрингии соблюдался следующий обычай. Мальчики и девочки делали из соломы или других материалов чучело, внешний вид которого каждый год менялся. Один год оно представляло собой старика, на следующий — старуху, на третий — юношу, а на четвертый год — девушку. Одежда чучела в зависимости от изображаемого персонажа также менялась. Обычно между местными жите-

410

лями происходили ожесточенные споры по поводу того, где оно будет изготовляться, так как дом, из которого его выносили, на весь год считался защищенным от смерти. Изготовленное чучело привязывали к шесту. Если оно изображало старика, его несла девочка, если же старуху — то мальчик. Чучело сопровождали молодые люди с палками в руках, они пели песню о том, что изгоняют Смерть. Подойдя к воде, они бросали в нее чучело и тут же мчались обратно, опасаясь, как бы оно не прыгнуло им на плечи и не свернуло им шею. Заботились участники процессии и о том, чтобы как-нибудь по оплошности не коснуться чучела, так как это могло бы начисто

иссушить их. По возвращении юноши били скот палками в уверенности, что это сделает его тучным и плодовитым. После этого молодые люди наносили визит дому или домам, из которых они выносили чучело Смерти, где получали угощение в виде непроваренного гороха. Существовал обычай изгнания Смерти и у жителей Саксонии. В Лейпциге незаконорожденные дети и женщины легкого поведения каждый год в середине поста делали чучело Смерти. С песнями они проносили его по всем улицам и показывали молодым замужним женщинам. В конце концов его бросали в реку Парту. С помощью этой церемонии они стремились сделать плодовитыми молодых жен, очистить город и на год защитить его жителей от чумы и других эпидемий.

Подобные церемонии соблюдаются в середине поста в Силезии. Так, во многих селениях девочки старшего возраста с помощью парней одевают соломенное чучело в женские одежды и выносят его из деревни в направлении заходящего солнца. За околицей они срывают с чучела одежду, разрывают его на куски и разбрасывают их по полям. Это называется похороны Смерти. Вынося чучело из деревни, они поют о том, что собираются похоронить Смерть под дубом, чтобы отделить ее от людей. Иногда в песне говорится, что они несут Смерть через горы и долы, чтобы та больше не возвращалась. В польском районе Гросс — Стрелица подобную куклу называют Гоик. Ее везут на лошади и бросают в ближайшую реку. Люди думают, что эта церемония защитит их в наступающем году от всех болезней. В районах Волау и Турау чучело Смерти обычно подбрасывали в соседнее селение. Из боязни заполучить этот зловещий символ соседи

411

бывали настороже. Так что часто это мероприятие заканчивалось нешуточной потасовкой. В некоторых районах Верхней Силезии, населенных поляками, чучело, изображающее старуху, носит имя богини Смерти Марзаны. Его изготовляют в доме, где произошел последний смертный случай, после чего выносят на шесте за околицу, где бросают в пруд или сжигают. В Полквице обычай изгнания Смерти пришел в упадок, но последовавший вслед за этим взрыв эпидемии побудил крестьян его возобновить.

В Богемии дети выходят с соломенным чучелом, олицетворяющим Смерть, на окраину деревни и сжигают его, распевая:

Ныне выносим мы Смерть из деревни, Новое Лето зато мы в деревню несем. Привет, дорогое Лето, Зеленеющий маленький колос!

В Таборе, в Богемии, чучело Смерти выносят за город и бросают с высокой скалы в воду, распевая при этом:

Смерть плывет по воде, Скоро здесь будет Лето, Смерть унесли мы от вас, Лето взамен принесли. Для пшеницы и ржи Ты, о святая Маркита, Пошли нам хороший год.

В других частях Богемии жители несут Смерть на окраину деревни и поют:

Выносим мы Смерть из деревни, Новый год мы в деревню несем. Ты прими наш привет, дорогая Весна, Ты, ковер из зеленой травы.

За деревней они раскладывают погребальный костер, на котором сжигают чучело, всячески ругая его и глумясь над ним. Затем они возвращаются, распевая:

Мы унесли Смерть И принесли Жизнь. Она поселилась в деревне, Пойте ж веселые песни.

В некоторых немецких деревнях Моравии, например в Яснице и Зайтендорфе, в третье воскресенье поста молодежь

412

наряжает соломенное чучело; обычно на него надевают меховую шапку и кожаные штаны (если таковые имеются). Затем парни и девушки прикрепляют его к шесту и несут в поля. По пути они поют песню, в которой говорится, что они уносят Смерть и приносят домой дорогое Лето, а с Летом — май и цветы. Придя на установленное место, они с пронзительными возгласами танцуют вокруг чучела, а затем неожиданно бросаются на него и разрывают на куски. Клочки они собирают в кучу, шест ломают и все это сжигают. Пока костер пылает, все весело танцуют вокруг него, радуясь одержанной Весной победе. Когда же костер начинает угасать, они отправляются по домам просить в качестве подарка яиц, чтобы устроить пирушку. Свои просьбы молодые люди мотивируют тем, что они прогнали Смерть.

Приведенные факты говорят о том, что часто к изображению Смерти относятся со страхом с примесью ненависти и отвращения. Уже само стремление селян переправить чучело на соседскую территорию и нежелание последних заполучить зловещего гостя в достаточной мере доказывают, что оно внушает им ужас. Кроме того, в Лузации и Силезии местные жители иногда подносят куклу к окну, пребывая в уверенности, что в течение года один из живущих в этом доме умрет, если за его жизнь не будет выплачен денежный выкуп. О страхе перед изображением Смерти говорит и то, что ее носильщики, бросив ее, что есть силы бегут домой, так как верят, что Смерть

преследует их; и, если один из них в это время падает, считается, что в течение года он умрет. В Хрудиме, в Богемии, чучело Смерти делают из крестовины, на которую надевают рубашку и насаживают голову и маску. В пятое воскресенье поста мальчики несут это изображение к ближайшему ручью или пруду и, став в ряд, бросают его в воду. Затем они ныряют за чучелом, однако, как только его поймают, никто уже не имеет права входить в воду. Считается, что мальчик, который не успел войти в воду или вошел в нее последним, умрет в этом году; он же должен нести Смерть обратно в деревню. Потом изображение Смерти сжигается. С другой стороны, верят, что ни один из живущих в доме, из которого выносилось чучело Смерти, не умрет в текущем году, и, кроме того, иногда считается, что деревня, из которой прогнали Смерть, гарантирована от болезней и ссор. В некоторых деревнях австрийской части Си-

413

лезии в субботу перед первым воскресеньем Великого поста, для того чтобы выгнать Смерть из деревни, из старых тряпок, сена и соломы жители изготовляют чучело. В воскресенье около дома, где находится чучело, собирается народ, вооруженный палками и ремнями. Затем четыре парня под ликующие крики волокут на веревках чучело по деревне, в то время как все остальные бьют его палками и ремнями. Добравшись до поля, которое принадлежит соседней деревне, они бросают это чучело, яростно его избивают, а остатки разбрасывают по полю. Существует поверье, что деревня, из которой была вынесена Смерть, защищена от заразных болезней на весь год.

Внесение Лета.

В описанных выше церемониях возвращение Весны, Лета или Жизни в результате изгнания Смерти только подразумевается или, самое большее, провозглашается. В обрядах же, которые нам предстоит описать, все это прямо инсценируется. Например, в некоторых частях Богемии изображение Смерти топят, бросая в воду на закате дня, после чего девушки отправляются в лес, срубают там молодое деревце с зеленой верхушкой, вешают на него куклу, одетую женщиной, и украшают это сооружение зелеными, красными и белыми лентами. С этим Летом процессия шествует в деревню, собирая дары и напевая:

Смерть плывет по воде,
К нам же шагает Весна
С красными яйцами,
С желтыми блинами.
Мы вынесли Смерть за деревню,
Мы Лето в деревню несем.

Жители многих силезских селений сначала оказывают чучелу Смерти знаки почитания, а затем срывают с него одежду и с проклятиями топят в воде или разрывают на куски в поле. После этого молодежь направляется в лес, срубает молоденькую елку, очищает ствол от веток и украшает его гирляндами из вечнозеленых растений, бумажными розами, раскрашенной яичной скорлупой, разноцветными лоскутами и т. д. Дерево, разукрашенное таким образом, называется Летом или Маем. Мальчики носят его из дома в дом, распевая соответствующие песни и выпрашивая подарки. Среди этих песен есть и следующего содержания:

414

Мы унесли Смерть, Дорогое вернули вам Лето, Лето и Май И веселые все цветы.

Иногда они выносят из леса прелестно наряженное изображение, которое они называют Летом, Маем или Невестой; в польских районах его называют Деванной, богиней Весны.

В Эйзенахе в четвертое воскресенье поста молодые люди обычно привязывали соломенное чучело к колесу, которое вкатывали на вершину холма. Затем чучело поджигали и пускали под гору вместе с колесом. После этого срубали высокую ель, украшали ее лентами и устанавливали на ровном месте. Мужчины залезали на нее, чтобы сорвать ленты. В Верхней Лузации чучело Смерти, сделанное из соломы и тряпок, наряжается в покрывало, полученное от самой молодой замужней женщины, и рубашку, взятую в доме, где случился последний смертельный случай. Наряженное таким образом чучело прикрепляется к концу длинного шеста, и самая высокая и сильная девушка бежит с ним, в то время как остальные швыряют в изображение камни и палки. Тот, кто в него попадет, уверен, что в нынешнем году он не умрет. Таким образом, Смерть уносят из деревни и бросают в воду или же забрасывают в соседнюю деревню. По пути домой каждый срывает себе зеленую ветку и весело доносит ее до деревни, а достигнув околицы, выбрасывает ее. Иногда молодые люди из соседней деревни, куда было заброшено чучело, бегут за ними и бросают чучело обратно, не желая, чтобы Смерть находилась среди них. На этой почве бывают стычки между двумя сторонами.

В этих случаях Смерть олицетворяется выбрасываемой куклой, а Лето или Жизнь — ветками или деревьями, которые приносят обратно. Впрочем, иногда набирающая новую силу Жизнь воплощается в образе самой Смерти, которая, воскреснув, становится средством всеобщего возрождения. Например, в некоторых частях Лузации Смерть выносят одни женщины, которые противятся тому, чтобы к ним присоединялись мужчины. Одевшись в траурные одежды, которые они не снимают в течение всего дня, эти женщины изготовляют соломенную куклу, одевают ее в белую рубаху, в одну руку ей дают метлу, в другую — косу. Распевая песни, под градом камней, которые бросают в них мальчишки, они несут

415

куклу за околицу, где разрывают ее на куски. Затем они срубают тонкое деревце, вешают на него рубашку и с песнями несут обратно в село. На праздник Вознесения саксонцы из трансильванской деревни Браллер (неподалеку от Германнштадта) совершают церемонию вынесения Смерти следующим образом. После заутрени все девочки школьного возраста отправляются в дом одной из подруг и там одевают Смерть. Они придают обмолоченному снопу хлеба грубое сходство с человеческой фигурой, а вместо рук втыкают в него две метлы. На чучело надевают праздничную одежду молодой крестьянки: красный капор, серебряные брошки и множество лент на руках и на груди. Девушки торопятся, так как к тому времени, когда колокола прозвонят к обедне, Смерть должна быть готова и выставлена у открытого окна, чтобы по пути в церковь все могли увидеть ее. По окончании вечерни наступает долгожданный момент несения Смерти, причем эта привилегия принадлежит исключительно школьницам. Две старшие девочки идут впереди с чучелом в руках, остальные парами следуют за ними. Мальчикам запрещается принимать участие в этом шествии, так что они идут позади, от восхищения разинув рты, и глазеют на прекрасную Смерть. Процессия проходит по всем деревенским улицам, девочки при этом поют старинный гимн, который начинается словами:

Gott mein Vater, deine Liebe Reicht so welt Himmel ist. [1]

После того как процессия побывала на каждой улице, девочки заходят в определенный дом и, закрыв дверь от любопытных мальчишек, которые идут следом за ними, раздевают Смерть, протягивают оставшийся пук соломы через окно мальчикам, которые набрасываются на него, без всяких песен выбегают с ним за околицу и бросают полуразвалившееся чучело в ручей. После этого начинается второй акт этой маленькой драмы. Пока мальчики уносят Смерть из деревни, девочки остаются дома, одна из них надевает пышные одежды, которые были на чучеле. Эту нарядную девочку в сопровождении процессии проводят по всем улицам с пением

[1] Бог, отец мой, ты любовью Бесконечен, словно небо *(нем.).*

416

того же гимна, что и раньше. Когда шествие подходит к концу, все участницы направляются в дом к девочке, которая играла главную роль. Здесь их ожидает угощение, в котором мальчики также не участвуют. Широко распространено поверье, по которому дети без опасности для себя могут начинать есть крыжовник и другие фрукты только после того, как Смерть изгнана из деревни, так как таившаяся в крыжовнике и других ягодах Смерть теперь уничтожена. Кроме того, дети получают возможность безнаказанно купаться в открытых водоемах. Очень похожая церемония совершалась вплоть до последних лет в некоторых немецких деревнях в Моравии. Пополудни в первое воскресенье после Пасхи мальчики и девочки встречались и совместно изготовляли соломенную куклу, олицетворявшую Смерть. Привязав к длинному шесту наряженное и украшенное яркими лентами, это изображение Смерти несли с пением и криками на ближайшую возвышенность, где с него сдирали нарядную одежду и, повалив на землю, скатывали вниз по склону. Затем на одну из девочек надевали сорванные с чучела украшения, и она возглавляла процессию, двигавшуюся назад в деревню. В некоторых деревнях существует обычай хоронить чучело в месте, которое пользуется в данной округе дурной славой, в других — бросают чучело в проточную воду.

В описанной выше лузацийской церемонии дерево, которое после уничтожения чучела Смерти вносят в селение, является точным эквивалентом деревьев или ветвей, символов Лета или Жизни, которые в описанных выше обычаях приносились в деревню после того, как из нее была выгнана или уничтожена Смерть. Перенесение снятой с чучела Смерти рубашки на дерево является своеобразным возрождением уничтоженного изображения в новой форме. Это также относится к трансильванским и моравским обычаям: переодевание девочки в одежды, которые были на Смерти, и проведение ее по деревне с пением той же песни, которая пелась, когда проносилась Смерть, показывают, что эта девочка должна была в некотором смысле олицетворить воскресение

существа, чье изображение было только что уничтожено. Эти примеры наводят на мысль о том, что Смерть, уничтожение которой инсценируется в этих церемониях, нельзя, как это обычно делается, рассматривать только в качестве разруши-

417

тельной силы. Если на дерево, которое вносили обратно в селение как символ возрождающейся весенней растительности, надевали рубашку только что уничтоженной Смерти, это дерево, естественно, не могло противодействовать возрождению растительности — напротив, оно должно было такому возрождению всячески способствовать. Поэтому предполагалось, что существо, уничтоженное незадолго до этого, — так называемая Смерть — обладает способностью оказывать живительное, ускоряющее воздействие на растительный и даже на животный мир. Тот факт, что чучелу Смерти приписывалось обладание животворящей силой, без сомнения, лег в основу обычая разбрасывания по полям клочков соломенного чучела Смерти с целью увеличить их урожайность, а также обычая класть эти клочки в ясли для повышения плодовитости скота. Так, в австрийской части Силезии, в деревне Шпахендорф, чучело Смерти, сделанное из соломы, хвороста и тряпок, с исступленными песнями выносят на открытое место за деревней и там сжигают. Пока оно горит, идет ожесточенная борьба за его куски, которые крестьяне выхватывают из пламени голыми руками. Тот, кому удалось стать обладателем куска чучела, привязывает его к ветке самого высокого дерева в саду или закапывает на своем поле в надежде, что это будет способствовать повышению урожая. В Троппау, в Австрийской Силезии, девочки надевают на соломенное чучело, которое делается юношами на четвертое воскресенье поста, женские одежды и увешивают лентами, ожерельями и венками. Привязав к длинному шесту, чучело выносят за деревню в сопровождении группы юношей и девушек, которые резвятся, причитают и поют песни. Прибыв на место — обычно на поле за деревней, — они срывают с чучела одежды и украшения, после чего толпа набрасывается на него и разрывает в клочки, за каждый из которых разгорается настоящая драка. Всякий старается заполучить клочок соломы, из которого сделано чучело, в надежде, что, если подложить этот клочок в ясли к скоту, это заставит его давать потомство. Солому клали также в курятник, думая, что после этого кур перестанут уносить и они будут лучше нестись. Вера в оплодотворяющую силу чучела Смерти проявляется и в тех случаях, когда после своего возвращения те, кто нес смерть, бьют скот палками, чтобы сделать его тучным и плодовитым. Возможно, что прежде эти палки упо-

418

треблялись для избиения Смерти, получая, таким образом, заряд оплодотворяющей силы, которая приписывалась ее изображению. Мы видели также, что в Лейпциге соломенное изображение Смерти показывали женщинам, только что вступившим в брак, чтобы сделать их плодовитыми.

Видимо, невозможно отделить Майские деревья от деревьев или веток, которые приносились в деревню после уничтожения Смерти. Вносящие такие деревья или ветки люди делают вид, что несут Лето, поэтому они, скорее всего, олицетворяют это время года. Действительно, жители Силезии обычно и именуют их Летом или Маем. Кукла же, которую иногда привязывают к такому Летнему дереву, является двойником Лета, точно так же, как символом Мая иногда одновременно является Майское дерево и Майская Госпожа. Кроме того, Летние деревья, как и Майские деревья, украшаются лентами и т. д. Точно так же высокие Майские деревья юноши и девушки вкапывают в землю и влезают на них, а низкие Майские деревья молодежь носит от двери к двери, распевая песни и собирая деньги. Сходство этих двух обычаев подтверждается еще и тем, что носители Летних деревьев иногда объявляют, что они вносят Лето и Май. Так что в основном обычаи внесения Мая и внесения Лета тождественны; и дерево Лета является не более как еще одной разновидностью Майского дерева. Единственное отличие, если не считать названий, заключается во времени совершения этих обрядов: если Майское дерево обычно приносится 1 мая или на Троицу, то Летнее дерево — в четвертое воскресенье поста. Поэтому если Майское дерево воплощает дух дерева или дух растительности, то и Летнее дерево должно быть воплощением того же духа. Однако мы видели, что Летнее дерево в некоторых случаях представляет собой возрожденное к жизни чучело Смерти. Отсюда следует, что в обоих этих случаях изображение, называемое Смертью, должно воплощать в себе дух дерева или дух растительности. Этот вывод подтверждается, во-первых, оживляющим и оплодотворяющим воздействием, которое клочки чучела Смерти якобы оказывают как на растительный, так и на животный мир (как мы доказали в начале этой книги, способность оказывать такого рода воздействие считается атрибутом духа дерева). В пользу этого вывода говорит, во-вторых, и то обстоятельство, что иногда изображение Смерти одевают листьями

419

или делают из прутьев, веток, конопли или из обмолоченного снопа хлеба. Кроме того, в ряде случаев его вешают на маленькое деревце и несут собирающие деньги девочки; точно так же поступают с Майским деревом, с Майской Госпожой или с Летним деревом и привязанной к нему куклой. Короче, необходимо по крайней мере в некоторых случаях рассматривать изгнание Смерти и принесение Лета просто как одну из форм умерщвления и возрождения Дикаря, которое мы описали выше. Похороны и возрождение Масленицы являются, возможно, еще одним способом выражения той же идеи. В том, что изображение Масленицы погребают под кучей навоза, нет ничего удивительного, если этому чучелу, так же как и изображению Смерти, приписывается обладание способностью оплодотворять. В самом деле, эстонцы, которые во вторник на масленичной неделе выносят соломенное чучело из деревни, прямо называют его не Масленицей, а духом леса — Метсиком; на родство этого изображения с духом леса они явно указывают тем, что привязывают его к вершине дерева в лесу, где оно остается в течение года. Пастухи чуть ли не каждый день обращаются к нему с молитвами и просьбами — ведь Метсик, как полагается настоящему духу леса, является покровителем скота. Иногда Метсик изготовляется из хлебных снопов.

Таким образом, мы можем предположить, что такие названия, как Масленица, Смерть, Лето, вошли в обиход сравнительно поздно и не выражают адекватно природу и существа, которые олицетворялись или воплощались в рассмотренных нами обычаях. Уже сам отвлеченный характер этих названий говорит об их недавнем происхождении: олицетворение времени года в таких названиях, как Масленица и Смерть, или абстрактное понятие смерти никак нельзя назвать примитивными. Однако сами по себе эти обряды несут отпечаток седой древности. Поэтому мы можем предположить, что идеи, которые эти обряды воплощали, изначально отличались большей простотой и конкретностью. Понятие дерева, возможно дерева определенного сорта (у некоторых первобытных народов отсутствует абстрактное понятие дерева) или даже того или иного отдельного дерева, является достаточно конкретным, чтобы составить основу, на которой началось постепенное формирование более древней идеи духа растительности. Но эту общую идею растительности, должно

420

быть, легко было перепутать с понятием времени года, в которое она себя проявляет, следовательно, простой и естественной была замена понятий духа дерева или духа растительности понятием Весны, Лета или Мая. Опять же конкретное понятие умирающего дерева или умирающей растительности в процессе обобщения должно было сходным образом незаметно привести к абстрактной идее смерти. Так что обычай выноса весной умирающей или умершей растительности как подготовительное мероприятие к ее возрождению со временем должен был перерасти в попытку изгнания Смерти вообще из той или иной деревни или местности. Мнение о том, что в этих весенних церемониях фигура Смерти на самом деле символизирует умирающую или умершую зимнюю растительность, получило горячую поддержку В. Маннхардта. Он подтверждает это аналогией между словом «смерть» и названием духа спелого хлеба. Дух спелого хлеба обычно мыслится не мертвым, но старым, почему его и зовут Стариком или Старухой. Но в некоторых местах последний срезаемый сноп, считающийся вместилищем духа хлеба, именуется «мертвецом». Детям не позволяют ходить в хлебные поля, потому что там якобы обитает Смерть. А в игре, в которую саксонские ребятишки из Трансильвании играют во время сбора кукурузы, Смерть олицетворяет мальчик, с головы до ног обернутый кукурузными листьями.

Борьба между Летом и Зимой.

В народных крестьянских обычаях контраст между зимней спячкой сил растительности и их бурным возрождением весной принимает иногда форму драматического состязания между актерами, которые играют роли Зимы и Лета. Так, в шведских городах 1 мая две группы молодых людей верхом на лошадях съезжались будто бы для того, чтобы биться насмерть. Одну из них возглавлял закутанный в меха парень, олицетворявший Зиму. Для того чтобы продлить холодную погоду, он бросал снежки и лед. Другой группой командовал человек, символизирующий Лето, весь в свежих листьях и цветах. Между ними инсценировалась схватка, победа в которой неизменно оставалась за партией Лета. Эта церемония обычно кончалась пиршеством. Кроме того, в районе среднего Рейна олицетворяющий Лето человек, с ног до головы покрытый плющом, борется с олицетворением Зимы, покрытым мхом или соломой, и в конце концов одерживает над ним победу. Побеж-

421

денного бросают на землю, где с него срывают его соломенное одеяние, которое разрывается на куски и разбрасывается, в то время как юные товарищи противников, чтобы отметить поражение Зимы Летом, поют песню. После этого они переносят из дома в дом летние гирлянды или ветки и собирают дары: яйца и бекон. Иногда человека, который разыгрывал роль Лета, одевали листьями и цветами, а на голове у него красовался венок. В Палатинате инсценировка борьбы Зимы и Лета имеет место в четвертое воскресенье поста. В этот же день аналогичное представление устраивалось обычно по всей Баварии. В некоторых местах этот обычай сохранился вплоть до середины XIX века и даже позже. В то время как Лето появлялось на сцене во всем зеленом, с развевающимися лентами, неся с собой цветущую ветку или маленькое деревце с яблоками и грушами, Зима выступала в шапке и меховом кожухе и несла деревянную лопату для уборки снега или цеп. В сопровождении одетой в соответствующие наряды свиты они проходили по всем деревенским улицам и останавливались перед домами, распевая куплеты из старинных песен, за что получали хлеб, яйца и фрукты. Наконец после короткой схватки между Летом и Зимой побежденную Зиму окунали в деревенский колодец или с криками и смехом прогоняли из деревни в лес.

В Гепфритце (Нижняя Австрия) во вторник на масленичной неделе по домам ходили двое людей, олицетворявших Лето и Зиму. Ребята встречали их с огромной радостью. Крестьянин, олицетворявший Лето, был одет во все белое и нес в руках серп. На голове его товарища, который играл роль Зимы, была меховая шапка, руки и ноги его были обернуты соломой, и он нес цеп. В каждом доме они поочередно пели песни. В Дремлинге, в Брауншвейге, вплоть до настоящего времени состязание между Летом и Зимой разыгрывается каждый год на Троицу группой мальчиков и группой девочек. Мальчики бегают от дома к дому с песнями, криками, звонят в колокольчики; все это делается для того, чтобы прогнать Зиму. За ними с нежным пением идут девочки во главе с Майской Невестой. Девочки одеты в яркие платья, украшены цветами и гирляндами — они символизируют радостный приход весны. Прежде роль Зимы играло соломенное чучело, которое несли мальчики; ныне ее разыгрывает переодетый человек.

422

У эскимосов Северной Америки состязание между олицетворениями лета и зимы, которое в Европе давно выродилось в простое представление, до сих пор происходит как магическая церемония, имеющая своей целью повлиять на погодные условия. Осенью, когда бури предвещают скорый приход унылой полярной зимы, эскимосы делятся на две группы, которые получают прозвища Белых Куропаток и Уток. В число Белых Куропаток входят все эскимосы, родившиеся зимой, а в число Уток — родившиеся летом. Затем обе эти партии хватаются с противоположных концов за веревку из тюленьей кожи и лежа стремятся перетянуть друг друга. Если Белые Куропатки проигрывают, побеждает лето, а это значит, что зимой будет преобладать хорошая погода.

Смерть и воскресение Кострубонько.

Похоронные церемонии вроде похорон Масленицы или выноса Смерти носят в России имена мифических персонажей: Кострубонько, Костромы, Купалы, Лады и Ярилы. Эти обряды совершаются весной или в середине лета. Так, в Малороссии бытовал обычай отмечать в пасхальную неделю похороны божества весны, по прозвищу Кострубонько. Вокруг девушки, которая лежала на земле, притворившись мертвой, медленно двигался хоровод с песней:

Умер, умер наш Кострубонько! Умер, умер наш дорогой!

Неожиданно девушка вскакивала на ноги, и хор радостно восклицал:

Ожил, ожил наш Кострубонько! Ожил, ожил наш дорогой!

Накануне Иванова дня украинцы делают из соломы чучело Купалы, которое обряжают в женские одежды, украшают ожерельем и венком из цветов, затем срубают дерево и, украсив его лентами, устанавливают в выбранном месте. Около дерева, которое они называют Мареной (Зима или Смерть), помещается это соломенное чучело и стол, уставленный спиртными напитками и яствами. После этого зажигается костер; юноши и девушки с чучелом в руках попарно прыгают через него. На следующий день они срывают с дерева и с чучела все украшения и бросают их в реку. В день св. Петра, 29 июня, или на следующее воскресенье в России совершают

423

похороны Костромы, Лады или Ярилы. В Пензенской и Симбирской губерниях эти похороны происходили следующим образом. 28 июня зажигался костер, а на следующий день девушки

выбирали одну из их числа на роль Костромы. Подруги приветствовали избранницу глубокими поклонами, сажали на доски и несли на берег реки. Здесь девушки окунали ее в воду, в то время как самая старшая из них била в сплетенную из лыка корзину, как в барабан. Потом они возвращались в деревню. День кончался шествиями, играми и танцами. В Муромской области Кострому изображало соломенное чучело, одетое в женские одежды и украшенное цветами. Его клали в квашню и с песнями несли на берег реки или озера. Здесь толпа делилась на две половины, одна из которых нападала на чучело, а другая его защищала. В конце концов нападающая сторона одерживала победу, срывала с чучела его одежды и украшения, разрывала их на куски, топтала ногами солому, из которой оно было сделано, и бросала ее в реку. В это время защитники чучела, закрыв лицо руками, делали вид, что оплакивают Кострому. Жители Костромской губернии совершали похороны Ярилы 29 или 30 июня. Выбирался старик, которому давали маленький гроб с находившимся в нем чучелом, похожим на Приапа, олицетворением Ярилы. Этот гроб старик, сопровождаемый женщинами, которые пели погребальные песни и выражали жестами горе и отчаяние, выносил за город. В открытом поле вырывали могилу и в нее с рыданиями и воплями опускали чучело, после чего начинались игры и танцы, напоминающие погребальные обряды древних язычников-славян. Жители Малороссии клали чучело Ярилы в гроб и после захода солнца проносили по улицам в сопровождении пьяных женщин, которые все время печально повторяли: «Он умер! Он умер!» Мужчины поднимали и трясли чучело, как будто хотели вернуть к жизни мертвеца. Они говорили женщинам: «Женщины, не плачьте, я знаю то, что слаще меда». Однако женщины продолжали причитать и петь, как на похоронах: «В чем он виноват? Он был такой хороший. Он уже не поднимется больше. И как мы будем без тебя? Что за жизнь нам без тебя? Поднимись хотя бы на часок. О, он не встает, он не встает». В заключение Ярилу зарывали в могилу.

Смерть и возрождение растительности.

Эти русские обычаи явно такие же, как австрийские и немецкие обряды, изве-
424
стные иод названием «вынос Смерти». Поэтому если верна наша интерпретация этого обычая, то Кострубонько, Ярила и другие персонажи русской мифологии также по своему происхождению должны быть символами духа растительности, а их смерть должна рассматриваться как необходимая прелюдия к их возрождению. Возрождение после смерти разыгрывалось в первой из описанных нами церемоний смерти и воскрешения Кострубонько. Причина, почему в некоторых русских обрядах смерть духа растительности отмечается в середине лета, может быть, связана с тем, что с Иванова дня начинается убывание лета — дни начинают укорачиваться, и солнце отправляется в свое унылое путешествие:

В темные ущелья,
Где прячутся зимние морозы.

Именно этот поворотный момент года, когда вместе с летом и растительность поддается пока еще незаметному, но неизбежному умиранию, первобытный человек выбрал для исполнения обрядов, с помощью которых он надеялся остановить умирание растительной жизни или по крайней мере обеспечить ее возрождение. Несмотря на то что во всех этих весенних и летних обрядах нашла отражение смерть, а иногда и возрождение растительности, в некоторых из них есть черты, которые нельзя объяснить с помощью одной только этой гипотезы. Торжественные похороны, причитания и траурная одежда, которые часто отличают эти обычаи, действительно уместны по случаю смерти благодетельного духа растительности. Но что сказать относительно веселья, с которым чучело столь часто выносят за околицу, каково назначение палок и камней, с которыми на него набрасываются, а также ударов и насмешек, которыми его осыпают? Как объяснить внушаемый чучелом страх, проявляющийся в той быстроте, с которой несшие чучело люди убегают от него, едва сбросив его с плеч, или веру в то, что человек, в дом которого заглянуло чучело, в скором времени должен умереть? Этот страх, вероятно, может быть объяснен поверьем, согласно которому умирающий дух растительности обладает способностью оказывать вредное воздействие. Однако это предположение — не говоря уж о том, что оно является довольно натянутым, — способно лишь объяснить взрывы ликования, которыми часто сопровождается вынос Смерти. Итак, мы
425
должны признать наличие в этих обрядах двух на первый взгляд противоположных черт: с одной стороны, это горе перед лицом смерти, любовь и уважение к покойному, а с другой стороны, это

страх и ненависть к тому же мертвецу и радость по поводу его смерти. Первую из этих черт я попытался объяснить выше, а то, почему последняя из них оказалась столь тесно связанной с первой, я постараюсь пояснить в дальнейшем.

Аналогичные индийские ритуалы.

В индийском районе Канагра существует соблюдаемый молодыми девушками обычай, который очень похож на некоторые из уже описанных весенних обрядов. Он носит название *Ralî ka meeâ,* или ярмарка Рали. Рали представляет собой маленькое раскрашенное глиняное изображение Шивы или Парвати. Этот обряд пользуется большой популярностью во всем Канагрском районе. Церемония эта, в которой участвуют только молодые девушки, длится большую часть месяца шет (март — апрель). Мартовским утром все молодые девушки деревни несут маленькие корзинки с травой даб и с цветами в определенное место, где сбрасывают их в кучу, а затем встают вокруг них в кружок и поют. Они продолжают проделывать все это ежедневно в течение десяти дней, пока холм из травы и цветов не достигнет достаточной высоты. Затем в джунглях они срубают две ветки с тремя разветвлениями на конце и втыкают их этими разветвлениями в груду цветов. На эти ветки насаживают два глиняных изображения — Шивы и Парвати. Затем девушки делятся на две группы — свиту Шивы и свиту Парвати — и инсценируют их свадьбу. Причем не упускается ни один из элементов свадебной церемонии. После свадьбы на деньги, выпрошенные у родителей, они устраивают пиршество. Позже все они отправляются на берег реки, бросают фигурки Шивы и Парвати в воду и принимаются рыдать, как на похоронах. Часто соседские мальчики дразнят их, ныряя за фигурками. Достав их со дна, они размахивают ими, в то время как девушки их оплакивают. Эта ярмарка, как говорят, имеет своей целью обеспечить каждой участнице обряда хорошего мужа. То, что божества Шива и Парвати в этой индийской церемонии олицетворяют духов растительности, доказывает, как нам кажется, помещение их изображений на ветках над грудой цветов и травы. Здесь, как это часто бывает в европейских народных обыча-
426
ях, божества растительности олицетворяются как растениями, так и куклами. Справляемая весной свадьба этих индийских божеств аналогична европейским церемониям, во время которых разыгрывается свадьба молодых духов растительности — Короля и Королевы Мая, Майской Невесты и Майского Жениха и др. Выбрасывание изображений в воду и оплакивание их имеет сходство с европейскими обычаями выбрасывания мертвого духа растительности по имени Смерть, Ярила, Кострома и т. д. в воду и причитаний над ними. Кроме того, в Индии, как это часто бывает и в Европе, этот обряд совершается исключительно женщинами. Представление о том, что обряд этот призван обеспечить девушкам мужей, объясняется верой в оплодотворяющее влияние, которое дух растительности оказывает как на растительность, так и на человека.

Магическая весна.

Наше общее объяснение этих и других подобных обрядов сводится к тому, что по своему происхождению они являются магическими ритуалами, призванными обеспечить возрождение природы весной. Предполагалось, что средствами, с помощью которых они достигают своей цели, являются подражание и симпатическая связь. Пребывая в неведении относительно истинных причин явлений, первобытный человек верил, будто для того, чтобы вызвать к жизни великие силы природы, в зависимости от которых полиостью находится его жизнь, необходимо подражать им и что скромное драматическое действо, которое он разыгрывал на лесной поляне, в горной долине, на пустынной равнине или на обдуваемом ветром берегу моря, при помощи тайной симпатии или мистического влияния неожиданно будет воспринято и повторено в более широких масштабах более могущественными актерами. Он воображал, что, одеваясь в листья и цветы, он помогает оголенной земле одеться зеленью и что, разыгрывая смерть и похороны зимы, он прогоняет это мрачное время года и готовит почву для возвращения весны. Если нам трудно даже представить себе подобный ход мыслей, то гораздо легче вообразить озабоченность дикаря, сознание которого начало возвышаться над инстинктом удовлетворения простейших животных потребностей, когда он принялся размышлять над причинами явлений, над тем, что мы называем ныне законами природы. Нам, знакомым с концепцией единообразия и регулярности, с ко-
427
торыми одни природные явления сменяют другие, кажутся необоснованными опасения, что причины, которые вызывают эти явления к жизни, могут исчезнуть. Но эта уверенность в

постоянстве природных процессов обязана своим появлением на свет единственно опыту, который основывается на широком поле наблюдений и длительной мыслительной традиции. Что же касается первобытного человека, то он обладал слишком узкой экспериментальной базой, эмбриональными мыслительными навыками и недостаточным опытом, чтобы спокойно воспринимать вечно меняющиеся, нередко грозные для него природные явления. Неудивительно поэтому, что затмение солнца часто приводило его в панику, и он склонялся к мысли, что солнце или луна и на самом деле погибнут, если он не поднимет крик и не будет метать в воздух свои жалкие стрелы, чтобы защитить светила от чудовища, которое грозит их поглотить. Неудивительно и то, что он приходит в трепет, когда ночную мглу неожиданно прорезает вспышка метеора или же когда небесный свод вдруг освещается мерцающим светом северного сияния. Даже на природные явления, регулярно повторяющиеся в раз и навсегда установленные промежутки времени, он мог взирать с опасением до тех пор, пока не осознал в их повторении закономерности. Осознание таких периодических или циклических изменений в природе зависит главным образом от длительности соответствующего цикла. Например, везде, кроме полярных регионов, цикл смены дня и ночи так короток и, следовательно, так част, что люди в скором времени перестали серьезно опасаться за его регулярность, хотя древние египтяне, как мы видели, ежедневно совершали магические обряды для того, чтобы утром увидеть на востоке возвращение огненного светила, которое каждый вечер исчезало на розовеющем западе. Однако с круговоротом времен года дело обстоит совсем иначе. Год является для любого человека довольно длительным периодом времени. Для дикаря с его короткой памятью и несовершенными средствами измерения времени год мог казаться столь длинным, что он и вовсе не осознавал его как цикл и наблюдал изменения, происходящие в течение года на земле и на небесах, с неизменным удивлением, попеременно поддаваясь то радости, то отчаянию, то падая духом, а то ликуя в зависимости от чередования света и жары, от изменений в растительной и животной

428

жизни, которая способствовала его благополучию или же угрожала его существованию. Осенью, когда резкие порывы ветра кружили по лесу поблекшие листья, мог ли первобытный человек при взгляде на оголенные ветви быть уверен в том, что они вновь зазеленеют? Видя, как при наступлении полярной ночи солнце день за днем опускается все ниже, мог ли он быть уверен, что когда-нибудь это светило возвратится на свой небесный путь? Даже убывающая луна, чей бледный серп становился с каждой ночью все тоньше и тоньше, могла вызвать опасения, что однажды она исчезнет совсем.

Эти и тысяча других подобных страхов должны были тревожить душу и занимать воображение человека, который впервые начал задумываться над тайнами мира, где он жил, человека, мысли которого стали проникать в более отдаленное будущее, нежели завтрашний день. Естественно поэтому, что, мучимый подобными опасениями, он делал все возможное для того, чтобы возвратить ветвям листву, вернуть на летний путь солнце, восстановить круглую форму серебряного ночного светила. Мы можем, если угодно, снисходительно улыбаться на эти напрасные попытки. Но лишь благодаря длительным сериям экспериментов, многие из которых неизбежно кончались неудачей, человек познал тщетность одних методов и плодотворность других. Таким образом, магические обряды — это не что иное, как неудавшиеся опыты, которые повторялись единственно потому, что экспериментатор не был уверен в их удаче. С прогрессом познания эти обряды прекратили свое существование или продолжали отправляться в силу привычки, тогда как причина их появления на свет давным-давно была предана забвению. Итак, потеряв свое высокое назначение, не будучи рассматриваемы более как торжественные обряды, от пунктуального выполнения которых зависит благополучие и само существование общины, они постепенно опустились до уровня карнавалов, пантомим и развлечений. И наконец, на последней стадии вырождения эти обряды, когда-то всерьез занимавшие взрослых и мудрых людей, становятся праздной детской забавой. Именно на этой последней стадии мы и застаем ныне наиболее древние магические обряды наших европейских предков. И даже из этого последнего прибежища их быстро вымывает поднимающаяся волна многочисленных новообразований морального, интеллектуального и

429

социального порядка, которые влекут человечество к новой, неведомой цели. Мы можем испытывать естественное сожаление по поводу исчезновения причудливых обычаев и живописных обрядов, донесших до нашей эпохи, которую многие считают тусклой и прозаической, аромат и свежесть древних времен, дыхание весны мира. Однако нашего сожаления поубавится,

когда мы вспомним, что эти прелестные церемонии, эти кажущиеся ныне невинными развлечения суть дети невежества и предрассудков. Представляя собой летопись человеческих стремлений, они наряду с этим являются памятниками бесплодного искусства, истраченного понапрасну труда и разбитых надежд. И, несмотря на все украшения — цветы, ленты, музыку, на них лежит неизгладимый налет скорее трагедии, чем фарса.

Объяснение, которое я вслед за В. Маннхардтом попытался дать этим церемониям, получило веское подтверждение благодаря открытию, сделанному уже после написания этой книги: дело в том, что туземцы Центральной Австралии регулярно совершают магические церемонии с целью пробуждения спящих сил природы в преддверии сезона, который можно назвать австралийской весной. Нигде, по-видимому, смена времен года не происходит так неожиданно, нигде контраст между ними не достигает такого размаха, как в пустынях Центральной Австралии, где в конце длительного периода засухи песчаная и каменистая пустыня, в которой царит безмолвие и запустение смерти, после нескольких дней проливного дождя преображается в веселый зеленый луг и наполняется огромным множеством насекомых, ящериц, лягушек и птиц. В чудесном преображении лика природы в такое время года даже европейцы видели нечто магическое. Неудивительно, что это изменение дикарь рассматривал как колдовство. Именно в период, когда чувствовалось приближение этого благодатного сезона, туземцы обычно совершали магические церемонии, целью которых было увеличение числа употребляемых ими в пищу животных и растений. В силу этого данные церемонии чрезвычайно близки к весенним обрядам нашего европейского крестьянства не только по времени их проведения, но и по преследуемой ими цели. Следовательно, мы можем не сомневаться, что, учреждая обычаи, призванные способствовать возрождению растительной жизни весной, наши первобытные предки были движимы не сен-

430

тиментальным желанием вдохнуть аромат первых фиалок, сорвать ранний первоцвет или пронаблюдать танец желтых нарциссов на ветру, а самыми что ни на есть практическими побуждениями, которые, конечно, не формулировались в абстрактных терминах, а сводились к мысли о неразрывной связи между жизнью человека и жизнью растений. А так как вера австралийского дикаря в эффективность магических ритуалов подтверждалась опытом, ибо всегда после их совершения растительная и животная жизнь действительно набирала силу, можно предположить, что то же самое происходило в древние времена с предками современных европейцев. Вид свежей зелени в кустарнике и чаще, зрелище весенних цветов на мшистых берегах, прилет с юга ласточек и вид солнца, с каждым днем все выше поднимающегося на небе, воспринимались ими как неопровержимое свидетельство эффективности их магических чар. Это вселяло в них бодрую уверенность в том, что все будет хорошо в мире, на который можно по желанию влиять в нужном направлении. И только в осенние дни при медленном угасании лета их уверенность бывала поколеблена сомнениями — симптомы неизбежного увядания говорили им о тщетности попыток раз и навсегда предотвратить наступление зимы и смерти.

Глава XXIX. МИФ ОБ АДОНИСЕ

Зрелище ежегодного изменения лица земли во все времена производило на людей огромное впечатление и заставляло их размышлять над причинами столь грандиозных и чудесных превращений. Их любопытство было не лишено корысти, ибо даже дикарь не может не осознавать, насколько тесно его собственная жизнь связана с жизнью природы: ведь те же самые процессы, которые заставляют реку замерзать, а землю лишаться растительного покрова, могут угрожать смертью и ему. На определенной ступени развития люди, вероятно, стали воображать, что средства предотвращения угрожающей им опасности находятся в их собственных руках и что с помощью искусства магии они могут ускорять или же замедлять смену времен года. Поэтому они совершали церемонии и произносили заклинания, чтобы заставить падать на землю дождь, све-

431

тить солнце, размножаться зверей и произрастать плоды земли. Со временем постепенный прогресс науки, рассеявший так много близких сердцу человека иллюзий, убедил наиболее мыслящую часть человечества, что смена лета и зимы, весны и осени является не просто результатом магических обрядов, что в ее основе лежит более глубокая причина, ею управляет более могущественная сила и что это — результат работы, идущей за кулисами изменчивой природы. Тогда люди стали рисовать себе рост и увядание растительности как результат возрастания или убывания силы существ божественного порядка, богов и богинь, которые на манер людей рождались и умирали, вступали между собой в брак и производили на свет потомство.

Таким образом, древняя магическая теория времен года была вытеснена, вернее, она была дополнена теорией религиозной. Ибо, хотя теперь люди стали относить изменения годичного природного цикла главным образом за счет изменений, происходящих с божествами, они тем не менее продолжали думать, что, совершая магические ритуалы, могут помочь богу, который являлся источником жизни, в его борьбе с противостоящим принципом смерти. Они воображали, что могут укрепить его убывающие силы и даже возродить его к жизни. Церемонии, которые они с этой целью соблюдали, были по существу своему инсценировками природных процессов, которым они хотели содействовать в соответствии с известным принципом магии, состоящим в том, что любого желаемого эффекта можно достичь путем простого подражания ему. И так как теперь они объясняли колебания роста и увядания, размножения и распада бракосочетанием, смертью и воскресением богов, их религиозные или, скорее, магические мистерии вращались в основном вокруг этих тем. Мистерии эти инсценировали плодотворный союз сил плодородия, печальную смерть, как минимум, одного из божественных супругов и его радостное воскресение. Так религиозная теория сочеталась с магической практикой. Такое сочетание встречается в истории не так уж редко. Действительно, немногие религии сумели полностью выпутаться из сетей древней магии. Несовместимость двух противоположных принципов, на которых основывались такого рода мистерии, — как бы глубоко она ни беспокоила философа — редко занимает ум рядового человека, который едва ли даже отдает

432

себе отчет в ее существовании. Для такого человека важно действовать, а не анализировать мотивы своих действий. Если человечество всегда было бы последовательным и мудрым, история не являлась бы длинной хроникой глупостей и преступлений.

Из изменений, которые приносят с собой времена года, в умеренной полосе наиболее впечатляющими являются изменения, связанные с жизнью растительности. Влияние смены времен года на животных не столь очевидно. Естественно, что в магических мистериях, призванных изгнать зиму и возвратить лето, основной упор делается на растительный мир и что деревья и растения играют в них более важную роль, чем животные и птицы, хотя обе формы жизни — растительная и животная — еще не отделились одна от другой в умах тех, кто эти церемонии соблюдал. Их участники и в самом деле, как правило, верили, что животный и растительный мир связаны между собой даже теснее, чем это есть на самом деле; соответственно они часто объединяли инсценировку возрождения растительного мира с реальным или символическим половым актом для того, чтобы одновременно содействовать размножению плодов, животных и людей. В их глазах закон жизни и размножения как растений, так и животных был един и неделим. Жить и порождать жизнь, питаться и производить на свет потомство — вот первичные потребности людей прошлого, и до тех пор, пока существует мир, они останутся первичными потребностями людей. Можно прибавить многое другое, для того чтобы обогатить и

украсить человеческую жизнь, однако без удовлетворения этих первичных потребностей человечество прекратит свое существование. Поэтому обеспечение пищи и потомства было главной целью, которую преследовал человек, совершая магические ритуалы, для того чтобы с их помощью регулировать смену времен года.

По-видимому, наиболее широко и торжественно эти ритуалы совершались в странах восточной части Средиземноморского бассейна. Народы Египта и Западной Азии представляли ежегодное увядание и возрождение жизни, особенно растительной жизни, которую они отождествляли с каким-то богом — Осирисом, Таммузом, Адонисом и Аттисом, — ежегодно умирающим и вновь возрождающимся. Названия и детали этих ритуалов в разных местах менялись, но сущность их ос-

433

тавалась той же. Теперь нам предстоит рассмотреть обычаи предания смерти и воскресения этого многоименного, но неизменного по своей природе восточного божества. Начнем с Таммуза, или Адониса.

Культ Адониса существовал у семитских народностей Вазилона и Сирии, и греки позаимствовали его у них еще в VII веке до нашей эры. Настоящее имя божества было Таммуз; имя Адонис происходит от семитского слова *adon* («господин», «господь») — уважительная форма обращения к нему верующих. Греки, однако, плохо поняв его смысл, превратили эту форму обращения в имя собственное. В вавилонской религиозной литературе Таммуз фигурирует в качестве юного супруга или любовника Иштар, Великой Богини-Матери, олицетворяющей воспроизводящие силы природы. Хотя намеки на их связь как в мифе, так и в ритуале туманны и фрагментарны, из них мы узнаем, что каждый год Таммуз покидал светлую землю и спускался в мрачный подземный мир, и каждый год его божественная возлюбленная отправлялась на поиски бога «в землю, откуда нет возврата, в жилище темноты, где дверь и засов покрыты пылью». На время ее отсутствия прекращалось действие любовной страсти: люди и животные словно забывали о необходимости воспроизводства своего вида, и все живое находилось под угрозой вымирания. Спаривание во всем животном мире было так тесно связано с Иштар, что оно возможно было исключительно при ее содействии. Поэтому посланник великого бога Эа отправлялся с поручением освободить эту богиню, носительницу столь важной функции. Суровая царица дьявольского края, Аллату, или Ереси-Кигал, неохотно разрешала окропить Иштар живой водой и отпускала ее в верхний мир, вероятно, вместе с ее возлюбленным Таммузом. С возвращением этих божеств связывалось возрождение природы.

Некоторые вавилонские гимны содержат заупокойные песнопения по Таммузу, этот бог сравнивается с быстро увядающими растениями:

Тамариск, что умирает от жажды в саду,
Чья крона в поле не принесла ни одною цветка;
Ива, что не насытилась вдосталь водой;
Ива с вырванными корнями;
Растение, которое умирает от жажды в саду.

434

Смерть Таммуза под пронзительную музыку флейт ежегодно оплакивалась мужчинами и женщинами приблизительно в середине лета, в месяце, названном по имени бога Таммузом. По-видимому, над изображением мертвого бога эти люди распевали погребальные песнопения, само же изображение они омывали чистой водой, смазывали маслом и облачали в красную мантию. В воздух в это время поднимались пары фимиама, чтобы острый аромат взбодрил спящие чувства бога и пробудил его от смертельного сна. В одной из этих траурных песен, носящей название «Стенание флейт по Таммузу», мы, кажется, еще улавливаем голоса певцов, затягивающих грустный припев, и как бы издалека до нас доходят рыдающие звуки флейт:

Когда он исчезает, она поднимает плач:
«О мое дитя!»
Когда он исчезает, она поднимает плач:
«Мой Даму!»
Когда он исчезает, она поднимает плач:
«Мой чародей и жрец!»
Когда он исчезает, она поднимает плач
У великолепного кедра, пустившего корни на просторе.
В Эанне сверху и снизу она поднимает плач.
Она поднимает плач, подобный плачу семьи по хозяину,
Она поднимает плач, подобный плачу города по владыке.
Ее стенание — это стенание о растении, которое не растет на грядке.
Ее стенание — это стенание о силе, которой наливается колос.

Ее спальня — это владение, которому не дать прироста.
Утомленная женщина, утомленный и чахлый ребенок.
Она стенает о большой реке, у которой не растет ни одной ивы.
Она стенает о поле, в котором не растет ни хлеба, ни растений.
Она стенает о водоеме, в котором не плодится рыба.
Она стенает о зарослях, в которых не растет камыш.
Она стенает о лесах, в которых не растут тамариски.
Она стенает о диких местах, где не растут кипарисы.
Она стенает о чаще древесного сада, что не дает ни меда, ни вина.
Она стенает о лугах, на которых не растут растения.
Она стенает о дворце, из которого ушло долголетие.

Трагическая история и грустные обряды в честь Адониса известны нам больше из описаний греческих авторов, нежели из фрагментов вавилонской литературы или краткого упоминания пророка Иезекииля о том, что он видел жительниц Иерусалима оплакивающими Таммуза у северных ворот храма. Отразившись в зеркале греческой мифологии, это восточное божество предстает перед нами в виде прекрасного

435

юноши, которого полюбила богиня Афродита. Когда Адонис был младенцем, богиня спрятала его в ларец, который она передала на хранение царице подземного мира Персефоне. Но когда Персефона открыла ларец и увидела красоту ребенка, она отказалась вернуть его Афродите, хотя богиня любви самолично спустилась в ад, чтобы выкупить свое сокровище из царства смерти. Спор между богинями любви и смерти был разрешен Зевсом, который постановил, чтобы Адонис одну часть года проводил с Персефоной в подземном мире, а другую — с Афродитой на земле. В конце концов прекрасный юноша во время охоты был убит вепрем, или ревнивым Аресом, который превратился в вепря для того, чтобы устранить своего соперника. Горько оплакивала Афродита смерть своего возлюбленного. В этом варианте мифа спор между Афродитой и Персефоной за обладание Адонисом подобен борьбе между Иштар и Аллату в царстве мертвых, в то время как решение Зевса о том, что одну часть года Адонис должен проводить под землей, а другую — на земле, является просто-напросто греческой версией ежегодного исчезновения и появления Таммуза.

Глава XXX. АДОНИС В СИРИИ

Центрами действия мифа об Адонисе и торжественного ритуала этого бога являлись два места в Западной Азии: Библос на побережье Сирии и Пафос на острове Кипр. Жители этих городов поклонялись Афродите, вернее, ее семитическому двойнику — богине Астарте. Правителем этих центров, если верить преданию, был царь по имени Кинир[1], отец Адониса. Город Библос считался самым древним в Финикии, в незапамятные времена он был основан великим богом Эл, которого греки и римляне отождествляли с Кроносом и Сатурном. Как бы то ни было, в исторические времена этот город считался местом священным, религиозной столицей страны, некой финикийской Меккой или Иерусалимом. Стоял этот город на возвышении, недалеко от моря; Библос славился свя-

[1] Кинир — мифический первый царь Кипра и города Библоса п Финикии.

436

тилищем Астарты, где посреди открытого двора, окруженного крытыми галереями — снизу к ним можно было подняться по лестницам, — возвышался конусообразный обелиск, священный символ богини. В этом святилище совершались обряды в честь бога Адониса. Адонису был посвящен и весь город, и река, впадающая в море несколько южнее Библоса, в древности также носившая имя Адониса. Таково было царство Кинира. Во все времена город управлялся царями, при которых, возможно, имелся сенат или совет старейшин.

Последний царь Библоса, носивший древнее имя Кинир, был обезглавлен Помпеем Великим[1] за то, что пользовался властью крайне тиранически. Его легендарному тезке, царю Киниру, приписывалось основание святилища богини Афродиты, или Астарты, на горе Ливан, расположенной на расстоянии одного дня ходьбы от столицы. Вероятно, этим местом был городок Афака в верховьях реки Адонис, на полпути между Библосом и Баалбеком. В Афаке находилась знаменитая роща и святилище Астарты, которое было разрушено по приказу императора Константина по причине изуверского характера этого культа. Место, на котором находился храм, было обнаружено современными путешественниками около убогой деревушки, которая до сих пор носит название Афка и расположена на опушке романтического, дикого, поросшего лесом ущелья Адониса. Деревушка находится среди вековых ореховых рощ на краю обрыва. Неподалеку от этого места река вырывается из пещеры, расположенной у подножия огромного скалистого амфитеатра, и каскадами низвергается на самое дно долины. Чем ниже, тем роскошнее и гуще становится растительность; вырываясь наружу из всех этих трещин и расщелин, она простирается зеленым покрывалом над ревущим, грохочущим на дне огромной пропасти потоком. Есть нечто восхитительное, почти опьяняющее в свежести этой низвергающейся каскадом воды, чистоте горного воздуха, в яркой зелени растений. Храм, на месте которого до сих пор возвышаются несколько отесанных глыб и прекрасная колонна из гранита, занимал обращенную к устью реки террасу, с которой открывался великолепный вид. Через пену и рев ниспадающих вод взгляд скользит вверх к пещере и достигает наконец грандиозных обрывов,

[1] Помпей Великий Гней (106-48 до н. э.) — римский полководец.

437

возвышающихся над ней. Утес этот настолько велик, что козы, которые передвигаются по его краям, ощипывая молодые побеги на кустах, кажутся находящемуся внизу наблюдателю муравьями. Со стороны моря открывается особенно впечатляющий вид, когда солнце наводняет это глубокое ущелье своим золотым светом, обнажая фантастические опоры и закругленные башни этого горного укрепления, мягко падая на лесную зелень. Именно здесь Адонис, согласно преданию, в первый или в последний раз встретил Афродиту; здесь же было похоронено его истерзанное тело. Трудно вообразить себе более пленительный фон для истории трагической любви и смерти. Долина, впрочем, не столь пустынна, как это может показаться. То здесь, то там можно разглядеть монастырь или деревушку, оставшуюся наедине с небом на вершине какого-нибудь выступающего вперед утеса, прилепившуюся к почти отвесной скале, иногда над бешеным потоком реки. А вечером мерцающие сквозь мглу огоньки выдают присутствие селений на кажущихся неприступными склонах. По-видимому, в древности вся эта чудесная долина была посвящена Адонису. Память о нем витает над ней и поныне, ибо высокие утесы, которые сжимают долину, то здесь, то там увенчаны разрушенными памятниками культа этого бога. Некоторые из этих строений нависают над захватывающими дух безднами, в которые и посмотреть-то невозможно без головокружения; далеко внизу под ними можно различить кружащихся около своих гнезд орлов. Один такой памятник находится в Гине. На лицевой стороне этого громадного

камня над грубо вырубленной нишей высечены фигуры Адониса и Афродиты. Он изображен с копьем в руке в ожидании вепря, а она сидит в скорбной позе. Эта пораженная горем фигура, возможно, и является плачущей Афродитой Ливанской, описанной Макробием, а ниша в скале — это, вероятно, могила ее возлюбленного. Участники культа Адониса верили, что каждый год этот бог умирал в горах от смертельной раны и каждый год природа окрашивалась его священной кровью. Так год за годом девицы оплакивали его преждевременную смерть, когда цветы Адониса — красные анемоны — расцветали среди ливанских кедров и река Адонис волнистой розовой лентой текла в море, окаймляя извилистые берега голубого во время берегового бриза Средиземного моря.

438

Глава XXXI. АДОНИС НА ОСТРОВЕ КИПР

На расстоянии одного дня морского путешествия от берегов Сирии лежит остров Кипр. В прекрасные летние вечера низкие и темные кипрские горы неясно вырисовываются на фоне алого зарева заката. Этот остров, богатый залежами меди, лесами, сплошь состоящими из елей и величественных кедров, естественно, привлекал к себе моряков и купцов, какими были финикийцы. Земля эта, обильная зерном, вином и нефтью, по сравнению со скудной природой их родного, зажатого между горами и морем, сурового побережья должна была казаться финикийцам землей обетованной. Они поселились на Кипре в очень давние времена и оставались там долгое время после того, как на его берегах обосновались греки. Из надписей и монет следует, что финикийские цари правили в Цитиуме, Хиттиме Иудейском до эпохи Александра Великого. Колонисты-семиты, естественно, принесли с собой культ своих богов. Они поклонялись ливанскому богу Ваалу, который вполне мог быть двойником Адониса; в городе Амафонте, на южном побережье острова, они учредили культ Адониса и Афродиты (Астарты). Здесь, как и в Библосе, эти обряды имели такое поразительное сходство с культом Осириса, что некоторые жители этих мест отождествляли Адониса Амафонтского с Осирисом.

Однако центром поклонения Афродите и Адонису на Кипре был Пафос, расположенный в юго-западной части острова. Среди маленьких самостоятельных монархий, на которые был разделен Кипр, одной из самых значительных с незапамятных времен и до конца IV века до нашей эры был Пафос. Это земля холмов и волнистых хребтов, перемежающихся с полями и виноградниками, изрезанная реками, которые в течение веков вырыли себе такие глубокие русла, что путешествия по внутренним районам страны трудны и утомительны. Величественный горный кряж Олимпа (современного Троодоса), большую часть года покрытый снегом, прикрывает Пафос от северных и восточных ветров и отрезает его от остальной части острова. На склонах этого горного кряжа постепенно исчезают остатки сосновых лесов, в которых то тут, то там скрываются монастыри. Эта горная местность напоминает Апеннины. Древний город Пафос занимал вершину холма приблизитель-

439

но в полутора километрах от моря, тогда как новый город вырос примерно пятнадцатью километрами дальше. Святилище Афродиты в древнем городе Пафосе (современной Куклии) было одним из самых знаменитых святых мест в древнем мире. Согласно Геродоту, основано оно было финикийскими колонистами из Аскалона. Возможно, однако, что местной богине плодородия поклонялись на этом месте еще до прихода финикийцев и пришельцы отождествили ее с их собственной Баалтой, или Астартой, с которой та, скорее всего, имела близкое сходство. Если два божества действительно слились в одно, мы можем предположить, что речь идет о разновидностях Великой богини материнства и плодородия, чей культ, видимо, с давних времен был распространен по всей Западной Азии. Предположение это подтверждается как архаичностью изображения богини, так и откровенным характером связанных с ней ритуалов: манера изображения и ритуалы этой богини были похожи на облик и обрядовость других богинь азиатского происхождения. Богиню изображали в виде простого белого конуса или пирамиды. Конус служил также символом Астарты в Библосе, местной богини в Перге, в Тамфилисе, прозванной греками Артемидой, и бога солнца Гелиогабала в Эмезе, в Сирии. Камни конической формы, служившие, очевидно, идолами, были найдены в Гольге, на Кипре и в Финикийских храмах на острове Мальта; конусообразные фигуры из песчаника были обнаружены в усыпальнице Владычицы бирюзы среди бесплодных холмов и мрачных пропастей Синая.

На Кипре первоначально обычай, очевидно, требовал, чтобы перед замужеством все женщины отдавались чужестранцам в святилище богини (носила она имя Афродиты, Астарты или какое-нибудь еще). Подобные обычаи господствовали во многих частях Западной Азии. Каковы бы ни были причины существования этого обычая, придерживавшиеся его народы не рассматривали этот обычай как уступку похоти, а видели в нем неотъемлемый религиозный долг, исполняемый во имя Великой Матери, которую жители разных мест называли по-разному, но в образ которой все они вкладывали, по сути дела, один и тот же смысл. Таким образом, в Вавилоне каждая женщина, будь она богата или бедна, один раз в жизни обязана была отдаться чужестранцу в храме богини Милитты, тождественной Иштар, или Астарте,

440

и посвятить заработанные этой религиозной проституцией деньги богине. Священная территория, прилегающая к храму, была переполнена женщинами, ожидающими своей очереди. Некоторым из

них приходилось ждать годами. В Гелиополе, или Баальбеке (Сирия), славящемся великолепием своих полуразрушенных храмов, обычай предписывал каждой девушке отдаться иностранцу в храме Астарты; таким же образом показывали свою преданность этой богине и замужние женщины. Император Константин запретил этот обычай, разрушил храм и построил на его месте церковь. В финикийских храмах женщины занимались проституцией за плату, пребывая в уверенности, что добиваются таким образом благосклонности богини. «По закону Аморреев девушка на выданье должна была семь дней вступать во внебрачные половые связи у ворот храма». В Библосе люди во время ежегодного траура по Адонису брили себе головы. Женщины, которые отказывались пожертвовать своими волосами, должны были в определенный день праздника отдаваться чужестранцам, а деньги, которые они таким образом зарабатывали, посвящались богине. Греческая надпись, найденная в Тралле, в Лидии, доказывает, что практика религиозной проституции сохранилась до II века нашей эры. Надпись гласит, что некая женщина по имени Аврелия Эмилия не только сама по велению бога служила ему в качестве проститутки, но то же самое делала ее мать и другие предки женского пола. Публичность этой выгравированной на мраморной колонне надписи, подтверждающей исполняемую по обету жертву, показывает, что в подобном образе жизни и в родстве с подобными женщинами местные жители не видели ничего зазорного. В Армении представители знатных семейств посвящали своих дочерей богине Анаит. Девушки служили при ее храме в Асилезене, где в течение длительного времени они отдавались мужчинам до тех пор, пока не выходили замуж. Женитьба на одной из таких девиц по окончании периода ее службы не считалась чем-то зазорным. В Комане, в Понте, множество священных проституток служило богине Ма. Толпы мужчин и женщин стекались в ее святилище из соседних городов, чтобы участвовать в празднествах, устраивавшихся раз в два года, или выполнить данные богине обеты.

Сводя воедино все свидетельства на этот счет — некоторые

441

из них я предоставлю вниманию читателя в дальнейшем, — мы можем заключить, что Великая Богиня-Мать, воплощающая в себе производящие силы природы, под различными именами почиталась многими народами Западной Азии, причем связанные с ней миф и ритуал оставались, по существу, одинаковыми. Верующие повсеместно давали в спутники таким богиням возлюбленного, вернее, сразу нескольких божественных, но смертных возлюбленных, с которыми богиня сходилась из года в год; их общение считалось необходимым для размножения как животных, так и растений. И наконец, небесное соединение божественной пары в еще более широких масштабах воспроизводилось на земле в виде настоящей, хотя и временной, половой связи мужчин и женщин в святилище богини с целью обеспечения плодородия земли, плодовитости людей и животных.

Считается, что обычай религиозной проституции был учрежден в Пафосе царем Киниром и на практике осуществлен царскими дочерьми, сестрами Адониса, навлекшими на себя гнев богини Афродиты. Они отдавались чужеземцам и кончили свои дни в Египте. Гнев Афродиты в этом варианте предания был, скорее всего, вымышлен позднейшим автором, моральное чувство которого было возмущено подобным поведением. Ему казалось, что ежегодное жертвоприношение, предписанное богиней верующим, было их наказанием. Это предание, во всяком случае, свидетельствует, что пафосские царевны должны были подчиняться этому предписанию наравне с женщинами простого происхождения.

Некоторые из преданий о предке священных царей Пафоса, отце Адониса — Кинире, заслуживают нашего внимания. Прежде всего это относится к мифу о рождении Адониса от кровосмесительной связи Кинира со своей дочерью Миррой на празднике в честь богини хлеба. Во время этого праздника женщины одевались во все белое и в качестве первин урожая приносили в жертву венки из колосьев. В течение девяти дней они должны были соблюдать строгое целомудрие. Мы располагаем сведениями о кровосмесительных связях с дочерьми многих древних царей. Не похоже, чтобы подобные сообщения не имели под собой никаких оснований. Нам кажется, что они вытекают из образа действий, которого по некоторым соображениям придержива-

442

лись при особых обстоятельствах. В то время в странах, где царский титул передавался исключительно по женской линии и царями становились лишь по праву женитьбы на наследнице престола, которая и являлась реальной правительницей, видимо, часто случалось так, что царевич женился на собственной сестре для того, чтобы вместе с ее рукой получить и корону, которая в противном случае должна была перейти к другому мужчине, возможно к иностранцу. Не это ли

правило наследования вызвало к жизни брак царя с дочерью? Таково, видимо, естественное следствие из правила наследования, при котором после смерти своей жены царь обязан был освободить трон, так как занимал он его только благодаря своей женитьбе на ней. С распадом брака истекало и его право на трон, которое незамедлительно переходило к мужу его дочери. Следовательно, если царь стремился править после смерти своей жены, то единственный законный путь к достижению этой цели состоял для него во вступлении в брак со своей дочерью. Таким образом, благодаря ей он сохранял за собой титул, который был приобретен им благодаря ее матери.

Известно, что Кинир славился исключительной красотой и за ним будто бы ухаживала сама Афродита. Кинир, как отмечали специалисты, вероятно, был как бы двойником Адониса, которому эта увлекающаяся богиня также отдала свое сердце. Кроме того, эти предания о любви Афродиты к двум членам пафосского царского дома с трудом можно отделить от легенды о финикийце Пигмалионе, царе Кипра, о котором рассказывают, что он влюбился в изображение Афродиты и клал его на свое ложе. Если вспомнить, что Пигмалион приходился Киниру тестем, что сыном Кинира был Адонис и что все трое по очереди состояли в любовной связи с Афродитой, то нельзя не прийти к выводу, что первые финикийские цари Пафоса или их сыновья притязали быть не просто жрецами богини, но и ее возлюбленными. Во всяком случае, Адонис, по преданию, правил на Кипре, и кажется достоверным, что титул Адониса закрепился на этом острове за сыновьями всех финикийских царей. Правда, слово «адонис» в строгом смысле значило всего лишь «господин»; хотя предания, которые связывают этих членов кипрского царского дома с богиней любви, дают основание предположить, что на божественность Адониса они притязали в той же мере, как и

443

на его титул. То же самое можно сказать и о Пигмалионе. Предание о Пигмалионе, в котором упоминается об обряде священного брака, которым царь сочетался с изображением Афродиты, вернее, Астарты, относится, очевидно, не к одному человеку: это имя было нарицательным именем царей семитического происхождения в целом и кипрских царей в частности. Во всяком случае, Пигмалионом, как известно, звали знаменитого тирского царя, от которого убежала его сестра Дидона. Царя Идалия на Кипре, который правил во времена Александра Великого[1], также звали Пигмалионом, вернее, Пумиафоном *(Pumiython).* Это финикийское имя греки переделали на Пигмалион. Кроме того, следует отметить, что имена Пигмалион и Астарта встречаются в надписи пунического периода на золотой медали, которая была обнаружена в одном карфагенском захоронении (надпись очень древняя).

Предание гласит, как уже отмечалось, что обычай религиозной проституции был учрежден в Пафосе царем Киниром. Ритуальную роль божественных женихов Астарты играли цари Пафоса. Каждый из них должен был в роли Адониса вступать в половые сношения с храмовыми проститутками, игравшими роль богини Астарты. Дети, родившиеся от такого союза, рассматривались как сыновья и дочери божества и должны были со временем, в свою очередь, стать родителями богов и богинь. Таким образом, пафосское святилище Великой богини и, возможно, все другие, где практиковалась проституция в религиозных целях, должно быть, насчитывало много таких человекобогов — отпрысков священного царя от его жен, наложниц и храмовых проституток. Любой из этих отпрысков мог занять трон своего отца, быть принесенным в жертву вместо него в случае войны или при других печальных обстоятельствах, требующих принесения в жертву человека царской крови. Подобный налог, время от времени взимаемый на благо страны с многочисленного царского потомства, не мог ни пресечь этот священный род, ни разбить сердце отца, который делил свои родительские чувства на такое количество детей. Во всяком случае, если — и этому есть основание верить — семитские цари одновремен-

[1] Александр Македонский (Великий) (356 — 323 до н. э.) — царь Македонии с 336 г. до н. э.

444

но по традиции рассматривались и как божества, становится легко объяснимым обилие имен собственных семитического происхождения, которые подразумевали, что их носители были сыновьями или дочерьми, братьями или сестрами, отцами или матерями бога. В таком случае нам нет нужды прибегать к ухищрениям, с помощью которых некоторые ученые стремились обойти недвусмысленное значение таких слов. Эта интерпретация подкрепляется сходным египетским обычаем; в Египте, где царям поклонялись как божествам, царица именовалась «женой бога» или «матерью бога», и титул «отца бога» носил не только отец царя, но и его тесть. Точно так же у семитов любому человеку, который посылал свою дочь для пополнения царского гарема,

возможно, разрешалось именовать себя «отцом бога».

Судя по имени, семитский царь Кинир, подобно царю Давиду, был арфистом, так как имя Кинир связано с греческим словом *cinyra,* то есть «лира», которое, в свою очередь, происходит от семитского слова *kinnor* — «лира». Именно так назывался инструмент, на котором Давид играл перед Саулом. Мы, наверно, не ошибемся, предположив, что игра на лире или на арфе на Пафосе, как и в Иерусалиме, была не просто досужим развлечением, но составляла часть религиозной службы, так как глубокое воздействие на душу музыки, как и состояние опьянения, вероятно, приписывалось прямому влиянию божества.

Мы не сомневаемся, что музыка, самое проникновенное и волнующее из всех искусств, сыграла значительную роль в деле формирования и выражения религиозных эмоций, более или менее глубоко видоизменяя тем самым структуру веры, по отношению к которой она на первый взгляд кажется всего лишь служанкой. Подобно пророку и мыслителю, внес свой вклад в формирование религиозного мировоззрения и музыкант. Каждая вера выражается при помощи соответствующей музыки, и различие между системами верований поддается едва ли не исчерпывающему выражению в нотной записи. Например, расстояние, которое отделяет дикие оргии Кибелы от торжественного ритуала католической церкви, количественно выражается в пропасти, которая отделяет нестройный гул кимвалов и бубнов от величественной гармонии Палестрины и Генделя. Сквозь различную музыку проглядывают здесь различия духовного порядка.

445

Глава XXXII. РИТУАЛ АДОНИСА

На праздниках в честь Адониса, которые ежегодно справлялись в Западной Азии и Греции, оплакивалась смерть бога. Женщины, одетые в похоронные одежды, горько рыдая, несли его изображения и бросали их в море или в водоемы. На следующий день в некоторых местах праздновали воскресение Адониса. В различных районах эти церемонии несколько отличались в деталях; они, видимо, разнились также в зависимости от времени их проведения. В Александрии изображение Афродиты и Адониса помещали для всеобщего обозрения на двух ложах; рядом с ними раскладывали разнообразные спелые плоды, пироги, ставили горшки с растениями и зеленые беседки, перевитые анисом. В течение дня участники справляли свадьбу Адониса и Афродиты, а наутро женщины одевались плакальщицами и с распущенными волосами и обнаженной грудью несли изображение мертвого Адониса на берег моря и вверяли его волнам. Однако и в скорби своей они не теряли надежды и пели, что умерший должен возвратиться. Дата проведения этой александрийской церемонии точно не установлена, но из упоминания о спелых плодах следует, что происходила она поздним летом. В великом финикийском святилище Астарты в Библосе смерть Адониса ежегодно оплакивалась под пронзительные рыдающие звуки флейты. Люди стенали, били себя в грудь, однако верили, что на следующий день божественный Адонис возвратится к жизни и в присутствии верующих вознесется на небеса. Оставленные на земле безутешные верующие брили головы точно так же, как это делали египтяне после смерти священного быка Аписа.

Этот финикийский праздник, по-видимому, справлялся весной, так как дата его проведения определялась изменением цвета реки Адонис, а по свидетельству современных путешественников, это происходит как раз весной. В это время года красная земля, на огромных расстояниях смытая с гор дождем, придает речной и даже морской воде кроваво-красный оттенок. Считалось, что это малиновое пятно и есть кровь Адониса, которого ежегодно смертельно ранит вепрь на горе Ливан. Кроме того, считается, что алые анемоны расцвели на крови Адониса или окрасились ею, а так как в Сирии

446

анемон цветет приблизительно на Пасху, это наводит на мысль, что праздник Адониса — по крайней мере один из его праздников — справлялся весной. Название цветка, возможно, происходит от слова *naaman* («милый»), которое, по-видимому, являлось эпитетом Адониса. Арабы до сих пор называют анемон «ранами *naaman*». Считалось, что красная роза также обязана своим цветом печальному обстоятельству: спеша к своему раненому возлюбленному, Афродита наступила на куст белых роз, жестокие шипы вонзились в ее нежное тело, и ее священная кровь навеки окрасила белые розы в красный цвет. Может быть, несколько рискованно придавать такой вес аргументам, извлеченным из календаря цветов, в особенности такому хрупкому аргументу, как цветение розы. Однако в той мере, в какой предание, которое связывает дамасскую розу со смертью Адониса, вообще имеет какой-то смысл, можно утверждать, что празднование страстей этого бога происходило скорее летом, чем весной. На Аттике этот праздник явно приходился на разгар лета. Ибо флот, который Афины снарядили против Сиракуз и поражение которого надолго ослабило их могущество, отплыл в середине лета, и по зловещему стечению обстоятельств в то же самое время справлялись мрачные ритуалы Адониса. Когда войска шли к гавани, чтобы погрузиться на корабли, улицы, по которым они проходили, были уставлены гробами и изображениями трупов, и в воздухе звучали душераздирающие стенания женщин об умершем Адонисе. Это обстоятельство внушило опасения относительно успеха самой блестящей морской экспедиции, когда-либо снаряженной афинянами. Много веков спустя, во время первого вторжения императора Юлиана[1] в Антиохию, он также застал веселую и роскошную столицу Востока погруженной в наигранное горе по поводу смерти Адониса. Если бы этот император обладал хоть какой-то способностью предчувствовать, стенания, которые звучали в его ушах, должны были показаться ему похоронным звоном.

Эти обряды имеют с индийскими и европейскими обрядами очевидное сходство. Александрийская церемония — если не считать некоторых сомнений относительно времени ее празднования — почти тождественна индийской. На бракосочетаниях обоих божеств (на их связь с растительностью указывает

[1] Юлиан (331-363) - римский император с 361 г.

447

то, что их обвивают живыми растениями) они представлены изображениями, которые затем

оплакивают и погружают в воду. Сходство этих обычаев друг с другом, а также с европейскими обрядами весенне-летнего цикла наводит на мысль о том, что в основе их лежат одни и те же причины. Поэтому, если принять наше объяснение европейских обрядов, церемония смерти и воскресения Адониса также предстанет в виде театрального действа, изображающего упадок и возрождение растительной жизни. Этот вывод, основанный на сходстве упомянутых обрядов, подтверждается и другими деталями предания об Адонисе и связанного с его культом ритуала. Близость этого бога к растительности сразу видна из предания о рождении Адониса. Родился он, если верить преданию, от миррового дерева: после десятимесячной беременности кора дерева лопнула — и на свет появился прекрасный младенец. Согласно другой версии мифа, кору своими клыками вспорол дикий кабан. Позднейшей рационализацией этого предания о рождении Адониса является версия, согласно которой матерью Адониса якобы была женщина по имени Мирра; она превратилась в мирровое дерево вскоре после того, как забеременела. Своим возникновением этот миф, возможно, обязан тому, что мирра использовалась на празднике Адониса в качестве благовония. Благовония, как мы знаем, сжигались и во время соответствующих вавилонских обрядов. В честь Царицы Неба, которая была не кем иным, как Астартой, курили благовония идолопоклонники-евреи. Миф о том, что половину (по другой версии, треть) года Адонис проводил в подземном царстве, находит наиболее простое и естественное объяснение в предположении, что он символизировал растительность (прежде всего злаковые), которая половину года проводит под землей, а другую половину — на ее поверхности. В годичном природном цикле ничто так явно не наводит на мысль о смерти и возрождении, как увядание растительности осенью и ее появление на свет весной. Некоторые исследователи принимали Адониса за солнце. Однако в годичном обращении этого светила в зоне умеренного и тропического климата нет ничего, что напоминало бы миф об умирании и воскресении Адониса. Можно сказать, что в зимний период энергия солнца здесь ослабевает, но оно продолжает ежедневно появляться на горизонте. Лишь за Полярным кругом в зависимости от географической широты это светило исчезает на период от

448

двадцати четырех часов до шести месяцев. Но ведь никто, за исключением злополучного астронома Бальи, не считал, что родиной культа Адониса являются полярные страны. Идея умирания и возрождения растительности легко овладевает умом человека на любой стадии дикости и цивилизации. Огромный размах и неизменная повторяемость упадка и возрождения растительного мира и тесная зависимость от него человека (по крайней мере в зонах с умеренным климатом) более всего поражают воображение. Неудивительно, что столь важное, впечатляющее и всеобщее явление, породив в головах людей сходные идеи, вызвало к жизни в разных регионах и сходные обряды. В силу этого мы можем принять вышеизложенное объяснение культа Адониса, которое хорошо согласуется с протеканием природных процессов и имеет аналогии в других регионах. В пользу этого объяснения говорят, кроме того, свидетельства самих древних, которые многократно истолковывали умирающего и воскресающего бога как жатву и всход посевов.

Тесная связь Таммуза или Адониса со злаковыми недвусмысленно дает себя знать в описании его празднества, составленном арабским автором X века. Описывая обряды и жертвоприношения, приносимые в различные времена года язычниками Харрана (Сирия), он сообщает следующее: «Праздник Таммуза в середине месяца эль-Бугат (июль), то есть праздник плачущих женщин. Это праздник Та-Уза, справляемый в честь бога Та-Уза. Женщины оплакивают его, потому что хозяин жестоко убил его. Он перемолол его кости на мельнице, а затем рассеял их по ветру. Во время этого праздника женщины не едят ничего перемолотого. Они ограничивают свой рацион размоченными пшеничными зернами, зеленым горошком, финиками, изюмом и т. д. ». Та-Уз, или Таммуз, в этом описании напоминает Джона Ячменное Зерно Роберта Бернса:

Не пожалев его костей, Швырнули их в костер, А мясо мельник меж камней Безжалостно растер.[1]

Особая связь Адониса со злаковыми растениями характеризует культурный уровень, на котором приверженцы его

[1] Перевод С. Маршака.

449

культа находились в то исторически отдаленное время. Эти народы в течение многих веков вели оседлый образ жизни, питаясь в основном продуктами земледелия. Все, что имело жизненно важное значение для их грубых предков, — ягоды и коренья пустыни, трава пастбищ — на данном этапе очень мало занимало мысли людей, которые все более сосредоточивались на основном продукте питания — хлебе. Соответственно на передний план в их религии все более выдвигалось

умилостивление бога плодородия вообще и духа хлеба в частности. Эти обряды преследовали сугубо практическую цель. Радостно приветствовать возрождение растительности и оплакивать ее увядание земледельческие народы побудило отнюдь не туманное поэтическое чувство. Основной причиной возникновения культа Адониса было чувство голода и страх перед ним.

Отец Лагранж[1] высказал предположение, что плач по Адонису был, по существу, жатвенным обрядом, имеющим своей целью умилостивить бога хлеба, который в это время года находил смерть под ударами серпов в поле или под копытами волов на току. В то время как мужчины убивали бога, женщины, сидя дома, проливали крокодиловы слезы, чтобы смирить его вполне объяснимый гнев. Эта теория хорошо согласуется с тем фактом, что временем проведения этих праздников является весна или лето, так как именно на эти сезоны приходится жатва ячменя и пшеницы в странах, где был распространен культ Адониса. В подтверждение этой гипотезы можно привести обычай египетских жнецов, которые, срезав первые колосья, со стенанием возносили молитву Исиде. Вспомним, что многие охотничьи племена также проявляют глубокое почтение к животным, которых убивают и употребляют в пищу.

Смерть Адониса в нашем понимании символизирует не естественное увядание растительности в летний зной и в зимнюю стужу, а насильственную смерть злаков от руки человека, который сжинает их в поле, топчет на току и растирает в муку на мельнице. Можно допустить, что именно так в более поздние времена представляли себе Адониса земледельческие народы Леванта. Однако сомнительно, чтобы с самого начала

[1] Лагранж Жозеф Луи (1736—1813) — французский математик и механик.

450

он был исключительно хлебным божеством. В более раннюю эпоху скотоводы могли считать его богом нежной травы, которая пробивается после дождя и дает их тощему и голодному скоту обильный корм. А еще раньше Адонис, вероятно, служил воплощением духа орехов и ягод, которые первобытный охотник вместе со своей женой собирал в осенних лесах. Подобно тому как земледелец умилостивляет дух злаков, скотовод обращается с молитвой к духу трав и листьев, служащих кормом для скота, а охотник задабривает дух кореньев и плодов. Во всех этих случаях для умилостивления оскорбленного, разгневанного духа в ход, естественно, идут замысловатые извинения и оправдания, сопровождаемые громкими причитаниями по поводу его кончины, если в силу прискорбной случайности (или необходимости) духа умертвили да еще и ограбили. Но не следует упускать из виду, что первобытный охотник и скотовод в ту раннюю эпоху еще не имели абстрактной идеи растительности и Адонис был для них не персонификацией растительной жизни в целом, а хозяином конкретного дерева и растения. Другими словами, Адонисов было столько же, сколько деревьев и кустарников, и каждый из них мог рассчитывать на возмещение убытков, причиненных его личности или его собственности. Из года. в год во время осеннего листопада первобытному человеку казалось, что каждый из этих Адонисов вместе с красными листьями умирает от потери крови, чтобы вновь возвратиться к жизни со свежей весенней зеленью.

Есть некоторые основания полагать, что персонификацией Адониса в ту отдаленную эпоху был живой человек, в лице которого этот бог умирал насильственной смертью. Известно, что у земледельческих народов восточной части Средиземноморского бассейна воплощениями духа злаков были люди, которых приносили в жертву на поле жатвы. В таком случае не лишено вероятности предположение, что в какой-то мере умилостивление духа злаков сливается с культом покойников. Считалось, вероятно, что души принесенных в жертву людей возвращались к жизни в виде колосьев, которые взошли на их крови, и во второй раз находили смерть во время жатвы. Но ведь души людей, умерших насильственной смертью, полны гнева и при первой возможности способны обрушить на убийц свою месть. Поэтому в народных поверьях стремление умилостивить души убитых людей сливается

451

со стремлением задобрить убитого духа злаков. И как дух зерна оживает в зеленеющих побегах, так, согласно поверью, и принесенные в жертву люди возрождаются к жизни с весенними цветами, пробужденными от долгого сна нежным дыханием весны. Да, их кости упокоились в земле. Но что может быть естественней мысли о том, что из их праха пробились фиалки и гиацинты, розы и анемоны, что это кровь жертв окрасила цветы в пурпурный и розовый тона, что цветы содержат в себе частицу души принесенных в жертву людей?

Я часто думаю, что нет алей на вид Розы, чем та, где Цезарь был убит, И каждый гиацинт, в саду растущий, Следы умершей прелести хранит. Вот под ногою сочная трава, Ковром покрывшая речные острова. По ней ступайте легкими стопами, Кто знает, чья под дерном голова.

После битвы при Ландене (Бельгия), самой кровопролитной в XVII веке, земля, напоенная кровью

двадцати тысяч убитых, проросла летом миллионами маков, и, проходя по огромному алому ковру, путешественник мог без труда вообразить себе, что земля возвратила кровь погибших. В Афинах великий праздник поминовения усопших приходился на середину марта, когда зацветали первые цветы. Считалось, что мертвые восстают в это время из могил и бродят по улицам, тщетно пытаясь войти в храмы и жилища, которые преграждались от козней потревоженных духов веревками, стеблями крушины и насыпями. Название этого праздника — праздник цветов — как нельзя лучше гармонирует со смыслом отправляемых обрядов, поскольку греки действительно полагали, что, когда распускаются цветы, несчастные духи выползают из своих тесных жилищ. Поэтому в теории Ренана[1], который видел в мистериях Адониса мечтательно-сладострастный культ смерти, осознаваемой не царицей ужаса, а коварной волшебницей, завлекающей и навеки убаюкивающей свои жертвы, есть доля истины. Безграничное очарование ливанской природы, по мысли Ренана, вызывает религиозные чувства эстетически-ирреального оттенка, парящие где-то между наслаждением

[1] Ренан Жозеф Эрнест (1823—1892) — французский писатель.

452

и болью, дремой и слезами. Грубым сирийским крестьянам, конечно, нельзя приписывать культ столь абстрактного понятия, как смерть. Но представление о возрождающемся духе растительности, возможно, слилось у них с совершенно конкретным представлением о душах умерших, которые весной возвращаются к жизни вместе с первыми цветами, нежной зеленью посевов и цветущими деревьями. Представления сирийских крестьян о смерти и возрождении природы, пройдя через их личные невзгоды, надежды и страхи, превратились в представления о смерти и воскресении людей. Глубокое влияние на понимание фигуры Адониса Ренаном, несомненно, оказало волнующее воспоминание о похожей на смерть дреме, которая сомкнула его очи на ливанских холмах, и воспоминание о сестре, которая спит в стране Адониса вечным сном, чтобы уже никогда не пробудиться к жизни вместе с анемонами и розами.

Глава XXXIII. «САДЫ АДОНИСА»

То, что Адонис был богом растительности, и прежде всего посевов, лучше всего доказывают так называемые «сады Адониса», корзины или горшки, наполненные землей. В них сажали пшеницу, ячмень, салат-латук, сладкий укроп и различные виды цветов. В течение восьми дней женщины заботливо ухаживали за ними. Лелеемые солнечным теплом растения быстро поднимались, но, не обладая развитой корневой системой, столь же быстро увядали. По истечении восьмидневного срока их вместе с изображениями умершего Адониса выносили и бросали в море или в ручей.

Правильнее всего видеть в этих «садах Адониса» его воплощение или проявление его природы. «Сады» представляли Адониса в его изначальной, растительной форме, в то время как статуи, вместе с которыми их выносили и кидали в воду, изображали бога в позднейшем, антропоморфном обличье. Первоначально обряды, связанные с почитанием Адониса, на мой взгляд, служили магическими средствами содействия росту и обновлению растительности. Для этой цели применялась, видимо, гомеопатическая, или подражательная, магия. Людям невежественным кажется, что они могут достичь же-

453

лаемого результата путем простого подражания ему. Так, они воображают, будто, разбрызгивая воду, они вызывают дождь, зажигая огонь — усиливают солнечный свет и т. д. Имитируя рост посевов, они рассчитывают получить хороший урожай. Быстрый рост пшеницы и овса в «садах Адониса» должен был содействовать дружным всходам, а погружение «садов» и изображений Адониса в воду служило магическим средством обеспечения достаточного количества животворящей влаги. С той же целью в воду, вероятно, бросали изображения Смерти и Масленицы во время аналогичных европейских обрядов. В Германии и во Франции продолжают соблюдать обычай (до недавнего времени он соблюдался также в Англии и Шотландии) обливать водой последний сноп или человека, который приносит его в деревню. Этот обычай совершается с недвусмысленным намерением вызвать дождь для урожая следующего года. Когда у жителей Валахии и у румын Трансильвании[1] девушка приносит в селение венок из последних колосьев урожая этого года, все, кто попадается ей навстречу, спешат окатить ее водой. Румыны и валахи верят, что, если этого не сделать, урожай следующего года погибнет от засухи. Когда крестьяне в Пруссии возвращались вечером с весенней пахоты, жены и служанки обрызгивали их водой. В ответ мужчины хватали их и окунали в пруд. Избежать такого купания могла только хозяйка, уплатившая выкуп. Служанок же окунали в любом случае. Таким путем прусские крестьяне рассчитывали вызвать необходимый для посевов дождь.

Представление о «садах Адониса» как о колдовских чарах, призванных способствовать росту растений (прежде всего злаковых), и отнесение их к тому же классу обычаев, что и весенне-летние церемонии европейских крестьян, покоятся не только на рассмотрении самого этого обычая. К счастью, мы располагаем возможностью доказать, что «сады Адониса», если брать это выражение в широком смысле, до сих пор сажает во время сева одна первобытная народность, а европейские крестьяне делают то же самое в середине лета.

Когда у ораонов и мунда в Бенгалии приходит время

[1] Валахия — южная часть теперешней Румынии, составлявшая до 1859 г. отдельное княжество. Валахи, как и население Трансильвании, — те же румыны.

454

высаживать в грунт рис, выращенный на рассадочных грядках, группа юношей и девушек отправляется в лес и срезает там молодое кармовое деревце или ветку с этого дерева. Затем участники экспедиции торжественно возвращаются в селение с танцами, пением и барабанным боем и сажают деревце в центре танцевальной площадки. Ему приносят жертву, а на следующее утро, взявшись за руки и образовав большой круг, молодежь обоего пола танцует вокруг этого дерева, украшенного разноцветными лоскутками, фальшивыми браслетами и ожерельями из плетеной соломы. Незадолго до праздника дочери вождя селения особым образом обрабатывают стебли ячменя. Зерна бросают во влажную песчаную почву, к которой примешивается куркума, так что из земли пробиваются и всходят стебли бледно-желтого, лимонного цвета. В день праздника девушки собирают эти стебли и несут их в корзинах на площадку для танцев. Там, почтительно простершись ниц перед кармовым деревом, раскладывают под ним часть растений. По окончании праздника дерево уносят и бросают в поток или в водоем. Что касается смысла посадки этих ячменных зерен и их посвящения кармовому дереву, то здесь не может быть двух мнений. Считается, что это дерево ускоряет рост посевов. Дело в том, что у мунда

«ответственность за рост злаков лежит на лесных божествах». Во время посева риса они вносят в селение дерево и обращаются с ним с такой почтительностью лишь с одной-единственной целью: создать благоприятные условия для роста риса, который предстоит высадить в грунт. Ускоренное выращивание ячменя и его посвящение дереву имеет, должно быть, ту же цель: напомнить духу дерева о его обязательствах по отношению к посевам и наглядным примером ускоренного выращивания растений стимулировать его деятельность. В выбрасывании же кармового дерева в воду следует видеть дождевые чары. Нам неизвестно, кидают ли при этом в воду сами ячменные стебли, но, если принять мое понимание этого обычая, дело, вероятно, обстоит именно так. От греческих ритуалов, связанных с Адонисом, этот бенгальский обычай отличается тем, что в последнем случае дух дерева выступает в древесной форме, присущей ему изначально, в то время как в культе Адониса он принимает человеческий облик (облик покойника). На его растительную природу, впрочем, указывают, как уже говорилось, «сады Адониса», являющиеся,

455

так сказать, вторичными проявлениями его изначальной природы духа дерева.

Индусы также разводят «сады Адониса» с явной целью обеспечить плодородие земли и людей. Так, в Удейпуре, в Раджпутане, справляется праздник в честь богини плодородия Гури, или Исаии. Церемонии начинаются в начале года по индусскому календарю, когда солнце входит в созвездие Овна. Большую статую богини Гури и меньшее по размеру изваяние ее супруга Исвары изготовляют из глины и ставят рядом. Затем выкапывают в земле небольшое углубление и, бросив в него зерна ячменя, поливают, искусственно согревают их до тех пор, пока зерна не прорастут. После этого женщины, взявшись за руки, танцуют вокруг всходов, призывая на своих мужей благословение Гури. Затем они выкапывают стебли ячменя и раздают их мужьям, которые носят их в своих тюрбанах. Раздача мужчинам ростков ячменя и обращение к богине о ниспослании благословения мужьям прямо указывают на то, что одной из причин соблюдения этого обычая было желание потомства. По той же, вероятно, причине «сады Адониса» используются во время бракосочетания брахманов в провинции Мадрас. Там зерна пяти (или девяти) сортов злаков перемешивают и высевают в наполненные землей глиняные горшки, предназначенные специально для этой цели. На протяжении четырех дней жених и невеста утром и вечером поливают посевы, а на пятый день поднявшиеся ростки, как настоящие «сады Адониса», бросают в водоем или в реку.

На острове Сардиния «сады Адониса» до сих пор сажают по случаю большого праздника летнего солнцестояния, который носит название дня святого Иоанна. В конце марта или первого апреля деревенский парень приходит к девушке и просит ее быть его *comare* (кумой или возлюбленной), предлагая ей себя в качестве *compare* (кума, возлюбленного). Семья девушки считает это предложение за честь для себя и с радостью принимает его. В конце мая девушка изготовляет из коры пробкового дерева горшок, наполняет его землей и бросает в нее горсть пшеницы или ячменя. Она ставит горшок на солнце и часто поливает землю. Ростки быстро пробиваются и к кануну летнего солнцестояния, или дня святого Иоанна (23 июня), набирают силу. В день святого Иоанна эти парень и девушка, одетые в свое лучшее платье, в сопро-

456

вождении большой свиты во главе с прыгающими, резвящимися мальчишками направляются к церкви, находящейся за пределами деревни. Они разбивают горшок с ростками злаков о церковную дверь. Потом все участники процессии кружком рассаживаются на траве и под музыку флейт едят яйца и зелень. По кругу ходит чаша с разбавленным вином, и все по очереди отпивают из нее. Затем все берутся за руки и под аккомпанемент флейт несколько раз подряд поют песню «Возлюбленные святого Иоанна» *(Compare e comare di).* Когда петь надоедает, они встают и до вечера весело водят хоровод. Этот обычай распространен по всей Сардинии. В Озиери он имеет некоторые особенности. В мае там также делают горшки из пробкового дерева и сажают в них семена. В канун дня святого Иоанна подоконники в домах застилаются богатыми тканями, на которые ставят горшки с ростками злаков, украшенные шелком малинового и синего цвета и разноцветными лентами. В прошлом на каждый из горшков ставили статуэтку или тряпичную куклу, одетую в женскую одежду, или фигурку из сдобного теста, похожую на Приапа. Впрочем, из-за категорического запрета со стороны церкви этот обычай не практикуется. Ныне на этот праздник деревенские ухажеры большими группами приходят на сельскую площадь, чтобы поглазеть на украшенные горшки и подождать девушек, которые собираются там же. Юноши и девушки разжигают большой костер, вокруг которого танцуют и веселятся. Желающие стать «возлюбленными святого Иоанна» поступают следующим образом. Юноша становится по одну сторону костра, а девушка — по другую. Стоя так, они трижды передают друг другу через костер

длинную палку, погружая при этом на мгновение руки в пламя. Тем самым они скрепляют свои взаимоотношения. Танцы под музыку продолжаются до поздней ночи. Горшки с ростками на Сардинии ничем не отличаются от «садов Адониса», а помещаемые в них статуэтки соответствуют статуям Адониса.

В это же время года подобный обычай соблюдается и на острове Сицилия. В день святого Иоанна юноши и девушки становятся кумовьями. Они выдергивают друг у друга из головы волосы и проделывают с ними разные манипуляции: например, связывают волосы в пучок и подбрасывают их в воздух или обмениваются ими над глиняным черепком, кото-

457

рый после этого раскалывают на две части и бережно хранят затем эти обломки. Считается, что возникшая таким путем связь длится всю жизнь. В некоторых областях Сицилии кумовья святого Иоанна одаривают друг друга блюдами с пророщенными зернами чечевицы и канареечного семени, посаженными за 40 дней до праздника. Тот, кто получил блюдо, выдергивает из него стебелек молодого растения, обвязывает его лентой и хранит вместе со своими самыми драгоценными сокровищами, а блюдо возвращает дарителю.

Возможно, как полагает Р. Вюнш, святой Иоанн в этих летних обрядах на Сицилии и Сардинии заменил Адониса. Обряды в честь Таммуза и Адониса, как мы видели, обычно отправляли в период летнего солнцестояния. По сообщению Иеронима, они праздновались в июне.

В Сицилии «сады Адониса» до сих пор сажают весной или летом, из чего можно заключить, что в древности на этом острове, как и в Сирии, весной отмечали праздник в честь умершего и воскресшего бога. С приближением Пасхи сицилианки высевают пшеницу, чечевицу и канареечное семя в блюда с землей, которые держат в темных местах и поливают раз в два дня. Вскоре растения дают побеги. Через некоторое время окрепшие стебли связывают красными лентами и блюда выставляют на могилы, которые в католической и православной церкви вместе с изваяниями мертвого Христа освящаются в Страстную пятницу. (Напомним, что и «сады Адониса» также клали на могилу умершего бога.) Обычай этот соблюдают не только в Сицилии, но также в городе Козенце (Калабрия) и, видимо, в других местах. Вероятно, он является не более как трансформацией культа Адониса. Изменилось лишь название.

Эти сицилийские и калабрийские обряды не единственные, которые имеют сходство с культом Адониса. «На Страстную пятницу в православных церквах на всеобщее обозрение выставляют восковое изваяние мертвого Христа, и, когда церковь наполняется монотонной, меланхолической мелодией панихиды, огромная толпа верующих покрывает изображение Спасителя поцелуями. Поздним вечером, когда совсем темнеет, священники вывозят изваяние на улицу на дрогах, украшенных лимонными деревцами, розами, жасмином и другими цветами. Собирается гигантская процессия, которая сомкнутыми рядами, медленно и торжественно проходит через весь

458

город. Каждый из ее участников несет в руке восковую свечку и время от времени разражается скорбными причитаниями. У домов, мимо которых проходят участники шествия, сидят женщины с кадильницами и окуривают проходящую толпу благовониями. Так религиозная община со всей должной торжественностью хоронит Христа, как будто он только что умер. В заключение восковое изваяние Спасителя возвращают в церковь, и вновь звучат траурные песнопения. Причитания, сопровождаемые строгим постом, не утихают в церкви до субботней полночи. Когда часы бьют двенадцать, появляется епископ и провозглашает благую весть: «Христос воскрес», на что толпа ответствует: «Воистину воскрес». В тот же миг в городе разражается взрыв радости, который находит выход в воплях, криках, непрерывной стрельбе из пушек и ружей и разного рода фейерверках. За один-единственный час люди переходят от строгого поста к вкушению пасхального агнца и неразбавленного вина».

Разыгрывать перед верующими смерть и воскресение Спасителя было в обычае и римско-католической церкви. Такого рода священные мистерии поражают живое воображение впечатлительных южан и находят в их сердцах горячий отклик. Пышная обрядность и блеск католической церкви им ближе, чем тевтонским народам, отличающимся более спокойным темпераментом.

Церкви очень часто удавалось привить ростки новой веры к старому языческому древу. Поэтому можно предположить, что пасхальные торжества, которыми отмечаются смерть и воскресение Христа, наложились на праздник, посвященный Адонису, который отмечался в Сирии в то же время года. Созданный греческими скульпторами образ скорбной богини, держащей на руках своего умирающего возлюбленного, напоминает изображения в христианском искусстве

скорбящей Богоматери с телом мертвого Спасителя на коленях, а возможно, является их прототипом. Самая знаменитая из скульптур на эту тему принадлежит Микеланджело и находится в соборе святого Петра в Риме. В этой возвышенной мраморной скульптурной группе, одном из прекраснейших человеческих творений, живая скорбь матери как нельзя лучше оттеняет смертельную усталость сына. Даже древнегреческое искусство оставило нам немного произведений, равных ей по красоте, и ни одного — по накалу страстей.

459

В этом контексте заслуживает внимания известное сообщение святого Иеронима[1]. Родной город Господа, Вифлеем, пишет он, находится в тени рощи еще более древнего бога, Адониса, и там, где проливал слезы младенец Иисус, был оплакан возлюбленный Венеры. Иероним, видимо, полагал (хотя прямо он этого не говорит), что роща Адониса была посажена язычниками после рождения Христа для того, чтобы осквернить святое для христиан место. Возможно, это ошибочное мнение. Трудно, впрочем, подобрать более подходящее местопребывание для Адониса, который, как я полагаю, был богом посевов, чем Вифлеем (что значит «дом хлеба»). В этом «амбаре» культ его мог существовать задолго до того, как родился сказавший: «Я есмь хлеб жизни». Даже если предположить, что в Вифлееме Адонис не предварял Христа, а следовал за ним, выбор печальной фигуры этого бога, для того чтобы отвратить христиан от служения их Господу, поражает нас своей верностью. Достаточно припомнить сходство обрядов в честь этих божеств.

Одним из первых центров культа нового бога была Антиохия, где, как мы имели возможность убедиться, ежегодно с большой торжественностью отмечалась смерть старого бога. Свет на то время, когда происходили эти торжества, проливают обстоятельства, сопутствовавшие вступлению в Антиохию императора Юлиана, которое совпало с праздником Адониса. Когда император приблизился к городу, он был, как бог, встречен всеобщими молениями. Толпа вопила, что звезда Спасения взошла на Востоке. Возможно, это была не более как цветистая лесть подобострастной восточной толпы римскому императору. Но не исключено также, что сигналом к началу праздника было появление на небе яркой звезды и что по чистой случайности прибытие императора совпало с появлением этой звезды над восточной линией горизонта. Если подобное совпадение действительно имело место, оно не могло не поразить воображение суеверной и возбужденной черни, которая в силу этого могла принять великого императора за божество, пришествие которого было предварено небесным знамением. Возможно также, что император по ошибке отнес к своей особе крики, обра-

[1] Иероним святой (ок. 340 — 420) — богослов, переводчик Библии с греческого на латинский язык.

460

щенные к звезде. Ведь с планетой Венера отождествлялась божественная возлюбленная Адониса — Астарта. Вавилонские астрономы с утра до вечера тщательно следили за фазами этой планеты и на основании ее появления или исчезновения делали предсказания. Поэтому можно предположить, что праздник Адониса приурочивался обычно к появлению Венеры как утренней или вечерней звезды. Звезда, которую приветствовали жители Антиохии, была видна на Востоке. Так что если это действительно была Венера, то дело происходило рано утром. Появление на небе утренней звезды в день праздника жители Антиохии и других мест, возможно, приветствовали как появление богини любви, пришедшей поднять своего возлюбленного с земляного ложа. В таком случае можно допустить, что именно утренняя звезда вела восточных волхвов к Вифлеему, святому месту, которое, говоря словами святого Иеронима, внимало плачу младенца Иисуса и причитаниям об Адонисе.

Глава XXXIV. МИФ ОБ АТТИСЕ И ЕГО РИТУАЛ

Другим богом, миф о смерти и воскресении которого оставил глубокий след в культе и обрядности народов Западной Азии, является Аттис. Он был для фригийцев тем же, чем Адонис был для сирийцев. Подобно Адонису, он, видимо, был богом растительности. Во время праздника, справлявшегося весной, жители Фригии ежегодно оплакивали смерть этого бога и радовались его воскресению. Мифологический и обрядовый циклы этих двух богов имели между собой так много общего, что сами древние иногда отождествляли их. Об Аттисе ходило предание, что он был прекрасным юным пастухом, возлюбленным Кибелы, азиатской богини плодородия, Матери Богов, главный храм которой был во Фригии. По другим сведениям, Аттис был ее сыном. Родился он как и многие другие герои, чудесным образом. Нана, его мать, была девственна и зачала его, приложив к своей груди спелый миндаль или гранат. Миндаль во фригийской космологии выступает в качестве отца всего сущего; это, вероятно, связано с тем, что его нежно-сиреневого оттенка цветы как первые гонцы весны появляются на голых ветвях

461

до того, как распускаются листья. Представления о непорочном зачатии являются пережитком эпохи ребяческого невежества, когда люди еще не считали половые отношения истинной причиной появления потомства на свет.

Имели хождение две версии относительно смерти Аттиса. Согласно одной из них, он, как и Адонис, был убит диким вепрем. Согласно другой, он оскопил себя под сосной и умер от потери крови. Последнее сказание было распространено в Пессинунте, великом центре культа Кибелы, и составляло часть мифического цикла, отмеченного чертами первобытной дикости (что является сильным аргументом в пользу его древности). Оба предания опирались на ритуальную практику, точнее, были изобретены для объяснения обычаев, соблюдаемых верующими. Рассказ о членовредительстве Аттиса, очевидно, является попыткой объяснить членовредительство жрецов, которые, поступая на службу богине, непременно оскопляли себя. Рассказ о том, как Аттиса растерзал вепрь, вероятно, объяснял то, почему верующие, особенно жители Пессинунта, воздерживались от употребления в пищу свинины. Не ели свинины и сторонники культа Адониса, потому что их бога также убил вепрь. После смерти Аттис, по преданию, превратился в сосну.

В 204 году до нашей эры в конце длительной борьбы против Ганнибала римляне переняли фригийский культ Матери Богов. Это и неудивительно. Ведь уныние римлян было развеяно пророчеством, почерпнутым якобы из «Сивиллиных книг», этого свода всяческих нелепостей, гласившим, что иностранный захватчик будет выдворен из Италии, если в Риме воцарится великая восточная богиня. В соответствии с этим пророчеством римляне отрядили посольство в центр культа Кибелы, город Пессинунт. Послы возвратились в Рим с небольшим камнем черного цвета, воплощением могущественной богини, который был встречен с великими почестями и помещен в храме Победы на Палатинском холме. Богиня прибыла в Рим в середине апреля и незамедлительно принялась за работу. Урожай в том году собрали невиданный, а в следующем году со своими воинами отплыл в Африку Ганнибал. Бросая последний взгляд на берега Италии, тающие вдали, этот полководец не мог предвидеть, что, отразив вооруженное нападение с Востока, Европа подчинится восточным богам. Авангард новых победителей расположился лаге-

462

рем в сердце Италии еще до того, как арьергард разбитой армии неохотно покинул эту землю.

Можно предположить, хотя достоверных сведений на этот счет у нас нет, что в свое новое обиталище на Западе Мать Богов принесла с собой и культ своего юного возлюбленного или сына. Впрочем, галлы, кастрированные жрецы Аттиса, были известны римлянам еще во времена республики. Эти скопцы в восточных одеждах, со статуэтками на груди, видимо, являли собой привычное зрелище на улицах Рима. Неся изображения богини, они под музыку кимвалов, барабанов, флейт и рогов процессией проходили по Риму, и, пораженные фантастическим зрелищем, тронутые необузданными мелодиями, люди в изобилии подавали им милостыню и забрасывали розами изображение богини и несущих его людей. Еще один шаг вперед сделал император Клавдий[1], включивший фригийский культ священного дерева (а с ним, вероятно, и оргиастический культ Аттиса) в состав римской государственной религии. Великий весенний праздник Кибелы и Аттиса лучше всего известен нам в римском варианте. А так как мы знаем, что римские обряды идентичны фригийским, то можем предположить, что римская копия мало чем отличалась от азиатского оригинала. Праздник, видимо, протекал так.

22 марта в лесу срубали сосну. Ее приносили в святилище Кибелы и обращались с ней как с

великим божеством. Священное дерево несли члены особой касты. Ствол его, как труп, перебинтовывали шерстяными повязками и обкладывали венками из фиалок, потому что, согласно преданию, как на крови Адониса выросли розы и анемоны, так на крови Аттиса проросли фиалки. К середине ствола привязывали статуэтку юноши (несомненно, самого Аттиса). 23 марта, на второй день праздника, занимались преимущественно тем, что трубили в трубы. Третий день назывался Кровавым. В этот день архигалл (первосвященник) вскрывал себе вены на руке. Жрецы более низкого ранга, возбужденные необузданной, варварской музыкой — боем кимвалов, громыханием барабанов, гудением рогов и визгом флейт, — с трясущимися головами и развевающимися волосами кружились в танце до тех пор, пока наконец, приведя себя в состояние бешенства и потеряв чувствительность к боли, не начинали наносить себе

[1] Клавдий (10 до н. э. — 54 н. э.) — римский император с 41 г.

463

раны глиняными черепками и ножами, забрызгивая алтарь и священное дерево своей кровью.

Этот изуверский ритуал был, вероятно, частью траура по Аттису и служил подкреплению его сил для воскресения. С той же целью исполосовывают себя над могилами друзей австралийские аборигены. Несмотря на отсутствие прямых свидетельств, мы можем предположить, что с той же целью в Кровавый день оскоплялись новопосвященные. Доведя себя до наивысшей степени религиозного возбуждения, жрецы оскопляли себя и бросали отрезанные части тела в статую жестокой богини. Затем отрезанные детородные органы осторожно завертывали и погребали в земле или в подземных покоях Кибелы, где их наряду с принесенной в жертву кровью использовали для того, чтобы вызывать к жизни Аттиса и ускорять воскресение природы, которая под лучами теплого весеннего солнца одевается нарядом из листьев и цветов. Это предположение находит подтверждение в рассказе о том, что мать зачала Аттиса, приложив к груди плод гранатового дерева, выросшего из отрезанных детородных органов двойника Аттиса — получеловека-получудовища Агдестиса.

Если принять нашу гипотезу, то нетрудно догадаться, почему к культу других азиатских богинь плодородия тоже были приставлены евнухи. Богини эти требовали, чтобы жрецы, персонифицировавшие их возлюбленных, приносили им в жертву свои детородные органы: прежде чем передать всему миру жизнеродную энергию, богини сами нуждались в оплодотворении. Евнухами были и жрецы великой Артемиды Эфесской, и жрецы великой сирийской богини Астарты из города Иераполиса. Святилище Астарты, посещаемое толпами паломников, разбогатевшее на подарках, притекавших из Ассирии, Вавилонии, Аравии и Финикии, во время наивысшего расцвета было самым популярным на Востоке. Оскопленные же жрецы сирийской богини были так похожи на жрецов Кибелы, что некоторые их путали. Аналогичной была и церемония их посвящения в жреческий сан.

Величайший праздник года в Иераполисе приходился на начало весны, когда к святилищу из Сирии и окрестных районов стягивались огромные толпы людей. Под звуки флейт, барабанный бой и крики евнухов-жрецов, наносивших себе раны ножами, религиозный экстаз, как океанский вал, перекидывался на толпу зрителей, и многие из них совершали

464

такие поступки, каких и не предполагали, когда отправлялись на праздник. Один за другим они сбрасывали с себя одежды и с сердцем, бешено бьющимся от музыки, с блуждающим от зрелища льющейся крови взором выпрыгивали из толпы, хватали приготовленные специально для этой цели мечи и при всех оскопляли себя. Новопосвященный пробегал через весь город, держа в руке окровавленный кусок мяса, а потом запускал им в один из домов. Жители дома, удостоившегося такой чести, должны были дать евнуху женское платье и украшения, которые тот носил до конца жизни. После того как религиозный экстаз спадал и человек приходил в себя, он, должно быть, всю жизнь глубоко раскаивался в своем поступке и горько оплакивал невозвратимую утрату. Возмущение человеческой природы после припадка религиозного неистовства с особой силой описал Катулл в своем знаменитом стихотворении.

Пример сирийских изуверов свидетельствует в пользу того, что принесение в жертву мужской силы в сходном культе Кибелы совершалось в Кровавый день на весеннем празднестве богини, когда среди сосен зацветали фиалки, по преданию, вырастающие из алых капелек крови раненого возлюбленного богини. Рассказ же о том, как Аттис оскопил себя под сосной, придумали явно для объяснения того, почему на празднике у священного дерева, украшенного венками из фиалок, аналогичным образом поступали жрецы. Во всяком случае, не вызывает сомнения то, что Кровавый день знаменовался трауром по Аттису, которого на празднике олицетворяла статуэтка.

По окончании обряда ее зарывали. Не исключено, что погребенное изображение идентично фигурке, которую подвешивали на дерево. В течение всего периода траура по Аттису верующие воздерживались от употребления хлеба на том якобы основании, что так поступила Кибела, опечаленная смертью Аттиса. Действительная же причина была, вероятно, той же, которая побуждала женщин Харрана во время плача по Таммузу воздерживаться от употребления продуктов, перемолотых на мельнице. Прикоснуться к хлебу или муке в такое время значило осквернить израненное тело бога. Не исключено также, что пост служил подготовкой к священной трапезе.

Однако с наступлением ночи скорбь верующих сменялась взрывом ликования. Во тьме неожиданно вспыхивал свет,

465

могила отверзалась, и бог восставал из мертвых. Помазав губы скорбящих миррой, жрец тихо шептал им на ухо благую весть. Участники культа Аттиса шумно приветствовали воскресение бога как залог того, что и сами они одержат победу над могильным тлением. На следующий день, 25 марта (этот день считался днем весеннего равноденствия), в честь воскресения бога верующие предавались приступу необузданного веселья. В Риме (а возможно, и в других местах) этот праздник принял форму карнавала. Назывался он Праздником радости *(Hilazia).* В этот день дозволялось все. Всякий мог поступать и выражаться как ему заблагорассудится. Люди разгуливали по улицам города в масках. Самый последний из римлян мог безнаказанно присвоить себе самый высокий и священный сан.

В царствование Коммода группа заговорщиков задумала, воспользовавшись маскарадом, переодеться в форму императорской гвардии и, смешавшись с толпой гуляющих, приблизиться к императору на расстояние кинжального удара. Но заговор провалился. Даже человек такого сурового нрава, как император Александр Север, в столь радостный день отпускал вожжи до того, что разрешал подать к своему столу фазана. Следующий день, 26 марта, посвящался отдыху, в котором ощущалась крайняя нужда после утомительного веселья. Заканчивался праздник в Риме 27 марта шествием к речке Альмону. В телегу, влекомую волами, клали серебряную статую богини с лицом, изваянным из шершавого черного камня. Повозка во главе с патрициями, ступающими босыми ногами, под звуки дудок и барабанов медленно продвигалась мимо Капенских ворот к берегам Альмона, который впадает в Тибр прямо иод стенами Рима. Там первосвященник, облаченный в пурпурную одежду, омывал повозку, статую и другие объекты культа проточной водой. На обратном пути повозку и быков увивали свежими весенними цветами. Царило радостное и веселое настроение. О недавно еще лившейся крови забывали. Забывали о своих ранах даже жрецы-евнухи.

Таково ежегодное празднование смерти и воскресения Аттиса. Но в культ Аттиса кроме публичных обрядов входили ритуалы, совершаемые тайно и, вероятно, имевшие своей целью привести участников культа, особенно новопосвященных, в более тесную связь с богом. Наши данные о природе и време-

466

ни проведения этих мистерий, к сожалению, весьма скудны. Их составными частями, видимо, были священная трапеза и крещение кровью. Во время причастия новопосвященный становился участником мистерий, принимая пищу с барабана, а питье — с кимвала (эти инструменты играют в оглушительном оркестре Аттиса ведущую роль). Пост, сопровождавший траур по умершему богу, имел, вероятно,. своей целью подготовить тело причастника для принятия святого причастия путем очищения его от всего, что могло бы осквернить святыню. Во время крещения посвящаемый, увенчанный золотой короной и увитый лентами, спускался в яму, которую сверху закрывали деревянной решеткой. Затем украшенного венками быка, на лбу которого сверкала золотая пластинка, загоняли на решетку и закалывали освященным копьем. Его дымящаяся кровь потоком хлестала через отверстия решетки, и посвящаемый с благочестивым пылом впитывал ее всеми частями своего тела и одежды. Наконец, обрызганный с головы до ног алой кровью, он выбирался из ямы, чтобы принять знаки восхищения и поклонения, с видом человека, возродившегося для вечной жизни, смывшего все свои грехи кровью быка. Некоторое время, для того чтобы создать видимость нового рождения, посвящаемого, как новорожденного младенца, держали на молочной диете. По времени его возрождение совпадало с воскресением бога, то есть с весенним равноденствием. Отпущение грехов путем пролития крови быка в Риме совершалось главным образом в святилище фригийской богини на Ватиканском холме, приблизительно на том месте, где ныне возвышается базилика святого Петра. В 1608-м или 1609 году, когда расширяли

собор, были обнаружены многочисленные надписи, относящиеся к этим обрядам. Из того же источника мы узнаем, что важную роль в этих обрядах играли тестикулы и кровь быка. В них, вероятно, видели могучее магическое средство подъема плодородия и ускорения возрождения природы.

Глава XXXV. АТТИС - БОГ РАСТИТЕЛЬНОСТИ

О том, что первоначально Аттис был духом дерева, можно судить по той роли, которую в связанных с ним преданиях, памятниках и обрядах играет сосна. Рассказ о превращении
467
Аттиса в сосну является не более как одной из многих попыток, столь частых в мифологии, рационализировать древние поверья. Украшенную фиалками и бантами из шерстяной материи сосну приносили из леса, подобно тому как современные крестьяне приносят Майское, или Летнее, дерево, а деревянная скульптурка, привязанная к сосне, была не более как двойником духа дерева Аттиса. После праздника это изображение хранили в течение года, после чего сжигали. Иногда так же поступали с Майским столбом, а изображение хлебного духа, изготовленное во время жатвы, часто хранят до следующего года. Первоначально эти обычаи, конечно, имели своей целью весь год поддерживать дух растительности в здравии и благополучии.

О том же, почему из всех деревьев фригийцы выбрали в качестве объекта поклонения сосну, нам остается только догадываться. Возможно, зрелище темных крон вечнозеленой хвои, увенчивающих высокие горные кряжи и возвышающихся над увядающей красой осенних лесов в долинах, побудило их сделать сосну вместилищем бога, не подчиняющегося превратностям времен года, вечного и постоянного, как простершееся над ними небо. По той же причине Аттису, вероятно, был посвящен плющ. Во всяком случае, сообщают, что на теле жрецов-евнухов был вытатуирован узор из листьев плюща. Другой причиной культа сосны могла быть ее полезность. Шишки пинии содержат в себе съедобные зерна, похожие на орехи, их начали употреблять в пищу еще в древности. И сейчас еще их едят, например, римские бедняки. Кроме того, эти зерна шли на приготовление вика, чем отчасти объясняется оргиастическая природа культа Кибелы, который древние сравнивали с культом Диониса. Сосновые шишки также считались символами плодородия. Поэтому на празднике Тесмофорий вместе с другими символами плодородия их бросали в священный склеп Деметры, чтобы подстегнуть плодовитость земли и женщин.

Аттис в качестве древесного духа, как считалось, располагает властью над плодами земли, его даже отождествляли с хлебом. Один из эпитетов этого бога — «очень плодородный». Его звали «сжатым зеленым (или желтым) хлебным колосом», а историю его страданий, смерти и воскресения верующие истолковывали как нанесение серпом ран созревшему колосу, закладку зерна в закрома и его возвращение к жизни
468
во время сева. На связь с плодами, в особенности со злаками, недвусмысленно указывает статуя бога, хранящаяся в Латеранском музее в Риме. Аттис изображен со снопом хлебных колосьев и плодом в руке, с венком из сосновых шишек, гранатов и других плодов на голове, а из его фригийского колпака пробиваются хлебные колосья. Несколько по-иному тот же замысел воплотился в погребальной урне из камня, содержащей прах архигалла, первосвященника Аттиса. Ее верхняя часть украшена рельефом из хлебных колосьев и увенчана изображением петуха с хвостом из хлебных колосьев. В Кибеле также видели богиню плодородия, от которой зависит урожайность хлебов. Жители города Августодуна (ныне Отёи), в Галлии, возили по городу с танцами и песнями в повозке ее изображение, для того чтобы их поля и виноградники принесли хороший урожай. Кроме того, как мы уже видели, один исключительно урожайный год римляне приписали прибытию в их город Великой Матери. Омовение изображения богини в реке, вероятно, представляет собой дождевые чары, чтобы было достаточно влаги для зерна.

Глава XXXVI. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ВОПЛОЩЕНИЯ АТТИСА

Из надписей явствует, что верховный жрец Кибелы в Пессинунте и в Риме часто звался Аттисом. Это дает основание предположить, что на ежегодном празднике он выступал в роли своего тезки, легендарного Аттиса. В Кровавый день он, как мы видели, надрезал себе руку (вероятно, в память о самоубийстве Аттиса под сосной). Это не противоречит тому, что Аттис на этих обрядах также был представлен своими изображениями. Во многих случаях в роли божества живого человека сменяет статуя, которую позднее сжигают или уничтожают каким-то другим способом. Может быть, позволительно сделать еще один шаг и предположить, что во Фригии и в других местах инсценировка убийства жреца, сопровождаемая пролитием крови, пришла на смену принесению человеческих жертв.

Отзвук того, какой смертью умирали древние представители божества, дошел до нас в знаменитой легенде о фригийском селене сатире Марсии. По другим данным, он был пасту-

469

хом, услаждавшим слух игрой на флейте. Друг Кибелы, он странствовал по стране с печальной богиней, чтобы утешить ее в горе по случаю безвременной кончины Аттиса. Жители фригийского города Селены приписывали Марсию сочинение арии Матери, мелодии для флейты в честь Великой Матери. Гордый своим искусством, сатир вызвал Аполлона на музыкальное состязание, во время которого сам он играл на флейте, а Аполлон — на лире. Потерпевшего поражение Марсия привязали к сосне, и победитель Аполлон (по другим сведениям, раб-скиф) содрал с него кожу или четвертовал. Уже в историческое время в Селенах можно было видеть шкуру Марсия. Она висела в пещере у подножия крепости, из которой стремительным, шумным потоком низвергался ручей Марсий, впадая в реку Меандр. Точно так же срывается с круч Ливана река Адонис, и голубой Ибриз хрустальными потоками низвергается с бурых скал Тавра, а поток, который ныне шумит глубоко под землей, когда-то на миг пробивался из темноты к слабому свету Корикской пещеры. В древности люди видели в этих мощных источниках перст божий, благостный символ плодородия и жизни и на берегах стремительной реки под мелодичное звучание ниспадающей воды поклонялись богу. Если верить преданию, подвешенный в своей селенской пещере сатир Марсий и после смерти продолжал чувствовать музыкальную гармонию — шкура мертвого сатира трепетала при звуках родных фригийских напевов, но оставалась безразличной и недвижимой, когда музыкант заводил пеан во славу Аполлона.

Как не распознать родство фригийского сатира или пастуха Марсия, удостоенного дружбой Кибелы, искусного в ее культовой музыке, умершего насильственной смертью на священном дереве богини, с любимым пастухом Кибелы Аттисом, играющим на флейте, нашедшим смерть под сосной и на ежегодных праздниках олицетворяемым фигуркой, подвешиваемой на сосне? Вероятно, в глубокой древности жреца по имени Аттис, разыгрывавшего роль этого бога на весенних праздниках Кибелы, вешали на священном дереве (или убивали каким-то другим способом), а в позднейшие времена этот варварский обычай выродился в известную нам форму: жрец ограничивается тем, что надрезает себе руку, а к стволу вместо него привязывают куклу. В жертву через повешение на священных деревьях приносили людей и животных в

470

священной роще в Упсале. Смерти через повешение регулярно предавали человеческие жертвы, посвященные богу Одину. Впрочем, иногда повешение сочеталось с закалыванием: человека сначала вздергивали на дереве или на виселице, а потом наносили ему удар копьем. По этой причине Одина звали богом виселиц или богом висельников и изображали сидящим под виселицей. Известно даже, что через повешение его принесли в жертву самому себе, как явствует из таинственных стихов «Гавамалы», в которых Один описывает то, как он приобрел божественную силу путем изучения магических рун:

Итак, на дереве, колеблемом ветрами, Девять ночей висел я, посвященный Одину, чьим копьем я был поранен — Сам самому себе.

Багобо, жители одного из Филиппинских островов — Мин-данао, тем же способом каждый год приносили человеческие жертвы, чтобы собрать хороший урожай. Багобо знали, что в начале декабря, когда созвездие Орион появлялось на небе в семь часов вечера, наступало время расчистки полей под посевы и принесения в жертву раба. Жертву могущественным духам приносили в уплату за хорошую погоду в прошедшем году и в залог их благосклонности в наступающем сезоне. В лесу жертву подводили к большому дереву и с вытянутыми над головой руками привязывали спиной к дереву (точно в такой позе античные художники изображали

Марсия висящим на роковом дереве). Жертву при подвешивании за руки закалывали ударом копья. После этого тело рассекали по пояснице на две части: верхняя часть некоторое время продолжала раскачиваться на дереве, а нижняя валялась на земле в луже крови. В конце концов обе части тела бросали в неглубокую яму рядом с деревом. Перед этим всякий желающий мог отрезать от трупа кусок мяса или прядь волос и унести их на могилу кого-нибудь из своих родственников, чье тело пожирал вампир *(a qhoul).* Привлеченный свежим трупным запахом, вампир оставлял разлагающееся тело в покое. Жертвы продолжали приносить в начале XX века.

В Греции изображение самой великой Артемиды вешали в священной роще в Кондилее, в Аркадских горах, где за ней

471

закрепился эпитет «повешенная». Следы такого рода обрядовости можно обнаружить даже в знаменитейшем эффесском святилище богини; мы имеем в виду предание о повесившейся женщине, которую сострадательная Артемида обрядила в свои собственные божественные одежды и назвала Гекатой. В городе Мелите, во Фтии, также бытовало предание о повесившейся девушке по имени Аспалида, бывшей, видимо, не более как местной разновидностью Артемиды. Тело девушки после смерти отыскать не удалось, но ее статуя оказалась стоящей рядом со статуей Артемиды; жители Мелиты дали ей прозвище *Hecaerge* — «далекоразящая» (один из ходовых эпитетов Артемиды). Каждый год девушки приносили в жертву статуе повешенного козленка. Эта жертва, может быть, пришла на смену обычаю вешать статую или человека, представителя Артемиды. На острове Родос Елене Прекрасной поклонялись как Елене Древесной, потому что-де царица острова приказала своим служанкам, превратившимся в фурий, повесить ее на ветке дерева. Существование человеческих жертвоприношений у азиатских греков засвидетельствовано троянскими монетами, на которых изображен висящий на дереве бык или корова; человек, сидящий среди ветвей или на спине животного, закалывает его ножом. В Иераполисе, прежде чем сжечь принесенных в жертву людей, их подвешивали на деревьях. Имея эти греческие и скандинавские параллели перед глазами, мы едва ли решимся отбросить за негодностью гипотезу, согласно которой во Фригии человекобога каждый год вешали на дереве, священном, но роковом.

Глава XXXVII. ВОСТОЧНЫЕ РЕЛИГИИ НА ЗАПАДЕ

Весьма популярным был культ Великой Матери и ее возлюбленного в Риме времен Империи. Из надписей следует, что божеские почести воздавались им не только в Италии, и главным образом в Риме, но также в провинциях: Африке, Испании, Португалии, Германии и Болгарии. Их культ пережил возведение христианства в ранг государственной религии императором Константином. О рецидивах праздников Великой Матери в IV веке нашей эры сообщает Симмах, а во

472

времена Блаженного Августина женственные жрецы Кибелы с выбеленными лицами и надушенными волосами еще маршировали семенящей походкой по улицам и площадям Карфагена, прося, подобно членам нищенствующих монашеских орденов в средние века, подаяния у прохожих. Напротив, у греков кровавые оргии азиатской богини и ее спутника не нашли радушного приема. Развитому вкусу и гуманности греков, несомненно, претила варварская жестокость этого крайне экстатического культа, и они предпочли ему родственный, но более мягкий культ Адониса. Однако те самые стороны этого культа, которые шокировали и отталкивали греков, привлекли к нему менее изысканную часть римского общества и западных варваров. Экстаз, ошибочно принимаемый за божественное наитие, членовредительство, представления об искуплении грехов кровью и возрождении своими корнями уходят в эпоху дикости и, естественно, привлекают к себе народы, у которых далеко еще не угасли первобытные инстинкты. Нередко подлинная природа подобных культов скрывалась под личиной философского и аллегорического толкования, которое вводило самых страстных и восторженных их поклонников в заблуждение, примиряя даже наиболее образованных среди них с чертами, которые в противном случае вызвали бы ужас и отвращение.

Культ Великой Матери, это странное смешение самого грубого варварства с духовными устремлениями, был не более как одним из многих восточных культов, распространившихся в Римской империи на закате язычества. Постепенно привив европейским народам чуждое им мировоззрение, эти культы подточили здание античной цивилизации. Греческое и римское общество строилось на подчинении личного начала общественному, гражданина — государству; это ставило благополучие и безопасность государства в качестве высшего мерила поведения, превыше потустороннего (или посюстороннего) благополучия индивида. Граждане, воспитанные на этих идеалах, посвящали свою жизнь бескорыстному служению обществу и готовы были отдать свою жизнь ради общего блага. Если же они уклонялись от принесения этой высшей жертвы, им и в голову не приходило, что, предпочитая свою жизнь интересам общественного организма, они поступают как должно.

С распространением восточных религий, которые внуша-

473

ли мысль о том, что единственно достойной целью жизни является соединение с богом и личное спасение, а благоденствие и даже само существование государства в сравнении с ними ничего не значат, ситуация резко изменилась. Неизбежным следствием принятия этого эгоистичного и аморального учения был все возрастающий отход верующих от служения обществу, концентрация на личных духовных переживаниях и появление у них презрения к окружающей жизни, в которой они начинают видеть не более как временное испытание перед жизнью вечной. Высочайшим идеалом человека в народном представлении стал святой отшельник, полный презрения ко всему земному и погруженный в экстатическое религиозное созерцание; этот идеал пришел на смену древнему идеалу самозабвенного героя-патриота, готового пожертвовать жизнью на благо своей родины. Людям, чьи взоры были устремлены к заоблачному Граду Божьему, град земной стал казаться низменным и жалким. Центр тяжести, так сказать, переместился с настоящей жизни на будущую, и, насколько от этого перемещения выиграл один мир, настолько проиграл другой. Начался процесс всеобщей дезинтеграции общества: государственные и семейные связи ослабли, общественная структура стала распадаться на составляющие фрагменты, над обществом вновь нависла угроза варварства. Ведь цивилизация возможна только при условии активного содействия со стороны граждан, при условии их готовности подчинить свои частные интересы общему благу. Между тем люди отказывались защищать свою родину и даже продолжать свой род. В стремлении спасти свою душу и души других людей они равнодушно смотрели на то, как гибнет окружающий мир — мир, который стал для них символом греховности. Это наваждение длилось целое тысячелетие. Возврат европейцев к исконным принципам их жизненной ориентации, к трезвому, мужественному взгляду на жизнь отмечен возрождением в конце средневековья римского права,

философии Аристотеля, античной литературы и искусства. Долгому застою в развитии цивилизации пришел конец. Волна восточного нашествия наконец захлебнулась и стала идти на убыль. Отлив этот продолжается до сих пор.

Одним из богов восточного происхождения, которые на закате античного мира иступили в борьбу за господство над Западом, был Митра. Громадная популярность этого культа

474

засвидетельствована памятниками, рассеянными в большом количестве по всей территории Римской империи. Учением и обрядовостью культ Митры во многих отношениях напоминает не только культ Великой Матери, но и христианство. Это сходство бросилось в глаза самим христианским богословам, и они истолковали его как дело рук дьявола, постаравшегося совратить души людей с пути истинного с помощью этой лживой и коварной подделки под христианство. Точно так же многие из местных языческих ритуалов показались испанским завоевателям Мексики и Перу дьявольской пародией на христианские таинства.

Современный специалист в области сравнительного религиоведения с куда большим основанием видит в такого рода сходствах результат независимой работы человеческого ума в его пусть неуклюжих, но искренних попытках постичь тайну мира и перестроить в соответствии с этой ужасной тайной свою жизнь. Как бы то ни было, несомненно одно: митраизм, сочетающий возвышенную обрядовость со стремлением к нравственной чистоте и к достижению бессмертия, показал себя грозным соперником христианства. В течение какого-то времени нельзя было предсказать исход борьбы между этими конкурирующими вероисповеданиями. Заметные пережитки этой долгой борьбы сохранились в нашем празднике Рождества Христова, который церковь, скорее всего, позаимствовала непосредственно из этого языческого культа. По юлианскому календарю 25 декабря считалось днем зимнего солнцестояния и днем рождения солнца; с этого момента дни становятся длиннее и солнце греет все сильнее. В Сирии и Египте празднование рождения солнца отличалось интересными особенностями. Его участники удалялись во внутренние приделы храма, и в полночь выбегали оттуда с криком: «Дева родила! Свет прибывает!» Египтяне даже изображали новорожденное солнце в виде куклы, которую они в день рождения (день зимнего солнцестояния) изготовляли и выставляли на обозрение верующих. Дева, которая зачала и родила 25 декабря сына, была, несомненно, Великой восточной богиней, которую семиты звали Небесной Девой или просто Небесной Богиней; в населенных семитическими народами странах она выступала как ипостась Астарты. Сторонники же культа Митры называли его Солнцем или, как они выражались, Всепобеждающим Солнцем и в силу этого датировали его рождение также 25 декабря. Еван-

475

гелия ни словом не упоминают о дате рождения Христа. Поэтому ранние христиане этот праздник не отмечали. Однако со временем египетские христиане стали считать Рождеством б января; обычай празднования в этот день дня рождения Спасителя к IV столетию распространился по всему Востоку. Но в конце III — начале IV столетия Западная церковь, которая отказывалась датировать Рождество 6 января, установила в качестве подлинной даты 25 декабря. Со временем с этим решением согласилась и Восточная церковь. В Антиохии, например, это изменение вошло в силу лишь в 375 году нашей эры.

Какими соображениями церковные власти руководствовались при учреждении празднования Рождества? Очень откровенно причины этого нововведения изложены одним сирийским, автором христианского вероисповедания. «Отцы церкви перенесли празднование с 6 января на 25 декабря вот почему. У язычников был обычай того же 25 декабря праздновать день рождения солнца, в честь которого они зажигали огни. Христиане также принимали участие в этих торжествах. Когда церковные власти поняли, что христиане сохраняют пристрастие к этому празднику, они посоветовались и решили, что настоящее Рождество должно отмечаться 25 декабря, а б января — праздник богоявления (эпифании). Вот почему сохранился также обычай жечь свечи до 6 января». То, что Рождество имеет языческие корни, молчаливо признает Блаженный Августин, когда он увещевает братьев во Христе праздновать этот день не как язычники, то есть из-за рождения солнца, а ради того, кто сотворил солнце. Папа Лев Великий также осуждал это вредоносное суеверие — представление о Рождестве как о возрождении солнца, а не как о Рождестве Христовом.

Из этого следует, что церковь приняла решение праздновать день рождения своего основателя 25 декабря для того, чтобы перевести религиозное рвение язычников с солнца на того, кто звался Солнцем справедливости. В таком случае нет ничего невероятного в гипотезе о том, что такого же

порядка мотивы могли побудить церковные власти уподобить Пасху, то есть празднование смерти и воскресения Господа, празднованию смерти и воскресения другого азиатского бога, которое приходилось на то же время года. Действительно, греческие, сицилийские и итальянские пасхальные обряды удивительно

476

напоминают культ Адониса. Я уже высказывал предположение, что церковь сознательно приспособила новый праздник к его языческому прототипу, для того чтобы завербовать для христианства как можно больше сторонников. Но этот шаг в грекоязычных областях античного мира был сделан быстрее, чем в странах, говорящих на латыни: ведь культ Адониса процветал у греков, а на Рим и на Запад вообще оказал незначительное влияние. Он наверняка не был частью официальной римской религии. Чувства римской черни завоевал не он, а более варварский культ Аттиса и Великой Матери. Между прочим, смерть и воскресение Аттиса официально праздновались в Риме 24 и 25 марта: последнее число считалось днем весеннего равноденствия, то есть днем, наиболее подходящим для возрождения бога растительности, всю зиму проспавшего мертвым сном. Если верить широко распространенному древнему поверью, крестный путь Христа также приходился на 25 марта. Некоторые христиане, не обращая внимания на положение луны на небе, регулярно отмечали в этот день распятие Спасителя. Этот обычай соблюдался во Фригии, Каппадокии и Галлии; есть основания полагать, что одно время ему следовали и в самом Риме. Так что предание, датировавшее смерть Христа 25 марта, было весьма древним и пустило глубокие корни. Это тем более замечательно, что, как показывают астрономические расчеты, оно не имело под собой ни малейшего исторического основания. Необходимо поэтому сделать следующий вывод: восхождение Христа на Голгофу было специально приурочено к этой дате, для того чтобы соответствовать более древнему празднованию весеннего равноденствия. Таково мнение весьма эрудированного историка церкви — монсеньора Луи Дюшэна[1]; он указывает на то, что смерть Спасителя стала, таким образом, приходиться как раз на тот день, в который, по распространенному верованию, был сотворен мир. Воскресение Аттиса, который сочетал в одном лице Бога-отца и Бога-сына, официально отмечалось в Риме в этот же день. Стоит также вспомнить, что празднование дня святого Георгия в апреле пришло на смену древнему языческому празднику Парилий; что день святого Иоанна Крестителя пришел на смену летнему языческому празднику воды; что праздник Успения Пресвятой Богородицы в августе месяце

[1] Дюшэн Луи (1843—1922) — французский историк церкви.

477

вытеснил празднество Дианы; что день Всех Святых в ноябре явился продолжением древнего языческого праздника мертвых; что само Рождество Христово было приурочено к зимнему солнцестоянию, потому что этот день считался рождением солнца. В свете этих данных приобретает доказательность наша гипотеза о том, что и другое центральное христианское празднество — Пасха — по тем же причинам было приспособлено к аналогичному празднику фригийского бога Аттиса, приходившемуся на время весеннего равноденствия.

Тот факт, что христианский и языческий праздники смерти и воскресения бога отмечались в одних и тех же местах в одно время года, даже если за ним не стоит ничего большего, примечателен уже сам по себе. В период весеннего равноденствия смерть Христа торжественно отмечали во Фригии, в Галлии и, по всей вероятности, в Риме, то есть в зоне зарождения и наибольшего распространения культа Аттиса. Мало вероятно, чтобы это было простым совпадением. В зонах умеренного климата, где весной весь облик природы меняется под влиянием притока жизненной энергии, в весеннем равноденствии с древних времен видели обновление природы в возрождающемся боге, и нет ничего более естественного, как связать возрождение нового бога с поворотной точкой года. Впрочем, если датировать смерть Христа 25 марта, воскресение его, согласно христианской традиции, должно было приходиться на 27 марта, то есть на два дня позже весеннего равноденствия по юлианскому календарю и воскресения Аттиса. Аналогичный сдвиг на два дня происходит при совмещении христианского и языческого праздников святого Георгия и Успения Богородицы. Однако другое христианское предание — ему следовал Лактанций[1] и, видимо, галльская церковь — относило смерть Христа к 23-му, а его воскресение — к 25 марта. В таком случае воскресение Христа точно совпадало с воскресением Аттиса.

По свидетельству анонимного христианского автора IV века нашей эры, как христиане, так и язычники отмечали поразительные совпадения дат смерти и воскресения их богов. Это совпадение было предметом яростных споров последователей враждующих религий: язычники с жаром утверждали, что

[1] Лактанций (ок. 250 — ум. после 325) — христианский церковный писатель.

478

воскресение Христово является фальшивой подделкой под воскресение Аттиса, а христиане с такой же горячностью доказывали, что дьявольской подделкой является как раз воскресение Аттиса. Верх в этих непристойных, на взгляд поверхностного наблюдателя, препирательствах брали язычники, доказывавшие, что их бог, как более старший по возрасту, является не копией, а оригиналом, потому что оригинал обычно старше копии. Но христиане легко отражали этот аргумент. Пусть Христос, утверждали они, бог младший по времени, но на самом деле он старший, так как в этом случае Сатана превзошел в коварстве себя самого и обратил ход природы вспять.

Эти совпадения христианских и языческих праздников, если взять их в целом, слишком многочисленны, чтобы быть делом случая. Они свидетельствуют о компромиссе, который церковь в час своего торжества вынуждена была заключить с соперничающими культами, побежденными, но не утратившими своего влияния на умы. Непреклонный фанатизм ранних проповедников христианства, их горячее осуждение язычества уступили место политике более гибкой и терпимой, всепрощающей благотворительности трезвых церковных иерархов, отдававших себе полный отчет в том, что христианство, если оно желает завоевать мир, должно ослабить слишком жесткие догматы основателя, приоткрыв тем самым ворота, ведущие к спасению. В этом отношении между историей христианства и историей буддизма существует любопытная параллель.

Обе религиозные системы в своих истоках были прежде всего этическими реформами, плодами благородного рвения, возвышенных устремлений и сострадательной чуткости основателей, прекрасных душ, которые изредка как бы нисходят на землю из лучшего мира, для того чтобы поддержать и направить нас, слабых, заблуждающихся смертных. Оба проповедовали добродетель как средство достижения того, что представлялось им высшей целью жизни (спасения души), хотя один искал спасения в вечном блаженстве, а другой — в окончательном освобождении от страдания и слиянии с высшим началом. Но проповедуемые ими идеалы с их непреклонной ориентацией на личную святость находились в слишком резком противоречии не только со слабостью человеческой природы, но и с врожденными инстинктами людей, вследствие чего их воплощение в жизнь могло быть уделом не более чем

479

кучки учеников, порвавших все связи с семьей и обществом и работающих над своим личным спасением в тихом монастырском уединении. Для того, чтобы эти вероисповедания (пусть даже формально) могли стать достоянием целых народов, а тем более всего мира, они нуждались в глубинной перестройке в соответствии с предрассудками и страстями черни. Проведение в жизнь такого преобразования выпало на долю последователей, которые, будучи людьми трезвыми, более подходили на роль посредников между пророками и толпой. С ростом популярности христианство и буддизм все более впитывали в себя низшие устремления, для искоренения которых эти религиозные системы были учреждены. Такого рода духовный упадок неизбежен. Большинство людей не способно удовлетворить слишком высоких требований. Было бы тем не менее несправедливым приписывать постепенное отклонение христианства и буддизма от их первоначальной сущности исключительно умственной и моральной неустойчивости большинства представителей человеческого рода. Причина лежала в самих концепциях. Нельзя забывать, что обе религии с их прославлением бедности и безбрачия подрубали корни не просто гражданского общества, но самого человеческого существования. Однако, то ли от большой мудрости, то ли от большой глупости, подавляющая часть людей отказалась заплатить за возможность спасения своей души неизбежным угасанием человеческого рода.

Глава XXXVIII. МИФ ОБ ОСИРИСЕ

В Древнем Египте богом, чья смерть и воскресение торжественно отмечались каждый год, был Осирис, самый популярный из богов египетского пантеона. Есть веские основания поставить этого бога, воплощающего великий природный цикл вообще и сельскохозяйственный цикл в частности, в один ряд с Адонисом и Аттисом. Впрочем, громадная популярность, которой пользовался этот бог на протяжении многих веков, побудила его фанатичных поклонников щедро приписывать ему черты других богов. Поэтому из фигуры Осириса не так-то легко, так сказать, повыдергивать заимствованные перья и возвратить их настоящим владельцам.

480

Связно история Осириса излагается только у Плутарха; в новое время это изложение подкреплено и дополнено исследованием древнеегипетских памятников.

Осирис был плодом любовной связи земного бога Себа (иногда его имя передается как Кеб или Геб) с небесной богиней Нут. Греки отождествляли родителей Осириса со своими Кроносом и Реей. Когда бог солнца Ра узнал, что его жена Нут ему изменила, он разгневался и заявил, что не будет такого месяца, такого года, когда она смогла бы разрешиться от бремени. Но другой возлюбленный богини, бог Тот (по греческой терминологии — Гермес), выиграл у Луны в шашки одну семьдесят вторую часть каждого дня и, сложив из этих частей пять полных дней, прибавил их к египетскому календарному году, то есть к тремстам шестидесяти дням. Так миф объясняет происхождение тех пяти дополнительных дней, которые египтяне в конце каждого года добавляли для того, чтобы привести лунный год в соответствие с солнечным. В течение этих пяти дней, считавшихся как бы прибавкой к двенадцати месяцам года, проклятие бога солнца не действовало. В первый из этих дней и родился Осирис. В момент его рождения трубный голос провозгласил, что в мир пришел господь всемогущий. Некто Памил, говорят, услышал из фиванского храма голос, громогласно возвестивший о том, что родился великий владыка, благодетельный Осирис. Однако Осирис не был единственным ребенком. Во второй дополнительный день Нут родила Гора-старшего, в третий — Сета (греки звали его Тифоном), в четвертый — богиню Исиду, в пятый — богиню Нефтиду. Позднее Нефтида стала женой Сета, а Исида — женой Осириса.

Царствуя на земле, Осирис вывел египтян из состояния дикости, дал им законы и научил почитать богов. До него у египтян процветало людоедство. Жена и сестра Осириса Исида нашла дикорастущую пшеницу и ячмень, а Осирис ввел обработку этих злаковых культур у египтян, которые с этого времени перестали заниматься каннибальством и покорно перешли на хлебный рацион. Известно также, что Осирис положил начало сбору плодов с деревьев, первым начал подпирать виноградные лозы и давить виноград. Горя желанием приобщить к этим полезным открытиям весь человеческий род, он передал бразды правления в Египте своей жене Исиде и стал

481

путешествовать по всему миру, распространяя всюду дары культуры и земледелия. Жителей стран, в которых выращиванию винограда препятствовала суровость климата или бесплодие почвы, он за неимением вина научил утешаться ячменным пивом. В Египет Осирис возвратился, нагруженный богатствами, которыми его осыпали благодарные народы; повсеместно его встречали с божескими почестями как благодетеля человечества. Но его брат Сет (Тифон) вкупе с семьюдесятью двумя другими богами вступил в заговор против него. Тайком сняв мерку с тела своего брата, коварный Тифон изготовил изукрашенный ящик того же размера. Однажды, когда все пили и веселились, Тифон принес свой сундук и в шутку пообещал подарить его тому, кому он придется впору. Но он не подходил никому из участников пира. Последним в него лег Осирис. В этот момент заговорщики подбежали, захлопнули крышку сундука, спешно заколотили ее и выбросили сундук в Нил. Это случилось в семнадцатый день месяца атира, когда солнце входит в созвездие Скорпиона, на двадцать седьмом году правления (или жизни) Осириса. Когда весть об этом дошла до Исиды, она срезала прядь своих волос, облачилась в траурные одежды и в безутешном горе стала ходить повсюду, разыскивая тело.

По совету бога мудрости Исида нашла прибежище в зарослях папируса в дельте Нила. В бегстве ее сопровождали семь скорпионов. Однажды вечером усталая богиня пришла в дом одной женщины, которая захлопнула перед ней дверь, придя в ужас при виде скорпионов. Один из скорпионов тут же пролез под дверь и смертельно ужалил сына этой женщины. Причитания матери тронули сердце Исиды, она возложила руки на ребенка и произнесла заклинания, яд вышел из ребенка, и он ожил. Позднее сама Исида родила сына среди нильских топей. Она зачала его, обратившись в ястреба и пролетая над трупом своего супруга. В детстве новорожденного Гора-

младшего звали Гарпократом, что значит ребенок гор. От ярости коварного Тифона его скрыла богиня Севера Буто. Но оградить его от всех напастей она не смогла, и, когда однажды Исида возвратилась в укрытие, она застала своего маленького сына распростертым на земле, безжизненным и недвижимым. Мальчика ужалил скорпион. Исида обратилась с молитвой о помощи к богу солнца Ра. Тот, вняв ее мольбам, остановил свой небесный корабль и послал на землю

482

Тота, чтобы он научил ее заклинанию, с помощью которого можно было возвратить к жизни ее сына. Исида произнесла могучие заклинания, яд тут же покинул тело Гора, в него вошел воздух, он ожил. После этого Тот вознесся на небо, занял свое место на корабле солнца, и блестящий кортеж богов с криками ликования понесся дальше.

Тем временем ящик с телом Осириса проплыл вниз по течению реки в море и плавал до тех пор, пока наконец не был выброшен на берег Сирии в районе города Библоса. На том месте, где он причалил, мигом выросло дерево эрика *(erica),* скрывшее сундук в своем стволе. Местный царь, пораженный величиной дерева, приказал срубить его и сделать из него опорную балку для своего дома. Он и не подозревал о том, что дерево заключает в себе сундук с телом покойного Осириса. Слух об этом дошел до Исиды. Она отправилась в Библос, и в бедной одежде села у колодца с мокрым от слез лицом. Исида ни с кем не заговаривала до тех нор, пока не пришли царские служанки. Она приветливо поздоровалась с ними и расчесала им волосы, обдав их чудесным запахом своего божественного тела. Когда царица увидела косы служанок и почувствовала исходящее от них благоухание, она послала за чужестранкой, приняла ее у себя в доме и сделала кормилицей своего ребенка. Но вместо груди Исида давала ребенку сосать свой палец, а ночью принялась сжигать все, что в нем было смертного, одновременно в виде ласточки порхая вокруг столба с телом мертвого мужа и брата и жалобно щебеча. Но царица подсматривала за ней и при виде объятого пламенем ребенка испустила крик, который и помешал ему обрести бессмертие. Тогда богиня открылась и попросила отдать ей балку, поддерживающую крышу. Когда ее желание было удовлетворено, она вырезала из ствола сундук, упала на него и, обняв, стала так громко причитать, что младший ребенок царя от страха умер на месте. Ствол дерева богиня завернула в тонкое полотно и, умастив его, передала царю и царице. Дерево и поныне стоит в храме Исиды и до сих пор является для жителей Библоса предметом культа. А сама Исида погрузила сундук в лодку и отплыла вместе со старшим сыном царя. Как только они остались одни, она открыла сундук и, припав лицом к лицу мужа, стала целовать его и рыдать. Ребенок осторожно подкрался к ней сзади и увидел, что она делала. Богиня повернулась к

483

нему и бросила такой гневный взгляд, что мальчик не смог его выдержать и умер. Впрочем, если верить другим источникам, он просто упал в море и утонул. Песню об этом юноше, Манеросе, египтяне поют на пирах.

Исида спрятала сундук и отправилась повидать своего сына Гора в городе Буто. И вот однажды ночью в полнолуние Тифон, охотясь на вепря, обнаружил этот сундук. Он опознал тело и, разрезав его на четырнадцать кусков, разбросал их на все четыре стороны. В поисках частей тела Осириса Исида вдоль и поперек исколесила на папирусной лодке болотистые заводи Нила. Поэтому крокодилы и теперь из страха и почтения к богине не трогают людей, которые плавают в папирусных лодках. По той же причине в Египте так много могил Осириса: ведь каждую часть его тела Исида хоронила там, где ее находила. По другим сведениям, она зарыла в каждом городе по статуе, выдавая ее за тело бога, чтобы учредить культ Осириса во многих местах и чтобы Тифон, если ему придет в голову пуститься на поиски настоящей могилы Осириса, не смог ее найти. «Исиде, — пишет историк Диодор Сицилийский[1], — удалось найти все части тела Осириса, за исключением гениталий, а так как богиня желала, чтобы местоположение могилы ее мужа оставалось неизвестным и чтобы она почиталась всеми жителями Египта, она прибегла к следующему приему. Она из воска и пряностей вылепила статуи Осириса в человеческом образе в натуральную величину, положив внутрь одну из частей его тела. Затем она созвала жрецов из всех родов и заставила их поклясться, что они никому не доверят тайны, которую она им откроет. Потом каждому из них она по секрету сообщила, что ему одному доверяет захоронить тело, и, напомнив о полученных (от Осириса) благодеяниях, убедительно просила захоронить тело в своей стране и почитать Осириса как бога. Она также просила их посвятить ему какое-нибудь животное в своей стране (на их выбор), почитать его при жизни так же, как в прошлом они почитали Осириса, и похоронить с равными почестями. А так как ей хотелось поощрить жрецов в их собственных интересах воздать ему указанные почести, она отдала в распоряжение этих служителей культа

[1] Диодор Сицилийский (ок. 90 — 21 до н. э.) — древнегреческий историк.

484

одну треть всех египетских земель. Известно, что памятуя о благодеяниях Осириса, желая угодить царице, а также из жажды наживы, жрецы полностью выполнили заветы Исиды. Каждый из них до сих пор воображает, что Осирис похоронен в его стране, почитает посвященных Осирису животных, а на их похоронах заводит плач по Осирису. Осирису были посвящены священные быки Апис и Мневис. Всем египтянам было приказано поклоняться им как богам, потому что эти животные больше всех других помогали первым хлебопашцам во время посева и с ними связаны великие блага от земледелия».

Таков миф об Осирисе в передаче греческих авторов, дополненный фрагментарными замечаниями и ссылками, извлеченными из египетской литературы. Длинная надпись, сохранившаяся на Дендерском храме, донесла до нас список могил бога, а другие тексты содержат упоминания о частях его тела — священных реликвиях каждого из святилищ. Сердце его хранилось в Атрибии, позвоночник — в Бусирисе, шейная часть — в Летополе, а голова — в Мемфисе. Число божественных членов тела Осириса, как это часто бывает в таких случаях, чудесным образом умножилось. Голова его, к примеру, оказалась одновременно в Абидосе и в Мемфисе, а ног бога хватило бы на нескольких простых смертных. Впрочем, в этом отношении Осирис не шел ни в какое сравнение со святым Денисом, от которого сохранилось семь равно подлинных его голов.

По сведениям египетских источников, которые дополняют рассказ Плутарха, Исида, когда она нашла труп Осириса, вместе со своей сестрой Нефтидой завели поминальный плач, который позднее стал прототипом всех египетских причитаний по умершим. «Приди в свой дом, — причитали они, — приди в свой дом. О бог Он, вернись в свой дом — у тебя нет врагов. О прекрасный юноша, приди в свой дом, чтобы увидеть меня. Я возлюбленная сестра твоя, ты навеки неотделим от меня. Прекрасный юноша, вернись в свой дом... Я не вижу тебя, но сердце мое томится по тебе и глаза мои желают тебя. Приди к возлюбленной своей, приди, Уннефер *(Unnefer* — благостный), приди! Вернись к сестре своей, к жене своей, чье сердце неизменно. Приди к той, что управляет домом твоим. Я сестра твоя от единой матери, тебе никогда не удалиться от меня. Боги и люди обратили

485

свои лица к тебе и вместе оплакивают тебя... Я зову тебя и плачу так, что плач мой слышен на небесах, но ты не слышишь голоса моего. Но я сестра твоя, которую ты возлюбил на земле. Ведь любил ты одну меня, брат мой, о брат мой!» Этот плач о прекрасном юноше, погибшем во цвете лет, напоминает плач об Адонисе. Эпитет «уннефер» («благостный») указывает на благодеяния, которые неизменно связывает с Осирисом предание; это самый распространенный из эпитетов, применяемых к нему, и одновременно часть его царского титула.

Причитания сестер не пропали даром. Сжалившись над их горем, бог солнца Ра послал с небес бога Анубиса с головой шакала, и с помощью Исиды, Нефтиды, Тота и Гора он составил из кусков тело мертвого бога, спеленал его полотняными повязками и совершил над ним все обряды, которые египтяне совершали над телами покойников. После этого Исида подняла остывшую пыль взмахом своих крыльев, Осирис ожил и стал править в царстве мертвых. Там он носит титулы Господина Подземного Мира, Хозяина Вечности и Владыки Умерших. Там в обществе сорока двух советников восседал он в великом зале двух истин и судил души умерших, которые торжественно исповедовались перед ним, и, после того как сердце их было взвешено на весах справедливости, получали вечную жизнь в награду за добродетель или надлежащую кару за грехи свои.

Египтяне видели в воскресении Осириса залог вечной жизни в загробном мире для самих себя. Они верили, что каждый человек будет жить в потустороннем мире вечно, если только его друзья, оставшиеся в живых, проделают над его телом все те операции, которые боги проделали над телом Осириса. Поэтому египетские похоронные обряды представляли собой точную копию обрядов, которые Анубис, Гор и другие боги совершили над трупом этого бога. «На всех похоронах разыгрывалась божественная мистерия, которую в древности исполнили над Осирисом, когда сыну, сестрам и друзьям, собравшимся у его изувеченных останков, с помощью заклинаний и других чар удалось превратить изломанное тело бога в мумию, которую они затем оживили, дав ей возможность начать новую жизнь по ту сторону могилы. Роль мумии выпала Осирису, роль профессиональных плакальщиц — его сестрам Исиде и Нефтиде, роль зрителей —

486

Анубису, Гору и другим богам». Любой покойник у египтян отождествлялся с Осирисом и носил

его имя. Начиная со Среднего Царства, у них установилась практика обращения к мертвому, как если бы он был самим богом «Осирисом таким-то», к чему прибавлялся эпитет «правдиворечивый», потому что правдивость в речах была присуща Осирису. Тысячи могил с рисунками и надписями, вскрытых в долине Нила, доказывают, что таинство воскресения совершалось над каждым покойным египтянином: как умер и восстал из мертвых Осирис, так надеялись перейти к вечной жизни и простые смертные.

Итак, согласно египетскому преданию, Осирис был благим и горячо любимым царем, умершим насильственной смертью, но восставшим из мертвых и с тех пор почитаемым как божество. Следуя этому преданию, художники и скульпторы постоянно изображали этого бога в облике покойного царя, завернутого в повязки, как мумия, с царской короной на голове, держащего свободной от повязок рукой царский скипетр. С памятью об Осирисе (или с преданием о нем) особенно тесно были связаны два города: город Бусирис в Нижнем Египте, где якобы находился позвоночный столб бога, и город Абидос в Верхнем Египте, который славился тем, что там была захоронена его голова. Абидос, бывший первоначально ничем не примечательным городком, в конце Древнего Царства купался в лучах славы умершего, но вечно живого бога и стал самым священным местом в Египте. Гробница Осириса в Абидосе была для египтян, по всей вероятности, тем, чем храм гроба Господня в Иерусалиме является для христиан. Любой набожный египтянин желал, чтобы его тело покоилось в священной земле рядом с могилой прославленного Осириса. Немногие, правда, имели достаточно средств для того, чтобы насладиться этим бесценным соседством: даже если не считать затрат на построение гробницы в святом городе, транспортировка мумий на большие расстояния была делом трудным и дорогостоящим. Однако многие египтяне столь пламенно желали после смерти ощутить на себе благодать, исходившую от святой гробницы, что наказывали своим оставшимся в живых друзьям перенести их бренные останки в Абидос, подержать там непродолжительное время, а затем, возвратив на родину речным путем, захоронить в заранее приготовленной могиле. Другие же просили постро-

487

ить для себя кенотафы или поставить мемориальные доски рядом с захоронением умершего и воскресшего бога, чтобы и они могли разделить с ним блаженство воскресения.

Глава XXXIX. ОБРЯДОВЫЙ ЦИКЛ, СВЯЗАННЫЙ С ОСИРИСОМ

Народные обряды.

Нередко время года, на которое приходится праздник того или иного бога или богини, служит ключом к пониманию его или ее изначальной природы. Так, если праздник приходится на новолуние или на полнолуние, можно с основанием предположить, что соответствующее божество является луной или по крайней мере как-то с ней связано. Если же время праздника совпадает с зимним или летним солнцестоянием, естественно предположить, что богом этим является солнце или что он находится с этим светилом в тесной связи. Равным образом, если время проведения праздника совпадает со временем посева или жатвы, это наводит на мысль, что данное божество служит воплощением земли или зерна. Эти выводы не доказательны сами по себе, но, если они подтверждаются другими данными, их можно считать достаточно обоснованными.

В отношении египетских богов мы, к сожалению, практически не можем этим ключом воспользоваться. Дело в том, что даты египетских праздников нам неизвестны, ибо они каждый год менялись и через достаточно продолжительный промежуток времени проходили весь годовой цикл. Цикличность египетских праздников была связана с тем, что египтяне пользовались календарем, который не соответствовал солнечному году и не корректировался за счет добавления дополнительных дней.

Крестьянин в Древнем Египте, который не мог, если не считать малых промежутков времени, положиться на официальный, жреческий календарь, должно быть, был вынужден наблюдать природные знамения, отмечающие начало различных видов полевых работ, на свой страх и риск. Египтяне еще на заре истории занимались земледелием и добывали средства к жизни от своих посевов. Они жили выращиванием и обработкой пшеницы, ячменя и, по всей вероятности,

488

сорго, или дурра, как называют его современные феллахи. В Древнем (да и в современном) Египте, за исключением узкой полосы земли на берегу Средиземного моря, почти не выпадало осадков, так что сказочное плодородие этой земли полностью зависело от ежегодных разливов Нила. Вода доставлялась на поля при помощи сложной системы дамб и каналов и каждый год приносила с собой новый слой служившего удобрением ила, смытого с гор Абиссинии и принесенного из районов великих озер экваториальной Африки. Поэтому египтяне всегда ждали подъема воды в Ниле с крайним беспокойством. Ведь если вода не поднимется до определенного уровня или поднимется выше его, голод и мор неизбежны. Подъем воды начинается в начале июня, но набирает силу лишь во второй половине месяца. Своей высшей точки уровень воды достигает в конце сентября. В такое время затопленная страна напоминает скорее водную стихию, на фоне которой, подобно островам, возвышаются построенные на возвышенностях города и селения. Приблизительно в течение месяца уровень воды остается неизменным, а затем начинает идти на убыль; отлив продолжается до тех пор, пока в декабре — январе река не входит в свое обычное русло. С приближением лета уровень воды в Ниле продолжает спадать. В начале июня Нил вдвое уже обычного, и, палимый солнцем, много дней подряд обдуваемый ветром Сахары, Египет становится как бы продолжением пустыни. Деревья задыхаются под плотным слоем серой пыли. В непосредственной близости от селений, на клочках земли, с трудом орошаемых жителями, борются за жизнь чахлые овощи. Какое-то подобие зелени сохраняется лишь по обочинам каналов да в углублениях, из которых не успела испариться влага. Бесплодная пыльная долина пепельного цвета, на всем протяжении изборожденная сетью трещин и выбоин, задыхается под палящими солнечными лучами. С середины апреля до середины июня египетская земля в ожидании «нового Нила» представляется полуживой.

На протяжении долгих веков труд египетских крестьян зависел от этого природного цикла. Сельскохозяйственный год у египтян начинался со срытия плотин, препятствовавших Нилу затопить во время половодья поля и каналы. Работы по освобождению русла запруженной реки проводятся в первой половине августа. В ноябре, когда вода спадает, приступают к

489

севу пшеницы, ячменя и сорго. Пора жатвы на севере наступает приблизительно на месяц позже, чем на юге. В Верхнем, или Южном, Египте сбор ячменя приходится на начало марта, пшеницы — на начало апреля, а сорго — примерно на конец того же месяца.

Египетский крестьянин, естественно, отмечал различные события сельскохозяйственного года

простыми обрядами, имевшими целью призвать благословение богов за свои труды. Эти деревенские празднества из года в год отмечались в одно и то же время, торжественные же мистерии жрецов продолжали в зависимости от скользящего календаря передвигаться с летнего периода на зимний и обратно. Неизменность сельскохозяйственных праздников покоилась на непосредственном наблюдении природы, а смещения в жреческом ритуальном цикле были вызваны тем, что в основе их лежали неверные расчеты. Впрочем, многие жреческие праздники, вероятно, были не чем иным, как древними сельскими торжествами, в течение веков до неузнаваемости изменившимися под воздействием разработанного церковного ритуала и утратившими (из-за ошибок в календаре) свою связь с сезонным циклом.

То немногое, что нам известно о египетской народной и государственной религии, говорит в пользу такой гипотезы. Нам, к примеру, известно, что праздник Исиды египтяне отмечали в начале разлива Нила. Богиня, верили они, оплакивала в это время Осириса, и от слез, льющихся из ее глаз, вода в реке стремительно прибывала. И если в одной из своих ипостасей Осирис действительно был богом злаков, нет ничего более естественного, чем его оплакивание в период летнего солнцестояния. К этому моменту урожай был собран, вода в реке спала, и вместе со смертью бога злаков, казалось, приостановила свой ход сама жизнь. В такое время люди, видевшие в том или ином течении природных процессов дело рук божьих, могли легко установить связь между подъемом воды в священной реке и слезами, которые богиня пролила по случаю смерти своего мужа, благостного бога посевов.

Подъем воды на земле сопровождался знамением с небес. Во время летнего солнцестояния, когда в Ниле начинает прибывать вода, перед самым восходом солнца на востоке загоралась ярчайшая из неподвижных звезд — блестящий Сириус.

490

Так, по крайней мере, было в III — IV тысячелетиях до нашей эры. Египтяне называли Сириус Сотисом и считали его звездой Исиды, подобно тому как вавилоняне связывали Венеру с Астартой. При виде блестящего светила на утреннем небе обоим этим народам, видимо, казалось, что это богиня жизни и любви пришла оплакивать умершего возлюбленного и супруга и воскресить его из мертвых. По той же причине восход Сириуса означал у египтян начало священного года, и в честь этого события устраивался праздник, дата проведения которого не менялась в зависимости от передвижений в официальном египетском календаре.

В Египте главным событием года является срывание дамб и пуск воды в каналы и на поля. В Каире это событие, как правило, имело место между 6 и 16 августа и до недавнего времени сопровождалось ритуалами, которые заслуживают упоминания, потому что, скорее всего, перешли к нам от седой древности. Когда-то такой канал, называвшийся Калиж, проходил через Каир. Перед входом в город путь каналу преграждала земляная плотина, очень широкая внизу, но сужающаяся кверху (ее воздвигали обычно перед началом разлива Нила или сразу же после него). На одном берегу реки перед плотиной возвышалась над землей фигура в виде усеченного конуса. Эту фигуру называли *aroosch* («невеста») и вершину ее, как правило, засеивали небольшим количеством маиса или проса. Поднимающаяся вода, как правило, начинала омывать «невесту» за одну-две недели до открытия плотины.

Предание гласит, что когда-то в древности бытовал обычай одевать юную девушку в нарядное платье и приносить ее в жертву Нилу, для того чтобы река широко разлилась. Цель этого обычая заключалась в том, чтобы отметить бракосочетание Нила, понятого как мужское начало, с нивой, которую вскоре предстояло оплодотворить водой. То есть речь шла о магическом обряде, предназначенном вызвать рост посевов. В новое время по такому случаю в канал обычно бросали монеты, и простолюдины ныряли за ними. Последний обычай, видимо, также довольно древний, потому что у Сенеки имеется указание на то, что неподалеку от Фив, в местечке, называвшемся Нильские Жилы, жрецы бросали в реку монеты и золотые предметы во время праздника, который отмечал начало притока воды.

491

Следующим крупным сельскохозяйственным мероприятием в Египте является посадка семян в ноябре, когда вода уже схлынула с полей. У египтян, как и у многих других народов древности, предание семени земле выливалось в торжественный траурный ритуал. Вот что писал по этому поводу Плутарх: «Зачем нужны эти безрадостные, траурные жертвоприношения, если заблуждением является, с одной стороны, пренебрежение традиционной обрядовостью, а с другой — завуалирование наших представлений о богах нелепыми подозрениями? Ведь и греки справляют множество обрядов, сходных с обрядами египтян, и делают это приблизительно в то же

самое время. Так, на празднике Тесмофорий в Афинах женщины сидят на земле и постятся. А беотийцы открывают (в этот день) склеп Скорбящей, называя этот праздник праздником скорби, потому что в этот день Деметра скорбит о нисхождении Девы в мир теней. Этот праздник приходится на месяц посева и почти совпадает с заходом Плеяд. Египтяне зовут этот месяц атиром, афиняне — пианепсионом, а беотийцы — месяцем Деметры... В это время года они видели, как увядают и падают с деревьев плоды, и сами с трудом и неохотно сеяли другие растения, царапая землю руками и поспешно зарывая ее (ямки) в смутной надежде, что посеянное когда-то взойдет и созреет. То есть их действия были во многом похожи на действия людей, которые погребают покойников».

Мы уже знаем, что в Египте урожай собирают не осенью, а весной: в марте, апреле и мае месяце. Казалось бы, время сбора урожая, особенно когда он обильный, должно быть для земледельца радостным: ведь он приносит домой снопы зерна и получает тем самым вознаграждение за долгий и напряженный труд. Но все не так просто. Если крестьянин в Древнем Египте и чувствовал тайную радость во время жатвы и засыпки зерна в закрома, то, видимо, считал необходимым скрывать это естественное чувство под покровом глубокого уныния. И правда: разве он, крестьянин, не разрезал плоть бога зерна своим серпом и не топтал ее копытами животных на гумне? Поэтому египетские жнецы, следуя древнему обычаю, бьют себя в грудь и громко причитают над первым срезанным снопом, обращаясь с мольбой к Исиде. Моление это принимает форму траурного песнопения, которому греки дали название *Maneros.* Такого же рода жалобные напевы исполнялись жнецами в Финикии и в

492

других областях Западной Азии. Эти скорбные мелодии были предназначены, видимо, для оплакивания бога зерна, находящего смерть под серпами жнецов. Умерщвляемым божеством египтян был Осирис. Название погребальной песни — «Манерос» — является, по всей вероятности, производным от греческих слов «Вернись домой!» — слов, которые часто встречаются в причитаниях по мертвому богу.

Вероятно, с той же целью аналогичные обряды соблюдали и другие народы. Как известно, в домашнем хозяйстве и ритуальной организации племени индейцев-чероков главное место из зерновых культур занимает маис. Индейцы называют его Старуха, так как, если верить мифу, маис появился из крови старой женщины, убитой непокорными сыновьями. По окончании жатвы жрец в сопровождении своего помощника идет в поле и там пением вызывают дух зерна. После этого слышится громкий шелест, который якобы производит Старуха, несущая в поле хлеб. Тропинка, ведущая от поля к дому, была всегда расчищена, «чтобы побудить маис остаться дома и не пускаться в дальние странствия». «Другой любопытный обряд — сейчас даже его название едва могут припомнить — совершался после первой обработки зерна: тот, кому принадлежало поле (или жрец), поочередно становился в каждый из четырех углов поля и громко причитал. Ныне даже жрецы не помнят, с какой целью совершалось это представление, бывшее, вероятно, плачем по погибшей кровавой смертью Селу, то есть Старухе. Причитания и взывания к Хлебной Старухе в этих черокских обрядах напоминают египетские причитания над первым снопом и обращения к Исиде, которая в одной из своих ипостасей также, вероятно, была Хлебной Старухой. Кроме того, мера предосторожности, которую принимают чероки, расчищая тропинку от поля к дому, похожа на обращенное к египетскому богу Осирису приглашение возвратиться домой. До настоящего времени жители островов Индонезии прибегают к сложным обрядам для того, чтобы привести с полей в амбар дух риса. В сентябре, когда созревает зерно Элевсины, нанди (Восточная Африка) устраивают следующую церемонию. Каждая владелица плантации в сопровождении своих дочерей отправляется в поле и разжигает там костер из ветвей и листьев определенных видов деревьев. После этого они срывают немного зерна, и каждая женщина вкладывает по зернышку в свое

493

ожерелье, а остальное зерно разжевывает и втирает в кожу на лбу, шее и груди. При этом женщины не проявляют никакой радости, а с выражением скорби на лицах нарезают корзину зерна и, принеся ее домой, кладут наверх сушиться».

Представление о смерти духа зерна во время жатвы нашло свое прямое отражение в обычае, соблюдаемом арабским населением Моаба. Когда жатва близится к завершению и остается убрать зерно на маленьком участке поля, владелец поля берет в руки сноп пшеницы. Затем вырывают яму в виде могилы и, как на обычных похоронах, вертикально ставят в нее два камня: один — в изголовье, а другой — в ноги. После этого сноп погружают на дно могилы и шейх произносит

слова: «Старик мертв». Затем сноп засыпают землей, повторяя молитву: «Да ниспошлет нам Аллах пшеницу покойного».

Государственные обряды.

Таковы основные события в календаре древнеегипетского земледельца и те незамысловатые религиозные обряды, с помощью которых их отмечали. Нам остается сообщить о связанных с Осирисом праздниках по официальному календарю. Они описаны греческими авторами и запечатлены в памятниках. При этом не следует упускать из виду тот факт, что, по крайней мере до принятия александрийского календаря в 30 году до нашей эры, подлинные даты проведения официальных праздников по причине подвижности древнеегипетского календаря ежегодно сдвигались. С 30 года до нашей эры праздники стали устраиваться по новому календарю, и их круговращение прекратилось. Во всяком случае, на то, что цикл праздников более не изменялся, указывают работы Плутарха, писавшего в конце I века нашей эры. Хотя этот автор прямо об александрийском календаре не упоминает, но датирует праздники он именно по нему. Кроме того, на александрийском календаре основывается еще один важный памятник императорской эпохи — подробный еснский *(Esne)* календарь праздников; первый день Нового года в нем, как и в александрийском календаре, приурочен к 29 августа; подтверждают это предположение также содержащиеся в нем сведения о паводке Нила, об обращении солнца и сельскохозяйственных работах. Все эти данные свидетельствуют в пользу того, что начиная с 30 года до нашей эры египетские праздники определялись строго по солнечному календарю.

494

По сообщению Геродота[1], могила Осириса находилась в городе Сансе (Нижний Египет); там же расположено озеро, на котором ночью страдания бога инсценировались в виде мистерии. Это поминовение страстей господних происходило один раз в году: люди, чтобы показать глубину своей скорби по случаю смерти бога, рыдали и били себя в грудь. Из храмовых покоев в этот день выносили позолоченную статую коровы с золотым солнцем между рогами. Корова, это священное животное Исиды, конечно, воплощала саму богиню, которую часто изображали с коровьими рогами на голове и даже как женщину с головой коровы. Вынос статуи коровы символизировал, вероятно, поиски богиней тела мертвого Осириса. Так, во всяком случае, сами египтяне объясняли аналогичную церемонию (во времена Плутарха ее приурочивали к зимнему солнцестоянию), во время которой корову семь раз обводили вокруг храма. Характерной чертой этого праздника была ночная иллюминация. К внешним стенам домов рядами привязывали лампы, которые горели всю ночь. Этот обычай соблюдался не только в Сансе, но и во всем Египте.

Освещение на одну ночь всех домов наводит на мысль о том, что этот праздник был днем поминовения усопших, то есть служил поминовению не одного Осириса, но вообще всех умерших. Ведь согласно широко распространенному поверью, духи покойников один раз в году ночью навещают свои прежние жилища; готовясь к этому торжественному событию, люди специально для душ откладывают про запас пищу и от могилы до дома зажигают длинный ряд ламп. Геродот, у которого мы почерпнули краткое описание этого праздника, не указывает точного времени его проведения, но мы можем с некоторой долей вероятности установить эту дату по другим источникам. Плутарх, например, пишет, что Осирис был умерщвлен семнадцатого дня месяца атира, следовательно, с этого числа египтяне и начинали справлять по нему четырехдневные поминальные обряды. По александрийскому календарю, которым пользовался Плутарх, эти дни соответствуют 13, 14, 15 и 16 ноября.. Эта дата хорошо согласуется с другими данными, приводимыми Плутархом. Они сообщают, что в это время вода в Ниле начинала идти на убыль, северный ветер утихал, ночи становились длиннее и с деревьев падали листья. На эти

[1] Геродот (между 490 и 480 — ок. 425) — древнегреческий историк.

495

четыре дня на обозрение выставлялось изображение Исиды: позолоченная корова, спеленатая черной мантией. Об этой статуе, несомненно, и шла речь у Геродота. В девятнадцатый день месяца жители спускались к морю, куда жрецы приносили алтарь с золотым ларцем внутри. В этот ларец они наливали проточную воду, после чего зрители начинали кричать, что Осирис найден. Затем жрецы брали немного перегноя, перемешивали его с изысканными пряностями и благовониями и вылепливали из получившейся смеси небольшое изображение луны, которое затем обряжали и украшали.

Целью ритуалов, описываемых Плутархом, видимо, было представить в драматической форме, во-первых, поиски тела мертвого Осириса, во-вторых, радость его нахождения, за которым

последовало воскресение бога в вегетативной форме (в виде пряностей и перегноя). У Лактанция можно прочесть о том, как на празднике Осириса жрецы с обритыми телами били себя в грудь и причитали, изображая скорбный путь богини Исиды в поисках тела ее сына Осириса, как их скорбь сменилась радостью, когда Анубис, бог с шакальей головой, — точнее, играющий его роль актер — производил на свет мальчика, живое подобие потерянного и найденного бога. Лактанций, как видим, считал Осириса не мужем, а сыном Исиды. Кроме того, он ни словом не обмолвился о кукле, вылепленной из перегноя. Не исключено, что мальчик, принимавший участие в священной мистерии, выступал не в роли Осириса, а в роли его сына Гора. Но равным образом возможно — если учесть, что праздник смерти и воскресения бога отмечали во всем Египте, — что роль возвращенного к жизни бога играла не какая-нибудь марионетка, а живой актер. Другой христианский автор описывает, как каждый год египтяне с обритыми головами причитали над захороненным идолом Осирисом, бия себя в грудь, хлеща по плечам, вскрывая старые раны. Это беснование продолжалось в течение нескольких дней, пока наконец не объявляли о нахождении искалеченных останков бога. При этом известии наступало всеобщее ликование. Хотя в разных областях Египта исполнение этого обряда отличалось специфическими особенностями, нахождение тела бога и возвращение его к жизни неизменно были кульминационными пунктами праздничного цикла египтян. Многие античные авторы сообщают о ликующих криках, которыми верующие встречали известие о воскресении Осириса.

496

Описание того, как справлялись обряды погребения Осириса в шестнадцати египетских провинциях, содержится в подробной надписи эпохи Птолемеев[1], вырезанной на стене храма Осириса в городе Дендере (по-гречески Тентире), в Верхнем Египте, расположенном на восточном берегу Нила, приблизительно в сорока милях к северу от Фив. К сожалению, хотя содержащаяся в этой надписи информация является во многих отношениях удивительно полной, расположена она столь беспорядочно и выражена столь туманным языком, что составить себе исчерпывающее представление об этом ритуале, основываясь на ней, невозможно. Кроме того, из этой надписи следует, что в различных городах ритуал несколько видоизменялся. Например, в Абидосе он был не таким, как в Бусирисе. Не ставя своей задачей проследить все местные особенности в исполнении этого обряда, наметим вкратце его основные черты, нашедшие достаточно надежное документальное подтверждение.

Погребальный обряд продолжался в течение восемнадцати дней — с двенадцатого по тридцатое число месяца койака, — и Осирис был представлен при этом в трех ипостасях: бога мертвого, бога, разорванного на части, и бога, восстановленного путем соединения его членов. В первой из этих ипостасей он носил имя Хент-Амент (Кенти-Аменти), во второй звался Осирисом-Сепом, а в третьей — Сокари (Секером). Статуэтки этого бога лепили из песка или перегноя, смешанного с зерном, к которому добавляли благовония. Его лицо разрисовывали в желтый цвет, а скулы — в зеленый. Затем статуэтки бога отливали из чистого золота: бог был изображен в виде мумии с белой короной Египта на голове. Праздник открывался двенадцатого числа месяца койака обрядом пахоты и сева. В плуг, изготовленный из древесины тамариска, с лемехом из черной меди впрягали двух черных коров. Мальчик разбрасывал семена. Один конец поля засеивали ячменем, другой — пшеницей, а середину — льном. В это время главный жрец декламировал главу из ритуальной книги о засеве полей. В Бусирисе двенадцатого койака в сад бога — что-то вроде большого цветочного горшка — клали немного песка и ячменя. Эта церемония совершалась в присутствии богини-коровы Шенти. Внутри изваяния

[1] Птолемеи (Лагиды) — царская династия, правившая в эллинистическом Египте в 305—30 годах до нашей эры.

497

богини из позолоченного платанового дерева находилось изображение обезглавленного человека. Из золотой вазы, наполненной водой только что разлившегося Нила, обливали богиню и сад. Ячмень выращивали как символ воскресения бога после его захоронения в земле, «так как рост сада и прирост божественной субстанции — это одно и то же». Двадцать второго числа месяца койака в восемь часов скульптура Осириса в сопровождении изображений тридцати четырех других богов отправлялась в таинственное плавание на тридцати четырех папирусных лодочках, освещенных огнями трехсот шестидесяти пяти ламп. Двадцать четвертого койака после захода солнца статую Осириса в гробу из тутового дерева опускали в могилу, а в девять часов вечера прошлогоднюю статую вынимали и клали на ветви платанового дерева. Наконец, тридцатого дня месяца койака все отправлялись к подземным покоям святой гробницы, над которыми

пробивалась рощица священных фруктовых деревьев. Войдя под своды гробницы через западную дверь, участники торжества с трепетом возлагали на песчаную постель гроб с изображением мертвого бога. Здесь они оставляли гроб и покидали гробницу через восточную дверь. На этом обряды в месяце койак заканчивались.

В этом отчете о празднике Осириса, извлеченном из подробной надписи в Дендере, акцент делается на захоронение бога, а его воскресение лишь подразумевается. Однако этот пробел в документе в значительной мере заполняется серией замечательных барельефов, служащих как бы иллюстрацией к указанной надписи. Ряд сцен изображает бога в гробу спеленатым как мумия, но постепенно он поднимается все выше и выше, пока наконец совсем не выходит из гроба и занимает вертикальное положение между попечительных крыльев верной Исиды, стоящей позади него. В то же время мужская фигура держит перед его глазами *crux ansata*[1] египетский символ жизни. Трудно более выпукло передать воскресение господне. Впрочем, еще более поучительным является изображение того же события, имеющееся в покоях Осириса в великом храме Исиды на острове Филы. Мы видим мертвое тело Осириса, из которого пробиваются хлебные побеги, и

[1] Крукс анзата — «крест с ручкой» — особая форма креста с ручкой-петлей для держания на нижнем конце. Часто встречается на египетских изображениях.

498

жрец поливает их из кувшина, который держит в руке. Сопровождающая эту сцену надпись гласит: «Таков облик того, кого нельзя называть по имени, таинственного Осириса, появляющегося на свет из прибывающих вод». Этот барельеф и эти слова не оставляют сомнения в том, что Осирис представлен здесь в качестве олицетворения хлеба, который пробивается на полях, оплодотворенных разливом Нила. Такова была, если верить надписи, глубинная сущность этого таинства, понятная лишь для посвященных. Центральным религиозным таинством в Элевсинских мистериях, посвященных Деметре, также был показ сжатого колоса их участникам. Теперь становится предельно ясным, почему на великом празднике сева в месяце койак жрецы погребали изображения Осириса, сделанные из глины и зерна. Когда в конце года или через более короткий промежуток времени эти изображения выкапывали, было видно, как из плоти Осириса пробиваются побеги. А это считалось предзнаменованием, точнее, причиной хорошего урожая. Зерно произрастало из тела бога зерна, он кормил народ телом своим и умирал для того, чтобы люди могли жить.

В смерти и воскресении великого бога египтяне черпали не только материальную поддержку и пропитание в этой жизни, но также надежду на вечную жизнь в загробном мире. О существовании такой надежды как нельзя более явно свидетельствуют любопытные изображения, обнаруженные на египетских кладбищах. Так, в Долине Царей, неподалеку от Фив, удалось обнаружить захоронение человека, обмахивавшего опахалом особу фараона (он жил приблизительно за 1500 лет до нашей эры). Среди многочисленной погребальной утвари нашли гроб, внутри которого находилась тростниковая циновка и три слоя холста с изображением фигуры Осириса в натуральную величину. Внутри этого водонепроницаемого свертка обнаружили комок из перегноя, ячменя и какой-то вязкой жидкости. Ячмень пророс и пустил два ростка пяти-шестисантиметровой длины. На кладбище в городе Кинополе также были погребены «многочисленные фигурки Осириса. Они были сделаны из зерна, завернутого в ткань, и наделены грубыми чертами сходства с Осирисом. Внутрь тайника, находящегося в стене гробницы, их клали иногда в глиняных гробиках, иногда — в деревянных, а иногда — и просто так». Эти начиненные зерном фигурки, подобно мумиям, были перевязаны полоска-

499

ми золоченой ткани, имитируя золотые фигурки Осириса, которые отливали на праздник сева. Статуэтки Осириса, набитые зерном, с лицом из зеленого воска, были найдены неподалеку от фиванского некрополя. Наконец, по сообщению профессора Эрмана, между ногами мумий «иногда лежат сделанные из ила фигурки Осириса. Они начинены зерном, ростки которого, как считается, символизируют воскресение бога». Подобно тому как на празднике сева захоронение в землю изображений Осириса, набитых зерном, имело своей целью ускорить рост побегов, захоронение аналогичных изображений в могиле также, несомненно, имело своей целью оживить умерших, другими словами, обеспечить бессмертие их души.

КРАТКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Аргау — кантон на сев. Швейцарии. Гл. г. — Аарау.
Абердин (Абердиншир, правильнее *Эбердин)* — округ Грампиана одного из адм. рай-в на сев. -вост. Шотландии (Великобритания). Гл. г. — Абердин (Эбердин).
Абиссиния — название африканской страны и гос-ва. Совр. офиц. название — Эфиопия.
Абомей — г. на юге Бенина, африканского гос-ва (бывшая Дагомея). Основан в XVII в. в качестве столицы Дагомеи.
Австрийская Силезия — провинция в бывшей Австро-Венгрии, территория которой ныне входит в состав Северо-Моравской обл.
Агу — гора в африканском гос-ве Того.
Айлей — о. из группы Внутренних Гебридских о-вов у берега Западной Шотландии. Принадлежит Великобритании.
Альтмарк — Старая Марка, главная часть Бранденбургской Марки, ист. центра Прусского гос-ва. Гл. г. — Стендаль. Ныне — часть земли Саксония-Аихальт (ФРГ).
Амбоина (Амбон) — гл. г. одноименного о. в группе Молуккских о-вов. Входит в состав Индонезии. Население о. и прилегающих о-вов составляют амбонцы (амбоинцы).
Анзикос (Анжикус) — г. в штате Риу-Гранди-ду-Норти (Бразилия).
Аннам — название Вьетнама при династии Нгуенов (1802 — 1945). В европейской и китайской лит-ре адм. название Центрального Вьетнама (Чунгбо) при французских колонизаторах (1884 — 1945). В 1976 введено новое адм. деление.
Аргайль (Аргайлл) — округ в Западной Шотландии. Входит в состав адм. р-на Стратклайд (Великобритания).
Ардра (Аллада) — древнее гос-во, существовавшее на побережье Западной Африки, известное европейцам с XVI в. Включало прибрежную территорию современных гос-в Ганы, Того и Бенина. Столица — г. Аллада (ныне на юге Бенина). В 1724 была завоевана Дагомеей.
Ару — арх. к юго-зап. от Новой Гвинеи в Арафурском море. Принадлежит Индонезии.
Асоп — название нескольких рек в Греции. Наиболее крупная в Беотии и Фессалии.
Ассам — штат Индии.
501
Ашанти — народ, населяющий центр. р-ны африканского гос-ва Ганы, создавший в XVII — XVIII вв. одноименное гос-во. Покоренное англичанами в конце XIX в., оно было включено в английскую колонию Золотой Берег. С получением независимости (1957) в составе Ганы образована обл. Ашанти.
Бабар — о-ва между о. Тимор и о-вами Танимбар. Принадлежат Индонезии.
Баден — ист. обл. в Юго-Западной Германии. С 1949 — в составе ФРГ.
Бали — о. в Малайском арх., к вост. от Явы. Жители Б. образуют особый народ — балийцы. О. принадлежит Индонезии.
Банкс — группа вулканических о-вов в юго-зап. ч. Тихого океана, между о-вами Санта-Крус и Новые Гебриды. Ч. республики Вануату, бывший кондоминиум (совместное владение) Франции и Великобритании, — Новые Гебриды (до 1980).
Бантинг — обл. в Сараваке (ныне штате Малайзии) на о. Калимантан (Борнео).
Барроу — мыс, сев. оконечность Аляски, штата США.
Батавия — ныне г. Джакарта, столица Индонезии.
Бенгалия — ист. обл. Индии. Западная ее ч. составляет индийский штат Западная Бенгалия, восточная — ч. республики Бангладеш.
Бенин — гос. в южной части Нигерии, существовавшее до конца XIX в. Покорено англичанами. Название дано португальцами (местное название — Эдо). Не путать с нынешним гос-вом Б. (бывшая Дагомея).
Беренде (Калотина) — селение в Болгарии, к сев. -зап. от Софии.
Берикшир (Берик) — округ в Шотландии, глав. г. — Данс. Входит в адм. р-он Бордерс (Великобритания).
Беркшир — графство в Южной Англии (Великобритания). Гл. г. — Рединг.
Бибили (Били-Били) — о. у вост. побережья Новой Гвинеи, населен меланезийцами. Принадлежит Папуа-Новой Гвинее.
Биласпур — г. в штате Мадхья-Прадеш (Индия).
Богемия — немецкое название Чехии.

Боливия — гос-во в Южной Америке.
Брабант — ист. обл. Нидерландов. После бельгийской революции 1830 Южный Брабант стал частью Бельгии (провинция Брабант). Северный Брабант — провинция Нидерландского королевства.
Брауншвейг — ист. обл. и герцогство (до 1918) в Северной Германии с одноименным г., центром области. Ныне входит в состав земли Нижняя Саксония (ФРГ).
502
Бретань — ист. обл. Франции (до 1532 — самостоятельное герцогство). Население Бретани — бретонцы, частично сохраняют свой особый бретонский (из группы кельтских) язык. Ныне входит в состав французских департаментов Иль и Вилен, Кот-дю-Нор, Финистер, Морбиан, Луара Атлантическая.
Британская Колумбия — провинция на зап. Канады. Гл. г. — Виктория.
Буру — о. в Малайском арх., в группе Молуккских о-вов, принадлежит Индонезии.
Бэлуйдер — деревня и местность в Западной Шотландии, в истоках рек Форт и Тей, в округе Пертшир, р-он Тенсайд (Великобритания).
Вадаи — гос-во в Центральном Судане (Африка), сложившееся в начале XIV в. и существовавшее до XX в. В 1908 — 1911 захвачено Францией. Территория этого гос-ва входит в состав респ. Чад (с 1960). Гл. народность — маба.
Вандея — департамент на западе Франции. Гл. г. — Ла-Рош-сюр-Йон. Ч. ист. обл. Пуату.
Ванкувер — о. у зап. побережья Северной Америки. Ч. территории Канады.
Верхняя Индия — так иногда называли Северную ч. Индии, низменность по долинам рек Инда, Ганга и Брахмапутры. Ныне в составе Индии, Пакистана и Бангладеш.
Верхняя Крайна — ч. Крайны, в средние века герцогства в составе Священной Римской империи; с 1355 — под властью Габсбургов, К. входила в состав Австро-Венгрии. После Первой мировой войны разделена между Италией и Югославией. С 1947 воссоединена в составе Словении, в Югославии. Населена преимущественно словенами.
Вестфалия — ист. обл. Германии, между реками Рейн и Везер. Ныне — в составе земли Северный Рейн-Вестфалия (ФРГ).
Ветар — о. арх. Барат-Дая в море Банда в группе Малых Зондских о-вов в составе Малайского арх. Принадлежит Индонезии.
Виктория (Виктория-Ньянца, Укереве) — оз. в Восточной Африке. Второе по величине пресное оз. мира. Находится на территории трех африканских гос-в: Танзании, Кении и Уганды.
Вити-Леву — самый крупный из о-вов арх. Фиджи, в Тихом океане. Входит в состав гос-ва Фиджи.
Вогезы — горная страна на сев. -зап. Франции и одноименный департамент.
Вольфенбюттель — г. в ФРГ, в земле Нижняя Саксония; до 1754 — резиденция герцогов Брауншвейгских.
Восточная Фрисландия — ч. ист. обл. Фрисландия. Входит в состав земли Нижняя Саксония, ФРГ. Гл. г. — Эмден.
503
Восточные моря — термин, употребляющийся по отношению к морям вост. Суэцкого перешейка, иногда и к вост. от Малаккского пролива.
Вюртемберг — ист. обл. на юго-зап. Германии, королевство с 1805. В составе Германской империи с 1871. С 1949 — в составе ФРГ. С декабря 1951 — ч. земли Баден-Вюртемберг (ФРГ).
Габон — гос-во в Экваториальной Африке. До 1960 — французская колония. Столица — Либревиль.
Гавайские о-ва — арх. в центральной ч. Тихого океана. Составляют штат Гавайя (США).
Газелл — п-ов на о. Новая Британия (арх. Бисмарка) в Тихом океане, к вост. от Новой Гвинеи, в составе гос-ва Папуа-Новая Гвинея.
Галела — о. к зап. от Новой Гвинеи, принадлежит Индонезии.
Галиция — ист. обл. и провинция в составе Австрийской империи (затем Австро-Венгрии). После распада Австро-Венгрии — в составе Польши. После 1939 Западная Галиция, населенная поляками, — в составе Польши. Восточная, населенная украинцами, — в составе Украины.
Галлоуэй — п-ов в юго-зап. ч. Шотландии, отделенный от Ирландии Северным каналом (Великобритания).
Гальмагера, Хальмахера (Джайлоло) — о. группы Молуккских о-вов в составе Малайского арх. Является ч. Индонезии.

Ганновер — ист. обл. в Германии, княжество и королевство (до 1866) с одноименным центром. С 1866 — провинция Пруссии. Территория Г. входит в состав земли Нижняя Саксония (ФРГ).
Гватемала — гос-во в Центральной Америке.
Гвинея — название ч. африканского берега, начиная от Кабу-Рошу на побережье Атлантического океана и до устья р. Кванза на юге. В широком смысле все прилегающие к Атлантическому океану (Гвинейскому заливу) земли с сев. и вост. называются Г. (примерно с 12° с. ш. и до 9° ю. ш.). Делится на Северную и Южную. В узком смысле Г. — гос-во на зап. берегу Африки, бывшая французская колония (до 1958). Столица — Конакри.
Гебридские о-ва, Гебриды — арх. в Атлантическом океане. Составляет территорию Западных о-вов, входящих в состав Шотландии (Великобритания).
Гемпшир (Хэмпшир) — английское графство у пролива Ла-Манш (Великобритания).
Гипсленд — местность в штате Виктория (Австралийский Союз).
Голландская Новая Гвинея — ныне провинция Западный Ириан в составе Индонезии.
Голландская часть о. Борнео — ныне провинции Западный, Центральный и Южный Калимантан на о-ве Калимантан в составе Индонезии.
504
Гондурас — гос-во в Центральной Америке. *Гран-Чако* — природная обл. в центре Южной Америки между 19° и 30° ю. ш., в Парагвае и Аргентине.
Дагомея — гос-во в Западной Африке на побережье Гвинейского залива. В 1890 — 1893 французы захватили Дагомею, которая была превращена в колонию (1893) и включена в состав Французской Западной Африки (1904). В 1960 стала независимым гос-вом. С 1975 носит название Бенин.
Дамбартон (Дамбартоншир) — округ в Западной Шотландии с одноименным центром г. Дамбартон (Великобритания).
Данциг (ныне Гданьск) — г. и порт в Польше. С 1793 по 1918 был под властью Пруссии. С 1871 — в составе Германской империи. По Версальскому договору с 1919 — Вольный город Данциг под управлением Лиги наций. В 1939 — захвачен Германией, в 1945 — возвращен Польше.
Дарфур — султанат, возникший в начале XVI в. на современной территории Республики Судан. Этническую основу его составляли фуры. В 1874 султанат был присоединен к Судану, бывшему в то время египетским владением. В 1898 добился формальной независимости. В 1916 присоединен к Англо-Египетскому Судану и прекратил самостоятельное существование. Ныне Дарфур — одна из провинций Судана.
Девоншир — одно из юго-зап. графств Англии на п-ове Корнуэлл. Адм. центр — г. Эксетер (Великобритания).
Делагоа — залив, одна из лучших гаваней Индийского океана у юго-вост. берегов Африки. Залив был открыт еще экспедицией Васко да Гамы. Здесь начались контакты европейцев с местными жителями. Португальцы в начале XVI в. выстроили форт Лоренсу-Маркиш (ныне Мапуту) — гл. г. и порт Мозамбика.
Джебель-Нуба — горная обл. около горы Нуба в провинции Южный Кордофан (Судан, Восточная Африка).
Дилин — оз. на склонах горы Сноудан в Уэльсе (Великобритания).
Дофине — ист. обл. на юго-вост. Франции, в Альпах и долине Роны. Территория Дофине соответствует департаментам Изер, Дром, Верхние Альпы. В течение неск. веков была уделом наследников французского престола, которые носили титулы дофинов.
Ду — департамент на вост. Франции, в горах Юры. Адм. центр — г. Безансон. Назван по одноименной реке, протекающей через него.
Дуэ — г. на сев. Франции в департаменте Нор.
Дэнджер (Дейнджер), о. (атолл Пукапука) — один из трех о-вов, образующих группу Манихики на юге Тихого океана (10°55' ю. ш., 165°51' в. д.). Население — полинезийцы. Управляется новозеландской адм. о-вов Кука.
505
Золотой Берег — побережье Гвинейского залива от устья р. Вольта на вост. до устья р. Тано на зап. Название дано португальцами в XV в. в связи с нахождением месторождений золота. Так называлась впоследствии (с XIX в.) британская колония. Ныне входит в состав гос-ва Гана (с 1957).
Зулуленд — крупн. африканский резерват в провинции Наталь в ЮАР. В XIX в. был независимым гос-вом, воевавшим с английскими войсками.
Иезо (Иессо, а также *Эдзо, Мацнай)* — самый сев. из японских о-вов. С 1868 называется Хоккайдо.

Иль-де-Франс, т. е. о. Франции, — ист. обл. Франции по среднему течению рек Сены и Луары с г. Парижем, вокруг которого ист. происходило объединение Франции. На территории Иль-де-Франс находятся ныне департаменты Париж, Ивелин, Эссонн, Верхняя Сена, Сен-Сен-Дени, Валь-де Марн, Валь-д'Уаз, Уаза, частично — Сена и Марна и Эна.

Инвернесс — округ на сев. -зап. Шотландии с одноименным центром, входит в состав адм. р-на Хайленд (Великобритания).

Кавирондо — залив на сев. -вост. оз. Виктория (Африка). Окружающая территория принадлежит Кении и населена народами, принадлежащими к семьям банту и нилотской.

Кадис — г. и порт на юге Испании, на побережье Атлантического океана. Адм. центр одноименной провинции в Андалусии. Древняя финикийская колония Гадес (библейское Таршиш), находился последовательно под властью Карфагена, римлян, вестготов. С 1262 — под властью Кастилии, в составе которой вошел в Испанию.

Кадьяк (Кодьяк) — о. у южн. берегов Аляски. Коренное население — эскимосы. О. был открыт русским мореходом С. Глотовым. До 1867 принадлежал России, с 1867 — США.

Казанская губерния — одна из адм. единиц царской России. Охватывала (с 1802) р-он слияния Камы с Волгой, гл. г. — Казань. Занимала в основном территорию нынешних Татарстана, Мари Эл, Чувашии. Население смешанное: русские, татары, чуваши, марийцы, мордва, удмурты.

Кай — группа о-вов в Арафурском море к юго-зап. от Новой Гвинеи. Принадлежит Индонезии.

Калабар (вернее, *Олд Калабар* — *Старый Калабар* или *Дьюк-Таун)* — г. в Нигерии на побережье залива Биафра, центр штата Кросс-Ривер; территория вокруг этого г. издавна носила то же название, как и местное население.

Каликут (Каликат) — древний г. и порт в штате Керала (Индия). Здесь в 1498 высадился Васко да Гама. Ныне называется Кожикоде.

506

Камбоджа — прежнее название Кампучии, гос-во в Юго-Восточной Азии.

Камерун (Федеративная Республика Камерун) — с конца XIX в. — колония Германии. После Первой мировой войны стал подмандатной территорией: Восточный — Франции, Западный — Англии. С 1 января 1960 Французский Камерун провозглашен независимой Республикой Камерун. В 1961 часть Западного (Английского) Камеруна вошла в состав Республики Камерун, а часть — в состав Нигерии.

Кангра — горная обл. в Гималаях, округ штата Химачал-Прадеш (Индия).

Кантабрийское побережье — сев. побережье Испании.

Каринтия (Корушка) — ист. обл. в Центральной Европе в бассейне р. Драва. Во второй пол. XIX в. — земля Австрийской империи. Ныне ч. Каринтии — одноименная провинция Австрии, ч. Каринтии (Канальская долина) принадлежит Италии.

Карпатос — о. в Эгейском море в группе Додеканесских о-вов, между Критом и Родосом. Принадлежит Греции.

Карпантра — г. во французском департаменте Воклюз (Южная Франция).

Карпентария залив — залив Арафурского моря у сев. берегов Австралии, между п-овами Кейп-Йорк и Арнемленд.

Квинсленд — штат Австралийского Союза. Занимает сев. -вост. ч. материка, примыкает к Тихому океану и заливу Карпентария. Столица — г. Брисбен.

Кембриджшир — графство на вост. Англии, в бассейне р. Уз. Гл. г. — Кембридж (Великобритания).

Кения — гос-во в Восточной Африке. С конца XIX в. входила в состав британского протектората. С 1920 — британская колония. С 1963 — независимое гос-во. В 1964 провозглашена республикой.

Кент — графство в юго-вост. Англии на побережье Па-де-Кале. Адм. центр — г. Мейдстон (Великобритания).

Киваи — о. в устье р. Флай, у южн. побережья Новой Гвинеи. Принадлежит гос-ву Папуа-Новая Гвинея. Населен одноименной племенной группой.

Киферон — лесистый горный массив на границе Беотии и Аттики, ист. обл. Греции. В древности место беотийского святилища — киферонского Зевса. Место действия ряда событий, нашедших отражение в древнегреческой мифологии.

Коллобриер — деревня в департаменте Вар на юго-зап. Франции, к сев. -вост. от Тулона.

Комманьи — местность во Франции, известная своим средневековым монастырем.

Комменж — графство на юге Франции, сложилось в IX в. Его

507

территория входит ныне в состав департаментов Верхняя Гаронна, Арьеж и Жер.

Корнуолл (Корнуэльс) — графство на юго-зал. Англии. До конца XVIII в. сохранял остатки кельтского населения и особого корнуэльского (кельтского) языка (Великобритания).

Королевы Шарлотты о-ва — труппа о-вов у зап. берега Канады. Входят в состав провинции Британская Колумбия (Канада). Открыты в 1774 испанской экспедицией Х. Переса.

Коста-Рика — республика в Центральной Америке, испанское владение с начала XVI в. Независимость провозглашена в 1821. Окончательная самостоятельность Коста-Рики определилась в 1838.

Кохинхина — в европейской лит-ре название южн. ч. вьетнамского гос-ва Дайвьет (XVI в.) и районов Дайвьета (XVII — XVIII вв.), находившихся под властью династии Нгуенов. Также европейское название всего Вьетнама в 1-й пол. XIX в. и южных областей Вьетнама после захвата этих областей Францией в 1862 — 1867 и превращения их во французскую колонию. Территория этой обл. именуется ныне Намбо.

Курляндия (Курземе) — ист. и этн. обл. Западной Латвии с городами Либава и Елгава. В средние века — ч. владений Ливонского ордена. С 1561 — вассальное герцогство, зависимое от Польши. С начала XVIII в. — в фактической зависимости от России, а в 1795 — присоединена к ней. С 1918 — в составе Латвии.

Лагос — столица Нигерии и одноименного нигерийского штата. Расположен на о. у побережья залива Бенина Атлантического океана.

Ландак — р. в Индонезии в западной части о. Калимантан (бывший Борнео).

Лапландия — территория на севере Норвегии, Швеции, Финляндии и в западной ч. Мурманской обл., являющаяся основным р-ом расселения саамов (лопари, лапландцы).

Леруик — гл. г. островной территории Шетленд (Шотландия), расположен на о. Мейнленд, входящем в состав Шетлендских о-вов (Великобритания).

Лети Сарпатья — группа о-вов в море Банда к вост. от о. Тимор. Принадлежит Индонезии.

Литва русская — та ч. земель, населенных литовскими племенами, которая с 1795 оказалась в составе Российской империи. Ныне образует большую ч. Литвы.

Лоанго — средневековое гос-во на территории совр. Конго в р-не г. Пуэнт-Куар. Являлось вассалом гос-ва Конго. Территория в 1882 была захвачена французами.

Локоджа — г. в штате Квара, в республике Нигерия (Африка), расположен в низовьях Нигера при впадении р. Бенуэ.

Ломбок — о-в в составе Малых Зондских о-вов между о-вами

508

Бали и Сумбават. С сев. омывается морем Бали, с юга - водами Индийского океана. Является ч. Индонезии.

Лотарингия — ист. обл. в Западной Европе. Название получила при разделе владений императора Лотаря I при распаде франкского гос-ва по имени его сына и первого своего короля Лотаря II (855-869). Л. занимала территорию по среднему и нижнему течению р. Рейн. С XII в. наименование Л. сохранилось за сравнительно небольшой территорией в бассейне Мааса и Мозеля. Окончательно вошла в состав Франции в 1766 на правах особой провинции. В 1871 — 1918 была присоединена к Германии. С 1919 — снова в составе Франции. Л. ныне охватывает территорию департаментов Мозель, Мерт, Мез, Вогезы. Гл. города — Нанси и Мец. Население Л. — французы.

Лохалин — нас. пункт, местность в Западной Шотландии, округ Аргайл, р-н Хайленд, на берегу пролива Малл (Великобритания).

Лоялти (ныне *Луайоте)* — группа коралловых о-вов и рифов в Тихом океане (Меланезия), в 100 км от Новой Каледонии (владение Франции), в состав которой она входит.

Луксор — г. в губернаторстве Кена в Верхнем Египте, в среднем течении Нила. Знаменитый храм в Л. построен в XV—XIII вв. до н. э.

Лусон — крупнейший о. Филиппинского арх. между Южно-Китайским и Филиппинским морями Тихого океана. На о. Л. находится офиц. столица Филиппин Кесон-Сити и крупнейший город Филиппин — Манила. Население Л. многонационально: тагалы, илоки, бинолы, различные горные племена.

Лябрюгьер — г., центр одноименной коммуны в департаменте Тарн на юге Франции.

Магдебург — г. в ФРГ. С 1680 — г. во владении Бранденбурга, Пруссии, позднее Германии.

Магнесия — древнегреч. г. в Кирии (обл. в Малой Азии), колония эолийцев на р. Меандр. Переходившая из рук в руки в течение веков, М. очутилась в конце концов под властью Рима.

Мадура — о. в Малайском арх. близ сев. -вост. берегов Явы, между морями Бали и Яванским.

Принадлежит Индонезии. Население — мадурцы.

Мадагаскар — о. в Индийском океане, к вост. от Африки, составляет осн. ч. Демократической Республики Мадагаскар. Осн. население — малагасийцы.

Мазурия — обл. нынешней Польши, населенная мазурами, этн. группой польского народа. В течение нескольких веков (до 1945) была под властью немцев и входила в состав Восточной Пруссии, провинции прусского гос-ва, затем в состав Германии. Ныне ч. Ольштынского и Белостокского воеводств.

509

Майенн — департамент на сев. -зап. Франции, в бассейне р. Майенн. Адм. центр — г. Лаваль.

Малайя — страна на п-ове Малакка в Юго-Восточной Азии. Ее территория на континенте Азии составляет зап. ч. гос-ва Федерации Малайзии. Национальный состав — малайцы, китайцы, индийцы, тамилы и др.

Малмы — г. Вятской губ. на р. Шошне, центр одноименного уезда. Население уезда — русские, удмурты, вотяки, татары, марийцы. Ныне р-ный центр Кировской обл.

Малороссия — прежнее офиц. название Украины. Малороссы — прежнее офиц. название украинцев.

Мальдивские о-ва — арх. Коралловых о-вов в Индийском океане к юго-зап. от Индостанского п-ова. На М. о-вах располагается гос-во Мальдивы (Мальдивская Республика). Население — мальдивцы. Столица — г. Мале на одноименном атолле.

Манипур — штат (с 1972) на сев. -вост. Индии, у границы с Бирмой. Адм. центр — г. Импхал. Осн. население штата — манипури (мейтхеи), говорящие на языке тибето-бирманской группы. До образования независимой Индии (1947) — особое княжество на территории провинции Ассам под контролем британской адм.

Маркизские о-ва — арх. в центр. ч. Тихого океана, в Полинезии. Владения Франции (Заморская территория). Адм. центр — Тапохаэ. Население — полинезийцы. М. о-ва открыты в 1595 испанским мореплавателем де Нейра и названы в честь вице-короля Перу маркиза Мендосы. Американское их название — о-ва Вашингтона.

Машоналенд — территория, на кот. жили племена негритянского народа машона, принадлежавшего к семье банту. В наст. время этот народ составляет большую ч. населения Зимбабве и значительную ч. населения Мозамбика. В прежнее время расселение машона было шире.

Мекленбург — ист. обл. на территории ФРГ. С 1348 — самостоятельное герцогство в составе Священной Римской империи. Впоследствии две ч. М. (раздел с 1621) были великими герцогствами (с 1815), республиками (1918), с 1934 — единая земля М., с 1949 — в составе ГДР. С 1991 г. в составе единой Германии.

Меланезия — одна из осн. ч. Океании, охватывающая ряд арх. и о-вов в юго-зап. ч. Тихого океана. Основные о-ва и группы: Новая Гвинея, Бисмарка, арх. Соломоновы острова, Новые Гебриды, Новая Каледония, Фиджи. Ряд арх. и о-вов входят в состав владений Великобритании, Франции и Австралии, некоторые территории — независимые гос-ва: Папуа-Новая Гвинея, Фиджи, Новые Гебриды и др. Коренное население — папуасы и меланезийцы. Много индийцев и французов (Vs населения Новой Каледонии).

510

Минахаса - сев. п-ов о. Сулавеси (Целебес), входящий в состав провинции Северный Сулавеси. Ч. о-ва населяет народ минахасы, территория носит то же название (Индонезия).

Мингрелия (Мегрения) — ист. обл. Западной Грузии. С XVI в. — княжество. С 1802 — вассальное княжество России. Прекратило существование в 1867. Территория вошла в состав Кутаисской губ.

Минданао — второй по величине о. Филиппинского арх., расположен на юге его, составная ч. гос-ва Филиппины. Население разнообразно как в национальном, так и в религиозном отн.

Миттельмарк — ч. ист. германской обл. Бранденбург, между Пригницем и Магдебургом на зап., Укермарком на сев. и Неймарком на вост. Находится на территории ФРГ.

Молуккские о-ва — группа о-вов в вост. ч. Малайского арх., между о-вами Сулавеси и Новая Гвинея. Принадлежат Индонезии.

Момбаса — г. в Кении на о. у Африканского побережья. Важный центр торговли и порт с XVI в. Являлся объектом борьбы португальцев и арабов в течение XV (с прибытием сюда Васко да Гамы в 1497) — XIX вв. В 1830 — 1880 был под властью султана Занзибара. С 1880 — под властью Британии. С 1920 — в составе Кении.

Мэн — о. в Ирландском море. Является особым владением британской короны. Имеет свое особое

управление и законодательный орган (парламент).
Наварра — ист. обл. в Европе. В средние века — самостоятельное королевство по обе стороны Пиренеев с баскским населением. Южн. ч. Наварры была завоевана в 1512 Фердинандом Арагонским и входит в состав Испании как одноименная провинция с центром в Памплоне. Сев. -вост. ч. Наварры с 1589 стала ч. Франции и теперь входит в состав департамента Нижние Пиренеи.
Нанумеа — атолл в сев. ч. о-вов Тувалу (до 1975 о-ва Эллиса), Полинезия, экваториальная ч. Тихого океана. С 1892 был в составе английской колонии о-вов Гилберта и Эллиса, 1975—1978 — колония Тувалу. С 1978 — ч. независимого гос-ва Тувалу.
Невольничий Берег — ч. Гвинейского побережья Африки между устьями рек Нигера и Вольты. В течение многих веков центр работорговли европейцев. Ныне входит в состав прибрежных ч. африканских гос-в Гана, Того, Бенин, Нигерия.
Нейзасс — провинция Германской империи до 1918. Ныне — в составе Польши.
Немецкая Новая Гвинея — протекторат Германии над сев. -вост. ч. Новой Гвинеи с конца XIX в. до 1920, когда была передана по мандату Австралии. Ныне входит в состав независимого гос-ва Папуа-Новая Гвинея.
Нерех — г., с 1778 в Костромской губ. Центр одноименного уезда. Ныне р-ный центр Костромской обл.
511
Ниас — о. около западного берега Суматры в Индийском океане, принадлежит Индонезии.
Нигерия — одно из крупнейших гос-в Африки. Столица — г. Лагос.
Нилгири (Голубые горы) — горы в штате Мадрас на юге Индии.
Новая Британия — крупнейший о. в арх. Бисмарка в Тихом океане, к вост. от Новой Гвинеи. Принадлежит гос-ву Папуа-Новая Гвинея. Гл. г. — Рабаул.
Новая Гвинея — второй по величине о. мира в Тихом океане, к северу от Австралии, отделенный от нее проливом Торреса. Омывается на юге Арафурским и Коралловым морями. Зап. ч. о. — провинция Индонезии Ириан; вост. — независимое гос-во Папуа-Новая Гвинея. Основное население о. — папуасы.
Новая Зеландия — гос-во в юго-зап. ч. Тихого океана. Занимает два крупных о-ва — Северный и Южный, разделенные проливом Кука, а также ряд мелких прибрежных о-вов и некот. арх. и о-ва Тихого океана. Коренное население — полинезийцы-маори и потомки переселенцев — англоновозеландцы европейского происхождения. Столица — г. Веллингтон.
Новая Ирландия — о. в Тихом океане, в арх. Бисмарка, к сев. -вост. от Новой Гвинеи. Гл. г. — Кавиенг. Коренное население — меланезийцы. Принадлежит Папуа-Новой Гвинее.
Новая Каледония — группа о-вов в юго-зап. ч. Тихого океана, в Меланезии. Владение Франции. Состоит из гл. одноименного о. и др. о-вов. Адм. центр — г. Нумеа. Коренное население — меланезийцы (примерно половина), остальные — французы, полинезийцы и др.
Новые Гебриды — арх. в юго-зап. ч. Тихого океана. Основное население — меланезийцы, имеются полинезийцы и европейцы. Адм. центр — г. Вила (на о. Эфате). С 1906 - англо-французский кондоминиум. В 1980 — провозглашена независимая республика Вануату.
Новый Южный Уэльс — первоначально английская колония в Австралии. С момента образования Австралийского Союза (1901) — штат на юго-вос. страны. Одна из наиболее развитых ч. страны. Адм. центр — г. Сидней. В пределах штата находится столица Австралийского Союза — г. Канберра.
Нортхемптоншир — графство в центр. ч. Англии, в бассейне. р. Нин. Адм. центр — г. Нортземптон (Великобритания).
Нуса Лаут — о. в группе Юлиасер, в море Банда. Принадлежит Индонезии.
Нью-Мексико — штат на юго-зап. США в бассейне р. Рио-Гранде. Граничит с Мексикой. Адм. центр — г. Санта-Фе. Территория штата, населенная индейцами, была в XVI в. завоевана испанцами. С 1821 вошла в состав Мексики. В 1846—1848 США захватили территорию штата. С 1912 Н. -М. — 47-й штат США.
512
Оксфордшир - графство в Англии, в бассейне р. Темзы. Адм. центр — г. Оксфорд, старинный универс. центр. (Великобритания).
Орисса — штат в Индии, в вост. ч. Индостанского п-ова, на берегу Бенгальского залива. Адм. центр — Бхубанешвар.
Осер — г. во французском департаменте Йонна, в Центральной Франции.
Ост-Индия, т. е. Восточная Индия, — термин, употреблявшийся в прошлом для обозначения

Индии и земель Юго-Восточной Азии, в противовес Западной Индии (Вест-Индии), т. е. Америке. Название Ост-Индия долго сохранялось в связи с деятельностью европейских ост-индских компаний (английской, голландской и французской).

Палау (Пелеу) — арх. в Тихом океане (Микронезия) в группе Каролинских о-вов, под опекой США. Адм. центр — г. Корор. Население — микронезийцы.

Парагвай — гос-во в центральной части Южной Америки, в бассейне рек Парагвай и Парана. Столица — г. Асунсьон. Осн. население — парагвайцы (потомки европейцев испанского происхождения) и индейцы-гуарани и др. В XVI в. территория П. была захвачена испанцами-иезуитами, которые образовали там практически независимое гос-во. Только в 1768 испанцам удалось восстановить в П. власть испанской короны. В 1811 была провозглашена независимость Парагвая.

Пассир — княжество на сев. берегу Суматры, существовавшее в XVI в.

Пембрукшир — бывшее графство в Великобритании (Уэльс). Адм. центр — Хаверфордуэст. По новому адм. делению (1974) вошло в состав нового графства Дивед.

Пензенская губ. — обр. в 1796 с центром в г. Пензе. В состав П. губ. (ее территория менялась) входили уезды Краснослободский, Нижнеломовский, Керенский, Наровчатский, Чембарский, Моншанский, Городищенский, Саранский, Инсарский и Пензенский. Население губ. — русские, татары, мордва, чуваши, мещеряки. Включала в себя территории совр. Пензенской обл. и Мордовия.

Персия — прежнее название Ирана.

Перт — округ в Шотландии, вошел в состав р-на Тейсайд. Адм. центр — г. Перт (Великобритания).

Пикардия — ист. обл. на сев. Франции. Гл. г. — Амьен. Входит в департаменты Эна, Сомма и Уаза.

Пинская обл. — округа белорусского г. Пинска, бывш. уездного центра, ныне центра Пинского р-на Брестской обл.

Понапе — о. в Тихом океане, в группе о-вов Сенявина, арх. Каролинских о-вов (Микронезия). Под опекой США.

513

Посо — г. и р-н в Центральной Сулавеси, в устье одноименной реки и на берегу одноименного залива. О. Сулавеси (Целебес) принадлежит Индонезии.

Пруссия — германское гос-во, образовавшееся на базе курфюршества Бранденбург (со столицей Берлин) и герцогства Прусского (1618). В 1701 стало королевством. Вследствие территориального роста П. в XVII —XVIII вв. она стала самым крупным гос-вом в Северной Германии. После победы в войнах против Дании, Австрии, Франции П. стала во главе Германской империи (1871). После революции 1918 П. республика — одна из земель Веймарской и фашистской Германии. 25 февраля 1947 Контрольный совет в Германии принял закон о ликвидации прусского гос-ва. Ныне бывшие владения П. входят в состав ФРГ.

Пютанж — деревня (коммуна) в департаменте Орн, на р. Орн на сев. -зап. Франции.

Раротонга — о. в группе о-вов Кука, открыт в 1823 Джо Вильямсом.

Рук (Умбой) — о. между Новой Гвинеей и Новой Британией, в арх. Бисмарка. Принадлежит Папуа-Новой Гвинее.

Рюген — о. в Балтийском море на сев. ФРГ.

Сагами — залив на вост. побережье о. Хонсю (Япония).

Саксен-Кобург-Гота — герцогство в составе Германской империи. Состояло из двух частей: Северной — Гота и Южной — Кобург.

Саксония — ист. обл. Германии.

Сандвичевы о-ва — прежнее название Гавайских о-вов в Тихом океане, ныне штат Гавайи (США).

Сапаруа — о. к югу от о. Серам в море Банда. Принадлежит Индонезии.

Саравак — штат в Малайзии, на сев. -зап. о. Калимантан (Борнео). Адм. центр г. Кучинг. До 1963 — британская колония. С 1965 — в составе Малайзии.

Сатерленд — бывш. графство в Шотландии. Адм. центр — Голспи. С 1975 б. ч. графства стала округом того же названия в адм. р-не Хайленд (Великобритания).

Свазиленд — королевство на юге Африки. Граничит с ЮАР и Мозамбиком. Столица — г. Мбабане. Население — народы группы банту, свази и зулу. Размеры С. (т. е. земли свази) в XIX в. были больше, чем теперь, примерно в три раза; кроме того, в начале XIX в. территория С. находилась южнее.

Селангор — штат в Малайзии, на зап. побережье п-ова Малакка. Адм. центр — г. Куала-Лумпур.

Селен — г. в Норвегии, в области Хедмарк.

514

Сенегал — р. в Западной Африке (Гвинейская Республика, Мали, Сенегал, Мавритания). В нижнем течении р. расположено гос-во С. со столицей Дакар. С. — независимое гос-во с 1960. До этого — французская колония в составе французской Западной Африки. С 1951 — автономное гос-во в составе Французского сообщества.

Сенегамбия — территория в Западной Африке, между р. Сенегал на сев. и р. Гамбией на юге. Входит в состав республик Сенегал (б. французской колонии) и Гамбит (б. англ. колонии и протектората).

Санкт-Галлен — кантон на сев. -вост. Швейцарии с одноименным центром — г. С. -Г. Население — немецкоязычные швейцарцы.

Сиам — прежнее назв. азиатского гос-ва Таиланд.

Сикким — страна и штат в составе Индии. Тибетское княжество XVI — XVIII вв. С. попал под протекторат Великобритании в 1861. В 1949 установлен протекторат Индии над княжеством. С мая 1975 — 22-й штат в составе Индии.

Симбирская губ. — обр. в 1850. Занимала территории нынешней Ульяновской, частично Саратовской областей и Татарстана, Чувашии, Мордовии. Население — русские, татары, чуваши, мордва. Центр — г. Симбирск (ныне Ульяновск).

Ски — нас. пункт в фюльке (обл.) Опланн (Норвегия).

Сноудон — гора, высшая точка Уэльса (Великобритания).

Соест (Зост) — г. в ФРГ, в земле Северный Рейн-Вестфалия, между Дортмундом и Липпштадтом.

Соломоновы о-ва — арх. в Тихом океане, в Меланезии, к вост. от о. Новая Гвинея. Сев. ч. арх. (о. Бугенвиль и др.) входит в состав гос-ва Папуа-Новая Гвинея, остальная ч. арх. — независимое гос-во с 7 июля 1978 (до этого британский протекторат). Столица — Хониара (на о. Гуадал-Канал). Основное население — меланезийцы.

Солсетт — о. у зап. берега Индостанского п-ова, на котором расположена ч. г. Бомбея. Связан с главной ч. Бомбея (на о. Бомбей) мостом. Входит в состав штата Махараштра (Индия).

Софала — местность и г. на побережье Юго-Восточной Африки, южнее низовья р. Замбези, на территории совр. Мозамбика. Город на берегу одноименного зал. был основан арабами в конце X в.

Старый Калабар (Дьюк-Таун) - г. в Нигерии на побережье зал. Биафра, центр штата Кросс-Ривер. Территория вокруг этого г. издавна носила то же название.

Суматра — о. в зап. ч. Малайского арх. в группе Больших Зондских о-вов. Территория Индонезии.

Сунда (то же, что *Пасундан)* — зап. гористая ч. о. Ява, где живут сунды (сунданцы).

Суринам — гос-во на сев. Южной Америки, на Гвианском плоскогорье. Столица — Парамарибо, население смешанное: выходцы

515

из Индии, креолы, индонезийцы, китайцы, негры, европейцы, потомки беглых рабов и т. д. С 1667 (с перерывами) — голландская колония. С 1975 — независимое государство.

Суррей (Сарри) — графство в Англии (Великобритания) у юго-зап. границы территории Большого Лондона. Адм. центр — Гилфорд.

Суссекс (Сассекс) — Восточный и Западный, два английских графства (Великобритания) у пролива Ла-манш. Адм. центры — Льюш и Чичестер.

Суффолк (Саффолк) — графство на юго-вост. Англии (Великобритания).

Сэддл (Валуа) — о. в Тихом океане (Меланезия), в группе о-вов Банкс. Входит в состав гос-ва Вануату.

Сьерра-Леоне — гос-во в Западной Африке на берегу Атлантического океана. Столица — Фритаун. До 1961 — английская колония и протекторат. С 1961 — независимое гос-во.

Тайан — о. у берегов о. Калимантана (Борнео), принадлежит Индонезии.

Танна — о., входящий в состав арх. Новые Гебриды в Тихом океане (Меланезия), независимое гос-во Вануату с 1980. До этого франко-английский кондоминиум.

Тверская губ. — обр. в 1796 с центром в г. Твери. В значительной ч. своей совпадает с территорией нынешней Тверской обл.

Тимор-Лаут — группа о-вов в Малайском арх., принадлежит Индонезии.

Тимор — о. в Малайском арх., самый крупный из Малых Зондских о-вов. Зап. ч. Т. входит в состав

Индонезии. Вост. ч. Т. и небольшой участок Зап. Тимора с XVI в. — колония Португалии. После ликвидации фашистского режима в Португалии (1974) Индонезия оккупировала бывшие португальские владения. Револ. фронт за независимый Восточный Тимор (ФРЕТИЛИН) провозгласил Восточный Тимор независимым гос-вом.

Тироль — ист. обл. в Европе, в Альпах. Часть Т. к югу от Бреннера входит в состав Италии (с 1948 — а. о. Трентино-Альмо Аддидизе), Северный Тироль — земля на зап. Австрии. Адм. центр — г. Инсбрук.

Того — гос-во в Западной Африке, на побережье Гвинейского залива. Столица — Ломе. С конца XIX в. Т. оказалось колонией Германии. После Первой мировой войны Великобритания и Франция поделили Т. между собой. В 1956 Британское Т. присоединилось к английской колонии Золотой Берег, а с 1957 стало ч. независимого гос-ва Гана. Французское Того с 1960 — независимая республика Т.

Тонга (о-ва Дружбы) — арх. в юго-зап. ч. Тихого океана (Полинезия). Населены полинезийским народом — тонганцами. На

516

о. Тонгатапу располагается столица королевства Тонга — г. Нукуалофа.

Тонкин — назв. сев. ч. Вьетнама после завоевания его в 1884 французскими колонизаторами (протекторат Тонкин). После образования ДРВ (1945) территория Т. именуется Бакбо.

Трансильвания — ист. обл. на сев. Румынии со смешанным румынским, венгерским и немецким населением. Находилась в составе венгерского гос-ва, с 1541 образовалось относительно самостоятельное Т. княжество, признавшее сюзеренитет турецкого султана. В 1687 войска Габсбургов оккупировали Т. Впоследствии Т. входила в венгерскую половину габсбургского гос-ва. В 1918 Т. воссоединилась в Румынией.

Триполи (Триполитания) — ист. обл. в Ливии с гл. г. Триполи. С VII в. — арабская страна. С XVI в. была под властью иноземного владычества турок, итальянцев. С 1951 — в составе независимого ливийского гос-ва. В 1963 упразднена как адм. единица. Ныне существует небольшое губернаторство с одноименным центром — г. Т.

Тумлео — о. у берегов Новой Гвинеи.

Тюрингия — ист. обл. в ФРГ. До 1918 на ее территории существовало множество различных феодальных княжеств. В 1918 княжества были упразднены и образована земля Т. с гл. г. Веймаром.

Уганда — гос-во в Восточной Африке. Столица — г. Кампала. Обл. Уганды, находящаяся в р-не межозерья, имела на своей территории ряд раннефеодальных государств; подпавших, однако, в конце XIX в. под британский протекторат. В 1962 народ У. добился независимости.

Улиасер — группа о-вов в море Банда. Принадлежит Индонезии.

Уорикшир — графство в центр, ч. Англии. Адм. центр — г. Уорик (Великобритания).

Уревера — местность на сев. о. Новая Зеландия. Там находится одноименный нац. парк.

Уса — о. в группе о-вов Луайоте (бывшее назв. Лоялти), входящих во французскую заморскую территорию Новая Каледония.

Уссукум — южн. берег оз. Виктория.

Учкурган — р-ый центр Наманганской обл. Узбекской респ.

Файф — бывш. графство в Шотландии. Адм. центр — Купар (Великобритания).

Биоко (Фернандо-По) — о. у зап. берега зал. Биафра. Принадлежит Экваториальной Гвинее (Африка).

Фиджи — арх. в юго-зап. ч. Тихого океана, на котором расположено гос-во Фиджи. Столица — г. Сува на о. Вити-Леву. Население смешанное — индийцы, фиджийцы, китайцы и т. д.

517

Филиппинские о-ва — арх. в зап. ч. Тихого океана, на котором расположено гос-во Филиппины. Столица — г. Кесон-Сити, фактический центр — г. Манила. Население Ф. составляют св. 90 коренных народностей и племен.

Филы — о. на р. Нил, к югу от Элефантины (ныне Джизирей-эль-Бирбэ).

Формоза — португальское название китайского о. Тайвань.

Франш-Конте — ист. обл. на вост. Франции. Территория Ф. -К. охватывает департаменты Ду, Верхняя Сена, Юра, территорию Бельфор. Гл. г. — Безансон. Обл. получила статус графства в X в. Была объектом борьбы Франции и Германии, закреплена за Францией Нимвегенским миром (1678). Во время Великой французской революции была разделена на департаменты.

Хартфордшир — графство в Англии (Великобритания) к сев. от Большого Лондона. Адм. центр —

Хартфорд.
Целебес — прежнее назв. о. Сулавеси, одного из Больших Зондских о-вов Малайского арх. Принадлежит Индонезии.
Чешир — графство в Англии (Великобритания). Адм. центр — г. Честер.
Читтагонг — г. в Бангладеш на р. Карнапхули. Адм. центр обл. и округа Ч.
Шамбери — г. на юго-вост. Франции в Савойских Альпах. Адм.. центр департамента — Савойя.
Швабия — средневековое германское герцогство, затем ист. обл. в Юго-Западной Германии. Ныне Швабией называют территорию земли Вюртемберг-Баден в ФРГ.
Шеба (Саба) — назв. древнего племенного союза сабеев и их гос-ва, существовавшего в Южной Аравии на территории нынешней Йеменской Арабской Республики с X в. до н. э. по IV в. н. э.
Шетленд — остр. территория, входящая в состав Шотландии (Великобритания). Состоит из арх Шетлендских о-вов (св. 100 о-вов) в сев-вост, ч. Атлантического океана.
Шлезвиг — ист. обл. в южн. ч. Ютландского п-ова, за которую шла упорная борьба между Данией и Германией. По итогам плебисцита 1920, сев. ч. Ш. перешла к Дании, южная — в составе земли Шлезвиг-Гольштейн (образована в 1949) в ФРГ.
Шропшир — бывш. графство в Великобритании с центром в г. Шрусбери. Реформой 1975 переименовано в графство Салоп.
Штеттин — бывшее немецкое назв. польского города Щецина — центра Щецинского воеводства.
Штирия — ист. обл. в Центральной Европе, в бассейне р. Мур. По Сен-Жерменскому мирному договору (1920) б. ч.
518
Ш. вошла в состав Австрии (земля Штирия), меньшая — Мари-бор — в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 — Югославия).
Эйзенах — г. в ФРГ.
Эрфурт — г. на р. Гера и одноименный округ в ФРГ. *Эссекс* — графство на юго-вост. Англии (Великобритания). Адм. центр — Челмсфорд.
Юра — департамент на вост. Франции, в горах Юра. Адм. центр — Лон-ле-Сонье.
Ютландия — п-ов в Европе, между Балтийским и Северным морями. Большая сев. ч. принадлежит Дании, южная, меньшая, — ФРГ.
Ява — о. в Малайском арх., в группе Больших Зондских о-вов. Осн. экономический и политический центр Индонезии, сосредоточивающий наибольшую ч. населения и экономического производства Индонезии. На Я. находится столица Индонезии — Джакарта.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аграрные обряды 16, 380, 385, 447-449, 486-492, 494-497
Анимализм см. Животных культ
Анимизм 82, 154, 162
Антропоморфизм 163, 173, 175 — 176
Антропофагия см. Каннибализм Береза в поверьях и обрядах 171, 177, 184
Беременность, связанные с ней суеверия 24, 34, 43, 46, 166, 175, 202, 324, 325
Бесплодие женщин, связанные с ним суеверия 43, 48, 165
Близнецы, суеверия о них 93 — 94, 189, 307
Богочеловек см. Человекобог Брак священный 17, 192 — 201, 208, 225, 478-480
Бык, вол, корова в обрядах и поверьях 19
Вакханалии 390, 462
Великой Матери культ 433, 461, 467-468, 471-473, 475
Весенние обряды 428 — 430
Весталки 17, 209, 223, 318 Ветер, магические обряды 76, 111-115
Вино в обрядах и поверьях 480
Вода, обрядовое значение 12, 90, 94-95, 106, 211
Вожди, предводители 67 — 68, 115-126, 149-151, 307, 345-349, 352
Воздержание половое как ритуальное требование 37 — 42, 50, 187, 191-192, 271, 286, 290-291, 294-299, 441 и др.
Война, связанные с ней запреты и требования 38 — 43, 284 — 292 и др.
Волк, его культ 328
Волосы в обрядах и поверьях 315-320
Воплощение бога см. Человеко-бог
Воскресение 319-320, 476-477, 494, 497
Вредоносная магия, «порча» 23-24, 59-60, 62-65, 77, 316, 325-327
Всех святых день, праздник 476
Геомантия 53—54
Геронтократия 116
Голова в поверьях и обрядах 287, 311-313
Гомеопатическая магия 21, 23 —33
Гроза в народных поверьях 108, 114, 217-221
Демоны см. Духи
Деревья (лес) в поверьях и обрядах 6, 10, 17, 131-132, 151-176, 194, 208, 217-221, 394-396, 462, 466-467
Деревья плодовые, связанные с ними суеверия и обряды 157, 275, 496
520
Детоубийство 392-393
«Дикари» см. «Первобытный человек»
Дождь, магические обряды 88 — 108, 118-121, 148-149, 163, 175, 178, 361-362
Друиды (жрецы) 151, 219, 228
Дуб в поверьях и обрядах 151, 165, 197, 202-207, 217-220, 223, 228-229
Духи злые, изгнание их 50, 73, 114-115 Душа человека 59, 159, 243-263, 306, 311, 329, 393-394
Души животных и растений 30—31, 291, 298 — 301
Жатвенные обряды см. Аграрные обряды
Железо в поверьях и обрядах 302-306
Женщины в обрядах 10—11, 37-39, 94, 99, 135, 167-168, 186-190, 267-268, 281-284, 335-336, 425-426
Жертвы, жертвоприношение 10— 12, 101-102, 110-111, 155-156, 200-201, 220-221, 259-260. См. также Первины, Человеческие жертвоприношения
Животных культ 17, 47 — 48, 100-101, 293-302
Жрецы 7-9, 17, 19, 74-75, 125-126, 228-229, 231 — 232, 263-266, 274-278
Загмук, праздник 376
Закеи, праздник 376
Запреты см. Табу
Земля, олицетворение 196—199 и др.

Змей, змея в поверьях и обрядах 101, 201, 300-301, 349-350
Знахари, знахарство 118, 122 — 123, 125-126, 146. См. также Лечебная магия
«Золотая ветвь» 10, 18
«Золотой век» 68
Зоолатрия см. Животных культ
Зубы в обрядах 55 — 57
Иванов день см. Солнцестояние летнее
Имена, связанные с ними поверья и запреты 329 — 352
Имитативная магия см. Гомеопатическая магия
Инициации, возрастные посвятительные обряды 49, 55 — 56, 258
Календарь 382, 473, 479, 487, 492-494
Камни в магических обрядах и в поверьях 49-50, 105, 106, 109, 130, 257
Каннибализм 479
Карнавал. См. Масленица
Колдуны 66-69, 74-75, 85-88, 116-126, 145-146
Кольцо в обрядах 328—329
Контагиозная магия 21 — 22, 55 — 66, 77
Коровы культ 462—493. См. также Быка культ
Короли см. Царь
«Король», «королева» обрядовые 178-183, 382
Костры обрядовые 169, 210 — 211
Кровь в обрядах и поверьях 61 — 63, 91-93, 131, 307-312, 397, 437, 465
Крокодил в поверьях 31, 200, 260, 482
Кузнецы 119
Купало, праздник 423
Купанье обрядовое 97, 98, 101, 199, 268, 291
521
Лес, роща священные см. Деревья
«Лето» обрядовое 413 — 417
Лечебная магия 27-29, 58-62, 125, 248, 326-328
Лошадь (конь, кобылица) в обрядах и поверьях 12—14
Луна в обрядах и поверьях 111 — 112, 486
Любовная магия 63, 256, 327
Людоедство см. Каннибализм Лягушка, жаба в обрядах 102, 180-181
Магия 20-126, 222, 426-430 и др. См. также Гомеопатическая магия, Контагиозная магия. Лечебная магия, Любовная магия. Промысловая магия, Вредоносная магия, Аграрные обряды
Маис в поверьях и обрядах 43, 380
Май, первое мая 166—172
Майское дерево 164, 166—174, 381, 396
Маски, ряжение 174-178, 396-400 и др.
Масленица 402-409
Матрилинейность 209, 211-213
Медведя культ 93, 299-300
Менструация, связанные с ней запреты и обычаи 281 — 284
Метеорологическая магия 85 — 115 и др.
Мистерии 195-197, 496
Мифология, низшая см. Низшая мифология Мифы и обряды 478 — 488
Нагота обрядовая 31, 42, 43, 91, 94, 99, 189, 268
Насекомые в обрядах и поверьях 54-55, 265-266 и др.
Наука и магия 69 —70 и др.
Обрезание ритуальное 92, 309 Овцы, бараны в обрядах 388
Огонь: обряды и культ 10—11, 90-91, 209, 223, 265
Одежда в магических обрядах 53, 62-63 и др. Одержимость 1126-147, 389-390 и др.
Олимпийские игры 214
Оружие в обрядах и поверьях 60-62, 306-307
Отражение в воде, в зеркале, связанные с ним суеверия 260-262
Охотничьи обряды, промысловая магия 29-32, 36, 293-301

Очистительные обряды 11, 263 — 268, 269-291 и др.
Папоротник в поверьях и обычаях 315
Паук в верованиях и обрядах 47
Пахота обрядовая 99, 380, 495. См. также Аграрные обряды
«Первобытный человек» 19 — 20, 34, 67-68, 79-82, 302, 352-355
Переселение душ 142—143, 392 — 394 и др. См: также Душа человека
Пиво в обрядах 90-91, 167, 220-221, 480
Пища в магических обрядах 231, 268-273, 321-322
Пищевые запреты 33 — 34, 35, 176, 237, 272-273, 275-276, 280, 321-322. См. также Пост, Табу
Плацента в обрядах 58—59
Плодородия культ, обряды 16, 17, 44-45, 49, 122-124, 186-201, 202. См. также Аграрные обряды
Пляски обрядовые 41 — 43, 136, 164, 178, 381 и др.
522
Погребальные обычаи 53, 251 — 252, 258, 277-278, 483-486 и др.
Покойники см. Умершие
Политеизм 162—163
Половой тотемизм см. Тотемизм
Пост 77. См. также Табу
Похищение души см. Душа
Предки, духи предков 100, 159 — 160. См. также Погребальные обычаи
Промискуитет обрядовый 170, 200, 462. См. также Вакханалии
Проституция религиозная 439 — 442
Процессии, шествия 104, 203 — 204, 266, 380-381, 398, 403-416, 465 и др.
Птицы в поверьях и обрядах 101, 105, 246
Пуповина в поверьях и обрядах 57-58
Растения в обрядах и поверьях 44, 174-176, 201, 420, 424-425, 446, 466
Религия 71-75, 76-77, 78-80
и др. Роды, рождение 10, 17, 24 — 26, 112, 175, 246-247, 282-284, 323-324
Рождество Христово 473 — 476
Рыболовство, связанные с ним запреты и обряды 293—294
Ряжение обрядовое см. Маски
«Сады Адониса» 452 — 459
Самооскопление религиозно-экстатическое 460—463
Сатурналии, праздник 210 — 211, 216
Святые в поверьях и обрядах 104, 107
Священные вожди, цари см. Жрецы, Цари
Симпатическая магия см. Магия, Гомеопатическая магия, Контагиозная магия
Смерть 26, 46, 53, 99-100, 159-160, 243, 338-345
«Смерть», изгнание ее 173, 402 — 403, 409-420
Сноп последний (или первый) 165
Собака в обрядах и поверьях 259
Солнечные боги 14, 230, 447
Солнце в поверьях и обрядах 40, 108-111, 168, 187-188, 473
Солнцестояние зимнее 473, 486
Солнцестояние летнее 210 — 211, 477, 486
Солярные культы и мифы см. Солнце
Сон, сновидения247 — 249, 261
Табу, табуация, запреты 30 — 42, 93-94, 229-239, 242, 258, 263-352
Тень, суеверия, связанные с ней 154, 257-260
Тотемизм 116-117
Троица, праздник 168, 180—184
Узлы магические 113, 322 — 328
Умершие, покойники 26 — 27, 45-46, 53, 99-100, 159, 278-281, 338-345
Умилостивительные обряды 49, 70-74, 293
Умирающие и воскресающие боги 355-356, 422-426, 430-431, 433-497. См. также Воскресение
Факелы 109
Фламины, жрецы 207 — 208, 237, 322

«Хлебный дух», «дух хлеба» 447-448, 466-467, 497
523
Христианские обряды 139, 457 — 458, 473-478
Цареубийство 355—379
Цари, монархи, короли 18 — 20, 86, 117-126, 138-139, 142-151, 211-216, 229-243, 274-278, 355-390
Человекобоги 122—151, 352 — 353, 356
Человеческие жертвоприношения 1162, 259, 355, 367-379, 382, 386-391, 449-450, 467-468, 469-470
Череп в обрядах 565, 567, 570, 587
Шаманы 122-123, 125, 264-265
Шум обрядовый 114, 204, 288-289 и др.
Экзогамия 209 Эпидемии 132 Эротические обряды 186 — 201

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции..... 3
Из предисловия автора к сокращенному изданию «Золотой ветви».. 7
Глава I. Диана и Вирбий..... 7
Глава II. Цари и жрецы..... 18
Глава III. Симпатическая магия..... 20
Глава IV. Магия и религия 69
Глава V. Магический контроль над погодой..... 85
Глава VI. Колдуны-правители..... 115
Глава VII. Воплощенные боги в образе людей 126
Глава VIII. Цари отдельных природных стихий..... 147
Глава IX. Поклонение деревьям 151
Глава X. Пережитки культа деревьев в современной Европе..... 166
Глава XI. Отношение полов и его влияние на растительность..... 186
Глава XII. Священный брак..... 192
Глава XIII. Цари Рима и Альбы..... 201
Глава XIV. Престолонаследние в древнем Лациуме..... 208
Глава XV. Поклонение дубу..... 217
Глава XVI. Дианус и Диана..... 221
Глава XVII. Бремя верховной власти.....229
Глава XVIII. Опасности, угрожающие душе..... 243
Глава XIX. Запретные действия 263
Глава XX. Табу на людей..... 274
Глава XXI. Табу на предметы..... 302
Глава XXII. Запретные слова..... 329
Глава XXIII. Наш долг по отношению к первобытному человеку... 352
Глава XXIV. Предание смерти божественного властителя.....355
Глава XXV. Временные цари..... 379
Глава XXVI. Принесение в жертву сына правителя..... 386
Глава XXVII. Наследование души..... 391
Глава XXVIII. Умерщвление духа дерева..... 394
Глава XXIX. Миф об Адонисе..... 431
Глава XXX. Адонис в Сирии..... 436
Глава XXXI. Адонис на острове Кипр 439
525
Глава XXXII. Ритуал Адониса..... 446
Глава XXXIII. «Сады Адониса»..... 453
Глава XXXIV. Миф об Аттисе и его ритуал 461
Глава XXXV. Аттис — бог растительности..... 467
Глава XXXVI. Человеческие воплощения Аттиса..... 469
Глава XXXVII. Восточные религии на Западе.....472
Глава XXXVIII. Миф об Осирисе..... 480
Глава XXXIX. Обрядовый цикл, связанный с Осирисом 488
Краткая географическая справка.....501
Предметный указатель 520

Джеймс Джордж Фрэзер
ЗОЛОТАЯ ВЕТВЬ
Исследование магии и религии Том 1
Редактор *О. Равданис*
Художественный редактор *И. Марев*
Технический редактор *Т. Фатюхина*
Корректор *Е. Викторова*
ЛР 071673 от 01. 06. 98 г. Изд. 0601197.
Подписано в печать 10. 08. 01 г.
Гарнитура Петербург. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.

Бумага офсетная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 27, 42. Уч. -изд. л. 31, 13.
Заказ № 0110150.
ТЕРРА— Книжный клуб. 113093, Москва, ул. Щипок, 2.
Оригинал-макет подготовлен ГП «Сервисэлектронполиграф».
Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Джеймс Джордж Фрэзер

Сканирование и форматирование: Янко Слава (Библиотека Fort/Da) slavaaa@lenta.ru || yanko_slava@yahoo.com || http://yanko.lib.ru || Icq# 75088656 || Библиотека: http://yanko.lib.ru/gum.html ||
update 18.10.05